

Графиня Головина

(съ портрета, нарисованнаго ею самой).

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СФИНКСЪ

„Историческая библіотека Сфинкса".

Т. I.

1911.

Мемуары графини Головиной

урожденной графини Голицыной

(1766—1821).

ПРЕДИСЛОВІЕ и ПРИМѢЧАНІЯ

К. Валишевскаго.

Полный переводъ съ французскаго

К. ПАПУДОГЛО.

Книгоиздательство „Сфинксъ“.

K-216/73
19585
40780
BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA
im. Jerzego Giedroycia w Białymstoku
FUW0265168

МОСКВА.
Типографія „РЕКОРДЪ“, Арбатъ, Б. Афанасьевскій, 32.
1911.

Предисловіе

К. Валишевскаго.

«Стоитъ ли ихъ издавать? Всѣ ихъ уже читали!»—шутливо замѣтилъ мнѣ одинъ изъ моихъ друзей, когда я при благосклонномъ содѣйствіи графа Шарля Ланскоронскаго, правнука автора *Мемуаровъ*, собирался приступить къ ихъ изданію.

Конечно, это простая шутка, но тѣмъ не менѣе въ ней сказалась черта, предоставляющая произведенію графини Головиной среди массы подобныхъ документовъ отдѣльное мѣсто.

Въ ту эпоху, когда запрещенная литература заимствовала у свободной печати ея способы пропаганды, предлагаемыя *Мемуары* получили широкое распространеніе гораздо раньше настоящаго изданія, въ которомъ я съ большимъ удовольствіемъ принимаю дѣятельное участіе.

Я не говорю о русскомъ переводѣ г. Шумигорскаго, появившемся въ 1900 г. и многочисленныя сокращенія котораго объясняются строгостью цензурныхъ правилъ, въ настоящее время не дѣйствительныхъ. Оригиналъ былъ написанъ по-французски, и мнѣ было возможно возстановить текстъ въ его полной неприкосновенности.

Я также не имѣю въ виду безчисленныхъ извлеченій, напечатанныхъ въ различныхъ сборникахъ въ Россіи, во Франціи и въ другихъ странахъ.

Еще въ рукописи *Мемуары*, переходя послѣ ихъ написанія изъ рукъ въ руки, породили многочисленныя копіи.

Лично у меня было пять такихъ копій изъ различныхъ источниковъ.

Уже одинъ этотъ фактъ широкаго распространенія, ранѣе появленія въ печати, свидѣтельствуетъ о исключительной цѣнности, ко-

торую приписывали этому документу. Различныя причины еще болѣе увеличиваютъ означенную цѣнность.

И прежде всего то, что *Мемуары* были написаны не только по просьбѣ, но даже, въ нѣкоторой своей части, при сотрудничествѣ одной высокой особы, которую одна историческая работа, недавно вышедшая въ свѣтъ, вывела изъ того скромнаго полумрака, въ которомъ она до сихъ поръ находилась. Убѣждая графиню Головину заняться въ свободное время составленіемъ мемуаровъ, императрица Елизавета, супруга Александра I, предложила не только руководить своими совѣтами, но и документировать эти *Мемуары*. Какъ видно изъ появившихся томовъ очень интереснаго труда Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михайловича *), Императрица Елизавета Алексѣевна, добровольно отходя на второй планъ среди великихъ событій ея времени, въ то же время не оставалась ни равнодушной, ни чуждой къ нимъ. Въ моихъ рукахъ находятся документы, которые я надѣюсь когда-нибудь издать, какъ въ высшей степени поучительные не столько для исторіи Россіи, сколько для Франціи, и въ нихъ мы видимъ, что Государыня вела переписку, не лишенную политическаго значенія, обнаруживая большую проницательность.

Лично не находясь въ этой сферѣ дѣйствія, Головина была только ея эхомъ. Поэтому, такъ какъ перемѣнившіяся отношенія двора удалили ее отъ такого драгоцѣннаго источника свѣдѣній, послѣдняя часть *Мемуаровъ*, существенно пострадавъ отъ этого, почти всецѣло входитъ въ область личной біографіи, все-таки не лишаясь извѣстной прелести и интереса.

Дворъ Екатерины II, царствованія Павла I и Александра I сгруппировали около трона много выдающихся женскихъ образовъ, обольстительныхъ и привлекательныхъ по различнымъ причинамъ. Въ этой блестящей плеядѣ Варвара Николаевна заняла совершенно отдѣльное мѣсто благодаря своимъ качествамъ и даже недостаткамъ, придававшимъ ей плѣнительную оригинальность. Находясь въ кругу лицъ, близкихъ Екатеринѣ, графиня Головина питала къ Великой Государынѣ чувства безграничной преданности и восхищенія, получая отъ нея

*) Императрица Елизавета, супруга Александра I, т. I и II, Парижъ и С.-Петербургъ. 1908 и 1909 гг. См. т. II, стр. 233, 440 и слѣд. 462.

также постоянно взамѣнъ свидѣтельства чрезвычайнаго довѣрія и любви. Но въ то же время она не раздѣляла ни одной ея слабости; вліяніе окружавшихъ Екатерину людей, обаятельной и развращающей среды, не имѣло на нее никакого дѣйствія, и ни на одну минуту она не потеряла чистоту своей совѣсти и независимость сужденій.

Поэтому, по отношенію событій, проходившихъ передъ ея глазами, она является свидѣтелемъ большой цѣнности. Она на все смотрѣла яснымъ взоромъ и оцѣнивала съ естественнымъ спокойствіемъ прямодушія. Сама оставаясь безупречной, она сумѣла сохранить относительно увлеченій другихъ не легкую снисходительность, располагающую къ преступнымъ компромиссамъ, но извѣстную широту воззрѣній, предостерегающую отъ излишне строгихъ сужденій.

Послѣ восшествія на престолъ Императора Александра I ей пришлось на нѣсколько лѣтъ покинуть отечество, и предъ ней предстала живая картина Франціи, оправляющейся послѣ бурь революціи. Она присутствовала при концѣ Консульства и началѣ Имперіи. Случайныя знакомства сблизили ее съ осколками старинной аристократіи, находившейся на пути къ возстановленію въ своихъ правахъ. Въ этой средѣ, проникаясь убѣжденіями, чувствами и интересами своихъ французскихъ друзей, она не сумѣла сохранить ту сдержанность, которая ей приличествовала, какъ иностранкѣ. Болѣе роялистка, чѣмъ многіе изъ нихъ, она послѣдовала за ними въ перипетіяхъ политической борьбы. Она сильно осуждала Бонапарта, какъ и многіе изъ русскихъ того времени. Такъ какъ и здѣсь она отражала борьбу страстей, волновавшихъ общество, то свидѣтельство ея не лишено интереса.

Разсказывая про крупныя и мелкія событія, переплетавшіяся съ ея жизнью, она писала просто и безыскусственно, безъ всякихъ претензій, побуждаемая естественной склонностью, въ которой, быть можетъ, играла роль и наслѣдственность; и, если она не вполнѣ овладѣла перомъ, то, по крайней мѣрѣ, достигла извѣстной пріятности слога, оцѣненной уже многими читателями.

Она была дочерью генералъ-лейтенанта Николая Федоровича Голицына (1728—1780) и княгини Прасковьи Ивановны, урожденной Шуваловой, (1734—1802) и принадлежала къ двумъ старинамъ родамъ, извѣстность которыхъ не требуетъ поясненій. Отъ Шуваловыхъ она унаслѣдовала склонность къ литературѣ и искусству. Прасковья

Ивановна была сестрой фаворита Императрицы Елизаветы, дочери Петра Великаго, Ивана Ивановича Шувалова (1727—1798), основателя московскаго университета и академіи художествъ, который во время пятнадцатилѣтняго добровольнаго изгнанія, послѣ смерти своего августѣйшаго друга, могъ даже за-границей пріобрѣсти славу мецената. Писатели, даже во Франціи, знаютъ другого Шувалова, Андрея Петровича (1727—1783), состоявшаго въ перепискѣ съ Вольтеромъ, Даламберомъ, Лагарпомъ и писавшаго сравнительно недурные стихи въ честь Нинонъ.

Дѣтство и ранняя юность Варвары Николаевны протекли внѣ вліянія этихъ родственниковъ. Родившись въ 1766 году, она до 1780 года жила вмѣстѣ со своими родителями въ имѣніи Петровскомъ, Московской губерніи, гдѣ она встрѣтила только своихъ деревенскихъ сосѣдей, людей мало образованныхъ. Ея отецъ, незамѣтная личность, кажется, самъ былъ человѣкомъ стариннаго уклада. Ея мать болѣе развитая и умная прилежно занималась воспитаніемъ дочери, но, живя въ Петровскомъ, ощущала недостатокъ средствъ для этого. Дядя же, Иванъ Ивановичъ, путешествовалъ, взявъ съ собою старшаго изъ двухъ братьевъ Варвары Николаевны, Федора.

Но въ 1780 году судьба будущей графини Головиной вдругъ измѣнилась. Умеръ ея отецъ, вскорѣ послѣ смерти своего младшаго брата Ивана († 1777 г.) и вернулся изъ путешествія дядя.

Княгиня Голицына рѣшилась отправиться жить въ Петербургъ вмѣстѣ съ нѣжно любимымъ братомъ, который, оставаясь холостымъ и лишенный другихъ близкихъ родственниковъ, казалось, былъ готовъ отдать имъ всю свою любовь. Семья Голицыныхъ, состоя всего только изъ трехъ лицъ, заняла домъ смежный съ домомъ Шувалова, на углу Невскаго проспекта и Большой Садовой; пробитая стѣна соединила ихъ жизнь, душой и радостью которой была Варвара Николаевна. Она быстро пополнила свое начальное образованіе, полученное въ Петровскомъ. Иванъ Ивановичъ привезъ съ собой изъ Рима и Парижа драгоцѣнныя коллекціи предметовъ искусства, античный мраморъ, картины, гравюры и богатую библіотеку. Молодая дѣвушка составляла опись этой коллекціи, предаваясь этому съ той горячностью и восторгомъ, которые позднѣе заставили ее посвятить себя занятіямъ подобнаго рода. Она много читала, но главнымъ образомъ рисовала. Она скоро стала писать красками, вѣрно передавая натуру, съ искусствомъ, многочисленныя свидѣтельства котораго сохранились до сихъ поръ и которое отчасти перешло по наслѣдству къ ея потомкамъ. Вмѣстѣ съ рукописью *Мемуаровъ* послѣ нея остались альбомы, гдѣ рядомъ съ ея рисунками находятся сдѣланные ея дочерями и внуками наброски, пейзажи, виды стараго, теперь исчезнувшаго, Парижа, портреты и каррикатуры, составляя все вмѣстѣ очень привлекательную коллекцію.

Въ ней можно убѣдиться въ дѣйствительно артистическомъ призваніи Варвары Николаевны. Нѣкоторыя изъ ея произведеній были напечатаны и, между ними, портретъ Потемкина, пожалуй одинъ изъ самыхъ лучшихъ портретовъ знаменитаго фаворита Екатерины Великой. Извѣстный русскій иконографъ Ровинскій также съ похвалой упоминаетъ въ своемъ *Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ* (II 856 и IV 393) рисунокъ, изображающій Императрицу сидящей подъ знаменитой «колоннадой» въ Царскомъ Селѣ, «очень характерный и похожій портретъ», говоритъ онъ.

Музыка тоже увлекала молодую дѣвушку. Она пѣла и позднѣе даже дѣлала попытки въ композиціи. Она съ успѣхомъ выступала въ концертахъ въ Царскомъ Селѣ и Зимнемъ дворцѣ и вызывала аплодисменты романсами своего сочиненія, никогда не впадая въ претенціозный и тщеславный диллетантизмъ.

Въ то же время, подъ руководствомъ своего дяди, она упражнялась въ литературномъ слогѣ той эпохи и достигла, если не безусловной правильности, то, по крайней мѣрѣ, пріятной легкости стиля, о которомъ читатели будутъ имѣть возможность судить сами. И вмѣстѣ съ непринужденностью, ясностью и духомъ французскихъ писателей, она усвоила также отчасти ихъ остроуміе. Впослѣдствіи она была извѣстна пріятностью своего разговора, острой шуткой и быстрой живостью ея возраженій.

Такимъ образомъ, врожденные и пріобрѣтенные таланты представляли вмѣстѣ одно цѣлое, прелесть котораго единодушно признавали современники, какъ въ Россіи, такъ и за-границей.

Отдавая должное ея уму, никто, однако, не говорилъ про ея привлекательную внѣшность и, дѣйствительно, Варвара Николаевна, казалось, не была красивой. Правда, въ 1780 году въ Москвѣ была

напечатана, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, написанная въ честь ея Иваномъ Морозовымъ, ода, гдѣ онъ воспѣвалъ ея глаза, «похожіе на блистающую зарю» и ланиты «изъ лилій и розъ»; но ея портретъ отъ того времени, приписываемый кисти знаменитаго Рокотова, сохранившійся въ Петровскомъ, въ настоящее время принадлежащемъ князю А. М. Голицыну, далеко не подтверждаетъ этого. Лицо, изображенное тамъ въ первой молодости, скорѣе выдѣляется силою выраженія, чѣмъ правильными или пріятными чертами. И позднѣйшія ея портреты, какъ написанный г-жей Виже Лебренъ, недавно появившійся въ произведеніи де-Нольчакъ, посвященномъ этому художнику, а также портретъ помѣщенный, въ выше цитированномъ трудѣ Великаго Князя Николая Михайловича, производятъ такое же впечатлѣніе.

Но въ то же время Варвара Николаевна не была и безобразна, хотя въ этомъ отношеніи, если и нельзя про нее сказать, что она совершенно лишена была кокетливости, такъ какъ это было бы неестественно, а она была естественна во всемъ, то, по крайней мѣрѣ, она не проявляла никакой заботливости. Женившись на ней по любви, ея мужъ былъ не единственнымъ мужчиной, которому она нравилась, хотя она и не позволяла никому другому высказывать себѣ это; но главныя свойства ея привлекательности находились совсѣмъ въ другой области.

Въ 1783 году она была назначена фрейлиной ко двору, гдѣ ея братъ съ 1780 года числился камеръ-юнкеромъ. Она вскорѣ была тамъ замѣчена, но уже раньше она обратила на себя вниманіе того, чье имя она будетъ носить всю жизнь.

Головины съ шестнадцатаго вѣка принадлежали къ высшей аристократіи московскихъ бояръ, креатуръ Ивана Грознаго и его непосредственныхъ предшественниковъ; политика этихъ царей выдвигала ихъ въ первый рядъ, какъ противовѣсъ оппозиціи удѣльныхъ и медіатизированныхъ князей, потомковъ Рюрика и Гедимина. Начиная съ Петра Ивановича Головина, казначея Василія IV, и Симона Васильевича, героя польской войны, Головины играли выдающуюся роль въ исторіи Россіи. Иванъ Ивановичъ Головинъ, помогавшій Петру Великому въ подавленіи стрѣлецкаго бунта, и спутникъ его во время путешествія въ Европу имѣлъ честь открыть своимъ именемъ списокъ русскихъ адмираловъ.

Одинъ изъ его родственниковъ генералъ-адмиралъ, генералиссимусъ и фельдмаршалъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, по диплому императора Леопольда I-го, первый получилъ титулъ графа въ Россіи.

Его внукъ Николай Николаевичъ Головинъ, родившійся въ 1756 году, былъ въ 1782 году, когда его въ первый разъ увидала Варвара Николаевна, одной изъ самыхъ блестящихъ партій, которая могла представиться ея выбору. Онъ былъ хорошо сложенъ и довольно представителенъ, какъ это видно на миніатюрѣ Изабей, находящейся у графа Ланскоронскаго, и къ тому же онъ считался однимъ изъ очень богатыхъ людей.

Оба семейства находились въ родствѣ; молодые люди понравились другъ другу, но княгиня Голицына воспротивилась немедленному браку, находя его преждевременнымъ.

По новымъ идеямъ, проникавшимъ въ то время въ высшее общество, слѣдовало, чтобы взаимная склонность будущихъ супруговъ выдержала испытаніе времени и женихъ могъ бы перебѣситься.

Послѣдній добросовѣстно этимъ и занялся во время заграничнаго путешествія, планъ и проэктъ котораго, по всѣмъ вѣроятіямъ, исходили отъ Шувалова. Но онъ не пошелъ по слѣдамъ Ивана Ивановича и не заботился пріобрѣсти привычки и склонности, которыя обезпечили бы ему возможность духовнаго общенія со своей будущей супругой. Онъ долгое время находился въ Парижѣ, но знакомства и связи, заключенныя тамъ не имѣли ничего общаго ни съ литературой, ни съ искусствомъ. Говорятъ, что у него была связь съ знаменитой, «Амазонкой свободы», Теруань де Меркуръ; можетъ быть она и была матерью ребенка, о которомъ впослѣдствіи заботилась графиня Головина съ снисходительностью, къ которой почти обязывали нравы той эпохи. Очень строгаго нрава и очень ревнивая супруга Павла I, Императрица Марія Ѳеодоровна подавала въ этомъ примѣръ по отношенію къ незаконнымъ дѣтямъ своего мужа. Незаконный сынъ Николая Николаевича былъ кромѣ того пожалованъ дворянской грамотой и носилъ сокращенную фамилію своего отца,—тоже по обычаямъ того времени,—Ловинъ. Въ Монпелье графъ Головинъ вступилъ въ близкія отношенія съ молодой дѣвушкой изъ хорошей семьи. У нея родилась отъ него дочь, восхитительный ребенокъ. Воспитанная, благодаря великодушнымъ заботамъ графини Головиной, она была выдана замужъ

за де Ривіера, Гессенскаго, посланника въ Петербургѣ. Выдающійся художникъ, онъ былъ друженъ съ г-жей Виже Лебренъ, и иногда по дружбѣ рисовалъ пейзажи для фона портретовъ, которые писала великая артистка. У графа Ланскоронскаго есть двѣ картины; на одной изъ нихъ изображенъ самъ де Ривьеръ, а на другой его прелестная жена съ дочерью, которая была еще тогда ребенкомъ; произведенія свидѣтельствуетъ о настоящемъ большомъ талантѣ портретиста. Весь родъ де Ривьеръ, теперь угасшій, находился въ родственныхъ отношеніяхъ съ потомками графа и графини Головиныхъ.

По возвращеніи изъ путешествія графа Головина, бракъ былъ быстро отпразднованъ и казался счастливымъ. «Я ужиналъ вчера съ графиней Головиной», пишетъ въ январѣ 1792 года графъ Валентинъ Эстергази, посланный въ Петербургъ французской аристократіей,—«она до безумія любила своего мужа и онъ также ее очень любитъ. Ихъ пріятно видѣть». (*Lettres*, publiées par E. Daudet, Paris, 1907, p. 380).

Вызывавшій противорѣчивую оцѣнку современниковъ, большею частію недоброжелательную, и въ то же время совершенный типъ большого барина того времени, безпечный сибаритъ, безпорядочно ведущій свои дѣла, Николай Николаевичъ Головинъ, казалось, былъ вполнѣ дворяниномъ. Полковникъ въ тридцать четыре года безъ способностей и склонности къ военной службѣ, позднѣе чиновникъ также безъ всякаго призванія къ гражданской службѣ, онъ не блисталъ ни тамъ, ни тутъ, но отличался всегда строгой честностью. Послѣднее, а также и беззаботность, съ которой онъ разорился, прожилъ свое огромное состояніе, и его тѣсная дружба съ графомъ Федоромъ Растопчинымъ, съ «этимъ сумасшедшимъ Федькой», какъ его звала Екатерина, все это вызывало строгое осужденіе. Но когда въ 1814 году распространились слухи о томъ, что онъ тяжело заболѣлъ, г-жа Свѣчина писала: «Если онъ умретъ, однимъ честнымъ человѣкомъ будетъ меньше въ Россіи, а ихъ тамъ не слишкомъ много». (De Falloux, *Lettres de M-me Swetchine*, I, 112).

Отсутствіе жалобъ въ воспоминаніяхъ на недостатки ума и характера своего супруга, отъ которыхъ должна была страдать графиня Головина, не опровергаютъ мнѣній о немъ. Варвара Николаевна была очень сдержана и, какъ мы увидимъ дальше, не упоминала и о другихъ фактахъ, игравшихъ значительную роль въ ея интимной жизни. Графиня Головина не нашла нужнымъ сказать все, что ея касалось близко. Но, по всѣмъ вѣроятіямъ, она говорила правду, приписывая своему оклеветанному мужу черты благородства и великодушія, реабилитирующія его память. Съ другой стороны, Николай Николаевичъ не мѣшалъ женѣ устроить въ ихъ общемъ домѣ гостепріимный салонъ, благоразумный, но въ то же время странно привлекательный, гдѣ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Парижѣ, благодаря потоку эмиграціи, установившемуся въ ту эпоху между двумя странами, смѣшались два общества въ одно избранное, одинаково привлекательное и прелестное.

Осмотрѣвъ петербургскіе салоны на берегу Невы, Адамъ Чарторижскій писалъ: «Домъ Головиныхъ отличается отъ всѣхъ мною перечисленныхъ. Здѣсь нѣтъ ежедневныхъ вечеровъ, но вмѣсто этого небольшое избранное общество, вродѣ того, которое въ Парижѣ продолжало старинныя традиціи Версаля. Хозяйка дома остроумная, чувствительная, восторженная, обладаетъ талантами и любовью къ изящнымъ искусствамъ». (Mémoires, I, 45).

«Восторженная?» Трудно замѣтить въ первыхъ страницахъ *Воспоминаній* эту черту характера, подчеркнутую Чарторижскимъ; ничто не кажется болѣе неподходящимъ къ природному темпераменту Варвары Николаевны, обладавшей великолѣпнымъ душевнымъ здоровьемъ и вполнѣ уравновѣшеннымъ характеромъ. По причинамъ, которыя читатель узнаетъ въ этой книгѣ, можно отвергать свидѣтельство князя Чарторижскаго во всемъ, что касается Головиной, какъ наблюдателя не лишеннаго недоброжелательности. Но все-таки, это онъ вѣрно подмѣтилъ. Въ то время, къ которому относятся его слова, характеръ Головиной измѣнился. Находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ французскими гостями въ Петербургѣ, она подверглась ихъ вліянію. Чувствительность въ духѣ Руссо волною охватила Европу и, обращаясь въ стремительный потокъ, восторженность была той атмосферой, въ которой проходила жизнь эмигрантовъ во всѣхъ странахъ, куда они уносили съ собой свои сожалѣнія, страданія и преувеличенныя надежды.

Оторванная обстоятельствами, о которыхъ упоминается въ *Мемуарахъ*, отъ своихъ естественныхъ точекъ опоры, потерявшись, г-жа

Головина отдалась этому теченію. Правда, она не совсѣмъ потеряла голову, но не избѣгла въ нѣкоторомъ родѣ крушенія.

Начиная съ этого времени, она стала восторженной во всемъ, въ политикѣ, въ религіи и даже въ дружбѣ.

Первая изъ ея подругъ принадлежала къ семейству ея мужа. Это была графиня Анна Ивановна Толстая, дочь князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго и княгини Екатерины Петровны, урожденной Голштейнъ-Бекъ. Мать послѣдней Наталья Николаевна, урожденная Головина, была теткой Николая Николаевича. Съ живымъ умомъ и романическимъ темпераментомъ, графиня Толстая слыла красавицей. Близкіе называли ее «Длинная», тогда была мода на прозвища, и Головину за ея рѣзвость и насмѣшливость, которая все-таки обыкновенно не обращалась въ злость, прозвали, (долженъ это упомянуть, хотя и рискую возбудить недовѣріе къ *Мемуарамъ* у извѣстнаго рода читателей), «маленькимъ драгуномъ». Да, но она была добродѣтельнымъ драгуномъ, хотя это и рѣдко бываетъ, и преданія, сохранившіяся на этотъ счетъ въ ея семьѣ, заслуживаютъ довѣрія, потому что никто изъ ея современниковъ не отрицаетъ это, даже самыя лучшія подруги Варвары Николаевны. Она была неприступной женщиной съ инстинктивнымъ стремленіемъ ньюфаундленской собаки спасать изъ водоворота страстей увлеченныхъ жертвъ, которыя въ общемъ не очень охотно принимали эту помощь. Толстая, испытавъ это на себѣ, далеко не была благодарна, и отношенія молодыхъ женщинъ значительно пострадали отъ этого. Графъ Толстой, самъ человѣкъ безпорядочнаго поведенія и склонный къ интригамъ, содѣйствовалъ этому разладу. Впрочемъ, скоро Варвара Николаевна подчинилась вліянію дружбы болѣе обаятельной.

Въ 1793 г. Екатерина II занялась бракомъ своего любимаго внука, Александра, котораго, какъ извѣстно, она охотно сдѣлала бы своимъ непосредственнымъ наслѣдникомъ. Павелъ, по обыкновенію, съ недовольнымъ видомъ принялъ невѣстку, на которой остановился августѣйшій выборъ его матери, и обращенная въ православіе принцесса Луиза Баденская стала членомъ Императорскаго Дома подъ именемъ Елизаветы Алексѣевны. Для молодой четы былъ учрежденъ дворъ, и графъ Головинъ занялъ тамъ должность маршала, причемъ въ этомъ назначеніи жена его сыграла большую роль. Очень опытная въ дѣлѣ

замѣщенія должностей, по причинамъ извѣстнымъ, Екатерина замѣтила «маленькаго драгуна» и рѣшила поставить его на стражѣ около Великой Княгини. Будущая Императрица Елизавета, соединенная въ пятнадцать лѣтъ бракомъ съ супругомъ, которому тоже было только шестнадцать лѣтъ, она, конечно, не могла ждать помощи въ такихъ дѣлахъ отъ Екатерины Петровны Шуваловой, гофмейстера ея двора и женщины, одной изъ худшихъ, находившихся вокругъ трона.

Великая Княгиня покорно подчинилась этой стратегической комбинаціи, имѣвшей цѣлью ея защиту, и слѣдствіемъ явилась взаимная дружба, которая слабо отражается въ *Мемуарахъ*, по обыкновенію своему сдержанныхъ. Графиня Головина внесла туда самую бдительную материнскую заботливость, смѣшанную съ обожаніемъ, которое послѣдующія испытанія не только не ослабили, но обратили въ восторженность. Очень милая, но крайне романтичная, принцесса отдалась этой дружбѣ со страстностью молодой дѣвушки, въ которой склонность къ сентиментальности той эпохи, тоска по родинѣ, легкія непріятности въ семейной жизни выливались въ такую силу порывовъ дружбы, что намъ это теперь съ трудомъ понятно.

Обладая молодой женщиной, созданной во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы покорять и плѣнять сердца, Великій Князь, кажется, довольно холодно отвѣчалъ на проявленіе ея робкой нѣжности. Въ то время мода доводила до восторженности чувства дружбы между мужчинами и между женщинами и, кажется, подобный характеръ носила дружба Великаго Князя Александра и Адама Чарторижскаго.

Покровительствуемыя Екатериной II дружескія отношенія «маленькаго драгуна» съ Великой Княгиней должны были подвергнуться впослѣдствіи жестокимъ случайностямъ. До смерти Императрицы, эта дружба, приводя въ восторгъ Головину, доставляла ей исключительное положеніе при большомъ и маломъ дворѣ. Изъявленія уваженія въ изобиліи сыпались на молодую женщину, которую неизмѣнно выдѣляли своимъ вниманіемъ государыня и супруга будущаго государя. И Варвара Николаевна, окруженная уваженіемъ, ласками, жила какъ среди ослѣпительнаго сна.

Все измѣнилось съ восшествіемъ Павла I.

Сама графиня Головина объясняетъ эту перемѣну враждебнымъ

отношеніемъ новой Императрицы Маріи Ѳеодоровны, расположеніе которой она потеряла послѣ того, какъ долгое время пользовалась имъ. Но слѣдуетъ замѣтить, какъ это дѣлаетъ и Великій Князь Николай Михайловичъ (*Императрица Елизавета I*, стр. 252, франц. изданіе), что другія лица, не любимыя супругой Императора Павла, какъ напримѣръ, Чарторижскіе и Княгиня Наталья Федоровна Шаховская, впослѣдствіи Голицына, остались при дворѣ и въ числѣ *близкихъ* лицъ къ Великому Князю Александру и его супругѣ.

Причина перемѣны, происшедшей въ положеніи Головиныхъ, гораздо болѣе сложнаго порядка. Высокая милость, которой они пользовались до сего времени, возбудила много зависти. Съ другой стороны, Головина, со свойственною ей прямотой, боролась съ многочисленными интригами, въ которыхъ Е. П. Шувалова вмѣстѣ со своимъ неизмѣннымъ другомъ Александромъ Яковлевичемъ Протасовымъ, воспитателемъ Александра I, дошли до того, что способствовали постыднымъ замысламъ князя Платона Зубова. Скучая своимъ настоящимъ положеніемъ, а также чтобы заручиться на будущее, послѣдній фаворитъ Екатерины осмѣлился даже на ея глазахъ обратиться со своими нескромными чувствами къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Старая Императрица дѣлала видъ, что не замѣчаетъ этого, и молодая Великая Княгиня, испытывая огорченія въ своей семейной жизни, не показывала, что смущена этимъ. Головина попыталась энергично вмѣшаться въ это дѣло.

Въ такихъ случаяхъ, даже съ самыми честными намѣреніями, есть рискъ самому прослыть интриганомъ. И многія лица постарались изобразить въ такомъ видѣ Варвару Николаевну (*Архивъ Воронцовыхъ*, XXX, 113, сравнить Шильдеръ *Александръ I*, I, 88). Принадлежа также ко двору Великаго Князя, графъ Толстой недоброжелательно относился къ Головинымъ, положеніе которыхъ было болѣе блестящимъ, чѣмъ его. Различными способами, о которыхъ упоминаютъ *Мемуары*, удалось обвинить Головину какъ въ увлеченіяхъ графини Толстой, такъ и въ несправедливыхъ подозрѣніяхъ, наброшенныхъ на Великую Княгиню. Елизавета Алексѣевна повѣрила этому и произошелъ разрывъ. Головины покинули дворъ.

Правда должна была открыться позднѣе. Но и тогда, по странным и довольно загадочнымъ причинамъ, жертва этой печальной ошибки не возвратила себѣ то, что она потеряла.

Она потеряла все сразу. Назначенный куратором университета, ея братъ отправился въ Москву, чтобы занять этотъ постъ. Вскорѣ, въ 1798 г., умеръ И. И. Шуваловъ, оставляя въ ихъ общемъ домѣ пустоту, которая ничѣмъ не могла быть заполнена. Судебный процессъ, возникшій по поводу его наслѣдства, внесъ раздоръ въ семью, до сихъ поръ жившую согласно.

Замужемъ за человѣкомъ, вѣрной и преданной спутницей котораго она оставалась до конца, но раздѣленная съ нимъ въ интеллектуальномъ отношеніи цѣлой пропастью, мать двухъ малолѣтнихъ дочерей, Варвара Николаевна вдругъ оказалась одинокой, какъ въ нравственномъ, такъ даже и въ матеріальномъ отношеніи. Немилость, хотя и незаслуженная, образовала вокругъ нея совершенную пустоту, удаляя отъ нея и тѣхъ, кто раньше добивался быть принятымъ ею. Увлеченная безразсудной любовной связью съ человѣкомъ—лордомъ Уайтвортсомъ, англійскимъ посланникомъ,—который могъ бы быть ея отцомъ, графиня Толстая и та оставила свою подругу, которая все сдѣлала, чтобы предохранить ее отъ этого приключенія.

Варвара Николаевна осталась только со своей матерью. Она никогда не прекращала проявлять нѣжную заботливость относительно послѣдней и она, сочувствуя умственнымъ теченіямъ той эпохи, была во всѣхъ отношеніяхъ цѣнной спутницей въ жизни. Но очень пожилая уже, все болѣе и болѣе прихварывая, къ тому же русская съ ногъ до головы, княгиня Голицына, хотя она и была изъ рода Шуваловыхъ, начала отставать отъ умственнаго движенія, за которымъ она и ранѣе слѣдовала съ извѣстной сдержанностью и увлекаться которымъ она была теперь все менѣе и менѣе расположена. Тѣмъ болѣе, что въ эту эпоху, проникаясь страстностью, оно нападало на вещи, которыя она считала недосягаемыми и священными, создавая такимъ образомъ между тѣми, кто беззавѣтно отдавался ему, какъ это было съ Головиной, и другими, болѣе робкими или болѣе благоразумными, печальное разногласіе.

Тогда въ Петербургѣ появилось совершенно новое общество, способное увлечь воображеніе и чувствительность, несоразмѣрно обостренную отъ невозможности найти удовлетвореніе въ окружающей

средѣ. Это были эмигранты, выброшенные на берегъ Россіи бурей революціи, сотрясавшей тогда Францію. Политика Павла I, оказывая этимъ изгнанникамъ радушный пріемъ, возстановляя Версаль въ Митавѣ и «Отель Кондэ» на берегу Невы, дѣлала ихъ героями дня. При дворѣ и въ обществѣ въ первыхъ рядахъ толпилась и толкалась масса иностранцевъ, имена которыхъ прежде упоминались въ свитѣ короля Франціи: Брогли, Круссаль, Дамасъ, Дотишампъ, Торси, Лагардъ, Ламезонфоръ, Сенъ-Пристъ, Лафертэ, Блакасъ...

И въ то же время революція отбросила на тотъ же гостепріимный берегъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ членовъ французскаго духовенства. Изъ нихъ аббатъ Николь получилъ разрѣшеніе открыть въ Петербургѣ учебное заведеніе, которое дополняла коллегія іезуитовъ, подъ управленіемъ знаменитаго Грубера, и знаменитый педагогъ получилъ воспитанниковъ изъ самыхъ аристократическихъ родовъ Россіи: Голицыныхъ, Нарышкиныхъ, Гагариныхъ, Меньшиковыхъ, Орловыхъ. Рядомъ съ ними Догаръ въ той же аристократической средѣ занимался дѣятельной пропагандой, въ которой педагогическія занятія очень тонко переплетались съ горячей проповѣдью католицизма.

По своему положенію, а также въ силу отношеній, завязанныхъ И. И. Шуваловымъ во время своего пребыванія во Франціи, Головины первые вошли въ соприкосновеніе съ эмигрантами. Обыкновенно даже приписывали вліянію графа Эстергази, агента претендентовъ на тронъ Франціи, назначеніе Головина ко двору Великаго Князя Александра. Пустота, образовавшаяся теперь вокругъ Варвары Николаевны, еще болѣе побуждала ее искать общества эмигрировавшихъ. Въ ея салонѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, они могли найти духъ своей родины. Г-жа Виже-Лебренъ, ставъ постоянной гостьей Головиной во время своего долгаго пребыванія въ Петербургѣ, такъ отзывается о ней:

«Эта прелестная женщина блещетъ остроуміемъ и различными талантами, что часто было вполнѣ достаточно, чтобы занять насъ, потому что у нея мало бывало народу. Она рисовала очень хорошо, сочиняла прелестные романсы, которые исполняла, аккомпанируя себѣ на роялѣ. Болѣе того, она была въ курсѣ всѣхъ литературныхъ новостей Европы, которыя, какъ я думаю, можно было узнать у ней одновременно съ Парижемъ» (*Воспоминанія* II, 323—324).

Впечатлѣнія г-жи Эдлингъ, автора извѣстныхъ *Мемуаровъ*, были почти такія же:

«Я подружилась съ графиней Головиной, прелесть которой, краснорѣчіе и таланты, дѣлаютъ ея домъ пріятнымъ».

И вскорѣ все усиливающееся сближеніе любезной хозяйки дома съ характеромъ своихъ постоянныхъ посѣтителей, создавало между ними связь, становившуюся съ каждымъ днемъ все тѣснѣе. Варвара Николаевна становилась все болѣе восторженной въ обществѣ этихъ бродячихъ рыцарей политическаго и религіознаго легитизма и приняла ихъ какъ и тѣ, такъ и другія убѣжденія.

Немного спустя послѣ восшествія на престолъ Павла I, она встрѣтила между ними особу, которая своимъ характеромъ, званіемъ и прошлымъ, рѣшительно завладѣла ея чувствами.

Это была знаменитая принцесса Тарентская, Луиза де-Шатильонъ, младшая дочь послѣдняго герцога де-Шатильонъ и Адріенны де-Лабомъ Лебланкъ де-Лавальеръ. Родившись въ 1763 году, выданная замужъ въ 1781 за Шарля де Латремойль, принца Тарентскаго, она съ 1787 г. была въ числѣ статсъ-дамъ Маріи-Антуанетты и раздѣляла съ ней какъ послѣднія удовольствія, такъ и первыя испытанія несчастной королевы. Заключенная въ 1792 г. въ тюрьму, она избѣжала смерти и даже ей удалось получить свободу. Въ Англіи, гдѣ она нашла убѣжище, настойчивыя письма Императора Павла и Императрицы Маріи Ѳеодоровны приглашали ее въ Россію, гдѣ она вмѣстѣ со своими родными могла быть прилично устроена. Не сохранивъ ничего изъ своего большого состоянія, позволившаго ей истратить во время ея свадьбы 66954 ливра «на туалетъ и сообщенія о свадьбѣ» (Princesse de Tarente, *Souvenirs* p. 242), не имѣя другого средства, чтобы помочь своей семьѣ, все уже испытавъ, принцесса приняла это приглашеніе.

Въ Россіи ей предшествовала репутація героини. Про нее разсказывали, что она съ опасностью для жизни закрыла своимъ тѣломъ молодую дѣвушку, оставленную на ея попеченіе, отъ ружей, направленныхъ на нее. Дѣйствительно, мать этой молодой дѣвушки, герцогиня де-Турцель, подтверждаетъ это въ своихъ *Мемуарахъ*, изданныхъ въ 1883 г. герцогомъ де-Карсъ (II, 279). Видъ и манеры принцессы находились въ полномъ соотвѣтствіи съ этой лестной для нея

легендой. Строгая, спокойная, постоянно печальная, безъ улыбки, она казалась живымъ олицетвореніемъ траура по династіи, которой она служила, по своей странѣ и аристократіи.

«Во внѣшности и манерахъ этой странной женщины было что-то отталкивающее,—говоритъ г-жа Эдлингъ,—и въ то же время она была способна на самую глубокую привязанность. Никогда я не встрѣчала человѣка болѣе сильнаго характера и односторонняго ума». (*Мемуары*, стр. 46).

По словамъ de Falloux (Madame Swetchine, I, 164) «политическія идеи принцессы не были ни глубоки, ни серьезны, но производили сильное впечатлѣніе, потому что были связаны съ великими традиціями и потрясающими несчастными событіями. Въ ней видѣли живое воплощеніе прошлаго».

Графиня Головина была тронута этимъ до самой глубины своей души съ первой встрѣчи. Можно сказать, что она была поражена, какъ ударомъ грома, и скоро между нею и знатной иностранкой установилась извѣстная общность какъ матеріальная, такъ и духовная. Начиная съ этого времени и до 1814 г., когда принцесса Тарентская умерла въ домѣ своей подруги, ихъ жизнь постоянно сливалась. Головина дѣлила свою любовь, преданность и заботы на двѣ части и большую изъ нихъ посвящала не своимъ самымъ близкимъ роднымъ. Но ни ея дочери, ни мужъ не жаловались на это, великодушно раздѣляя это нѣжное отношеніе, въ проявленіи котораго, кажется, даже слуги дома принимали участіе.

И принцесса Тарентская не одна пользовалась такими симпатіями въ Россіи. Сентиментальные и восторженные, элегантные, несмотря на временную нужду, и утонченные, хотя и съ поверхностнымъ образованіемъ, всѣ эти эмигранты, вмѣстѣ со своими спутниками іезуитами, стремившимися устроиться въ Петербургѣ педагогами, съ цѣлью католической пропоганды, легко находили дорогу къ разочарованному сердцу нѣкоторыхъ русскихъ. Они давали послѣднимъ то, что вновь пробудившіяся чувства и мысли напрасно заставляли ихъ искать у себя на родинѣ, гдѣ подъ прозрачнымъ внѣшнимъ блескомъ плохо скрывался фонъ природной грубости, гдѣ литература и наука были въ зачаточномъ положеніи и гдѣ даже религія, часто благодаря невѣжественнымъ и некультурнымъ служителямъ ея, принимала внѣшность, производившую отталкивающее впечатлѣніе на людей чувствительныхъ.

Подъ этой внѣшностью Головина и многіе изъ ея соотечественниковъ, даже самые достойные, наиболѣе способные къ воспріятію благородныхъ стремленій, не различали болѣе сущности вещей. Получивъ воспитаніе изъ рукъ иностранцевъ, иногда дополнивъ его поѣздкой въ Европу, попадая ко двору, вдругъ перенявшему европейскую утонченность, вдобавокъ это блестящее общество иностранцевъ, внезапно заполнившее ихъ салоны, все это ихъ отдаляло и дѣлало чуждыми лучшимъ и благороднымъ сторонамъ народнаго генія. Это общество потерпѣвшихъ крушеніе отъ политической бури, очень привлекательное во многихъ отношеніяхъ, но въ сущности легкомысленное, по жестокой ошибкѣ казалось высшимъ идеаломъ культуры, къ которому со времени Петра Великаго стремились лучшіе русскіе люди и куда, по ихъ мнѣнію, надо было вести народъ, стоявшій на порогѣ цивилизаціи.

Варвара Николаевна раздѣляла это необдуманное увлеченіе, и въ силу прямоты своего характера, не могла остановиться на полдорогѣ. Она хотѣла во всемъ подражать своей подругѣ, все раздѣлять съ ней. Она стала католичкой вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ русскихъ, въ число которыхъ входитъ также и Толстая, и такъ какъ Головина нигдѣ не оставила никакихъ указаній на время перехода въ другую вѣру, до сихъ поръ не удалось опредѣлить его точно. *Мемуары* молчатъ объ этомъ, ни слова, ни намека, такъ какъ нельзя же относить сюда ея частыя посѣщенія католическихъ церквей. У меня и сейчасъ есть одинъ знакомый русскій, горячо вѣрующій православный, который во время своихъ частыхъ пріѣздовъ въ Парижъ, каждое воскресенье сперва выслушаетъ мессу въ Ла-Мадэленъ, а потомъ обѣдню въ русской церкви на улицѣ Дарю.

Молчаніе Варвары Николаевны объ этомъ объясняется, быть можетъ, августѣйшимъ сотрудничествомъ, о которомъ я упоминалъ раньше; но во всякомъ случаѣ это событіе тяжело отразилось на ея жизни, съ этого времени полной разныхъ тягостныхъ испытаній.

Братъ Головиной не могъ простить ей этого поступка и прервалъ съ нею всякія сношенія. Оставивъ также мемуары (*Русскій Архивъ* 1874 г.), князь Федоръ Голицынъ совершенно не говоритъ

тамъ о своей сестрѣ, и она въ предлагаемомъ сочиненіи упоминаетъ о немъ всего только три раза, причемъ послѣдній разъ съ довольно замѣтнымъ оттѣнкомъ враждебности. По характеру своему не склонная къ злымъ чувствамъ, Варвара Николаевна и православная, и католичка, не особенно строго соблюдала христіанскую заповѣдь о прощеніи обидъ и при случаѣ проявляла довольно язвительный характеръ.

Она была «съ коготкомъ», какъ отзывается о ней графъ Эстергази, набрасывая довольно красивый ея портретъ, и сравнивая ее съ другой особой, которой онъ отдавалъ свое нѣжное предпочтеніе. «Не обладая твоимъ постоянствомъ,—пишетъ онъ своей женѣ,—потому что она легко привязывается и легко разстается со своими друзьями,—не такая добрая и не такая остроумная, это все-таки женщина, которая болѣе другихъ здѣсь походитъ на тебя: честная, любитъ своего мужа, свои обязанности, своего ребенка, съ пріятной фигурой, хотя и не красавица, полная талантовъ и обходительности въ обществѣ» (Lettres, p. 380).

Замѣтимъ мимоходомъ, что женившись уже пожилымъ на женщинѣ, бывшей на двадцать пять лѣтъ моложе, графъ Эстергази имѣлъ особенныя причины отдавать предпочтеніе своей женѣ.

У Головиной были и другія непріятныя послѣдствія ея перехода въ другую религію. Великій Князь Александръ, послѣ того какъ самъ неоднократно проявлялъ къ ней признаки особой милости и уваженія, казалось вовсе не былъ недоволенъ перемѣной отношенія къ ней своей супруги. Быть можетъ онъ и не вполнѣ былъ увѣренъ въ виновности Головиной, но тогда онъ былъ еще далекъ отъ своихъ послѣдующихъ увлеченій и недовѣрчиво относился къ восторженности. Переходъ въ другую вѣру бывшей подруги его жены естественно долженъ былъ усилить это чувство, затрагивая интересы государства. Будущій монархъ православной Россіи не могъ поощрять отпаденіе отъ вѣры. Поэтому, когда Елизавета Алексѣевна, выйдя изъ заблужденія относительно своей такъ горячо любимой подруги, была намѣрена вновь сойтись съ ней, ихъ раздѣляла стѣна, уничтожить которую у нея не было желанія или возможности.

Я довольствуюсь этимъ объясненіемъ за недостаткомъ какого-либо другого, вытекавшаго изъ *Мемуаровъ*, или допустимаго помимо

ихъ. Во всякомъ случаѣ оно не вполнѣ удовлетворяетъ, потому что замѣнившая Головину около Елизаветы Алексѣевны, хотя и не такъ привязанная къ ней, графиня Толстая, тоже перешедшая въ католичество, сохранила съ ней до конца очень близкія отношенія. Правда, эти отношенія, главнымъ образомъ, выражались въ перепискѣ, такъ какъ бывшая возлюбленная лорда Уайтвортса прожила большею частію заграницей и тамъ же умерла. Въ сорокалѣтнемъ возрастѣ Варвара Николаевна, разочаровавшись въ лучшихъ чувствахъ дружбы и привязанности, оказалась окруженной холоднымъ враждебнымъ отношеніемъ и почувствовала непреодолимую потребность удалиться изъ среды, связи съ которой были порваны. Возведенная на тронъ въ 1801 году послѣ смерти Павла I, Елизавета Алексѣевна осталась предметомъ восторженнаго поклоненія. Головина не ограничивалась только внѣшними проявленіями уваженія, которыя подобали Государынѣ, но даже въ душѣ не позволяла себѣ обратиться съ упрекомъ къ женщинѣ, такъ сильно любимой и такой неблагодарной. Несмотря на то, что ее держали въ сторонѣ отъ двора, несмотря на тысячи мелкихъ уколовъ, она попрежнему сохранила къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ чувства, полныя энтузіазма, которыя она отдала ей въ незабываемыя мгновенія первыхъ клятвъ въ дружбѣ. Но, подчиняясь высшей волѣ или по собственному желанію, кумиръ сталъ холоденъ, какъ мраморъ.

«Блестящее и страстное воображеніе,—пишетъ г-жа Эдлингъ, говоря объ Императрицѣ (*Мемуары*, стр. 57),—соединялись въ ней съ холоднымъ сердцемъ, неспособнымъ къ настоящему чувству любви... Благородство ея чувствъ, возвышенность ея идей, добродѣтельныя наклонности, красивое лицо, дѣлали ее идоломъ толпы, но не могли возвратить къ ней ея супруга. Изъявленія уваженія льстили ея гордости, но были не достаточны для ея счастья.

« ... Окруженная престижемъ, она поочереди увлекалась искусствомъ, наукой, чувствами самыми страстными ... и, постоянно разочаровываясь, охладѣвая, она испытала счастье только въ тотъ моментъ, когда жизнь собиралась покинуть ее...»

Изъ труда Великаго Князя Николая Михайловича извѣстно, что только въ послѣдніе дни жизни Императора Александра I между августѣйшими супругами, оффиціально соединенными, но въ интимной жизни остававшимися чуждыми, произошло сближеніе, уничтоженное смертью

Это роковое путешествіе въ Таганрогъ должно было для примирившихся супруговъ быть настоящимъ свадебнымъ путешествіемъ.

Немного спустя послѣ восшествія на престолъ Императора Александра, принцесса Тарентская направилась во Францію, призываемая семейными дѣлами. Она не получила въ Россіи того, на что имѣла право надѣяться. Быстро мѣняющееся расположеніе Павла I доставило ей жестокое разочарованіе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея отъѣзда, Головина послѣдовала за своей подругой, захвативъ съ собою всю свою семью. Принятая, какъ близкій человѣкъ, высшимъ обществомъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, находя удовлетвореніе стремленіямъ ума и сердца въ этой средѣ, прелести и добродѣтели которой она сильно преувеличивала, Головина безъ сомнѣнія очень надолго бы осталась въ Парижѣ, если бы ей не помѣшали вскорѣ послѣ того обострившіяся отношенія Франціи и Россіи. Она съ болью разсталась со своей второй родиной, но въ видѣ утѣшенія она увезла съ собой то, что было для нея тамъ самого дорогого.

Наканунѣ ея отъѣзда г-жа де-Шатильонъ сказала ей:

— Увезите съ собой мою дочь!

По преданію, которое я слышалъ въ замкѣ Видевиль,—въ настоящее время собственность графа и графини Галардъ,—принцесса Тарентская не могла быть довольна своимъ житьемъ у родныхъ. Ссора изъ-за денегъ, тяжелыя отношенія со своимъ мужемъ, отъ котораго у нея была только одна дочь, умершая въ раннемъ возрастѣ, заставляли ее съ сожалѣніемъ вспоминать объ менѣе непріятныхъ испытаніяхъ эмиграціи. Про нея говорили, что у нея былъ неуживчивый характеръ. Двѣ подруги болѣе не разставались. Обладая очень ограниченными средствами бывшая статсъ-дама Маріи Антуанетты приняла гостепріимство Головиной, и въ одномъ изъ альбомовъ, о которомъ я упоминалъ выше, есть акварель, изображающая комнату на дачѣ около Петербурга, гдѣ въ 1814 году она скончалась послѣ тяжелыхъ страданій, которыя она мужественно переносила.

Это былъ для Варвары Николаевны ударъ, отъ котораго она не оправилась. Болѣе чѣмъ когда-либо чувствовала она себя чужой въ Россіи. Благодаря дружескому участію у нея было нѣсколько мимолетныхъ свиданій, похожихъ на свиданія любви, съ Елизаветой Алексѣевной, въ которыхъ по временамъ являлся признакъ прежней дружбы, теперь навсегда исчезнувшей.

Взявъ въ Парижъ свою мать, Головина на обратномъ пути потеряла ее. Она сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы сойтись со своимъ братомъ и приняла на себя заботы объ его сынѣ, воспитаніемъ котораго онъ мало занимался. Она выдавала замужъ своихъ дочерей, но переживъ себя, она оставалась неутѣшной.

Скоро домашнія заботы еще болѣе омрачили ея разочарованную жизнь. Графъ Головинъ, къ которому Императоръ Александръ всегда относился довольно холодно, вновь поступилъ на службу, получилъ для своей дочери шифръ фрейлины и для своей жены титулъ дамы ордена Св. Екатерины. Но въ то же время онъ совершенно разорился. Виже Лебренъ очень удивлялась, встрѣтивъ у него за столомъ довольно дерзкаго крестьянина, и потомъ узнала, что это былъ заимодавецъ, вызванный для срочныхъ платежей (Souvenir II, 322). Болѣе чѣмъ безразсудно и безсознательно Николай Николаевичъ слѣдовалъ въ этомъ отношеніи примѣру многихъ своихъ современниковъ. Авторъ очень любопытныхъ мемуаровъ И. Ф. Тимковскій (*Русскій Архивъ*, 1874, I, 1463) изображаетъ нѣкоторыхъ изъ вельможъ того времени, разсуждающихъ о затрудненіяхъ жизни, причемъ почти всѣ были согласны, что невозможно жить, довольствуясь однимъ только своимъ доходомъ. Одинъ изъ гостей, возражая, привелъ примѣръ графа Строганова, на что другой отвѣтилъ:

— Строганову это возможно, когда онъ получаетъ около милліона рублей въ годъ; у меня же всего только сто тысячъ, какъ же я могу выпутаться?

Графъ Головинъ, котораго, быть можетъ, изобразилъ здѣсь Тимковскій, не называя его, выпутывался при помощи новыхъ долговъ и продажей по частямъ своихъ имѣній.

И въ одинъ прекрасный день Варвара Николаевна должна была примириться съ продажей дачи, гдѣ умерла принцесса Таренская и которая была ея любимымъ мѣстопребываніемъ. Эта же пропасть постепенно поглотила значительное приданое, приготовленное графиней для своихъ дочерей. Католички, какъ и ихъ мать, онѣ вышли замужъ за поляковъ: старшая, Прасковья, за графа Максимилліана Фредро,

младшая, Елизавета, за графа Леона Потоцкаго, блестящаго русскаго дипломата.

Въ 1817 году она отказалась продолжать *Мемуары*. Она предприняла ихъ только согласно желанію, выраженному ея *кумиромъ*; но кумиръ пересталъ ими интересоваться. И Варвара Николаевна, казалось, вполнѣ разочаровалась въ жизни къ тому моменту, когда начинающаяся неизлѣчимая болѣзнь, та же самая, отъ которой погибла «ея несравненная подруга», — ракъ — понемногу ухудшалъ ея здоровье.

Въ 1818 году, все болѣе и болѣе расхварываясь, она отправилась во Францію, и послѣ своего появленія въ 1820 г. въ Россію, она опять поѣхала туда, чтобы уже болѣе не возвращаться. Монпелье привлекалъ тогда многихъ иностранцевъ славою своего медицинскаго факультета. Головина, кажется, очень ненадолго остановилась тамъ; но, начиная съ этого момента и до ея смерти, настолько густая тѣнь окутываетъ послѣдніе дни ея жизни, что русскій издатель *Мемуаровъ* искалъ сначала могилу ихъ автора на берегу Луа; потомъ онъ думалъ, что нашелъ ее въ Сенъ-Жерменъ де-Пре и даже привелъ рисунокъ съ надписью, въ которой онъ не могъ разобрать дату кончины. Этотъ рисунокъ взятъ изъ альбома графа Леона Мнишека, правнука Головиной, и представляетъ собою импровизацію, въ которой блестящій дипломатъ больше заботился объ искусствѣ, чѣмъ о точности.

Мнѣ было позволено приподнять край завѣсы, благодаря великодушному участію августѣйшаго исторіографа Императрицы Елизаветы. Узнавъ о моихъ затрудненіяхъ, Великій Князь Николай Михайловичъ положилъ имъ конецъ, довѣривъ мнѣ часть своихъ чудесныхъ документовъ. Я открылъ тамъ многое, дополняющее настоящую рукопись. Письма Головиной отъ 1820 и 1821 года, адресованныя *кумиру*, одни изъ Монпелье, другія, вѣроятно, изъ Парижа. Насколько они отличаются отъ прежнихъ записокъ, гдѣ былъ изгнанъ всякій этикетъ, разстояніе уничтожено, и сердце писавшей ихъ могло свободно излагать свои чувства. Нѣжность еще замѣтна въ нихъ, но, кажется, что она проскальзываетъ несмотря на усиліе сдержать ее, и какъ бы охлажденная ледянымъ дыханіемъ смерти. Первое письмо есть безъ сомнѣнія прощальное посланіе при отъѣздѣ изъ С.-Петербурга:

19 іюля 1820 г.

Я имѣю честь послать Вашему Императорскому Величеству молитву, которую Вы мнѣ позволили предложить Вамъ: для меня будетъ утѣшеніемъ думать, что Ваше Величество прочтетъ ее иногда утромъ. Единеніе въ Богѣ единственно истинное, и чистыя и безкорыстныя чувства могутъ съ полнымъ довѣріемъ отдаться ему...

Сентябрь 1821 г.

«Каждый день я все болѣе убѣждаюсь, что слова очень слабый способъ, чтобы выразить сильныя чувства привязанности и благодарности. Я обращаюсь къ сердцу Вашего Императорскаго Величества, чтобы оно могло прочесть тѣ чувства къ ней, которыя заключаются въ моемъ сердцѣ... Мои страданія безпрерывны; моя крайняя худоба и слабость свидѣтельствуютъ объ этомъ. У меня бываютъ очень болѣзненные припадки и я осуждена еще долго страдать; но Богъ въ своемъ милосердіи посылаетъ мнѣ милость выносить ихъ не жалуясь, и я принимаю это испытаніе, соединенное со столькими чувствительными лишеніями, какъ благодѣяніе. У меня такъ мало заслугъ до сего времени; я больше наслаждалась, чѣмъ страдала; я окружена друзьями и заботливымъ отношеніемъ; но что я покинула, не можетъ быть ничѣмъ замѣнено... P. S. Я часто вижу Толстую, но она по прежнему остается загадкой для меня».

Между Головиной и ея первой подругой отношенія не были очень нѣжными. Также больная и, по странному совпаденію, той же болѣзнью, Толстая искала лѣкарствъ между югомъ Франціи и Парижемъ. Она болѣе постоянно переписывалась съ Императрицей Елизаветой и отбросивъ всякую церемонію и принужденность писала ей изъ Марселя 16 октября 1818 года:

«Среди напастей жизни, у меня двѣ непріятности: первая состоитъ въ грозныхъ письмахъ Головиной. Я говорю Вамъ объ этомъ, Ваше

Величество, потому, что можетъ быть Вы это знаете и что только одно Ваше слово способно остановить невоздержность ея языка».

Въ декабрѣ того же года Варвара Николаевна была въ Парижѣ, но когда императрица спрашивала про нее у Толстой, послѣдняя ничего не могла сказать. Три года спустя, въ апрѣлѣ 1821 года, они были вмѣстѣ въ Парижѣ, но не могли сойтись. Толстая жаловалась на это: «Я дожидалась, что она меня позоветъ, и не дождалась». Ожиданіе продолжалось и она отправилась безъ приглашенія, но не могла похвалиться пріемомъ.

«Мнѣ кажется, что я была гораздо болѣе рада видѣть ее, чѣмъ она меня. У меня нѣтъ никакой злобы къ ней; я смотрю на нее, какъ на избалованнаго ребенка. Ея непослѣдовательность приноситъ несчастье только ей. Наконецъ, со вчерашняго дня она въ своей атмосферѣ, въ предмостьѣ Сенъ-Жерменъ. Она безумно рада этому. Дай Богъ, чтобы она была тамъ счастлива».

Въ этихъ строкахъ довольно ясно просвѣчиваетъ гнѣвъ и досада разочарованной дружбы. Толстая даже не допускала того, что ея подруга такъ тяжело больна, какъ она это утверждала: «Я думаю, что это критическій возрастъ такъ дѣйствуетъ на нее, а больше у нея нѣтъ никакой болѣзни».

Въ іюнѣ того же года она должна была признать свою ошибку. Въ это время графъ Головинъ умеръ въ Россіи среди гибели своего состоянія, упрековъ толпы «нѣжныхъ друзей, дававшихъ ему деньги взаймы изъ 12%», какъ говорилъ графъ Растопчинъ. (Письма и примѣчанія изданы маркизомъ Сегюромъ *Le Correspondant*, 1882 г., новая серія, томъ XC, стр. 533). Онъ прибавляетъ далѣе 18 іюля 1820 г.: «Графиня Головина все хвораетъ, и наступающая жара, по всему вѣроятію, ускоритъ ея смерть. Она очень страдаетъ, и несмотря на это, удивительная вещь, съ удовольствіемъ ѣстъ и не чувствуетъ опасности. Духовныя лица утѣшаютъ ее, и, кажется, аббатъ Дье-Дежарденъ состоитъ ея духовникомъ. Ривьеръ, ея докторъ, постоянно находится между страхомъ Божіимъ и приличіемъ».

«Эти внутреннія опухоли, объясняетъ Толстая, сильно увеличиваясь, нарушаютъ всѣ функціи. Она очень страдаетъ, но переноситъ страданія мужественно и покорно».

Обѣ дочери умирающей были беременны въ это время и ихъ не пустили изъ Россіи. Ея племянникъ Федоръ Голицынъ провелъ около нея нѣсколько недѣль, но долженъ былъ уѣхать, призываемый обязанностями своей службы. Желая оспаривать право находиться около больной у ея друзей изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, заботы которыхъ казались Толстой недостаточными, она наталкивалась на все возростающее отвращеніе.

«Около нея нѣтъ никого, на кого бы можно поручиться. Это меня очень безпокоитъ... Я бываю такъ огорчена, когда она меня не принимаетъ... Послѣ столькихъ лѣтъ такой испытанной дружбы, кажется, она могла бы не стѣсняться со мною и я ничего не понимаю въ этомъ»...

Обѣ женщины оставались загадкой одна для другой: обычная исторія дружескихъ связей на ихъ печальномъ склонѣ.

Впрочемъ, Толстая преувеличивала одиночество Варвары Николаевны. Насильно проникая къ ней однажды, она застала ее въ обществѣ г-жи де-Беарнъ, которая почти не покидала ее. Кромѣ того, г-жа де-Ривьеръ, незаконная дочь графа Головина, находилась постоянно около своей благодѣтельницы.

10-го іюля 1821 г. Головина узнала о смерти своего мужа, скончавшагося 12-го іюня. «Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ,—пишетъ довольно зло Толстая,—что это не повліяетъ на ее здоровье». Она критически относится къ выбору доктора, которому довѣрилась умирающая, хотя это и былъ знаменитый Дюбуа. Она предпочла ему Дюпюитрена, который очень искусенъ и заботливъ, тогда какъ Дюбуа приходитъ только при послѣдней крайности.

Изъ этого видно, что знаменитые доктора мало перемѣнились въ теченіе вѣка.

Положеніе Головиной все ухудшалось, и ея дверь строго была закрыта отъ назойливыхъ посѣтителей, въ какой роли чаще другихъ являлась Толстая. «Мы очень счастливы, когда намъ удается добраться до гостинной», пишетъ она. Было однако средство, открывавшее всѣ двери, это—явиться съ письмомъ отъ Императрицы Елизаветы.

«Я сказала ей, что у меня есть порученіе отъ Вашего Величества къ ней и она меня приняла... Она была очень разстроена... Я нашла, что она сильно перемѣнилась. У нея видъ покойника и она

невыносимо страдаетъ. Несмотря на свою покорность она, она сама это говоритъ, иногда дожидается смерти, какъ благодѣянія, и проситъ прощенія у Бога, что не можетъ больше переносить боль... Если что и можетъ утѣшить ее, такъ это извѣстія объ Вашемъ Величествѣ и разговоръ про Васъ. Какія благословенія посылаетъ она Вамъ, какія пожеланія всякаго рода счастья высказываетъ она»!

Эти строки помѣчены 16 августомъ 1821 г.; менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, 13-го сентября, Толстая извѣщала Государыню, что мученіямъ наступилъ конецъ. Головина скончалась третьяго дня, попрежнему терпѣливая, покорная, «до послѣдней минуты оставаясь сама собой». Ея могила на кладбищѣ Перъ-Лашезъ благоговѣйно охраняется потомками ея младшей дочери; родъ ея старшей дочери угасъ.

Также исчезло богатство графа Головина, но взамѣнъ его Варвара Николаевна оставила своимъ потомкамъ наслѣдство, которое они считаютъ болѣе цѣннымъ: артистическіе таланты, легкость пера, восторженную пытливость къ проявленіямъ ума. Они унаслѣдовали отъ нея также особенную любовь къ Франціи. На большинство изъ нихъ Парижъ производилъ то же самое впечатлѣніе непреодолимаго магнетизма, какъ и на автора *Мемуаровъ*. Послѣ того, какъ онѣ жили въ Польшѣ, въ Россіи и въ столицахъ различныхъ странъ Европы, онѣ поселились въ Парижѣ и тамъ окончили свое существованіе. Переживъ своихъ родныхъ, дочери графини Потоцкой, графиня Ланскоронская, вышедшая второй разъ замужъ за графа Витгума, и графиня Мнишекъ послѣдовали ихъ примѣру. У нихъ были въ Парижѣ особняки, знаменитые своими коллекціями предметовъ искусства. Второй сынъ графини Фредро, бывшій священникомъ, и графъ Леонъ Мнишекъ, внукъ графини Потоцкой, были парижанами съ ногъ до головы. Около семи человѣкъ изъ потомства Варвары Николаевны погребены, какъ и она, на кладбищѣ Перъ-Лашезъ и двое другихъ въ Нормандіи.

Со стороны матери родственники Варвары Николаевны живутъ въ Россіи и судьба ихъ различна. Петровское, какъ мы уже это видѣли, по-прежнему въ рукахъ Голицыныхъ, и брату настоящаго владѣльца, князю Михаилу, бывшему гофмейстеромъ двора покойнаго Великаго Князя Владиміра Александровича, я обязанъ цѣнными сообщеніями, которыя значительно облегчили мнѣ мою работу. Я выражаю ему здѣсь мою глубокую благодарность.

Я спѣшу теперь уступить слово автору *Мемуаровъ*. Рукопись, которой я пользовался, находилась въ числѣ наслѣдства графа Андрея Мнишекъ и была уступлена послѣ его смерти вдовой (вторая жена графа, француженка, урожденная де-Лагатинери) барону Леону де-Во. Она состоитъ изъ четырехъ тетрадей, переплетенныхъ въ сафьянъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, восходитъ къ первой четверти прошлаго вѣка; въ нихъ можно ясно видѣть два различныхъ женскихъ почерка. Одинъ изъ нихъ приписываютъ графинѣ Головиной, но я не вполнѣ увѣренъ, чтобы настаивать на этомъ. Въ этомъ документѣ встрѣчаются очень немногочисленныя подчистки и поправки и, вѣрнѣе всего, онъ является копіей. Въ то время, когда составлялись *Мемуары*, Варвара Николаевна страдала глазами, также была очень занята художественными работами, насколько, конечно, ей позволяло это ея слабое зрѣніе, и едва ли она взяла на себя этотъ трудъ. Скорѣе всего копія была переписана дочерьми подъ ея наблюденіемъ или, быть можетъ, частью даже принцессой Тарентской. Къ сожалѣнію, въ данномъ вопросѣ я не могу выйти изъ области предположеній. Письма принцессы Тарентской графинѣ Головиной хранятся въ Петербургѣ въ собственной Его Императорскаго Величества библіотекѣ. Леонсъ Понго упоминаетъ объ этихъ письмахъ и приводитъ оттуда нѣкоторыя выдержки въ своемъ этюдѣ о русскихъ въ Парижѣ, помѣщенномъ въ журналѣ *Correspondant* и вышедшемъ потомъ отдѣльно (Парижъ, 1904 г.). Но я лично не имѣлъ возможности воспользоваться означеннымъ источникомъ, а, съ другой стороны, архивы рода де-Латремойль въ настоящее время тоже недоступны.

Госпожа Фредро въ свою очередь оставила *Мемуары*, съ которыми я очень былъ бы радъ познакомиться и которые въ копіи или оригиналѣ мнѣ были обѣщаны изъ двухъ различныхъ источниковъ. Но послѣ долгихъ мѣсяцевъ ожиданія и безплодныхъ усилій я долженъ былъ отказаться отъ этого.

Во всякомъ случаѣ, рукопись, которой я пользовался, по сравненію съ другими извѣстными копіями, представляетъ полную гарантію въ достовѣрности. Если оригиналъ и сохранился, ничто до сихъ поръ не указало на его существованіе. Четыре тетради, которыми я пользовался, представляютъ кромѣ того еще одну особенность, что въ

каждой изъ нихъ оставлено значительное количество чистыхъ страницъ, вѣроятно для приложеній и примѣчаній, что, однако, не было исполнено.

Возможно, что эта копія и была экземпляромъ, переданнымъ авторомъ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Существуетъ легенда, что рукопись *Мемуаровъ* долгое время сохранялась въ Зимнемъ дворцѣ и была сожжена по распоряженію Императора Николая I, который, дѣйствительно, много уничтожилъ подобныхъ документовъ. Если и уцѣлѣла часть переписки Императрицы Елизаветы Алексѣевны, то это только благодаря тому, что письма, я не знаю какимъ образомъ, попали въ частныя руки. Но экземпляръ *Мемуаровъ*, переданный Головиной Государынѣ, былъ возвращенъ обратно автору. Она говоритъ это совершенно ясно.

Такъ ли или иначе, но рукопись предлагаемыхъ въ данной книгѣ *Мемуаровъ* уже давно служила оригиналомъ для другихъ копій, двѣ изъ которыхъ, въ такихъ же четырехъ тетрадяхъ каждая, но уже позднѣйшей редакціи, были мнѣ переданы графомъ Ланскоронскимъ. Сличая съ другимъ экземпляромъ, изъ библіотеки графа Леона Мнишекъ, служившаго оригиналомъ для русскаго изданія, а также еще съ другимъ того же происхожденія, но принадлежащимъ графу Григорію Строганову въ Римѣ, я убѣдился, что тексты рукописей разнятся незначительными варіантами, произошедшими просто отъ ошибокъ при перепискѣ.

Безъ сомнѣнія мнѣ нѣтъ необходимости говорить, что я добросовѣстно сохранилъ текстъ, внося туда очень незначительныя поправки въ правописаніи только тамъ, гдѣ описки были слишкомъ очевидны. Мнѣ казалось, что текстъ, написанный подрядъ, было бы нужно раздѣлить на главы, прибавить хронологическую классификацію, отчасти помѣченную въ рукописи, и ввести красныя строчки.

Но я оставилъ неприкосновеннымъ языкъ автора, и его совершенная естественность, отсутствіе отдѣлки, изысканности, ясность и простота легко искупаютъ нѣкоторые недостатки въ стилѣ.

Головина превосходно разсказываетъ событія и изображаетъ отдѣльныхъ лицъ. Ея экскурсіи въ область философскихъ комментарій менѣе удачны, но зато и не такъ часты.

Мемуары особенно цѣнны тѣмъ, что въ нихъ встаетъ передъ нами картина эпохи, которая и въ общественной, и въ частной жизни богата яркими чертами, пріобрѣтая особую прелесть отъ того, что красивые, волнующіе и интересные образы отражались въ воображеніи женщины съ душою артиста, способной къ воспріятію впечатлѣній и художественной передачѣ ихъ.

Къ памятнику на кладбищѣ Перъ-Лашезъ, гдѣ эта пріемная дочь Франціи нашла себѣ послѣднее успокоеніе, но не забвеніе, долженъ быть прибавленъ и этотъ литературный памятникъ, появляющійся въ странѣ, которая была близка ея уму и сердцу.

Послѣдніе годы царствованія Екатерины II.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1777—1791.

I—Дѣтство.—Домъ въ имѣніи князя Н. Ф. Голицына.—Фаворитъ Императрицы Елизаветы: И. И. Шуваловъ.—Вступленіе въ свѣтъ.—Графъ Головинъ.—Назначеніе ко Двору. II—Бракъ.—Неудачные роды.—Путешествіе Екатерины II въ Крымъ.—Военная карьера графа Головина.—Въ Бессарабіи.—Пребываніе въ арміи.—Начало французской эмиграціи.—Предпріимчивый эмигрантъ; графъ Ланжеронъ.—Бывшій фаворитъ Екатерины II: Зоричъ.—Дворъ князя Таврическаго.—Потемкинъ и княгиня Долгорукая.—„Прекрасная Гречанка".—III.—Возвращеніе въ С.-Петербургъ.—Таврическій дворецъ.—Дворъ Великаго Князя Александра.—Вступленіе графа Головина на службу.

I.

Въ жизни наступаетъ время, когда начинаешь жалѣть о потерянныхъ мгновеніяхъ первой молодости, когда все должно бы насъ удовлетворять: здоровье юности, свѣжесть мыслей, естественная энергія, волнующая насъ. Ничто намъ тогда не кажется невозможнымъ; всѣ эти способности мы употребляемъ только для того, чтобы наслаждаться различнымъ образомъ; предметы проходятъ предъ нашими глазами, мы смотримъ на нихъ съ большимъ или меньшимъ интересомъ, нѣкоторые изъ нихъ поражаютъ насъ, но мы слишкомъ увлечены ихъ разнообразіемъ, чтобы размышлять. Воображеніе, чувствительность, наполняющее сердце, душа, по временамъ смущающая насъ

своими проявленіями, какъ бы заранѣе предупреждая, что это она должна восторжествовать надъ нами; всѣ эти ощущенія безпокоятъ насъ, волнуютъ, и мы не можемъ разобраться въ нихъ.

Вотъ приблизительно, что я испытала, вступивъ въ свѣтъ въ ранней юности.

Почти всѣ первые годы моего дѣтства прошли въ деревнѣ. Мой отецъ, князь Голицынъ [1]), любилъ жить въ готическомъ замкѣ [2]), подаренномъ Царицами его предкамъ. Мы уѣзжали изъ города въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и возвращались только въ ноябрѣ. Моя мать была небогата и не имѣла средствъ, чтобы дать мнѣ блестящее воспитаніе. Я почти не разставалась съ нею; ея нѣжность и доброта пріобрѣли ей мое довѣріе. Я могу по правдѣ сказать, что съ того момента, какъ я начала говорить, я ничего отъ нея не скрывала. Она предоставляла мнѣ свободно бѣгать одной, стрѣлять изъ лука, спускаться съ горы въ долину къ рѣкѣ, протекавшей тамъ, гулять въ началѣ лѣса, осѣнявшаго окна помѣщенія, занятаго моимъ отцомъ, взлѣзать на старый дубъ рядомъ съ замкомъ и рвать тамъ жолуди. Но мнѣ было положительно запрещено лгать, злословить, относиться пренебрежительно къ бѣднымъ или презрительно къ нашимъ сосѣдямъ. Они были бѣдны и очень скучны, но хорошіе люди. Уже съ восьми лѣтъ моя мать нарочно оставляла меня одну съ ними въ гостиной, чтобы занимать ихъ. Она проходила рядомъ въ кабинетъ съ работой и, такимъ образомъ, она могла все слышать, не стѣсняя насъ. Уходя, она мнѣ говорила: «Повѣрьте, дорогое дитя, что нельзя быть болѣе любезнымъ, какъ проявляя снисходительность, и что нельзя поступить умнѣе, какъ примѣняясь къ другимъ». Священныя слова, которыя мнѣ были очень полезны и научили меня не скучать ни съ кѣмъ.

Я хотѣла бы обладать талантомъ, чтобы описать это имѣніе, одно изъ самыхъ красивыхъ въ окрестностяхъ Москвы: готическій замокъ съ четырьмя башенками; галлереи съ стеклянными дверями, оканчивающіяся у боковыхъ крыльевъ дома; одна сторона была занята матерью и мною, въ другой жилъ отецъ и останавливались пріѣзжавшіе гости; прекрасный и обширный лѣсъ, окаймлявшій долину и спускавшійся, рѣдѣя, къ сліянію Истры и Москвы. Солнце заходило въ углу, который образовали эти рѣки, что доставляло намъ великолѣпное зрѣлище. Я садилась на ступеньки галлереи и съ жадностью любовалась пейзажемъ, я бывала тронута, взволнована, и мнѣ хотѣлось молиться; я бѣжала въ нашу старинную церковь, становилась на колѣни въ одномъ изъ маленькихъ придѣловъ, гдѣ когда-то молились царицы; священникъ вполголоса служилъ вечерню, дьячокъ отвѣчалъ ему; все это сильно трогало меня, часто до слезъ... Это можетъ показаться преувеличеннымъ, но я разсказываю это потому, что это правда, и потому, что я убѣждена собственнымъ опытомъ въ томъ, что еще на зарѣ жизни у насъ бываютъ предчувствія и что простое воспитаніе болѣе способствуетъ ихъ развитію, оставляя нетронутой ихъ силу.

Въ это время у меня случилось несчастіе: я потеряла моего брата, которому было восемнадцать лѣтъ [1]). Онъ былъ красивъ и добръ, какъ ангелъ. Моя мать была удручена горемъ. Мой старшій братъ [2]), находившійся тогда во Франціи вмѣстѣ съ дядей И. И. Шуваловымъ [3]), пріѣхалъ утѣшать ее. Я была очень рада его видѣть; очень любозна-

---

[1]) Николай Федоровичъ (родился въ 1728 г. умеръ въ 1780 г.), генералъ-лейтенантъ. Ни онъ, ни его отецъ не играли значительной роли въ исторіи страны.

[2]) Петровское находится подъ Москвой въ Звенигородскомъ уѣздѣ. *Готическій* у графини Головиной значитъ просто *старинный*, какъ это и видно далѣе изъ *Мемуаровъ*. Имѣніе принадлежитъ князю А. М. Голицыну, но *готическій* замокъ замѣненъ дворцомъ въ итальянскомъ стилѣ, построеннымъ въ началѣ прошлаго вѣка братомъ автора *Мемуаровъ*, княземъ Федоромъ. Пейзажъ тоже измѣнился: въ Москвѣ-рѣкѣ при ея сліяніи съ Истрой нѣтъ того изобилія прозрачной воды, какъ во времена графини Головиной, дубовый лѣсъ, покрывавшій берега, сведенъ. Подробности о Петровскомъ можно найти въ изданныхъ княземъ М. М. Голицынымъ *„Матерьялахъ къ исторіи рода Прозоровскихъ“*. Приложеніе къ *Русскому Архиву* 1899 г. № 7, стр. 48—53.

[1]) Князь Иванъ Николаевичъ Голицынъ, юнкеръ гвардіи, родился въ 1759 г. умеръ въ 1777 г.

[2]) Князь Федоръ Николаевичъ, прозванный „любезнымъ кавалеромъ“, былъ позднѣе кураторомъ Московскаго Университета; родился въ 1751 году, умеръ въ 1827 г., также оставилъ *Мемуары* (*Русскій Архивъ* 1874 г. Т. I.).

[3]) Ив. Ив. Шуваловъ, оберъ камергеръ, фаворитъ Императрицы Елизаветы, основатель Московскаго Университета и Академіи Художествъ; родился въ 1717 г., умеръ въ 1797 г.

тельная, я засыпала его вопросами, которые его очень забавляли. У меня была настоящая страсть къ искусствамъ раньше, чѣмъ я узнала ихъ.

Мы поѣхали въ Петербургъ, чтобы повидаться съ дядей, который возвратился въ Россію послѣ пятнадцатилѣтняго отсутствія. Мнѣ тогда было десять лѣтъ и, слѣдовательно, онъ долженъ былъ увидѣть меня въ первый разъ, причемъ моя особа представляла поразительный контрастъ съ дѣтьми, которыхъ онъ видѣлъ до сихъ поръ. У меня не было ни сдержаннаго вида, ни натянутыхъ манеръ, какія бываютъ обыкновенно у маленькихъ барышень. Я была очень рѣзвой и говорила все, что мнѣ придетъ въ голову. Мой дядя очень полюбилъ меня. Нѣжность, которую онъ питалъ къ моей матери, еще болѣе усиливала его чувства ко мнѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ по своей добротѣ людей. Онъ игралъ очень большую роль въ царствованіи Императрицы Елизаветы и былъ покровителемъ искусствъ. Екатерина II приняла его съ особеннымъ отличіемъ, поручила ему заботы о Московскомъ Университетѣ, назначила его оберъ-камергеромъ, пожаловала ему Андреевскую и Владимирскую ленты, обставила ему домъ, оказала ему честь ужинать у него. Онъ былъ великолѣпнымъ братомъ и замѣнилъ отца дѣтямъ своей сестры. Моя мать, кажется, любила его больше жизни.

Онъ привезъ съ собой массу старинныхъ вещей. Я не могла насмотрѣться на нихъ и хотѣла все срисовать; онъ наслаждался моимъ восторгомъ и поощрялъ мои намѣренія.

Хотя мы не долго пробыли въ столицѣ, я успѣла узнать и увидѣть многое. Въ этотъ годъ родился Великій Князь Александръ. По этому случаю всѣ вельможи давали праздники. Былъ балъ у княгини Репниной, гдѣ устроили кадриль изъ сорока паръ дѣтей, приблизительно отъ одиннадцати до двѣнадцати лѣтъ. Одна изъ маленькихъ участвующихъ захворала за четыре дня, и княгиня Репнина [1]) пріѣхала съ дочерьми умолять мою мать позволить мнѣ замѣнить захворавшую

[1]) Настасья Александровна, урожденная Куракина, родилась въ 1737 г., умерла въ 1798 г., жена знаменитаго дипломата и военнаго временъ Екатерины II, князя Николая Васильевича Репнина, родившагося въ 1739 г., умершаго въ 1801 г. Одна изъ ея дочерей, Полина, должна была вскорѣ выйти замужъ за брата графини Головиной, князя Федора Голицына.

барышню. Напрасно моя мать увѣряла, что я плохо умѣю танцовать, что я никогда не бывала въ обществѣ; онѣ не переставали просить. Пришлось согласиться. Меня повезли на репетицію; мое маленькое самолюбіе заставило меня быть очень внимательной; другія были увѣрены въ своемъ исполненіи или, по крайней мѣрѣ, думали такъ, а потому и репетировали небрежно. Мнѣ же нельзя было терять времени—оставалось всего только двѣ репетиціи; я постаралась запомнить, что мнѣ нужно было дѣлать, чтобы не осрамиться при моемъ первомъ дебютѣ въ свѣтѣ. Возвратясь домой, я мысленно нарисовала фигуру кадрили на паркетѣ и продѣлала ее одна, напѣвая оставшійся въ моей памяти мотивъ. Это мнѣ великолѣпно удалось.

Когда наступилъ знаменитый день бала, я получила всеобщее одобреніе. Императрица обошлась со мной очень ласково. Великая Княгиня полюбила меня, и эта любовь продолжалась шестнадцать лѣтъ; но такъ какъ на свѣтѣ все мѣняется, то и она перемѣнилась ко мнѣ, но позднѣе я буду говорить объ этомъ подробнѣе. Императрица приказала моему дядѣ привести меня на собраніе «малаго Эрмитажа [1]). Я отправилась туда съ матерью и дядей. Общество бывшее тамъ состояло изъ генералъ-адъютантовъ, большею частію стариковъ, графини Брюсъ [2]), придворной дамы и друга Императрицы, фрейлинъ и камеръ-юнкеровъ. Мы ужинали за механическимъ столомъ: тарелки спускались сверху, какъ только дергали за веревку, проходившую сквозь столъ; подъ тарелками были аспидныя пластинки и маленькій карандашъ; надо было написать, что хочешь получить и дернуть за веревку, черезъ нѣсколько минутъ тарелка возвращалась съ требуемымъ кушаньемъ. Мнѣ очень понравилось это, и веревка была въ постоянномъ движеніи.

Мы два раза совершали путешествіе въ Москву. И послѣ того, какъ мою мать постигло несчастье—умеръ мой отецъ,—она рѣшила поселиться въ Петербургѣ, въ домѣ моего дяди. Мнѣ было тогда четырнадцать лѣтъ.

[1]) Графиня Головина называетъ такъ интимныя собранія, организованныя Екатериной II въ знаменитомъ дворцѣ Эрмитажа. См. Валишевскій. *Романъ Императрицы* изд. А. С. Суворина и *Вокругъ Трона*. изд. „Сфинксъ", 1910 г. стр. 453 и сл.

[2]) Прасковья Александровна, урожденная Румянцева, жена графа Якова Александровича Брюса, Тверского губернатора.

Въ это время я увидала и обратила вниманіе на графа Головина. Я встрѣчала его въ домѣ моей тетки, княгини Голицыной [1]). Его репутація добраго сына, хорошаго человѣка, и благородство характера, проявляемое имъ, произвели на меня впечатлѣніе. Его красивое лицо, знатный родъ, къ которому онъ принадлежалъ, и его состояніе, все это дѣлало его одной изъ лучшихъ партій. День ото дня я встрѣчала его все съ меньшимъ равнодушіемъ. Онъ выдѣлялъ меня изъ всѣхъ барышень, бывавшихъ въ свѣтѣ, и, хотя онъ не смѣлъ мнѣ этого сказать, я поняла его и сначала открылась матери, сдѣлавшей видъ, что она не придаетъ этому никакого серьезнаго значенія. Она не хотѣла смущать мое первое чувство. Моя молодость и путешествіе, которое онъ собирался совершить по Европѣ, дали ей возможность испытать насъ.

Во время его отсутствія его мать проявляла трогательную дружбу; его сестра Нелединская [2]) и его тетка Голицына осыпали меня изъявленіями дружбы. Я была болѣе чѣмъ тронута ихъ чувствами, питавшими привязанность, которая начинала серьезно заполнять мое сердце. За меня не одинъ разъ сватались, но я отказывала всѣмъ, какъ только сообщала мнѣ объ этомъ моя мать; въ моемъ воображеніи являлся мнѣ тогда графъ Головинъ. Въ то время молодежь была много строже; молодой человѣкъ съ уваженіемъ относился къ браку; внѣбрачныхъ дѣтей не усыновляли тогда. За все царствованіе Императрицы Екатерины былъ всего только одинъ примѣръ: Чесменскій, сынъ графа Алексѣя Орлова. Императоръ Павелъ злоупотребилъ своей властью въ этомъ отношеніи и поощрялъ поступки, которые совсѣмъ разрушили идею и принципъ священной связи.

Я продолжала бывать на собраніяхъ «малаго Эрмитажа». Туда приходилъ Великій Князь Александръ; ему было тогда четыре года, а Великому Князю Константину—его брату—три года. Приводили

[1]) Дарья Александровна, урожденная княгиня Гагарина, жена князя Александра Михайловича Голицына, 1724—1798

[2]) Анастасія Николаевна, жена дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Александра Юрьевича Нелединскаго-Мелецкаго. „Маленькая женщина, очень милая своими душевными качествами, а также и физическими", отзывается о ней де Корберонъ, говоря о ея многочисленныхъ побѣдахъ надъ мужчинами. *Journal intime.* Т. I p. 180.

двухъ скрипачей, и мы танцовали; я была любимой дамой Александра. Однажды, когда маленькій балъ былъ болѣе оживленъ, чѣмъ обыкновенно, и Великій Князь велъ со мною полонезъ, онъ сказалъ мнѣ съ самымъ серьезнымъ видомъ, какой можетъ быть у ребенка его лѣтъ, что онъ хочетъ показать мнѣ ужасную вещь. Я была заинтересована и смущена. Когда мы пришли въ послѣднюю комнату дворца, онъ провелъ меня въ уголъ, гдѣ стояла статуя Аполлона, въ которой античный рѣзецъ могъ доставить удовольствіе артисту, а также привести въ смущеніе молодую дѣвушку, къ счастью, слишкомъ неопытную, чтобы восхищаться совершенствомъ искусства за счетъ стыдливости.

Я позволяю себѣ разсказывать эти мелочи, только чтобы освѣжить въ памяти все, что я видѣла при дворѣ. По справедливости, я не могу найти у себя никакихъ талантовъ. Я не могу писать мемуары, они были бы недостаточно интересны и это произведеніе можно назвать только *Воспоминаніями*. У меня сохранилось много драгоцѣннаго изъ нихъ и они часто занимаютъ мои мысли. Сопоставленіе прошлаго съ настоящимъ можетъ быть намъ очень полезно. Прошлое похоже на книгу счетовъ, которую надо подсчитать, чтобы быть спокойнымъ въ настоящемъ и увѣреннымъ въ будущемъ.

Я встрѣчала болѣе розъ, чѣмъ шиповъ на жизненномъ пути. Ихъ разнообразіе и богатство, казалось, умножались передо мной. Я была счастлива. Чистое счастье гонитъ прочь равнодушіе и располагаетъ насъ съ участіемъ относиться къ счастью другихъ. Несчастье же набрасываетъ пелену печали на предметы, его окружающіе, и постоянно удерживаетъ наше вниманіе на нашихъ собственныхъ страданіяхъ, пока Богъ въ безконечной Своей милости не откроетъ новый путь нашимъ чувствамъ и смягчитъ ихъ.

Въ шестнадцать лѣтъ я получила шифръ фрейлины. Ихъ было тогда двѣнадцать. Почти каждый день я была при дворѣ. По воскресеньямъ бывало собраніе «большого Эрмитажа», на которое допускался дипломатическій корпусъ и особы первыхъ двухъ классовъ, мужчины и женщины. Собирались въ гостинной, гдѣ появлялась Императрица и поддерживала разговоръ. Затѣмъ всѣ слѣдовали за ней въ театръ; ужина не было. По понедѣльникамъ бывалъ балъ и ужинъ у Великаго Князя Павла. По вторникамъ я была дежурной. Мы про-

водили вмѣстѣ съ подругой часть вечера въ *бриллiантовой комнатѣ*, названной такъ потому, что тамъ хранились драгоцѣнности и между ними корона, скипетръ и держава. Императрица играла въ карты со старыми придворными. Двѣ фрейлины сидѣли около стола и дежурные придворные занимали ихъ.

По четвергамъ было собраніе «малаго Эрмитажа» съ баломъ, спектаклемъ и ужиномъ; иностранные министры не бывали на этихъ собраніяхъ, но остальные посѣтители были тѣ же, что и по воскресеньямъ, кромѣ того, въ видѣ милости, допускались нѣкоторыя дамы. По пятницамъ я была дежурной. По субботамъ наслѣдникъ трона давалъ великолѣпный праздникъ. Пріѣзжали прямо въ театръ и, когда появлялись Ихъ Императорскія Высочества, начинался спектакль; послѣ спектакля очень оживленный балъ продолжался до ужина, который подавался въ залѣ театра; посерединѣ залы ставили большой столъ, а въ ложахъ—маленькіе; Великій Князь и Княгиня ужинали, прохаживаясь между гостями и разговаривая съ ними. Послѣ ужина опять начинался балъ и кончался очень поздно. Разъѣзжались съ факелами, что производило прелестный эффектъ на скованной льдомъ прекрасной Невѣ.

Эта эпоха была самой блестящей въ жизни двора и столицы: все гармонировало. Великій Князь видѣлся съ Императрицей-матерью утромъ и вечеромъ. Онъ участвовалъ въ Тайномъ Совѣтѣ. Городъ былъ полонъ знати. Каждый день можно было встрѣтить тридцать-сорокъ человѣкъ гостей у Голицына [1]) и Разумовскаго [2]), у перваго министра графа Панина [3]), гдѣ часто бывали Великій Князь и Княгиня, у графа Чернышева [4]) и у вице-канцлера, графа Остермана [5]).

[1]) Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, родился въ 1718 г. умеръ въ 1783 г., одержалъ побѣду противъ турокъ при Хотинѣ (17 сентября 1769 г.).

[2]) Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, братъ фаворита Императрицы Елизаветы; фельдмаршалъ и гетманъ казаковъ, 1724—1803 г.).

[3]) Никита Ивановичъ Панинъ, воспитатель Императора Павла I и начальникъ департамента иностранныхъ дѣлъ, 1718—1783 г.).

[4]) Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, вице-президентъ Адмиралтейской Коллегіи.

[5]) Иванъ Андреевичъ Остерманъ, 1725—1811 г., онъ былъ уволенъ Императоромъ Павломъ I.

Тамъ бывало много иностранцевъ, пріѣзжавшихъ посмотрѣть на Екатерину Великую и подивиться ей; общій тонъ общества былъ великолѣпенъ.

II.

Въ 1786 году графъ Головинъ возвратился въ Россію послѣ четырехлѣтняго отсутствія. Это было около Пасхи. Я направилась во дворецъ, чтобы поцѣловать руку у Государыни. Весь дворъ и городъ отправились въ этотъ день въ церковь дворца. Тамъ была толпа народа; площадь передъ дворцомъ была покрыта красивыми экипажами. Все носило благородный характеръ и имѣло великолѣпный видъ. Недаромъ въ то время народъ думалъ, что рай находится во дворцѣ. Послѣ цѣлованія руки мы отправились въ помѣщеніе Великаго Князя и Княгини, чтобы принести имъ поздравленія. Едва я вошла туда, какъ у одного изъ оконъ увидала графа Головина. Боязнь выдать себя увеличила мое смущеніе. Чистая и законная любовь отличается робостью, которая подавляетъ нѣжность. Она, какъ сладкій сонъ, безъ волненій; пробужденіе спокойно, сожалѣнія и угрызенія совѣсти ей незнакомы; уваженіе и дружба протягиваютъ ей руки.

Счастлива та, кто испытала это чувство. Мать, пользующаяся довѣріемъ дочери, воспитываетъ его. Сердечная пустота одна изъ очень большихъ опасностей. Нѣжныя чувства, питая сердце, охраняютъ его, такъ какъ чувства—источникъ всякой жизни. Это ручей, спокойно текущій черезъ потоки и плодоносныя веселыя равнины до океана, гдѣ и поглощается въ его безконечности.

Я была просватана въ іюлѣ мѣсяцѣ. Великая Княгиня, осыпавшая меня тогда изъявленіями дружбы и доброты, написала мнѣ слѣдующую записку:

«Поздравляю васъ, моя милочка, съ счастливымъ событіемъ, которое закрѣпитъ ваши чувства и сдѣлаетъ васъ, на что я надѣюсь, такой счастливой, какъ я вамъ этого желаю. Наслаждайтесь самымъ

совершеннымъ счастьемъ. Будьте такой же хорошей женой, какъ вы были хорошимъ ребенкомъ, и, несмотря на то, что вы должны отдать ваши чувства вашему дорогому жениху, любите всегда вашего добраго друга *Марію*.

Цѣлую маму, искренно поздравляя ее и дорогого дядю. Мой мужъ выказываетъ живѣйшее сочувствіе вашему счастью».

Девятнадцати лѣтъ я вышла замужъ; моему мужу было въ это время двадцать девять. Свадьба была отпразднована 4 октября въ Зимнемъ дворцѣ. Ея Императорское Величество надѣла мнѣ брилліанты на прическу. Гувернантка фрейлинъ баронесса Мальтлицъ подала ихъ на плато. Императрица, кромѣ обыкновенныхъ драгоцѣнностей, прибавила еще рогъ изобилія. Это не ускользнуло отъ баронессы, любившей меня, и она сдѣлала замѣчаніе. Ея Императорское Величество отвѣтила, что это украшеніе служило ей и она выдѣляетъ имъ тѣхъ изъ невѣстъ, которыя ей больше нравятся. Я покраснѣла отъ удовольствія и благодарности. Императрица замѣтила мою радость и, ласково поднявъ мой подбородокъ, сказала: «Посмотрите на меня; вы вовсе недурны».

Я встала; она провела меня въ свою спальню, гдѣ были образа и, взявъ одинъ, приказала мнѣ перекреститься и поцѣловать его. Я бросилась на колѣни, чтобы принять благословеніе Ея Величества; она обняла меня и взволнованно сказала: «Будьте счастливы; я желаю вамъ этого, какъ мать и государыня, на которую вы всегда должны разсчитывать».

Императрица сдержала свое слово; ея милостивое отношеніе ко мнѣ продолжалось, все возрастая, до самой ея смерти.

Двадцати лѣтъ у меня были ужасные роды. На восьмомъ мѣсяцѣ беременности я захворала сильнѣйшей корью и была на краю могилы. Это случилось во время путешествія Императрицы въ Крымъ. Часть докторовъ была съ Ея Величествомъ, другіе были въ Гатчинѣ во дворцѣ, въ которомъ Великій Князь Павелъ проводилъ часть лѣта. У молодыхъ Великихъ Князей и Великихъ Княгинь не было кори и поэтому доктора не могли пріѣхать ко мнѣ. Мнѣ остался полковой хирургъ; онъ запустилъ болѣзнь; съ ребенкомъ, находившемся во мнѣ, начались судороги; я терпѣла жестокія мученія. Графъ Строгановъ [1]), который былъ очень привязанъ ко мнѣ, отправился къ Великой Княгинѣ, чтобы вызвать въ ней участіе къ моему тяжелому положенію. Она послала мнѣ сначала доктора, потомъ акушера. Мои страданія были такъ сильны, что пришлось дать мнѣ опіуму, чтобы усыпить меня на двѣнадцать часовъ. Когда я пробудилась отъ искусственнаго сна, у меня не было силъ для разрѣшенія отъ бремени; пришлось прибѣгнуть къ инструментамъ. Я мужественно перенесла эту мучительную операцію; мой мужъ стоялъ близъ меня, едва дыша, и я боялась, что онъ можетъ упасть въ обморокъ. Ребенокъ умеръ черезъ двадцать четыре часа, но я узнала объ этомъ по истеченіи трехъ недѣль. Я была при смерти, но постоянно спрашивала его и мнѣ отвѣчали, что волненіе, которое я испытаю при видѣ его, очень ухудшитъ мое положеніе. Когда мнѣ стало лучше, Великая Княгиня послала ко мнѣ свою подругу, г-жу Бенкендорфъ [2]), со слѣдующей очень любезной запиской:

«Поздравляю васъ, дорогая графиня, съ разрѣшеніемъ и шлю вамъ тысячу пожеланій какъ можно скорѣе выздоровѣть. Будьте мужественны, моя дорогая, въ скоромъ времени вы будете только наслаждаться счастьемъ быть матерью, не вспоминая о перенесенныхъ страданіяхъ. Бенкендорфъ передастъ вамъ, какъ я васъ люблю.

Вашъ добрый другъ *Марія*».

Во время моей болѣзни я получала лестныя и трогательныя изъявленія сочувствія. У моихъ дверей постоянно останавливались, спрашивая о моемъ здоровьѣ, даже лица, которыхъ я не знала. Черезъ четыре дома отъ меня жила г-жа Княжнина, съ которой я никогда не была знакома и которую никогда не видала; однажды вечеромъ

---

[1]) Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, оберъ-камергеръ, позднѣе президентъ Академіи Художествъ, 1734—1811 г.

[2]) Жюльенъ Шиллингъ де-Канштадтъ пріѣхала въ Россію съ Великой Княгиней и вышла замужъ за полковника, а позднѣе генерала Христофора Бенкендорфа, изъ прусскаго рода, поселившагося въ Россіи. Ихъ дочь Дарья Христофоровна была знаменитой княгиней Ливенъ. Г-жа Бенкендорфъ родилась въ 1758 г. и умерла въ 1797.

она увидала, что шарманщикъ направляется къ окнамъ моего дома, она послала слугъ и выбѣжала сама, чтобы заставить замолчать музыканта, повторяя ему, что онъ не долженъ играть такъ близко отъ умирающей. Моя молодость и семейное счастье были причиной этого всеобщаго доброжелательства. Мой бракъ, казалось, интересовалъ всѣхъ. Такое пріятное чувство вызываетъ видъ влюбленныхъ супруговъ, старики наслаждаются воспоминаніемъ, а молодежь сравненіемъ.

Я быстро выздоровѣла, но моя печаль продолжалась долго. Долгое время я не могла слышать крика ребенка, едва не падая отъ этого въ обморокъ. Заботы друзей, которыми я была окружена, въ концѣ-концовъ успокоили меня.

Ея Императорское Величество вернулась изъ путешествія въ Крымъ. Мой дядя, сопровождавшій ее, встрѣтилъ меня съ особой нѣжностью; онъ былъ такъ счастливъ найти меня оправившейся послѣ такой тяжелой болѣзни.

Путешествіе Императрицы было замѣчательно и заслуживаетъ извѣстности гораздо большей, чѣмъ оно пользуется. Ея Величество сопровождали: англійскій посланникъ де-Фицъ-Гербертъ, впослѣдствіи лордъ Сентъ-Геленсъ, французскій посланникъ графъ де-Сегюръ, австрійскій посланникъ графъ Луи де-Кобенцль, мой дядя, графиня Протасова [1]) и графиня Браницкая [2]). Потемкинъ, ѣхавшій впереди, приготовилъ многочисленную стражу. Она отказалась отъ нея. Императоръ Іосифъ, присоединившійся къ ней на дорогѣ, былъ очень удивленъ, что такъ мало принято предосторожностей. Императрица ничего не отвѣтила на его замѣчаніе, но одно событіе оправдало ея поведеніе. Только что покоренные татары принимали ее съ энтузіазмомъ. Разъ, когда карета Ея Величества находилась на очень крутой горѣ, лошади закусили удила и опрокинули бы ее, но жители окрестныхъ деревень, сбѣжавшіеся, чтобы посмотрѣть на свою государыню, бросились къ лошадямъ и остановили ихъ. Многіе при этомъ были убиты и ранены, но крики восторга раздавались непрерывно. «Да, я вижу,—сказалъ тогда императоръ,—что вамъ не нужно стражи».

[1]) Анна Степановна Протасова, старая фрейлина и близкій другъ Екатерины II. Родилась въ 1745 г., умерла въ 1826. Она принимала участіе въ Вѣнскомъ Конгрессѣ и любила посѣщать салоны, гдѣ играла роль пугала. См. Валишевскій, *Вокругъ трона*. Изд. „Сфинксъ“ 1910 стр. 424 и 426.

[2]) Александра Васильевна Энгельгардтъ, родилась въ 1754 г., умерла въ 1838 г., племянница Потемкина, вышла замужъ за Франсуа Хсавье Браницкаго.

Посланники были въ восторгѣ отъ этого путешествія. Я вспоминаю интересный анекдотъ, разсказанный мнѣ графомъ де-Кобенцль. Императрица путешествовала въ шестимѣстной каретѣ. Императоръ, его посланникъ и мой дядя находились тамъ всегда. Посланники и двѣ дамы допускались туда поочереди. У Императрицы была великолѣпная бархатная шуба. Посланникъ похвалилъ ее, на что Императрица отвѣтила: «Это одинъ изъ моихъ слугъ заботится объ этой части моего гардероба. Онъ слишкомъ глупъ для другой должности». Графъ Сегюръ, о чемъ-то думавшій въ это время, слышалъ только какъ хвалили шубу и поспѣшилъ сказать: «Каковъ господинъ, таковъ и слуга». Это вызвало большой смѣхъ.

Въ тотъ же день за обѣдомъ Императрица шутя замѣтила графу Кобенцлю, сидѣвшему, какъ всегда, рядомъ съ ней, что должно быть ему надоѣло постоянно находиться около нея. «Своихъ сосѣдей не выбираютъ», отвѣтилъ онъ. Эта разсѣянность была встрѣчена такимъ же смѣхомъ, какъ и предыдущая.

Послѣ ужина Ея Величество разсказывала какой-то анекдотъ; лорда Сентъ-Геленса не было въ это время въ комнатѣ и онъ возвратился, когда она уже кончила разсказъ. Присутствовавшіе выразили ему сожалѣніе, что онъ оказался лишеннымъ удовольствія, доставленнаго этимъ разсказомъ. Императрица предложила повторить его, но едва она дошла до половины анекдота, какъ лордъ крѣпко заснулъ. «Только этого не хватало, господа,—сказала она,—чтобы довершить вашу предупредительность. Я вполнѣ удовлетворена».

Въ 1780 году мой мужъ получилъ чинъ полковника. Императрица дала ему полкъ и ему пришлось отправиться въ армію. Эта разлука была для меня крайне тяжелой. Я только что встала съ постели послѣ родовъ и была очень слаба. Отсутствіе моего мужа продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; онъ возвратился и уѣхалъ опять. Правда, онъ надѣялся скоро вернуться ко мнѣ, но обстоятельства войны [1]) пе-

[1]) Вторая турецкая кампанія началась въ іюлѣ 1787 г. и окончилась въ январѣ 1792 г. присоединеніемъ Крыма.

ремѣнились и онъ, не находя возможности уѣхать съ поля военныхъ дѣйствій, просилъ меня пріѣхать къ нему и прислалъ двухъ нижнихъ чиновъ, чтобы проводить меня. Хотя это распоряженіе было мнѣ очень пріятно, но моя радость была отравлена тѣмъ горемъ, которое долженъ былъ причинить мой отъѣздъ моей матери.

Она занялась приготовленіями къ моему путешествію, разыскала мнѣ хирурга, снабдила меня всѣмъ необходимымъ, добавила къ моимъ двумъ проводникамъ еще одного офицера и заставила меня взять съ собою барышню-компаньонку, жившую у нея въ домѣ. Это была очень хорошая особа, но большая трусиха. Моя мать проводила меня до Царскаго Села, гдѣ я получила записку отъ брата, бывшаго на дежурствѣ въ Гатчинѣ у Великаго Князя. Онъ передавалъ, что Великая Княгиня непремѣнно требуетъ, чтобы я заѣхала проститься съ ней; мнѣ было это по дорогѣ, но я была въ дорожномъ туалетѣ, вся закутанная; погода была холодная, а путешествіе, которое мнѣ предстояло совершить, было долгое и непокойное.

Несмотря на это, Ея Императорское Высочество непремѣнно хотѣла видѣть меня въ дорожномъ костюмѣ, и пришлось отбросить церемоніи въ сторону. Я подъѣхала, меня провели въ помѣщеніе г-жи Бенкендорфъ, куда Великая Княгиня прислала за мной минуту спустя. Я вошла въ ея кабинетъ, гдѣ она меня дожидалась; она обняла меня, трогательно говорила со мной о подчиненіи супружескому долгу, посадила меня за свой письменный столъ, приказала мнѣ написать моей матери, долго разговаривала со мной, послала за Великимъ Княземъ, заставила его поцѣловать меня и, наконецъ, очень нѣжно простилась со мной.

И вотъ я во весь духъ неслась день и ночь по дорогѣ въ Бессарабію. Мнѣ было тогда двадцать два года, и я была полна здоровья и мужества. На нѣкоторомъ разстояніи отъ Витебска, выйдя изъ кареты, пока мѣняли лошадей, я вошла въ нѣчто вродѣ барака и усѣлась на столъ, потому что стулья были сломаны; я велѣла развести нѣсколько кусковъ бульона, чтобы подкрѣпиться. Вдругъ съ шумомъ появляется военный и передаетъ мнѣ письмо и толстый пакетъ. Я была такъ обрадована, узнавъ почеркъ своей матери, что совершенно забыла про того, кто мнѣ передалъ посылку; но успокоившись, я узнала графа Ланжерона, французскаго эмигранта, ѣхавшаго добровольцемъ въ армію [1]). Я видѣла его въ Петербургѣ у графа Кобенцля и у герцогини Нассауской.

Поблагодаривъ его, я опять усѣлась на столъ и принялась за бульонъ, который онъ пожиралъ глазами, но который я поспѣшно доѣла, чтобы доказать ему, что я не намѣрена дѣлиться съ нимъ, вовсе не желаю его общества и что онъ можетъ уходить. Онъ такъ и сдѣлалъ. Дверь была открыта, я слышала, какъ онъ, войдя въ сосѣднюю комнату, приказалъ подать какъ можно скорѣе молока. Черезъ минуту еврейка подала ему полную крынку молока и кусокъ хлѣба. Но такъ какъ онъ ѣлъ, расхаживая по комнатѣ и посматривая въ мою сторону, то мнѣ это надоѣло. Я пошла и сѣла въ карету, которую быстро запрягли.

Пріѣхавъ въ Шкловъ утромъ, я не хотѣла останавливаться ни на минуту: я знала, что мѣстный помѣщикъ Зоричъ [2]), большой баринъ и очень любезный, любитъ угощать у себя проѣзжихъ, болѣе или менѣе знатныхъ. Какъ только я вошла на дворъ почтовой станціи, я сейчасъ же потребовала лошадей; но вдругъ около моей кареты показались графъ Ланжеронъ, успѣвшій обогнать меня, и графъ Цукато [3]), оба въ папильоткахъ и халатахъ, разсыпаясь въ извиненіяхъ за свой смѣшной нарядъ. Я не могла удержаться отъ смѣха, смотря на нихъ, и чтобы избавиться отъ ихъ общества, я отправилась дожидаться лошадей въ находившійся въ глубинѣ двора домъ, гдѣ никого не было. Только что я сѣла у окна, послышалось хлопанье бича

---

[1]) Родился въ Парижѣ въ 1763 г., умеръ въ Петербургѣ въ 1831 году, сражался въ Америкѣ подъ начальствомъ Рошамбо, въ Россіи противъ турокъ и также, увы, противъ Франціи; въ первый разъ съ союзной арміей, второй—подъ начальствомъ Блюхера; командовалъ русскимъ отрядомъ при Аустерлицѣ, Березинѣ и Лейпцигомъ. Его мемуары, въ большей своей части неизданные, хранятся въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ.

[2]) Симонъ Гавриловичъ Зоричъ, 1745—1799 г., бывшій фаворитъ Екатерины II, по происхожденію хорватъ. Получивъ отставку въ 1778 г., онъ построилъ въ Шкловѣ, подаренномъ ему Екатериною II, великолѣпный, полный княжеской роскоши, дворецъ, гдѣ его посѣтила Екатерина. Онъ основалъ также военную школу. (См. Валишевскій, *Вокругъ трона*. Изд. „Сфинксъ“ 1910, стр. 361 и дальше).

[3]) Графъ Евгеній Цукато, позднѣе генералъ-майоръ и членъ Военной Коллегіи.

и во дворъ въѣхало раззолоченное *„визави“* (узкая двухмѣстная карета), запряженное великолѣпными лошадьми. Съ непріятной дрожью я узнала Зорича, котораго я въ дѣтствѣ встрѣчала при дворѣ. Онъ всталъ передо мною на колѣни, умоляя меня отобѣдать у него. Я употребила все мое краснорѣчіе, чтобы отказаться отъ его приглашенія, но все было напрасно. Пришлось сѣсть съ нимъ въ карету и ѣхать къ его племянницамъ, чтобы дожидаться тамъ, пока онъ пріѣдетъ за мной. Это было сдѣлано, чтобы не нарушить приличія. Зоричъ не былъ женатъ и не хотѣлъ оставаться со мной наединѣ въ теченіе двухъ часовъ передъ обѣдомъ.

Его племянницы были для меня совершенно новымъ знакомствомъ. Я никогда ихъ раньше не видала и даже не слыхала про нихъ. Онѣ были заняты костюмами для бала, назначеннаго на слѣдующій день, и просили меня помочь имъ совѣтами. Чтобы лучше исполнить ихъ желанія, я нарисовала имъ модели шляпъ, токовъ, платьевъ и чепцовъ. Онѣ были въ восторгѣ отъ меня, и я произвела на нихъ прелестное впечатлѣніе.

Передъ обѣдомъ Зоричъ заявился ко мнѣ предложить свою руку, чтобы провести меня въ свое элегантное *визави*, и помѣстился противъ меня. Мой костюмъ былъ совершенной противоположностью его костюма. На мнѣ была маленькая черная касторовая шляпа съ перомъ и голубой сюртукъ съ краснымъ воротникомъ. Это были цвѣта военной формы моего мужа. У Зорича было пять буклей цвѣта голубинаго крыла, вышитое платье и шляпа въ рукѣ; онъ былъ надушенъ, какъ султанъ, и я кусала себѣ губы, чтобы не разсмѣяться.

Мы пріѣхали. Онъ провелъ меня въ гостиную, гдѣ было не меньше шестидесяти человѣкъ, изъ которыхъ я знала только троихъ: графа Ланжерона, графа Цукато и м-ль Энгельгардтъ, очень красивую особу, родственницу племянницъ Потемкина. Я подсѣла къ ней. Обѣдъ былъ дологъ и утомителенъ своимъ изобиліемъ. Я съ удовольствіемъ думала о томъ моментѣ, когда можно будетъ уѣхать, но пришлось остаться на весь день и даже поужинать.

Наконецъ, я уѣхала вмѣстѣ съ десятью знаменитыми курьерами Зорича, которые должны были какъ можно скорѣе доставить меня въ Могилевъ. Дѣйствительно, я очень скоро доѣхала туда, утомленная почестями, которыя мнѣ оказывались по дорогѣ. Меня подвезли къ

двери очень красиваго двухъэтажнаго зданія. Я быстро вбѣжала по лѣстницѣ, обошла всѣ комнаты, легла въ послѣдней на диванъ и крѣпко заснула. Меня разбудилъ въ семь часовъ утра начальникъ города, пріѣхавшій предложить мнѣ свои услуги и засыпавшій меня вопросами о политическихъ и придворныхъ дѣлахъ.

Я отвѣчала ему очень дерзко. Только что онъ ушелъ и я успѣла окончить свой туалетъ, какъ мнѣ доложили о приходѣ адъютанта, господина Пассека [1]), губернатора города и нашего дальняго родственника. Онъ приглашалъ меня обѣдать къ себѣ въ деревню, въ пятишести верстахъ отъ города и прислалъ за мной свой экипажъ. Я согласилась. Золоченая двухмѣстная карета, съ пятью стеклами, запряженная четырьмя сѣрыми лошадьми, съ двумя форейторами поанглійски, дожидалась меня. Я ѣхала черезъ весь городъ съ большимъ шумомъ; евреи, узнавъ карету губернатора, становились на колѣни; я раскланивалась направо и налѣво, очень забавляясь этимъ фарсомъ.

Пріѣхавъ во дворецъ, я была тамъ чудесно принята; мнѣ показали прекрасный садъ, прелестные виды, предложили очень хорошій обѣдъ, послѣ котораго я сыграла партію въ шахматы съ господиномъ, котораго я въ первый разъ видѣла; потомъ я простилась съ хозяиномъ и вернулась къ своему экипажу, чтобы ѣхать дальше.

На слѣдующій день послѣ моего отъѣзда изъ Могилева, я получила огромный пакетъ на почтовой станціи, гдѣ я остановилась. Я была въ восхищеніи, думая, что это отъ матери, но моя радость превратилась въ удивленіе, когда я увидѣла посланіе въ стихахъ и очень почтительное письмо графа Ланжерона. Я была очень разсержена тѣмъ, что обманулась, и дала себѣ обѣщаніе отомстить. Черезъ день, въ Кременчугѣ, я наскоро обѣдала, пока запрягали лошадей, какъ вдругъ появился Ланжеронъ. «Никогда хорошо написанные стихи не были такъ дурно приняты, какъ ваши,—сказала я ему.—Вашъ пакетъ доставилъ мнѣ жестокое разочарованіе, такъ какъ я приняла его за письмо отъ моей матери. Это недоразумѣніе, очень тяжелое для меня, лишило меня способности почувствовать всю прелесть ва-

[1]) Петръ Богдановичъ Пассекъ, губернаторъ Бѣлоруссіи, былъ однимъ изъ помощниковъ Екатерины въ государственномъ переворотѣ 1762 г. Родился въ 1736 г., умеръ въ 1802 г.

шей поэзіи». Онъ принялъ сокрушенный видъ и сказалъ мнѣ, вздыхая, что онъ очень несчастенъ, потому что только что получилъ извѣщеніе изъ Парижа, что его жена [1]) была при смерти. Онъ просилъ у меня рекомендательныхъ писемъ къ мужу и къ княгинѣ Долгорукой [2]). Я сѣла писать; я рекомендовала его какъ поэта, какъ рыцаря, ищущаго приключеній и не находящаго ихъ, какъ чувствительнаго мужа, оплакивающаго агонію своей жены въ стихахъ. Я сложила два письма и передала ему, не запечатавъ ихъ. Онъ простился со мной. Когда я собиралась садиться въ карету, я получила огромный арбузъ и новые стихи графа Ланжерона. Къ счастью это были послѣдніе.

Я пріѣхала въ Кременчугъ въ дурную и холодную погоду. Нѣкоторые изъ моихъ экипажей требовали починки. Я остановилась въ деревянномъ дворцѣ, построенномъ для Императрицы во время путешествія ея въ Крымъ, и заказала себѣ маленькій обѣдъ. Пока я занималась туалетомъ, мнѣ доложили, что пришелъ начальникъ города, шведъ. Въ самыхъ красивыхъ фразахъ въ мірѣ предложилъ онъ мнѣ отобѣдать у него, говоря, что онъ былъ предупрежденъ о моемъ пріѣздѣ и все приготовилъ, но что онъ заранѣе извиняется за свою жену, которая очень больна и не можетъ оказать мнѣ должный (по его мнѣнію) пріемъ. Пришлось отправиться съ нимъ. Мы сѣли въ двухмѣстную карету, грязную и запряженную скверными лошадьми; подъѣхавъ къ двери одноэтажнаго деревяннаго домика, онъ предложилъ мнѣ руку и провелъ меня въ гостиную, прося пройти въ комнату рядомъ, гдѣ лежала его жена. Я согласилась, но каково же было мое удивленіе, когда я увидала закутанную во все бѣлое фигуру, лежащую на диванѣ. Комната была очень мрачна, занавѣсы спущены, а хозяйка оказалась негритянкой! Цвѣтъ ея лица сливался съ тѣнью комнаты. Она извинилась слабымъ болѣзненнымъ голосомъ, что не можетъ встать; я сѣла рядомъ съ ней, прося ее не безпокоиться, и разговаривала съ ней до обѣда, который былъ далеко не изысканъ.

[1]) Наталья Петровна, урожденная Трубецкая.

[2]) Екатерина Федоровна Барятинская, 1769—1849 г., замужемъ за княземъ Василіемъ Васильевичемъ Долгорукимъ, въ то время главная фаворитка князя Потемкина. См. Залишевскій *Вокругъ Трона* Москва, изданіе „Сфинксъ“ 1910. стр. 151.

Нестройный оркестръ терзалъ мои уши; ему аккомпанировалъ хоръ фальшивыхъ голосовъ; мой хозяинъ восторгался этой музыкой, безпрестанно повторялъ, что это любимая музыка князя Потемкина. Когда кончился обѣдъ и мои экипажи были исправлены, шведъ проводилъ меня до барки, на которой я должна была переѣхать черезъ Бугъ. Эта рѣка производитъ впечатлѣніе своей широтой и довольно опасна для переѣзда. Моя спутница дрожала. Я же наслаждалась разнообразіемъ волнъ, качавшихъ барку. Погода была туманная; дулъ сильный вѣтеръ; облака, сталкиваясь, мѣняли форму съ крайней быстротой; сѣрая масса разсѣивалась, и глазъ едва успѣвалъ слѣдить за ихъ движеніемъ. Я была въ восхищеніи отъ этого зрѣлища. Все поразительно въ природѣ; ея изобиліе такъ же велико, какъ безконеченъ ея Творецъ.

Видъ бессарабскихъ степей былъ совершенной новостью для меня. Направо я видѣла безконечную равнину, безъ деревьевъ, безъ человѣческихъ жилищъ, если не считать нѣсколькихъ казачьихъ постовъ. Нѣсколько прекрасныхъ цвѣтовъ разсѣяны тамъ и здѣсь на травѣ, сожженной солнцемъ; направо поднимаются довольно высокія горы. Казачьи посты состоятъ изъ подземныхъ хижинъ и на поверхности земли видны только соломенныя крыши, въ видѣ сахарныхъ головъ. Пики, воткнутыя въ землю вокругъ, блестятъ, какъ звѣздочки. Ночью я остановилась, чтобы перемѣнить лошадей. Великолѣпно свѣтила луна, была превосходная погода; я вышла изъ кареты и услыхала звуки гитары, они раздавались подъ землей и казались волшебными. Кромѣ этихъ гармоническихъ аккордовъ, вокругъ была абсолютная тишина. Мнѣ было досадно уѣзжать, но все было готово для продолженія пути и я съ нетерпѣніемъ приближалась къ цѣли моего путешествія. Преобладающее желаніе заставляетъ насъ забывать о настоящемъ, все становится побочнымъ передъ точкой, къ которой мы стремимся, не видя ея; душевное зрѣніе подавляетъ зрѣніе тѣлесное.

На слѣдующій день я осталась безъ пищи, пришлось обратиться къ казакамъ. Подходя къ одной изъ хижинъ, я услыхала радостные крики: «Да здравствуетъ Екатерина Великая. Да здравствуетъ наша мать, дающая намъ хлѣбъ и славу. Да здравствуетъ Екатерина!» Эти слова какъ бы пригвоздили меня къ мѣсту, я не могла наслушаться

ихъ. Никогда я не испытала энтузіазма болѣе чистаго и справедливаго. Это прославленіе Государыни въ степяхъ, за двѣ тысячи верстъ отъ столицы, производило трогательное впечатлѣніе.

Я спустилась въ хижину, гдѣ веселились по случаю свадьбы. Мнѣ предложили пить; я просила ѣсть. Сейчасъ же на моихъ глазахъ сварили пирожки совершенно новымъ для меня способомъ: они состояли изъ ржаной муки и воды. Изъ тѣста дѣлали лепешку и въ середину клали творогъ, потомъ края закрывали и бросали въ котелъ съ кипящей водой. Черезъ десять минутъ мнѣ подали эти пирожки и я съѣла шесть штукъ, найдя ихъ превосходными. Мои спутники послѣдовали моему примѣру, и мы отправились дальше.

Послѣ двухчасовой ѣзды мы подъѣхали къ другому посту. Несмотря на шесть съѣденныхъ мною пирожковъ, я была очень голодна. Изъ окна кареты я увидала маленькую палатку у подножья горы, въ которой сидѣлъ господинъ за столомъ и усердно ѣлъ. Я спросила его имя, это былъ полковникъ Рибопьеръ [1]), котораго я знала и очень любила. Я послала сказать ему, что умираю отъ голода и прошу его уступить мнѣ немного изъ его обѣда. Какъ только онъ узналъ меня, онъ сейчасъ же подбѣжалъ къ моей каретѣ и принесъ половину жаренаго гуся, вина и воды. Онъ былъ въ восхищеніи, что могъ оказать мнѣ эту небольшую услугу, а я очень довольна, что была обязана ему за нее. Въ арміи я съ удовольствіемъ опять встрѣтилась съ нимъ. Онъ былъ очень несчастенъ, искалъ опасности и погибъ при осадѣ Измаила.

На слѣдующій день, находясь въ семидесяти верстахъ отъ Бендеръ, мы подъѣхали къ довольно высокой горѣ. Погода была жаркая, дорога пыльная и лошадямъ было очень трудно подниматься. Я предложила моей компаньонкѣ и горничной выйти изъ кареты, что онѣ и сдѣлали. Карету своротили съ дороги и пустили лошадей по травѣ. Я осталась одна въ экипажѣ, дверцы были открыты на случай паде-

[1]) Иванъ Степановичъ Рибопьеръ 1750—1790 г. По происхожденію швейцарецъ или эльзасецъ изъ рода, эмигрировавшаго послѣ изданія Нантскаго эдикта. Пріѣхавъ въ 1782 г. по порученію Грима, онъ вмѣшался въ устройство брака между фаворитомъ Императрицы Мамоновымъ и княжной Щербатовой, за что оказался въ немилости. См. Валишевскій. *Вокругъ трона.* Москва, Изд. „Сфинксъ“ 1910 г., стр. 375 и сл. 433.

нія. Черезъ четверть часа я услыхала на большой дорогѣ колокольчикъ и увидала курьерскую повозку, въ которой стоялъ мужчина, поглядывая по сторонамъ. Я узнала мужа. Я выпрыгнула изъ кареты, онъ тоже выскочилъ изъ повозки; я была болѣе чѣмъ счастлива. Подбѣжали мои спутницы; онъ оставилъ всѣ экипажи, сѣлъ въ почтовую тѣлежку, въ которой ѣхали мой докторъ и офицеръ, и увезъ меня съ собой.

И вотъ мы ѣдемъ черезъ холмы и горы по каменистой дорогѣ и къ десяти часамъ вечера пріѣзжаемъ въ главный городъ Бессарабіи. Мостъ черезъ Днѣстръ мы перешли пѣшкомъ; мой мужъ отвезъ меня прямо къ княгинѣ Долгорукой. Она сидѣла въ маленькой гостиной, спиной къ дверямъ. Рядомъ съ ней была г-жа де Виттъ, въ настоящее время графиня Потоцкая [1]). Въ глубинѣ комнаты стоялъ столъ, окруженный игроками, очень занятыми игрой. Я тихо пробралась за кресло княгини и закрыла ей глаза рукой. Она вскрикнула, я отступила назадъ. Г-жа де Виттъ, видя незнакомое лицо, молчала; мужчины, не поворачивая головы, воскликнули: «Опять навѣрно летучая мышь». Наканунѣ въ окно влетѣла летучая мышь и княгиня очень испугалась. Я вышла къ свѣту, раздались радостныя восклицанія. Поужинали, потомъ проводили меня домой.

Мое небольшое помѣщеніе было еще не совсѣмъ устроено; дивана еще не поставили, и такъ какъ мои экипажи еще не пріѣхали, то мой мужъ разостлалъ свой плащъ на полу, сдѣлалъ мнѣ подушку изъ своего мундира, поставилъ свѣчу на полъ и помѣстился около, чтобы сторожить мой сонъ.

Я спала великолѣпно. Проснувшись, я обошла домъ, состоявшій изъ трехъ комнатъ подрядъ. Комната, гдѣ я спала, была отдѣлана деревомъ, дверь была вся рѣзная; въ глубинѣ комнаты были двѣ большихъ двери, за которыми была ниша, куда турки запираютъ своихъ

[1]) Софія, по прозванію „прекрасная Фанаріотка“; родилась въ 1761 году въ окрестностяхъ Константинополя; рабыня, куплена за нѣсколько піастровъ посломъ польскаго короля Боскампомъ, позднѣе была замужемъ за комендантомъ польской крѣпости Каменецъ-Подольскъ; въ 1871 году увезена принцессой Нассауской въ Парижъ, гдѣ красота Софіи произвела сенсацію, и послѣ развода вышла вторично замужъ за самаго богатаго магната Польши графа Феликса Потоцкаго, умерла въ 1822 году.

женъ. Потолокъ былъ тоже столярной работы, полъ земляной, хорошо убитый; въ окнахъ деревянныя рѣшетки и вмѣсто стеколъ прозрачная бумага, черезъ которую проникалъ свѣтъ, но больше ничего не было видно.

Я открыла окно, чтобы осмотрѣть дворъ. Противъ дома были увядшія виноградныя лозы и большое вишневое дерево безъ ягодъ: сезонъ уже прошелъ. Я была очень печальна, мой мужъ получилъ приказаніе идти на атаку Киліи. Ему поручили командованіе пѣхотой, а его полкъ былъ кавалерійскимъ. Мысль о предстоящей разлукѣ меня очень смущала, главнымъ образомъ потому, что я должна была остаться одна въ лагерѣ и въ перспективѣ былъ еще пріѣздъ Потемкина черезъ шесть дней.

Въ день отъѣзда моего мужа я заперлась у себя, погружаясь въ свои печальныя мысли. Всѣ вокругъ меня были заняты пріѣздомъ князя, и это ожиданіе мнѣ сильно не нравилось. Наконецъ, онъ пріѣхалъ и прислалъ звать меня вечеромъ къ себѣ. Княгиня Долгорукая сказала мнѣ: «Будьте повнимательнѣй къ князю, онъ здѣсь все равно, что государь». — «Я съ нимъ знакома, княгиня, — отвѣчала я,—я его видала при дворѣ, онъ обѣдалъ иногда у моего дяди, и я не знаю, почему я стала бы выдѣлять его особеннымъ вниманіемъ изо всѣхъ, кого я встрѣчаю».

Этотъ маленькій разговоръ произошелъ у насъ по дорогѣ, когда мы шли къ князю. Этотъ послѣдній подошелъ ко мнѣ съ самыми горячими изъявленіями дружбы. «Я очень рада видѣть васъ, князь,— сказала я ему,—сознаюсь все-таки, что видѣть васъ не было цѣлью моего путешествія. Но вы похитили моего мужа, и вотъ я оказываюсь вашей плѣнницей».

Я сѣла; очень большая зала была наполнена генералами и между ними князь Репнинъ [1]), державшійся очень почтительно, что меня непріятно поразило и прибавило мнѣ дерзости. Я здѣсь одна, думала я про себя, у меня нѣтъ защитника и мнѣ надо держаться съ гордымъ достоинствомъ. Это мнѣ великолѣпно удалось.

Вечера у князя Потемкина становились все чаще; великолѣпіе и азіатская роскошь были доведены на нихъ до крайности; я вскорѣ

[1]) Николай Васильевичъ.

замѣтила, что Потемкинъ очень ухаживалъ за княгиней Долгорукой. Она сначала нѣкоторое время сдерживалась при мнѣ, но потомъ тщеславіе взяло верхъ, и она стала кокетничать во всю, что меня съ каждымъ днемъ все болѣе удаляло отъ нея. Все окружавшее меня не нравилось мнѣ, самый воздухъ, которымъ я дышала, казался мнѣ зараженнымъ.

Въ тѣ вечера, когда не было бала, проводили время въ диванной. Диванъ былъ обитъ турецкой розовой матеріей, затканной серебромъ; такой же коверъ съ примѣсью золота лежалъ у нашихъ ногъ. На роскошномъ столѣ филигранная курильница распространяла аравійскіе ароматы. Подавали различные сорта чая. На князѣ почти всегда было платье, отороченное соболемъ, брилліантовая звѣзда и Андреевская и Георгіевская ленты. На Долгорукой былъ почти костюмъ султанши, не доставало только панталонъ! Г-жа де Виттъ старалась изо всѣхъ силъ и играла далеко не подходящую ей роль. М-ль Пашкова, впослѣдствіи въ замужествѣ Ланская [1]), жила у княгини Долгорукой, но держалась, насколько возможно, въ сторонѣ отъ всего этого. Я же проводила большую часть вечера за игрой въ шахматы съ принцемъ Вюртембергскимъ [2]) и княземъ Репнинымъ. Княгиня Долгорукая не разставалась съ Потемкинымъ. Ужинъ подавался въ прекрасной залѣ; блюда разносили кирассиры, высокаго роста, въ мундирахъ съ красными воротниками, высокихъ черныхъ и мѣховыхъ шапкахъ съ плюмажемъ. Они попарно входили въ комнату и напоминали мнѣ стражу, появляющуюся на сцену въ трагедіяхъ. Во время обѣда знаменитый оркестръ вмѣстѣ съ пятидесятью трубами исполнялъ самыя прекрасныя симфоніи. Дирижеромъ былъ Сарти [3]). Все было великолѣпно и величественно, но не удовлетворяло меня. Нельзя наслаждаться спокойно, когда нарушаются принципы.

Я не буду входить въ описаніе подробностей событій каждаго дня. Это было самое непріятное время моей жизни. Эта нечистая любовь, вызванная тщеславіемъ, вынужденное знакомство съ г-жей де

[1]) Варвара Матвѣевна, жена Василія Сергѣевича Ланского, члена Государственнаго Совѣта.

[2]) Братъ Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны (1771—1833).

[3]) Жозефъ Сарти, композиторъ, пользовавшійся славой въ то время Его лучшая опера—*Армида*.

Виттъ, внушавшей мнѣ только презрѣніе и не совсѣмъ вѣжливое чувство жалости: все это противорѣчило моему сердцу. И я жила только надеждой уѣхать оттуда.

Однажды вечеромъ я услыхала пушечный выстрѣлъ. Мое сердце сильно забилось. Это было извѣщеніе о взятіи Килiи [1]); мой мужъ былъ невредимъ. Я была въ восхищеніи и безумѣла отъ радости.

На слѣдующій день я отправилась на *Te Deum*. Послѣ церемоніи я подошла къ князю, прося его, чтобы онъ распорядился о возвращеніи моего мужа.—«Я сейчасъ же пошлю объ этомъ приказъ,—сказалъ онъ мнѣ;—а вамъ пришлю копію, чтобы вы знали о приказѣ». Дѣйствительно, едва я успѣла возвратиться къ себѣ, какъ мнѣ принесли бумагу, въ которой говорилось, что надо какъ можно скорѣе отослать графа Головина къ женѣ, даже если онъ этого не хочетъ. На слѣдующій день мой мужъ пріѣхалъ верхомъ,—разстояніе было только сто верстъ. Я свободно вздохнула. Это было въ ноябрѣ, и я рѣшилась подождать Екатерининa дня. Князь готовилъ великолѣпный праздникъ, и я полагала, что мнѣ необходимо на немъ присутствовать. Онъ осыпалъ меня тысячами проявленій внимательности.

Наступилъ праздникъ. Онъ повезъ насъ на линейкахъ черезъ двухсотъ-тысячную армію, выстроенную по дорогѣ и отдававшую намъ честь. Мы спустились въ огромную подземную залу, богато убранную. Противъ очень красиваго дивана было нѣчто въ родѣ галлереи съ музыкантами. Звукъ инструментовъ казался задушеннымъ подъ землею, но отъ этого былъ только прекраснѣе. Ослѣпительнымъ ужиномъ закончился вечеръ. Мы возвратились въ тѣхъ же экипажахъ мимо тѣхъ же рядовъ арміи. Раздавался бѣглый ружейный огонь; горящія бочки со смолой освѣщали намъ путь. Зрѣлище было красиво и величественно, но мнѣ было пріятно вернуться домой.

На слѣдующій день я послала за генераломъ Рахмановымъ, который меня очень любилъ; я просила его обратиться съ просьбой къ Потемкину, фаворитомъ котораго онъ былъ, чтобы князь далъ полугодовой отпускъ моему мужу. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что князю было бы пріятнѣе, если бы я письменно обратилась къ нему. Я настаивала на томъ, чтобы онъ просто исполнилъ мое порученіе, говоря, что я увижу потомъ, какъ мнѣ будетъ нужно поступить. Онъ вернулся съ отвѣ-

[1]) 18 октября 1790 г.

томъ, что князь умоляетъ меня написать ему нѣсколько словъ, чтобы онъ могъ выразить тѣ чувства дружбы и уваженія, которыя онъ ко мнѣ питаетъ. Я намарала быстро небольшую записку, стараясь быть какъ можно любезнѣй, и передала ее Рахманову, который взялся вручить ее князю и принесъ мнѣ самый предупредительный, почти трогательный отвѣтъ. Онъ есть у меня и сейчасъ.

Я занялась приготовленіями къ путешествію съ возможно большей энергіей. Мой отъѣздъ огорчалъ Потемкина. Княгиня Долгорукая тоже была разстроена: ей было неприлично одной оставаться въ арміи. Наканунѣ отъѣзда я пошла проститься къ князю и поблагодарить его за вниманіе. Я уѣхала вмѣстѣ съ мужемъ, очень довольная тѣмъ, что мнѣ удалось избавиться отъ образа жизни, который мнѣ совсѣмъ не подходилъ.

III.

Я вернулась въ январѣ мѣсяцѣ прямо къ моей матери, очень обрадованная свиданіемъ съ ней. Мой дядя и свекровь приняли меня очень нѣжно; моя дочь пользовалась великолѣпнымъ здоровьемъ и испытывала невыразимую радость.

Нѣсколько дней спустя я отправилась во дворецъ и была очень милостиво принята Государыней и Великой Княгиней. Я сохранила всѣ свои преимущества въ посѣщеніи собраній Эрмитажа и возвратилась къ своему прежнему образу жизни.

Княгиня Долгорукая возвратилась въ февралѣ, а князь Потемкинъ въ мартѣ. Крѣпость Измаилъ была взята приступомъ [1]) и кампанія была окончена. Князь давалъ при Дворѣ и въ городѣ праздники, одинъ другого прекраснѣй; но ни одинъ изъ нихъ не былъ такимъ изысканнымъ и новымъ, какъ праздникъ въ Таврическомъ Дворцѣ. Онъ былъ устроенъ въ огромной молдавской залѣ, гдѣ двойной рядъ колоннъ почти составлялъ кругъ. Два портика раздѣляли его по-

[1]) 11-го декабря 1790 года.

срединѣ, и между ними былъ зимній садъ, великолѣпно освѣщенный скрытыми лампами. Тамъ было много деревьевъ и цвѣтовъ. Главный свѣтъ падалъ съ круглаго потолка, посерединѣ котораго находился вензель Императрицы, сдѣланный изъ стразъ. Этотъ вензель былъ освѣщенъ скрытымъ источникомъ свѣта и ослѣпительно блисталъ.

Кадриль, по крайней мѣрѣ въ пятьдесятъ паръ, открыла балъ. Здѣсь находилось все, что было лучшаго въ столицѣ. Присутствіе Императрицы не мало содѣйствовало очаровательности праздника [1]).

Князь Потемкинъ пробылъ въ Петербургѣ только два мѣсяца. Онъ разрѣшилъ моему мужу остаться въ Петербургѣ до начала кампаніи. Надѣялись на миръ. Я ужинала съ княземъ наканунѣ его отъѣзда у его племянницы, г-жи Потемкиной, теперь княгини Юсуповой [2]). Онъ очень трогательно простился со мной, постоянно повторяя, что онъ никогда не забудетъ меня и настойчиво просилъ меня вспоминать о немъ и пожалѣть его, такъ какъ онъ скоро умретъ. У него было вполнѣ опредѣленное предчувствіе. Онъ захворалъ, пріѣхавъ въ Яссы, и умеръ [3]) черезъ нѣсколько дней въ долинѣ, куда онъ приказалъ себя отнести.

Въ это время мой мужъ уже съ мѣсяцъ былъ въ арміи. Императрица послала князя Безбородко, чтобы заключить миръ. Ни одинъ офицеръ не могъ, конечно, отлучиться, но я рѣшилась написать ему просьбу объ отпускѣ моего мужа. Онъ согласился. Спустя немного времени былъ заключенъ миръ. Но скоро началась война съ Польшей [4]). Мужъ долженъ былъ отправиться въ армію и я съ нимъ. Моя мать и свекровь были очень огорчены этой новой разлукой, которая и меня очень безпокоила, какъ вдругъ однажды пришелъ графъ Марковъ и сказалъ мнѣ, что Императрица занята составленіемъ Двора для своего внука, Великаго Князя Александра, и что мой мужъ будетъ назначенъ маршаломъ.

Эта новость вызвала всеобщую радость въ нашей семьѣ тѣмъ болѣе, что Императрица очень лестно отозвалась о мужѣ. Это слу-

[1]) Балъ былъ 28 апрѣля 1791 года.

[2]) Татьяна Васильевна Энгельгардтъ, въ первомъ бракѣ была за родственникомъ фаворита М. С. Потемкинымъ

[3]) 5-го октября 1791 года по дорогѣ изъ Яссъ въ Николаевъ.

[4]) Май—іюнь 1722.

чилось въ апрѣлѣ, а 21-го этого мѣсяца было рожденіе Ея Величества и въ этотъ день должно было быть объявлено назначеніе должностей ко Двору Великаго Князя Александра. Я ожидала этого дня съ большимъ нетерпѣніемъ. Наконецъ онъ наступилъ. Другъ моего мужа, графъ Растопчинъ [1]), заѣхалъ ко мнѣ, отправляясь во дворецъ, и сказалъ мнѣ, что онъ навѣрно первый извѣститъ меня о пріятной новости. У него былъ горбатый жокей, англичанинъ, которому онъ приказалъ дожидаться верхомъ передъ однимъ изъ оконъ дворца и, когда графъ покажется въ окнѣ и сдѣлаетъ знакъ платкомъ, сейчасъ же галопомъ направиться ко мнѣ и передать слѣдующую записку:

«Quand le petit bossu
Sera aperçu,
Qu'on entende un cri général:
Vive monsieur le maréchal!»

Когда появится маленькій горбунъ,
Пусть раздастся общій крикъ:
Да здравствуетъ господинъ маршалъ!

Немного спустя стали говорить о бракѣ Великаго Князя Александра съ принцессой Луизой Баденской.

---

[1]) Федоръ Васильевичъ, родился въ 1765 г. умеръ въ 1826, пользовался большимъ расположеніемъ Великаго Князя Павла и былъ его первымъ министромъ. Кромѣ Головина и Тутолмина—весь дворъ (дворъ Великаго Князя Александра) состоитъ изъ трусовъ и дураковъ писалъ онъ въ маѣ 1794 г. (Архивъ Воронцова, т. VIII стр. 95).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1792—1794.

I. Помолвка Великаго Князя Александра. — Принцесса Луиза Баденская, впослѣдствіи Императрица Елизавета. — Идиллія. II. Въ Царскомъ Селѣ. — „Толстая маршальша".—Екатерина Великая —Смерть Петра III. — Интимное общество Императрицы III. Женихъ и невѣста. — Великій Князь Константинъ.—Характеристики нѣкоторыхъ лицъ. IV. Бракъ Великаго Князя Александра.—Его родители.—Праздники и пріемы.

I.

Императрица послала графиню Шувалову [1]) и г. Стрекалова [2]) ко двору маркграфа Баденскаго, просить какъ его, такъ и наслѣднаго принца, чтобы дочь послѣдняго, Луиза, пріѣхала въ Россію. Она прибыла 31 октября 1792 г. вмѣстѣ съ своей сестрой Фредерикой, позднѣе королевой Шведской. Принцессѣ Луизѣ было тринадцать съ половиной лѣтъ, ея сестрѣ на годъ меньше. Ихъ пріѣздъ произвелъ большую сенсацію. Дамы, посѣщавшія Эрмитажъ, были имъ представлены каждая въ отдѣльности. Я не была въ ихъ числѣ. Я только что оправилась отъ очень серьезной болѣзни послѣ смерти моей второй до-

[1]) Екатерина Петровна Шувалова, урожденная Салтыкова, родилась въ 1743 г. умерла въ 1817; въ то время ея мужъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, извѣстный писатель, уже умеръ.

[2]) Степанъ Федоровичъ, статсъ-секретарь и сенаторъ 1798—1805.

чери, прожившей всего только пять мѣсяцевъ. Я увидала принцессъ только двѣ недѣли спустя послѣ другихъ дамъ.

Я имѣла честь быть представленной имъ во дворцѣ, гдѣ были ихъ апартаменты, примыкавшіе къ Эрмитажу. Я была поражена очаровательной прелестью принцессы Луизы. Такое же впечатлѣніе вынесли всѣ, видѣвшіе ее раньше меня. Я особенно привязалась къ принцессѣ. Ея молодость и нѣжность внушали мнѣ живое участіе къ ней и нѣчто въ родѣ боязни за нее, отъ чего я не могла отдѣлаться, отлично зная мою родственницу, графиню Шувалову, характеръ которой, склонный къ интригамъ и безнравственный, внушалъ мнѣ опасенія. Императрица, назначивъ меня въ штатъ принцессы, тѣмъ самымъ, казалось, разрѣшала мнѣ проявить искреннее усердіе, которое далеко не было офиціальнымъ.

Я привожу здѣсь, что принцесса Луиза, теперь императрица Елизавета, сама разсказала мнѣ о своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ [1]).

«Мы пріѣхали, моя сестра, принцесса Фредерика, впослѣдствіи королева Шведская, и я между восемью и девятью часами вечера. Въ Стрѣльнѣ, послѣдней станціи передъ Петербургомъ, мы встрѣтили камергера Салтыкова, котораго Императрица назначила дежурнымъ къ намъ и послала навстрѣчу, чтобы поздравить насъ. Графиня Шувалова и г. Стрекаловъ оба сѣли въ нашу карету, и всѣ эти приготовленія къ моменту, самому интересному въ моей жизни и всю важность котораго я уже чувствовала, наполняли мою душу волненіемъ, когда, въѣзжая въ городскія ворота, я услышала, какъ воскликнули: Вотъ мы и въ Петербургѣ!»

«Невольно, въ темнотѣ, мы съ сестрой взялись за руки и по мѣрѣ того, какъ мы ѣхали, мы сжимали другъ другу руки, и эта нѣмая рѣчь говорила намъ о томъ, что дѣлается внутри насъ».

Мы остановились у Шепеловскаго дворца; я бѣгомъ поднялась по хорошо освѣщенной лѣстницѣ; графиня Шувалова и Стрекаловъ, оба съ довольно слабыми ногами, остались далеко позади меня. Салтыковъ былъ со мной, но онъ остался въ передней. Я прошла по

[1]) Этотъ разсказъ полностью приведенъ по запискѣ принцессы, хранящейся въ Императорской Библіотекѣ, Великимъ Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ въ его трудѣ: *Императрица Елизавета* С.-Петербургъ 1908 г. Т. I.

всѣмъ помѣщеніямъ не останавливаясь, и вошла въ спальню, обитую малиновымъ штофомъ; тамъ я увидала двухъ женщинъ и мужчину и сейчасъ же съ быстротой молніи сдѣлала слѣдующій выводъ: «Я нахожусь въ Петербургѣ у Императрицы; нѣтъ ничего проще, что она встрѣчаетъ меня, слѣдовательно, это она передо мною», и я подошла, чтобы поцѣловать руку у той, которая наиболѣе соотвѣтствовала представленію объ Императрицѣ, которое я составила по видѣннымъ мною портретамъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, съ большимъ свѣтскимъ опытомъ, я, навѣрно, колебалась бы болѣе долгое время, прежде чѣмъ поступить такъ».

«Она была съ княземъ Зубовымъ [1]), тогда еще просто Платономъ Зубовымъ, и съ графиней Браницкой, племянницей князя Потемкина. Императрица сказала, что ей очень пріятно познакомиться со мной; я передала ей привѣтствія моей матери. Между тѣмъ, пришли моя сестра и графиня Шувалова. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора Императрица удалилась, и я отдалась волшебному чувству, вызванному во мнѣ всѣмъ, что я видѣла кругомъ себя. Я никогда не видала, чтобы что-нибудь производило такое сильное впечатлѣніе, какъ дворъ Императрицы Екатерины, когда его видишь въ первый разъ».

«На третій день послѣ нашего пріѣзда, вечеромъ, насъ должны были представить Великому Князю отцу и Великой Княгинѣ. Весь день прошелъ въ томъ, что насъ причесывали по придворной модѣ и одѣвали въ русскія платья. Я въ первый разъ въ жизни была въ фижмахъ и съ напудренными волосами. Вечеромъ, въ шесть или семь часовъ, насъ отвели къ Великому Князю отцу, который насъ принялъ очень хорошо. Великая Княгиня осыпала меня ласками; она говорила со мной о моей матери, семьѣ, о тѣхъ сожалѣніяхъ, которыя я должна была испытать, покидая ихъ. Такое обращеніе расположило меня къ ней и не моя вина, если эта привязанность не обратилась въ настоящую любовь дочери».

«Всѣ сѣли; Великій Князь послалъ за молодыми Великими Князьями и Княгинями. Я какъ сейчасъ вижу, какъ они вошли. Я смотрѣла на Великаго Князя Александра такъ внимательно, насколько это

[1]) Родился въ 1767, былъ фаворитомъ съ іюля 1789 г. титулъ князя получилъ въ 1796 году. Умеръ въ 1802

позволяло приличіе. Онъ мнѣ очень понравился, но не показался мнѣ такимъ красивымъ, какъ мнѣ его описали. Онъ не подошелъ ко мнѣ и смотрѣлъ на меня непріязненно. Отъ Великаго Князя мы направились къ Императрицѣ, которая уже сидѣла за своей обычной партіей бостона въ брилліантовой комнатѣ. Насъ посадили съ сестрой около круглаго стола съ графиней Шуваловой, дежурными фрейлинами и камергерами. Два молодыхъ Великихъ Князя вскорѣ пришли послѣ насъ. Великій Князь Александръ во весь вечеръ не сказалъ мнѣ ни слова, не подошелъ, видимо избѣгая меня. Но понемногу онъ освоился со мной. Игры въ Эрмитажѣ въ небольшомъ обществѣ, вечера, проведенные вмѣстѣ за круглымъ столомъ, гдѣ мы играли въ *секретеръ* или смотрѣли гравюры, постепенно привели къ сближенію».

«Однажды вечеромъ, когда мы рисовали вмѣстѣ съ остальнымъ обществомъ за круглымъ столомъ въ брилліантовой комнатѣ, Великій Князь Александръ подвинулъ мнѣ письмо съ признаніемъ въ любви, которое онъ только что написалъ. Онъ говорилъ тамъ, что, *имѣя разрѣшеніе своихъ родителей сказать мнѣ, что онъ меня любитъ, онъ спрашиваетъ меня, желаю ли я принять его чувства и отвѣтить на нихъ и можетъ ли онъ надѣяться, что я буду счастливой, выйдя за него замужъ*».

«Я отвѣтила утвердительно, также на клочкѣ бумаги, прибавляя, что *я покоряюсь желанію, которое выразили мои родители, посылая меня сюда.* Съ этого времени на насъ стали смотрѣть, какъ на жениха и невѣсту. Мнѣ дали учителя русскаго языка и «Закона Божія».

На слѣдующій день послѣ представленія принцессы Луизы, Императрица дала аудіенцію делегатамъ Польши, графамъ: Браницкому, Рзевускому и Потоцкому, стоявшимъ во главѣ партіи, не желавшей наслѣдственности престола въ Польшѣ. Они пріѣхали просить Ея Величество взять Польшу подъ свое покровительство. Это была первая церемонія, на которой участвовала принцесса Луиза. Императрица находилась на тронѣ въ тронномъ залѣ. Публика наполняла помѣщеніе и толпа тѣснилась около залы кавалергардовъ. Графъ Браницкій произнесъ по-польски рѣчь. Вице-канцлеръ Остерманъ отвѣчалъ по-русски, стоя около ступеней трона. Когда окончилась церемонія, Императрица возвратилась въ свои апартаменты. Принцесса Луиза послѣ-

довала за ней, но обходя тронъ, она запуталась ногой въ нитяхъ и бахромѣ бархатнаго ковра и упала бы, если бы Платонъ Зубовъ не поддержалъ ее.

Она смутилась и была въ отчаяніи отъ этого случая тѣмъ болѣе, что она въ первый разъ появилась публично. Нашлись смѣшные люди, которые сочли это дурнымъ предзнаменованіемъ. Имъ не пришло въ голову сравненіе одного августѣйшаго лица, вспомнившаго при этомъ случаѣ Цезаря, который такъ счастливо выпутался въ подобномъ обстоятельствѣ. Высаживаясь на берегъ Африки, чтобы слѣдовать за остатками республиканской арміи, онъ упалъ и воскликнулъ: «Африка, я держу тебя!» обращая такимъ образомъ въ свою пользу случай, который другіе могли бы дурно истолковать.

Я приближаюсь къ самому интересному моменту въ моей жизни.

II.

Красивое и новое зрѣлище открылось передъ моими глазами: величественный дворъ; государыня замѣтно сближала меня съ той, которая должна была вызвать во мнѣ безусловную привязанность. Чѣмъ болѣе имѣла я честь видѣть принцессу Луизу, тѣмъ болѣе внушала она мнѣ абсолютную преданность. Несмотря на ея молодость, мое участіе къ ней не ускользнуло отъ ея вниманія. Я съ радостью замѣтила это. Въ началѣ мая дворъ уѣхалъ въ Царское Село. На слѣдующій за отъѣздомъ день Ея Императорское Величество приказала моему мужу, чтобы я пріѣхала туда на все лѣто.

Этотъ приказъ привелъ меня въ восхищеніе. Я отправилась сейчасъ же, чтобы пріѣхать раньше, чѣмъ начнется вечеръ у Императрицы. Какъ только я окончила туалетъ, я сейчасъ же отправилась во дворецъ, чтобы быть представленной ей. Она появилась въ шесть и встрѣтила меня очень милостиво, говоря: «Я очень рада видѣть васъ въ числѣ нашихъ. Будьте же съ сегодняшняго дня *госпожей Толстой Маршальшей* [1]), чтобы имѣть болѣе внушительный видъ».

[1]) Мнѣ дали это прозвище, потому что мой мужъ былъ немножко толстъ.

(Примѣчаніе автора).

Я хочу сейчасъ дать понятіе о лицахъ, которымъ было разрѣшено пребываніе въ Царскомъ Селѣ и которыя были допущены въ ея кружокъ. Но прежде чѣмъ рисовать различные портреты, я хотѣла бы дать образъ государыни, которая въ продолженіе тридцати четырехъ лѣтъ дѣлала счастливой Россію.

Потомство будетъ судить Екатерину II со всѣмъ пристрастіемъ людей. Новая философія, которой она, къ несчастію, была заражена и которая была ея главнымъ недостаткомъ, обволакиваетъ какъ бы густой вуалью ея великія и прекрасныя качества. Но мнѣ казалось бы правильнымъ прослѣдить ея жизнь съ юности, прежде чѣмъ заглушать отзвуки ея славы и непередаваемой доброты.

Императрица была воспитана при дворѣ принца Ангальскаго, своего отца, невѣжественной гувернанткой низкаго поведенія, которая едва могла научить ее читать [1]). Ея родители никогда не занимались ни ея убѣжденіями, ни ея воспитаніемъ. Ее привезли въ Россію семнадцати лѣтъ, она была красива, полна естественной граціи, талантовъ, чувственности и остроумія, съ желаніемъ учиться и нравиться. Ее выдали замужъ за герцога Голштинскаго, бывшаго тогда Великимъ Княземъ и наслѣдникомъ Императрицы Елизаветы, своей тетки. Онъ былъ некрасивъ, слабоволенъ, маленькаго роста, мелоченъ, пьяница и развратникъ. Дворъ Елизаветы также представлялъ полную картину разврата. Графъ Минихъ [2]), умный человѣкъ, первый разгадалъ Екатерину и предложилъ ей учиться. Это предложеніе было поспѣшно принято. Онъ далъ ей для начала словарь Бейля, произведеніе вредное, опасное и соблазнительное, въ особенности для того, у кого нѣтъ ни малѣйшаго представленія о божественной истинѣ, поражающей ложь [3]). Екатерина прочла его три раза подрядъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Оно воспламенило ея воображеніе и потомъ привело ее къ общенію со всѣми софистами. Таковы были склонности прин-

[1]) Авторъ несправедливъ къ м-ль Гардель, француженкѣ, правда не очень ученой, но которой Екатерина II во всякомъ случаѣ обязана большимъ чѣмъ умѣнье читать.

[2]) Жанъ Эрнестъ (сынъ знаменитаго фельдмаршала) родился въ 1707 умеръ въ 1788.

[3]) Всѣ эти подробности получены мною отъ моего дяди Шувалова, которому Императрица разсказывала все это сама.

(Примѣчаніе автора).

цессы, ставшей женой Императора, у котораго не было другого честолюбія, какъ сдѣлаться капраломъ Фридриха II. Россія была подъ игомъ слабости; Екатерина страдала отъ этого; ея великія и благородныя мысли перешагнули черезъ препятствія, противившіяся ея подъему. Ея характеръ возмущался развращенностью Петра и его презрительнымъ отношеніемъ къ своимъ подданнымъ. Всеобщая революція собиралась разразиться. Желали регентства и, такъ какъ у Императрицы былъ десятилѣтній сынъ—впослѣдствіи Павелъ I,—то было рѣшено, что Петра III отошлютъ въ Голштинію. Князь Орловъ и его братъ, графъ Алексѣй, пользовавшіеся тогда расположеніемъ Императрицы, должны были отправить его [1]). Приготовили корабли въ Кронштадтѣ и на нихъ хотѣли отправить Петра съ его батальонами въ Голштинію. Онъ долженъ былъ переночевать наканунѣ отъѣзда въ Ропшѣ, близъ Оріенбаума.

Я не буду входить въ подробности этого трагическаго событія. О немъ слишкомъ много говорили и извращали его; но, способствуя истинѣ, я считаю необходимымъ привести здѣсь подлинное свидѣтельство, слышанное мною отъ министра графа Панина. Его свидѣтельство является тѣмъ болѣе неоспоримымъ, что извѣстно, что онъ не былъ особенно привязанъ къ Императрицѣ. Онъ былъ воспитателемъ Павла I, надѣялся, что будетъ держать бразды правленія во время регентства женщины, и обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Сила, съ которой Екатерина овладѣла властью, разбила всѣ его честолюбивые замыслы и оставила въ его душѣ недоброжелательное чувство.

Однажды вечеромъ, когда мы были у него, въ кругу его родственниковъ и друзей, онъ разсказалъ намъ много интересныхъ анекдотовъ и незамѣтно подошелъ къ убійству Петра III. «Я былъ,—говорилъ онъ,—въ кабинетѣ Императрицы, когда князь Орловъ пришелъ извѣстить ее, что все кончено. Она стояла посреди комнаты; слово *кончено* поразило ее. — Онъ уѣхалъ! — возразила она сначала. Но, узнавъ печальную истину, она упала безъ чувствъ. Съ ней сдѣлались ужасныя судороги и одну минуту боялись за ея жизнь. Когда она

[1]) Возможно, что Екатерина говорила объ этомъ проэктѣ графинѣ Головиной, но онъ появился у нея уже послѣ переворота. Въ дѣйствительности ничто не указываетъ на его истинность. Смотр. Бильбасовъ *Исторія Екатерины II*. Т. I, 2-ая часть.

очнулась отъ этого тяжелаго состоянія, она залилась горькими слезами, повторяя: «Моя слава погибла, никогда потомство не проститъ мнѣ этого невольнаго преступленія». Фаворъ заглушилъ въ Орловыхъ всякое другое чувство, кромѣ чрезмѣрнаго честолюбія. Они думали, что если они уничтожатъ Императора, князь Орловъ займетъ его мѣсто и заставитъ Императрицу короновать его» [1]).

Трудно описать твердость характера Императрицы въ ея заботахъ о государствѣ. Она была честолюбива, но въ то же время покрыла славой Россію; ея материнская заботливость распространялась на каждаго, какъ бы онъ незначителенъ ни былъ. Трудно представить зрѣлище, болѣе величественное, чѣмъ видъ Императрицы во время пріемовъ. И нельзя было быть болѣе великодушнымъ, любезнымъ и снисходительнымъ, чѣмъ она въ своемъ тѣсномъ кругу. Едва появлялась она, исчезала боязнь, замѣняясь уваженіемъ, полнымъ нѣжности. Точно всѣ говорили: «Я вижу ее, я счастливъ, она наша опора, наша мать».

Садясь за карты, она бросала взглядъ вокругъ комнаты, чтобы посмотрѣть, не нужно ли кому чего-нибудь. Она доводила свое вниманіе до того, что приказывала опустить стору, если кого безпокоило солнце. Ея партнерами были дежурный генералъ-адъютантъ, графъ Строгановъ [2]), и старый камергеръ Чертковъ [3]), котораго она очень любила. Мой дядя, оберъ-камергеръ Шуваловъ, тоже иногда принималъучастіе въ игрѣ или по крайней мѣрѣ присутствовалъ при этомъ.Платонъ Зубовъ тоже. Вечеръ продолжался до девяти часовъ или до половины десятаго.

[1]) Графиня Головина родилась четыре года спустя послѣ государственнаго переворота и ей было всего шестнадцать лѣтъ, когда умеръ Н. И. Панинъ, слѣдовательно разсказы его едва ли буквально запечатлѣлись въ ея памяти. Версія, которую она передаетъ относительно того, какъ приняла Екатерина II событіе въ Ропшѣ, находится въ полномъ противорѣчіи съ документами (*Архивъ Воронцова* Т. XXI, стр. 430; сравн. Бильбасовъ, *цитир. произв.*). Петръ III былъ убитъ въ Ропшѣ 5 іюня 1762 во время ссоры съ княземъ Федоромъ Барятинскимъ не безъ вѣроятнаго участія Алексѣя Орлова. Конечно, Екатерина не давала приказанія убить своего мужа, какъ позднѣе и Александръ не участвовалъ въ убійствѣ своего отца, но виновники убійства Петра III остались безнаказанными.

[2]) Александръ Сергѣевичъ Строгановъ.

[3]) Ефремъ Александровичъ Чертковъ, одинъ изъ ея друзей въ моментъ восшествія на престолъ.

Я вспоминаю, что однажды Чертковъ, бывшій плохимъ игрокомъ, разсердился на Императрицу, заставившую его проиграть. Ея Величество была оскорблена тѣмъ, какъ онъ бросилъ карты. Она не сказала ничего и прекратила игру. Это случилось какъ разъ около того времени, когда обыкновенно расходились. Она встала и простилась съ нами. Чертковъ остался уничтоженнымъ. На слѣдующій день было воскресенье. Обыкновенно въ этотъ день бывалъ обѣдъ для всѣхъ, входившихъ въ администрацію. Великій Князь Павелъ и Великая Княгиня Марія пріѣзжали изъ Павловска, замка, въ которомъ они жили, находившемся въ четырехъ верстахъ отъ Царскаго Села. Когда они не приходили, то былъ обѣдъ для избранныхъ лицъ подъ колоннадой. Я имѣла честь быть допущенной на эти обѣды. Послѣ обѣдни и пріема, когда Императрица удалялась въ свои покои, маршалъ Двора, князь Барятинскій, перечислялъ лицъ, которыя должны были имѣть честь обѣдать съ ней. Чертковъ, допущенный на всѣ небольшія собранія, стоялъ въ углу, крайне огорченный происшедшимъ наканунѣ. Онъ почти не смѣлъ поднять глаза на того, кто долженъ былъ произнести надъ нимъ приговоръ. Но каково же было его удивленіе, когда онъ услышалъ свое имя. Онъ не шелъ, а бѣжалъ. Мы пришли къ мѣсту обѣда. Ея Императорское Величество сидѣла въ концѣ колоннады. Она встала, взяла Черткова подъ руку и молча обошла съ нимъ кругомъ колоннады. Когда она возвратилась на прежнее мѣсто, она сказала ему по-русски: «Не стыдно ли вамъ думать, что я на васъ сержусь? Развѣ вы забыли, что между друзьями ссоры остаются безъ послѣдствій?» Никогда я не видѣла человѣка въ такомъ волненіи, въ какомъ былъ этотъ старикъ; онъ расплакался безпрестанно повторяя: «О, матушка, что сказать тебѣ, какъ благодарить тебя за такія милости? Всегда готовъ умереть за тебя!»

На вечерахъ въ Царскомъ Селѣ рядомъ со столомъ Императрицы стоялъ круглый столъ. Принцесса Луиза, уже считавшаяся невѣстой Великаго Князя, сидѣла тамъ между своей сестрой и мной. Кромѣ насъ тамъ сидѣли м-ль Шувалова, теперь въ замужествѣ Дитрихштейнъ [1])

[1]) Александра Андреевна дочь Андрея Петровича Шувалова, родилась въ 1775 г., вышла замужъ въ 1797 году за австрійскаго посланника Дитрихштейна.

и племянницы графини Протасовой [1]). Императрица давала распоряженіе принести намъ карандаши, перья и бумагу. Мы рисовали или играли въ *секретеръ*. Иногда Ея Величество спрашивала, что у насъ выходило, и весело смѣялась. Графиня Шувалова играла въ карты съ м-ль Протасовой, дежурными придворными и иногда съ графиней Браницкой, которая по временамъ пріѣзжала въ Царское Село.

Дворецъ въ Царскомъ построенъ Императрицей Елизаветой I. Онъ обширенъ и красивъ, несмотря на свою готическую архитектуру. Императрица Екатерина прибавила для себя особое помѣщеніе въ болѣе изысканномъ вкусѣ. Оно находилось за многочисленными залами въ зеркалахъ и позолотѣ, отдѣлявшими отъ апартаментовъ, занятыхъ прежде Великимъ Княземъ Павломъ, и за которыми находилось возвышеніе, гдѣ Императрица обыкновенно стояла обѣдню вмѣстѣ съ семьей и дамами ея свиты. Первая комната этого новаго помѣщенія была отдѣлана живописью восковыми красками; въ слѣдующей комнатѣ стѣны украшены были сибирской лазурью, а полъ былъ сдѣланъ изъ краснаго дерева и перламутра. Большой кабинетъ рядомъ весь изъ китайскаго лака, а если повернуть налѣво, находилась спальня, очень маленькая, но очень красивая, и кабинетъ съ зеркалами, раздѣленными большими деревянными панно. Маленькій кабинетъ служилъ входомъ въ колоннаду, которая была вся видна въ переспективѣ изъ двери.

На террасѣ передъ колоннадой находился диванъ, обитый зеленымъ сафьяномъ, и столъ. Ея Величество занималась тамъ дѣлами рано утромъ. Передъ этой очень простой пристройкой находилась маленькая стѣна. Если обогнуть ее, то налѣво открывался прелестный газонъ, окаймленный прекрасными и душистыми цвѣтами. Красивыя комнаты примыкали къ террасѣ съ этой стороны. Налѣво барьеръ изъ гранита шелъ до самаго сада, украшенный бронзовыми статуями, вылитыми по древнимъ образцамъ въ Императорской Академіи.

Колоннада представляла изъ себя стеклянную галлерею съ мра-

[1]) Графиня Анна Степановна, любимая фрейлина Екатерины II, родилась въ 1745 г. умерла въ 1826 г., воспитала пять дочерей своего брата Петра Степановича, держа ихъ при себѣ въ Зимнемъ Дворцѣ до замужества: Александра была замужемъ за княземъ Голицынымъ, Екатерина—за графомъ Ростопчинымъ; Варвара осталась дѣвушкой; Вѣра вышла за Илларіона Васильчикова; Анна—за графа Толстого.

морнымъ поломъ. Она была окружена другой открытой галлереей, съ рядомъ колоннъ, поддерживавшихъ крышу; съ нея открывался обширный видъ. Колоннада возвышалась надъ двумя садами; старый паркъ, многолѣтнія липы котораго бросали тѣнь на маленькія комнаты рядомъ съ террасой, и англійскій садъ съ красивымъ озеромъ посерединѣ.

Это прекрасное помѣщеніе, занятое той, которая обладала всѣмъ, чтобы нравиться и вызывать привязанность, казалось волшебнымъ. У Императрицы былъ особый даръ облагораживать все, къ чему она приближалась. Она сообщала смыслъ всему, и самый глупый человѣкъ переставалъ казаться такимъ около нея. Каждый оставлялъ ее довольный собой, потому что она умѣла говорить, не вызывая смущенія и примѣняясь къ разумѣнію того, съ кѣмъ она говорила.

III.

Императрица очень любила своего внука, Великаго Князя Александра (впослѣдствіи Императора Александра I). Онъ былъ красивъ и добръ; но качества, которыя можно было замѣтить въ немъ тогда и которыя должны бы были обратиться въ добродѣтели, никогда не могли вполнѣ развиться. Его воспитатель, графъ Салтыковъ [1]), коварный и лукавый интриганъ, такъ руководилъ его поведеніемъ, что неизбѣжно долженъ былъ разрушить откровенность его характера, замѣняя ее заученностью въ словахъ и принужденностью въ поступкахъ. Графъ Салтыковъ, желая сохранить одновременно расположеніе Императрицы и ея сына, внушалъ Великому Князю скрытность. Его доброе и превосходное сердце иногда брало верхъ, но тотчасъ же воспитатель

[1]) Николай Ивановичъ Салтыковъ родился въ 1736 г., умеръ въ 1816; главнокомандующій съ 1773 послѣ блестящихъ кампаній противъ Пруссіи, Польши и Турціи; графъ съ 1790; позднѣе военный министръ, фельдмаршалъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, князь въ 1814 г., когда на свои средства собралъ полкъ противъ Наполеона. Онъ былъ скорѣе ловкимъ придворнымъ, чѣмъ великимъ полководцемъ, и сумѣлъ одновременно пользоваться милостью Екатерины, Павла и Александра.

пытался подавить движенія его души. Онъ отдалялъ его отъ Императрицы и внушалъ ему ужасъ по отношенію къ отцу. Молодой князь испытывалъ поэтому постоянную неудовлетворенность своихъ чувствъ.

Великій Князь-отецъ старался передать ему свою склонность къ военному. Онъ требовалъ, чтобы Александръ, онъ и его братъ, присутствовали два раза въ недѣлю на ученьѣ въ Павловскѣ. Училъ его тактикѣ мелочной и мелкой, постепенно сглаживая въ немъ великія идеи о военномъ искусствѣ, независимо отъ мундира прусскаго образца и болѣе или менѣе крѣпко пришитой пуговицы. Но несмотря на эти обстоятельства, способныя разрушить самый яркій характеръ, я должна отдать справедливость моему Государю; прощеніе всегда настолько близко его сердцу, насколько далека отъ него тиранія; у него мягкій и обворожительный характеръ; въ его разговорѣ есть прелесть и благородство, много краснорѣчія въ стилѣ и совершенная скромность въ его добрыхъ дѣлахъ.

Принцесса Луиза, ставшая его супругой, соединяла невыразимую прелесть и грацію съ сдержанностью и тактичностью, довольно рѣдкими въ четырнадцать лѣтъ. Во всѣхъ ея поступкахъ проглядывалъ результатъ заботъ матери, какъ уважаемой, такъ и любимой. Ея умъ мягкій и тонкій съ крайней быстротой схватывалъ все, что могло его украсить, какъ пчела, которая умѣетъ достать медъ изъ самыхъ ядовитыхъ растеній. Въ ея разговорѣ отражалась свѣжесть ея юности и къ этому она присоединяла большую правильность понятій. Мнѣ никогда не надоѣдало ни слушать ее, ни изучать ея душу, въ которой такъ мало пошлости, душу, предвѣщавшую всѣ добродѣтели, но также заключавшую въ себѣ и всѣ опасныя стороны характера. Ея довѣріе ко мнѣ, возростая со дня на день, все болѣе оправдывало мои чувства къ ней. Ея слава отъ этого становилась для меня дороже и драгоцѣннѣе. Первое лѣто, которое мы провели вмѣстѣ, было началомъ дружбы, продолжавшейся много лѣтъ. Она представлялась мнѣ молодымъ и прекраснымъ растеніемъ, стебель котораго, выращенный искусной рукой, могъ дать прекрасные побѣги, но бури и вихри угрожали остановить его ростъ. Опасности, увеличившіяся вокругъ нея, усиливали мою заботливость. Какъ часто я съ сожалѣніемъ вспоминала о принцессѣ ея матери, единственно которая могла бы закончить это пре-

красное произведеніе и примѣры добродѣтельныхъ поступковъ, показываемые ею, были бы единственнымъ оружіемъ, которое могло бы спасти ее противъ иллюзій и увлеченій.

Надо сказать нѣсколько словъ о Великомъ Князѣ Константинѣ. У него запальчивый характеръ, но не гордый; всѣ его поступки носятъ отпечатокъ тираніи, но лишены энергіи. Онъ дуренъ своей слабостью и наказываетъ только тогда, когда чувствуетъ себя болѣе сильнымъ. Его умъ производилъ бы пріятное впечатлѣніе, если бы можно было забыть про его сердце. Но все-таки у него бываютъ моменты великодушія; онъ похожъ на цикуту, которая одновременно является и лѣкарствомъ и ядомъ.

Графиня Шувалова, другъ Вольтера и Даламбера [1]), пользуется ихъ доктринами, чтобы оправдывать свои слабости. Она хитрая интригантка и приноситъ все въ жертву фавору. Въ то время идоломъ, передъ которымъ она курила ѳиміамъ, былъ Платонъ Зубовъ.

Графиня Браницкая, [2]) несмотря на ловкость своего ума, постоянно выдаетъ свой корыстолюбивый характеръ. Она очень богата и всегда жалуется на бѣдность.

У Платона Зубова довольно образованный умъ, хорошая память и способность къ музыкѣ. Его лѣнивый томный видъ носитъ отпечатокъ безпечности его характера.

Графъ Строгановъ очень любезный человѣкъ и добръ до слабости. Онъ страстно любитъ искусство. Его характеръ основанъ на восторженныхъ порывахъ. Онъ можетъ причинить зло увлекаясь, но никогда онъ не сдѣлаетъ его умышленно. Его ровный характеръ и веселость какъ бы созданы для того, чтобы оживлять общество. Императоръ Павелъ назначилъ его директоромъ Академіи Художествъ и онъ многое улучшилъ тамъ. Онъ любилъ свою родину, но у него не было качествъ, которыя могли бы сдѣлать его ея опорой.

Мой дядя оберъ-камергеръ Шуваловъ былъ воплощенной добро-

[1]) Черезъ своего мужа поэта Андрея Петровича Шувалова (1744—1789) „Графиня Шувалова только и дышетъ порокомъ“,—писалъ Растопчинъ С. Р. Воронцову 20 августа 1795 (*архивъ Воронцова* т. VIII стр. 105).

[2]) Г-жа Браницкая живетъ при дворѣ на всемъ готовомъ, играя роль самой печальной бѣдности“ (Растопчинъ С. Р. Воронцову, 13 февраля 1792 *ibid* т. VIII стр. 50).

той. Его красивое и благородное лицо отражало великодушную и безкорыстную душу. Половину своихъ доходовъ онъ отдавалъ бѣднымъ. Его привязанность къ Императрицѣ доходила до слабости, и онъ всегда былъ робокъ съ нею, несмотря на милости, которыми она его осыпала. Однажды, когда она играла на билліардѣ съ лицами, постоянно составлявшими ея общество, онъ вошелъ въ комнату. Ея Величество въ шутку сдѣлала ему глубокій реверансъ. Онъ отвѣтилъ на него. Она улыбнулась. Придворные громко захохотали. Эта внезапная показная веселость непріятно подѣйствовала на Императрицу. «Господа,—сказала она,—мы сорокъ лѣтъ дружны съ господиномъ оберъ-камергеромъ и поэтому мнѣ позволено шутить съ нимъ». Всѣ замолчали. Дядя цѣлый годъ томился скорбью послѣ смерти Государыни [1]).

Чертковъ былъ добрымъ и отличнымъ русскимъ человѣкомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ соединялъ благородство характера съ большимъ природнымъ умомъ. Императрица была предметомъ его обожанія. Онъ умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ ея смерти, не перенеся ея потери.

М-ль Протасова была некрасива и смугла, какъ негритянская королева съ Таити, она всегда находилась при дворѣ. Она была родственницей князя Орлова и онъ помѣстилъ ее туда. Она достигла болѣе чѣмъ благоразумнаго возраста, не выйдя замужъ, и Ея Величество пожаловало ей свой портретъ и званіе фрейлины «съ портретомъ». Она принадлежала къ интимному обществу Императрицы, не потому что была ея другомъ или ея заслуги доставили ей это отличіе, но потому, что, хотя она была бѣдной и угрюмой, у нея была благодарная душа. Императрица, жалѣя объ ея бѣдности, захотѣла поддержать ее своимъ покровительствомъ. Она позволила ей выписать племянницъ къ себѣ и помогала въ ихъ воспитаніи. Иногда она шутила надъ ея угрюмымъ видомъ. Однажды, когда Протасова была болѣе дурно настроена чѣмъ обыкновенно, Ея Величество замѣтила это и сказала ей: «Я увѣрена, моя королева (этотъ эпитетъ она прибавляла когда желала пошутить), что вы сегодня утромъ побили свою горничную и оттого у васъ такой сердитый видъ. Я же встала

[1]) Онъ пережилъ ее только на годъ и умеръ 14 ноября 1797 года.

въ пять часовъ утра, рѣшила много дѣлъ, которыя удовлетворятъ однихъ и не понравятся другимъ, и оставила все мое неудовольствіе и хлопоты тамъ въ кабинетѣ, а сюда пришла, моя прекрасная королева, въ самомъ лучшемъ настроеніи духа».

Дворъ Великаго Князя Александра составляли слѣдующія лица: «маршалъ графъ Головинъ, мой мужъ; камергеры: графъ Толстой [1]) и Ададуровъ [2]), камеръ-юнкеры: князь Хованскій [3]) и графъ Потоцкій [4]). Вечеръ кончался у принцессы Луизы, которая послѣ помолвки и обращенія въ православную вѣру получила титулъ Великой Княгини Елизаветы. Племянницы Протасовой постоянно приходили туда. Принцесса Фредерика не мало вносила прелести въ это общество. Она отличалась тонкимъ умомъ и, несмотря на молодость, обладала вполнѣ опредѣлившимся характеромъ. Увы! Ея блестящая судьба подвергла ее тяжелымъ испытаніямъ, и корона, которую она носила, была усѣяна терніями [5]). Она уѣхала оттуда въ концѣ нашего пребыванія въ Царскомъ Селѣ, чтобы вернуться къ принцессѣ, своей матери. Прощаніе двухъ сестеръ представляло трогательное зрѣлище. Наканунѣ отъѣзда я встрѣтила Императрицу подъ сводами, когда она выходила отъ принцессы Фредерики. Она заходила отдать ей прощальный визитъ [6])...

На слѣдующій день, когда все было готово къ отъѣзду, собрался дворъ Великаго Князя Александра. Всѣ прошли часть сада и красивой лужайки къ рѣшеткѣ, гдѣ стояла карета. Послѣ раздирающаго сердце прощанія Великая Княгиня вскочила въ карету, когда уже совсѣмъ закрывали дверцы, поцѣловала сестру и, быстро выскочивъ, взяла меня за руку и побѣжала со мной къ развалинѣ на концѣ сада. Она сѣла подъ деревомъ, положила мнѣ голову на плечо и отдалась своей печали.

---

[1]) Николай Александровичъ, тогда камергеръ, позднѣе маршалъ; родился въ 1761, умеръ въ 1816 г.

[2]) Алексѣй, родственникъ, кажется племянникъ Василія Евдокимовича Ададурова, бывшаго преподавателя Екатерины II.

[3]) Андрей, гвардеецъ.

[4]) Феликсъ, генералъ-майоръ.

[5]) Извѣстно, что Густавъ-Адольфъ IV, мужъ принцессы Фредерики, вызвалъ раздраженіе своихъ подданныхъ неудачами во внѣшней политикѣ, потерей Помераніи въ 1807 г. и Финляндіи на слѣдующій годъ, и ошибками во внутренней политикѣ, стѣснительными законами, тяжелыми налогами и всякими притѣсненіями; противъ него военными былъ устроенъ заговоръ, и его заключили въ замкѣ Грипсгольмѣ 13 марта 1809 г.; онъ отрекся отъ престола и поселился въ Швейцаріи подъ именемъ полковника Густавсона. Фредерика-Доротея развелась съ нимъ въ 1812 г. и умерла въ Лозаннѣ въ 1826 году.

[6]) Здѣсь въ рукописи зачеркнуты двѣ строчки и на поляхъ поставлено „преувеличено“, тоже зачеркнутое карандашомъ, но другой рукой.

Когда пришла графиня Шувалова вмѣстѣ съ другими придворными, Великая Княгиня, сдержала слезы, встала и медленно направилась къ дому съ самымъ спокойнымъ видомъ. Еще такая молодая, она умѣла сдерживать свою печаль. Эта сила, такъ рѣдко встрѣчаемая, вызвала ложное представленіе объ ея характерѣ у лицъ, которыя были недостойны понять ее. Ее считали холодной и нечувствительной. Когда мнѣ говорили объ этомъ, молчаніе было моимъ единственнымъ отвѣтомъ. Есть вещи настолько священныя и настолько достойныя уваженія, что, разоблачая ихъ, кажется, будто совершаешь проступокъ противъ нихъ. И есть сужденія, настолько низкія и достойныя презрѣнія, что они не заслуживаютъ, чтобы имъ оказывали честь оспаривать ихъ.

IV.

Приготовленія къ браку Великаго Князя Александра начались послѣ возвращенія въ городъ. Всѣ ожидали этого событія съ величайшимъ интересомъ. Наконецъ оно свершилось 29 сентября 1793. Въ церкви Зимняго Дворца сдѣлали возвышеніе, чтобы церемонія брака была видна всѣмъ. Какъ только женихъ и невѣста взошли туда, ихъ видъ вызвалъ всеобщее умиленіе. Они были прекрасны, какъ ангелы. Оберъ-камергеръ Шуваловъ и князь Безбородко держали вѣнцы. Послѣ свершенія брака Великій Князь и Княжна спустились, держась за руку. Великій Князь преклонилъ колѣно передъ Императрицей, чтобы поблагодарить ее, она подняла, обняла и поцѣловала его, плача. Потомъ они подошли къ Великому Князю-отцу и Великой Княгинѣ и поцѣловали ихъ; послѣдніе также благодарили Императрицу.

Великій Князь Павелъ былъ глубоко растроганъ, что удивило всѣхъ. Онъ любилъ тогда свою невѣстку съ нѣжностью отца. Графъ Растопчинъ, долгое время пользовавшійся расположеніемъ Павла I, разсказалъ, что, когда однажды въ Гатчинѣ говорили о Великой Княгинѣ, Великій Князь Павелъ съ живостью сказалъ: «Надо отправиться въ Римъ, чтобы найти вторую Елизавету».

Но все перемѣнилось. Несчастныя обстоятельства создали положеніе, способное возбудить подозрѣнія, и придали низкой клеветѣ внѣшній видъ истины. Такова судьба государей. Ихъ самыя законныя и естественныя чувства отклоняются съ своего пути злыми и ловкими льстецами, старающимися сохранить милостивое отношеніе къ нимъ за счетъ другихъ преданныхъ людей.

Великаго Князя Павла было легче обмануть, чѣмъ кого-нибудь другого. Его характеръ, все болѣе и болѣе недовѣрчивый, цѣнилъ тѣхъ, кто хотѣлъ погубить его. Великая Княгиня, его жена, хотя и очень любила его, старалась подчинить его себѣ и этимъ только раздражила его. Она окружила его интриганами, которые постоянно льстили его самолюбію и противодѣйствовали добротѣ его характера. Она думала, что достаточно только помогать бѣднымъ, чтобы исполнить долгъ милосердія, и та же самая гордость, которая причинила ей столько непріятностей, отравила и ея добрыя дѣла, тогда какъ въ нихъ мягкое сердце является главнымъ источникомъ. Она завидовала красотѣ и прелести Великой Княгини Елизаветы, дружбѣ ея съ Императрицей и главное тѣмъ почестямъ, которыя ей вездѣ оказывали. Я не могу приписать перемѣну ея отношенія ко мнѣ ничему другому, какъ моей особенной преданности къ ея невѣсткѣ. Милость, которой она меня удостоивала въ продолженіе шестнадцати лѣтъ, обратилась въ ненависть. Она старалась погубить меня въ мнѣніи Великой Княгини Елизаветы, зная, что для меня не можетъ быть ничего чувствительнѣе.

Въ день свадьбы былъ большой обѣдъ, вечеромъ—балъ въ большомъ залѣ Великаго Князя Александра. Императрица, Великій Князь Павелъ и Великая Княгиня Марія, отвели новобрачныхъ въ ихъ помѣщеніе. На слѣдующій день былъ другой балъ въ большой галлереѣ Императрицы. Многочисленные праздники слѣдовали одинъ за другимъ. Въ томъ же году въ октябрѣ пріѣздъ турецкаго посланника доставилъ красивое зрѣлище. Аудіенція, данная Императрицей, была

величественна. Отъ двери зала, въ которомъ происходилъ пріемъ, до трона, на которомъ сидѣла, Императрица стояли въ два ряда тѣлохранители государыни. Это были очень высокаго роста мужчины въ красныхъ курткахъ, съ золоченымъ изображеніемъ солнца и русскаго орла на груди и на спинѣ, скрѣпленными толстыми перекрещивающимися цѣпями. Каски и карабины были посеребрены, плюмажъ черный.

На государынѣ была императорская мантія и маленькая корона. Два церемоніймейстера открывали шествіе, каждый держа въ рукѣ золотой жезлъ съ орломъ. Сзади два другихъ вели посланника, богато одѣтаго, и пятьдесятъ турокъ несли подушки изъ матеріи, затканной золотомъ, съ подарками.

Около этого же времени, когда дворъ изъ Царскаго Села перебрался въ Таврическій дворецъ, гдѣ всегда проводили часть весны и осени, я испытала большое удовольствіе: моя свекровь просила у Императрицы разрѣшеніе лично поблагодарить ее за своего сына. Она была слишкомъ стара и глуха, чтобы быть представленной Императрицѣ во время церемоніи въ Зимнемъ дворцѣ, когда онъ былъ назначенъ маршаломъ двора Великаго Князя Александра. Ея Величество соизволила представить ей эту милость и приказала мнѣ привести ее однажды послѣ обѣда. Мы взошли въ гостиную за нѣсколько минутъ до прихода Императрицы. Моя свекровь была очень гуманной женщиной съ большими достоинствами, справедливо пользовавшаяся всегда великолѣпной репутаціей. Она вполнѣ доказала свое мужество во время несчастій и ссылки ея семьи и своего тюремнаго заключенія въ царствованіе Императрицы Елизаветы [1]). Она уже давно не выѣзжала въ свѣтъ по причинѣ своей болѣзненности. Едва она появилась въ гостиной, какъ раздался всеобщій крикъ радости. У ней цѣловали руки и оказывали всѣ знаки уваженія. Я должна откровенно сознаться, что

---

[1]) „Хорошая женщина, пятидесяти лѣтъ, глухая и болѣзненная, но не ропщущая на свое положеніе и скуку, которую она вноситъ съ собой",—говоритъ въ 1776 г. Корберонъ (Journal intime, т. I, 297). Она была дочерью адмирала Степана Васильевича Лопухина, запутаннаго вмѣстѣ со своей женой, прекрасной Натальей, которую ревновала Императрица Елизавета, въ 1743 г. въ судебный процессъ о государственной измѣнѣ и сосланнаго со всей семьей въ Сибирь.

была тронута и гордилась этими изъявленіями почтенія. Императрица приняла ее крайне милостиво, поцѣловала ее и приказала мнѣ быть переводчикомъ около нея, чтобы избѣжать необходимости кричать ей на ухо. Я съ признательностью повторила ей всѣ милостивыя выраженія Государыни. Она повела насъ во внутренніе апартаменты, чтобы показать ихъ моей свекрови, которая воспользовалась отсутствіемъ придворныхъ, чтобы броситься къ Императрицѣ и въ трогательныхъ выраженіяхъ передать, насколько она была благодарна Государынѣ за то, что она позаботилась объ ея старости и ея сынѣ. Императрица была крайне растрогана и я тоже. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ испытывать чувство благодарности за любимаго человѣка и раздѣлять его счастье. Когда мы вернулись въ гостиную, свекровь хотѣла уѣхать, но Ея Величество оставила ее на вечеръ, устроила ей партію въ бостонъ съ лицами, которыя ей были очень пріятны, и наслаждалась веселостью, которую эта любезная и почтенная старушка распространяла вокругъ себя.

V.

Девятаго мая уѣхали въ Царское Село. Отъѣздъ Императрицы, хотя онъ и происходилъ каждую весну, производилъ всегда большое впечатлѣніе. Она отправлялась вмѣстѣ съ своей интимной свитой въ шестимѣстной каретѣ; передъ ней ѣхали шесть гайдуковъ, двѣнадцать гусаровъ, двѣнадцать казаковъ. Сзади камеръ-пажи и шталмейстеры, всѣ верхомъ. Какъ только шествіе трогалось, съ крѣпости раздавалось сто выстрѣловъ изъ пушки, чтобы возвестить всему городу отъѣздъ Государыни. Сбѣгался народъ, съѣзжались экипажи, чтобы увидѣть, какъ она будетъ проѣзжать. Послѣ ея отъѣзда въ городѣ становилось мрачно и безпокойно; чувствовалась невообразимая пустота. Не отдавая себѣ отчета, я раздѣляла общее чувство, хотя и уѣзжала ей во слѣдъ на другой день. Я не давала себѣ ни отдыха, ни срока, чтобы скорѣе уѣхать.

Я очень недовольна, что эта пышность императорскихъ выѣздовъ уничтожена. Наше зрѣніе и воображеніе испытываютъ необходимость въ величественныхъ образахъ, которые такъ легко сливаются съ тѣмъ уваженіемъ, которое чувствуешь въ душѣ къ монарху. Я также жалѣю о пушечномъ выстрѣлѣ, которымъ возвѣщался восходъ и заходъ солнца: напоминаніе о смерти и надежда объединяютъ наши мысли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1794—1795.

I. Второе лѣто въ Царскомъ Селѣ. — Новыя лица. — Прелести и опасности весны.—„Амуръ и Психея".—Августѣйшая дружба.—Новая связь.—Графиня Толстая. II. Деревенскія удовольствія и покушенія любви.—Великая Княгиня Елизавета и Платонъ Зубовъ. — Обольстительный концертъ. — „Боль сердца". III. Крупныя событія.—Раздѣлъ Польши. — Польская депутація въ С. Петербургѣ. — Въ Таврическомъ дворцѣ. — Музыкальное объясненіе въ любви. IV. Болѣзнь Великаго Князя Александра.—Пріятные вечера.—Принцъ Саксонскій. — Происки и интриги. — Черты характера Императрицы Екатерины V. Первые признаки немилости. — Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна.—Петергофъ.—Война противъ революціонной Франціи.—Кронштадтъ. VI. Раздѣлъ имуществъ Польши. — Графъ Шуазель-Гуфье. — Ростопчинъ. — Дневникъ Великой Княгини Елизаветы.

I.

Лѣто 1794 года, второе проведенное мною въ Царскомъ Селѣ, привлекло еще нѣкоторыхъ новыхъ лицъ. Графъ Эстергази, агентъ французскихъ принцевъ, былъ очень хорошо принятъ Императрицей. Его тонъ, нѣсколько грубоватый, скрывалъ его корыстолюбивый характеръ, склонный къ интригамъ. Его считали прямымъ и откровеннымъ. Но Императрица не долгое время была въ заблужденіи и терпѣла его только по добротѣ. Онъ замѣтилъ это и сталъ слугою Зубова, который его поддерживалъ. Его жена была добрая женщина, любившая своихъ прежнихъ государей, ровная, увѣренная и пріятная въ обращеніи.

Графъ Штакельбергъ [1]), нашъ бывшій посланникъ въ Варшавѣ, гдѣ онъ игралъ интересную роль, въ совершенствѣ обладалъ умѣньемъ занимать общество. Онъ былъ ловкимъ придворнымъ и преданъ Зубову.

Графъ Федоръ Головкинъ [2]), хотя и незамѣтная личность, нѣкоторое время игралъ извѣстную роль. Безстыдный лжецъ, полный злого остроумія и дерзкій, онъ, шутя и забавляя, пробрался къ подножію трона; но онъ недолго пользовался милостью. Насмѣшка и злословіе были изгнаны изъ кружка Императрицы, которая не могла ихъ терпѣть. Графъ Головкинъ сталъ чтецомъ и цѣнилъ Зубова, другомъ сердца и повѣреннымъ графини Шуваловой. Зубовъ досталъ для него мѣсто посланника въ Неаполѣ. Его дурное поведеніе заставило его отозвать. Онъ даже былъ на нѣкоторое время изгнанъ изъ Россіи.

Три сестры, княжны Голицыны [3]) были назначены фрейлинами къ Великой Княгинѣ Елизаветѣ незадолго до ея свадьбы.

Природа была такъ оживлена, что она придавала неизъяснимую прелесть теплой весенней погодѣ. Это время года какъ бы усиливаетъ

---

[1]) Антонъ-Магнусъ Штакельбергъ, курляндскаго происхожденія, родился въ 1736 году, умеръ въ 1800. Въ то время, когда былъ посланникомъ въ Варшавѣ, подготовилъ второй раздѣлъ Польши.

[2]) Федоръ Гавриловичъ Головкинъ родился въ 1766 г., умеръ 1823 г. Былъ камеръ-юнкеромъ, надѣялся стать фаворитомъ Екатерины II, но добился только изгнанія на должность посланника въ Неаполь, гдѣ натворилъ глупостей. Находясь долгое время въ немилости и отдаленіи отъ двора, онъ появился тамъ не надолго въ царствованіе Павла I, въ должности оберъ-церемоніймейстера, и вслѣдствіе новой неудачи уѣхалъ за-границу, жилъ и умеръ забытый. Онъ оставилъ *Мемуары*, недавно (1905 г.), изданные въ Парижѣ.

[3]) Дочери генералъ-майора князя Алексѣя Борисовича и его жены грузинской княгини Анны, племянницы знаменитой княгини Натальи Голицыной, урожденной Чернышевой, были замужемъ: старшая, Марія (1773—1826)—за графомъ Петромъ Александровичемъ Толстымъ, генераломъ-отъ-кавалеріи; средняя, Софья, родилась въ 1776 г., за графомъ Шарлемъ Сенъ-Пристъ, перомъ Франціи и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ въ Россіи; младшая, Елизавета (1777—1835) — за графомъ Александромъ Ивановичемъ Остерманомъ-Толстымъ, героемъ 1812 года.

чувства; воспоминанія являются толпой. Вся жизнь наполнена чувствомъ; лучше любить тѣхъ, кого долженъ любить и хотѣлось бы любить больше. Но среди этихъ ощущеній испытываешь нѣкоторое безпокойство, которое можетъ оказаться опаснымъ для сердца, алчущаго пищи.

Великая княгиня выросла и похорошѣла. Она приковывала къ себѣ всѣ взгляды. Ея ангельское лицо, стройный граціозный станъ, легкая походка, вызывали всегда новое изумленіе. Когда она входила къ Императрицѣ, всѣ взоры останавливались на ней. Я наслаждалась ея торжествомъ, но съ опасеніемъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Великій Князь больше обращалъ на нее вниманія, чѣмъ другіе.

Каждый вечеръ гуляли. Прекрасная погода располагала къ продолжительному пребыванію на воздухѣ. Императрица останавливалась около гранитнаго барьера или у колоннады. Солнечный закатъ, тишина въ воздухѣ и ароматъ цвѣтовъ очаровывали чувства. Что за время—молодость! Сколько меда обращается въ ядъ!

Ничто не могло представить зрѣлища болѣе интереснаго и пріятнаго, чѣмъ прелестный союзъ Великаго Князя Александра и Великой Княгини Елизаветы. Это были Амуръ и Психея. Все казалось согласнымъ въ ихъ чувствахъ для лицъ ихъ свиты. Великій Князь почтилъ меня особымъ довѣріемъ. Я всегда участвовала въ ихъ утренней прогулкѣ. Оба одинаково хорошо относились ко мнѣ. Если происходила между ними легкая ссора, то опять-таки мнѣ приходилось быть ихъ судьей. Я вспоминаю, какъ послѣ одной изъ такихъ ссоръ, они приказали мнѣ придти на слѣдующій день, въ семь часовъ утра, въ комнаты моего дяди, находившіяся въ нижнемъ этажѣ дворца и выходившія въ большой садъ. Я отправилась туда въ назначенный часъ. Оба появились на террасѣ. Великій князь влѣзъ въ окно, вытащилъ стулъ, выпрыгнулъ изъ окна и заставилъ меня послѣдовать за нимъ, все для того, чтобы придать видъ приключенія самой невинной вещи въ мірѣ. Они взяли меня за руку и повели въ старинную бесѣдку въ глубинѣ сада, посадили меня за столъ и процессъ начался. Они говорили оба разомъ. Приговоръ былъ произнесенъ въ пользу Великой Княгини, которая была совершенно права. Великому Князю пришлось признать это, онъ такъ и сдѣлалъ. Окончивъ это важное дѣло, мы съ самымъ веселымъ видомъ продолжали нашу прогулку.

Мы совершали въ это лѣто великолѣпныя поѣздки. Императрица не желала ничего другого, какъ видѣть своихъ внуковъ счастливыми и довольными. Она разрѣшала Великому Квязю и Великой Княгинѣ совершать прогулки, куда имъ вздумается, даже послѣ обѣда. Однажды въ Красномъ Селѣ была приготовлена охота. Эта деревня находится на очень небольшомъ разстояніи отъ горъ Дудергофа; онѣ состоятъ изъ трехъ довольно высокихъ холмовъ, изъ которыхъ два покрыты лѣсомъ. Тамъ растутъ прелестные цвѣты, гербаристы часто находятъ тамъ интересные экземпляры. Средній холмъ не такъ лѣсистъ, на его вершинѣ построена финская деревушка и лютеранская церковь, что дѣлаетъ мѣстность очень живописной [1]).

Мы спустились къ дворцу. Стояла жаркая погода, предвѣщавшая грозу. Мы чудесно пообѣдали, но едва вышли изъ-за стола, какъ послышались раскаты грома и красивая молнія ослѣпила насъ. Сильный, хорошій дождь падалъ отвѣсно и также градъ. Великая Княгиня бѣгала за градинами, попадавшими въ комнату черезъ каменную трубу. Эта шутка, безпокойство охотниковъ, различныя волненія очень забавляли насъ, меня и Великую Княгиню. Фрейлина, княжна Голицына, спряталась въ спальнѣ. Она страшно боялась грозы. Молодая графиня Шувалова присоединилась къ ней; ея мать ходила взадъ и впередъ. Мы же, Великая Княгиня и я, были проникнуты чувствами, доставлявшими намъ наслажденіе; гроза, молнія и громъ были для насъ красивымъ зрѣлищемъ. Прислонясь къ окну, мы любовались явленіями природы. У насъ были одинаковые костюмы, амазонки и черныя касторовыя шляпы. На шляпѣ Великой Княгини была стальная петелька, которую она прикрѣпила къ моей шляпѣ, чтобы можно было незамѣтно обмѣняться. Она дала мнѣ свою шляпу и взяла мою. Все это произошло въ молчаніи. Въ тотъ же день она дала мнѣ маленькую записку, которую я и сейчасъ храню, вмѣстѣ съ медальономъ, въ которомъ находится ея портретъ и прядь волосъ.

Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ первое проявленіе чувства дружбы, ничто не должно останавливать ея развитіе. Довѣріе, преданность и

[1]) Императорское имѣніе въ пятнадцати верстахъ отъ Царскаго Села. Тамъ находится деревянный дворецъ, построенный Елизаветой I. (*Примѣчаніе автора*).

чистая невинность молодости походятъ на цвѣтникъ, полный постоянно распускающихся цвѣтовъ. Любятъ безъ боязни и безъ угрызеній. И какое счастье, больше чѣмъ счастье, обладать чувствительнымъ сердцемъ, дружба котораго является вѣрнымъ залогомъ [1]).

Гроза прекратилась и затѣмъ наступила полнѣйшая тишина. Воздухъ былъ полонъ теплоты и благоуханій. Все способствовало пріятности нашей прогулки. Немного поохотились и потомъ мы взобрались на первый холмъ. Съ его вершины мы открыли прелестный видъ, цвѣты и земляника росли у насъ подъ ногами. Потомъ мы пошли къ другому холму, болѣе покрытому лѣсомъ. На полдорогѣ находился птичникъ, окруженный вѣтвистыми деревами, рядомъ съ которымъ была тропинка, ведущая на вершину. Великая Княгиня захотѣла подняться по ней, но тропинка была слишкомъ крута и камениста. Придумали другой способъ, какъ взобраться на вершину. Рядомъ съ птичникомъ мы нашли финскую телѣжку съ лошадью и предложили этотъ экипажъ Великой Княгинѣ, которая съ радостью согласилась. Туда сѣли со мной княжна Голицына и молодая графиня Шувалова, камергеры и камеръ-юнкеры помогали лошади: одни тянули ее за узду, другіе подталкивали телѣжку. Великій Князь и нѣкоторые изъ сопровождавшихъ ѣхали верхомъ. Эта многочисленная свита и финская телѣжка напоминали волшебную сказку и, казалось, скрывали въ себѣ что-то таинственное. Все—тайна въ жизни, даже и финская телѣжка.

Прогулка затянулась, мы возвращались въ коляскахъ, вечеромъ, при чудной погодѣ. Природа представляла совсѣмъ особенное зрѣлище. Свѣтъ замѣнился полутьмой. Всѣ предметы, холмы, деревья и колокольни вырисовывались темной тѣнью на сѣроватомъ фонѣ неба. Мало разговаривали, но каждый наслаждался по своему.

Графиня Толстая, жена камергера Великаго Князя, жила въ Царскомъ Селѣ. Она не была еще принята у Императрицы, но имѣла разрѣшеніе посѣщать Великую Княгиню, какъ принадлежащая къ ея двору. Она черезъ моего мужа приходилась мнѣ родственницей. Ея же мужъ

[1]) Въ это время Великая Княгиня писала своей матери: „Если мнѣ и нравится кто-нибудь, какъ нѣкоторыя изъ дамъ, въ особенности нѣкая графиня Головина... я не могу этого показать, потому что общество здѣсь невыносимо". Великій Князь Николай Михайловичъ *Императрица Екатерина* т. I, стр. 138 (французскаго изданія).

въ это время ухаживалъ за мной. Онъ привелъ мнѣ ее, говоря: «Я вамъ дѣлаю подарокъ—мою жену».

Она была обижена этими словами, которыя привели меня въ замѣшательство и поставили насъ въ стѣсненное положеніе, которое къ счастью продолжалось недолго. Она была прекрасна, но несчастныя обстоятельства въ ея жизни увеличили ея природную робость. Когда мы остались однѣ, она молчала. Наконецъ, посредствомъ заботъ и вниманія, мнѣ удалось пріучить ее къ себѣ, завоевать ея довѣріе и заставить полюбить меня отъ всего сердца. Наши отношенія превратились въ настоящее чувство; испытанія, черезъ которыя прошла каждая изъ насъ, только укрѣпили дружбу, которая не должна и не можетъ угаснуть.

Мы вмѣстѣ гуляли по утрамъ въ окрестностяхъ Царскаго Села. Она пригласила меня однажды посѣтить деревню колонистовъ, находившуюся въ двѣнадцати верстахъ отъ дворца. Она намъ очень понравилась, и мы подробно описали Великому Князю и Великой Княгинѣ нашу поѣздку; Ихъ Императорскія Высочества захотѣли тоже проѣхаться туда и получили на это разрѣшеніе отъ Императрицы. Было рѣшено, что они поѣдутъ инкогнито подъ нашимъ покровительствомъ. Великая Княгиня подъ именемъ м-ль Гербстъ будетъ играть роль горничной графини Толстой, а Великій Князь будетъ моимъ племянникомъ. Въ восемь часовъ утра Великая Княгиня поѣхала со мной и графиней Толстой въ маленькой почтовой повозкѣ, принадлежавшей послѣдней. Мой мужъ поѣхалъ съ Великимъ Княземъ въ своемъ англійскомъ экипажѣ. Когда мы пріѣхали къ г-жѣ Вильдбадъ — имя хозяйки дома, гдѣ мы остановились, — Великая Княгиня была тронута воспоминаніемъ. Домъ и костюмъ были такіе же, какъ у крестьянъ на ея родинѣ. Семья Вильдбадовъ состояла изъ мужа и жены, сына съ женой, маленькимъ ребенкомъ и молодой дѣвушки. Позвали двухъ сосѣдей, играли вальсы съ береговъ Рейна; эта музыка и вся обстановка произвели большое впечатлѣніе на Великую Княгиню, и къ ея наслажденію примѣшалась печаль.

Мой мужъ хотѣлъ отвлечь ея вниманіе и сказалъ: «Мадмуазель Гербстъ, вы слишкомъ лѣнивы, пора готовить завтракъ. Пойдемте въ кухню. Нарвите петрушки для яичницы, которую мы будемъ готовить». Эта шутка возвратила намъ веселость. Великая Княгиня повиновалась

и взяла первый урокъ кулинарнаго искусства. На ней было бѣлое утреннее платье и соломенная шляпа на ея прекрасныхъ бѣлокурыхъ волосахъ. Принесли розъ, мы сдѣлали изъ нихъ гирлянду и украсили ея шляпу. Великая Княгиня была прекрасна, какъ ангелъ. Великій Князь съ трудомъ сохранялъ серьезный видъ, и мой мужъ, съ шляпой на головѣ, старался казаться какъ можно важнѣе.

Мы съѣли превосходную яичницу; сливочное масло и густыя сливки докончили нашъ завтракъ. Въ углу комнаты стояла колыбель съ уснувшимъ ребенкомъ. Молодая мать время отъ времени подходила и качала ее. Великая Княгиня, увидавъ колыбель, подошла къ ней, встала на колѣни и качала ребенка. Глаза ея наполнились слезами, казалось, она предчувствовала тѣ тяжелыя испытанія, которыя ей готовила судьба.

Эта смѣсь простоты, веселости и чувствительности придала большой интересъ нашей утренней прогулкѣ. Возвратились мы съ приключеніемъ. Полился, какъ изъ ведра, крупный теплый дождь. Мы посадили Великаго Князя къ себѣ, покрывъ кожей, закрывавшей наши ноги. Но такъ какъ больше чѣмъ троимъ нельзя было помѣститься въ глубинѣ экипажа, то, несмотря на наши заботы, Великій Князь промокъ до костей. Это нисколько не уменьшило нашего удовольствія, и мы долгое время съ интересомъ вспоминали объ этой прогулкѣ [1]).

Г-жа Вильдбадъ, иногда пріѣзжая въ городъ по своимъ дѣламъ, привозила мнѣ масла. Я попросила ее однажды отвезти его моему предполагаемому племяннику. «Я не знаю гдѣ онъ живетъ, — отвѣтила мнѣ она. Я сказала, что прикажу отвести ее туда. Одинъ изъ моихъ лакеевъ повелъ ее во дворецъ. Когда она узнала правду, отъ удивленія и счастья съ ней едва не сдѣлалось дурно. Великій Князь пожаловалъ ей сто рублей и платье ея мужу. Мнѣ кажется, что эта пенсія продолжалась нѣсколько лѣтъ.

[1]) Великая Княгиня съ восторгомъ отзывается о ней въ письмахъ къ своей матери. Великій Князь Николай Михайловичъ, *цит. произв.* т. I, стр. 209 (французское изданіе).

II.

Удовольствія все увеличивались. Императрица старалась сдѣлать пребываніе въ Царскомъ Селѣ возможно болѣе пріятнымъ. Придумали играть на лужайкѣ передъ дворцомъ. Было два лагеря: лагерь Александра и лагерь Константина. Они отличались знаменами, въ одномъ—розовое, въ другомъ—голубое, съ вышитыми серебромъ вензелями. Я была въ лагерѣ Александра. Императрица и лица, не участвовавшія въ игрѣ, сидѣли на скамейкѣ передъ дорожкой вокругъ дворца. Великая Княгиня Елизавета вѣшала свою шляпу на знамя, прежде чѣмъ бѣжать. Она едва касалась земли, до того она была легка. Вѣтеръ игралъ ея волосами, она обгоняла всѣхъ женщинъ. Ею любовались и ея видъ никогда не могъ надоѣсть.

Эти игры нравились всѣмъ и имъ предавались съ удовольствіемъ. Императрица, бывшая воплощенной добротой, замѣтила, что камергеры и камеръ-юнкеры, дежурившіе во дворцѣ два раза въ недѣлю, очень жалѣли, когда кончалось дежурство. Она позволила имъ оставаться въ Царскомъ Селѣ, сколько имъ было угодно, и никто изъ нихъ не уѣхалъ за все лѣто.

Зубовъ участвовалъ въ играхъ. Грація и красота Великой Княгини не замедлили произвести впечатлѣніе на него. Однажды вечеромъ во время игры Великій Князь подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку, а также и Великую Княгиню и сказалъ мнѣ: «Зубовъ влюбленъ въ мою жену». Эти слова, сказанныя при ней, вызвали во мнѣ крайне непріятное чувство. Я отвергала эту мысль, какъ вещь невозможную. Я прибавила, что если Зубовъ способенъ на подобное безуміе, то онъ достоинъ презрѣнія и не слѣдуетъ обращать на это никакого вниманія. Но было слишкомъ поздно. Эти несчастныя слова внесли замѣшательство въ сердце Великой Княгини. Она была смущена, я чувствовала себя несчастной и безпокоилась. Нѣтъ ничего безполезнѣе и опаснѣе, какъ обратить вниманіе молодой женщины на чувство, которое неизбѣжно должно оскорбить ее и которое чистота и благородство души не позволяютъ замѣтить, но удивленіе превращаетъ его въ замѣшательство, которое можно дурно истолковать.

Какъ обыкновенно, послѣ игры я ужинала у Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Открытіе Великаго Князя не выходило у меня изъ головы. На слѣдующій день мы должны были обѣдать у Великаго Князя Константина въ его домикѣ въ Софіи [1]). Я отправилась къ Великой Княгинѣ, чтобы сопровождать ее. Она сказала мнѣ:—«Пойдемте скорѣе, впередъ другихъ, мнѣ надо вамъ кое-что сказать».—Я повиновалась; она дала мнѣ руку, и когда мы были такъ далеко, что насъ не могли слышать, она сказала мнѣ: «Сегодня утромъ къ Великому Князю приходилъ Растопчинъ и подтвердилъ ему то, что онъ замѣтилъ насчетъ Зубова. Великій Князь мнѣ съ такой горячностью и тревогой передавалъ свой разговоръ съ нимъ, что со мной едва не сдѣлалось дурно; я не знаю, что мнѣ дѣлать, присутствіе Зубова будетъ стѣснять меня, я увѣрена въ этомъ».

—«Ради Бога, успокойтесь!—отвѣчала я ей.—Все это достойно только вашего презрѣнія. Вамъ нечего ни смущаться, ни безпокоиться. Будьте настолько мужественны, забудьте все, что вамъ сказали. И все рушится само-собою». Она немного успокоилась и обѣдъ прошелъ довольно хорошо. Вечеромъ мы поднялись къ Императрицѣ. Зубовъ былъ задумчивъ и непрестанно бросалъ на меня томные взгляды, которые онъ переносилъ потомъ на Великую Княгиню. Скоро всѣмъ въ Царскомъ Селѣ стало извѣстно объ этомъ безуміи и противъ меня появились двѣ партіи: повѣренные и шпіоны. Графиня Шувалова была главной повѣренной чувствъ Зубова. Графъ Головкинъ, графъ Штакельбергъ, Колычевъ, камергеръ и впослѣдствіи маршалъ Двора, фрейлины княжны Голицыны и докторъ Бекъ слѣдили за мной. Они изо дня въ день отдавали отчетъ въ своихъ наблюденіяхъ графу Салтыкову. Наши прогулки, разговоры, малѣйшее вниманіе, оказываемое мнѣ Великой Княгиней, все это подхватывалось, подвергалось переработкѣ, разбиралось и черезъ Салтыкова передавалось Великой Княгинѣ-матери. Я была окружена легіономъ враговъ. Но моя совѣсть была спокойна, и я была такъ проникнута чувствомъ дружбы къ Великой Княгинѣ Елизаветѣ, что вмѣсто того, чтобы безпокоиться объ этомъ, я удвоила усердіе и въ нѣкоторомъ родѣ дерзость. Покрови-

[1]) Маленькій городокъ, построенный за садомъ Царскаго Села. *(Примѣчаніе автора).*

тельство Императрицы, ея милостивое отношеніе ко мнѣ и довѣріе Великаго Князя удаляли отъ меня всякое замѣшательство.

Эти обстоятельства только укрѣпили мою дружбу съ Великой Княгиней. Мы почти не разставались съ ней и она сообщала мнѣ всѣ свои чувства. Я была глубоко тронута и ея слава стала цѣлью моего счастья.

Я не знаю ничего привлекательнѣе, какъ эти первыя изліянія души. Они какъ чистый источникъ, пробивающій себѣ новую дорогу, пока онъ не найдетъ мѣста, гдѣ разлить воды свои и освободиться отъ земли, его сдавливающей.

Внимательность Зубова ко мнѣ удвоилась и все болѣе и болѣе возмущала меня. Его перешептыванья съ графиней Шуваловой вызывали у меня презрѣніе и къ тому, и къ другой. Между другими повѣренными Зубова былъ одинъ итальянецъ, гитаристъ Сарти. Я была съ нимъ знакома, такъ какъ онъ приходилъ иногда играть ко мнѣ; его роль состояла въ томъ, чтобы слѣдить за нашими прогулками въ саду съ Великой Княгиней и докладывать своему возлюбленному покровителю, куда мы пошли, а тотъ отправлялся намъ навстрѣчу. Эта продѣлка иногда удавалась. Зубовъ встрѣчалъ насъ съ глубокимъ поклономъ и глядѣлъ на насъ своими большими черными глазами съ томнымъ выраженіемъ смущенія, что очень смѣшило меня. И какъ только мы отходили отъ него, я всецѣло отдавалась веселому настроенію. Я сравнивала его съ волшебнымъ фонаремъ и особенно старалась сдѣлать его смѣшнымъ въ глазахъ Великой Княгини.

Разъ, когда я одна прогуливалась утромъ въ саду, мнѣ встрѣтился графъ Штакельбергъ, онъ заговорилъ со мною тѣмъ дружескимъ и вѣжливымъ тономъ, какимъ онъ обыкновенно говорилъ съ лицами, которымъ онъ хотѣлъ показать свою любовь.

— Дорогой другъ, дорогая графиня,—сказалъ онъ мнѣ,—чѣмъ болѣе я вижу прелестную Психею, тѣмъ болѣе я теряю голову. Она несравненна, но я знаю у нея одинъ недостатокъ.

— Какой же?

— А! у нея не чувствительное сердце; она слишкомъ многихъ дѣлаетъ несчастными. Она не умѣетъ поблагодарить за самыя нѣжныя чувства, за самыя почтительныя ухаживанія...

— Да чьи же?

— Того, кто ее обожаетъ.

— Вы съ ума сошли, дорогой графъ, и должно быть вы меня плохо знаете. Отправляйтесь къ г-жѣ Шуваловой, она васъ лучше пойметъ, и знайте разъ навсегда, что слабость такъ же чужда Психеѣ, какъ близка къ низости ваша рѣчь.

Окончивъ эти слова, я взглянула въ сторону помѣщенія Зубова и увидѣла его на балконѣ. Я взяла графа Штакельберга подъ руку и подвела его къ нему.

— Вотъ—сказала я ему,—молодой человѣкъ, который совсѣмъ сошелъ съ ума; пустите ему кровь какъ можно скорѣе. А пока я вамъ разрѣшаю разспросить у него всѣ подробности нашего разговора.

И я оставила ихъ, очень довольная собой.

Несмотря на тревоги, пребываніе въ Царскомъ Селѣ было пріятнымъ. Оно давало пищу обольстительнымъ иллюзіямъ молодости. Величественная картина двора, дворецъ, сады и террасы, пропитанные ароматами цвѣтовъ, все это возбуждало благородныя мысли и воспламеняло воображеніе. По возвращеніи съ прогулки въ чудный вечеръ, Императрица остановилась около гранитнаго барьера; всѣ усѣлись на широкихъ плитахъ камня, покрывавшихъ его. Ея Величество помѣстила меня между собой и Великой Княгиней, съ которой Зубовъ не спускалъ глазъ. Великая Княгиня была смущена, и я не могла быть спокойной. Я дѣлала громадное усиліе надъ собой, чтобы вслушаться въ то, что Императрица говорила мнѣ. Вдругъ мы услыхали восхитительную музыку. Дьетцъ, очень хорошій музыкантъ, игралъ подъ окнами Зубова, недалеко отъ барьера, тріо на віоль д'амуръ съ аккомпаниментомъ альта и віолончели. Гармоническіе звуки этого инструмента любви таяли въ воздухѣ среди царившей тишины. Великая Княгиня была взволнована.

Нѣмая рѣчь души свойственна дружбѣ; между друзьями нѣтъ надобности въ словахъ, чтобы чувствовать мысли другъ друга. Я понимала Великую Княгиню и для меня этого было достаточно. Ея смущеніе замѣнилось пріятнымъ чувствомъ наслажденія, вызваннаго волшебнымъ настроеніемъ минуты.

Когда Императрица удалилась, я проводила Великую Княгиню домой; мы сѣли въ маленькой гостинной у окна, а остальное общество находилось рядомъ въ большомъ салонѣ; окно, у котораго мы сидѣли,

было открыто и выходило въ садъ; на красивой поверхности озера отражалась луна; все было спокойно кругомъ, кромѣ души, жаждущей впечатлѣній.

Великій Князь любилъ свою жену любовью брата, но она чувствовала потребность быть любимой такъ же, какъ она бы любила его, если-бы онъ сумѣлъ ее понять. Разочарованіе въ любви очень тягостно, особенно во время перваго ея пробужденія. Принципы, въ которыхъ Великая Княгиня была воспитана принцессой, своей матерью, были проникнуты добродѣтелью и побуждали ее къ исполненію своего долга. Она знала и чувствовала, что ея мужъ долженъ быть главной цѣлью ея любви. И она отдавалась этому чувству, но не получала отвѣта и потому дружба становилась для нея съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе необходимой. Я находилась около нея и нѣжно любила ее. Препятствія, интриги и обманъ еще болѣе увеличили ея любовь, ко мнѣ и я боялась остановить развитіе этого чувства, такъ какъ ея душа искала проявленія. Чтобы сохранить чистоту ея сердца, я предоставила ей излиться въ чувствѣ дружбы ко мнѣ. Въ преданности къ ней я находила твердую увѣренность. Я знала, что дружба мѣняется со временемъ: на первыхъ порахъ она отличается пылкостью юности, впослѣдствіи она становится спокойнѣе и, наконецъ, испытанія увѣнчиваютъ ее.

Однажды вечеромъ, вмѣсто того чтобы отправиться вслѣдъ за Великой Княгиней послѣ окончанія собранія у Императрицы, я прошла въ комнаты моего дяди, чтобы перемѣнить туалетъ. Это было не долго и я уже выходила, когда кто-то сказалъ мнѣ, что Зубовъ даетъ серенаду у своего окна, а услужливая Шувалова взялась провести Великую Княгиню по лужайкѣ мимо окна и обратить вниманіе на Зубова, чтобы получить одобреніе его чувствамъ. Я пришла въ бѣшенство и побѣжала туда какъ можно скорѣе. Къ счастью я догнала Великую Княгиню раньше, чѣмъ она дошла до условленнаго мѣста. Шувалова шла съ ней подъ руку.

— Куда вы идете, Ваше Высочество?

— На лужайку,—отвѣчала она;—графиня сказала мнѣ, что тамъ мы услышимъ прелестную музыку.

Я сдѣлала ей знакъ глазами и прибавила:

— Повѣрьте, что будетъ лучше, если мы прогуляемся въ такую прекрасную погоду.

Великая Княгиня оставила руку своей уважаемой спутницы, и мы пошли съ ней такимъ шагомъ, что Шувалова не могла насъ догнать. Она осталась тамъ, крайне разсерженная на меня. Дорогой я разсказала Великой Княгинѣ настоящую подкладку этой исторіи и она была очень довольна. На слѣдующій день графиня Шувалова жаловалась на меня всѣмъ своимъ повѣреннымъ и я очень смѣялась этому. Я нахожу также достойнымъ похвалы заслужить ненависть людей презираемыхъ нами, какъ и уваженіе тѣхъ, кого мы любимъ. У меня нѣтъ способности къ интригамъ, разсчетамъ и къ ловкости; я не могу льстить за счетъ моей совѣти и *не знаю политики свѣта*.

Однажды, послѣ обѣда, Колычевъ предложилъ мнѣ отъ имени Зубова спѣть романсъ въ тотъ моментъ, когда Императрица появится на вечерѣ. Этотъ романсъ былъ новостью. Я прочла куплеты и во второмъ увидѣла довольно ясно выраженное объясненіе въ любви [1]). Я поблагодарила Колычева и попросила его передать Зубову, что я не хочу ни обращать на себя вниманіе, ни злоупотреблять добротой Ея Величества, которая не любитъ музыки. Онъ ушелъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришелъ, и я не сказала объ этомъ Великой Княгинѣ.

На слѣдующій день, въ воскресенье, былъ небольшой балъ въ своемъ обществѣ. Танцуя англійскій съ Колычевымъ, я увидала свертокъ нотъ у него въ карманѣ. Онъ вытаскивалъ его время отъ времени, чтобы обратить вниманіе Великой Княгини, которая находилась около меня. Такъ какъ его продѣлка не удалась, то онъ рѣшился самъ предложить ей романсъ, но я предупредила Великую Княгиню, тихо сказавъ ей:

— Не берите этихъ нотъ, сегодня вечеромъ вы узнаете, что это такое.

Она не взяла ихъ. Во время полонеза я видѣла, какъ Зубовъ, графиня Шувалова и графъ Головкинъ сговаривались между собой. Минуту спустя Головкинъ пригласилъ меня танцевать. Я согласилась

[1]) Le sort me fait un crime — Судьба преступно поступаетъ со мной,
De vouloir l'enflammer — Воспламеняя мое сердце
Et laisse à sa victime — И предоставляетъ своей жертвѣ,
Le droit fatal d'aimer. — Роковое право любить.

и онъ помѣстился въ первой парѣ, а Шувалова и Зубовъ сзади насъ. Я сказала графу, что не хочу идти въ первой парѣ.

— А почему?—спросилъ онъ.—Вы доставите удовольствіе Зубову.

— Пускай онъ самъ ведетъ полонезъ,—отвѣтила я.

Въ то время какъ я настаивала на перемѣнѣ мѣста, Зубовъ сказалъ мнѣ:

— Я умоляю васъ, графиня, начать полонезъ, я былъ бы такъ счастливъ слѣдовать за вами, только вы можете привести меня къ счастью.

— У меня нѣтъ способности вести кого-либо; я едва себя умѣю вести.

И я перешла съ перваго мѣста на послѣднее.

— Вы очень упрямы,—сказалъ мнѣ Головкинъ.

— Признаюсь,—отвѣчала я,—что я не такъ покладиста, какъ вы [1]).

Я забыла разсказать про княгиню Прасковью Андреевну Голицыну, старшую дочь графини Шуваловой, получившую разрѣшеніе бывать по воскресеньямъ въ Царскомъ Селѣ. Это была женщина съ непокойнымъ умомъ и непослѣдовательнымъ характеромъ. Она завидовала исключительно милостивому обращенію со мной Императрицы. Послѣ обѣдни до обѣда Ея Величество дѣлала пріемъ [2]). Княгиня Голицына знала, что Государыня иногда для развлеченія дѣлала оттиски изъ картона съ миѳологическими изображеніями, и ей страшно хотѣлось получить такой оттискъ для медальона, который она носила на шеѣ нарочно такъ, чтобы можно было замѣтить, что онъ пустой. Императрица обратила вниманіе на это и сказала Голицыной:

[1]) Письмо Великаго Князя Александра графу Кочубею отъ 15 ноября 1795 года, найденное въ бумагахъ Императрицы Елизаветы, подтверждаетъ слова графини Головиной относительно преступной страсти Зубова и поощренія, которое ему оказывали графиня Шувалова и графъ Головкинъ (Великій Князь Николай Михайловичъ, *Императрица Елизавета*, т. I, стр. 46 (французское изданіе).

[2]) На этомъ пріемѣ происходила обыкновенно смѣна дежурныхъ флигель-адъютантовъ. Оканчивавшій дежурство вставалъ на о но колѣно передъ Императрицей и возвращалъ ей жезлъ, который она вручала вступающему въ дежурство. Хотя эта церемонія и повторялась каждую недѣлю, всѣ обыкновенно бывали поражены тѣмъ величіемъ, которое вносила туда Государыня. Всѣмъ своимъ видомъ она какъ бы говорила: „Довѣріе и преданность". (*Примѣчаніе автора*).

— Мнѣ, кажется, княгиня, что въ медальонѣ, который я вижу на васъ вотъ уже нѣсколько воскресеній, чего-то не хватаетъ.

Княгиня покраснѣла отъ радости и отвѣтила, что была бы очень счастлива, если Государыня находитъ, что медальонъ достоинъ ея работы.

— Нѣтъ, я вамъ дамъ сибирскій камень, который гораздо красивѣе моихъ оттисковъ.

Недѣлю спустя, она послала графинѣ Шуваловой для ея дочери медальонъ съ сибирскимъ калцедономъ и брильянтами. Княгиня появилась за обѣдней, сіяющая отъ радости, и, не владѣя собой, всѣмъ показывала подарокъ Государыни. Вечеромъ на балу она была внѣ себя отъ волненія. Императрица весь день посматривала на меня и обходилась довольно холодно; это меня нисколько не обезпокоило. Я танцовала, какъ всегда, очень веселая и всѣ мои мысли были поглощены Великой Княгиней. Болѣзнь, распространенная при дворѣ, не дѣйствовала на меня. Ея Величество замѣтила это и въ концѣ вечера позвала меня.

— Ваша веселость приводитъ меня въ восхищеніе,—сказала она мнѣ.—Ничто не можетъ ее нарушить.

— Отчего же, Ваше Величество, мнѣ не быть веселой. Я осыпана милостями Вашего Величества и Великой Княгини, чего мнѣ можетъ не хватать? Я счастлива и вдвойнѣ счастлива тѣмъ, что я вамъ обязана этимъ.

— Идите, вы мнѣ доставляете удовольствіе.

По возвращеніи въ городъ 30 августа въ день Св. Александра, Ея Величество послала за моимъ мужемъ и вручила ему для меня медальонъ, гораздо болѣе красивый, чѣмъ у княгини Голицыной, прибавивъ, чтобы онъ только въ томъ случаѣ передалъ его мнѣ, если онъ мною доволенъ. Секретарь Императрицы Трощинскій разсказывалъ мнѣ, что онъ находился при томъ, когда ювелиръ принесъ медальонъ. Императрица показала его Трощинскому, говоря: «Я предназначаю его для женщины, которую я очень люблю. Я подарила тоже медальонъ княгинѣ Голицыной, но если ихъ сравнить, можно судить о различіи моей любви».

Сколько милостей запечатлѣлось въ моей душѣ! Какъ пріятно и неизбѣжно чувство благодарности! Даже смерть не разрушила его.

Оно самостоятельно и справедливо, и спокойствіе могилы дѣлаетъ его священнымъ и религіознымъ.

III.

Этотъ годъ былъ отмѣченъ интересными событіями: взятіе Курляндіи, Варшавы и раздѣлъ Польши. Послѣднее было неизбѣжнымъ политическимъ слѣдствіемъ первыхъ двухъ событій. Ненависть поляковъ противъ русскихъ усилилась и зависимое положеніе довело до крайней степени ихъ раздраженную гордость. Я была свидѣтельницей сцены, которую я никогда не могу забыть. Она дала мнѣ понятіе о силѣ очарованія Императрицы.

Пріѣхала депутація поляковъ для представленія Государынѣ. Всѣ мы дожидались Императрицу въ салонѣ. Насмѣшливый и враждебный видъ этихъ господъ меня очень забавлялъ Государыня вошла въ комнату; мгновенное движеніе выпрямило ихъ всѣхъ. У нея былъ величественно-снисходительный видъ, вызвавшій у нихъ глубокій поклонъ. Она сдѣлала два шага; ей представили этихъ господъ и каждый изъ нихъ становился на одно колѣно, чтобы поцѣловать у нея руку. Въ эту минуту у всѣхъ у нихъ на лицахъ было выраженіе покорности. Императрица заговорила съ ними и они просіяли. Черезъ четверть часа она удалилась, сдѣлавъ свой обыкновенный медленный реверансъ, который невольно заставлялъ наклонить голову каждаго изъ присутствующихъ. Поляки были внѣ себя отъ восторга; они уходили бѣгомъ и громко говорили:

— Нѣтъ это не женщина; это сирена, это волшебница; ей нельзя сопротивляться.

Когда дворъ перебрался въ Таврическій дворецъ, я бывала тамъ каждый день. Я часто обѣдала у Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ небольшомъ кружкѣ: Великій Князь, Великая Княгиня, мой мужъ и я. Въ шесть часовъ мы отправлялись къ Императрицѣ, гдѣ также присутствовало общество, которое раньше собиралось у круглаго стола въ Царскомъ Селѣ. Иногда бывали концерты. Оркестръ состоялъ изъ

лучшихъ придворныхъ музыкантовъ, нѣкоторыхъ любителей, и между ними Зубовъ. Великая Княгиня и я мы были первыми пѣвицами. У нея былъ нѣжный красивый голосъ и ее слушали съ восторгомъ. Мы пѣли съ ней вмѣстѣ дуэты, такъ какъ въ нашихъ голосахъ было много схожаго.

Однажды вечеромъ послѣ исполненія симфоніи Зубовъ подошелъ ко мнѣ и опять предложилъ мнѣ спѣть тотъ знаменитый романсъ, отъ котораго я тогда отказалась. Я сидѣла за стуломъ Императрицы. Великая Княгиня, находясь рядомъ со мной, слышала эту просьбу и смутилась; она не смѣла поднять на меня глазъ и Великій Князь тоже волновался. Я встала и пошла за Зубовымъ къ клавесину. Онъ хотѣлъ мнѣ аккомпанировать на скрипкѣ. Я спѣла первый куплетъ, въ которомъ ничего не было, и остановилась.

— Какъ, уже! но это очень мало, графиня.

Я снова начала первый куплетъ; онъ просилъ меня спѣть второй, но я отказалась, говоря, что мы задерживаемъ концертъ изъ-за очень плохого романса и пошла отъ клавесина на свое мѣсто. Когда я проходила мимо Императрицы, она сказала мнѣ:

— Что это такое за іереміада?

— Да дѣйствительно, Ваше Величество, это самая скучная арія, какую я когда либо слышала.

И я сѣла на мѣсто. Взгляды Великой Княгини выражали удовольствіе и я была болѣе чѣмъ счастлива видѣть, что она довольна. Концертъ кончился и я собиралась уходить, но въ тотъ моментъ, когда я надѣвала плащъ, подошелъ Великій Князь и заставилъ меня пробѣжать съ нимъ до кабинета Великой Княгини; тамъ онъ всталъ на колѣни передо мной и самымъ живымъ образомъ выразилъ мнѣ удовольствіе, которое ему доставилъ мой поступокъ.

Я позволю себѣ разсказать настоящій фарсъ, который я устроила въ это время. Существовалъ нѣкій Копьевъ, умный человѣкъ, но большой негодяй, игравшій роль прихлебателя у знатныхъ. Онъ заходилъ иногда къ моей свекрови и вертѣлся въ передней у Зубова. Однажды, посѣтивъ насъ, онъ сказалъ, что видѣлъ, какъ Великая Княгиня, стоя у окна, разговаривала съ Шуваловой и что онъ долго смотрѣлъ на нихъ изъ помѣщенія Зубова, находившагося напротивъ, и что самъ Зубовъ тоже не спускалъ съ нихъ глазъ. Онъ прибавилъ, что это

устраиваетъ графиня Шувалова, чтобы доставить возможность своему протеже видѣть Великую Княгиню. Эти подробности показались мнѣ оскорбительными и очень не понравились. На слѣдующій день Великая Княгиня написала мнѣ, чтобы я пришла къ ней къ одинадцати часамъ, желая прорепетировать дуэтъ, который мы должны были пѣть на слѣдующемъ концертѣ. Я отправилась туда. Сарти намъ аккомпанировалъ... [1])

Сарти ушелъ. Я спросила Великую Княгиню, правда ли, что графиня Шувалова подводила ее къ окну, чтобы разговаривать. Она мнѣ отвѣтила, что это правда, но что съ тѣхъ поръ, какъ она увидала Зубова, смотрѣвшаго на нее, она больше не останавливалась у окна..

Я попросила у нея позволенія сдѣлать все, что мнѣ придетъ въ голову; она согласилась и я предложила ей сѣсть въ глубинѣ комнаты, чтобы видѣть спектакль, который я ей устрою. Я пошла сначала за булавками въ ея уборную, а возвратясь подошла къ окну и увидала напротивъ Зубова съ зрительной трубой, направленной на насъ. Я ракланялась съ нимъ, онъ отвѣтилъ мнѣ глубокимъ поклономъ. Я посмотрѣла на него съ минуту, потомъ отвернулась, какъ будто я съ кѣмъ-нибудь разговаривала. Затѣмъ я встала на стулъ и стала скалывать вмѣстѣ занавѣси, оставивъ отверстіе, въ которое я просунула голову и поклонилась ему еще разъ. Онъ быстро отошелъ отъ своего окна, а мнѣ больше ничего не было нужно и я слѣзла со стула. Великая Княгиня смѣялась отъ всей души.

Передъ обѣдомъ я хотѣла уйти, но она не отпустила меня и оставила на весь день. Къ вечеру послали за графиней Толстой и мы весело провели время вшестеромъ, три мужа и три жены).

---

[1]) Двѣ строчки стерты.

IV.

Спустя нѣсколько недѣль дворъ возвратился въ Зимній Дворецъ. Великій Князь прохворáлъ пятьдесятъ два дня. Каждое утро я получала записку отъ Великой Княгини съ приказаніемъ пріѣхать къ ней. Графиня Толстая тоже была приглашена, но она не всегда пріѣзжала. Лучшіе музыканты съ Дьецомъ во главѣ исполняли симфоніи Гайдна и Моцарта. Великій Князь тоже игралъ на скрипкѣ. Мы слушали эту прекрасную музыку изъ сосѣдней комнаты, гдѣ почти всегда мы были только вдвоемъ. На нашемъ разговорѣ часто отражалась гармонія, которая такъ хорошо подходитъ къ словамъ души.

Музыка обладаетъ волшебной властью надъ нашими способностями: она возбуждаетъ память, дающую намъ воспоминанія; все окружающее исчезаетъ передъ нашими глазами; раскрываются могилы, встаютъ мертвые, возвращаются отсутствующіе, ощущенія завладѣваютъ нами; въ это время наслаждаешься, страдаешь, сожалѣешь и чувствуешь сильнѣе.—Одно время въ моей жизни, тяжелое для меня время, я избѣгала клавесина. Невольно я играла тѣ мѣста, которыя напоминали мнѣ прошлое. Я справлялась съ собой, но не могла справиться съ воспоминаніями. Если бы это чувство было любовью, оно бы кончилось побѣдой или отвращеніемъ; но это было справедливое непреодолимое чувство, которое не ослабѣвало отъ страданій и больше не могло обратиться къ сердцу, вызвавшему его

Когда Великій Князь поправился, вечера прекратились. Великая Княгиня сожалѣла объ этихъ тихихъ и интересныхъ вечерахъ такъ же, какъ и я. Послѣ ужина я шла съ Великой Княгиней въ уборную. Иногда мы разговаривали.

Великій Князь оставался въ сосѣдней комнатѣ вмѣстѣ съ моимъ мужемъ, котораго онъ очень любилъ. Они разговаривали и иногда спорили о либеральныхъ идеяхъ, которыя Лагарпъ [1]), одинъ изъ его вос-

[1]) Фредерикъ-Цезарь де Лагарпъ; родился въ Кантонѣ де Во въ 1754 году, умеръ въ Лозаннѣ 1838 году. Послѣ того, какъ онъ былъ отосланъ Екатериной въ виду его слишкомъ передовыхъ идей, оно пробовалъ выступить на поприще политики во Франціи и Швейцаріи, потерпѣлъ неудачу, въ 1815 г. пріѣхалъ въ Россію, получилъ отъ Александра I чинъ генерала и отправился на родину, гдѣ и умеръ.

питателей, старался внушить ему. Но наступалъ моментъ разставанія; Великій Князь направлялся съ мужемъ въ свою комнату, гдѣ онъ дѣлалъ ночной туалетъ; Великая Княгиня тоже начинала раздѣваться; я помогала ей, распускала ея волосы, заплетала въ косу. Г-жа Гесслеръ, ея камеръ-фрау, раздѣвала ее, потомъ она шла въ свою спальню, чтобы лечь въ постель, и звала меня проститься. Я становилась на колѣни около постели, цѣловала у ней руку и уходила.

Однажды вечеромъ, когда я пришла къ Великой Княгинѣ, она открывала одну изъ дверей кабинета въ тотъ моментъ, когда я входила черезъ другую. Она подбѣжала ко мнѣ, какъ только увидала меня. Признаюсь, что я приняла ее за пріятное видѣніе. Ея волосы лежали небрежно, на ней было бѣлое платье, которое тогда называли греческой рубашкой, на шеѣ была золотая цѣпь и рукава отдернуты потому что она только что отошла отъ арфы. Я остановилась и сказала: „Боже, какой у васъ хорошій видъ!“—чтобы не сказать ей: „Боже, какъ вы прекрасны“.

— Что вы находите необыкновеннаго во мнѣ? — спросила она меня.

— Я нахожу, что у васъ такой видъ, что вы великолѣпно себя чувствуете...

Въ какомъ глупомъ положеніи бываешь, когда приходится говорить не то, что думаешь тѣмъ, отъ кого бы не хотѣлъ ничего скрывать! Она увела меня въ свою комнату, приказала мнѣ аккомпанировать на роялѣ и сыграла на арфѣ *Les folies d'Espagne*; я дѣлала аккорды. Потомъ мы разговаривали до ужина. Вечеромъ не было концерта.

Нашъ разговоръ никогда не касался личностей. Мысли слѣдовали одна за другой безъ подготовки и отдѣлки. Переполненное сердце является неизсякаемымъ источникомъ темъ, душа облагораживаетъ ихъ и умъ кладетъ свой отпечатокъ на ихъ выраженіе. Какъ я жалѣю тѣхъ, кто стремится блистать на чужой счетъ, какой фальшивый блескъ, какое отсутствіе глубины мысли! Сколько мелочности и на-

прасныхъ заботъ въ изображеніи лжи, исчезающей такъ же, быстро, какъ искры, мелькающія въ нашихъ глазахъ!

Во время зимы 1794—1795 года часто бывали маленькіе балы и спектакли въ Эрмитажѣ, а также балы въ тронномъ залѣ. Появился новый придворный: шевалье де Саксъ, незаконный сынъ принца Ксавье, дяди Саксонскаго короля. Императрица приняла его очень хорошо, но его пребываніе въ столицѣ окончилось печально. Одинъ англичанинъ, по имени Макартней, научилъ его нанести оскорбленіе князю Щербатову по выходѣ со спектакля. Онъ оскорбилъ его такъ, что не могло возникнуть никакихъ сомнѣній въ томъ, что шевалье де Саксъ былъ неправъ, и поэтому былъ отосланъ. Князь Щербатовъ вслѣдствіе этого не могъ получить удовлетворенія, котораго требовала его честь; онъ розыскалъ его въ Германіи, вызвалъ на дуэль и убилъ. Путешествуя во Франціи, я встрѣтила его сестру, герцогиню Эсклиньякъ. Мы остановились съ ней въ одной гостиницѣ въ Страсбургѣ и потомъ я видѣла ее еще въ Дрезденѣ. Послѣ смерти шевалье де Саксъ, она питала непримиримую ненависть къ русскимъ.

По мѣрѣ того, какъ я разыскиваю въ прошломъ воспоминанія, составлявшія тогда мое наслажденіе, невольныя сравненія приходятъ мнѣ на умъ и прерываютъ нить моихъ мыслей. Что же такое жизнь, какъ не постоянное сравненіе прошлаго съ настоящимъ? Ощущенія притупляются съ возрастомъ; чувства успокаиваются, точка зрѣнія проясняется, душа освобождается понемногу отъ своихъ оковъ. Въ ней, какъ въ прекрасной картинѣ, потемнѣвшей отъ времени, легкія тѣни теряютъ свой блескъ, но зато больше силы въ общемъ впечатлѣніи и она дороже цѣнится знатоками.

Возвратимся ко двору, къ человѣческимъ слабостямъ и... къ моей повязкѣ. Графиня Салтыкова, родственница графини Шуваловой, очень желала быть допущенной на концерты Эрмитажа. Императрица предоставила эту милость ей и ея дочерямъ одинъ или два раза. Однажды, когда она была приглашена, мы дожидались Ея Величество въ комнатѣ, гдѣ находился оркестръ. Г-жа Салтыкова, женщина хотя и съ достоинствами, но была одержима непреодолимой завистью, распространенной при дворѣ. Милостивое отношеніе ко мнѣ Императрицы иногда заставляло ее довольно сухо обходиться съ моей незначительной особой. Въ этотъ вечеръ у меня была очень красивая прическа,

которую мнѣ устроила Толстая, и повязка подъ подбородкомъ. Графиня Салтыкова подошла ко мнѣ съ холоднымъ и враждебнымъ видомъ. Она была высокаго роста, внушительная, съ мужскими чертами лица.

— Что это у васъ подъ подбородкомъ? - спросила она.—Вы знаете, эта повязка придаетъ вамъ видъ, будто у васъ болитъ лицо?

— Это Толстая меня такъ причесала,—отвѣтила я,—и я подчинилась ея фантазіи, у нея больше вкуса, чѣмъ у меня.

— Не могу отъ васъ скрыть,—продолжала она,—что это очень некрасиво.

— Что дѣлать! Я не могу сейчасъ ничего перемѣнить.

Появилась Императрица и началась симфонія; Великая Княгиня спѣла арію, я тоже, послѣ чего Ея Величество позвала меня (графиня Салтыкова сидѣла рядомъ съ ней).

— Что это у васъ подъ подбородкомъ?—сказала Императрица.—Знаете ли, что это очень красиво и идетъ къ вамъ.

— Боже, какъ я счастлива, что эта прическа нравится Вашему Величеству; Графиня Салтыкова нашла это такимъ некрасивымъ и непріятнымъ, что я была совсѣмъ обезкуражена.

Императрица пропустила палецъ подъ повязку, повернула мое лицо къ графинѣ и сказала:

— Посмотрите, какъ она красива.

Салтыкова, очень сконфуженная, отвѣтила:

— Дѣйствительно, это довольно недурно идетъ къ ней.

Императрица немного больше потянула меня къ себѣ и подмигнула. Мнѣ очень хотѣлось разсмѣяться, но я сдержалась въ виду смущенія графини, она почти возбуждала жалость. Я поцѣловала руку у Государыни и возвратилась на свое мѣсто.

Той же зимой случилось одно недоразумѣніе, ясно свидѣтельствующее о добротѣ Императрицы. Она дала распоряженіе маршалу двора, князю Барятинскому, прислать въ Эрмитажъ графиню Панину, въ настоящее время г-жу Тутолмину [1]). Ея Величество появи-

[1]) Софья Петровна, дочь графа Петра Ивановича Панина, котораго Екатерина называла своимъ „личнымъ врагомъ и обидчикомъ", жена Ивана Васильевича Тутолмина, камергера Великой Княгини Елизаветы и позднѣе шталмейстера.

лась и увидѣла графиню Фитингофъ, которую она никогда не приглашала, а графини Паниной не было. Государыня сдѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ, разговаривала и потомъ тихо спросила у князя Барятинскаго, какимъ образамъ графиня Фитингофъ попала на собраніе Эрмитажа. Маршалъ очень извинялся и сказалъ, что лакей, которому было поручено приглашеніе, ошибся и вмѣсто графини Паниной былъ у графини Фитингофъ.

— Сначала пошлите за графиней Паниной; пусть она пріѣзжаетъ какъ есть; относительно же графини Фитингофъ запишите ее на листъ большихъ собраній Эрмитажа; не надо, чтобы она могла замѣтить, что она здѣсь по ошибкѣ.

Графиня Панина пріѣхала и была принята, какъ дочь человѣка, котораго Императрица всегда уважала.

Я приведу здѣсь одинъ случай, дѣлающій честь одинаково и Императрицѣ, и подданному. Императрица составила кодексъ законовъ и отдала его на разсмотрѣніе сенаторовъ. Тогда Ея Величество еще посѣщала засѣданія Сената. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій она спросила о результатѣ разсмотрѣнія. Всѣ сенаторы одобрили кодексъ, только одинъ графъ Петръ Панинъ хранилъ молчаніе. Императрица спросила его мнѣніе.

— Долженъ я отвѣчать Вашему Величеству какъ вѣрноподанный или какъ придворный?

— Безъ сомнѣнія, какъ вѣрноподданный.

Графъ изъявилъ желаніе переговорить съ Государыней наединѣ. Она удалилась съ нимъ, взяла тетрадку и разрѣшила ему вычеркнуть, не стѣсняясь, что онъ находитъ неудобнымъ. Панинъ зачеркнулъ все. Императрица изорвала тетрадку на двое [1]), положила на столъ засѣданій и сказала сенаторамъ:

— Господа, графъ Панинъ только что доказалъ мнѣ самымъ положительнымъ образомъ свою преданность.

И обращаясь къ Панину, прибавила:

[1]) Навѣрно, здѣсь идетъ рѣчь о знаменитомъ *Наказѣ*, составленномъ Екатериной въ 1767 году для законодательной комиссіи. Императрица никогда и не думала уничтожать это произведеніе и, хотя оно ни къ чему и не послужило, все таки было много разъ издано.

— Я васъ прошу, графъ, поѣхать со мной и отобѣдать у меня.

Съ тѣхъ поръ Ея Величество во всѣхъ своихъ проектахъ совѣтовалась съ нимъ и, когда онъ былъ въ Москвѣ, она спрашивала его мнѣніе письменно [1]).

V.

Наступила весна. Всегда съ новой радостью думала я объ отъѣздѣ въ Царское Село. Кромѣ наступленія прекраснаго времени года и здороваго деревенскаго воздуха этой мѣстности, тамъ я имѣла счастье видѣть Великую Княгиню каждый день почти съ утра до вечера. И въ городѣ я часто видѣлась съ ней, но это было не то же самое. Поэтому она регулярно писала мнѣ черезъ моего мужа, который имѣлъ честь постоянно находиться при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ. Мы отправились въ Царское Село 6 мая 1795 года. Я была беременна; опять начались игры, но я не могла принимать въ нихъ участія по причинѣ моего состоянія и оставалась около Ея Величества, которая милостиво сажала меня рядомъ съ собой. Мы разговаривали обыкновенно про грацію и прелесть Великой Княгини.

Я вспоминаю, что однажды вечеромъ, въ то время какъ дѣлали приготовленія къ игрѣ, Императрица сидѣла между Великой Княгиней и мной. Между ними сидѣла маленькая левретка Императрицы, которую Великая Княгиня гладила рукой. Императрица, повернувъ голову въ мою сторону, разговаривая со мной, желала также приласкать собаку и положила на руку Великой Княгини свою руку, та ее поцѣловала. «Боже мой,—сказала Государыня,—я не думала, что тамъ ваша рука».—«Если это не было преднамѣренно, то я благодарю случай»,—отвѣчала Великая Княгиня. Эти слова, сказанныя такъ кстати и съ такой граціей, дали Императрицѣ поводъ говорить со мной о Великой Княгинѣ, которую она любила, съ особенной нѣжностью.

[1]) Болѣе чѣмъ сомнительно.

У молодой и робкой Великой Княгини не было въ обращеніи съ Государыней той непринужденности, какую она могла бы имѣть. Происки и интриги графа Салтыкова еще болѣе увеличивали испытываемое ею стѣсненіе. Великая Княгиня мать все болѣе и болѣе завидовала дружбѣ Императрицы къ своей невѣсткѣ. Это несчастное чувство увеличивало также ея недовольство мною. Она старалась погубить меня въ глазахъ Великаго Князя Александра и Великой Княгини Елизаветы, изображая меня имъ опасной женщиной и интриганткой. Увы, я слишкомъ мало подходила подъ это опредѣленіе, мои искреннія и непринужденныя манеры были такъ противоположны политикѣ двора, что если бы разсчетъ хотя бы на одну минуту былъ у меня въ мысляхъ, я навѣрно дѣйствовала бы съ большей осторожностью и ловкостью. Мое дѣятельное усердіе и преданность не позволяли мнѣ видѣть ничего другого, кромѣ полезнаго результата для той, кому я отдала свою жизнь. Я не думала объ опасностяхъ, которымъ я подвергалась ежедневно. Богъ великъ и справедливъ; время разрушаетъ оружіе клеветы и разрываетъ покровъ, скрывающій отъ глазъ истину; совѣсть, это интимное чувство, восторжествуетъ надъ нашими печалями и дастъ намъ спокойствіе, которое позволитъ намъ все перенести.

Тридцатаго мая мы ѣздили съ Ихъ Императорскими Высочествами въ Петергофъ. Мы отправились очень рано и вернулись въ Царское Село поздно, уже ночью. Погода была благопріятна; утро мы провели, осматривая сады; послѣ обѣда мы, Великая Княгиня и я, гуляли по террасѣ *Монплезира* [1]), это мѣсто величественно и прекрасно: красивые водопады, высокія дерева, крытыя аллеи и море имѣютъ благородный и величественный видъ. Я говорила съ Великой Княгиней и нашъ разговоръ прерывался только мѣрнымъ шумомъ волнъ, разливавшихся на отлогомъ берегу. Мы стояли, облокотясь на перила, и она говорила со мной съ откровенностью, проникавшей мнѣ въ сердце. Я слушала ее и отвѣчала съ еще большей чувствительностью.

Вдругъ она увела меня въ маленькій дворецъ, примыкавшій къ террасѣ; она открыла мнѣ всецѣло свою душу. Эта минута была тор-

[1]) Маленькій деревянный дворецъ, построенный Петромъ I. Императрица Екатерина II жила тамъ иногда въ началѣ своего царствованія. (*Примѣчаніе автора*).

жествомъ и предчувствіемъ грядущей силы, доказательствомъ ея довѣрія ко мнѣ и причиной клятвы въ преданности, которую я дала въ глубинѣ души и которая являлась источникомъ моей безпредѣльной привязанности къ ней.

Этотъ разговоръ расположилъ насъ лучше наслаждаться всѣмъ. Мы присоединились къ остальному обществу и въ десять часовъ покинули Петергофъ. Проѣзжая мимо деревни оберъ-шталмейстера Нарышкина [1]), мы застали его со всей семьей у входа въ садъ. Изъ вѣжливости мы остановились. Оберъ-шталмейстеръ умолялъ Ихъ Императорскія Высочества зайти къ нему въ домъ, гдѣ собралось многочисленное общество. Пять дочерей его ломались и жеманились: это былъ настоящій балаганный спектакль. Домъ Нарышкина былъ замѣчателенъ разнохарактерностью общества, собиравшагося тамъ ежедневно. Хозяинъ не былъ покоенъ, пока его гостинная не была полна все равно кѣмъ. Достоинства и качества посѣтителей ему были безразличны.

Прогулка 30-го мая—одно изъ самыхъ дорогихъ моихъ воспоминаній. Въ жизни бываютъ минуты, когда кажется, что рѣшается судьба. Они какъ точка, которую ничто не можетъ стереть. Тысяча обстоятельствъ слѣдуютъ за ней, не разрушая ее въ теченіе лѣтъ; непріятности, проблески счастья, все кажется связаннымъ съ этимъ центромъ, наполняющимъ сердце.

Нашъ флотъ отправлялся въ Англію. Императрица предложила Ихъ Императорскимъ Высочествамъ съѣздить въ Кронштадтъ, посмотрѣть его. Великій Князь одобрилъ это предложеніе, Великая Княгиня тоже при условіи, что и я буду участвовать въ путешествіи. Графиня Шувалова была въ городѣ около своей дочери, которая рожала. Когда эта маленькая поѣздка была рѣшена, Салтыковъ пришелъ наканунѣ утромъ для того, чтобы убѣдить Великаго Князя, что я не должна принимать участія въ поѣздкѣ и что это возбудитъ особое надовольство Великой Княгини матери. Я угадала эту интригу прежъ-

[1]) Левъ Александровичъ, бонвиванъ, весельчакъ, и сотрудникъ Екатерины II по *Собесѣднику*. Родился въ 1733 г. умеръ въ 1799.

[2]) Въ 1795 году въ силу договора, заключеннаго съ Англіей и Австріей, русская эскадра изъ двадцати линейныхъ кораблей подъ командой адмирала Ханыкова блокировала вмѣстѣ съ Англіей порты Голландіи.

де, чѣмъ кто-нибудь сказалъ мнѣ о ней. Великій Князь ничего не говорилъ мнѣ о путешествіи, но Великая Княгиня все время высказывала желаніе взять меня съ собой, милостиво прибавляя, что она не можетъ наслаждаться ничѣмъ, если я не буду принимать участія. Послѣ обѣда, когда я сидѣла у окна въ помѣщеніи моего дяди, ко мнѣ подошелъ Великій Князь.

— Я васъ искалъ по всему саду,—сказалъ мнѣ онъ,—мнѣ хотѣлось васъ видѣть.

— Ваше Высочество слишкомъ добры, прошло не много времени, какъ я имѣла честь васъ видѣть. Признаюсь, что эта поспѣшность кажется мнѣ немного подозрительной; я боюсь, не является ли она результатомъ посѣщенія графа Салтыкова.

Великій Князь покраснѣлъ и сказалъ:

— Что за идея, *толстуха*! (Онъ тогда меня такъ звалъ). Я просто хотѣлъ васъ видѣть. До вечера!

— Я не знаю, почему Ваше Высочество, но у меня есть предчувствіе, что должно что-то случиться.

Въ шесть часовъ я поднялась къ Императрицѣ. Она появилась раньше, Ихъ Императорскія Высочества опоздали. Государыня подошла ко мнѣ и сказала:

— Я надѣюсь, что вы участвуете въ путешествіи?

— Я не получала еще никакого приказанія,— отвѣтила я.

— Но какъ же можно разлучить васъ съ мужемъ? Какъ же вы не будете сопровождать Великую Княгиню?

Я наклонила голову, ничего не отвѣтивъ, видя, что Императрица была разсержена.

— Наконецъ,—прибавила она,—если о васъ не позаботились, то я беру это на себя.

Когда пришли Ихъ Императорскія Высочества, Государыня была серьезна. Она сѣла за бостонъ, а мы около круглаго стола. Я разсказала Великой Княгинѣ все, что произошло. Она очень обрадовалась, предвидя, что я поѣду вмѣстѣ съ ней. Она позвала Великаго Князя и передала ему все, что я ей сообщила. Онъ разсыпался въ просьбахъ, чтобы я ѣхала съ нимъ. Я заупрямилась, поставила ему на видъ всѣ опасности, которымъ онъ подвергался около графа Салтыкова; сознаюсь, что я была немного злой.

Послѣ вечера у Императрицы, я ужинала у Ихъ Высочествъ. Та же просьба и тотъ же отказъ. Потомъ я вернулась къ себѣ. Въ то время какъ я собиралась ложиться, Великій Князь послалъ за моимъ мужемъ, который пришелъ мнѣ передать, что я непремѣнно должна ѣхать.

Мы отправились въ путь рано утромъ на слѣдующій день. Въ свитѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ были графъ Салтыковъ, мой мужъ, я, графъ и графиня Толстые, г-нъ и г-жа Тутолмины, просившіе разрѣшенія принять участіе въ путешествіи, дежурная фрейлина и камергеръ. Погода была великолѣпна. Много гуляли передъ обѣдомъ, который былъ поданъ во дворцѣ *Монплезиръ*, гдѣ мы прожили два дня въ теченіе нашей поѣздки. Вечеромъ мы, я и Великая Княгиня, отправились на морской берегъ. Море было спокойно и позволяло надѣяться на слѣдующій день. Заходящее солнце чудно свѣтило и его золотые лучи освѣщали высокія старыя дерева, длинныя тѣни которыхъ были усѣяны яркими точками свѣта. Этотъ моментъ въ природѣ производитъ вполнѣ опредѣленное дѣйствіе. Артистъ находитъ въ немъ совсѣмъ готовую палитру, которую напрасно ищетъ въ своемъ воображеніи. Это такъ же, какъ прекрасный характеръ, опредѣлившійся и благородный, который поражаетъ, вызываетъ привязанность и разрушаетъ сомнѣніе. Спокойное море является зеркаломъ природы; оно отражаетъ небо такъ же, какъ красивое лицо носитъ отпечатокъ души.

Широкая аллея въ срединѣ сада поднимается уступами до большого дворца, пересѣкаемая струями фонтановъ; онѣ поднимаются очень высоко и разсыпаются брилліантами. Садъ оканчивается каналомъ, ведущимъ въ море. Посрединѣ канала находились катера и шлюпки, на которыхъ мы на слѣдующій день должны были отправиться въ Кронштадтъ. Матросы сидѣли кругомъ котла на шлюпкѣ и ѣли похлебку деревянными ложками. Великая Княгиня остановилась на мгновеніе, смотря на нихъ, потомъ она спустилась на нѣсколько ступеней и спросила ихъ, что они ѣдятъ.

— Похлебку, матушка [1]),—отвѣчали они разомъ.

1) Это—одно изъ самыхъ почтительныхъ выраженій народа. *(Примѣчаніе автора).*

Она спустилась къ судну и спросила у нихъ ложку, чтобы попробовать похлебку. Энтузіазмъ, вызванный у матросовъ этимъ добрымъ побужденіемъ, достигъ апогея. Ихъ крики долго еще повторялись эхомъ. Великая Княгиня тихо поднялась, съ спокойнымъ, ангельскимъ видомъ, который дѣлалъ еще красивѣе ея прекрасное лицо; она молча подала мнѣ руку и пошла по направленію къ саду. Я не говорила ничего; крики матросовъ отдавались въ глубинѣ моей души. Красота природы, волшебная сила прелести и доброты, какъ прекрасный аккордъ на хорошо настроенномъ органѣ: звуки проникаютъ въ сердце и заставляютъ забывать слова, слишкомъ сильно чувствуешь, чтобы искать ихъ.

На слѣдующій день мы отплыли въ Кронштадтъ. Стояла хорошая тихая погода. Подъѣхали прямо къ флоту; онъ находился на рейдѣ, весь разукрашенный флагами; снасти, связанныя гирляндами, были усѣяны матросами, что представляло красивое зрѣлище. Мы поднялись при крикахъ ура на корабль командующаго флотомъ адмирала Ханыкова [1]). Ихъ Императорскимъ Высочествамъ подали превосходный морской завтракъ. Каюты были красивы. Мы гуляли по палубѣ. Обширность моря даетъ представленіе о безконечности, а корабль свидѣтельствуетъ объ умѣ человѣка.

Мы обѣдали въ Кронштадтѣ у вице-адмирала Пушкина [2]). Изобиліе плохо приготовленныхъ блюдъ не способствовало возбужденію аппетита; но молодость, здоровье и тѣлесное упражненіе дѣлаютъ вкусными кушанья. Лакомство—это слабость старости, послѣднее наслажденіе, очень печальное и скучное. Юность не думаетъ о желудкѣ, ея аппетитъ гораздо деликатнѣе.

Послѣ обѣда мы проѣхались по живописной мѣстности Кронштадта и къ вечеру отплыли обратно въ Петербургъ. Мѣрное покачиваніе лодки успокаиваетъ и усыпляетъ. Такое дѣйствіе оно производитъ почти на всѣхъ, кто не страдаетъ морской болѣзнью. Великая Княгиня положила голову ко мнѣ на плечо и заснула. Великій Князь стоялъ на рулѣ. Всѣ дамы были немного утомлены. Фрейлина Голи-

[1]) Петръ Ивановичъ Ханыковъ, родился въ 1743 г. умеръ въ 1812 г.
[2]) Вице адмиралъ Алексѣй Васильевичъ Мусинъ-Пушкинъ.

цына, въ настоящее время графиня Сенъ-При [1]) старалась преодолѣть сонъ и дѣлала смѣшныя гримасы, открывая то одинъ глазъ, то другой. Графъ Салтыковъ посматривалъ искоса съ принужденной улыбкой на Великую Княгиню, прислонившуюся ко мнѣ. Я же была счастлива тяжестью моей ноши и не хотѣла бы ни съ кѣмъ перемѣниться положеніемъ.

Поужинали рано, чтобы воспользоваться утромъ на слѣдующій день. Великая Княгиня, какъ только проснулась, пришла въ мою комнату. Она застала насъ съ Толстой еще совершенно раздѣтыми. Эти минуты свободы доставляютъ семое большое увовольствіе высокимъ особамъ; онѣ рады на время покинуть свое положеніе. Судьба Великой Княгини должна была ее привести на тронъ, но въ шестнадцать лѣтъ объ этомъ можно забыть. Она была тогда далека отъ мысли, что черезъ немного лѣтъ она окажется на сценѣ приковывающей къ себѣ всѣ взгляды, гдѣ надо скрывать иллюзіи подъ величіемъ и достоинствомъ и охранять уваженіе и демаркаціонную линію, которыя являются причиною порядка и безопасности.

Великая Княгиня приказала мнѣ отправиться завтракать съ ней; г-жа Геслеръ приготовила намъ превосходный завтракъ и Великій Князь пришелъ его попробовать. Мы почитали нѣкоторое время и пошли гулять втроемъ: Великая Княгиня, графиня Толстая и я. Мы уѣхали изъ Петербурга послѣ обѣда довольно поздно, въ восхищеніи отъ нашего небольшого путешествія.

[1]) Софья Алексѣевна Голицына, жена Германа-Эммануэля-Шарля Гиньяра, графа Сенъ-При, родившагося въ Константинополѣ въ 1782 г. умершаго въ Парижѣ въ 1863 г., брата графа Гильома-Эммануэля, эмигрировавшаго въ 1791 г. вмѣстѣ со своимъ отцомъ Франсуа Эммануэлемъ, знаменитымъ дипломатомъ. Графъ Гильомъ потерялъ ногу, сражаясь съ французами при Ауэрштедтомъ. Графъ Шарль раздѣлялъ участь своихъ родныхъ, также поступилъ на службу въ Россіи, былъ статскимъ совѣтникомъ и губернаторомъ Одессы и Подоліи при Александрѣ I; возвратился въ Парижъ во время Реставраціи и наслѣдовалъ мѣсто своего отца въ Палатѣ Перовъ. Отъ его брака съ Софьей Голицыной родились: сынъ графъ Алексѣй, служившій при Людовикѣ Филиппѣ во французскомъ дипломатическомъ корпусѣ, и дочь Ольга, бывшая замужемъ за княземъ Долгорукимъ.

VI.

Присоединеніе Польши послѣ послѣдняго ея раздѣла привело въ волненіе корыстолюбивыя и алчныя стремленія; открывали рты для того, чтобы просить, и карманы, чтобы получать. Зубовъ очень скромно желалъ получить *староство* [1]), предназначенное принцу де Конде. Результатомъ его нескромности былъ отказъ, что вызвало у него надутый видъ, который впрочемъ онъ не умѣлъ сохранять въ теченіе долгаго времени. Власть, поддержанная справедливостью и силой, заставила его покориться и скрыть свою досаду. Это же самое староство графъ де Шуазель-Гуфье [2]) просилъ у Императора Павла. Онъ навѣрно получилъ бы его, если бы Императоръ не сказалъ объ этомъ князю Безбородко, который сообщилъ ему о размѣрахъ этого имѣнія. Шуазель удалился со своимъ добродушнымъ видомъ, получивъ менѣе значительное помѣстье.

Никогда я не знала человѣка, обладавшаго такимъ даромъ слезъ, какъ графъ Шуазель. Я помню еще, какъ онъ былъ представленъ въ Царскомъ Селѣ: при каждомъ словѣ, сказанномъ ему Ея Величествомъ, его мигающіе глаза наполнялись слезами. Сидя напротивъ Императрицы, онъ не спускалъ съ нея глазъ; но его нѣжный видъ, покорный и почтительный, не могъ вполнѣ скрыть хитрость его мелкой души. Несмотря на свой умъ, Шуазель не одурачилъ никого. Даже его живописное путешествіе по Греціи было только тщеславной мечтой, оскорбляющей памятники того времени, способные разрушить ложь.

---

[1]) Ленное помѣстье въ Польшѣ.

[2]) Мари-Габріэль-Флоранъ-Огюстъ, дипломатъ и археологъ, родился въ Парижѣ въ 1752 умеръ въ 1817; былъ посланникомъ въ Константинополѣ, гдѣ завязалъ сношенія съ эмиграціей, посылая свою переписку принцамъ, и въ концѣ концовъ уѣхалъ въ Россію. Павелъ I поручилъ ему управленіе Академіей Художествъ и Императорской Библіотекой. Возвратившись во Францію во время Реставраціи, онъ былъ министромъ, перомъ и продолжалъ свои археологическія изслѣдованія.

Однажды вечеромъ Ея Величество прошла къ озеру, сѣла на скамейкѣ, приказала мнѣ сѣсть рядомъ съ ней и предложила Ихъ Императорскимъ Высочествамъ покормить лебедей, которые были пріучены къ этому. Всѣ придворные приняли участіе въ этой забавѣ. Въ это время Государыня говорила мнѣ про моакса, родъ американской кошки, которую всѣ боялись и которая была очень къ ней привязана.

— Представьте себѣ,—сказала она,—какъ несправедливо поступили съ нимъ вчера. (Я была больна и не пріѣзжала ко двору). Въ то время, какъ мы были у колоннады, этотъ бѣдный моаксъ прыгнулъ на плечо Великой Княгинѣ и хотѣлъ къ ней приласкаться. Она оттолкнула его вѣеромъ, это движеніе вызвало неумѣренное усердіе и бѣдное животное было позорно изгнано. Съ тѣхъ поръ я его не видала.

Едва Ея Величество кончила говорить, какъ моаксъ показался сзади насъ на спинкѣ скамьи. Къ несчастью у меня была такая же шляпа, какъ наканунѣ у Великой Княгини; онъ принялъ меня за нее, но, обнюхавъ мое лицо, онъ убѣдился въ своей ошибкѣ, впустилъ мнѣ когти въ верхнюю губу и схватилъ мою щеку зубами.

Императрица закричала, называя меня по-русски самыми нѣжными именами; кровь текла у меня изъ губы, что еще болѣе увеличивало ея испугъ. Я умоляла ее ничего не бояться. Одной рукой я схватила морду моего врага, другой взяла его за хвостъ и отдала его камеръ-юнкеру, котораго Ея Величество позвала мнѣ на помощь.

Она была безконечно довольна мною, что я не испугалась, сказала мнѣ слишкомъ много лестнаго за такое небольшое испытаніе храбрости; она вытерла мнѣ кровь своимъ платкомъ, повторяя, что ей очень пріятно, что у меня нѣтъ кривлянья и истерикъ. Бѣднаго моакса посадили въ желѣзную клѣтку, послали въ городъ въ Эрмитажъ и больше его не видали.

Лѣтомъ случилась довольно оригинальная исторія. Согласно рѣшенію Императрицы, данному камергерамъ, оставаться сколько имъ угодно въ Царскомъ Селѣ, они забросили свою службу у Великаго Князя въ Павловскѣ и вслѣдствіе этого Растопчинъ, находившійся тамъ, не могъ никуда оттуда уѣхать. Выведенный изъ терпѣнія этой особой ссылкой, онъ рѣшился написать циркулярное письмо, довольно колкое, въ формѣ вызова на дуэль всѣмъ своимъ коллегамъ. Это письмо было составлено такъ, чтобы осмѣять каждаго, разбирая подробно мо-

тивы его небрежности. Всѣ эти господа обидѣлись и пожелали драться съ Растопчинымъ, который принялъ вызовъ и попросилъ моего мужа быть секундантомъ. Князь Михаилъ Голицынъ и графъ Шуваловъ [1]) должны были драться первыми. Назначили свиданіе, но они оказались настолько разсудительными, что мужъ воспользовался ихъ мирнымъ настроеніемъ и окончилъ дѣло полюбовно. Постарались также успокоить князя Барятинскаго [2]), брата графини Толстой.

Эта исторія дошла до Государыни и она, желая дать примѣръ, сослала Растопчина въ свое имѣніе съ женой [3]). Онъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ женился на второй племянницѣ м-ль Протасовой. Это изгнаніе очень огорчило Великаго Князя Александра и Великую Княгиню Елизавету, которые его очень любили. Мы всѣ были страшно печальны. Государыня провела вечеръ внутри колоннады; она наблюдала наши вытянувшіяся лица и сказала графу Строганову, находившемуся около нея.

— Можно подумать, что Растопчинъ потерянъ для жизни.

Она послала князя Барятинскаго къ Суворову въ Варшаву, такъ какъ война еще продолжалась; онъ возвратился послѣ конца кампаніи, когда послѣдовалъ миръ. Растопчинъ былъ возвращенъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Эта ссылка доставила ему милость Великаго Князя Павла, который считалъ его человѣкомъ, пострадавшимъ за него.

Въ этомъ году лѣтомъ была особенно прекрасная погода. Но все-таки приближался моментъ отъѣзда изъ Царскаго Села и я думала объ этомъ съ сожалѣніемъ. Уже было десятое августа и ночи, хотя и немного темныя, были покойны и теплы. Великая Княгиня предложила мнѣ сдѣлать прогулку послѣ вечера у Императрицы. Я согласилась при условіи, что Великій Князь и мой мужъ также будутъ

---

[1]) Павелъ Андреевичъ Шуваловъ, родился въ 1777 умеръ въ 1823.

[2]) Иванъ Ивановичъ Барятинскій (1750—1825), позднѣе былъ посланъ къ Миниху, извѣстный агрономъ.

[3]) Графъ Головкинъ говоритъ объ этомъ случаѣ въ своихъ *Мемуарахъ*. Графъ Растопчинъ тоже упоминаетъ о немъ въ письмѣ къ графу Воронцову: „Привязались къ письму, написанному мною... чтобы пожаловаться на моихъ коллегъ... Правда, что по своей живости, я изобразилъ нѣкоторыхъ трусами... Но замѣтьте, что она (Екатерина II) читала это письмо и смѣялась надъ нимъ“. (Архивъ Воронцова, VIII 98—99).

участвовать въ ней. Мы условились, что я съ мужемъ буду дожидаться ихъ въ большой средней аллеѣ, наиболѣе тѣнистой, и что, перемѣнивъ платье, она придетъ къ намъ съ Великимъ Княземъ.

Она пришла черезъ четверть часа съ нимъ подъ руку. На ней былъ рединготъ изъ голубого кашемира и черная касторовая шляпа. Мы сѣли вдвоемъ на скамейкѣ, а Великій Князь съ мужемъ пошли до конца аллеи. Окружившая насъ тишина дѣлала еще болѣе чувствительной неопредѣленность ночного воздуха. Несмотря на отсутствіе вѣтра, въ природѣ чувствуется какое-то дрожаніе, точно она прислушивается къ нашимъ удовольствіямъ и печалямъ.

Мы хранили молчаніе, свидѣтельствующее о довѣріи, которое съ такою прелестью и готовностью даритъ дружба. Ищутъ другъ друга, желаютъ быть вмѣстѣ, молчатъ и удовлетворены: это главное чувство жизни сердца и, несмотря на его горячность, нѣжное питаніе можетъ его успокоить.

Великая Княгиня прервала молчаніе, чтобы живо выразить мнѣ все, что происходило въ ней. Казалось ей не хватало словъ. Вдругъ поднялся вѣтеръ, нагнувшій вѣтки надъ нашими головами. Она воскликнула:

— Mon Dieu, je vous remercie! Природа согласна со мной.

Я взяла ее за руку и предложила ей идти на встрѣчу возвращавшемуся Великому Князю. Онъ предложилъ намъ пойти подождать его въ круглую бесѣдку близъ поля съ розами, а самъ онъ хотѣлъ отправиться съ мужемъ къ развалинамъ [1]), посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ воровъ. Великая Княгиня была очень рада опять остаться со мной вдвоемъ. Мы вошли въ эту бесѣдку, открытую со всѣхъ сторонъ,—куполъ поддерживается колоннами,—и сѣли на скамейку. Великая Княгиня прислонилась ко мнѣ и продолжала свой разсказъ. Моя душа съ жадностью воспринимала каждое слово, выходившее изъ ея устъ. Что за изслѣдованіе!—знакомиться съ чистой и нетронутой душой, способной къ пріятію прекрасныхъ и глубокихъ впечатлѣній. Никогда я не замѣчала въ Великой Княгинѣ ни мелочности идей, ни обыкновенныхъ чувствъ, болѣе или менѣе составляющихъ жизненный романъ, извѣст-

---

[1]) Зданіе съ башней въ концѣ сада. (*Примѣчаніе автора*).

ный всѣмъ и который можно предугадать заранѣе. Если бы ея душа и сердце могли бы излиться на груди того, кто долженъ былъ бы ее понимать, сколько добродѣтелей и чудныхъ качествъ стало бы извѣстно, даже ранѣе ея печалей и скорбей. Но никогда не понятая, непризнанная, всегда отталкиваемая, она была предназначена къ самымъ жестокимъ жертвамъ, обладая благородной душой, самымъ чувствительнымъ сердцемъ и самымъ живымъ возвышеннымъ воображеніемъ.

Сколько опасностей для всякой другой, но не для нея! И въ то же время ея душа, болѣе сильная, чѣмъ страсти, разорвала мрачное покрывало, скрывающее истину; она открыла чистый свѣтъ, сверкающій даже во мракѣ, этотъ маякъ, который ни грозы, ни бури не могутъ угасить и который находится въ глубинѣ насъ самихъ.

Но возвратимся къ бесѣдкѣ. Уже прошло нѣкоторое время, какъ пробило одинадцать часовъ; ночь становилась темнѣе и было поздно; Великій Князь не приходилъ за нами и, несмотря на прелесть разговора съ священнымъ для меня лицомъ, порученнымъ моимъ заботамъ, и желаніе остаться тамъ, я начинала бояться, что насъ могъ застать тамъ какой-нибудь пьяница или слишкомъ любопытный человѣкъ. Наконецъ пришелъ Великій Князь и мы направились домой, поужинали и разошлись позднѣе, чѣмъ обыкновенно

На слѣдующій день я рано отправилась гулять въ англійскій садъ; я приказала моему негру принести мнѣ туда камеру-обскуру, подаренную мнѣ Императрицей; я поставила ее противъ колоннады съ другого берега озера, чтобы срисовать прелестный видъ. Озеро было широко и я была на выгодномъ для перспективы разстояніи. Эта камера-обскура была велика и удобна; туда можно было почти войти на половину корпуса и очень хорошо положить руки. Я принялась за работу. Въ это время графиня Браницкая проходила на противоположномъ берегу. Она увидала мой аппаратъ и не могла понять, что такое она видитъ; она остановилась и осматривала четыреугольную массу камеры, зеленую занавѣску, спускавшуюся до земли, и спросила у своего лакея, дерзкаго и грубаго человѣка, что это такое, по его мнѣнію. Послѣдній отвѣчалъ не колеблясь: «Это г-жа д'Эстергази лѣчится электричествомъ». Графиня обошла кругомъ озера, подошла ко мнѣ и разсказала мнѣ смѣшную выдумку своего лакея. Мы объ много смѣялись;

потомъ она разсказала объ этомъ Государынѣ, и та тоже нашла это забавнымъ.

Однажды вечеромъ, Великій Князь попросилъ позволенія у Ея Величества остаться у себя. Позвали Дьетца съ віоль д'амуръ и трехъ другихъ превосходныхъ музыкантовъ для исполненія квартетовъ. Когда этотъ маленькій концертъ окончился, Великая Княгиня приказала мнѣ слѣдовать за ней въ ея внутренніе аппартаменты.

«Уже давно,—сказала она мнѣ,—хотѣла я вамъ показать нѣчто вродѣ дневника, который я хочу послать матери при вѣрной оказіи. Я не хочу его отправить, не показавъ вамъ и не отдавъ его на ваше сужденіе. Останьтесь здѣсь (мы были въ спальнѣ), я сейчасъ принесу его и вы поступите съ вашей обычной откровенностью.

Она вернулась; мы сѣли около камина; я прочла тетрадку и бросила ее въ огонь. У Великой Княгини вырвалось рѣзкое движеніе, потомъ на лицѣ ея отразилось удивленіе.

— Что вы дѣлаете?—сказала она съ легкимъ раздраженіемъ въ голосѣ.

— То, что я должна Ваше Высочество. Эта рукопись обладаетъ всей прелестью стиля и искреннимъ довѣріемъ дочери къ своей матери; но когда принцесса ваша мать прочтетъ его, находясь на разстояніи восьмисотъ лье отъ васъ, она будетъ безпокоиться. Какимъ образомъ вы можете ее тогда успокоить? Вы посѣете въ ея душѣ смущеніе и муку. Большая разница, говорить или писать. Иногда одного слова достаточно для человѣка, который насъ любитъ.

Великая Княгиня согласилась съ трогательной прелестью и сказала мнѣ многое, что тронуло мое сердце.

Эта тетрадка была отраженіемъ души, всецѣло изливающейся на груди любимой матери, преувеличивая опасности, изъ благороднаго стремленія и большого недовѣрія къ самой себѣ. На ея стилѣ замѣтно отразился характеръ ея ученія. Исторія была все время ея любимымъ чтеніемъ. Изученіе сердца человѣческаго помогаетъ намъ познавать и судить себя. Благородство ея души въ соединеніи съ принципами располагало ее къ снисходительному отношенію къ другимъ и большой строгости къ себѣ.

Одной изъ причинъ, заставившихъ меня уничтожить эту рукопись, было желаніе лишить возможности Великую Княгиню читать его.

Ее необходимо было поддержать противъ трогательнаго недовѣрія къ своимъ силамъ, которое могло ее бросить въ унынiе.

Императрица никогда не объявляла заранѣе о своемъ отъѣздѣ изъ Царскаго Села. Она отправлялась обыкновенно въ тотъ моментъ, когда этого меньше всего ожидали, что было причиной недоразумѣній, забавлявшихъ ее. Однажды сказали, что Ея Величество сегодня выѣзжаетъ въ каретѣ, и это очень всполошило всѣхъ, кто имѣлъ честь возвращаться съ Государыней въ Петербургъ въ ея каретѣ. Графъ Штакельбергъ былъ особенно этимъ заинтригованъ и приказалъ своему лакею укладываться. Ея Величество сѣла въ шестимѣстную карету и оказала мнѣ честь, пригласивъ меня туда вмѣстѣ съ м-ль Протасовой, Зубовымъ, флигель-адъютантомъ Пассекомъ и графомъ Штакельбергомъ. Она отдала заранѣе распоряженіе кучеру, который повезъ насъ сначала на обыкновенную прогулку, а потомъ свернулъ на дорогу въ городъ. Графъ Штакельбергъ сдѣлалъ знакъ Пассеку, что онъ не ошибся и угадалъ. Но въ то же время кучеръ своротилъ съ большой дороги и въѣхалъ въ лѣсъ. Всѣ эти повороты взадъ и впередъ совершенно сбили съ толку графа Штакельберга и онъ не зналъ, что подумать. Мое присутствіе его должно было бы успокоить. Я никогда не возвращалась въ городъ съ Ея Величествомъ. Наконецъ спокойно вернулись во дворецъ; графъ Штакельбергъ не нашелъ своего лакея, который уѣхалъ вмѣстѣ съ вещами. Пришлось послать за нимъ вдогонку. Это удалось съ большимъ трудомъ, что очень забавляло Государыню и все общество.

Такъ какъ было поздно, она сейчасъ же удалилась къ себѣ. Я послѣдовала за Ихъ Императорскими Высочествами въ ихъ апартаменты и ушла оттуда только въ одинадцать часовъ. Около полночи, когда я собиралась ложиться, мнѣ принесли записку отъ Великой Княгини, которая просила меня отъ лица Великаго Князя и отъ себя придти какъ можно скорѣе къ нимъ, такъ какъ они хотѣли сказать мнѣ что-то особенное. Я приказала негру взять фонарь и слѣдовать за мной. Ночь была темная и теплая; я шла по большому двору и коридорамъ дворца; повсюду царило глубокое молчаніе. Только часовые кричали «кто идетъ?» У меня былъ видъ искательницы приключеній. Проходя по террасѣ мимо маленькой лѣстницы, ведущей въ комнаты Ея Величества, я увидала стоявшій тамъ пикетъ. Офицеръ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Я дошла до малаго входа, гдѣ меня дожидался камеръ-лакей Великой Княгини и провелъ меня въ ея кабинетъ. Минуту спустя она пришла вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ. На ней былъ надѣтъ шлафрокъ и ночной чепецъ, а на Великомъ Князѣ—сюртукъ и туфли. Они спросили моего совѣта по поводу незначительныхъ вещей, которыя они могли бы отложить до слѣдующаго дня и тѣмъ охранили бы меня отъ сплетенъ и злословія моихъ надзирателей: съ того момента, болѣе чѣмъ когда либо, я стала самой таинственной интриганткой. Но Великій Князь утверждалъ, что только я одна могла разрѣшить ихъ споръ. Примиривъ ихъ, я возвратилась домой въ часъ ночи.

Черезъ нѣсколько дней утромъ Императрица уѣхала изъ Царскаго Села. Мы всѣ были на лужайкѣ за оградой, чтобы посмотрѣть, какъ будетъ проѣзжать Государыня. Ихъ Императорскія Высочества оставались еще на сутки. Я вернулась съ ними въ городъ. Отъѣздъ Императрицы огорчалъ всѣхъ: угольщики, водовозы, весь народъ, жившій въ Царскомъ Селѣ, бѣжалъ за ея каретой и плакалъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1795—1796.

I. Возвращеніе въ Санктъ-Петербургъ,—Рожденіе дочери,—Новая дружба,—Графиня Шенбургъ,—Пріѣздъ принцессъ Кобургскихъ,—Помолвка Великаго Князя Константина,—Мадамъ Виже-Лебренъ,—Переворотъ въ туалетахъ. II. Бракъ Великаго Князя Константина,—Странности его характера,—Великая Княгиня Анна,—Князья Чарторижскіе,—Александровскій дворецъ,—Великая Княгиня Елизавета,—Новая любовь,—Братья Чарторижскіе и двѣ Великія Княгини,—*Новая Элоиза*,—Интригантка высшаго полета,—Княгиня Радзивилъ. II. Рожденіе Великаго Князя Николая,—Выходки Великаго Князя Константина,—Неудачное сватовство,—Король Шведскій и Великая Княгиня Александра,—Нездоровье Императрицы,—Мрачныя предчувствія,—Послѣдній балъ при дворѣ Екатерины

I.

Немного времени спустя послѣ возвращенія въ городъ, Великая Княгиня заболѣла лихорадкой и вдобавокъ, чтобы увеличить мое безпокойство, захворалъ серьезно мой мужъ. Великій Князь навѣщалъ его почти каждое утро и я предлагала ему завтракъ. Въ четыре часа я отправлялась въ Таврическій дворецъ и оставалась тамъ около Великой Княгини до восьми часовъ. Однажды вечеромъ я нашла ее въ худшемъ положеніи, чѣмъ всегда. Она пересиливала себя, боясь, что я уйду, когда она заснетъ. Я умоляла ее лечь на кушетку и заснуть,

обѣщая ей не уходить. Она согласилась, при условіи, что я сяду рядомъ съ ней, чтобы она могла проснуться, если я захочу встать.

Я съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ она спитъ. Ея сонъ былъ покоенъ и я наслаждалась тѣмъ, что она успокоилась и отдыхала. Я жалѣю о тѣхъ, кто не испыталъ этихъ мгновеній чувствительной и чистой нѣжности, этого деликатнаго чувства, которое наслаждается молча и которому, какъ кажется, не хватаетъ сердца. Оно говоритъ душѣ; нѣжныя заботы и дѣятельное попеченіе увеличиваютъ его чувствительность. Я смѣю сказать, что всегда питала къ Великой Княгинѣ чувство материнской любви. Увѣренность въ ея дружбѣ и добромъ отношеніи ко мнѣ все укрѣплялась. У меня не было ни сомнѣній, ни препятствій, ни недовѣрія. Взаимное общеніе существовавшее между нами, придавало нашей дружбѣ простой и естественный ходъ.

Я невольно возвращаюсь къ ней, пытаясь изложить мои воспоминанія. У меня нѣтъ воспоминаній, ни болѣе чувствительныхъ, ни болѣе глубокихъ, чѣмъ тѣ, предметомъ которыхъ является Великая Княгиня. Эта эпоха была самой замѣчательной въ моей жизни; она оказала вліяніе на все послѣдующее мое существованіе. Вскорѣ сцена должна была измѣниться; появятся новыя дѣйствующія лица; непредвидѣнныя обстоятельства и печальное событіе довершатъ мое горе. Я останусь одна, со своимъ сердцемъ, и такой я хотѣла бы остаться въ этомъ разсказѣ...

Великая Княгиня выздоровѣла, мой мужъ поправился и я перешла къ моему обычному ходу жизни. Въ то время говорили о пріѣздѣ герцогини Корбургской съ дочерьми и о бракѣ Великаго Князя Константина. Было нѣсколько баловъ въ Таврическомъ дворцѣ.

Дворъ перебрался въ Зимній дворецъ. Несмотря на то, что моментъ разрѣшенія отъ бремени былъ еще далекъ, я чувствовала себя нехорошо. Доктора приказали мнѣ сидѣть дома. Это была необходимая предосторожность. Толстая также была беременна и должна была родить раньше меня. Она родила сына и, несмотря на мое нездоровье, я отправилась къ ней и ухаживала за ней нѣкоторое время. Какъ только она оправилась, она пріѣхала ко мнѣ и присутствовала при родахъ, окончившихся очень удачно и бывшихъ 22-го ноября. У меня родилась дочь, къ счастью, оставшаяся въ живыхъ.

Я не могу обойти молчаніемъ мою дружбу съ прелестной женщиной, графиней Шенбургъ, дочерью г-на Сиверса. Она пріѣхала около года тому назадъ, изъ Дрездена, съ матерью. Толстая познакомилась съ ней во время путешествія. Я ее видѣла раньше, когда ей было четырнадцать лѣтъ и она ненадолго пріѣзжала въ Петербургъ. Ея мать была хорошо знакома съ моей и привела мнѣ свою дочь. Съ самаго перваго момента нашего знакомства, г-жа де-Шенбургъ почувствовала ко мнѣ необычайное влеченіе. Она мнѣ часто говорила это потомъ. Это было одно изъ рѣдкихъ существъ по своему уму, душѣ и чистотѣ сердца. Она великолѣпно знала пять языковъ и музыку, артистически рисовала, была чувствительна, обладала горячностью и совершенной честностью. Она проводила свою жизнь между мной и Толстой, сдерживая живость дружескихъ чувствъ по отношенію ко мнѣ изъ боязни обидѣть Толстую. Про нее можно было сказать, что тайна ея сердца состояла въ деликатности. Она ухаживала за мной во время родовъ.

Я была счастлива насколько возможно. Мужъ и обѣ подруги не покидали меня. Великая Княгиня выражала мнѣ искреннее участіе и часто писала мнѣ. Моя дочь пользовалась великолѣпнымъ здоровьемъ. Это спокойствіе, проистекавшее изъ увѣренности въ счастьѣ, возвращало мнѣ силу.

Черезъ мѣсяцъ послѣ родовъ, Толстая, находясь наединѣ со мной, сказала:

— Вотъ прошло уже два дня, какъ Великая Княгиня посылала къ вамъ. Я отправлюсь къ ней на минуту, извѣстить ее о васъ, а вамъ передать о ней.

Она уѣхала. Черезъ четверь часа мнѣ принесли отъ Великой Княгини записку, полную чувствительной любви. Я отвѣчала ей со всей силой моей привязанности къ ней. Едва я отправила отвѣтъ, какъ пріѣхала Толстая, крайне недовольная.

— Это невѣроятно,—сказала она мнѣ,—если бы я не заговорила о васъ съ Великой Княгиней, я думаю, она и не спросила бы, какъ вы себя чувствуете.

Я улыбнулась и показала записку, которая была для меня дороже всякаго сокровища. Толстая не могла придти въ себя отъ удивленія. Горячо чувствующее сердце изливается всецѣло въ сердце того, кого она любитъ. Великой Княгини не было надобности говорить обо мнѣ; ей достаточно было думать обо мнѣ, чтобы быть увѣренной, что я ей отвѣчу.

Такъ какъ я появилась при дворѣ только въ январѣ, я не была свидѣтельницей ни пріѣзда принцессъ Кобургскихъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, ни ихъ отъѣзда, ни обращенія въ православную вѣру и помолвки принцессы Юліи съ Великимъ Княземъ Константиномъ; но одна особа, вполнѣ достойная довѣрія и присутствовавшая при всемъ этомъ, сообщила мнѣ подробности, описываемыя мною здѣсь.

Великая Герцогиня Кобургская пріѣхала въ Петербургъ вмѣстѣ съ тремя дочерьми: принцессой Софьей, принцессой Антуанеттой,—впослѣдствіи она была за мужемъ за принцемъ Александромъ Виртембергскимъ и провела большую часть своей жизни въ Россіи,—и съ принцессой Юліей. Онѣ появились въ первый разъ на одномъ изъ концертовъ Эрмитажа. Императрица и дворъ отправились туда раньше и придворные изъ любопытства стояли толпой у двери, черезъ которую должны были войти иностранныя принцессы. Наконецъ, онѣ появились и смущеніе, испытываемое бѣдной герцогиней, попавшей къ самому большому и блестящему двору Европы, не сдѣлало болѣе благородными ея мало изящныя манеры. Три дѣвушки тоже были очень смущены, но всѣ онѣ были болѣе или менѣе хороши лицомъ. Молодость уже сама по себѣ можетъ вызвать участіе.

Впрочемъ это смущеніе скоро прошло, въ особенности у младшей, которая черезъ два дня, находясь на балу въ Эрмитажѣ, подошла къ Великой Княгинѣ Елизаветѣ, взяла ее за кончикъ уха и сказала ей по-нѣмецки ласкательное слово, въ переводѣ означающее: *душенька*. Эта наивность удивила Великую Княгиню, но доставила ей удовольствіе. Въ общемъ пріѣздъ и пребываніе принцессъ въ Петербургѣ были очень пріятны Великой Княгинѣ. Прошло слишкомъ мало времени, какъ она покинула свою родину и семью, чтобы она перестала скучать о нихъ и, хотя пріѣхавшія принцессы ничѣмъ не напоминали ей родныхъ, все-таки она могла по крайней мѣрѣ говорить съ ними о незначительныхъ подробностяхъ, съ вопросомъ о которыхъ можно обратиться только къ соотечественникамъ, и слышать отъ нихъ выраженія, самый звукъ которыхъ напоминалъ ей ея дѣтство.

Во время пребыванія принцессъ Кобургскихъ въ Петербургѣ, было

много праздниковъ и баловъ и между прочимъ былъ большой маскированный балъ при дворѣ, памятный для Великой Княгини Елизаветы тѣмъ, что онъ вызвалъ единственный случай, когда Государыня выразила ей свое неудовольствіе. Извѣстная мадамъ Лебрэнъ незадолго передъ этимъ пріѣхала въ Петербургъ. Костюмы на ея портретахъ и картинахъ произвели революцію во вкусахъ. Въ то время начинала проникать склонность къ античному и графиня Шувалова, способная къ увлеченіямъ юности всѣмъ, что было ново и шло изъ-за границы, уговорила Великую Княгиню одѣться на маскированный балъ по рисункамъ мадамъ Лебрэнъ. Великая Княгиня охотно и легкомысленно уступила, не подумавъ, понравится ли это или нѣтъ Государынѣ, полагая, что графиня Шувалова не можетъ предложить ничего такого, что было бы неугодно Ея Величеству. Туалетъ былъ придуманъ и исполненъ мадамъ Лебрэнъ и Великая Княгиня появилась на балъ довольная и увѣренная въ одобреніи, которое вызоветъ ея костюмъ.

Дворы Великихъ Князей и дворъ Государыни отправлялись на подобные балы отдѣльно, такъ что Великій Князь Александръ съ супругой давно уже были на балу, когда они встрѣтили въ одной изъ залъ Императрицу. Великая Княгиня Елизавета подошла къ ней, чтобы поцѣловать руку, но Государыня молча посмотрѣла на нее и не дала ей руку, что поразило Великую Княгиню. Она скоро догадалась о причинѣ этой строгости и жалѣла о той легкости, съ которой она согласилась заплатить дань общему безумству. На слѣдующій день Императрица сказала графу Салтыкову, что она была недовольна туалетомъ Великой Княгини, и обходилась съ ней холодно въ продолженіе двухъ или трехъ дней.

У Императрицы было рѣшительное отвращеніе ко всему преувеличенному и претенціозному, и она доказывала это при всякомъ случаѣ; было вполнѣ естественно, что она была шокирована, увидавъ признаки этихъ двухъ непріятныхъ недостатковъ въ своей внучкѣ, которую она любила во всѣхъ отношеніяхъ и желала, чтобы она служила примѣромъ для другихъ.

Герцогиня Кобургская не сумѣла снискать любовь Государыни. Ея Величество рѣдко видѣлась съ ней въ интимномъ кругу и по истеченіи трехъ недѣль стали торопить Великаго Князя Константина сдѣлать выборъ.

II.

Я думаю, что ему было бы пріятнѣе не дѣлать никакого выбора, такъ какъ онъ вовсе не хотѣлъ жениться. Но наконецъ, онъ рѣшился и остановился на принцессѣ Юліи. Эта бѣдная молодая принцесса вовсе не казалась довольна судьбой, ожидавшей ее. Едва просватанная за Великаго Князя Константица, она подвергалась грубостямъ съ его стороны и нѣжности, тоже очень походившей на дурное обращеніе.

Принцесса Юлія была отдана на попеченіе г-жи Ливенъ[1]), гувернантки Великихъ Княженъ. Частью она брала уроки вмѣстѣ съ ними также вмѣстѣ обѣдала и выходила; и съ ней обращались такъ строго, какъ она къ этому до сихъ поръ не привыкла. Она утѣшалась отъ этого временнаго стѣсненія съ Великимъ Княземъ Александромъ и Великой Княгиней Елизаветой. Послѣдняя отдавала ей все время, которое она могла удѣлить, и между ними вполнѣ естественно завязалась дружба. Въ серединѣ зимы, Великій Князь Константинъ приходилъ завтракать къ своей невѣстѣ ежедневно въ десять часовъ утра. Онъ приносилъ съ собой барабанъ и трубы и заставлялъ ее играть на клавесинѣ военные марши, аккомпанируя ей на этихъ шумныхъ инструментахъ. Это было единственное изъявленіе любви, которое онъ ей оказывалъ.

Онъ ей иногда ломалъ руки, кусалъ ее, но это было только прелюдіей къ тому, что ее ожидало послѣ свадьбы.

Въ январѣ мѣсяцѣ я появилась при дворѣ и была представлена принцессѣ Юліи. Ея свадьба съ Великимъ Княземъ была отпразднована въ февралѣ 1796 года. Она получила имя Великой Княгини Анны. Въ день свадьбы былъ большой балъ и иллюминація въ городѣ. Ихъ

[1]) Шарлотта де-Лоссъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшая княгиня Ливенъ, родилась въ 1742 г., умерла въ 1812 г., незамѣтно пользовалась довольно большимъ вліяніемъ, поддерживая нѣмецкую партію при дворѣ и была въ милости у трехъ императоровъ и четырехъ императрицъ.

отвезли въ мраморный дворецъ, находившійся недалеко отъ Государыни, на берегу Невы. Императрица подарила мраморный дворецъ Великому Князю Константину. Думали, что для него будетъ устроенъ Шепелевскій дворецъ, примыкавшій къ Зимнему; но его поведеніе, когда онъ почувствовалъ себя на свободѣ, доказало, что за нимъ былъ нуженъ строгій надзоръ. Немного спустя послѣ свадьбы, онъ забавлялся въ манежѣ мраморнаго дворца тѣмъ, что стрѣлялъ изъ пушки, заряженной живыми крысами. И Государыня, возвратясь въ Зимній дворецъ, помѣстила его въ боковыхъ апартаментахъ Эрмитажа.

Великой Княгинѣ Аннѣ было тогда четырнадцать лѣтъ; у нея было очень красивое лицо, но она была лишена граціи и не получила воспитанія; она была романична, что становилось еще опаснѣе отъ полнаго отсутствія принциповъ и образованія. Она обладала добрымъ сердцемъ и природнымъ умомъ, но все представляло опасность для нея, потому что у нея не было ни одной изъ тѣхъ добродѣтелей, которыми преодолѣваютъ слабости. Ужасное поведеніе Великаго Князя Константина еще болѣе сбивало ее съ толку. Она стала подругой Великой Княгини Елизаветы, которая была бы способна содѣйствовать подъему ея души, но обстоятельства и ежедневныя событія, все болѣе и болѣе тягостныя, едва давали ей опомниться самой.

Я должна бы раньше упомянуть о пріѣздѣ двухъ братьевъ князей Чарторижскихъ [1]). Къ несчастью они играли слишкомъ замѣтную роль, чтобы не помѣстить ихъ въ мои *Воспоминанія*. Они часто приходили ко мнѣ. Старшій былъ сдержанъ и молчаливъ, у него изящный видъ, серьезное лицо и выразительный взглядъ. У него лицо страстнаго человѣка. Младшій очень оживленъ, горячъ и много французскаго въ манерахъ. Великій Князь Александръ сразу полюбилъ ихъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ пріѣзда, они были назначены камергерами. Импе-

[1]) Адамъ и Константинъ сыновья князя Адама и Изабелы Флеммингъ. Старшій родился въ 1770 г. и умеръ въ 1861 г., былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Александра I, потомъ главою польскаго возстанія 1831 года и умеръ въ изгнаніи въ Парижѣ, въ отелѣ Ламбертъ; младшій былъ адъютантомъ Великаго Князя Константина, потомъ полковникомъ польской арміи, полка, собраннаго на его средства, и умеръ также въ изгнаніи въ Вѣнѣ въ 1860 году. Оба брата пріѣхали въ С. Петербургъ просить о снятіи секвестра въ имѣніи ихъ отца.

ратрица отличала ихъ ради ихъ отца, который былъ однимъ изъ замѣчательныхъ людей своей страны. Полякъ въ душѣ, онъ далеко не стоялъ за насъ. Ея Величество старалась покорить его, обращаясь хорошо съ его дѣтьми.

Переѣхали въ Царское Село. Великія Княгини все болѣе сближались другъ съ другомъ. Ихъ дружба пока еще не оказывала вліянія на довѣріе Великой Княгини Елизаветы ко мнѣ. Наоборотъ, она даже хотѣла, чтобы ея невѣстка подружилась со мной, но это было невозможно. Характеръ Великаго Князя Константина не допускалъ никакого сближенія съ его женой и полный контрастъ, который я находила между нею и прелестной, какъ ангелъ, Великой Княгиней Елизаветой, не поощрялъ меня къ этому.

Великій Князь Александръ съ каждымъ днемъ все болѣе тѣсно сближался съ князьями Чарторижскими и молодымъ графомъ Строгановымъ, другомъ старшаго брата. Онъ больше не разставался съ ними. Общество молодыхъ людей, окружавшихъ Великаго Князя, вовлекло его въ предосудительныя связи. Князь Адамъ Чарторижскій, ободренный особой дружбой Великаго Князя, находясь вблизи отъ Великой Княгини Елизаветы, не могъ ее видѣть, не испытывая чувства, которое уваженіе, принципы и благодарность должны бы были подавить въ самомъ началѣ.

Великій Князь и его дворъ перебрались 12 іюня въ Александровскій дворецъ. Государыня построила его для своего внука. Дворецъ былъ очень красивъ и передъ нимъ былъ разбитъ раздѣланный палисадникъ, примыкавшій къ англійскому саду. Передъ окнами Великой Княгини находился цвѣтникъ, окруженный желѣзной рѣшеткой съ маленькой дверью, черезъ которую былъ ходъ въ ея внутреннія апартаменты. За нѣсколько дней передъ переѣздомъ, Государыня подозвала меня (это было на одномъ изъ маленькихъ баловъ въ воскресенье) и сказала мнѣ:

— Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, передайте вашему мужу, чтобы онъ распорядился разстановкой мебели въ Александровскомъ дворцѣ: онъ совсѣмъ законченъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Великій Князь вступилъ во владѣніе имъ вмѣстѣ со своимъ дворомъ. Выберите себѣ помѣщеніе, какое вамъ больше понравится и гдѣ вы будете ближе къ Великой Княгинѣ Елизаветѣ. Я надѣюсь, что она довольна мною; я

дѣлаю все, чтобы ей угодить. Я ей дала самаго красиваго юношу въ моемъ государствѣ.

Ея Величество остановилась на минуту, потомъ прибавила:

— Скажите мнѣ, вы ихъ видите постоянно, дѣйствительно ли они любятъ и довольны другъ другомъ?

Я отвѣчала чистую правду, что они кажутся довольными. Тогда они еще были счастливыми, насколько это было возможно для нихъ. Императрица положила свою красивую руку на мою и сказала мнѣ съ волненіемъ, все перевернувшимъ во мнѣ:

— Я знаю, что не въ вашемъ характерѣ ссорить супруговъ. Я вижу все, знаю больше, чѣмъ можно объ этомъ подумать, и моя любовь къ вамъ будетъ продолжаться всегда.

— Ахъ,—отвѣчала я,—то, что Ваше Величество только что сказали мнѣ, драгоцѣннѣе для меня, чѣмъ власть надъ всѣмъ міромъ, и я могу поклясться, что я употреблю всю свою жизнь, чтобы быть достойной этого мнѣнія, которое дороже для меня, чѣмъ сама жизнь.

Я поцѣловала ей руку; она встала, говоря:

— Я покидаю васъ; мы слишкомъ хорошо понимаемъ другъ друга, чтобы намъ играть роли.

Во время этого разговора князь Алексѣй Куракинъ находился напротивъ. Онъ подошелъ пригласить меня протанцовать полонезъ.

— Можно быть увѣреннымъ, кузина—сказалъ онъ,—что съ вами не дурно обращаются.

Я ничего не отвѣчала и почти не слыхала, что онъ мнѣ говорилъ. Я передала мужу приказанія Ея Величества. Онъ занялся устройствомъ всего и три дня спустя мы были въ новомъ помѣщеніи.

Я позволю себѣ привести здѣсь одну мысль. Самая ужасная клевета съумѣла увѣрить нѣкоторыхъ несчасныхъ, готовыхъ повѣрить всему дурному, что Государыня поощряла страсть Зубова къ Великой Княгинѣ Елизаветѣ; что у ея внука не было дѣтей, а она желала этого во что бы то ни стало. Только что приведенный мною разговоръ, бывшій 9 іюня 1796 года мнѣ кажется совершенно достаточнымъ, чтобы опровергнуть эту ужасную ложь. Скажу даже больше: Ея Величество сама говорила съ Зубовымъ въ концѣ 1796 года по поводу его непристойныхъ чувствъ къ Великой Княгинѣ и заставила его совершенно перемѣнить поведеніе. Когда опять переѣхали въ Царское Село, не было больше ни прогулокъ, ни взглядовъ, ни вздоховъ. Графиня Шувалова на нѣкоторое время осталась безъ дѣла. Мы прозвали ее тогда: *Impressario in angustia*—Импрессаріо въ затрудненіи. Это было названіе одной изъ оперъ-буффъ Чимарозо.

Великій Князь и Великая Княгиня были очень довольны своимъ дворцомъ. Мои комнаты находились надъ апартаментами Великой Княгини и такъ какъ середина строенія выдвигается полукругомъ, она могла разговаривать со мной, находясь у послѣдняго окна передъ угломъ. Однажды послѣ обѣда мы устроили шутку: она осталась у своего окна, а я подошла къ своему и мы долго разговаривали. Въ это время Великій Князь и мой мужъ играли на скрипкѣ въ моей гостиной. Тогда еще все было въ согласіи.

Князья Чарторижскіе ежедневно приходили ко мнѣ. Черезъ нѣсколько недѣль сцена измѣнилась. Великій Князь сталъ неразлученъ со своими новыми друзьями. Великая Княгиня Анна каждое утро приходила за Великой Княгиней Елизаветой, чтобы гулять въ саду. Я предпринимала поѣздки съ Толстой, помѣщеніе которой было рядомъ съ моимъ. Въ этомъ году она получила позволеніе Государыни посѣщать ея вечера. Великій Князь день ото дня становился все холоднѣе въ обращеніи со мною; князья Чарторижскіе почти не заглядывали ко мнѣ; чувства князя Адама занимали всѣхъ. Его братъ Константинъ влюбился въ Великую Княгиню Анну, почувствовавшую также склонность къ нему. Эта смѣсь кокетства, интриги и заблужденій ставила Великую Княгиню Елизавету въ тяжелое и затруднительное положеніе. Она замѣчала перемѣну въ своему мужѣ; каждый вечеръ она была вынуждена терпѣть въ своемъ семейномъ кругу присутствіе человѣка со всѣми внѣшними признаками страсти, которую, какъ казалось, Великій Князь поощрялъ, доставляя ему случай видѣть Великую Княгиню. Ея невѣстка дѣлала ея повѣренной состоянія своей души и сердца и, когда Великая Княгиня пыталась противодѣйствовать и спасти ее отъ самой себя, Великая Княгиня Анна начинала плакать, говорила о тираніи своего мужа, и жалость брала верхъ надъ разсудкомъ.

Однажды Ея Величество объявила Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, что она посѣтитъ ихъ послѣ обѣда. Была подана изысканная и великолѣпная закуска подъ колоннадой, нѣчто вродѣ гостинной,

открытой съ одной стороны, а съ другой противъ сада, огражденной двойнымъ рядомъ колоннъ. Оттуда былъ обширный и прекрасный видъ. Послѣ возвратились во внутренніе апартаменты. Государыня сѣла между мною и Великой Княгиней.

— Я прошу у васъ позволенія, madame la grande duchesse, разрѣшить этимъ господамъ посмотрѣть ваши апартаменты,

Такъ какъ это было воскресенье, то было много народа и между прочими, вице-канцлеръ графъ Остерманъ и графъ Марковъ [1]). Великая Княгиня сдѣлала утвердительный знакъ головой и посмотрѣла на меня, желая дать мнѣ понять, что она находится въ затрудненіи. Она нагнулась сзади Государыни и сказала мнѣ: «Книга на туалетѣ». Я тотчасъ же поняла, что надо убрать съ виду томикъ *Новой Элоизы*, предоставленный графиней Шуваловой двумъ Великимъ Княгинямъ. Наканунѣ этого дня Великая Княгиня Елизавета позвала меня къ себѣ утромъ; у насъ былъ съ ней интересный разговоръ въ ея кабинетѣ; потомъ она провела меня въ уборную комнату, гдѣ я увидала эту книгу, по поводу которой я осмѣлилась сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, выслушанныя ею по обыкновенію милостиво. Поэтому я очень легко поняла, что она хотѣла, и безъ колебаній попросила Государыню позволить мнѣ, какъ женѣ привратника, показать гостямъ помѣщеніе Великой Княгини.

Государыня одобрила это и я пустилась съ быстротой молніи опередила общество и спрятала книгу. Этотъ вечеръ доставилъ мнѣ большое удовольствіе; во время закуски Великая Княгиня сообщила мнѣ одно мѣсто изъ письма принцессы матери, которая оказала мнѣ честь написать по моему адресу очень много ласковаго.

Каждый день, казалось, приводилъ съ собой новую опасность; я очень страдала, что Великая Княгиня подвергалась имъ. Я жила надъ ея комнатами и видѣла, какъ она выходила изъ дому и возвращалась, а также, что и Великій Князь довольно регулярно приводилъ каждый вечеръ къ себѣ ужинать князя Чарторижскаго. Богъ только одинъ читалъ въ моей душѣ. Однажды, болѣе измученная, чѣмъ обыкновенно, всѣмъ, что происходило на моихъ глазахъ, я, вернувшись съ ве-

[1]) Аркадій Ивановичъ, секретарь для французской корреспонденціи князя Безбородко и повѣренный Платона Зубова.

чера у Государыни, перемѣнила платье и сѣла на окно, находившееся надъ апартаментами Великой Княгини. Высунувшись наружу, насколько это было возможно, я увидала кусочекъ бѣлаго платья Великой Княгини, освѣщеннаго луной, лучи которой падали въ наши комнаты. Я видѣла, какъ Великій Князь возвратился со своимъ другомъ, и предположила, что Великая Княгиня сидитъ одна въ своемъ кабинетѣ. Я накинула на плечи косынку и спустилась въ садъ. Подойдя къ рѣшеткѣ цвѣтника, я увидала ее одну, погруженную въ печальное раздумье.

— Вы однѣ, Ваше Высочество?—спросила я.

— Я предпочитаю быть одной,—отвѣчала она,—чѣмъ ужинать наединѣ съ княземъ Чарторижскимъ. Великій Князь заснулъ у себя на диванѣ, а я убѣжала къ себѣ и предаюсь своимъ далеко не веселымъ мыслямъ.

Я страдала отъ невозможности находиться около нея; имѣя право не покидать ея, я не могла войти въ ея апартаменты. Мы проговорили съ ней больше четверти часа и я вернулась къ себѣ подъ окно.

Я становилась настоящей помѣхой для Великаго Князя. Онъ зналъ мои чувства и былъ вполнѣ увѣренъ, что я не одобряла его. Князь Чарторижскій съ удовольствіемъ видѣлъ, что Великій Князь все увеличивалъ препятствія моимъ отношеніямъ съ его женой. Онъ отлично зналъ, что я не возьмусь помогать ему, и очень старался поссорить меня съ Великимъ Княземъ. Мой мужъ осмѣлился сдѣлать Великому Князю замѣчаніе относительно его поведенія и ущерба, который онъ наноситъ репутаціи своей жены. Это только еще болѣе вооружило его противъ меня. Я рѣшилась молчать и молча страдать.

Однажды утромъ, когда мы сидѣли за клавесиномъ съ Толстой, я услыхала, какъ дверь тихо отворилась. Показалась Великая Княгиня и, такъ сказать, влетѣла въ комнату. Она взяла меня за руку, увела меня въ мою спальню, заперла дверь на ключъ и съ плачемъ бросилась въ мои объятія. Я не буду пытаться передать, что во мнѣ происходило. Она собиралась говорить, какъ вдругъ постучали въ дверь, крича, что пріѣхала изъ деревни моя мать повидаться со мной. Великая Княгиня была очень огорчена этой помѣхой и сказала мнѣ одно слово, которое я никогда не забуду. Потомъ она вытерла слезы,

вышла въ гостинную, была насколько возможно привѣтлива съ матерью, напоила ее чаемъ и все съ такимъ видомъ, какъ будто она нарочно пришла, чтобы оказать ей честь: таковъ былъ ангельскій характеръ этой Княгини. Несмотря на молодость, она съ деликатностью скрывала свои собственныя чувства, когда они могли стѣснить другихъ, и ея доброта всегда брала верхъ.

Въ этомъ году пріѣхало новое лицо: полька, княгиня Радзивиллъ [1]). Она была представлена Государынѣ и послѣдняя хорошо приняла ее, въ то же время ни на что не соглашаясь изъ того, что она просила. Ея претензіи были скромны: она хотѣла быть назначена опекуншей молодого князя Радзивилла безъ всякихъ правъ къ тому, желая завладѣть его состояніемъ и получить шифръ фрейлины. Восторженная поклонница искусства, она говорила о немъ очень оригинально; она была интересна въ обществѣ и у нея былъ привѣтливый видъ, отчего съ ней чувствовали себя легко. Низко пресмыкаясь при дворѣ, она приправляла свою рѣчь такой оригинальностью, что это не казалось уже такимъ шокирующимъ, какъ это вышло бы у всякаго другого. Я не буду говорить объ ея нравственности, которая слишкомъ извѣстна: она отчасти для удовольствія, отчасти по влеченію давно уже пренебрегала общественными приличіями. Она говорила про своего мужа, что онъ, какъ страусъ, высиживаетъ чужихъ дѣтей. Государыня иногда забавлялась ея остроуміемъ и восторженностью, но ей часто надоѣдало подличанье княгини.

Я вспоминаю, что однажды, находясь у колоннады, она такъ подличала, что Ея Величество была шокирована и дала ей косвенный урокъ, говоря съ маленькой англійской левреткой, подаренной ей принцессой Нассауской. Это была очень красивая собачка, но съ низкимъ и завистливымъ характеромъ. Ее звали *Пани*,—польское слово, въ переводѣ означающее «сударыня».

— Послушайте *Пани*, — сказала ей Государыня, — вы знаете, что я васъ прогоняю всегда, когда вы подличаете; я не люблю низости.

Съ княгиней Радзивиллъ была одна изъ ея дочерей, прелестная особа, ни въ чемъ на нее не похожая. Это была олицетворенная доброта и разумъ. Она часто страдала отъ экстравагантностей матери. Ея Величество пожаловала ей шифръ фрейлины, а ея два брата были назначены камергерами. У нея было очень деликатное здоровье и она умерла въ Петербургѣ послѣ очень недолгой болѣзни, черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Государыни. Въ бреду она безпрестанно повторяла, что Императрица приходила за ней. Я поѣхала къ ея матери, думая найти ее въ отчаяніи, но она избавила меня отъ изъявленій состраданія и участія, выразить которыя я пріѣхала, и у меня осталось только сожалѣніе, что я не увижу больше Христины, достойной другой матери.

[1]) Елена Пржеждзецкая, дочь вице-канцлера Литовскаго и жена послѣдняго воеводы Виленскаго князя Михаила Радзивиллъ. Она увлеклась литературой и искусствомъ, создала извѣстный культурный и артистическій центръ въ своей резиденціи Аркадіи, близъ Ловича и была очень романичной особой. Растопчинъ говоритъ о ея соперничествѣ въ любви съ графиней Толстой: „Она хотѣла возбудить страсть въ Уайтвортѣ, но напрасно; наша соотечественница, не обладая ни ея талантомъ пѣвицы, ни даромъ слова, какъ Армида стережетъ въ своемъ домѣ, кавалера ордена Бани.
(*Архивъ Воронцова*, VIII, 97).

III.

Двадцать пятаго іюня я была разбужена пушечными выстрѣлами, возвѣщавшими разрѣшеніе отъ бремени Великой Княгини Маріи. У нея родился сынъ, названный Николаемъ [1]). Она лежала въ Царскомъ Селѣ. Государыня не спала всю ночь возлѣ нея и была крайне рада, что у нея было однимъ внукомъ больше.

Черезъ нѣсколько времени случилось событіе, глубоко огорчившее Ея Величество. На одномъ изъ воскресныхъ баловъ г-жа Ливенъ, гувернантка Великихъ Княженъ, попросила у Государыни позволенія говорить съ ней. Она посадила ее рядомъ съ собой и г-жа Ливенъ сообщила ей о случаѣ жестокости, проявленной Великимъ Княземъ Константиномъ по отношенію къ одному гусару. Онъ съ нимъ ужасно

[1]) Будущій Императоръ Николай I.

обошелся. Этотъ жестокій поступокъ былъ совершенной новостью для Государыни. Она тотчасъ же позвала своего довѣреннаго камердинера и велѣла ему собрать возможно полныя свѣдѣнія относительно этого случая. Тотъ возвратился, подтверждая донесеніе г-жи Ливенъ. Государыня до того была взволнована этимъ, что сдѣлалась больна. Я знаю, что когда она возвратилась въ свои внутренніе аппартаменты, съ ней случилось нѣчто вродѣ апоплексическаго удара. Она написала Великому Князю Павлу, сообщая ему обо всемъ случившемся и прося наказать своего сына, что онъ и сдѣлалъ очень строго, но не такъ, какъ было условлено. Потомъ Государыня распорядилась посадить его подъ арестъ.

На слѣдующее воскресенье Государыня, хотя и не совсѣмъ хорошо себя чувствовала, приказала Великому Князю Александру дать у себя балъ, произведшій на меня очень печальное впечатлѣніе. Нездоровье Государыни безпокоило меня. Въ глубинѣ души у меня было смущеніе и мрачныя предчувствія, къ несчастью, слишкомъ осуществившіяся. Позвали Великую Княгиню Анну, которую Великій Князь Константинъ не хотѣлъ отпускать отъ себя; едва она пробыла на балу полчаса, какъ онъ послалъ за ней, и она уѣхала почти со слезами.

Новые проекты и надежды занимали умы. Говорили о бракѣ Великой Княгини Александры [1]) съ шведскимъ королемъ [2]). Однажды вечеромъ Государыня подошла ко мнѣ и сказала:

— Знаете, я очень занята устройствомъ моей внучки Александры. Я хочу выдать ее замужъ за графа Шереметьева. [3]).

— Я слышала объ этомъ, Ваше Величество,—отвѣчала я,—но говорятъ, что его родные несогласны.

---

[1]) Дочь Великаго Князя Павла, родилась 29 іюля 1783 г. и умерла въ 1801 г. Была замужемъ за Великимъ Герцогомъ Іосифомъ, палатиномъ Венгріи.

[2]) Густавъ-Адольфъ IV.

[3]) Графъ Николай Петровичъ Шереметьевъ, родился въ 1751 году, умеръ въ 1809 г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, оберъ-камергеромъ и шефомъ кадетскаго корпуса. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ людей своего времени, и женился позднѣе на своей крѣпостной актрисѣ Прасковьѣ Ивановнѣ Ковалевской. Послѣ ея смерти въ 1803 году онъ основалъ въ Москвѣ въ память ея странноприимный домъ.

Этотъ отвѣтъ показался ей очень забавнымъ.

Хотя и казалось, что Ея Величество совсѣмъ поправилась, она жаловалась на ноги. Однажды въ воскресенье, передъ обѣдомъ, она взяла меня за руку и подвела къ окну, выходившему въ садъ.

— Я хочу,—сказала она,—построить здѣсь арку, соединяющую салоны съ колоннадой, и здѣсь я буду проходить въ часовню. Это избавитъ меня отъ долгаго пути, который я принуждена дѣлать, чтобы идти къ обѣднѣ. Когда я прихожу на трибуну, у меня уже больше нѣтъ силъ стоять. Если я умру, я увѣрена, что это васъ очень огорчитъ...

Эти слова, сказанныя Государыней, произвели на меня дѣйствіе, не поддающееся описанію.

Ея Величество продолжала:

— Вы меня любите, я знаю это и тоже васъ люблю; успокойтесь.

Она быстро отошла отъ меня; она была взволнована. Я осталась, прислонившись лицомъ къ стеклу, заглушая рыданія.

Мнѣ казалось, что время летѣло; при отъѣздѣ изъ Царскаго Села мнѣ было печально, какъ никогда. Внутренній голосъ въ глубинѣ моей души говорилъ мнѣ: *Это было послѣднее лѣто, проведенное тобою тамъ.* За нѣсколько дней передъ отъѣздомъ Великая Княгиня Елизавета попросила меня написать ей прощальное письмо. Я никогда не могла понять этой мысли, еще болѣе опечалившей меня. Все, казалось, подготовлялось къ тяжелому исходу. Я повиновалась; она мнѣ прислала такой же отвѣтъ, хранящійся у меня до сихъ поръ.

По возвращеніи въ городъ, стали громко говорить о пріѣздѣ шведскаго короля. Готовились къ празднествамъ и удовольствіямъ, обратившимся въ скорбь и плачъ.

Король пріѣхалъ вскорѣ послѣ того, какъ дворъ возвратился въ городъ. Онъ взялъ псевдонимъ графа Гага и остановился у своего посланника барона Штеддинга. Его первая встрѣча съ Государыней была очень интересна. Она нашла его такимъ, какимъ она желала его видѣть. Мы были представлены королю въ Эрмитажѣ. Входъ Ихъ Величествъ въ гостиную былъ замѣчателенъ. Они держались за руку. Достоинство и благородный видъ Императрицы нисколько не умень-

шали красивой осанки, которую умѣлъ сохранить молодой король. Его черное шведское платье, волосы, падающіе на плечи, прибавляли къ его благородству рыцарскій видъ. Всѣ были поражены этимъ зрѣлищемъ.

Герцогъ Зюдерманландскій, дядя короля, далеко не былъ представителенъ. Онъ былъ невысокаго роста, съ немного косыми смѣющимися глазами, ротъ у него былъ сердечкомъ, маленькій заостренный животъ и ноги, какъ зубочистки. Его движенія были быстры и взволнованы; у него постоянно былъ такой видъ, что онъ хочетъ что-то сдѣлать. Я понравилась ему и онъ за мной настойчиво ухаживалъ вездѣ, гдѣ только встрѣчалъ меня. Государыня очень забавлялась этимъ. Однажды вечеромъ, въ Эрмитажѣ, когда онъ любезничалъ болѣе чѣмъ обыкновенно, Ея Величество подозвала меня и сказала, смѣясь:

— Надо вѣрить только половинѣ изъ того, что говорятъ: но съ вашимъ влюбленнымъ вѣрьте только четверти.

Дворъ находился въ это время въ Таврическомъ дворцѣ. Чтобы придать разнообразіе вечерамъ, устроили маленькій балъ изъ лицъ, составлявшихъ общество Эрмитажа. Мы собрались въ гостиной. Появилась Государыня и сѣла рядомъ со мной. Мы разговаривали нѣкоторое время. Дожидались короля, чтобы открыть балъ.

— Я думаю,—сказала мнѣ Ея Величество,—что лучше начать танцы. Когда Король придетъ, онъ будетъ менѣе смущенъ, заставъ все въ движеніи, чѣмъ это общество, которое сидитъ и ждетъ его.

— Ваше Величество, прикажете мнѣ пойти распорядиться?— спросила я.

— Нѣтъ,—отвѣчала она;—я дамъ знакъ камеръ-юнкеру.

Она сдѣлала знакъ рукой, но камеръ-юнкеръ не замѣтилъ его, а вице-канцлеръ графъ Остерманъ принялъ это на свой счетъ. Старикъ подбѣжалъ со своей длинной палкой такъ скоро, какъ могъ, и Государыня встала, отвела его къ окну и серьезно проговорила съ нимъ около пяти минутъ. Она вернулась потомъ на свое мѣсто и спросила меня, довольна ли я ею.

— Я желала бы, чтобы всѣ дамы въ С.-Петербургѣ могли поучиться у Вашего Величества, какъ деликатно надо обращаться съ гостями.

— Но какъ же я могу поступать иначе,—возразила она.—Я огорчила бы этого бѣднаго старика, сообщивъ ему, что онъ ошибся. Вмѣсто этого, поговоривъ съ нимъ о погодѣ, я убѣдила его, что онъ дѣйствительно былъ позванъ мною. Онъ доволенъ, вы довольны и, слѣдовательно, я довольна [1]).

Вошелъ Король. Государыня была привѣтлива съ нимъ, сохраняя извѣстную мѣру и достоинство. Ихъ Величества присматривались другъ къ другу, пытаясь проникнуть въ душу. Прошло нѣсколько дней и Король завелъ разговоръ о своемъ желаніи вступить въ бракъ. Государыня, не высказавъ согласія, пожелала сначала договориться относительно главныхъ пунктовъ. Переговоры и обсужденія слѣдовали одно за другимъ; разъѣзды министровъ и договаривающихся сторонъ возбуждали любопытство при дворѣ и въ городѣ.

Въ большой галлереѣ Зимняго Дворца былъ данъ балъ. Въ этотъ вечеръ Король еще не былъ освѣдомленъ объ отношеніи къ нему Великой Княжны Александры. Это очень безпокоило его. На слѣдующій день было большое празднество въ Таврическомъ дворцѣ; я сидѣла рядомъ съ Государыней и Король стоялъ передъ нами. Княгиня Радзивиллъ принесла Ея Величеству медальонъ съ портретомъ Короля, сдѣланнымъ изъ воска художникомъ Тонса, выдающимся артистомъ. Онъ сдѣлалъ портретъ на память, видѣвъ Короля всего только одинъ разъ на балу въ галлереѣ.

— Очень похожъ,—сказала Государыня,—но я нахожу, что графъ Гага изображенъ на немъ очень печальнымъ.

Король съ живостью замѣтилъ:

— Это потому, что вчера я былъ очень несчастенъ.

Благопріятный отвѣтъ Великой Княжны былъ ему объявленъ только утромъ.

Перебрались въ Зимній дворецъ. Было приказано всѣмъ придворнымъ и знати давать балы. Первый былъ у генералъ-прокурора графа Самойлова [2]). Стояла еще хорошая погода. Многіе изъ гостей, рус-

[1]) Занимая съ 1783 г. главный постъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ дѣйствительности Остерманъ предоставилъ всѣ дѣла по управленію князю Безбородко, секретарю кабинета Государыни.

[2]) Александръ Николаевичъ Самойловъ генералъ-прокуроръ Сената; назначенъ на этотъ постъ въ 1792 г., благодаря родству съ Потемкинымъ (послѣдній былъ его дядей) и въ 1795 г. получилъ титулъ графа. Онъ написалъ біографію своего дяди.

скихъ и шведовъ, ждали пріѣзда Императрицы на балконѣ. Въ тотъ моментъ, какъ показалась ея карета, видѣли, какъ поднялась на небѣ падающая звѣзда (comète) и исчезла за крѣпостью. Это явленіе природы вызвало много суевѣрныхъ толковъ.

Ея Величество вошла въ залъ. Король былъ уже тамъ. Послѣ первыхъ танцевъ Государыня удалилась въ кабинетъ вмѣстѣ съ Королемъ. Туда были допущены нѣкоторыя лица изъ ея близкаго общества. Другіе играли въ бостонъ. Въ это время у Ихъ Величествъ произошло первое совѣщаніе по поводу брака. Государыня передала Королю бумагу и попросила его прочесть ее потомъ у себя. Я находилась въ залѣ, гдѣ танцевали. Императрица позвала меня и приказала мнѣ сѣсть и занять тѣхъ изъ гостей, кто не игралъ въ карты. Вскорѣ послѣ этого Государыня возвратилась вмѣстѣ съ Королемъ въ залу. Былъ поданъ очень хорошій ужинъ; Государыня не сѣла за столъ и рано уѣхала съ бала.

Графъ Строгановъ также далъ балъ, который Императрица почтила своимъ присутствіемъ. Переговоры относительно брака шли, какъ нельзя лучше, отчего Ея Величество была очень весела и любезнѣе, чѣмъ обыкновенно. Она приказала мнѣ сѣсть за ужиномъ противъ влюбленныхъ и послѣ разсказать ей, какъ они любезничали.

Король былъ очень занятъ Великой Княжной Александрой. Они не переставая разговаривали. Когда ужинъ кончился, Государыня позвала меня, чтобы спросить у меня объ моихъ наблюденіяхъ. Я сказала ей, что заботы г-жи Ливенъ оказались напрасными; что Великая Княжна была совсѣмъ испорчена; что это было непріятно видѣть; что Король не ѣлъ и не пилъ, а насыщался взглядами. Всѣ эти глупости очень забавляли Императрицу.

На этомъ вечерѣ она была съ вѣеромъ въ рукахъ, чего я раньше у нея никогда не видала. Она держала его такъ странно, что я не могла удержаться, чтобы не смотрѣть на нее. Она это замѣтила.

— На самомъ дѣлѣ, я думаю,—сказала мнѣ Ея Величество,—что вы смѣетесь надо мной.

— Должна признаться Вашему Величеству,—отвѣчала я,—что никогда я не видала, чтобы болѣе неловко держали вѣеръ.

— Правда,—продолжала она,—что у меня немного видъ *Нинетъ при дворѣ* [1]), но Нинетъ очень пожилой.

— Эта рука—сказала я,—не создана для пустяковъ; она держитъ вѣеръ, какъ скипетръ.

Были также балы у австрійскаго посланника, графа Кобенцля и у вице-канцлера графа Остермана на дачѣ.

Я приведу здѣсь копію нѣкоторыхъ бумагъ, писанныхъ собственноручно Государыней и королемъ шведскимъ. Онѣ мнѣ были вручены немного спустя послѣ смерти Екатерины II.

«Двадцать четвертаго августа шведскій король, сидя со мной на скамейкѣ въ Таврическомъ саду, попросилъ у меня руки Александры. Я сказала ему, что онъ не можетъ просить у меня этого, ни я его слушать, потому что у него есть обязательства къ принцессѣ Мекленбургской. Онъ увѣрялъ меня, что они порваны. Я сказала ему, что я подумаю. Онъ попросилъ меня вывѣдать, не имѣетъ ли моя внучка отвращенія къ нему, что я и обѣщалась сдѣлать и сказала, что черезъ три дня дамъ ему отвѣтъ. Дѣйствительно, по истеченіи трехъ дней, переговоривъ съ отцомъ, съ матерью и съ дѣвушкой, я сказала графу Гага на балу, у графа Строганова, что я соглашусь на бракъ при двухъ условіяхъ: первое, что мекленбургскіе переговоры будутъ совершенно закончены; второе, что Александра останется въ религіи, въ которой она рождена и воспитана. На первое онъ сказалъ, что это не подвержено никакому сомнѣнію; относительно второго онъ сдѣлалъ все, чтобы убѣдить меня, что это невозможно, и мы разошлись, оставаясь каждый при своемъ мнѣніи».

«Это первое упорство продолжалось десять дней но всѣ шведскіе вельможи (excellences) не раздѣляли мнѣнія короля. Наконецъ, я не знаю какъ, имъ удалось убѣдить его. На балу у посланника онъ сказалъ, что устранили всѣ сомнѣнія, которыя возникли въ его душѣ относительно вопроса о религіи. И вотъ все казалось улаженнымъ. Ожидая, я составила записку № 1-й и, такъ какъ она была у меня съ собою въ карманѣ, я передала ее ему, говоря: Я васъ прошу прочесть внимательно эту записку; она васъ утвердитъ въ добрыхъ

[1]) *Нинетъ при дворѣ*, комедія въ двухъ актахъ Фавара, представлена въ первый разъ въ 1755 г. въ Итальянской Комедіи.

намѣреніяхъ, которыя я у васъ нахожу сегодня». На слѣдующій день, на фейерверкѣ, онъ поблагодарилъ меня за записку и сказалъ мнѣ, что его огорчаетъ только одно, что я не знаю его сердца. На балу въ Таврическомъ дворцѣ шведскій король самъ предложилъ матери обмѣняться кольцами и устроить обрученіе. Она сказала мнѣ это; я говорила съ регентомъ и мы назначили для этого четвергъ. Условились, что оно будетъ совершено при закрытыхъ дверяхъ по обряду греческой церкви».

«Пока же договоръ обсуждался между министрами. Въ него входила статья о свободномъ отправленіи религіи и она вмѣстѣ съ остальнымъ текстомъ договора должна была быть подписана въ четвергъ. Когда же прочли его уполномоченнымъ министрамъ, оказалось, что этой отдѣльной статьи тамъ не было. Наши спросили у шведовъ, что они съ ней сдѣлали. Они отвѣтили, что король оставилъ ее у себя, чтобы переговорить со мной объ ней. Мнѣ сдѣлали донесеніе объ этомъ случаѣ. Было пять часовъ вечера, а въ шесть часовъ было назначено обрученіе. Я сейчасъ же послала къ шведскому королю узнать, что хочетъ онъ мнѣ сказать по этому поводу, потому что передъ обрученіемъ я его не увижу, а послѣ будетъ слишкомъ поздно отступать. Онъ послалъ мнѣ устный отвѣтъ, что будетъ говорить со мной объ этомъ».

«Нисколько не удовлетворенная этимъ отвѣтомъ, я, чтобы сократить, продиктовала графу Маркову записку № 2-й, для того, чтобы, если король подписалъ бы этотъ проектъ удостовѣренія, я могла бы вечеромъ сдѣлать обрученіе. Было семь часовъ вечера, когда посланный былъ отправленъ; въ девять часовъ графъ Марковъ возвратился съ запиской № 3-й, писанной рукою короля и подписанной, гдѣ вмѣсто ясныхъ и опредѣленныхъ выраженій, предложенныхъ мною, находились смутныя и неопредѣленныя. Тогда я приказала сказать, что я больна. Остальное время, проведенное ими здѣсь, прошло въ ходьбѣ туда и обратно. Регентъ подписалъ и утвердилъ договоръ такимъ, какимъ онъ долженъ быть. Король долженъ былъ утвердить его черезъ два мѣсяца, когда онъ будетъ совершеннолѣтнимъ. Онъ послалъ его на обсужденіе своей консисторіи».

№ 1,—копія съ записки Ея Императорскаго Величества, переданной изъ рукъ въ руки королю Шведскому:

«Согласитесь ли вы со мной, дорогой братъ, что не только въ интересахъ вашего королевства, но и въ вашихъ личныхъ интересахъ, заключить бракъ, о желаніи вступить въ который вы мнѣ говорили?»

«Если Ваше Величество согласно съ этимъ и убѣждено въ этомъ, почему же тогда религія является препятствіемъ его желаніямъ?»

«Пусть Ваше Величество позволитъ мнѣ замѣтить, что даже епископы не находятъ ничего сказать противъ его желаній и изъявляютъ усердіе въ устраненіи сомнѣній по этому поводу».

«Дядя Вашего Величества, его министры и всѣ, кто, благодаря долгой службѣ, привязанности и вѣрности, имѣетъ право на довѣріе, сходятся въ мнѣніи, что въ этой статьѣ нѣтъ ничего противнаго ни совѣсти, ни спокойствію его царствованія».

«Наши подданные, далекіе отъ порицанія этого выбора, будутъ восторженно привѣтствовать его, благословлять и обожать васъ, потому что вамъ они будутъ обязаны вѣрнымъ залогомъ ихъ благополучія и общественнаго и частнаго спокойствія».

«Этотъ же выборъ, осмѣлюсь сказать это, докажетъ доброту вашего сужденія и разсудка, и вызоветъ одобреніе вашей націи».

«Предоставляя вамъ руку моей внучки, я испытываю глубокое убѣжденіе, что я дѣлаю вамъ самый драгоцѣнный подарокъ, который я могу сдѣлать и который можетъ лучше всего убѣдить васъ въ правдивости и силѣ моей нѣжности и дружбы къ вамъ. Но, ради Бога, не смущайте ни ея счастья, ни вашего, примѣшивая къ нему совершенно посторонніе предметы, о которыхъ было бы самое умное, если бы вы предписали глубокое молчаніе себѣ и другимъ, иначе вы откроете доступъ непріятностямъ, интригамъ и шуму безъ конца».

«По моей, извѣстной вамъ, материнской нѣжности къ внучкѣ, вы можете судить о моей заботливости объ ея счастіи. Я не могу не чувствовать, что тотчасъ же, какъ она будетъ соединена съ вами узами брака, ея счастье будетъ неотдѣлимо отъ вашего. Могла ли бы я согласиться на бракъ, если бы видѣла въ немъ малѣйшую опасность и неудобство для Вашего Величества, и если бы, наоборотъ, я не находила въ немъ все, что можетъ обезпечить ваше счастье и счастье моей внучки?»

«Къ столькимъ доказательствамъ, собраннымъ вмѣстѣ, и которыя должны повліять на рѣшеніе Вашего Величества, я прибавлю еще одно, заслуживающее наибольшаго вниманія Вашего Величества. Проектъ этого брака былъ задуманъ и взлелѣянъ блаженной памяти покойнымъ Королемъ, вашимъ отцомъ [1]). Я не буду приводить свидѣтелей относительно этого признаннаго факта ни изъ числа вашихъ подданныхъ, ни изъ моихъ, хотя ихъ очень много; но я назову только французскихъ принцевъ и дворянъ ихъ свиты, свидѣтельство которыхъ тѣмъ менѣе подозрительно, что они совершенно нейтральны въ этомъ дѣлѣ. Находясь въ Спа вмѣстѣ съ покойнымъ королемъ, они слышали, какъ онъ часто говорилъ объ этомъ проектѣ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе близкихъ его сердцу и исполненіе котораго самымъ лучшимъ образомъ могло закрѣпить доброе согласіе и дружескія отношенія между двумя домами и государствами».

«Итакъ, если этотъ проектъ является мыслею покойнаго короля вашего отца, какъ могъ этотъ просвѣщенный и полный нѣжности къ своему сыну государь задумать то, что повредило бы Вашему Величеству въ глазахъ его народа или уменьшило бы къ нему любовь его подданныхъ? Что этотъ проектъ былъ результатомъ долгаго и глубокаго размышленія, слишкомъ доказывается всѣми его поступками. Едва укрѣпивъ власть въ своихъ рукахъ, онъ внесъ въ сеймъ торжественный законъ о терпимости ко всякой религіи, чтобы навсегда разсѣять въ этомъ отношеніи весь мракъ, порожденный вѣками фанатизма и невѣжества, и который было бы неразумно и недостойно похвалы воскрешать въ настоящее время. На сеймѣ онъ еще болѣе открылъ свои намѣренія, обсуждая и рѣшая съ наиболѣе вѣрными изъ своихъ подданныхъ, что въ случаѣ брака его сына и наслѣдника, соображеніе о блескѣ дома, съ которымъ онъ можетъ породниться, должно брать верхъ надъ всѣмъ остальнымъ и что различіе религій не внесетъ никакого препятствія».

«Я приведу здѣсь одинъ случай, бывшій на томъ же сеймѣ, дошедшій до меня и который всѣ подтвердятъ Вашему Величеству: когда

[1]) Густавъ III, убитъ 16 марта 1792 г. въ Стокгольмѣ, куда онъ возвратился послѣ долгаго пребыванія въ Ахенѣ и окрестностяхъ. Онъ велъ переговоры съ французскими принцами и надѣялся стать во главѣ антиреволюціонной коалиціи.

разбирался вопросъ объ опредѣленіи налога на подданныхъ во время его брака, въ актѣ составленномъ по этому поводу стояло: *Во время брака наслѣднаго принца съ принцессой лютеранскаго вѣроисповѣданія*. Епископы, читая проектъ этого акта, по собственному побужденію зачеркнули слова: *съ принцессой лютеранскаго вѣроисповѣданія*».

«Соблаговолите, наконецъ, довѣриться опыту тридцатилѣтняго царствованія, въ теченіе котораго я большею частью достигала успѣха въ моихъ предпріятіяхъ. Именно этотъ опытъ въ соединеніи съ самой искренней дружбой осмѣливается дать вамъ правдивый и прямой совѣтъ, безъ всякой другой цѣли, кромѣ желанія видѣть васъ счастливымъ въ будущемъ».

«Вотъ мое послѣдне слово:

«Не подобаетъ русской княжнѣ мѣнять религію».

«Дочь Императора Петра I вышла замужъ за герцога Карла Фридриха Голштинскаго, сына старшей сестры Карла XII. Для этого она не мѣняла религію».

«Права его сына на наслѣдованіе престола королевства были тѣмъ не менѣе признаны сеймомъ который отправилъ къ нему торжественное посольство въ Россію, чтобы предложить ему корону. Но Императрица Елизавета уже объявила сына своей сестры русскимъ Великимъ Княземъ и своимъ предполагаемымъ наслѣдникомъ [1]). Условились тогда въ предварительныхъ статьяхъ договора въ Або [2]), что дѣдушка Вашего Высочества будетъ избранъ наслѣдникомъ шведскаго трона, что и было исполнено. Такимъ образомъ, двѣ русскихъ государыни возвели на тронъ линію, потомкомъ которой являетесь вы, Ваше Величество, и блестящія качества которой предвѣщаютъ царствованіе, которое никогда не будетъ слишкомъ благополучнымъ и слишкомъ прекраснымъ въ моихъ глазахъ».

«Пусть Ваше Величество позволитъ мнѣ откровенно прибавить, что ему необходимо встать выше препятствій и сомнѣній устраняемыхъ всякаго рода доводами и которые могутъ только повредить его личному счастью и счастью его королевства.

[1]) Петръ III, супругъ Екатерины II.

[2]) Подписанъ въ 1743 г. между Россіей и Швеціей.

«Я скажу больше; моя личная дружба къ вамъ, со дня вашего рожденія ничѣмъ не опровергнутая, позволитъ замѣтить Вашему Величеству, что время торопитъ и, если вы не рѣшитесь въ эти дни, столь дорогіе моему сердцу, когда вы находитесь здѣсь, дѣло можетъ совершенно не удасться, благодаря тысячамъ препятствій, которыя вновь представятся, какъ только вы уѣдете, и, если съ другой стороны, несмотря на прочныя и неопровержимыя основанія, которыя были приведены какъ мною, такъ и людьми, наиболѣе заслуживающими довѣрія, все-таки религія оказывается непреодолимымъ препятствіемъ для обязательствъ, которыя, какъ казалось недѣлю тому назадъ, Ваше Величество желали заключить, то вы можете быть увѣрены, что съ этого момента больше не будетъ подниматься вопроса о бракѣ, какъ бы онъ дорогъ ни былъ для моихъ нѣжныхъ чувствъ къ вамъ и къ моей внучкѣ».

«Я приглашаю Ваше Величество внимательно подумать надъ всѣмъ мною сказаннымъ, прося Бога, направляющаго сердца королей, просвѣтить васъ и внушить вамъ рѣшеніе, согласное съ благомъ вашего народа и вашимъ личнымъ счастьемъ».

№ 2. Проектъ. «Я торжественно обѣщаюсь предоставить Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, моей будущей супругѣ и королевѣ Швеціи, полную свободу совѣсти и отправленія религіи, въ которой она рождена и воспитывалась, и я прошу Ваше Императорское Величество смотрѣть на это обѣщаніе, какъ на актъ наиболѣе обязательный, какой я могъ дать».

№ 3. «Давъ уже свое честное слово Ея Императорскому Величеству, что Великая Княжна Александра никогда не будетъ стѣснена въ томъ, что касается религіи, и, такъ какъ мнѣ показалось, что Ея Величество осталась довольна, я увѣренъ, что Ея Величество нисколько не сомнѣвается, что я достаточно знаю священные законы, налагаемые на меня этимъ обязательствомъ, такъ, что всякая другая записка была бы совершенно излишней».

ПОДПИСАНО: *Густавъ-Адольфъ.*

Сего 11/22 сентября, 1796 г.

Графъ Марковъ говорилъ мнѣ, что Государыня была въ такой

степени огорчена поведеніемъ короля, что у нея послѣ второй записки появились всѣ признаки апоплексическаго удара.

На слѣдующій день былъ праздникъ. Былъ устроенъ парадный балъ въ бѣлой галлереѣ. Шведскій король появился печальный и смущенный. Государыня была очень сдержанна и говорила съ нимъ со всѣмъ возможнымъ благородствомъ и непринужденностью. Великій Князь Павелъ былъ взбѣшенъ и бросалъ уничтожающіе взгляды на короля, уѣхавшаго нѣсколько дней спустя.

Великій Князь Александръ далъ балъ. Всѣ пріѣхали въ траурѣ по португальской королевѣ. Государыня тоже присутствовала на празднествѣ; она была въ черномъ, что я въ первый разъ видѣла. Она носила всегда полутрауръ, кромѣ совершенно исключительныхъ случаевъ. Ея Величество сѣла рядомъ со мной; она показалась мнѣ блѣдной и опустившейся; мое сердце было наполнено чрезмѣрной тревогой.

— Не находите ли вы,—сказала она мнѣ,—что этотъ балъ похожъ не столько на праздникъ, какъ на нѣмецкія похороны? Черныя платья и бѣлыя перчатки производятъ на меня такое впечатлѣніе.

Въ бальномъ залѣ было два ряда оконъ, выходившихъ на набережную.

Мы сидѣли около; взошла луна. Государыня замѣтила это и сказала мнѣ:

— Луна очень красива сегодня и стоитъ на нее посмотрѣть въ телескопъ Гершеля. Я обѣщала шведскому королю показать ее, когда онъ вернется.

Ея Величество напомнила мнѣ по этому случаю отвѣтъ Кулибина [1]). Это былъ крестьянинъ съ бородой, самоучка, котораго приняли въ Академію за его выдающіяся способности и очень остроумныя машины, изобрѣтенныя имъ. Когда англійскій король прислалъ Государынѣ телескопъ Гершеля, она велѣла принести его изъ Академіи въ Царское Село Кулибину и одному нѣмцу-профессору. Его поставили въ салонѣ и стали смотрѣть на луну. Я стояла за кресломъ

[1]) Иванъ Петровичъ Кулибинъ (1735—1818), сынъ купца изъ Нижняго Новгорода, замѣчательный самоучка. См. его автобіографію въ *Русской Старинѣ* 1873, VIII, стр. 734 и сл. Матеріалы къ его біографіи помѣщены въ Чтеніяхъ Московскаго Историческаго Общества 1862, I, 178 и сл.

Ея Величества, когда она спросила профессора, открылъ ли онъ что-нибудь новое съ помощью этого телескопа.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія,—отвѣчалъ онъ,—что луна обитаема; тамъ видны долины, лѣса и постройки.

Государыня слушала его съ невозмутимой серьезностью и, когда онъ отошелъ, она подозвала Кулибина и тихо спросила:

— Ну а ты, Кулибинъ, видѣлъ что-нибудь?

— Я, Ваше Величество, не настолько ученъ, какъ господинъ профессоръ, и ничего подобнаго не видалъ.

Государыня съ удовольствіемъ вспоминала этотъ отвѣтъ.

Подали ужинъ. Ея Величество никогда не ужинала и, прогуливаясь по апартаментамъ, встала за нашими стульями. Я сидѣла рядомъ съ Толстой. Послѣдняя, кончивъ ѣсть, подала, не оборачиваясь, свою тарелку. Она была очень удивлена, увидѣвъ, что тарелка была взята самой прекрасной въ мірѣ рукой съ великолѣпнымъ солитеромъ. Она вскрикнула, узнавъ Государыню, сказавшую ей:

— Вы что же боитесь меня?

— Нѣтъ, я очень сконфужена, Ваше Величество, — отвѣчала графиня,—что предоставила вамъ взять тарелку.

— Я пришла посмотрѣть на васъ, *mesdames*,—сказала Государыня.

Потомъ она шутила съ нами насчетъ пудры, падавшей съ нашихъ шиньоновъ на плечи и разсказала намъ, что графъ Матушкинъ, очень смѣшная личность, пудрилъ себѣ спину по возвращеніи изъ Парижа, утверждая, что эта мода распространена среди самаго элегантнаго общества Франціи.

— Я васъ покидаю, мои красавицы,—сказала Государыня,—я очень устала.

Она ушла, положивъ мнѣ на плечо руку, которую я поцѣловала въ послѣдній разъ съ непреодолимымъ чувствомъ печали и тревоги. Я проводила ее глазами до двери и, когда я перестала ее видѣть, мое сердце такъ сильно забилось, какъ будто оно хотѣло вырваться изъ груди. Я вернулась домой и не могла спать. На другой день, рано утромъ, я отправилась къ матери и расплакалась, разсказывая все то, что я замѣтила относительно здоровья Государыни. Мать пыталась меня успокоить, но напрасно: я казалась присужденной къ пыткѣ и ожидала своего смертнаго приговора.

Царствованіе Павла I.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1796—1797.

I. Смерть Императрицы.—Ея послѣднія минуты. — Новыя лица при дворѣ— *Гатчинцы.* — II. Восшествіе на престолъ Павла I. — Характеръ новаго государя. — Превращенія. — Мрачная заря новаго царствованія.—Двойные похороны: Петра III и Екатерины II. — Страхъ. — *Трусы и трусихи.* — III. Графъ Головинъ назначенъ оберъ-гофмейстеромъ двора Великаго Князя Александра. — Новый дворъ.—Фаворитка м-ль Нелидова.—Новый этикетъ.—Испытанія Великой Княгини Елизаветы. — IV. Приближенные Императора.—Польскій Король. — Путешествіе въ Москву. — Петровскій дворецъ. — Дипломатическій бракъ.

I.

Бываютъ въ жизни предчувствія болѣе сильныя, чѣмъ разсудокъ. Все говоритъ намъ, что ихъ надо выбросить изъ головы, не думать объ нихъ, но мы все-таки тревожимся и оказываемся недостаточно сильными, чтобы побѣдить ихъ. Въ печаляхъ и скорбяхъ, посылаемыхъ намъ Богомъ въ видѣ испытанія, покорность является единственнымъ прибѣжищемъ. Стремленіе получить его занимаетъ душу и оправдываетъ ея скорбь. Но предчувствіе, тревога, — результатъ нашей слабости, раздражаемой внутреннимъ движеніемъ, чуждымъ намъ. Оно преслѣдуетъ насъ, какъ тѣнь, пугаетъ и постоянно стоитъ передъ глазами.

Прошло немного дней послѣ этого. Я завтракала въ десять ча-

совъ утра у матери, какъ вошелъ придворный лакей, служившій у моего дяди, и попросилъ у матери позволенія разбудить его. «Около часа тому назадъ съ Государыней сдѣлался ударъ», — сказалъ онъ намъ. Я ужасно закричала и побѣжала къ мужу, бывшему внизу въ своемъ помѣщеніи. Съ большимъ трудомъ я сошла по лѣстницѣ, все дрожало во мнѣ, и я едва могла идти.

Войдя къ мужу, мнѣ пришлось сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы произнести эти страшныя слова: *Государыня умираетъ!* Мужъ остолбенѣлъ. Онъ сейчасъ же спросилъ одѣваться и отправился во дворецъ. Я не могла ни плакать, ни говорить и еще меньше думать. Тарсуковъ, племянникъ первой камеръ-фрау Государыни, подошелъ ко мнѣ и сказалъ по-руски:

— Все кончилось: и она, и наше счастье!

Пріѣхали графъ и графиня Толстые; жена осталась со мной, а графъ вмѣстѣ съ мужемъ поѣхалъ во дворецъ. Мы провели до трехъ часовъ утра самое тяжелое время въ моей жизни. Черезъ каждые два часа мужъ посылалъ мнѣ небольшую записку. Одну минуту надежда оживила сердца, блеснувъ среди мрака; но это было не долго и сдѣлало еще болѣе тягостнымъ увѣренность въ несчастіи. Государыня пролежала безъ памяти тридцать шесть часовъ. Ея тѣло еще жило, но сознаніе умерло: въ мозгу прервалась жила. Жизнь окончательно покинула ее шестого ноября.

Я приведу здѣсь подробности объ ея послѣднихъ дняхъ и событіяхъ, происходившихъ во дворцѣ въ первыя минуты послѣ ея смерти. Я получила ихъ отъ той же особы, слова которой я цитировала раньше.

Горе, причиненное Государынѣ неудачей ея проэкта брака съ шведскимъ королемъ, подѣйствовало на нее очень замѣтно для всѣхъ окружавшихъ ее. Она перемѣнила свой образъ жизни, появлялась только въ воскресенье за церковной службой и обѣдомъ, и очень рѣдко приглашала лицъ изъ своего общества въ брилліантовую комнату или въ Эрмитажъ. Почти всѣ вечера проводила она въ спальнѣ, куда допускались лица, только пользовавшіяся ея особенной дружбой. Великій Князь Александръ и его супруга, обыкновенно каждый вечеръ бывавшіе у Императрицы, теперь видѣли ее только разъ или два въ недѣлю, кромѣ воскресеній. Они часто получали распоряженіе остаться

у себя дома или же она предлагала имъ поѣхать въ городской театръ послушать новую итальянскую оперу [1]).

Въ воскресенье, 2-го ноября, Государыня въ послѣдній разъ появилась въ публикѣ. Говорили, что она простилась съ своими подданными. Послѣ того, какъ печальное событіе совершилось, всѣ были поражены тѣмъ впечатлѣніемъ, какое она произвела въ тотъ день. Хотя обыкновенно по воскресеньямъ публика собиралась въ залѣ кавалергардовъ, а дворъ въ дежурной комнатѣ, Государыня рѣдко проходила черезъ ту залу. Чаще всего она направлялась изъ дежурной комнаты черезъ столовую прямо въ церковь, а туда посылала Великаго Князя Павла или, когда послѣдняго не было, Великаго Князя Александра, обѣдню же стояла на антресоляхъ во внутреннемъ помѣщеніи, откуда выходило окно въ алтарь.

Второго ноября Государыня отправилась къ обѣднѣ черезъ залъ кавалергардовъ. Она была въ траурѣ по португальской королевѣ и выглядѣла такъ хорошо, какъ ее уже давно не видали. Послѣ обѣдни она долго оставалась въ кругу приглашенныхъ лицъ; мадамъ Лебренъ только-что окончила портретъ во весь ростъ Великой Княгини Елизаветы и представила его Государынѣ. Ея Величество приказала повѣсить его въ тронномъ залѣ, часто останавливалась передъ нимъ, осматривала и разбирала его съ лицами, приглашенными къ обѣду, которыхъ, какъ всегда по воскресеньямъ, было много. Великіе Князья Александръ и Константинъ обѣдали у нея въ этотъ день съ своими супругами.

Это былъ не только послѣдній обѣдъ, но и послѣдній разъ, когда она ихъ видѣла. Они получили приказаніе не пріѣзжать къ ней вечеромъ. Въ понедѣльникъ, третьяго ноября, и во вторникъ, четвертаго, Великій Князь Александръ и Великая Княгиня Елизавета были въ Оперѣ. Въ среду, пятаго, въ одиннадцать часовъ утра, въ то время какъ Великій Князь Александръ былъ на прогулкѣ съ однимъ изъ князей Чарторижскихъ, Великой Княгинѣ Елизаветѣ доложили, что графъ Салтыковъ спрашиваетъ Великаго Князя и проситъ

[1]) Тогда только что пріѣхала превосходная пѣвица Марджіолетти и для нея поставили серьезную оперу *Дидонъ*, въ нѣсколько недѣль выдержавшую большое количество представленій. (*Примѣчаніе автора*).

ее сказать, не знаетъ ли она, когда онъ вернется. Она не знала. Немного спустя возвратился Великій Князь Александръ, очень взволнованный сообщеніемъ Салтыкова, который послалъ его разыскивать по всему Петербургу. Онъ уже зналъ, что съ Государыней сдѣлалось нехорошо и что послали графа Николая Зубова [1]) въ Гатчину.

Онъ остолбенѣлъ такъ же, какъ и Великая Княгиня, отъ сообщенной имъ новости. Весь день провели они въ крайней тревогѣ. Въ пять часовъ вечера Великій Князь Александръ, до того времени съ трудомъ сдерживавшійся, чтобы не послѣдовать первому движенію души, получилъ разрѣшеніе отъ графа Салтыкова отправиться въ апартаменты Государыни. Это ему не разрѣшили сначала безъ всякаго достаточнаго основанія, но по мотивамъ, легко понятнымъ для того, кто зналъ характеръ графа Салтыкова. Еще при жизни Императрицы распространился слухъ, что она лишитъ своего сына престолонаслѣдія и назначитъ наслѣдникомъ Великаго Князя Александра. Я увѣрена въ томъ, что никогда у Государыни не было этой мысли [2]); но для графа Салтыкова было достаточно однихъ толковъ, чтобы запретить Великому Князю Александру отправиться въ комнаты бабушки раньше пріѣзда его отца. Такъ какъ Великій Князь, отецъ, не могъ замедлить, то Великій Князь Александръ и Великая Княгиня Елизавета отправились къ Государынѣ между пятью и шестью часами вечера. Во внѣшнихъ апартаментахъ не было никого кромѣ дежурныхъ съ мрачными лицами.

Уборная комната, находившаяся передъ спальней, была наполнена лицами представлявшими зрѣлище сильнаго отчаянія. Наконецъ, они увидали Государыню, лежавшую на полу на матрасѣ за ширмами. Она находилась въ спальнѣ, тускло освѣщенной; у ногъ ея были фрейлина м-ль Протасова и камеръ-фрау м-ль Алексѣева, рыданья которыхъ смѣшивались со страшнымъ хрипомъ Государыни. Это были единственные звуки, нарушавшіе глубокую тишину.

[1]) Братъ фаворита. Когда Павелъ увидѣлъ его, онъ подумалъ, что Зубовъ пріѣхалъ арестовать его за его сношенія съ Пруссіей и вообще за противорѣчіе намѣреніямъ матери.

Русская Старина, 1882 г., XXXVI, 468.

[2]) Теперь доказано совершенно противоположное. См. Шумигорскій, *Императрица Марія Ѳедоровна*. 1892 г., стр. 432 и сл. и Шильдеръ, *Павелъ I*. 1904, стр. 215 и сл.

Великій Князь Александръ и его супруга не долго оставались тамъ. Они были глубоко взволнованы. Они прошли черезъ апартаменты Государыни и доброе сердце Великаго Князя направило его къ князю Зубову, жившему рядомъ. Тотъ же коридоръ велъ къ Великому Князю Константину, и Великая Княгиня Елизавета прошла къ своей невѣсткѣ. Имъ нельзя было долго оставаться вмѣстѣ, надо было приготовиться къ пріему Великаго Князя отца. Онъ пріѣхалъ къ семи часамъ вечера и, не проходя къ себѣ, остался такъ же, какъ и Великая Княгиня, въ апартаментахъ Государыни. Онъ видѣлся только съ сыновьями, а его невѣстки получили распоряженіе оставаться у себя.

Апартаменты Государыни тотчасъ наполнились преданными слугами Великаго Князя отца, большею частью извлеченными изъ неизвѣстности, которымъ ни ихъ происхожденіе, ни способности не давали права надѣяться на должности и милости, готовыя свалиться на нихъ. Въ передней толпа увеличивалась съ минуты на минуту. *Гатчинцы*, (такъ называли этихъ людей), суетились, толкали придворныхъ, съ удивленіемъ спрашивавшихъ себя, откуда взялись эти Остготы, повидимому одни пользовавшіеся правомъ входить во внутренніе апартаменты, тогда какъ раньше ихъ не видали и въ переднихъ.

Великій Князь Павелъ расположился въ кабинетѣ за спальней своей матери такъ, что всѣ, кому онъ давалъ распоряженія, проходили мимо Государыни, еще не умершей, какъ будто ея уже не существовало. Эта профанація Величества, это кощунство, недопустимое по отношенію и къ послѣднему изъ людей, шокировало всѣхъ и представляло въ неблагопріятномъ свѣтѣ разрѣшавшаго это Великаго Князя Павла. Такъ прошла ночь. Былъ моментъ, когда блеснула надежда; казалось, что подѣйствовали лѣкарства, но эта надежда скоро была разрушена.

Великая Княгиня провела всю ночь не раздѣваясь, съ минуты на минуту дожидаясь, что за ней пришлютъ. Графиня Шувалова приходила и уходила опять; каждую минуту получались извѣстія о состояніи здоровья Государыни. Великій Князь Александръ съ того момента, какъ пріѣхалъ его отецъ, больше не возвращался къ своей супругѣ. Онъ вошелъ къ ней вмѣстѣ со своимъ отцомъ около трехъ

часовъ утра. Они были въ формѣ батальоновъ Великаго Князя отца, которые во время царствованія Павла послужили моделью для переорганизаціи всей арміи [1]).

Иногда обстоятельства, незначительныя сами по себѣ, производятъ большее впечатлѣніе, чѣмъ другія болѣе важныя. Видъ этого мундира внѣ Павловска и Гатчины, тогда какъ раньше Великій Князь Александръ надѣвалъ его только потихоньку отъ Государыни, не любившей, чтобы ея внуки брали уроки прусской солдатчины, итакъ видъ этихъ мундировъ, надъ которыми Великая Княгиня часто смѣялась, въ тотъ моментъ разрушилъ всякую иллюзію. Ея душа пришла въ уныніе и она залилась слезами. Это были первыя ея слезы. Ей казалось, что послѣ жизни пріятной, спокойной и увѣренной, она попала въ смирительный домъ.

Посѣщеніе Великихъ Князей продолжалось не долго. Подъ утро былъ полученъ приказъ надѣть русскія платья. Это означало, что Государыня кончалась. Однако, весь день прошелъ въ ожиданіи. Агонія была долгой и мучительной, безъ одной минуты сознанія. Шестого, въ одиннадцать часовъ вечера, прислали за Великой Княгиней Елизаветой и ея золовкой, находившейся у нея. Императрицы Екатерины болѣе не существовало. Великія Княгини прошли черезъ толпу, почти не видя, кто ихъ окружаетъ. Великій Князь Александръ подошелъ къ нимъ и сказалъ, чтобы онѣ встали на колѣни, цѣлуя руку у новаго Императора. Онѣ нашли его такъ же, какъ и Императрицу Марію, у входа въ спальню. Поздоровавшись съ нимъ, онѣ должны были пройти черезъ спальню мимо останковъ Государыни, не останавливаясь, въ прилегавшій къ этой комнатѣ кабинетъ, гдѣ были Великія Княжны всѣ въ слезахъ. Въ это время Императрица Марія, съ большой энергіей и ловкостью, распоряжалась одѣваніемъ покойной Государыни и устройствомъ ея комнаты.

Покойная Государыня была положена на постель въ утреннемъ платьѣ. Императорскій Домъ присутствовалъ на панихидѣ, отслуженной въ томъ же помѣщеніи, и послѣ цѣлованія руки покойной отправились въ церковь, гдѣ была принесена присяга Императору. Эти печальныя церемоніи продолжались до двухъ часовъ ночи.

[1]) Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, Павелъ учредилъ въ Гатчинѣ небольшую армію, подражая Фридриху Великому, взявъ мундиры, уставъ и весь характеръ прусской военщины.

II.

Рѣдко когда перемѣна царствованія не производитъ большій или меньшій переворотъ въ положеніи приближенныхъ; но то, что должно было произойти при восшествіи на престолъ Императора Павла, внушало всѣмъ ужасъ въ виду характера этого Государя. Обладая всѣмъ, чтобы быть великимъ монархомъ и самымъ любезнымъ человѣкомъ въ своемъ государствѣ, онъ достигъ только того, что внушалъ страхъ и отвращеніе. Въ своей молодости путешествія, различныя удовольствія и склонности, которыя онъ удовлетворялъ, отвлекали его отъ непріятной роли, которую ему приходилось играть, благодаря его ничтожеству въ политикѣ. Но съ возрастомъ это сильно давало себя чувствовать. У него была гордая душа и дѣятельный умъ и, въ концѣ концовъ, его характеръ ожесточился, онъ сталъ подозрительнымъ, нелюдимымъ и мелочно придирчивымъ,

Онъ почти всецѣло уединился, проводя только три мѣсяца зимой при дворѣ своей матери, а остальное время въ Павловскѣ или въ Гатчинѣ, въ своихъ загородныхъ дворцахъ. Изъ матросовъ, находившихся подъ его начальствомъ, онъ сформировалъ два батальона пѣхоты, по прусскому образцу. Онъ ввелъ вездѣ у себя строжайшую дисциплину не только въ войскахъ, но и при дворѣ. Опозданіе на одну минуту часто наказывалось арестомъ; болѣе или менѣе заботливо сдѣланная прическа у мужчинъ вызывала его насмѣшки или заставляла его прогонять ихъ. Для представленія Павлу приходилось надѣвать костюмы своихъ предковъ. Всѣ, къ кому хорошо относилась Государыня, не пользовались расположеніемъ Великаго Князя. Все это приводило къ тому, что его старались избѣгать, насколько позволялъ его рангъ. Еще когда онъ былъ Великимъ Княземъ, боялись его выходокъ и придирокъ; когда же онъ сталъ Императоромъ, всѣ у кого не было особенныхъ причинъ разсчитывать на его милость, были го-

товы ко всему, потому, что хотя онъ и не оскорблялъ никого, но часто противъ какого-либо опредѣленнаго лица въ его душѣ возникало предубѣжденіе и онъ при случаѣ проявлялъ это, что нельзя было объяснить ничѣмъ другимъ, кромѣ каприза.

Несмотря на чувство непріязни, часто несправедливое, бывшее у него по отношенію къ матери, онъ проявилъ глубокую чувствительность, когда увидалъ ее лежащей безъ движенія. Но его дурной характеръ быстро взялъ верхъ. Первыя должности при дворѣ были замѣщены другими лицами. Мановеніемъ жезла онъ разрушилъ все, что обезпечивало въ продолженіе тридцати четырехъ лѣтъ одно изъ наиболѣе славныхъ царствованій. Маршалъ двора, князь Барятинскій, былъ изгнанъ, какъ одинъ изъ содѣйствовавшихъ смерти Петра III. Графъ Алексѣй Орловъ дрожалъ, какъ преступникъ. Онъ просто былъ отосланъ черезъ нѣкоторое время [1]).

Среди различнаго рода перемѣнъ, высылокъ и повѣшеній, бывшихъ въ это время, случались довольно забавныя исторіи. Турчаниновъ былъ секретаремъ Императрицы Екатерины, и ему также былъ порученъ надзоръ за ея частными занятіями [2]). Это былъ маленькій человѣчекъ, такой гибкій, что онъ казался отъ этого еще меньше. Когда Императрица Екатерина отдавала ему приказанія, прогуливаясь въ саду Царскаго Села, онъ такъ сгибался изъ уваженія, что Ея Величество, не будучи высокаго роста, принуждена была нагибаться, чтобы разговаривать съ нимъ. Про него ходилъ слухъ, что онъ набивалъ свои карманы. Я не знаю, насколько это было правдой, только Императоръ Павелъ проявилъ сильную ненависть къ нему, чего никто не могъ предвидѣть, потому что слишкомъ мало было между ними случаевъ соприкосновенія. Онъ приказалъ ему уѣхать изъ Петербурга и никогда больше не показываться на глаза. Турчаниновъ такъ хорошо исполнилъ приказаніе, что никто не видалъ, какъ и когда онъ уѣхалъ. Его не видали ни у одной заставы. Никто не зналъ, куда онъ

[1]) Съ 1774 г. Орловъ-Чесменскій не занималъ болѣе никакихъ должностей, добровольно оставивъ ихъ, но онъ сохранилъ 100000 рублей годового дохода и жилъ въ Москвѣ, окруженный почестями.

[2]) Петръ Ивановичъ Турчаниновъ, замѣстившій въ этой должности И. И. Бецкаго.

направился, и съ этого момента о немъ больше не слыхали въ Петербургѣ.

Вступая на престолъ, Императоръ Павелъ совершилъ много справедливыхъ и милостивыхъ поступковъ. Казалось, что онъ не желалъ ничего другого, кромѣ счастья своего государства; онъ объщалъ, что рекрутскій наборъ будетъ отложенъ на нѣсколько лѣтъ, и старался уничтожить злоупотребленія, допущенныя въ послѣдніе годы царствованія Государыни. Онъ проявилъ благородныя и великодушныя чувства, но онъ разрушилъ все это, пытаясь повредить славной памяти Императрицы, своей матери. Онъ назначилъ заупокойную службу въ Александро-Невскомъ монастырѣ, близъ могилы своего отца, присутствовалъ на ней со всей семьей и дворомъ. Потомъ открыли гробъ; тамъ оказался только прахъ отъ костей, который онъ приказалъ цѣловать. Онъ распорядился приготовить великолѣпныя похороны, со всѣми церковными и военными церемоніями, перенесъ гробъ во дворецъ, слѣдовалъ за шествіемъ пѣшкомъ и приказалъ участвовать въ церемоніи Алексѣю Орлову. Это произошло черезъ три недѣли послѣ смерти Государыни.

За двѣ недѣли до этого возмутительнаго поступка я была назначена дежурной къ тѣлу Ея Величества. Собирались перенести его въ тронный залъ. Я вошла въ дежурную комнату, находившуюся рядомъ. Мнѣ невозможно передать различныя чувства, волновавшія меня, и скорбь, наполнявшую мою душу. Я искала глазами лицъ, выраженіе которыхъ могло бы успокоить мое сердце. Имератрица Марія ходила взадъ и впередъ, распоряжаясь церемоніей. Ея довольный видъ мучалъ меня. Въ смерти есть что-то торжественное; это поражающая истина, которая должна угасить всѣ страсти. Ея неумолимая коса подрѣзаетъ наше существованіе; если это не случилось вчера, это можетъ случиться сегодня или завтра, и иногда это завтра оказывается такимъ недалекимъ и неожиданнымъ!

Я вошла въ тронный залъ и сѣла у стѣны, вбокъ отъ трона. Черезъ три шага отъ меня былъ каминъ, къ которому прислонился камеръ-лакей Екатерины II. Его отчаяніе и печаль вызвали слезы у меня; и мнѣ стало отъ этого легче.

Рядомъ съ троннымъ заломъ находилась зала кавалергардовъ. По-

толокъ, полъ и стѣны были обтянуты чернымъ; единственнымъ освѣщеніемъ этой траурной комнаты былъ яркій огонь камина. Кавалергарды въ своихъ красныхъ курткахъ и серебряныхъ каскахъ расположились группами, одни опираясь на карабины, другіе, лежа на стульяхъ. Мрачное молчаніе царило въ этомъ залѣ, прерываемое только вздохами и рыданіями. Я постояла нѣсколько времени у двери, это зрѣлище было въ согласіи съ моей душой. Противорѣчіе ужасно во время скорби, оно раздражаетъ ее и сдавливаетъ. Горечь ея утоляется, только встрѣчая подобіе мученіямъ, испытываемымъ ею. Я вернулась на свое кресло. Черезъ минуту обѣ половины двери раскрылись. Появились придворные въ самомъ глубокомъ траурѣ и прошли черезъ залъ въ спальню, гдѣ лежало тѣло Государыни. Я была извлечена изъ унынія, въ которое повергло меня зрѣлище смерти, приближавшимся похоронным пѣніемъ. Въ дверяхъ показалось духовенство, священники, пѣвчіе и Императорская семья, а за нею несли тѣло на великолѣпныхъ носилкахъ, покрытыхъ Императорской мантіей, концы которой неслись первыми чинами двора. Едва я увидала мою Государыню, какъ все содрогнулось во мнѣ, слезы высохли и рыданія перешли въ невольные крики. Члены Императорской семьи помѣстились передо мной и, несмотря на торжественность момента, Аракчеевъ [1]), личность, извлеченная Государемъ изъ ничтожества и ставшая фактотумомъ его чрезмѣрныхъ строгостей, сильно толкнулъ меня, говоря мнѣ замолчать. Моя скорбь была такъ велика, что всякое постороннее чувство не могло коснуться меня, и этотъ неприличный поступокъ не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія. Богъ по своей милости даровалъ мнѣ

[1]) Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ родился въ 1769 г. въ захудалой дворянской семьѣ. Графъ Николай Салтыковъ ввелъ его ко двору Великаго Князя въ Гатчинѣ. Въ 1792 г. Павелъ поручилъ ему сформировать артилерійскую роту для своей маленькой арміи и сдѣлалъ его своимъ фаворитомъ. Послѣ восшествія Павла на престолъ Аракчеевъ былъ военнымъ губернаторомъ Петербурга и осыпанъ милостями. Въ 1799 году Паленъ навлекъ на него немилость и воспользовался его удаленіемъ, чтобы довершить заговоръ противъ Императора. Александръ I въ 1808 году назначилъ его военнымъ министромъ. Это былъ человѣкъ, не лишенный нѣкоторой способности къ организаціи, сравнительно честный, но безъ всякихъ военныхъ талантовъ, чрезвычайно жестокій и грубый.

пріятную минуту: я встрѣтилась глазами съ Великой Княгиней Елизаветой и прочла въ нихъ утѣшеніе моей душѣ. Она тихо приблизилась ко мнѣ и дала мнѣ сзади свою руку, пожавъ мою.

Началась служба; она подняла мое мужество, смягчая сердце. Когда церемонія кончилась, вся Императорская фамилія, одинъ за другимъ, преклонялись передъ тѣломъ и цѣловали руку покойной. Потомъ всѣ разошлись. Остался одинъ священникъ противъ трона, чтобы читать Евангеліе. Шесть кавалергардовъ были поставлены вокругъ гроба. Послѣ двадцати-четырехъ часовъ дежурства я вернулась домой, измученная тѣломъ и душой.

Понадобилось немного дней, чтобы всѣ почувствовали, какъ велика была потеря. Справедливая свобода каждаго была порабощена особымъ терроризмомъ. Нельзя было дышать свободно отъ многочисленныхъ правилъ этикета и ложныхъ знаковъ почтенія. Каждый разъ, встрѣчаясь съ Государемъ на улицѣ, (а это случалось постоянно), приходилось не только останавливаться, но и выходить изъ экипажа, какая бы погода ни была. Однимъ словомъ, все до шляпъ включительно носило печать стѣсненія. У четырехъ гвардейскихъ полковъ, съ самого основанія ихъ Петромъ Великимъ, полковникомъ былъ всегда Государь, въ двухъ изъ нихъ, пѣхотныхъ, полковниками были назначены Великіе Князья Александръ и Константинъ. Конная гвардія была предоставлена Великому Князю Николаю еще съ колыбели. Императоръ оставилъ себѣ только Преображенскій полкъ. Съ этого момента Великіе Князья все время были заняты военной службой. Надо было реформировать полки по образцу Гатчинскихъ батальоновъ, вошедшихъ въ составъ гвардіи, и работа была немаленькая.

Молодые люди первыхъ родовъ начинали обыкновенно свою карьеру въ гвардіи, потому что служба тамъ не была дѣйствительной; они почти не носили мундира и повышались изъ чина въ чинъ, предаваясь удовольствіямъ въ Петербургѣ. Съ того момента служба стала дѣйствительной и очень строгой: надо было хорошо носить эспонтонъ, быть застегнутымъ на всѣ пуговицы, хорошо завитымъ, иначе угрожала ссылка и заключеніе въ крѣпости. Можно себѣ представить, сколько нужно было труда, чтобы передѣлать каждаго субъэкта въ полку на новый образецъ.

Съ этой утомительной обязанностью Великій Князь Александръ

соединялъ должность военнаго губернатора Петербурга, такъ что въ первое время, послѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ, у него едва оставалось для отдыха нѣсколько часовъ ночью, потому что днемъ приходилось отдавать много времени на представленія.

Государь послалъ Суворову приказъ ввести во всей арміи новый костюмъ. Онъ повиновался, всетаки замѣтивъ, что *букли не пушка, и коса не штыкъ*. Несмотря на это смѣшеніе строгости, мелочности и требовательности, у Императора Павла были великодушныя и рыцарскія идеи. Его голова была лабиринтомъ, гдѣ заблудился разумъ. Его душа была добродѣтельна и прекрасна и, если бы она была болѣе сильной, его поступки стали бы предметомъ уваженія и восхищенія. Надо ему отдать справедливость, что онъ былъ единственнымъ Государемъ, который искренно пожелалъ установить законность въ наслѣдованіи трона, и онъ также былъ единственнымъ, полагавшимъ, что безъ законности не можетъ быть установленъ порядокъ.

Недѣлю спустя послѣ того, какъ я была дежурной въ тронномъ залѣ, я была назначена на дежурство въ большомъ залѣ, гдѣ обыкновенно давались балы. [1]) *Castrum doloris* былъ помѣщенъ посрединѣ; онъ былъ сдѣланъ въ формѣ ротонды съ куполомъ на верху. Государыня была положена въ открытый гробъ и на головѣ у ней была золотая корона. Императорская мантія закрывала ее почти до шеи. Вокругъ было шесть подсвѣчниковъ и напротивъ священникъ читалъ Евангеліе. За колоннами на ступеняхъ печально стояли кавалергарды, опираясь на свои карабины. Все было величественно, красиво и религіозно, но гробъ съ прахомъ Петра III, стоявшій рядомъ, приводилъ душу въ возмущеніе. Это было оскорбленіе, котораго и могила не можетъ стереть; это кощунство сына надъ матерью терзало душу.

Къ счастью для меня, я дежурила вмѣстѣ съ Толстой; наши сердца гармонировали и мы пили чувство горечи изъ одного кубка. Другія дежурныя дамы мѣнялись черезъ два часа; мы попросили разрѣшенія не покидать гроба Государыни, что намъ было предоставлено безъ труда. Ночь еще болѣе усилила это зрѣлище, и казалось, что истина является во всемъ своемъ блескѣ. Крышка гроба Государыни лежала на столѣ у стѣны, параллельно *castrum doloris*. Толстая такъ же,

[1]) Въ настоящее время Николаевскій залъ.

какъ и я, была въ глубокомъ траурѣ; наши креповыя вуали спускались до полу. Мы стояли, прислонясь къ крышкѣ этого послѣдняго жилища, къ которой я невольно прижималась. Я чувствовала желаніе умереть, какъ потребность въ любви. Божественныя слова Евангелія проникали мнѣ въ душу. Все казалось мнѣ ничтожнымъ вокругъ меня. Богъ былъ въ моей душѣ и смерть передъ глазами.

Я долгое время была какъ бы безъ чувствъ, закрывъ лицо руками. Поднявъ голову, я увидѣла Толстую, освѣщенную луннымъ свѣтомъ, падавшимъ черезъ окно наверху. Этотъ мягкій спокойный свѣтъ давалъ великолѣпный контрастъ съ освѣщеніемъ, сосредоточеннымъ въ серединѣ этой какъ бы часовни. Вся остальная часть этого обширнаго зала была погружена во мракъ.

Въ восемь или девять часовъ вечера члены Императорской фамиліи медленно вошли, чтобы поклониться тѣлу, и ушли въ томъ же порядкѣ въ глубочайшемъ молчаніи. Черезъ часъ или два пришли камеръ-фрау покойной Императрицы. Онѣ съ жадностью цѣловали ея руку и лишь съ трудомъ могли оторваться. Крики, рыданія, обмороки прерывали по временамъ торжественную тишину. Государыню обожали всѣ, кто былъ около нея; молитвы за ея душу и чувствительная благодарность возносились къ небесамъ. Я была огорчена, когда наступилъ день, и съ печалью видѣла, что мое дежурство окончено. Съ трудомъ разстаются съ останками тѣхъ, кто намъ дорогъ.

Тѣло Государыни и гробъ Петра III послѣ заупокойной службы были перенесены въ крѣпость и положены въ склепъ, гдѣ покоились ихъ предшественники.

Когда похоронныя церемоніи окончились, былъ полученъ приказъ явиться ко двору для представленія. Собрались въ траурномъ залѣ кавалергардовъ. *Трусы и трусихи* рѣшили, что надо цѣловать руку Императора, падая ницъ, что мнѣ показалось очень страннымъ. Императоръ и Императрица появились и курбеты начались такъ быстро, что Императоръ не успѣвалъ поднять этихъ картонныхъ паяцевъ. Я была возмущена этимъ. Когда дошла очередь до меня, я поклонилась, какъ всегда, и собиралась взять руку Императора, который быстро отдернулъ ее. Отъ этого быстраго движенія онъ такъ звучно поцѣловалъ меня въ щеку, что разсмѣялся. Онъ сильно укололъ меня своимъ подбородкомъ, который онъ вѣроятно не брилъ въ тотъ день. Я

была слишкомъ огорчена тогда, чтобы почувствовать смѣшную сторону этой сцены. Старыя дамы бранили меня, что я не послѣдовала ихъ примѣру. Я отвѣчала имъ, что никогда не можетъ быть уваженія большаго, чѣмъ мое къ Императрицѣ Екатеринѣ, но что я никогда не валялась на землѣ передъ ней, и что я не могла и не должна была дѣлать этого передъ ея сыномъ. Я не знаю, быть можетъ, онѣ почувствовали справедливость моего убѣжденія, но только преклоненія прекратились.

III.

Нѣсколько времени спустя послѣ восшествія на престолъ Павла I, мой мужъ просилъ позволенія у Императора отправиться въ путешествіе, но Государь самымъ ласковымъ образомъ отказалъ и велѣлъ передать ему, что онъ хочетъ сохранить около своего сына людей такихъ же честныхъ, какъ и онъ самъ. Государь назначилъ мужа оберъ-гофмейстеромъ двора Великаго Князя Александра, а графа Толстого—маршаломъ .Я отправилась поблагодарить Императора на *Куртагъ*. Тамъ присутствовали дворъ и весь городъ. Пріемъ долженъ былъ происходить въ Георгіевскомъ залѣ. По прибытіи Ихъ Величества прошли въ залъ, гдѣ находились всѣ лица, желавшія ихъ поблагодарить. Старая графиня Матушкина [1]) должна была представлять дамъ и называть ихъ фамиліи. Вмѣсто того, чтобы сказать мою, она назвала меня г-жей Косицкой. Я остановилась и сказала ей:

— Вы ошибаетесь графиня; я графиня Головина.

Это объясненіе произошло прямо передъ Императоромъ и нарушило его строгій видъ. Когда я потомъ была на *Куртагѣ*, Императрица подошла ко мнѣ и сказала:

— Хотя васъ и невѣрно назвали, я васъ тотчасъ же узнала.

[1]) Анна Богдановна урожденная Гагарина, дочь князя Богдана Матвѣевича Гагарина, замужемъ за графомъ Дмитріемъ Михайловичемъ Матушкинымъ, родилась въ 1722, умерла въ 1804.

— Я буду счастливой всегда,—отвѣчала я,—когда Ваше Величество соблаговолитъ узнать меня.

Она повернулась ко мнѣ спиной и отошла. Г-жа Гурьева, [1]) бывшая близъ меня, сказала мнѣ:

— Боже мой, дорогая моя, какъ вы осмѣливаетесь такъ отвѣчать?

— Потому что я не такъ боюсь, какъ вы.

На этомъ же *Куртагѣ* я слышала замѣчательный отвѣтъ Государя. Княгиня Долгорукая [2]) просила Государя помиловать ея отца, князя Барятинскаго, но получила отказъ. Она заинтересовала м-ль Нелидову [3]), обѣщавшую ей свое содѣйствіе. Я находилась среди нихъ, когда княгиня возобновила свои просьбы передъ Нелидовой о ходатайствѣ за ея отца. Государь подошелъ къ Нелидовой, которая стала ему говорить о княгинѣ Долгорукой, какъ о дочери, страдающей отъ несчастья, постигшаго ея отца. Императоръ отвѣтилъ:

— У меня тоже былъ отецъ, сударыня!

Я не видѣлась больше съ Великой Княгиней Елизаветой. Моя чувствительная привязанность къ ней оставалась той же, но Великій Князь Александръ воспользовался враждебнымъ отношеніемъ ко мнѣ Императрицы, чтобы лишить меня всякой возможности видѣться съ ней и поддерживать отношенія. И даже при извѣстномъ расположеніи это было бы дѣломъ труднымъ. Кромѣ увеличившихся занятій, которыми былъ заваленъ Великій Князь, всѣ привычки его и Великой Княгини въ теченіе этой первой зимы были нарушены и измѣнены. Не было установленнаго порядка; проводили день наготовѣ и въ ожиданіи. Утромъ Великій Князь находился въ передней Государя и часто передъ этимъ онъ проводилъ уже цѣлый часъ въ казармахъ своего полка. Въ парадахъ и ученьи проходило все утро. Онъ обѣдалъ съ

[1]) Прасковья Николаевна, урожденная Салтыкова, замужемъ была за Дмитріемъ Александровичемъ Гурьевымъ впослѣдствіи графомъ и министромъ финансовъ при Императорѣ Александрѣ I.

[2]) Екатерина Федоровна (1769—1849), дочь князя Федора Сергѣевича Барятинскаго, принимавшаго участіе въ убійствѣ Петра III, и жена князя Василія Васильевича Долгорукова.

[3]) Екатерина Ивановна, родилась въ 1758 умерла въ 1839 г., фаворитка Павла I.

Великой Княгиней вдвоемъ или были еще одинъ или два человѣка. Послѣ обѣда или опять поѣздки по казармамъ, или осмотръ постовъ, или исполненіе порученій Государя. Въ семь часовъ надо было отправляться въ гостинную Его Величества и дожидаться тамъ его, хотя часто Государь приходилъ только къ ужину, который бывалъ въ девять. Послѣ ужина Великій Князь докладывалъ Императору военный рапортъ. Дожидаясь его, Великая Княгиня Елизавета присутствовала при ночномъ туалетѣ Императрицы, удерживавшей ее при себѣ, пока Великій Князь приходилъ послѣ доклада пожелать своей матери спокойной ночи и уводилъ Великую Княгиню домой. Уставъ за день, онъ былъ въ восхищеніи отъ возможности лечь спать, и часто Великая Княгиня оставалась одна, печально сравнивая пріятную свободу, непринужденность и удовольствія прошлаго царствованія съ напряженностью и стѣсненіемъ настоящаго.

Общество Государя, кромѣ членовъ Императорской фамиліи, состояло изъ нѣсколькихъ членовъ двора и лицъ, которыя были преданы ему, когда онъ былъ еще Великимъ Княземъ; къ послѣднимъ принадлежали: Плещеевъ [1]), Кушелевъ [2]) и Донауровъ [3]). Императоръ также вызвалъ изъ Москвы нѣкоего Измайлова [4]), который остался однимъ изъ лицъ, преданныхъ Петру III. Онъ сдѣлалъ его флигель-адъютантомъ и выдѣлялъ особеннымъ вниманіемъ. Изъ дамъ были: м-ль Протасова, сохранившая свое придворное званіе; м-ль Нелидова; г-жа Бенкендорфъ, призванная въ Петербургъ послѣ примиренія между

[1]) Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ былъ извѣстенъ какъ путешественникъ и историкъ; личный другъ Императора Павла и Императрицы Маріи Ѳеодоровны, родился въ 1751 г., умеръ въ 1802 г.

[2]) Григорій Григорьевичъ Кушелевъ, впослѣдствіи графъ, адмиралъ и вице-президентъ адмиралтейской коллегіи, родился въ 1754 г. умеръ въ 1833 г.

[3]) Михаилъ Ивановичъ Донауровъ, секретарь, библіотекарь и начальникъ кабинета Павла I, впослѣдствіи былъ назначенъ сенаторомъ, родился въ 1754 умеръ въ 1817.

[4]) Петръ Ивановичъ Измайловъ (1724—1807), капитанъ Преображенскаго полка; въ 1762 г. онъ всталъ на сторону Петра III противъ Екатерины и получилъ отставку съ чиномъ полковника. Павелъ I осыпалъ его милостями и когда Измайловъ напомнилъ ему свой возрастъ (72 года), не позволявшій ему служить, Государь возразилъ: „Вы служили тому, кто мнѣ дороже всего“. (*Архивъ Воронцова XXIV*, 25).

Императрицей и Нелидовой; оберъ-гофмейстерины Великихъ Княгинь и дежурныя фрейлины. Въ постоянное общество Императора были допущены два иностранца: графъ Дитрихштейнъ, посланный вѣнскимъ дворомъ принести поздравленія Его Величеству по поводу восшествія на престолъ, и Клингспоръ, пріѣхавшій съ той же цѣлью отъ шведскаго двора [1]).

Ужины часто прерывались заявленіями о пожарѣ. Въ началѣ своего царствованія Императоръ Павелъ не пропускалъ ни одного пожара въ городѣ, въ какомъ бы часу дня или ночи это ни случилось. Его сыновья и всѣ, кто носилъ форму, сопровождали Государя, а дамы кончали ужинъ однѣ, вмѣстѣ съ остальнымъ обществомъ.

Императоръ очень любилъ представленія всякаго рода, и такъ какъ глубокій трауръ не разрѣшалъ ни баловъ, ни спектаклей, ни другихъ удовольствій, кромѣ пріемовъ, *baise-mains*, игръ и ужиновъ, то дворъ часто посѣщалъ общежитіе института благородныхъ дѣвицъ, ставшимъ очень интереснымъ мѣстомъ по причинамъ, о которыхъ я разскажу. Это учрежденіе было основано Императрицей Елизаветой, дочерью Петра I. Говорили, что она намѣревалась окончить дни въ этомъ монастырѣ. Императрица Екатерина сдѣлала изъ него институтъ благородныхъ дѣвицъ и въ первые годы своего царствованія очень занималась имъ, но впослѣдствіи стала меньше обращать на него вниманія, и Императоръ Павелъ, при восшествіи на престолъ, отдалъ управленіе институтомъ въ руки Императрицы, своей супруги.

Тамъ и произошло въ первые дни царствованія знаменитое при-

[1]) Говорили, что ему было поручено также возобновить переговоры относительно брака, но я знаю изъ вѣрнаго источника, что, какъ только король сталъ совершеннолѣтнимъ (а это исполнилось черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Императрицы Екатерины), онъ оставилъ всякую мысль объ этомъ бракѣ, находя, что онъ не согласуется съ его долгомъ по отношенію всей страны, въ виду различія религіи. Но Клингспоръ, какъ хитрый политикъ и слуга Герцога Зюдерманландскаго, стараясь во всемъ вредить своему племяннику, говорилъ во время своего пребыванія при петербургскомъ дворѣ о желаніи Шведскаго двора возобновить переговоры, такъ что Императрица положительно разсчитывала, что бракъ состоится. Въ дальнѣйшемъ увидятъ, какъ отозвались на Великой Княгинѣ Елизаветѣ обманутыя ожиданія Государыни, когда Шведскій Король женился на принцессѣ Фредерикѣ, ея сестрѣ. (*Примѣчаніе автора*).

мирение. Когда Императрица Марія была Великой Княгиней, въ числѣ ея фрейлинъ была м-ль Нелидова. Это была особа небольшого роста и совершенно некрасивая; смуглый цвѣтъ лица, маленькіе подслѣповатые глаза, ротъ до ушей, длинная талія и короткія кривыя, какъ у таксы, ноги, все это въ общемъ составляло фигуру мало привлекательную. Но она была очень остроумна, обладала талантами и между прочимъ хорошо играла на сценѣ. Великій Князь Павелъ часто смѣялся надъ нею, но увидя ее въ роли Зины въ *la Folle par amour*, увлекся ею. Это было еще въ то время, когда онъ любилъ выѣзжать въ свѣтъ и когда у него часто бывали любительскіе спектакли.

Но чтобы объяснить суть этой интриги, надо перейти къ еще болѣе раннему времени. Въ 1783 или въ 1784 году Великій Князь Павелъ особенно полюбилъ камергера князя Николая Голицына [1]), человѣка очень ловкаго, который близко сошелся съ м-ль Нелидовой и старался убѣдить Великаго Князя, что пора ему стряхнуть гнетъ своей супруги, прибавляя, что онъ съ болью видитъ, какъ она управляетъ имъ вмѣстѣ съ своей подругой г-жей Бенкендорфъ [2]). Онъ коварно преувеличилъ ихъ маленькія интриги; Великій Князь поддался обману, и м-ль Нелидова стала предметомъ его предпочтенія. Это чувство вскорѣ превратилось въ страсть, причинившую очень сильное огорченіе Великой Княгинѣ Маріи. Она очень явно выказала свою ревность, оказала сильное сопротивленіе во всемъ, что касалось м-ль Нелидовой, державшей себя не очень почтительно по отношенію къ ней.

Великая Княгиня рѣшила пожаловаться Императрицѣ, которая стала уговаривать своего сына, но напрасно, и пригрозила увольненіемъ Нелидовой. Князь Голицынъ воспользовался этой угрозой, чтобы еще болѣе вооружить Великаго Князя противъ матери. Послѣдній уѣхалъ въ свой дворецъ въ Гатчину и прожилъ тамъ всю зиму, пріѣзжая въ городъ только на тѣ празднества, гдѣ его присутствіе было необходимо. Великая Княгиня своей жалобой достигла только удаленія

[1]) Николай Алексѣевичъ Голицынъ, родился въ 1751 г. умеръ въ 1809, тайный совѣтникъ и сенаторъ.

[2]) Г-жа Бенкендорфъ пріѣхала изъ Монбельяра вмѣстѣ съ Великой Княгиней Маріей и была при ней съ дѣтства.

(*Примѣчаніе автора*).

отъ себя лицъ, больше всего ей преданныхъ. Г-жа Бенкендорфъ была отослана, потому что Великій Князь справедливо предполагалъ, что жену научаютъ подруги и что, оставшись одна, она скорѣе уступитъ его волѣ. Онъ не ошибся, и Великая Княгиня, лишенная поддержки, подчинилась самымъ оскорбительнымъ униженіямъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ какъ-то произошла ссора между Великимъ Княземъ и Нелидовой. Вызвана она была ревностью. Великій Князь, казалось, занялся другой фрейлиной своей супруги и Нелидова покинула дворъ и поселилась въ общежитіи института, гдѣ она раньше воспитывалась. Таково было положеніе дѣлъ, когда Императоръ вступилъ на престолъ. При первомъ же своемъ посѣщеніи общежитія онъ примирился съ Нелидовой и обошелся съ ней такъ хорошо, что предложилъ Императрицѣ считать Нелидову его лучшимъ другомъ и обращаться съ ней такъ же. Съ этого момента, казалось, самая тѣсная дружба установилась между Императрицей и Нелидовой, получившей званіе фрейлины «съ портретомъ», титулъ, которымъ пользовалась до сихъ поръ только одна Протасова. Императрица вмѣстѣ съ Нелидовой проявляли свою власть; онѣ вмѣшивались во всѣ дѣла и награды и поддерживали другъ друга.

Этотъ союзъ вызвалъ бы удивленіе, если бы не замѣтили вскорѣ, что онъ основанъ на личномъ интересѣ. Императрица безъ Нелидовой совершенно не могла разсчитывать на довѣріе своего супруга, что послѣдующія событія и доказали вполнѣ. Но безъ Императрицы и Нелидова, очень самолюбивая, не могла играть той роли при дворѣ, какую она играла тамъ, и нуждалась въ милостивомъ отношеніи Государыни для защиты своей репутаціи.

Поѣздки въ общежитіе участились. Императрица была въ восхищеніи развлекать дворъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она командовала; Нелидовой нравилось доказывать публикѣ, что Императоръ былъ увлеченъ ею, и Императоръ охотно ѣздилъ туда, потому что Нелидова оказывала предпочтеніе этому мѣсту. Три заинтересованныхъ лица находили поэтому эти вечера прелестными и часто проводили ихъ почти цѣликомъ въ разговорахъ. Но придворные, присутствовавшіе тамъ, потому что Императоръ направлялся туда всегда съ большой свитой, съ Великими Князьями и Великими Княгинями, смертельно скучали. Иногда молодыя воспитанницы исполняли концерты, иногда

танцовали; но часто ничего не было кромѣ закуски, а остальное время проходило безъ всякаго занятія.

Можно себѣ представить приблизительно, сколько тяжелаго было для Великой Княгини Елизаветы въ этомъ новомъ образѣ существованія. Она болѣе чѣмъ когда-либо подвергалась обращенію и выходкамъ, которыхъ до сихъ поръ не могла предположить и въ мысли. Я приведу только два примѣра. Зная, что главнымъ преступленіемъ въ глазахъ Государя является опозданіе, обѣ Великія Княгини, одѣтыя такъ, что немедленно могли сѣсть въ карету, дожидались у Великой Княгини Елизаветы, чтобы за ними прислали. Онѣ поспѣшили отправиться къ Государю, какъ только явился посланный. Когда вошелъ Государь, онъ грозно посмотрѣлъ на Великихъ Княгинь и сказалъ Государынѣ, показывая на нихъ:

— Вотъ неподобающія манеры! Это обычаи прошлаго царствованія, но не мои. Снимите ваши шубы, сударыни, и не думайте никогда надѣвать ихъ, какъ только въ передней.

Это было сказано сухимъ и оскорбительнымъ тономъ, свойственнымъ Императору, когда онъ былъ въ дурномъ настроеніи.

Второй случай подобнаго рода былъ въ Москвѣ въ самый день коронаціи. Всѣ были въ парадныхъ платьяхъ. Это былъ первый разъ, когда появились придворныя платья, замѣнившія русскій костюмъ, бывшій въ употребленіи въ царствованіе Екатерины II. Великая Княгиня Елизавета, желая дополнить свой туалетъ, очень искусно прикрѣпила свѣжія розы къ алмазному цвѣтку, бывшему у нея на груди. Когда она вышла къ Государынѣ, та осмотрѣла ее и, не говоря ни слова, вырвала розы изъ ея букета и бросила на полъ.

— Это не подходитъ къ парадному платью,—сказала она.

Это не подходитъ было обычными словами, когда что-нибудь не нравилось. Великая Княгиня остановилась въ изумленіи, болѣе удивленная этими манерами, дѣйствительно, не подходившими къ коронованію и причастію, чѣмъ огорченная судьбой своего букета. Противорѣчіе между постоянно спокойными манерами, достойными и величественными прошлаго царствованія, съ мелочностью, взволнованностью и манерами, часто вульгарными, которыя Великая Княгиня видѣла теперь, оскорбляло ее свыше всякой мѣры. Долгъ является справедливымъ закономъ, помогающимъ намъ вести себя; это—узда, сдерживающая живость нашихъ поступковъ и желаній, устанавливая порядокъ. Но долгъ, продиктованный и внушаемый высокомѣрнымъ стремленіемъ властвовать, неизбѣжно разрушаетъ чувство. Душа Великой Княгини Елизаветы была слишкомъ благородной, чтобы не возмущаться, а ея характеръ слишкомъ справедливымъ, чтобы не чувствовать оскорбленія. Ея существованіе превратилось въ тяжелый долгій сонъ, который она боялась признать дѣйствительностью. Каждую минуту встрѣчала она противорѣчіе и чувствовала себя нравственно оскорбленной. Отъ этого увеличилась ея гордость. Она старалась по возможности удалиться отъ порядка вещей, который ей не нравился. Она исполняла всѣ обязанности, сопряженныя съ ея рангомъ, но въ возмѣщеніе она создала себѣ внутренній міръ, гдѣ воображеніе имѣло больше власти, чѣмъ разсудокъ. Туда скрывалась она, освобождаясь отъ скуки и противорѣчій, испытываемыхъ ею въ дѣйствительной жизни. Это гибельное средство имѣло для нея печальныя и продолжительныя послѣдствія.

Но возвратимся къ приготовленіямъ къ коронаціи и нѣкоторымъ событіямъ, предшествовавшимъ ей.

IV.

Послѣ того, какъ Императрица получила нѣкоторую власть надъ своимъ супругомъ, подружившись съ Нелидовой, оба брата, князья Куракины, были назначены: старшій—вице-канцлеромъ, младшій—генералъ-прокуроромъ [1]). Князь Безбородко остался первымъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

[1]) Князья Александръ и Алексѣй Борисовичи Куракины. Первый (1751—1818), былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ при Павлѣ I (въ 1800 г.), и посланникомъ въ Парижѣ при Александрѣ I (съ 1808 до 1812 г.); второй (1759—1831) управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ 1807 по 1810 годъ, но главнымъ образомъ былъ извѣстенъ восточнымъ образомъ жизни въ своихъ прекрасныхъ помѣстьяхъ въ Орловской губерніи. Онъ былъ женатъ на одной изъ Головиныхъ. Оба брата принадлежали къ интимному кругу Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Несмотря на чувства Императора противъ графа Панина [1]), онъ назначилъ его однимъ изъ первыхъ членовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Нелединскій [2]), двоюродный братъ князя Куракина, тоже былъ приближенъ, благодаря особому покровительству Императрицы, которой удалось такимъ образомъ окружить Императора своими людьми. Изъ людей, приближенныхъ къ Государю, имъ выбранъ былъ только Растопчинъ, котораго онъ сдѣлалъ флигель-адъютантомъ и первымъ министромъ.

Февраль 1797 года былъ отмѣченъ пріѣздомъ польскаго короля. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Императора по восшествіи на престолъ было освобожденіе всѣхъ поляковъ, заключенныхъ въ Петербургѣ за защиту своего отечества. Несчастный Понятовскій, жившій почти плѣнникомъ въ Гродно, былъ приглашенъ Государемъ въ Петербургъ и тамъ великолѣпно имъ принятъ. Ему предложили сопровождать дворъ въ Москву, чтобы присутствовать тамъ на коронаціи.

Дворъ Государя отправился 1-го марта 1797 г. и на два дня остановился въ Павловскѣ; дворы Великихъ Князей поѣхали отдѣльно съ промежуткомъ двухъ дней. Послѣ пятидневнаго путешествія дворы одинъ за другимъ прибыли въ Москву и остановились въ Петровскомъ дворцѣ. Этотъ дворецъ былъ построенъ Екатериной, чтобы служить временнымъ помѣщеніемъ, потому что по обычаямъ государи дѣлали каждый разъ торжественный въѣздъ, отправляясь въ Москву [3]).

Дворецъ былъ построенъ въ то время, когда Государыня предпо-

[1]) Никита Петровичъ Панинъ, сынъ одного изъ лучшихъ генераловъ Екатерины, Петра Ивановича Панина (1771—1837), воспитанный вмѣстѣ съ Павломъ, онъ избралъ дипломатическую карьеру и былъ представителемъ Россіи въ Галѣ и Берлинѣ, въ 1799 г. былъ вице-канцлеромъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Удаленный Растопчинымъ, онъ принялъ участіе въ заговорѣ противъ Павла I и въ 1801 г. онъ опять получилъ назначеніе вице-канцлера, но скоро былъ уволенъ съ запрещеніемъ появляться въ столицѣ.

[2]) Георгій Александровичъ Нелединскій, Государственный секретарь при Павлѣ I, тайный совѣтникъ при Александрѣ I, извѣстный писатель; родился въ 1752 умеръ въ 1829 году.

[3]) Впослѣдствіи въ немъ жилъ Бонапартъ, и дворецъ былъ сожженъ его спутниками. Это лучшее, что могло случиться, потому, что онъ осквернилъ его своимъ присутствіемъ. (*Примѣчаніе автора*).

читала готическій стиль всѣмъ другимъ, но въ общемъ Петровскій дворецъ производитъ впечатлѣніе безформенной массы. У него печальный видъ и онъ плохо расположенъ, примыкая одной стороной къ лѣсу съ плохими дорогами; изъ дворца видъ на большую дорогу, проходящую по довольно голой равнинѣ. Хотя городъ находится въ четверти часа ѣзды, его совершенно не видно. Кромѣ Государя и Государыни, у всѣхъ были плохія помѣщенія и оттого дурное настроеніе. Несмотря на это, необходимо было присутствовать на ежедневныхъ пріемахъ, такъ какъ московское общество пріѣзжало на поклонъ къ своему Государю.

Государыня получила извѣщеніе о смерти своей любимой подруги, г-жи Бенкендорфъ. Она оплакивала ее цѣлыя сутки и появилась на слѣдующій день. Государь часто ѣздилъ въ Москву, и, хотя эти поѣздки считались инкогнито, весь дворъ сопровождалъ его. Цѣлью ихъ было посѣщеніе больницъ и другихъ учрежденій. Однажды вечеромъ, когда возвращались ночью по дорогѣ, ставшей невозможной отъ оттепели, карета, въ которой сидѣли Государь, Государыня, оба Великихъ Князя и Великая Княгиня Елизавета, каждую минуту была готова опрокинуться. Государь забавлялся этимъ и спросилъ у Великаго Князя Александра, *боится ли Великая Княгиня Елизавета*; Великій Князь, думая похвалить свою супругу, отвѣтилъ, что *нѣтъ, она не трусиха и не боится ничего.*

— *Вотъ именно этого я и не люблю,*—сухо замѣтилъ Императоръ.

Великій Князь спохватился и прибавилъ:

— Она боится только того, чего она должна бояться.

Но зло было уже сдѣлано; Императоръ былъ недоволенъ. Несмотря на великодушныя стороны его души, у него была такая странность характера, что онъ готовъ былъ считать того врагомъ, въ комъ онъ не увѣренъ былъ вызвать чувство страха. Изъ этого не слѣдуетъ, что въ другія минуты онъ не показывалъ бы, что умѣетъ цѣнить возвышенность чувствъ и энергію; и эту мелочность надо приписать недовѣрію, которое ему сумѣли внушить.

Въ Петровскомъ дворцѣ наладилась свадьба, которую довольно торжественно отпраздновали при дворѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Графъ Дитрихштейнъ, чрезвычайный посолъ Вѣнскаго двора, упо-

минавшійся мною раньше, былъ очень хорошо принятъ Государемъ и послѣдовалъ за дворомъ въ Москву. Онъ жилъ не во дворцѣ и каждый день пріѣзжалъ обѣдать къ Государю, а время до ужина проводилъ у графини Шуваловой, младшая дочь которой самымъ сильнымъ образомъ влюбилась въ него. Графъ Дитрихштейнъ совсѣмъ не отвѣчалъ на эту страсть, но въ дѣло вмѣшалась графиня де-Шуазель и такъ хорошо повела интригу, что черезъ шесть недѣль графъ уѣзжалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ графиней Шуваловой, въ качествѣ ея будущаго зятя[1]).

Дипломатическій характеръ графа Дитрихштейна и особая милость къ нему Императора придали этому браку блескъ, отразившійся и на графинѣ Шуваловой, впрочемъ не пользовавшейся расположеніемъ Императора.

[1]) Графиня, а впослѣдствіи княгиня Дитрихштейнъ, урожденная Шувалова, была также одной изъ русскихъ, перешедшихъ въ католичество. См. *Conversion de la Princesse de Dietrichstein racontée par elle méme*, Paris, 1879.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1797.

I. Торжественный въѣздъ въ Москву.—*Маленькія привычки прошлаго царствованія.*—Дворецъ Безбородко.—Кремль. II. Коронація.—*Актъ о престолонаслѣдіи.*—Новый порядокъ наслѣдованія престола.—Милости и повышенія.—Новый фаворитъ Кутаисовъ.—Цѣлованіе руки.—Императрица жалуется, что у нея рука не распухла.—Торжественное и смѣшное. III. Балы.—Соперницы Нелидовой.—Балъ *по приказу полиціи.*—Опала генерала Суворова.—Предполагаемый заговоръ.—Графъ Никита Панинъ. IV. Возвращеніе въ С.-Петербургъ.—Новая резиденція: Павловскъ и Царское Село.—Тревоги.—Настроеніе общества и двора.—Мрачныя предсказанія.

I.

Въ Вербную субботу, 27 марта, былъ торжественный въѣздъ Государя въ Москву. Шествіе было огромно, и войска выстроены отъ Петровскаго дворца до дома Безбородко. Изъ Петербурга, какъ это принято, прибыли всѣ гвардейскіе полки. Императоръ и его сыновья ѣхали верхомъ. Государыня, Великая Княгиня Елизавета и одна изъ Великихъ Княженъ были въ большой каретѣ, приготовленной для всѣхъ Великихъ Княгинь и Государыни, но участвовали только перечисленныя лица, остальныя были больны [1]).

[1]) Великая Княгиня Анна поѣхала изъ Петербурга уже больная, но такъ какъ Государь не любилъ этого, она старалась пересилить себя, пока у нея не сдѣлалось воспаленіе легкихъ. Ее перевезли изъ Петровскаго двор-

Шествіе остановилось въ Кремлѣ и Императорская Фамилія обошла соборы и поклонилась мощамъ. Оттуда оно двинулось дальше и къ восьми часамъ вечера прибыло во дворецъ Безбородко, выйдя изъ Петровскаго около полудня. Дворецъ принадлежалъ князю Безбородко, первому министру; онъ отдѣлалъ его для себя съ особой роскошью и изысканностью, но предложилъ его Императору на время коронаціи, потому что дворцовъ кромѣ Кремлевскаго въ Москвѣ не было и Императрица Екатерина также останавливалась въ домахъ частныхъ владѣльцевъ въ послѣднія свои посѣщенія Москвы. Императорскій дворецъ уже давно сгорѣлъ. Вскорѣ послѣ коронаціи Государь купилъ дворецъ Безбородко [1]). Онъ находился на окраинѣ города въ одномъ изъ самыхъ красивыхъ кварталовъ. Около него былъ маленькій садъ, отдѣленный бассейномъ отъ дворцоваго сада, прекраснаго общественнаго гулянья. Дворецъ не былъ стѣсненъ строеніями и изъ него открывался обширный видъ, что дѣлало пребываніе въ немъ болѣе пріятнымъ, чѣмъ въ Петровскомъ. Великій Князь Александръ, его супруга и Великія Княжны остались тамъ, а Великій Князь Константинъ вмѣстѣ съ своимъ дворомъ остановился напротивъ, въ зданіи, называемомъ *Старымъ Сенатомъ*.

Дворъ провелъ во дворцѣ Безбородко всего нѣсколько дней и въ страстную среду съ большой пышностью переѣхалъ въ Кремль, чтобы приготовиться къ коронаціи.

Надо обладать талантомъ историка, чтобы вкратцѣ разсказать все, что дѣлаетъ Кремль мѣстомъ почитанія, и перомъ поэта, чтобы описать впечатлѣніе, производимое этимъ древнимъ и прекраснымъ памятникомъ старины; описать его соборы и возвышающійся надъ

ца въ Москву, гдѣ ей сдѣлали кровопусканіе. На другой день послѣ въѣзда Государь пришелъ къ ней и сказалъ: „Теперь я вижу, что это серьезно и мнѣ очень досадно, что вы такъ больны; признаюсь, до сего времени я думалъ, что все это маленькія привычки (petites manières), пріобрѣтенныя во время прошлаго царствованія и которыя я стараюсь искоренить". Неизвѣстно, что онъ хотѣлъ сказать *этими маленькими привычками прошлаго царствованія*, о которыхъ онъ упоминалъ каждую минуту.

(*Примѣчаніе автора*).

[1]) Онъ почти цѣликомъ былъ разрушенъ во время пожара Москвы, когда этотъ городъ былъ занятъ врагомъ.

(*Примѣчаніе автора*).

всею Москвою дворецъ, которому готическій стиль съ террасами, сводами и оградой придаетъ видъ чего-то воображаемаго. Самъ по себѣ дворецъ не достаточно великъ, чтобы вмѣстить всю Императорскую Фамилію; Великій Князь Александръ съ супругой помѣстились въ архіерейскомъ домѣ, а Великій Князь Константинъ въ арсеналѣ. Великая Княгиня Елизавета говорила мнѣ, что она никогда не забудетъ впечатлѣнія, произведеннаго на нее видомъ Кремля въ вечеръ ея пріѣзда.

Выйдя отъ Императрицы, она отправилась къ Великой Княгинѣ Аннѣ и ушла отъ нея только, когда стало темно. Она была печальна; пребываніе въ Москвѣ не имѣло для нея никакой прелести, но зато тысячи непріятностей. Все окружавшее далеко не восхищало ея воображенія, скорѣе душило его и сжимало ей сердце. Но въ тотъ вечеръ, выходя отъ Великой Княгини Анны и садясь въ карету, она бросила взглядъ на древнюю красоту Кремля, усѣянную яркимъ свѣтомъ луны, чудно отражавшимся въ золотыхъ крышахъ, и она испытала мгновеніе невольнаго энтузіазма, воспоминаніе о которомъ никогда не изгладилось изъ ея памяти.

II.

Обрядъ коронованія свершился 5 апрѣля въ день Св. Пасхи въ Успенскомъ соборѣ. Посрединѣ церкви, напротивъ алтаря, было устроено возвышеніе, гдѣ стоялъ тронъ Императора, возвышеніе для Императрицы было рядомъ на нѣкоторомъ разстояніи. Направо были трибуны для Императорской Фамиліи и напротивъ другія. Кругомъ собора были устроены мѣста для публики.

Императоръ короновался самъ, потомъ онъ короновалъ Императрицу, беря свою корону и дотрагиваясь ею до головы супруги, на которую минуту спустя была надѣта маленькая корона. Послѣ обѣдни, причастія, коронованія и *Te Deum* (благодарственный молебенъ) Императоръ приказалъ прочесть громкимъ голосомъ у подножія возвышенія, гдѣ стоялъ его тронъ, *Актъ о престолонаслѣдіи*, составленный по его приказанію. Этимъ актомъ онъ устанавливаетъ порядокъ престолонаслѣдія и исключаетъ изъ него женщинъ, кромѣ случая отсут-

твія мужчинъ въ прямой линіи. Онъ предусматриваетъ случай несовершеннолѣтія. Онъ опредѣляетъ положеніе вдовствующихъ Императрицъ и Великихъ Княженъ и условія, предоставляющія имъ полное право на это положеніе, ограничивая ихъ въ наслѣдованіи. Этотъ *Актъ* былъ положенъ на алтарь въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ его и читали.

Ихъ Величества обѣдали на тронахъ въ большомъ залѣ дворца. Онъ находится въ первомъ этажѣ дворца, сдѣланъ со сводами и столбами. Со стороны входа находится возвышеніе, гдѣ Ихъ Величества присутствовали на обѣдѣ. Небольшія окна находятся на нѣкоторомъ разстояніи въ трехъ другихъ стѣнахъ, покрытыхъ, какъ и полъ, краснымъ сукномъ, что придаетъ залу совсѣмъ странный видъ и дѣлало непріятнымъ балы, которые тамъ давались впослѣдствіи. Маленькая комната примыкаетъ къ возвышенію и въ ней подали обѣдъ Императорской Фамиліи и Польскому королю, присутствовавшему на всѣхъ церемоніяхъ коронованія въ королевской мантіи. Послѣ обѣда Великія Княгини отправились до вечерни къ Великимъ Княжнамъ, которыхъ однѣхъ помѣстили во дворцѣ. Но у нихъ было такое плохое помѣщеніе, что Великая Княгиня Елизавета все послѣобѣденное время провела, сидя на сундукѣ, хотя и въ парадномъ придворномъ платьѣ.

Во время коронаціи были значительныя награды и производства. Императоръ высказалъ Великому Князю Александру, что ему нравится его дружба съ князьями Чарторижскими и спросилъ у него, что онъ могъ бы сдѣлать для нихъ, чтобы это имъ было пріятно. Великій Князь, зная любовь отца къ военной службѣ и желая оградить своихъ друзей на будущеее время отъ немилости Императора и поставить ихъ на хорошій счетъ въ его мнѣніи, сказалъ объ ихъ желаніи вступить въ военную службу. Императоръ, дѣйствительно, очень хорошо принялъ эту просьбу и назначилъ обоихъ братьевъ адъютантами: старшаго—къ Великому Князю Александру, младшаго—къ Великому Князю Константину и въ то же время очень милостиво предоставилъ имъ отпускъ на три мѣсяца, чтобы съѣздить въ Галицію повидаться съ отцомъ. Отпуска въ это время года были чрезвычайной милостью, потому что обыкновенно они разрѣшались только осенью.

Это назначеніе, въ силу котораго князь Адамъ Чарторижскій долженъ былъ по обязанности находиться при Великомъ Князѣ Александрѣ, что какъ бы разрѣшало тѣсную дружбу князя съ Его Императорскимъ

Высочествомъ, не понравилось многимъ и было причиной впослѣдствіи многихъ событій.

Князь Безбородко былъ награжденъ огромными богатствами. У Государя былъ камердинеръ, цирюльникъ Кутаисовъ [1]), турокъ по происхожденію; въ дѣтствѣ онъ былъ привезенъ въ Россію. Государь былъ его крестнымъ отцомъ. Въ это время онъ назначилъ его гардеробмейстеромъ—должность, спеціально для него созданная. Быстрое повышеніе Кутаисова привлекло къ нему вниманіе всѣхъ, въ особенности, когда онъ въ концѣ того же года получилъ орденъ Св. Анны на шею.

Дворъ былъ за обѣдней въ понедѣльникъ и вторникъ Пасхи въ различныхъ соборахъ Кремля, а начиная со среды Ихъ Величества каждое утро въ теченіе двухъ недѣль проводили на тронѣ, принимая поздравленія. Императору все казалось, что приходило слишкомъ мало народу. Императрица постоянно повторяла, что она слышала отъ Императрицы Екатерины, будто во время коронаціи толпа, цѣловавшая руку, была такъ велика, что рука у нея распухла, и жаловалась, что у нея рука не распухаетъ. Оберъ-церемоніймейстеръ Валуевъ, чтобы доставить удовольствіе Ихъ Величествамъ, заставлялъ появляться однихъ и тѣхъ же лицъ подъ различными названіями. Если случалось, что какое-нибудь лицо занимало не одну должность, то Валуевъ заставлялъ появляться его въ одинъ и тотъ же день, то какъ сенатора, то какъ какъ депутата отъ дворянства, то какъ члена суда.

Вся Императорская Фамилія и дворъ присутствовали при принесеніи поздравленій. Государь и Государыня сидѣли на тронахъ; Императорская Фамилія съ дворомъ находились направо, и различныя корпораціи и московскія дамы, которыхъ тоже заставляли приходить по нѣсколько разъ, подходили къ трону, кланялись, поднимались по ступенямъ трона, цѣловали руки у Ихъ Величествъ и уходили съ другой стороны. Потрясеніе, происшедшее отъ замѣны самаго мягкаго царствованія режимомъ террора, произвело совершенно неожиданное дѣйствіе, которое было бы необъяснимымъ, если бы не было извѣстно, что крайности соприкасаются. Въ большинствѣ случаевъ, когда не

---

[1]) Иванъ Павловичъ Кутаисовъ (1759—1834) впослѣдствіи графъ оберъ-шталмейстеръ и кавалеръ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Происходилъ изъ города Кутаиса.

дрожали отъ страха, то впадали въ безумную веселость. Никогда такъ не смѣялись, никогда такъ удачно не подхватывали смѣшныя стороны, преувеличивая ихъ; но часто также саркастическій смѣхъ превращался въ гримасу ужаса.

Надо сознаться, что никогда раньше высшая власть не давала столько поводовъ къ смѣшному, чего народная наблюдательность никогда не оставляетъ безнаказаннымъ, гдѣ бы она это смѣшное ни находила. Императоръ вкладывалъ въ представительство и пріемы всю свою склонность къ преувеличенію [1]). Казалось иногда, что онъ былъ просто знатнымъ человѣкомъ, которому позволили сыграть роль монарха, и торопился насладиться удовольствіемъ, которое у него скоро отнимутъ. Небольшое количество спокойнаго достоинства, вкладываемое Императрицей въ свою роль, ребяческая радость, которую ей доставляла эта роль и которую она не могла скрыть, ничто не ускользало отъ вниманія общества и оно вознаграждало себя за состояніе постояннаго страха, въ которомъ его держалъ характеръ Государя, шутками иногда довольно острыми.

Этимъ занимались, главнымъ образомъ, во время упомянутаго мною выше принесенія поздравленій и, сказать по правдѣ, въ этомъ чувствовалась необходимость, чтобы выносить скуку и утомленіе отъ этой церемоніи. Кавалеры двора изъ свиты Великихъ Княгинь, въ особенности мой мужъ и князь Голицынъ [2]), дѣлали злыя замѣчанія и

[1]) Я не могу не привести здѣсь одно замѣчаніе, а именно: эта преувеличенная склонность къ пріемамъ Императора Павла оказала печальныя послѣдствія въ царствованіе его сына. Императоръ Александръ былъ шокированъ, какъ и всѣ, отсутствіемъ мѣры въ этомъ отношеніи и запомнилъ всѣ насмѣшки и жалобы, вызванныя этимъ. При своемъ восшествіи на престолъ онъ бросился въ противоположную крайность и вызвалъ недовольство общества, уничтожая насколько возможно всякіе пріемы и поздравленія. *(Примѣчаніе автора).*

[2]) Александръ, сынъ князя Николая Михайловича Голицына. Родился въ 1778 году, умеръ въ 1844 г., былъ одинъ изъ близкихъ друзей Александра I. Очень образованный, но съ мечтательнымъ характеромъ онъ поощрялъ склонность монарха къ мистицизму и его дружбу съ Юнгъ-Штилингомъ и г-жей Крюденеръ; былъ предсѣдателемъ Библейскаго Общества, при его образованіи въ 1812 году и позднѣе пользовался большимъ вліяніемъ какъ министръ народнаго просвѣщенія.

смѣялись надъ тѣмъ, что происходило, и надъ отдѣльными лицами и, благодаря тому, что мы находились вдали отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, можно было внести нѣкоторое разнообразіе въ монотонность этихъ пріемовъ.

III.

Было много баловъ, ставшихъ источникомъ безпокойства для Государыни и м-ль Нелидовой. Среди большого числа московскихъ дамъ, пріѣзжавшихъ ко двору, было много красивыхъ особъ и между ними княжны Щербатовы [1]) и барышни Лопухины [2]). Послѣднія особенно привлекли вниманіе Императора. Онъ часто принимался говорить о нихъ, и безпокойству Государыни и Нелидовой по этому поводу приписываютъ ускоренный отъѣздъ двора изъ Москвы.

Государь жилъ поперемѣнно, то въ Кремлѣ, то во дворцѣ Безбородко и, такъ какъ каждый переѣздъ совершался торжественно, то Государь устраивалъ ихъ какъ возможно чаще. Дворъ дѣлалъ много поѣздокъ въ окрестности Москвы и въ Троицкій и Воскресенскій монастыри. Послѣдній называется также Новымъ Іерусалимомъ [3]). Ѣздили

[1]) Анна и Марія, дочери князя Андрея Николаевича Щербатова. Анна впослѣдствіи вышла замужъ за графа Д. Н. Блудова, министра внутреннихъ дѣлъ и президента Академіи Наукъ. По словамъ современниковъ она была очень похожа на Императрицу Елизавету, супругу Александра I.

[2]) Екатерина и Анна, дочери Петра Васильевича Лопухина и его первой жены Анны Ивановны, урожденной Левшиной. Этотъ родъ сталъ извѣстенъ, благодаря браку Петра Великаго съ одной изъ Лопухиныхъ; княжескимъ титуломъ Лопухины обязаны фавору Анны Петровны, предмет томъ котораго она стала, благодаря происканъ своей матери Екатерины Николаевны, урожденной Шетневой, любовницы одного изъ адъютантовъ Павла I, Федора Петровича Уварова. Г-жа Лопухина, ея любовникъ и Кутаисовъ сговорились, чтобы бросить молодую дѣвушку въ объятія Императора. Она родилась въ 1777, умерла въ 1805, была замужемъ за княземъ Павломъ Гавриловичемъ Гагаринымъ. Ея сестра Екатерина была замужемъ за Григоріемъ Александровичемъ Демидовымъ.

[3]) Монастырь расположенъ въ прелестной мѣстности, а еще болѣе интересенъ отъ того, что его церковь построена по образцу Іерусалимскаго храма и въ немъ представлены всѣ мѣста, гдѣ происходили Страсти Христовы. *(Примѣчаніе автора).*

въ Коломенское, мѣсто рожденія Петра Великаго, въ Царицыно, гдѣ находится Императорскій дворецъ, лежащій въ чудной мѣстности, и въ Архангельское, имѣніе, принадлежавшее тогда князю Голицыну.

Государь совершалъ эти поѣздки всегда въ большой шести- или восьми-мѣстной каретѣ и дорогой его секретари чередовались, докладывая текущія дѣла, военныя донесенія и прошенія разнаго рода, адресованныя ему. Великая Княгиня Елизавета, всегда находившаяся во время поѣздокъ въ его каретѣ, говорила мнѣ, что она часто бывала поражена раздражительностью Государя, когда что-нибудь ему не нравилось въ докладѣ, и холодной жестокостью, позволявшей ему дѣлать предметомъ шутки просьбы, съ которыми обращались къ нему несчастные. Быть можетъ, молодость и неопытность Великой Княгини Елизаветы вводили ее въ обманъ относительно настоящихъ намѣреній Государя, но подобный родъ шутокъ приводилъ ее въ возмущеніе.

Послѣднія празднества коронаціи состояли: изъ итальянской оперы; дворянскаго бала, который Ихъ Величества почтили своимъ присутствіемъ; обѣда у Польскаго короля; торжественной прогулки въ дворцовомъ саду, и прогулки 1-го мая на общественномъ гуляньи.

Я не присутствовала ни на одномъ изъ празднествъ, дававшихся въ это время въ Петербургѣ. Я оставалась съ Толстой. Мое сердце было облечено въ вѣчный трауръ и я избѣгала общественныхъ увеселеній. Но я была вынуждена отправиться на маскированный балъ не по приглашенію, а по приказу полиціи. Тотъ, кто отказывался подчиниться ему, заносился на особый листъ и, такимъ образомъ, объ этомъ доходило до свѣдѣнія Государя. Я отправилась на этотъ печальный праздникъ, такъ же какъ и Толстая. Въ началѣ было заиграли полонезъ, который я привыкла слышать въ счастливыя времена. Эта музыка произвела на меня ужасное впечатлѣніе, рыданія душили меня.

Шумная радость и празднества являются для печали чѣмъ-то въ родѣ судорожной улыбки, устрашающей природу. Я бѣжала отъ свѣта, казавшагося мнѣ ужаснымъ. Могила была у меня въ сердцѣ и мои взоры, казалось, стремились къ ней, ища въ ней отдохновенія. Мы вернулись съ этого бала измученныя и усталыя, точно мы возвращались послѣ тяжелаго и опаснаго путешествія.

Во время коронаціи князь Репнинъ получилъ письмо отъ графа

Михаила Румянцева [1]), служившаго тогда генералъ-лейтенантомъ подъ начальствомъ фельдмаршала Суворова. Графъ Михаилъ Румянцевъ былъ свѣтскимъ человѣкомъ, очень ограниченнымъ, самолюбивымъ и сплетникомъ худшаго сорта, въ родѣ старой бабы. Фельдмаршалъ обращался съ нимъ, какъ онъ того заслуживалъ. Графъ обидѣлся и рѣшилъ отомстить. Онъ написалъ князю Репнину, что фельдмаршалъ овладѣлъ умами и далъ ему понять, что подготовляется возстаніе. Князь Репнинъ почувствовалъ, насколько лживо это извѣстіе, но не могъ удержаться отъ удовольствія распространить его съ цѣлью повредить фельдмаршалу, заслугамъ котораго онъ завидовалъ. Онъ отнесъ письмо графа Румянцева Ростопчину. Послѣдній указалъ ему, какъ опасно возбуждать порывистую горячность Императора. Эти доводы нисколько не подѣйствовали на князя Репнина. Онъ самъ отнесъ письмо Его Величеству и фельдмаршалъ Суворовъ былъ удаленъ.

Несчастный характеръ Императора былъ причиною столькихъ несправедливостей, совершенныхъ имъ, что ихъ едва можно согласовать съ понятіемъ прекрасной души.

Я позволю себѣ на минуты прервать разсказъ и приведу малоизвѣстный анекдотъ, доказывающій природную доброту и великодушіе, заложенныя въ глубину души этого Государя.

Графъ Панинъ, сынъ графа Петра Панина, о которомъ я говорила выше, ни въ чемъ не походилъ на своего отца. У него не было ни силы характера, ни умѣнья себя держать, и онъ былъ способенъ только къ интригамъ и возмущенію. Императоръ Павелъ, когда былъ еще Великимъ Княземъ, принималъ въ немъ участіе, какъ въ племянникѣ графа Никиты Панина, его воспитателя. Графъ Панинъ воспользовался склонностью Великаго Князя, удвоилъ усердіе и стараніе и достигъ того, что овладѣлъ его довѣріемъ. Замѣтивъ несогласіе, царившее въ отношеніяхъ между Государыней и ея сыномъ, онъ захотѣлъ нанести послѣдній ударъ, чтобы потомъ осуществить свои честолюбивые и даже преступные проекты. Онъ возвратился въ Гатчину послѣ кратковре-

[1]) Михаилъ Петровичъ Румянцевъ, одинъ изъ трехъ сыновей знаменитаго фельдмаршала. Будучи посланникомъ въ Парижѣ въ 1808 г. онъ способствовалъ ссорѣ Петербургскаго кабинета съ кабинетомъ Сентъ-Джемса. Впослѣдствіи недолго занималъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ и умеръ холостымъ въ 1837 году.

меннаго пребыванія въ городѣ и попросилъ у Великаго Князя особой аудіенціи, чтобы сообщить ему дѣло первой важности.

Великій Князь назначилъ ему время, когда графъ долженъ былъ придти къ нему въ кабинетъ. Графъ вошелъ съ скромнымъ видомъ, очень ловко прикрывъ скромностью, какъ маской, свое вѣроломство, и, наконецъ, сказалъ Великому Князю съ притворнымъ колебаніемъ, что откроетъ ему самую ужасную для него вещь, что дѣло идетъ о заговорѣ, образованномъ противъ него Государыней, его матерью, и что она посягала на его жизнь.

Великій Князь спросилъ у него, знаетъ ли онъ имена заговорщиковъ, и, услыхавъ утвердительный отвѣтъ, приказалъ написать ихъ на листѣ. Графъ Панинъ при помощи своей фантазіи составилъ большой списокъ.—«Подпишите!»—прибавилъ Великій Князь. Панинъ подписалъ. Тогда Павелъ взялъ листъ и сказалъ:

— Идите, предатель, и не показывайтесь никогда мнѣ на глаза.

Онъ разсказалъ объ этой ужасной клеветѣ своей матери; Государыня была такъ же возмущена, какъ и онъ, а этотъ списокъ остался у Великаго Князя Павла въ отдѣльномъ ящикѣ, хранившемся у него всегда въ спальнѣ.

IV.

Возвратимся къ придворнымъ происшествіямъ послѣ коронаціи. Третьяго мая Государь уѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ сыновьями, отправляясь въ объѣздъ вновь пріобрѣтенныхъ въ силу раздѣла Польши губерній, и оттуда прямо въ Петербургъ. Государыня уѣхала изъ Москвы одновременно съ Государемъ, вмѣстѣ съ Великими Княгинями, своими невѣстками и со своей дочерью, Великой Княжной Александрой. Она объявила имъ всѣмъ тремъ, что онѣ не будутъ разставаться съ ней ни днемъ, ни ночью. И, дѣйствительно, какъ въ дорогѣ, такъ и по пріѣздѣ въ Павловскъ она оставляла ихъ ночевать въ своей комнатѣ. У Великихъ Княгинь Елизаветы и Анны даже не было другого, отдѣльнаго помѣщенія, кромѣ ея апартаментовъ.

Здоровье Великой Княгини Елизаветы, выдержавшее всякаго рода испытанія предыдущей зимой и утомительныя церемоніи коронаціи, въ

концѣ-концовъ пошатнулось. Великая Княгиня впала въ состояніе особой слабости, сопровождаемой страданіями, почему она съ крайнимъ нетерпѣніемъ ждала пріѣзда Императора, чтобы по крайней мѣрѣ освободиться отъ зависимости, въ которой она находилась. Наконецъ этотъ моментъ наступилъ въ послѣднихъ числахъ мая. Государыня, въ сопровожденіи двора, выѣхала навстрѣчу Государю въ Гатчину, гдѣ провели только нѣсколько дней, послѣ чего всѣ вернулись въ Павловскъ.

Стремились во что бы то ни стало заставить позабыть прошлое царствованіе и, въ видѣ одного изъ средствъ, перемѣнили, насколько это было возможно, мѣсто всѣхъ резиденцій двора. Императрица Марія питала отвращеніе къ Царскому Селу, объяснимое только личными отношеніями. Она ревновала его къ созданному ею Павловску. Вслѣдствіе этого, Императорскій дворецъ въ Царскомъ Селѣ, жилище достойное Монарха и гдѣ всегда весь дворъ удобно размѣщался, былъ брошенъ и все лучшее изъ имущества перевезено въ Павловскъ, тоже красивое мѣсто, но нисколько не соотвѣтствовавшее размѣрами съ дворомъ и не подходившее для резиденціи Монарха, влюбленнаго въ пышность и пріемы. Поспѣшно строили новыя зданія, но они были разительнымъ противорѣчіемъ съ постройками прошлаго царствованія. Екатерина II построила для своего внука великолѣпный дворецъ въ Царскомъ Селѣ. Императрица Марія, пока по ея распоряженію для наслѣдника трона строили деревянный домъ, помѣстила его въ хижину. Да и домъ Великаго Князя Александра немногимъ былъ больше, но Великая Княгиня Елизавета чувствовала себя тамъ счастливой въ сравненіи съ тѣми тремя недѣлями, которыя она провела во дворцѣ.

Немного спустя послѣ возвращенія Государя, когда однажды вечеромъ онъ прогуливался по саду въ Павловскѣ вмѣстѣ съ дворомъ и лицами, составлявшими его постоянное общество, послышались звуки барабана. Всѣ насторожились. Для вечерней зари было слишкомъ поздно. Императоръ остановился, замѣтно взволнованный. Били тревогу. «Это пожаръ»—вскричалъ онъ, повернулся и быстро пошелъ къ дворцу вмѣстѣ съ Великими Князьями и военными. Императрица съ остальнымъ обществомъ слѣдовала за нимъ издали. Подойдя къ дворцу, увидали, что одна изъ ведущихъ къ нему дорогъ занята частью гвар-

дейскихъ полковъ. Остальные кавалеристы и пѣхотинцы поспѣшно бѣжали со всѣхъ сторонъ. Спрашивали другъ у друга, куда надо идти, сталкивались, и на узкой дорогѣ, наполненной войсками, военныя, пожарныя и различныя повозки пролагали себѣ дорогу только съ помощью страшнаго крика.

Императрица, опираясь на руку одного изъ придворныхъ, пробиралась чрезъ толпу, разыскивая Государя, потерянаго ею изъ виду. Наконецъ, безпорядокъ настолько увеличился, что многимъ изъ дамъ, и именно Великимъ Княгинямъ, пришлось перелѣзть черезъ барьеръ, чтобы избѣжать опасности быть раздавленными.

Немного спустя войскамъ былъ данъ приказъ разойтись. Возвратились во дворецъ. Императоръ былъ взволнованъ и въ плохомъ настроеніи. Много было движенія, продолжавшагося до поздняго вечера. Послѣ долгихъ розысковъ открыли, что причиною суматохи былъ трубачъ, упражнявшійся въ казармахъ конной гвардіи. Войска въ примыкающихъ казармахъ подумали, что это сигналъ и повторили его, такимъ образомъ тревога передалась отъ одного полка другому. Въ войскахъ думали, что это или пожаръ, или испытаніе на быстроту сбора; но толки въ обществѣ и при дворѣ, которые съ самаго начала этого царствованія приняли такое направленіе, что можно было предчувствовать конецъ его, постарались объяснить совершенно иначе это событіе и въ особенности событіе, случившееся на слѣдующій день.

Ничто такъ не вызываетъ предательство, какъ постоянная боязнь его. Павелъ I не умѣлъ скрывать, до какой степени эта боязнь отравляла его жизнь. Она проявлялась во всѣхъ его поступкахъ и много жестокостей, которыя онъ допустилъ совершить были слѣдствіемъ этого чувства, постоянно присутствовавшаго въ его душѣ, и наконецъ оправдали его, вызывая общее раздраженіе.

На слѣдующій день, почти въ тѣ же часы, когда дворъ былъ на прогулкѣ въ другой части сада, отдѣленной отъ большой дороги только небольшимъ барьеромъ, послышался звукъ трубы и показалось нѣсколько кавалеристовъ, скакавшихъ во весь опоръ по тропинкѣ, примыкающей къ большой дорогѣ. Императоръ въ бѣшенствѣ бросился къ нимъ съ поднятой тростью и заставилъ ихъ повернуть обратно. Великая Княгиня и адъютанты бросились за нимъ и всѣ были довольно

удивлены этой второй сценой. Въ особенности растерялась Государыня. Она кричала, обращаясь къ придворнымъ:

— Бѣгите, господа, спасайте вашего Государя!

Около нея оказался графъ Феликсъ Потоцкій, добрый малый, но неуклюжій толстякъ, вдобавокъ питавшій смѣшное чувство страха передъ Императоромъ. Она схватила его за руку и толкала впередъ. Едва ли видали фигуру смѣшнѣе, чѣмъ ту, которую представлялъ изъ себя бѣдный графъ Потоцкій, не понимавшій, чего отъ него требуютъ, и болѣе испуганный крикомъ Государыни, чѣмъ опасностью, которой подвергался Государь.

На этотъ разъ войскамъ помѣшали собраться, но никогда не дознались, какъ слѣдуетъ, что вызвало это волненіе. Никто не хотѣлъ сказать или не зналъ его причины. Одни говорили, что войска были увѣрены, будто тревога, бывшая наканунѣ, была устроена по приказу Государя, поэтому держались все время на готовѣ и могли принять всякій шумъ за сигналъ. Другіе утверждали, что какой-нибудь шутникъ дурного тона, желая повторить суматоху, бывшую наканунѣ, далъ сигналъ. Исторія окончилась нѣсколькими наказаніями и больше не повторялась.

Слабость Великой Княгини Елизаветы все продолжалась, увеличиваясь. Она получила позволеніе нигдѣ не бывать и провести нѣсколько недѣль въ полнѣйшемъ уединеніи. Медики предложили ей употребить это время на лѣченіе.

Въ то время, когда она сидѣла дома, Великій Князь едва не погибъ и чудомъ избѣжалъ опасности. Однажды утромъ онъ вмѣстѣ съ Государемъ присутствовалъ на ученіи. Онъ былъ верхомъ на лошади на краю пригорка сзади Его Величества. Быстрое движеніе войска, при которомъ на солнцѣ заблестѣли ружья, испугало лошадь Великаго Князя. Она встала на дыбы, заднія ноги у ней поскользнулись и она скатилась внизъ вмѣстѣ съ всадникомъ. Всѣ боялись подойти, думая, что Великій Князь убитъ. Но онъ былъ только сильно помятъ и у него была погнута ключица. Если бы онъ не былъ такъ молодъ, она сломалась бы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1797—1799.

I. Вдали отъ двора.—Семейныя радости.—Воспоминанія и печали.—Эмиграція.—Принцесса де-Тарантъ.—Фаворъ въ продолженіе четырехъ дней. II. Фрегатъ Императора.—Свекровь и невѣстка.—Дружба автора съ госпожей де-Тарантъ. III. Новый внѣшній видъ двора.—Смерть польскаго короля.—Мистицизмъ Павла I.—Михайловскій дворецъ.—Армія принцевъ въ Россіи.—*Отель Конде* въ С.-Петербургѣ.—Новая фаворитка м-ль Лопухина. IV. Любовная интрига.—Лордъ Уайтвортъ и графиня Толстая.—Французская комедія.—Павловскъ.—Мадамъ Шевалье.—Императоръ влюбленъ.—Императрица вмѣшивается въ политику.—Павелъ I гроссмейстеръ Малтійскаго ордена.—Увольненія и немилости.— Отставка Нелидовой. V. Торжество Лопухиной.—Испорченность Павла.—Реабилитація вальса.—Война противъ революціонной Франціи.—Суворовъ.—Дурное поведеніе Великаго Князя Константина.—Смерть князя Безбородко.—Графъ Ростопчинъ занимаетъ его мѣсто въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.—Награды и строгія мѣры.—Спорная лента.—Графъ Головинъ оставляетъ должность при дворѣ Великаго Князя Александра.

I.

Я провела лѣто 1797 года вмѣстѣ съ Толстой въ имѣніи ея матери, княгини Барятинской, въ пяти верстахъ отъ Императорскаго Петербургскаго дворца, куда въ іюлѣ мѣсяцѣ переѣхалъ дворъ для празднованія имянинъ Государыни. Графъ Толстой и мой мужъ дѣлили свое время между нами и службою при дворѣ. Имѣніе, гдѣ мы находились было удачно расположено. Домъ стоитъ на высокомъ холмѣ,

съ котораго открывается прелестный видъ на заливъ; туда ведетъ красивая аллея; вокругъ имѣнія много чудныхъ мѣстъ для гулянія; есть лѣса, сады много цвѣтовъ и фруктовъ. Изъ окна моего маленькаго кабинета направо былъ виденъ городъ, налѣво — море. Мы были насколько возможно счастливы. Дружескія отношенія и занятія съ дѣтьми наполняли наши дни самымъ чувствительнымъ и интереснымъ образомъ.

Наши старшія дочери, моя и Толстой, приблизительно одного возраста, были постоянно вмѣстѣ. Мы съ интересомъ слѣдили за возникающей между ними дружбой. Вторая дочь Толстой была умной дѣвочкой, она была тогда четырехъ лѣтъ, на три года моложе своей сестры. Моей младшей дочери и сыну графини было приблизительно по два года. Не было ничего милѣе вида этихъ двухъ малютокъ, красивыхъ, какъ ангелы, когда они собирали цвѣты или бѣжали навстрѣчу намъ, набравъ цвѣтовъ въ подолы своихъ рубашекъ.

Я любила по вечерамъ сидѣть на крыльцѣ, любуясь закатомъ солнца. Воспоминанія осаждали меня и самымъ чувствительнымъ изъ нихъ было воспоминяніе о Великой Княгинѣ Елизаветѣ, которая всегда была и будетъ для меня самымъ священнымъ лицомъ.

Тихій прекрасный вечеръ даетъ отдыхъ душѣ, позволяющій намъ видѣть то, что ускользаетъ отъ насъ во время волненія и безпокойства. Я мысленнымъ взоромъ окидывала прошедшее величіе, всѣ обстоятельства моей дружбы съ Великой Княгиней. Я оплакивала ту, которая осыпала меня милостями, потому что ей я обязана тѣмъ, что я узнала и полюбила того, кого я всегда буду любить.

Чувство привязанности къ горячо любимому монарху несравнимо ни съ какимъ другимъ; чтобы понимать, его надо испытать. Отъ этого чувства до гордости безконечное разстояніе. Оно все—преданность. Гордость и тщесланіе—низкія эгоистичныя чувства, они не могутъ согласоваться съ самоотверженіемъ. Но никогда не хотятъ ни повѣрить этому чистому чувству, ни понять его; всегда считаютъ его корыстнымъ или основаннымъ на какомъ-нибудь особомъ мотивѣ тщеславія или восторженности.

Высокое положеніе монарха не допускаетъ никакой связи между нимъ и подданными, но я позволю себѣ замѣтить, что въ этомъ сужденіи забываютъ про душу и сердце, которыя уничтожаютъ разсто-

яніе, сохраняя уваженіе. Сердце истиннаго вѣрноподданнаго требуетъ только справедливости, т.-е. мнѣнія, но мнѣнія, высказаннаго открыто. Съ печалью переносишь слабость въ государѣ; ей предпочитаютъ строгость. Надо, чтобы было возможно опереться на то, что представляетъ нашу гарантію и силу.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о пріѣздѣ принцессы де-Тарантъ, герцогини де-ла-Треймуль во время пребыванія двора въ Петергофѣ. Она дочь герцога Шастильонъ пэра Франціи и послѣдняго въ родѣ. Она была статсъ-дамой несчастной королевы Франціи и даже принесла себя въ жертву привязанности и преданности своимъ государямъ. Императоръ и его супруга познакомились съ ней во время путешествія въ Парижъ [1]). Они часто встрѣчали ее у ея бабушки, герцогини де-Лавальеръ. Мужество и выдающіяся чувства, проявленныя принцессой де-Тарантъ въ несчастіи, еще болѣе увеличили уваженіе и участіе, которыя она вызвала у Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Послѣ того, какъ она вышла изъ тюрьмы, ее принудили бѣжать въ Лондонъ, чтобы избѣжать смерти. Король и королева были уже въ Тамплѣ, принцесса де-Тарантъ, не видя возможности раздѣлить ихъ судьбу, согласилась покинуть на нѣкоторое время Францію. Но когда она пожелала вернуться, декретомъ былъ воспрещенъ всѣмъ эмигрантамъ въѣздъ во Францію. Она терпѣла бѣдность и несчастья. Смерть ея государей превысила мѣру ея горя. Она находилась въ Лондонѣ уже пять лѣтъ, когда Императоръ Павелъ и Императрица Марія, вступивъ на тронъ, пригласили ее, въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ, пріѣхать въ Россію, предлагая и обѣщая ей письменно пожаловать имѣніе, гдѣ она могла бы спокойно жить со своимъ семействомъ.

Принцесса де-Тарантъ собиралась было отклонить это предложеніе, какъ бы выгодно оно ни было. Она не хотѣла разстаться съ чернымъ платьемъ, такъ хорошо подходившимъ къ вѣчному трауру ея души, и вполнѣ удовлетворялась пенсіей (около 2,000 руб.), назначенной ей три года тому назадъ королевой неаполитанской. Но польза, которую могли извлечь ея сестра и ея семья изъ предложенія Государя, распространявшагося и на нихъ, склонили ее къ путешествію въ

[1]) Въ 1781 г. См. Валишевскій *Романъ Императрицы*; Моранъ, *Павелъ I*.

Россію и она отправилась, не имѣя другого обезпеченія въ рукахъ, кромѣ записки Императрицы, и не прося ничего.

Ея семья была знакома Ихъ Величествамъ, которые тайно помогали ей, когда Государь еще былъ Великимъ Княземъ. Принцесса де-Тарантъ, жившая просто въ Лондонѣ, вдали отъ свѣта, рѣшилась на новую жертву и пріѣхала въ Кронштадтъ послѣ семнадцатидневнаго путешествія за нѣсколько дней до Петергофскаго праздника.

Ея пріѣздъ заинтересовалъ меня. Дядя былъ хорошо знакомъ съ ея бабушкой и часто говорилъ мнѣ про нее. Я приготовилась встрѣтить ее съ особымъ чувствомъ, а не съ тѣмъ обыкновеннымъ любопытствомъ, которое возбуждаетъ новое лицо.

Нѣкоторые изъ придворныхъ разсказали намъ подробности ея пріема, надѣлавшаго большого шума. Она пріѣхала въ воскресенье [1]) въ часъ дня, и послѣ обѣда ее провели въ кабинетъ Ихъ Величествъ, принявшихъ ее особенно милостиво. Императрица приколола ей маленькую кокарду ордена св. Екатерины, недавно учрежденнаго и шефомъ котораго она была. Весь понедѣльникъ и вторникъ за ней ухаживали, дѣлали ей полезные подарки, очень деликатно предложенные. Принцесса де-Тарантъ стала лицомъ, сосредоточившимъ на себѣ всѣ взоры. Въ среду мы отправились на именины Государыни. Всѣ дамы передъ обѣдней собирались въ особой комнатѣ рядомъ съ коридоромъ, ведущимъ въ церковь. Всѣ ожидали дворъ съ удвоеннымъ нетерпѣніемъ, чтобы увидѣть принцессу де-Тарантъ. Ея благородный и печальный видъ поразилъ всѣхъ и тронулъ меня до глубины души. Послѣ обѣдни она была назначена фрейлиной и получила портретъ.

На слѣдующій день дворъ возвратился въ городъ, въ Таврическій дворецъ. Императоръ посадилъ ее за ужиномъ рядомъ съ собой, былъ очень внимателенъ къ ней и говорилъ съ ней о Франціи съ живымъ интересомъ. Это вниманіе и удовольствіе, которое онъ, казалось, находилъ въ разговорѣ съ ней, возбудили безпокойство и подозрѣніе въ склонномъ къ интригамъ и ограниченномъ умѣ князя Александра Куракина. Онъ вообразилъ, что Императоръ можетъ привязаться къ ней и отослать м-ль Нелидову. Онъ поспѣшилъ передать послѣдней

[1]) 19 іюля 1797 года. См. приведенное далѣе въ *Мемуарахъ* письмо принцессы.

свои услужливыя и низкія наблюденія. Нелидова ухватилась за идею заняться новой интригой и поспѣшила сказать объ этомъ Государынѣ, ревность которой легко было возбудить. Онѣ добились того, что предубѣдили Императора противъ принцессы. Послѣдняя, ничего не подозрѣвая, отправилась на слѣдующій день въ Таврическій дворецъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ со дворомъ въ общежитіе. Появились Ихъ Величества. Государыня подошла и разговаривала съ графиней Шуваловой, находившейся рядомъ съ госпожей де-Тарантъ, осмотрѣла ее съ ногъ до головы и повернулась къ ней спиной, когда та сочла себя обязанной обратиться къ Государынѣ съ нѣсколькими словами. Императоръ даже не взглянулъ на нее.

Эта внезапная перемѣна удивила и смутила госпожу де-Тарантъ [1]). Плещеевъ, въ добромъ сердцѣ котораго она вызвала участіе, подошелъ къ ней немного погодя, когда всѣ пріѣхали въ общежитіе, и предупредилъ ее, что она находится въ самой большой немилости и что ее не пригласятъ въ Павловскъ, куда дворъ долженъ былъ возвратиться въ этотъ же день. Онъ попросилъ ее, изъ уваженія къ Государю, не попадаться ему на дорогѣ, когда онъ будетъ уходить.

Такъ окончилась милость, продолжавшаяся четыре дня. Результатомъ обѣщаній была пенсія отъ Государя въ 3000 рублей и 1200 рублей отъ Государыни, назначенная на все время пребыванія г-жи де-Тарантъ въ Россіи [2]).

---

[1]) Она упоминаетъ объ этой немилости въ выше цитированномъ письмѣ, не обозначая никакой причины такого отношенія.

[2]) Всего 4500 рублей, такъ какъ въ томъ же письмѣ принцесса говоритъ, что обѣ пенсіи составятъ 450 луидоровъ, считая, что 250 луидоровъ равняются 2500 рублей, которыя могъ бы получать герцогъ де ла Тремуиль, вступивъ на русскую службу генералъ-майоромъ. Въ началѣ царствованія Екатерины II цѣнность рубля равлялась 5 франкамъ, но къ этому времени дошла до 2 франковъ отъ злоупотребленія выпускомъ кредитныхъ билетовъ. Подробности о фаворѣ и внезапной немилости принцессы де-Тарантъ подтверждаются въ письмѣ придворнаго медика Роджерсона графу Р. С. Воронцову, отъ 1 августа 1717 г. (*Архивъ Воронцова*, XXX, 106)

II.

Немного спустя послѣ Петергофскаго праздника Императоръ отплылъ въ Ревель. Императрица, хотя и была три мѣсяца беременной, пожелала принять участіе въ путешествіи. Нелидова и Протасова сопровождали ее. Великая Княгиня и многочисленная свита изъ мужчинъ послѣдовали за Ихъ Величествами. Императоръ и лица наиболѣе приближенныя къ нему помѣстились на фрегатѣ *Эммануилъ*, разсчитанномъ на большое общество и съ такой роскошью, какую трудно было ожидать встрѣтить на кораблѣ. Этотъ фрегатъ входилъ въ составъ эскадры, гдѣ на другихъ корабляхъ была размѣщена остальная свита.

Совершенный штиль задержалъ Императора четыре или пять дней на рейдѣ противъ Ораніенбаума [1]), гдѣ должны были жить Великія Княгини Елизавета и Анна во время отсутствія Императора. Въ эти дни Великія Княгини ѣздили обѣдать на фрегатъ и возвращались только вечеромъ. Онѣ пріѣзжали изъ Ораніенбаума, но остальное общество получило приказаніе дожидаться въ Петергофѣ возвращенія Императора; онъ взялъ съ собою на то время, пока фрегатъ стоялъ на рейдѣ, только нѣсколькихъ лицъ.

Въ числѣ ихъ былъ г-нъ де.... Виртембергскій посланникъ, онъ говорилъ по-французски невозможныя вещи, чѣмъ разгонялъ скуку пассажировъ. Однажды послѣ обѣда м-ль де-Реннъ [2]), фрейлина Великой Княгини Анны, дожидаясь Великихъ Княгинь, растянулась на маленькомъ диванѣ въ гостиной фрегата. Г-нъ де... вошелъ туда, а м-ль де-Реннъ приняла болѣе сдержанное положеніе, на что онъ сказалъ ей:

— О, очень жаль! Поза была превосходна.

Наконецъ подняли паруса; но на слѣдующій же день, до выхода эскадры съ рейда, поднялась такая буря, что пришлось бросить якорь

---

[1]) Императоръ только что передъ этимъ подарилъ это императорское имѣніе Великому Князю Александру, а Стрѣльну Великому Князю Константину. (*Примѣчаніе автора*).

[2]) Дочь гофмейстерини двора Великой Княгини Анны Ѳеодоровны, Маріи Андреевны, супруги генералъ-лейтенанта Шарля де Реннъ.

и нѣкоторые изъ кораблей были повреждены. Послѣ того, какъ Ихъ Величествъ покачало цѣлыя сутки на кораблѣ, они получили отвращеніе къ плаванію и возвратились какъ возможно скорѣе въ Петергофъ, гдѣ собрался весь дворъ, и провели еще съ недѣлю.

Какъ доказательство странности Императора, я приведу здѣсь одинъ случай, бывшій въ то время. Княжна Шаховская, впослѣдствіи въ замужествѣ Голицына [1]), фрейлина Великой Княгини Елизаветы, была дежурной все лѣто и сопровождала дворъ во всѣхъ этихъ путешествіяхъ. Она была красива и Императоръ замѣтилъ ее. Однажды въ Петергофѣ во время парада онъ распорядился напечатать въ приказѣ *благодарность Великому Князю Александру за то, что при его дворѣ находится такая красивая фрейлина.* Говорятъ, что эта шутка была очень дурно принята Нелидовой и что съ этого времени она возненавидѣла княжну Шаховскую.

Пробывъ два дня въ городѣ, въ Таврическомъ дворцѣ, дворъ вернулся въ Павловскъ, и оттуда въ половинѣ августа перебрался въ Гатчину.

Въ послѣдніе дни пребыванія въ Павловскѣ Великая Княгиня Елизавета получила отъ принцессы, своей матери, письмо, гдѣ та писала ей, что собирается поѣхать въ Саксонію, чтобы повидаться со своей сестрой, герцогиней Веймарской, но симпатическими чернилами она прибавила нѣсколько строкъ на бѣломъ листкѣ бумаги:

Посудите о моемъ удивленіи. Г-нъ де-Таубъ, находящійся здѣсь, попросилъ у меня отъ имени шведскаго короля руки одной изъ вашихъ младшихъ сестеръ. Я такъ этимъ ошеломлена, что не знаю, что мнѣ отвѣтить.

Едва дворъ переѣхалъ въ Гатчину и Великія Княгини вернулись въ свои апартаменты, какъ Императрица распорядилась позвать къ ней Великую Княгиню Елизавету. Въ тотъ моментъ, когда послѣдняя вошла въ комнату, Государыня сидѣла съ газетами въ рукахъ, а сзади нея Нелидова, и рѣзко обратилась къ Великой Княгинѣ [2]):

[1]) Наталія Федоровна, жена князя Александра Михайловича Голицына.

[2]) Отношенія между свекровью и невѣсткой вообще были не изъ пріятныхъ, какъ это видно изъ писемъ Великой Княгини Елизаветы своей матери, приведенныхъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ въ своемъ трудѣ *Императрица Елизавета* Т. I.

— Что это такое? Шведскій король женится на вашей сестрѣ?

— Я въ первый разъ объ этомъ слышу, — отвѣтила Великая Княгиня.

— Но это сказано въ газетахъ.

— Я не читала ихъ.

— Этого не можетъ быть; вы знали объ этомъ; ваша мать назначаетъ свиданіе королю въ Саксоніи и везетъ туда съ собой вашихъ сестеръ.

— Я знала про путешествіе, которое моя мать собиралась совершить въ Саксонію, чтобы повидаться съ моей теткой, но про другую цѣль этого путешествія мнѣ не было извѣстно.

— Это не правда; этого не можетъ быть; вы поступаете недостойно по отношенію меня; вы не довѣряете мнѣ и предоставляете мнѣ узнать изъ газетъ про оскорбленіе, нанесенное моей бѣдной Александринѣ! И это какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мы могли быть вполнѣ увѣренными, что ея бракъ состоится, и когда насъ прельщали надеждой! Это ужасно! Это возмутительно!

— Но я въ этомъ не виновата.

— Вы знали объ этомъ и не предупредили меня. Вы проявили ко мнѣ недостатокъ довѣрія, уваженія...

— Я не знала объ этомъ. Да наконецъ, мои письма читаютъ на почтѣ; будьте добры справиться тамъ, о чемъ писала мнѣ моя мать.

Это было послѣднее слово Великой Княгини, очень взволнованной и даже разсерженной той сценой, которую ей устроила Государыня. Выслушавъ послѣ этого цѣлый потокъ словъ, очень мало сдержанныхъ, она удалилась къ себѣ. Съ этого времени Императрица не разговаривала съ ней, замѣтно дулась на нее и даже отпускала на ея счетъ замѣчанія, которыя она хотѣла сдѣлать оскорбительными, но они вызывали только сожалѣніе.

Однажды вечеромъ, когда Великія Княгини присоединились въ саду къ Ихъ Величествамъ, чтобы вмѣстѣ идти на прогулку, Великая Княгиня Елизавета подошла къ Государынѣ, чтобы поцѣловать у нея руку. Государыня съ аффектаціей протянула ей руку Великая Княгиня вполнѣ и искренно поцѣловала ее. Государыня вмѣсто того, чтобы поцѣловать Великую Княгиню, рѣзко замѣтила ей:

— Вы загордились и не хотите больше цѣловать у меня руку, потому что ваша сестра стала королевой.

Великая Княгиня только пожала плечами съ видомъ сожалѣнія, что до такой степени раздражило Императрицу, что она эти же слова повторила Великой Княгинѣ Аннѣ. Императоръ далеко не раздѣлялъ этого смѣшного поведенія и нисколько не перемѣнился по отношенію къ Великой Княгинѣ. Онъ сказалъ ей какъ-то шутя:

— Ваша сестра вступила въ соперничество съ моей дочерью.

— Я огорчена этимъ,—отвѣтила Великая Княгиня Елизавета.

— Въ концѣ-концовъ, какое значеніе имѣетъ это для насъ? Мы найдемъ за кого выдать Александрину,—сказалъ Государь.

Немилость, въ которой оказалась принцесса де-Тарантъ, нисколько не удивила меня, но сильно огорчила. Я не могла ей выразить это. Она попала въ общество совершенно противоположное тому, гдѣ я вращалась, въ общество супруги князя Алексѣя Куракина [1]) и главнымъ образомъ княгини Долгоруковой [2]), гдѣ дѣлали все, хотя она этого и не подозрѣвала, чтобы помѣшать ей пріѣхать ко мнѣ. По возвращеніи моемъ въ городъ, она сдѣлала визитъ моей матери, такъ же какъ и мнѣ. Я возвратила его безъ особой поспѣшности. Нѣсколько дней спустя, мой дядя далъ для нея ужинъ, я принимала гостей. Мы были съ принцессой де-Тарантъ въ полнѣйшемъ согласіи. Ее увѣрили, что я была самой педантичной женщиной, неестественной и съ большими претензіями.

Принцесса сказала мнѣ, что она боялась меня, какъ очень ученаго человѣка. Я знала, что все это были интриги, пущенныя въ ходъ съ цѣлью помѣшать ей познакомиться со мной, и сказала Толстой:

— Черезъ нѣсколько времени, госпожа де-Тарантъ будетъ ежедневно бывать у меня; мое сердце говоритъ мнѣ это и оно рѣдко ошибается.

Послѣ двухъ или трехъ визитовъ, сдѣланныхъ ею мнѣ, я пригласила ее обѣдать; но наканунѣ назначеннаго дня, вечеромъ, моя младшая дочь и дочь графини Толстой заболѣли оспой. Я написала

[1]) Наталья Ивановна, урожденная Головина, родилась въ 1768 году, умерла въ 1831 году.

[2]) Екатерина Федоровна, бывшая фаворитка князя Потемкина.

принцессѣ, выражая ей сожалѣніе, что не могу принять ее. Моя дочь была въ очень опасномъ положеніи и, хотя дочь Толстой была не такъ сильно больна, она умерла въ судорогахъ. Я видѣла, какъ она кончалась. Мать находилась въ состояніи, достойномъ сожалѣнія. Я увезла ее къ себѣ, также и ея мужа, остававшагося двѣ недѣли у насъ. Я ухаживала за графиней около мѣсяца.

Когда прошли шесть недѣль, принцесса де-Тарантъ написала мнѣ о своемъ желаніи меня видѣть. Я приняла ея предложеніе. Когда она вошла въ комнату, я сидѣла рядомъ съ Толстой. Печальное выраженіе лица послѣдней поразило госпожу де-Тарантъ. Она подалась назадъ отъ удивленія. Я встала навстрѣчу ей и посадила ее между графиней и мной. У госпожи де-Тарантъ не хватило храбрости посмотрѣть въ ея сторону или заговорить съ ней, какъ вдругъ съ Толстой сдѣлался ужасный нервный припадокъ. Принцесса взяла ее на руки и отнесла ее вглубь моего кабинета. Она оказала ей самыя усердныя заботы. У меня совершенно не было силъ: положеніе Толстой лишило меня ихъ. Когда ей стало лучше, госпожа де-Тарантъ подошла ко мнѣ и сказала:

— Вы несчастны и неспокойны; позвольте мнѣ пріѣхать завтра.

Дѣйствительно, она пріѣзжала каждый день. Наша дружба возникла легко: она оплакивала любимую государыню и я понимала ее лучше, чѣмъ кто-либо другой.

III.

Дворъ возвратился въ Гатчину въ первыхъ числахъ ноября. Въ началѣ тамъ были маневры гвардейскихъ полковъ, всегда слѣдовавшихъ за Императоромъ. Маневры производились каждый годъ въ одно время кромѣ 1799 года, когда былъ Италійскій походъ. Когда наступила зима, по вечерамъ давались спектакли. Большею частью это была итальянская опера, не потому что Государь не любилъ французской комедіи, но во время траура по Государынѣ труппа разсѣялась и другой еще не собрали.

Дворъ уѣхалъ изъ Гатчины 4 ноября и провелъ въ Царскомъ Селѣ 5 ноября годовщину апоплексическаго удара, предшествовавшаго

смерти Екатерины II. Лица, питавшія въ глубинѣ души искреннее сожалѣніе о ней, могли найти удовольствіе въ молитвѣ за нее въ мѣстѣ, гдѣ все напоминало ее и, казалось, было еще полно ею; осень придала этимъ прекраснымъ мѣстамъ печальный видъ, что такъ подходило къ настроенію дня.

Это былъ послѣдній день траура. Возвратясь въ городъ, дворъ принялъ совершенно иной образъ жизни, чѣмъ въ прошломъ году. Апартаменты Ихъ Величествъ, какъ частные, такъ и предназначенные для пріема, были передѣланы. Театръ Эрмитажа, куда при Екатеринѣ II допускалось только избранное общество, былъ открытъ для всѣхъ, кто по своему чину былъ принятъ при дворѣ, а также для офицеровъ гвардіи. Пышная свита сопровождала туда Императора и его семейство, тогда какъ Екатерина II старалась устранить это въ Эрмитажѣ.

За мѣсяцъ передъ родами Государыня получила извѣстіе о смерти своего отца, владѣтельнаго герцога Виртембергскаго. Государыня провела въ уединеніи эти послѣднія четыре недѣли; но это не помѣшало Государю и остальнымъ членамъ его семьи по-прежнему появляться въ обществѣ.

Польскій король умеръ въ началѣ января 1798 года. Это не было несчастьемъ для него, потому что жизнь его была мало пріятна. Хотя онъ никогда не осмѣливался претендовать на тронъ, на который возвела его Екатерина II, все-таки онъ былъ королемъ и успѣлъ привыкнуть къ этому сану. Роль, которую онъ игралъ въ Петербургѣ, не могла не быть тягостной для человѣка его ума и чувствительности. Онъ получалъ содержаніе отъ двора, жилъ въ императорскихъ дворцахъ, зимою—въ Мраморномъ, а лѣтомъ—въ Каменно-Островскомъ. Ему приходилось часто появляться при дворѣ и потому часто подвергаться, какъ и остальнымъ, проявленіямъ измѣнчивости настроенія Государя; но въ его положеніи было особенно тяжело выносить ихъ. У него бывали большіе пріемы и его смерть была большой потерей для петербургскаго общества. Онъ умеръ отъ апоплексическаго удара, совершенно такъ же, какъ Императрица Екатерина II, и былъ погребенъ въ католической церкви въ Петербургѣ со всѣми почестями, должными его сану.

Двадцать восьмого января Императрица родила сына, названнаго,

по желанію Императора, Михаиломъ. Не трудно было направить къ мистицизму живое и горячее воображеніе Государя, и лица, близко стоявшія къ нему, позаботились объ этомъ. Съ самаго начала царствованія Павла I разсказывали, что часовой въ Лѣтнемъ дворцѣ видѣлъ Михаила Архангела и даже имѣлъ съ нимъ разговоръ, точный смыслъ котораго не былъ извѣстенъ. Какъ бы то ни было, Лѣтній дворецъ рѣшено было сломать [1]) и Государь по возвращеніи изъ Москвы положилъ первый камень въ фундаментъ Михайловскаго дворца [2]) на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ Лѣтній дворецъ.

Все время своего царствованія онъ съ особой заботой занимался постройкой этого зданія. Онъ разстроилъ финансы изъ-за поспѣшности и роскоши, съ которой онъ его обставилъ; и едва онъ вступилъ во владѣніе имъ, какъ этотъ дворецъ сталъ его могилой, по какой причинѣ онъ и былъ оставленъ его наслѣдниками. Со времени этого предполагаемаго явленія Государь возымѣлъ желаніе, если у него еще будетъ сынъ, дать ему имя Михаила.

Немного спустя послѣ родовъ Императрицы пріѣхалъ въ Петербургъ герцогъ Энгіенскій къ своему дѣдушкѣ, принцу де Кондэ, находившемуся тамъ уже два мѣсяца, и появился при дворѣ въ первый разъ на балу въ Эрмитажѣ.

Лѣтомъ 1897 г. послѣ мира, заключеннаго между Австріей и Франціей, Императоръ Павелъ I предложилъ арміи Кондэ, остававшейся въ бездѣйствіи послѣ этого мира, службу и помѣщеніе. Предложеніе было принято съ горячей благодарностью. Князь Горчаковъ [3]) отправился за арміей на Дунай и привелъ ее въ Волынію къ концу того же года. Герцогъ Энгіенскій находился при арміи и пріѣхалъ въ

[1]) Старый деревянный дворецъ, служившій временной остановкой Екатерины II, когда она лѣтомъ пріѣзжала въ Петербургъ, для участія въ какой-нибудь церемоніи. (*Примѣчаніе автора*).

[2]) Раскапывая мѣсто для фундамента этого дворца, нашли камень, на которомъ было вырѣзано имя несчастнаго Ивана. (*Примѣчаніе автора*). Иванъ VI сынъ Антонъ-Ульриха Брауншвейгскаго и племянникъ Императрицы Анны Іоановны, назначившей его своимъ наслѣдникомъ. Былъ заключенъ въ тюрьму вскорѣ послѣ своего рожденія въ 1741 году и былъ убитъ въ 1764 году въ Шлиссельбургской крѣпости.

[3]) Александръ Ивановичъ Горчаковъ (1764—1817) племянникъ Суворова, впослѣдствіи (1812 г.) военный министръ.

Петербургъ только послѣ того, какъ она была размѣщена въ Дубно. Принцъ де-Кондэ дожидался его тамъ. Графъ Шуваловъ былъ посланъ на границу на встрѣчу принцу съ шубами, подаркомъ Государя. По пріѣздѣ въ Петербургъ Его Высочество остановился въ Таврическомъ дворцѣ, такъ какъ домъ Чернышева, который Государь купилъ для него [1]), чтобы сдѣлать ему подарокъ, и на которомъ уже стояла надпись: *Отель де-Кондэ*, еще не былъ окончательно устроенъ. Принца предупредили, что для него приготовленъ ужинъ и онъ можетъ пригласить кого онъ сочтетъ нужнымъ.

На другой день Его Высочеству сдѣлали визиты оба Великихъ Князя и другія должностныя лица. Государь пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго и католическое пріорство Мальтійскаго ордена. Никогда не узнали, что вызвало охлажденіе Его Величества къ принцу черезъ очень короткое время.

Принцъ де-Кондэ и герцогъ Энгіенскій уѣхали изъ Петербурга въ Дубно въ концѣ февраля или въ началѣ марта 1798 года. Въ теченіе этого года многія мѣстности были посѣщены маркизомъ де-Монтессонъ [2]) въ поискахъ подходящаго для колоній мѣста, какъ это было обѣщано, но не пришли ни къ какому окончательному рѣшенію по этому поводу. Въ 1799 году армія съ честью участвовала въ походѣ Суворова, но послѣ этого похода намѣренія петербургскаго кабинета перемѣнились и принцъ де-Кондэ, получивъ извѣщеніе, что кабинетъ всталъ на сторону Бонапарта, повелъ переговоры съ Англіей, предлагая свою армію этой державѣ, которая и приняла это предложеніе. Павелъ I, узнавъ объ этихъ переговорахъ и не желая, чтобы принцъ предупредилъ его своимъ прошеніемъ объ отставкѣ, быстро послалъ приказъ о расформированіи армій. Армія находилась въ это время въ Австріи. Англія также не замедлила съ подобнымъ приказомъ и эта благородная армія постепенно разсѣялась, причемъ большая часть солдатъ возвратилась во Францію.

У Государыни были трудные, но не опасные роды. Такъ какъ ея постоянный акушеръ умеръ, выписали другого изъ Берлина. Этотъ

[1]) За 200000 рублей. Указъ отъ 28 іюня 1798 г.

[2]) Жанъ-Луи, родился въ 1746 году умеръ въ Польшѣ въ 1802 году. Командовалъ полкомъ въ арміи принцевъ, потомъ перешелъ на русскую службу съ чиномъ генералъ-майора.

послѣдній, безъ сомнѣнія, подговоренный тѣми, кто желалъ разрушить вліяніе Императрицы и Нелидовой, именно Кутаисовымъ, объявилъ Государю, что онъ не ручается за жизнь Государыни, если она еще забеременѣетъ. Это послужило источникомъ всѣхъ интригъ, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе года.

Едва оправившись отъ родовъ, Государыня получила извѣстіе о смерти своей матери какъ разъ въ то время, когда она ждала ея пріѣзда въ Россію. Она была удручена этимъ горемъ и Государь относился къ ней со всей внимательностью и предупредительностью нѣжнаго супруга. Въ половинѣ апрѣля дворъ поѣхалъ въ Павловскъ, а въ началѣ мая Государь вмѣстѣ съ Великими Князьями Александромъ и Константиномъ отправились въ Москву, гдѣ былъ назначенъ общій сборъ войскамъ и маневры. Оттуда Государь и Великіе Князья должны были отправиться въ Рязань. Императоръ провелъ въ Москвѣ пять или шесть дней; публика усердно посѣщала маневры, тѣмъ болѣе что стояла чудная погода; для пріѣзда Государя давались балы и другія празднества.

М-ль Лопухина, обратившая на себя вниманіе Государя еще въ прошломъ году во время коронаціи, показалась ему въ этотъ пріѣздъ еще прекраснѣе. Кутаисовъ изо всѣхъ силъ старался увеличить впечатлѣніе, произведенное ею на Государя, и послѣдній уѣхалъ изъ Москвы страстно влюбленный въ нее, съ твердымъ намѣреніемъ привлечь въ Петербургъ предметъ своей страсти.

Я должна не забыть привести здѣсь одно интересное обстоятельство, случившееся около этого времени съ г-жей де-Тарантъ. Мой мужъ вызвалъ участіе къ тяжелому положенію принцессы де-Тарантъ въ добромъ сердцѣ Великаго Князя Александра и Великой Княгини Елизаветы. Они были такъ добры, что пришли ей на помощь и подарили 12,000 р., подъ условіемъ глубокой тайны относительно этого благодѣянія, сдѣлавшаго ее такъ счастливой, какъ она могла быть въ то время, и облегчая ей возможность помочь своей сестрѣ и ея семьѣ [1]). Ея слезы благодарности наполнили меня радостью. Нѣ-

[1]) По свидѣтельству Ростопчина Павелъ I самъ далъ 260 дукатовъ на путешествіе изъ Лондона въ Петербургъ племяннику принцессы графу де-Круссоль. Ростопчинъ пишетъ по этому поводу: „Его тетка заслуживаетъ наибольшаго уваженія своимъ поведеніемъ, какъ въ прошломъ, такъ и въ

сколько дней спустя она обѣдала въ Таврическомъ дворцѣ; по волѣ случая она сидѣла напротивъ Великой Княгини Елизаветы, которая часто смотрѣла на нее съ выраженіемъ большого участія. Съ удовольствіемъ видишь того, кого сдѣлалъ счастливымъ. Ея выраженіе благожелательности поразило Плещеева, находившагося рядомъ съ ней. Онъ говорилъ объ этомъ принцессѣ и та съ трудомъ могла скрыть благодарность, наполнявшую ея сердце. Принцесса принесла цвѣтокъ, который Великая Княгиня поручила передать мнѣ.

IV.

Лѣто 1798 года я провела въ деревнѣ на Петергофской дорогѣ вмѣстѣ съ Толстой и де-Тарантъ. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше я привязывалась къ послѣдней. Ея прекрасная отзывчивая душа была способна оцѣнить дружбу. И съ каждымъ днемъ я видѣла, какъ увеличивалось мое расположеніе къ ней. Ея гордый и твердый характеръ вызывалъ ощущеніе покоя той поддержкой, которую я находила въ немъ.

Лордъ Уайтвортъ, посланникъ Англіи, жилъ недалеко отъ насъ. Мнѣ необходимо упомянуть о немъ въ моихъ мемуарахъ, хотя воспоминаніе о немъ принадлежитъ къ однимъ изъ наиболѣе тяжелыхъ. Вотъ уже долгое время, какъ онъ выказывалъ по отношенію Толстой мнимую страсть, т. е., просто желалъ погубить ее, но онъ скрывалъ свои проекты, подъ самой обольстительной маской. Никогда онъ не сказалъ ни слова, которое могло бы оскорбить ее; онъ весь былъ проникнутъ уваженіемъ и вниманіемъ къ ней. Такое отношеніе продолжалось много лѣтъ. Наконецъ она замѣтила чувство, внушенное ею, но ея недовѣріе къ себѣ и дружба, наполнявшая тогда ея сердце, помогали ей избѣгать опасности безъ всякаго усилія. Но все-таки это сосѣдство мнѣ не нравилось. Я никогда не могла выносить любви мужчины къ замужней женщинѣ. Я даже нахожу эти чувства преступными,

настоящемъ. Я имѣлъ случай часто видѣть ее и, къ своему удивленію, нашелъ, что кромѣ имени въ ней нѣтъ ничего французскаго.

(*Архивъ Воронцова* VIII, 191).

въ особенности въ человѣкѣ, которому около пятидесяти лѣтъ [1]). Въ это время, хотя въ поведеніи лорда Уайтворта не было еще ничего предосудительнаго, все-таки легко было замѣтить, что онъ начиналъ переходить извѣстныя границы. Я остерегалась обратить вниманіе Толстой: было бы ужасно смутить ея спокойствіе. Но послѣдующія событія слишкомъ оправдали мои опасенія.

Императоръ возвратился изъ поѣздки къ концу іюня. Государыня и Нелидова выѣхали навстрѣчу ему въ Тихвинъ. Онѣ были крайне поражены перемѣною его отношенія къ нимъ. Ихъ Величества вмѣстѣ возвратились въ Павловскъ, гдѣ Государыня приготовила праздникъ по случаю пріѣзда Государя. На этомъ праздникѣ впервые появилась мадамъ Шевалье [2]), актриса, которая съ этого времени заняла видное положеніе въ Петербургѣ. Въ части сада, называвшагося *Соловей*, многія изъ аллей кончались круглой огороженной площадкой. На каждой изъ этихъ площадокъ были устроены различныя сцены. На одной была сцена изъ комедіи, на другой изъ балета, на третьей изъ оперы и т. д. Обойдя всѣ аллеи, дошли до послѣдней, въ концѣ которой находилась хижина, существовавшая съ основанія Павловска и поэтому оставленная нетронутой.

У входа въ послѣднюю аллею, графъ Вельегорскій [3]), переодѣтый пустынникомъ, подошелъ къ Императору и, сказавъ ему нѣсколько красивыхъ комплиментовъ, попросилъ его взойти къ нему въ хижину. Императоръ послѣдовалъ за нимъ и увидѣлъ сзади хижины

[1]) Лордъ Шарль Уайтвортъ родился въ 1760 году, умеръ въ 1825 году.

[2]) Она долгое время съ большимъ успѣхомъ исполняла первыя роли въ Парижской Оперѣ Съ талантомъ пѣвицы она соединяла красивую внѣшность, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующее посвященное ей четверостишіе:

Chevalier, quelles sûres armes
Pour mettre un amant sous vos lois!
Vous seduisez par votre voix
Des coeurs echappés à vos charmes.

Шевалье, какимъ вѣрнымъ оружіемъ обладаете вы,
Чтобы покорить любовника!
Вы прельщаете голосомъ
Тѣхъ, кто ускользаетъ отъ вліянія вашей красоты.

Въ Петербургѣ она стала любовницей Кутаисова и вліяніе, пріобретенное ею такимъ образомъ, она употребила за извѣстное денежное вознагражденіе въ пользу Перваго Консула.

[3]) Георгій Вельегорскій, польскій дворянинъ, поселившійся въ Россіи женившійся на русской м-ль Матушкиной.

оркестръ, акомпанировавшій хору изъ всѣхъ Великихъ Княгинь и Княженъ, исполнявшихъ изъ *Люциліи* [1]) *„Нигдѣ такъ не хорошо, какъ среди своей семьи“*. Все было очень хорошо, если не считать, что никогда Государь не возвращался къ своей семьѣ съ чувствами, такъ мало приличествующими отцу семейства.

Ужиномъ подъ музыку въ маленькомъ саду Государыни закончился праздникъ. Стояла прекрасная погода, много способствовавшая тому, чтобы праздникъ казался прекраснымъ тѣмъ, кому возвращеніе Государя сулило счастье. Но тотъ, для кого онъ предназначался, едва сохранялъ внѣшне довольный видъ и Государыня предчувствовала уже всѣ непріятности, ожидавшія ее.

Кончался іюнь мѣсяцъ и Государь выказывалъ живѣйшее нетерпѣніе поскорѣе отправиться въ Петергофъ. Сообразно тому, насколько Государь находилъ пріятнымъ пребываніе въ Павловскѣ, придворные опредѣляли степень вліянія Государыни на своего супруга. Къ несчастью, Государыня схватила трехдневную лихорадку почти въ тотъ моментъ, когда дворъ долженъ былъ отправиться въ Петергофъ. Это препятствіе страшно раздражило Государя и онъ готовъ былъ думать, что Государыня притворилась больной, чтобы помѣшать ему. Онъ даже не постарался скрыть отъ нея свое недовольство и съ этого времени для нея начался цѣлый рядъ огорченій.

Въ ожиданіи Императора были всѣ признаки страсти влюбленнаго двадцатилѣтняго юноши. Онъ сдѣлалъ Великаго Князя Александра повѣреннымъ своихъ чувствъ, только и говорилъ ему, что про Лопухину, описывая все, что въ немъ происходило: мечты, воображенія, надежды, проекты и волненія.

— Вообразите до чего доходитъ моя страсть, — сказалъ онъ однажды своему сыну,—я не могу смотрѣть на маленькаго горбуна Лопухина, не испытывая сердцебіенія, потому что онъ носитъ ту же фамилію, что и она.

Лопухинъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ однимъ изъ придворныхъ; онъ былъ горбатъ, мало интересенъ и приходился дальнимъ родственникомъ м-ль Лопухиной [2]).

[1]) Одноактная комедія въ стихахъ слова Мармонтеля, музыка Гретри.

[2]) Въ августѣ 1798 года отецъ Лопухиной былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ; нѣсколько дней спустя онъ получилъ прекрасный домъ по-

Около этого времени въ Петербургъ пріѣхали братья Государыни, два принца Виртембергскихъ. Они служили въ Австріи и эта держава, выступивъ противъ Франціи, направила ихъ къ Государынѣ, предлагая ей склонить Государя соединиться съ австрійскимъ правительствомъ. Императрица, въ восхищеніи отъ возможности сыграть роль, усердно взялась за это порученіе и заручилась содѣйствіемъ князя Безбородко. Послѣдній изъ вѣжливости поддержалъ ея настоянія передъ Государемъ, но Его Величество отвѣтилъ имъ, что онъ «хочетъ сначала обезпечить счастье своего государства, прежде чѣмъ вмѣшиваться въ дѣла своихъ сосѣдей». Этотъ благоразумный отвѣтъ не удовлетворилъ ихъ. Князь Безбородко воспользовался пристрастіемъ Государя ко всякимъ церемоніямъ и предложилъ ему принять подъ свое покровительство Мальтійскій орденъ и потомъ объявить себя гросмейстеромъ ордена. Государь съ восторгомъ принялъ эту мысль и въ силу этого необходимо долженъ былъ вступить въ соглашеніе съ Австріей. Блестящій походъ въ слѣдующемъ году, въ которомъ фельдмаршалъ Суворовъ вновь отвоевалъ Италію, былъ результатомъ этого союза, а также бракъ Великой Княжны Александры съ палатиномъ Венгріи.

Какъ только Императрица поправилась, дворъ поѣхалъ въ Петергофъ и тамъ произошли всѣ перемѣны, удалившія отъ двора лицъ, частью поддерживавшихъ вліяніе Императрицы и частью поддерживаемыхъ ею. Нелидова покинула дворъ и удалилась въ общежитіе. Военный губернаторъ С.-Петербурга Буксгевенъ [1]), ея другъ и протеже,

койнаго адмирала Рибаса на берегу Невы и былъ назначенъ членомъ Совѣта. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а черезъ пять мѣсяцевъ князя съ титуломъ свѣтлости, кромѣ того имѣніе съ 8000 душъ, портретъ Его Величества, большой крестъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго и орденъ Св. Андрея съ брильянтами. „Это страсть временъ рыцарства“—писалъ Ростопчинъ Воронцову въ ноябрѣ 1798 г. (*Архивъ Воронцова VIII*, 275).

1) Графъ Федоръ Федоровичъ Буксгевенъ (1750—1814) принадлежалъ къ одному изъ старинныхъ родовъ Ливоніи. Блестящая военная карьера подъ начальствомъ Румянцева, Панина и принца Нассау, также расположеніе Григорія Орлова, на незаконной дочери котораго Наталіи, онъ былъ женатъ, были причиною его высокаго положенія. Въ 1795 году прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ II предоставилъ ему титулъ графа.

потерялъ свое мѣсто. Вскорѣ послѣ того онъ былъ высланъ въ свое имѣніе въ Ливонію и Нелидова, очень дружная съ его женой, уѣхала вмѣстѣ съ ними.

Графъ Николай Румянцевъ [1]), оберъ-гофмейстеръ, котораго Государь считалъ также однимъ изъ вѣрныхъ слугъ своей супруги, былъ также предназначенъ къ высылкѣ; но вмѣшательство Великаго Князя Александра остановило приказъ, правда только на время, потому что нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ все-таки былъ высланъ. Графъ Николай Румянцевъ былъ раньше нашимъ министромъ во Франкфуртѣ и ему было поручено Императрицей Екатериной II вести переговоры относительно брака Великаго Князя Александра съ принцессой Луизой Баденской. Въ тотъ день, когда Государь уже отдалъ приказъ объ его высылкѣ, Великій Князь Александръ подошелъ къ Великой Княжнѣ Елизаветѣ, когда она спускалась съ лѣстницы для вечерней прогулки, и сказалъ ей быстро:

— Поблагодарите отца, когда будете рядомъ съ нимъ; изъ вниманія къ намъ онъ отмѣнилъ приказъ о высылкѣ графа Румянцева; сейчасъ я не могу вамъ сказать больше.

Великая Княгиня не вмѣшивалась въ придворныя интриги и узнавала о нихъ только впослѣдствіи по объявленнымъ результатамъ, поэтому она была очень удивлена словами Великаго Князя, но тѣмъ не менѣе исполнила порученное ей. Императоръ очень хорошо принялъ ея благодарность и сказалъ ей много любезнаго по этому поводу. Остановились въ *Монплезирѣ* и въ то время, когда всѣ гуляли на террасѣ, Государыня отвела въ сторону Великую Княгиню и спросила у нея:

— Гдѣ графъ Румянцевъ? Говорятъ онъ высланъ; что вы знаете объ этомъ?

Великая Княгиня чистосердечно разсказала ей все, что ей было извѣстно. Въ тотъ же моментъ Великій Князь Александръ, желая скрыть отъ матери непріятную для нея новость, что Государь вооруженъ противъ графа Румянцева, подошелъ къ нимъ. Услыхавъ объ чемъ онѣ разговариваютъ, онъ горячо упрекалъ Великую Княгиню

1) Николай Петровичъ Румянцевъ, родился въ 1754 г., умеръ въ 1826 г.

за то, что она разсказала эту исторію Императрицѣ. Ея Величество съ живостью возразила:

— Когда всѣ покидаютъ меня, неужели вы сердитесь, что ваша жена не потеряла довѣрія ко мнѣ?

Упреки были несправедливы, но эти слова Государыни глубоко тронули Великую Княгиню и она желала бы утѣшить ее, тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ, какъ Государыня была несчастной, ея обращеніе съ Великой Княгиней потеряло оттѣнокъ высокомѣрія.

Въ томъ году дворъ прожилъ въ Петергофѣ до первыхъ дней августа. Я отправилась туда на именины Государыни вмѣстѣ съ двумя моими подругами и м-ль Бломъ, племянницей барона Бломъ, датскаго посланника. Великая Княгиня Елизавета позволила мнѣ повидаться съ ней утромъ въ Англійскомъ саду, куда она пришла вмѣстѣ съ Великой Княгиней Анной, а я съ моими подругами. Мы съ ней разговаривали вдвоемъ, что мнѣ напомнило счастливыя времена. Это былъ послѣдній нашъ разговоръ въ такомъ родѣ.

Дворъ провелъ еще двѣ недѣли въ Павловскѣ и оттуда переѣхалъ въ Гатчину. Какъ ни любилъ Государь это имѣніе, обыкновенно продолжая пребываніе тамъ до поздней осени, на этотъ разъ онъ уѣхалъ, проживъ тамъ полтора мѣсяца, потому что приближался пріѣздъ Лопухиной. Безъ сомнѣнія, состояніе экзальтаціи, въ которой онъ находился, внушило ему мысль придать своему возвращенію въ городъ болѣе торжественный видъ. Онъ выѣхалъ изъ Гатчины во главѣ гвардіи и другихъ полковъ, собиравшихся обыкновенно осенью на маневры. Войска такъ же, какъ и дворъ, совершили путь отъ Гатчины до Петербурга въ два дня. На ночь остановились въ Красномъ Селѣ. Войска расположились лагеремъ, а дворъ помѣстился въ старомъ деревянномъ дворцѣ. Была хорошая погода и дорога, избранная на этотъ разъ, проходила по болѣе красивымъ мѣстностямъ, чѣмъ та, по которой дворъ обыкновенно ѣздилъ изъ Гатчины въ Петербургъ. Все это придавало шествію торжественный видъ.

Великая Княгиня Елизавета страдала отъ начинающейся беременности, тѣмъ болѣе, что плохая дорога внушала ей опасенія, которыя она принуждена была скрывать, не будучи вполнѣ увѣренной въ своемъ положеніи. Былъ моментъ, когда она думала, что съ ней бу-

детъ плохо, но къ счастью все обошлось, и по пріѣздѣ въ Петербургъ, она въ тотъ же вечеръ присутствовала на спектаклѣ въ Эрмитажѣ.

V.

Черезъ двѣ недѣли по возвращеніи въ городъ пріѣхала семья Лопухиныхъ. Отецъ сейчасъ же былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ на мѣсто князя Алексѣя Куракина. Его жена получила портретъ, а его дочь Анна Лопухина была назначена фрейлиной. Уже не удивлялись ничему, иначе назначеніе г-жи Лопухиной придворной дамой съ портретомъ вызвало бы вполнѣ справедливый ропотъ [1]). Она не только была не высокаго происхожденія и манеры ея обнаруживали полное отсутствіе воспитанія, но кромѣ того она была извѣстна своимъ безпорядочнымъ поведеніемъ. Она была мачихой Анны Лопухиной и ея двухъ младшихъ сестеръ, потерявшихъ родную мать въ раннемъ возрастѣ. Одна изъ сестеръ была замужемъ за Демидовымъ и такъ же красива, какъ и Анна Лопухина. Она появилась при дворѣ также какъ и вся семья и даже друзья ея [2]) и, повидимому, почувствовала самую горячую страсть къ Великому Князю Александру. Государь былъ на ея сторонѣ и способствовалъ всѣми средствами этой интригѣ. Однажды онъ поѣхалъ къ м-ль Лопухиной вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Александромъ и, какъ будто нечаянно, заперъ послѣдняго въ комнатѣ вдвоемъ съ г-жей Демидовой

Со своей стороны она употребила все, что только допускало безстыдство и развращенность, чтобы привлечь его. Но она не настолько нравилась ему, чтобы это чувство взяло верхъ надъ отвращеніемъ, которое внушало ему ея поведеніе, и заставило забыть о непріятностяхъ, которыя могли явиться слѣдствіемъ подобныхъ отношеній съ семьей Лопухиныхъ. Великій Князь удержался и стремился настолько же избѣгать ее, насколько она искала его.

Императоръ придалъ своей страсти и всѣмъ ея проявленіямъ рыцарскій характеръ, почти облагородившій ее, если бы къ ней не примѣшивались крайности. Онъ принялъ на себя гросмейстерство Мальтійскаго ордена. Онъ пожаловалъ этотъ орденъ всѣмъ Князьямъ и Княгинямъ Императорскаго дома. Роздалъ всѣ орденскія степени, создалъ новыя, увеличивалъ насколько возможно поводы для различныхъ церемоній при дворѣ. М-ль Лопухина получила Мальтійскій орденъ, это была единственная женщина, которой была предоставлена эта милость кромѣ членовъ Императорскаго Дома и графини Скавронской [1]), вышедшей замужъ около этого времени за графа де Литта, бывшаго много лѣтъ министромъ гросмейстера Мальтійскаго ордена при русскомъ Дворѣ; при его посредствѣ состоялось предложеніе гросмейстерства Императору Павлу.

Имя *Анны*, въ которомъ открыли мистическій смыслъ *Божественной милости*, стало девизомъ Государя. Онъ помѣстилъ его на знамена своего перваго гвардейскаго полка. Малиновый цвѣтъ, любимый Лопухиной, сталъ излюбленнымъ цвѣтомъ Государя, а слѣдова-

---

[1]) Екатерина Николаевна Шетнева, (1763—1839), была второй женой Петра Лопухина и мачихой фаворитки Павла.

[2]) Уваровъ, простой офицеръ кирасирскаго полка, любовникъ г-жи Лопухиной, былъ назначенъ адъютантомъ Государя и немного спустя командующимъ полкомъ кавалегвардовъ, личнымъ конвоемъ Государя. *(Примѣчаніе автора)*. Изъ неизвѣстнаго рода Тульской губерніи Федоръ Петровичъ Уваровъ (1769—1824) принималъ участіе въ убійствѣ Павла I и во французской кампаніи, умеръ въ 1824 г. командующимъ конвоемъ Государя.

[1]) Екатерина Васильевна Энгельгардтъ (1761—1829) племянница князя Потемкина. Баронесса Оберкирхъ говоритъ о ней въ своихъ *Мемуарахъ*, какъ о большой красавицѣ Ея первымъ мужемъ былъ графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, внукъ брата Екатерины I, простого крестьянина, облагороженнаго позаимствованной фамиліей и титуломъ. Ея вторымъ мужемъ былъ шевалье Жюль де Литта, по происхожденію миланецъ, женатый несмотря на свою принадлежность къ ордену Св. Іоанна Іерусалимскаго. Онъ служилъ въ русскомъ флотѣ подъ начальствомъ принца де Нассау-Сигенъ. При Александрѣ I онъ былъ назначенъ оберъ-камергеромъ и сохранилъ эту должность и при Николаѣ I.

тельно и двора. Его носили всѣ кромѣ лакеевъ. Государь подарилъ Лопухиной прекрасный домъ на дворцовой набережной. Онъ ѣздилъ къ ней ежедневно два раза въ каретѣ, украшенной только Мальтійскимъ крестомъ и запряженной парой лошадей, въ сопровожденіи лакея, одѣтаго въ малиновую ливрею. Онъ считался въ этомъ экипажѣ инкогнито, но въ дѣйствительности всѣмъ было извѣстно, что это ѣдетъ Государь такъ же, какъ если бы онъ былъ въ своей обыкновенной каретѣ.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производили на жителей Петербурга всѣ эти комедіи. Населеніе было шокировано тѣмъ, что Императоръ болѣе гордъ титуломъ гросмейстера Мальтійскаго ордена, чѣмъ саномъ русскаго Государя. Присоединеніе Мальтійскаго креста къ государственному гербу вызывало всеобщія насмѣшки, какъ и театральныя сцены церемоній этого ордена. Нравственный безпорядокъ замѣнилъ при дворѣ мѣсто строгости, которой требовалъ Государь. Но несмотря на это, прежняя требовательность относительно всего, что касалось службы, была доведена до высшей степени и не трудно было предвидѣть послѣдствія подобнаго порядка вещей.

Великая Княгиня Елизавета объявила о своей беременности въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Императоръ казался очень довольнымъ этимъ извѣстіемъ, вызвавшимъ чрезвычайную радость въ обществѣ. Дѣло относительно брака старшихъ Великихъ Княженъ, Александры и Елены, устраивалось. Ожидали пріѣза эрцгерцога Іосифа палатина Венгріи, жениха первой, и наслѣднаго принца Мекленбургъ-Шверинскаго, жениха второй. Оба пріѣхали и это послужило поводомъ увеличить количество празднествъ и баловъ, какъ при дворѣ, такъ и въ городѣ.

Балы и такъ давались часто, чтобы удовлятворить страсть къ танцамъ м-ль Лопухиной. Она любила вальсировать и этотъ невинный танецъ, запрещенный до сего времени, какъ неприличный, былъ введенъ при дворѣ. Придворный костюмъ мѣшалъ танцовать Лопухиной, она находила его мало изящнымъ, и появился приказъ, чтобы дамы въ выборѣ костюмовъ руководились только своимъ вкусомъ. Этотъ приказъ, которому вся молодежь (не исключая и Великихъ Княгинь) подчинилась съ самымъ большимъ удовольствіемъ, былъ причиною огорченія Государыни. До сего времени она проявляла въ этомъ

отношеніи строгость, граничившую съ преслѣдованіемъ, что очень не нравилось молодымъ особамъ, онѣ торжествовали теперь, видя, что и Государыня обязана подчиниться общему правилу. Но причина этой перемѣны была дѣйствительно изъ такихъ, что могла принести ей сильное страданіе, и другіе жалѣли ее.

Эрцгерцогъ не могъ пробыть долго въ Петербургѣ и поэтому помолвка была отпразднована въ январѣ 1799 года, послѣ чего немного спустя онъ уѣхалъ.

Въ это же время подготовлялась война противъ революціонной Франціи. Государь послалъ 12000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Розенберга; но скупость и нерѣшительность Австріи довели его до того, что онъ отдалъ приказъ войскамъ вернуться въ Россію. Тогда къ Государю послали принца Фердинанда Виртембергскаго добиться, чтобы онъ отмѣнилъ этотъ приказъ. Наконецъ, все устроилось къ удовольствію австрійскаго кабинета. Армія получила подкрѣпленіе въ 24000 человѣкъ; 30000 были посланы подъ начальствомъ Корсакова [1]), двѣнадцать линейныхъ кораблей и двадцать четыре фрегата отправлены въ Голландію. Государь вызвалъ фельдмаршала Суворова и поручилъ ему общее командованіе надъ арміей въ 60000 человѣкъ, приготовленной для этой цѣли еще Екатериной II.

Фельдмаршалъ Суворовъ, прежде чѣмъ направиться къ арміи, пріѣхалъ въ Петербургъ. Онъ былъ принятъ Государемъ со всѣмъ отличіемъ, подобавшимъ его заслугамъ, и ему пришлось присутствовать на частныхъ празднествахъ, которыя устраивались въ это время. Ничто не могло представить болѣе рѣзкаго контраста, чѣмъ присутствіе этого суроваго солдата, одно имя котораго внушало довѣріе арміи и уваженіе Европѣ, среди безумствъ и слабостей, отличавшихъ этотъ дворъ съ такимъ опредѣленнымъ направленіемъ. Странно было видѣть среди сутолоки бала Суворова, покрытаго сѣдыми волосами, съ исхудалымъ лицомъ, носившимъ слѣды строгой ссылки, которую онъ вытерпѣлъ, и Государя, дѣлившаго свое время между нимъ и молодой дѣвушкой, простой съ виду, личико которой едва ли было бы замѣчено, если бы оно не привлекло вниманія Императора.

[1]) Александръ Михайловичъ Корсаковъ (1753—1840) родственникъ одного изъ фаворитовъ Екатерины II. Онъ уже участвовалъ въ походѣ противъ Франціи въ арміи принцевъ.

У Лопухиной была красивая головка, но незначительная фигура. Хотя она и не была совершенно мала, но плохо сложена, съ вдавленной грудью и безъ всякой граціи въ манерахъ. У нея были красивые глаза, черныя брови и такіе же волосы. Ея наибольшей прелестью были прекрасные зубы и пріятный ротъ. У нея былъ маленькій вздернутый носъ, но онъ не придавалъ пикантности ея лицу, съ добрымъ и ласковымъ выраженіемъ. Она дѣйствительно была добра и неспособна пожелать или сдѣлать кому-нибудь злое; но она была не очень умна и безъ всякаго воспитанія.

Ея вліяніе выражалось только въ испрашиваемыхъ ею милостяхъ. У нея не было достаточно средствъ, чтобы распространить его на дѣла, хотя не было недостатка ни въ подлости людской, ни въ любви Императора, чтобы она могла во все вмѣшиваться. Часто она получала отъ Государя прощеніе невинныхъ, съ которыми онъ жестоко поступилъ въ моментъ дурного настроенія. Она плакала тогда или капризничала и получала такимъ образомъ, что она желала. Государыня, изъ угожденія супругу, обходилась съ ней очень хорошо; Великія Княжны ухаживали за ней такъ, что это непріятно было видѣть. Только Великія Княгини Елизавета и Анна относились къ ней съ безразличной вѣжливостью. И то только послѣ того, какъ Государь нашелъ дурнымъ, что онѣ не разговаривали съ ней на первомъ балу. Въ общемъ онѣ старались по возможности избѣгать ея.

Примѣры низости, окружавшіе Великую Княгиню Елизавету, увеличили гордость ея души и одна мысль, что можетъ показаться, будто она ухаживаетъ за фавориткой, бросала ее въ обратную крайность, настолько это было для нея возмутительнымъ. Иногда бывали случаи, что ее вполнѣ справедливо обвиняли въ сухости. Великая Княгиня Анна, безгранично довѣрявшая въ это время своей золовкѣ, держала себя такъ же и по тѣмъ же причинамъ.

Въ это время Великій Князь Константинъ къ дурному обращенію съ своей супругой, которое она терпѣла съ самаго начала брака, присоединилъ еще невѣрность и вольное поведеніе. Освобожденный отъ боязни подвергнуться гнѣву своего отца, онъ завелъ связи, недостойныя его ранга. Онъ часто давалъ въ своихъ апартаментахъ маленькіе ужины актерамъ и актрисамъ и изъ этого послѣдовало, что Великая Княгиня Анна, не знавшая его поведенія, заразилась болѣзнью,

отъ которой долго хворала, не зная ея причины. Медики объявили, что она радикально можетъ вылечиться только съ помощью Богемскихъ водъ, и было рѣшено, что она отправится туда въ мартѣ мѣсяцѣ.

Великій Князь Константинъ около этого времени уѣхалъ въ Вѣну, откуда онъ долженъ былъ направиться въ Италію въ русскую армію. Надо отдать ему справедливость, что когда онъ узналъ о дѣйствіи его поведенія на здоровье жены, онъ испыталъ самое горячее сожалѣніе и старался тысячью способовъ исправить сдѣланную имъ несправедливость. Но Великая Княгиня Анна была полна негодованія и, зная, какъ мало можно повліять на характеръ своего мужа, рѣшила разойтись съ нимъ, пользуясь удобнымъ случаемъ путешествія, чтобы привести въ исполненіе этотъ проектъ. Она собиралась увидаться съ родными, думала, что безъ труда получитъ ихъ согласіе, и легко уладитъ все съ Великимъ Княземъ, пока онъ находится за границей, а потомъ объявитъ Государю и Государынѣ, что никакая сила въ мірѣ не заставитъ ее вернуться въ Россію.

Этотъ планъ, вышедшій изъ семнадцатилѣтней головы и построенный только на горячемъ желаніи осуществить его, былъ сообщенъ Великой Княгинѣ Елизаветѣ. Послѣдняя, хотя и предвидѣла гораздо больше трудности, чѣмъ это предполагала ея подруга, все-таки старалась увѣрить ее въ возможности осуществленія этого проекта, потому что Великая Княгиня Анна, которую она любила съ нѣжностью сестры, связывала съ нимъ все счастье, возможное для нея.

Великій Князь Александръ, питавшій къ ней тѣ же чувства и страдавшій оттого, что она была осуждена на роль жертвы его брата, вошелъ въ ея планы, совѣтовалъ, помогъ ей, ободрилъ ее, и такое серьезное дѣло было легко разрѣшено двумя княгинями, изъ которыхъ одной было семнадцать лѣтъ, а другой девятнадцать и совѣтникомъ двадцати лѣтъ.

Великая Княгиня Анна уѣхала 15 марта въ сопровожденіи оберъ-гофмейстерши ея двора г-жи де-Реннь, гофмейстера Тутолмина и двухъ фрейлинъ м-ль де-Реннь и графини Екатерины Воронцовой [1]), молодой дѣвушки, крайне вѣтренной и непослѣдовательной.

[1]) Екатерина Артемьевна Воронцова, родилась въ 1780 г. умерла дѣвушкой въ 1836 году.

Разлука была очень тягостной для Великихъ Княгинь, потому что, по ихъ плану, она должна была быть неограниченной, почти вѣчной; но свидѣтели, присутствовавшіе при ихъ прощаніи, знали, что Великой Княгинѣ Аннѣ было приказано вернуться осенью, и приписывали огорченіе, испытываемое ими, опасеніямъ, которыя внушало положеніе Великой Княгини Елизаветы, такъ какъ беременность ея приближалась къ концу и ей предстояли первые роды.

Пока до сихъ поръ беременность Великой Княгини протекала насколько возможно счастливо. Я получала объ ней извѣстія черезъ моего мужа, имѣвшаго честь часто видѣть ее. Я встрѣтилась съ ней однажды въ Лѣтнемъ саду, гуляя съ Толстой и де-Тарантъ. Съ Великой Княгиней была одна изъ ея фрейлинъ, княжна Волконская. Я осмѣлилась говорить ей о тяжелыхъ предчувствіяхъ, наполнявшихъ мое сердце, и попросила ее возвратить мнѣ всѣ мои письма. Она сказала мнѣ, что сожгла ихъ, и приказала мнѣ возвратить ея письма. Я взяла на себя смѣлость отказать ей въ этомъ, говоря, что всѣ ея письма безъ затрудненій будутъ возвращены ей послѣ моей смерти.

На почтѣ Ростопчинымъ былъ отданъ строжайшій приказъ, не пропускать ни одного письма Великихъ Княгинь другъ къ другу, не вскрывъ его. Но незадолго до отъѣза Великой Княгини Анны одинъ чиновникъ, знакомый Великимъ Княгинямъ только по имени, нашелъ возможность предупредить ихъ объ этомъ, прибавляя, что онъ умоляетъ ихъ не пользоваться ни симпатическими чернилами, ни какими-либо другими средствами, употребляемыми съ цѣлью ускользнуть отъ почтоваго осмотра, потому что всѣ они извѣстны [1]). Великія Княгини, очень признательныя за это предупрежденіе, такъ какъ онѣ думали, что могутъ свободно переписываться при помощи одного средства, ограничились очень незначительной перепиской.

Великая Княгиня Елизавета очень огорчалась разлукой, не продолжавшейся болѣе семи мѣсяцевъ, но она съ большимъ основаніемъ

[1]) Для интимной переписки съ своей матерью Великая Княгиня Елизавета пользовалась молокомъ вмѣсто чернилъ и писала ей въ іюлѣ 1757 года по этому поводу: «Вмѣсто того чтобы держать его надъ огнемъ, можно также посыпать его угольнымъ порошкомъ; это дѣлаетъ видимымъ написанное и такимъ образомъ можно писать съ обѣихъ сторонъ листа.
(Великій Князь Николай Михайловичъ, *Императрица Елизавета*, т. I.).

могла бы безпокоиться, если бы у нея былъ даръ предвидѣнія о непріятностяхъ, которыя должны были случиться съ ней за этотъ короткій промежутокъ времени.

Князь Безбородко умеръ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и графъ Ростопчинъ занялъ его мѣсто въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Имѣя уже въ своихъ рукахъ управленіе почтой, онъ соединилъ въ своемъ лицѣ самыя важныя должности и пользовался полнымъ довѣріемъ Государя.

По волѣ судьбы съ этого момента всѣ лица, которымъ Великій Князь Александръ выказывалъ довѣріе и дружбу, были удалены одно за другимъ. Я приписываю это судьбѣ, потому что впослѣдствіи Ростопчинъ оправдался, но тогда приближенные Великаго Князя старались увѣрить его, что графъ или небрежно относится къ нему или старается ему повредить. Нельзя удивляться поэтому, что всѣ эти обстоятельства убѣдили въ концѣ-концовъ Великаго Князя, что онъ справедливо можетъ обвинить Ростопчина въ томъ огорченіи, которое ему причиняло удаленіе всѣхъ его друзей.

Князь Александръ Голицынъ былъ первымъ. Онъ былъ внезапно высланъ изъ Петербурга, съ приказомъ отправиться въ Москву, и губернатору этого города было запрещено выпускать его оттуда. Было также приказано держать подъ самымъ строгимъ надзоромъ какъ князя, такъ и лицъ, имѣвшихъ сношенія съ нимъ.

Князь Голицынъ въ царствованіе Екатерины былъ камеръ-пажемъ. Она всегда была очень милостива къ нему, потому что, во-первыхъ, у него былъ пріятный характеръ, а во-вторыхъ, привязанность его къ ней граничила съ культомъ. Вскорѣ по выходѣ его изъ пажей она назначила его камеръ-юнкеромъ двора Великаго Князя Александра. Его умъ и умѣнье быть пріятнымъ въ обществѣ снискали ему особую милость и даже довѣріе Великаго Князя. У него былъ очень веселый характеръ и гибкій умъ, но въ немъ не было ничего конспиративнаго и онъ не больше мѣшался въ дѣла, чѣмъ это дѣлали остальные. Предлогомъ къ такой строгости въ отношеніи къ нему считали интригу между Великимъ Княземъ и мадамъ Шевалье. Эта актриса, любовница Кутаисова, дѣлала очень большіе авансы Великому Князю и послѣдній, обольщенный ея красотой и граціей, былъ склоненъ отвѣчать на ея чувства. Утверждаютъ, что князь Голицынъ игралъ роль посредника въ этой интригѣ и Кутаисовъ, ревнуя, не будучи въ состояніи ото-

мстить самому Великому Князю, обратилъ свои чувства на посредника; какъ бы то ни было Великій Князь былъ очень огорченъ удаленіемъ Голицына и строгостью, съ которой съ нимъ обошлись.

Дворъ отправился въ Павловскъ въ первыхъ числахъ мая и помолвка Великой Княжны Елены была вскорѣ отпразднована тамъ очень торжественно [1]).

Восемнадцатаго мая Великая Княгиня Елизавета родила дочь [2]). Государь былъ очень обрадованъ рожденіемъ внучки, которое ему было объявлено почти въ тотъ же моментъ, когда курьеръ изъ арміи привезъ ему вражескія знамена и извѣстіе о побѣдѣ Суворова въ Италіи [3]). Государь любилъ выставлять на видъ это обстоятельство и объявилъ себя покровителемъ новорожденной, къ которой, какъ говорилъ онъ, могли плохо относиться потому, что это не былъ мальчикъ.

Рожденіе маленькой Великой Княжны сдѣлало меня болѣе чѣмъ счастливой. Я была въ Павловскѣ на крестинахъ [4]). Утромъ того же дня Государь позволилъ Великому Князю просить какихъ онъ пожелаетъ милостей для особъ его двора. Великій Князь попросилъ у него Александровскую ленту для графа Толстого, св. Анны для Ададурова, камергера его двора, и большую Екатерининскую ленту для графини Шуваловой. Какъ только указы объ этомъ были подписаны и стали извѣстны графу Ростопчину, онъ пошелъ къ Императору и сказалъ ему, что онъ поступитъ несправедливо, если не дастъ Александровской ленты моему мужу, стоявшему во главѣ двора его сына и служившаго всегда честно Великому Князю.

Императоръ согласился съ этими замѣчаніями и сказалъ Ростопчину напомнить ему объ лентѣ послѣ церемоніи крещенія. Мы ничего не знали объ этомъ. Я ночевала въ Царскомъ Селѣ и попала въ Павловскъ какъ разъ къ тому времени, когда мнѣ слѣдовало вмѣстѣ съ придворными отправиться въ церковь. Церемонія эта очень растрогала меня, въ особенности, когда Государь самъ поднесъ ре-

[1]) 5 мая 1799.

[2]) Великая Княжна Марья Александровна умерла 27 іюля 1800.

[3]) Надъ Моро при Кассано 27 апрѣля 1799, послѣ чего Суворовъ завлялъ Миланъ.

[4]) 29-го мая 1799.

бенка къ причастію. Онъ сдѣлалъ это съ особымъ чувствомъ, что было замѣчено всѣми. Когда я вернулась въ гостиную, чтобы подождать тамъ обѣда, мужъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Толстому дадутъ Александровскую ленту, Великій Князь пожелалъ этого. Если у васъ спросятъ, получу ли я, отвѣчайте, что вы ничего не знаете.

Императоръ, возвратясь въ кабинетъ, позвалъ Кутаисова и сказалъ:

— Ростопчинъ говорилъ мнѣ сегодня утромъ, что я что-то долженъ сдѣлать, и я забылъ... Ахъ, знаю! Позовите мнѣ Головина и принесите мнѣ Александровскую ленту.

Какъ только мой мужъ вошелъ въ кабинетъ, Государь подошелъ къ нему и сказалъ:

— Я совершилъ очень большую несправедливость и спѣшу исправить то, что сдѣлано моимъ сыномъ безъ достаточнаго размышленія. Вы болѣе другихъ достойны его вниманія и расположенія.

Государь послалъ Кутаисова сказать Великому Князю Александру, что онъ далъ Александровскую ленту человѣку, наиболѣе достойному этого знака отличія. Въ ту же минуту въ кабинетъ вошла Государыня. Государь сдѣлалъ знакъ моему мужу не благодарить ее. Она была крайне удивлена тѣмъ, что мой мужъ былъ наединѣ съ Государемъ, а также лентой, которую она видѣла на немъ. Насъ увѣряли, что она противилась этому, и, когда она вышла изъ кабинета, Государь сказалъ мужу:

— Я вамъ сдѣлалъ знакъ не благодарить ее, увѣряю васъ не за что было.

Великій Князь принялъ мужа съ замѣшательствомъ. Послѣдній сказалъ ему, что ему очень тяжело, что онъ не можетъ считать ленту знакомъ вниманія Его Императорскаго Высочества, что Великій Князь долженъ достаточно знать его, для того, чтобы вѣрить, что мой мужъ цѣнитъ не ленту, а его мнѣніе, и увлеченный горячностью своего характера, онъ позволилъ сказать себѣ слишкомъ суровыя истины, чего подданный никогда не долженъ говорить монарху, какъ бы ни были искренни его намѣренія. Онъ попросилъ у Великаго Князя разрѣшенія подать въ отставку. Послѣдній слабо сопротивлялся. Отъ Великаго Князя мужъ прошелъ къ Великой Княгинѣ, чтобы поблаго-

дарить ее. Она ничего не знала и поручила передать мнѣ, чтобы я пришла къ ней.

Я застала ее лежащей на кушеткѣ и около нея княжну Четвертинскую [1]). Мой визитъ продолжался не долго: присутствіе княжны стѣсняло меня. Я простилась съ Великой Княгиней и прошла въ помѣщеніе графини Толстой. Мужъ пришелъ туда немного спустя и передалъ мнѣ все, что я разсказала выше. Я была глубоко взволнована этимъ. Онъ признался мнѣ, что ему очень трудно было скрыть все, что въ немъ происходило, во время визита къ Великой Княгинѣ, которой онъ очень сочувствовалъ. Онъ сказалъ мнѣ еще, что главной причиной, заставившей его покинуть дворъ, было все то, что подготовлялось въ свитѣ Великаго Князя противъ Великой Княгини и чему онъ не могъ противодѣйствовать.

Онъ просился въ чистую отставку. Но Государь позволилъ оставить дворъ, но не службу. Его Величество положительно потребовалъ, чтобы онъ взялъ какую-нибудь должность. Мужъ не могъ ослушаться и попросилъ должность президента почты, гдѣ графъ Ростопчинъ былъ начальникомъ [2]). Государь согласился и назначилъ его также сенаторомъ.

---

[1]) Марья Антоновна Четвертинская (1779—1851) была замужемъ за оберъ-егермейстеромъ Дмитріемъ Львовичемъ Нарышкинымъ, котораго звали „королемъ кулиссъ“ и „принцемъ каламбуровъ“; умеръ въ 1836 г. Марья Антоновна была извѣстна своею красотою и связью съ Императоромъ Александромъ I, отъ котораго у нея была дочь Софья; послѣдняя пользовалась горячей любовью своего отца, она воспитывалась во Франціи, по причинѣ ея слабаго здоровья и была просватана за графа Шереметьева, но умерла въ 1824 году до брака. Послѣ смерти своего мужа Марья Антоновна вторично вышла замужъ за нѣкоего Брозина.

[2]) Съ 31 мая 1799. Графъ Головинъ былъ назначенъ президентомъ почты 6-го іюня 1799.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

1799—1800.

I. Недовольство Великаго Князя Александра.—Фаворъ князя Чарторижскаго.—Побѣды Суворова.—Бракъ Лопухиной. II. Личное горе.—Перемѣна отношенія Великой Княгини Елизаветы.—Англійская гувернантка и французскій дворянинъ. III. Великая Княгиня Елизавета и Князь Чарторижскій.—Обвиненія Государыни.—Удаленіе Чарторижскаго.—Графиня Толстая въ подозрѣніи. IV. Свадьба Великихъ Княженъ Александры и Елены.—Проектъ развода Великой Княгини Анны.—Праздники въ Гатчинѣ. —Мрачныя предчувствія Государя. V. Въ уединеніи.—Перемѣны при дворѣ Великой Княгини Елизаветы.—Фаворъ Палена.—Измѣна Австріи.—Отозваніе русскихъ войскъ.—Опала и смерть Суворова.—Популярность Великаго Князя Александра. VI. Романъ графини Толстой.—Раздражительность и странности Императора Павла I.—Печальное событіе.

I.

Эта внезапная перемѣна была невыразимо тяжела для меня. Она дала поводъ къ различнаго рода сплетнямъ, одна хуже другой. Наши враги съ низкой радостью видѣли, что теперь возможно осуществить всѣ ихъ интриги и облечь клевету видимостью правды.

Удаленіе моего мужа отъ двора Великаго Князя было первымъ предметомъ ихъ толкованій. Вотъ какъ было это изображено Великой Княгинѣ. Эти подробности я узнала долгое время спустя.

На слѣдующій день послѣ крестинъ Великій Князь передалъ

своей супругѣ, что Государь предоставилъ ему назначить, кому дать орденъ св. Александра моему мужу (гофмейстеру его двора) или графу Толстому (маршалу двора); и такъ какъ Толстой находился постоянно при немъ и неутомимо исполнялъ всѣ самыя трудныя обязанности, онъ думалъ, что было бы справедливѣе дать ленту Толстому, нежели моему мужу, стоявшему въ сторонѣ отъ него; но послѣдній обидѣлся на это, сейчасъ же вышелъ въ отставку и перемѣнилъ должность при дворѣ Великаго Князя на службу подъ начальствомъ графа Ростопчина. Великій Князь тоже казался обиженнымъ поведеніемъ моего мужа и въ особенности этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ. Мѣняя дворъ Великаго Князя на службу подъ начальство всемогущаго въ то время Ростопчина, мой мужъ, казалось, игнорировалъ Великаго Князя и поступалъ по заранѣе обдуманному плану.

Такъ понялъ эту исторію Великій Князь и говорилъ:

— Могъ ли я когда-нибудь подумать, что Головинъ, котораго я считалъ такъ привязаннымъ ко мнѣ, броситъ меня изъ-за ленты. Я вижу теперь, что его прельщали только милости. Онъ думаетъ, что ему будетъ лучше подъ начальствомъ Ростопчина, и онъ правъ: это значитъ укрыться ото всѣхъ опасностей. Но я не ждалъ отъ него этого.

Великій Князь судилъ на основаніи фактовъ, переданныхъ мною, и въ такомъ же видѣ представилъ все это дѣло Великой Княгинѣ. Всѣ, съ кѣмъ говорили Ихъ Императорскія Высочества, подтверждали это и Великая Княгиня вполнѣ раздѣляла недовольство Великаго Князя моимъ мужемъ. Она не обвиняла меня, увѣренная въ томъ, что я страдаю ото всего происшедшаго. Она жалѣла меня и вѣрила въ самую искреннюю привязанность съ моей стороны. Но въ то же время другіе старались очернить меня въ ея глазахъ и несчастное стеченіе обстоятельствъ способствовало этому.

Вернемся немного назадъ, чтобы объяснить событія, о которыхъ мнѣ придется говорить сейчасъ.

Въ началѣ предыдущей зимы Великій Князь Александръ заставилъ князя Адама Чарторижскаго оставить военную службу. Должность адъютанта Великаго Князя онъ перемѣнилъ на должность гофмейстера двора Великой Княжны Елены. У князя Чарторижскаго не было ни намѣренія, ни склонности къ рядовой военной службѣ,

что было самымъ большимъ достоинствомъ въ глазахъ Государя. Его Величество нѣсколько разъ собирался поручить ему командованіе батальономъ или полкомъ и Великій Князь боялся, что Государь откроетъ неспособность Чарторижскаго къ военной службѣ, предвидѣлъ немилость, которой онъ подвергнется въ этомъ случаѣ, и получилъ для него должность, о которой я говорила.

Эта перемѣна была только внѣшняго характера. Великій Князь сохранилъ ту же привычку къ Чарторижскому и дружескія чувства. Новая должность требовала его постояннаго присутствія при дворѣ, онъ всюду слѣдовалъ за нимъ и, кромѣ того, Государь пожаловалъ ему... [1]) Мальтійскаго ордена. Несмотря на это у Великаго Князя и у Чарторижскаго была тайная увѣренность, что рано или поздно послѣдній пострадаетъ отъ немилости Императора. Чуждый по своему характеру всякихъ интригъ, заискиванія и низости придворныхъ (онъ съумѣлъ внушить такое мнѣніе о себѣ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ), онъ держался только за Великаго Князя и не думалъ искать другой поддержки. Но въ бурное и причудливое царствованіе Императора Павла этого не было достаточно. Великій Князь такъ издалека предвидѣлъ катастрофу, которая раздѣлитъ его съ другомъ, что уже давно предложилъ Чарторижскому передать ему бумаги, которыя князь находитъ опаснымъ хранить у себя.

Немедленно послѣ взятія молитвы Великой Княгиней Елизаветой дворъ отправился въ Павловскъ. Я провела лѣто въ имѣніи противъ Каменнаго Острова, принадлежавшемъ раньше моей свекрови [2]). Эта уважаемая женщина умерла уже больше года. Мы часто бывали въ Петергофѣ на благодарственныхъ молебнахъ по случаю славныхъ побѣдъ нашихъ войскъ. Суворовъ покрылъ себя безсмертной славой. Его имя вызывало восторгъ и уваженіе. Императоръ пожаловалъ ему титулъ генералиссимуса и пожелалъ, чтобы его поминали за обѣдней вмѣстѣ съ членами Императорскаго Дома.

Въ Петергофѣ произошло любопытное событіе. Государь, находясь у м-ль Лопухиной, получилъ извѣстіе о побѣдѣ Суворова [3]), при-

[1]) Пропускъ въ оригиналѣ.

[2]) Эта мѣстность на Черной принадлежитъ теперь Воспитательному дому.

[3]) При Треббіи 17—19 іюня 1799 года надъ Макдональдомъ.

чемъ послѣдній прибавлялъ, что пришлетъ въ скоромъ времени князя Гагарина [1]) полковника [2]) ..... полка со знаменами, взятыми у врага и подробностями относительно этого дѣла, Это извѣстіе вызвало у Лопухиной смущеніе, которое она напрасно пыталась скрыть отъ Государя. Не будучи въ силахъ противиться его настояніямъ и, наконецъ, приказу, она бросилась къ его ногамъ и призналась ему, что она была знакома съ княземъ Гагаринымъ въ Москвѣ, что онъ былъ влюбленъ въ нее и былъ однимъ изъ всѣхъ мужчинъ, ухаживавшихъ за ней, сумѣвшимъ возбудить въ ней участіе; что она не могла остаться равнодушной при извѣстіи о его пріѣздѣ и что она полагается на великодушіе Государя какъ за себя, такъ и за него.

Государь съ волненіемъ выслушалъ это признаніе и мгновенно рѣшилъ устроить бракъ Лопухиной съ княземъ Гагаринымъ, который и пріѣхалъ черезъ нѣсколько дней. Онъ былъ очень хорошо принятъ Государемъ, назначенъ въ первый гвардейскій полкъ, а вскорѣ былъ объявленъ бракъ его съ Лопухиной и назначеніе его флигель-адъютантомъ Государя [3]).

II.

Я возвращусь ненадолго къ тому, что происходило вокругъ меня. Я не могу обойти молчаніемъ нѣкоторыя изъ текущихъ событій, предшествовавшихъ моему несчастію. Я была глубоко опечалена смертью графини Шенбургъ, случившейся около этого времени. Принцесса де-

[1]) Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ, родился въ 1770 году, умеръ въ 1850.

[2]) Въ оригиналѣ пропускъ.

[3]) По преданіямъ, сохранившимся въ родѣ Лопухиныхъ, будущая княгиня Гагарина открыла свою сердечную тайну, чтобы спастись отъ слишкомъ настойчивой нѣжности Императора. На это Павелъ, послушный рыцарскому движенію своей души, отдалъ приказаніе Суворову прислать Гагарина въ Петербургъ съ первымъ бюллетенемъ о побѣдѣ. Но осыпавъ милостями своего молодого соперника, назначивъ его по очереди кавалеромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, полковникомъ и флигель-адъютантомъ, онъ полгода не давалъ согласія на бракъ. См. *Воспоминанія князя Павла Петровича Лопухина, своднаго брата княгини Гагариной*, въ приложеніяхъ къ труду Шильдера *Павелъ* I.

Гарантъ, своей отзывчивостью на мои страданія, была для меня ангеломъ хранителемъ въ этомъ случаѣ. Толстая часто покидала меня, отправляясь въ Петергофъ. Ея мужъ сталъ понемногу снимать маску. Онъ втерся въ довѣріе Государя и Государыни и разыгрывалъ роль чувствительнаго ревнивца по отношенію своей жены. Ухаживаніе лорда Уайтворта за послѣдней все продолжалось. Графъ Толстой готовился приписать мнѣ такую постыдную роль, какую я не только никогда не могла исполнять, но и подумать даже. Я съ невыразимой печалью видѣла, что Толстая все больше и больше удаляется отъ меня. Я указала ей на опасное положеніе, въ которое она собиралась броситься, но мой голосъ не трогалъ больше ея сердца. Оно стало слабымъ и больнымъ. Она подружилась съ м-ль де-Бломъ, сопровождавшей ее повсюду. Это была очень хорошая дѣвушка, но у нея былъ слабый характеръ и она поддавалась непослѣдовательности, съ которой надо было бороться.

Приближался петергофскій праздникъ и я думала, что мнѣ надо было изъ приличія отправиться туда, хотя я вовсе не была особенно къ этому расположена. Но ранѣе, чѣмъ рѣшить окончательно, я написала Великой Княгинѣ, спрашивая ее, не будетъ ли ей непріятно мое присутствіе и могу ли я еще надѣяться на ея милостивое отношеніе. Я писала ей, что все происшедшее очень огорчаетъ меня, что я не играла никакой роли въ отставкѣ мужа, и умоляла ее отвѣтить мнѣ искренне. Это письмо я просила доставить графиню Толстую. Великая Княгиня прислала мнѣ очень милостивый отвѣтъ, вполнѣ успокоившій меня. Я поѣхала на балъ; я съ безпокойствомъ искала взгляда Великой Княгини. Ея холодный ледяной видъ причинилъ мнѣ ужасную боль; я насилу сдержала слезы. Г-жа де-Тарантъ была почти такъ же огорчена, какъ и я. Она постоянно была со мной и могла лучше, чѣмъ кто-либо, судить о моихъ чувствахъ.

На слѣдующій день я отправилась гулять въ Монплезиръ, гдѣ я была увѣрена, что встрѣчу Великую Княгиню Елизавету. Дѣйствительно, я встрѣтила ее тамъ. Я настойчиво умоляла ее сказать причину ея холодности. Я говорила ей, что если я могла бы предвидѣть это, ничто въ мірѣ не могло бы заставить меня отправиться на этотъ праздникъ; что только ея письмо, такое же полное доброты, какъ она сама,

побудило меня пріѣхать. Она сдѣлала все, чтобы избѣжать объясненія, и я ясно видѣла, что ея ангельская душа страдаетъ оттого, что приходится огорчать меня. Я замолчала; мы разстались и я поклялась въ глубинѣ своей души хранить молчаніе обо всемъ, выстрадать все и никогда не жаловаться.

Но горе, наполнявшее мою душу, подѣйствовало мнѣ на здоровье. Я была почти выброшена изъ сердца, которое было мнѣ такъ дорого. Опасное и тяжелое чувство, занимавшее Толстую, увеличивало мое горе. Болѣе, чѣмъ когда-либо, я оцѣнила тогда дружбу г-жи де-Тарантъ. Она стала для меня утѣшеніемъ, моей силой и поддержкой. Я жалѣю тѣхъ, кто не знаетъ этого чувства, дарованнаго намъ Провидѣніемъ какъ источникъ чистой воды, утоляющій жажду души.

Несмотря на печаль, какъ казалось, вполнѣ завладѣвшую моимъ существомъ, бывали минуты, когда я не могла удержаться, чтобы не раздѣлять добродушной, милой веселости, возбуждаемой Шевалье д'Огардомъ [1]). У дочери Толстой была гувернантка, англичанка, страстно любившая купаться въ рѣкѣ. Мы для нея устроили купальню противъ нашей дачи [2]). Она часто купалась тамъ. Мужъ распорядился бросить туда пойманныхъ въ пруду пискарей, чтобы обмыть ихъ. М-ль Эмери, не подозрѣвая ничего, довѣрчиво бросилась въ воду и оказалась покрытой рыбой. Ея удивленіе было безпредѣльно и это приключеніе послужило поводомъ къ различнаго рода шуткамъ. Шевалье д'Огардъ, написалъ пародію на проклятіе Камилла. Онъ вло-

[1]) Почтенный старикъ, французъ-эмигрантъ другъ Елизаветы, сестры Людовика XVI, и членъ христіанскаго общества, боровшагося съ новой философіей. Императрица Екатерина II пригласила его, по рекомендаціи Гримма, пріѣхать въ Петербургъ, чтобы написать записки о Россіи. *(Примѣчаніе автора)*—„Отставной офицеръ французскаго флота, онъ посвятилъ себя христіанской жизни подъ вліяніемъ знаменитой проповѣди отца Борегарда, когда онъ въ 1776 г. въ пророческихъ словахъ предсказалъ, что надъ головой короля будетъ занесенъ топоръ... Пятнадцать лѣтъ спустя въ 1791 году, рѣшившись эмигрировать, онъ пошелъ проститься съ принцессой Елизаветой". Comte de Falloux, *M-me Swetchine*, 1860, II 29.—L. Pingaud, *les Francais en Russie*, стр. 311—312).

[2]) Наше имѣніе противъ Каменнаго—Острова называлось Никольское. *(Примѣчаніе автора)*. Это названіе вырѣзано на одной изъ скамеекъ въ паркѣ Видевиль.

жилъ въ уста м-ль Эмери цѣлую рѣчь, направленную противъ моего мужа. Вотъ эта милая шалость, которую можно привести вездѣ.

Golovine sûr objet de mon juste dedain,
Toi qui detruis ma joie en salissant ton bain,
Golovine que je hais, parce que l'on t'adore,
Toi que je veux blâmer, parce que l'on t'honore,
Puissent tous les voisins, ensemble conjurés,
Saper de Nikolsky les murs mal assurés!
Et si ce n'est assez de toute ton Ingrie,
Que l'ouest au midi comme au nord se rallie;
Que cent homme, venues de champs de Sabakine
Entraînent Stroganov, Zaqriajski, Narichkine;
Que ton château sur toi renverse ses murailles;
Que tes pois, tes melons deviennent des mitrailles!
Puisses—tu president, senateur des enfers,
Y rôtir sur un tas de fagots toujours verts!
Puissent tes vieux moulins te broyer sous leurs meules,
Ton fumier t'etouffer et te paumer la queule!
Que tes ruisseaux puants, desséchés a ma voix,
Deviennent des etangs de bitume et d'empois!
Puissé—je de mes yeux, dans un champs toujours maigre
Voir croître des chardons et pleuvoir du vinaigre,
A mon dernier repas voir ton dernier saumon,
Le manger et mourir d'une indigestion [1]).

[1]) Головинъ, постоянный предметъ моей справедливой ненависти, ты разрушаешь мою радость, загрязняя мое купаніе; Головинъ ненавидимый иной, потому что тебя обожаютъ, предметъ моего порицанія, потому что тебя почитаютъ, пусть всѣ сосѣди твои сговорятся и подроютъ шаткія стѣны Никольскаго! И если ихъ окажется мало, пусть соединятся западъ, югъ и сѣверъ; пускай придетъ сто человѣкъ изъ Собакина и увлекутъ съ собой Строганова, Загряжскаго и Нарышкина; пусть стѣны твоего дома обрушатся на тебя; пусть твои овощи обратятся въ картечь! Пускай ты, президентъ и сенаторъ ада, сгоришь на кострѣ изъ зеленаго хвороста! Пусть жернова твоихъ старыхъ мельницъ сотрутъ тебя въ порошокъ и навозъ задушитъ тебя. Пусть зловонные ручьи въ твоемъ имѣніи высохнутъ, по моему желанію, и

III.

Въ началѣ августа дворъ возвратился въ Павловскъ. Я съ трудомъ рѣшаюсь приступить къ описанію самой гнусной интриги, устроенной въ это время. Князь Чарторижскій, продолжая попрежнему быть близкимъ другомъ Великаго Князя Александра, послужилъ поводомъ для клеветы, при помощи которой старались очернить честь и славу Великой Княгини Елизаветы. Ея свекровь, постоянно завидуя своей невѣсткѣ, не упускала случая вредить ей. Графъ Толстой, играя роль самаго усерднаго и вѣрнаго слуги около Ихъ Императорскихъ Высочествъ, въ то же время былъ первымъ повѣреннымъ Императрицы, ея шпіономъ и низкимъ прислужникомъ. До этого времени Государь очень хорошо обходился съ Великой Княгиней Елизаветой. Послѣ родовъ онъ часто и подробно разспрашивалъ ее объ маленькой Великой Княжнѣ и побуждалъ ее имѣть сына. Въ послѣднее пребываніе двора въ Павловскѣ Государыня приказала Великой Княгинѣ Елизаветѣ прислать ей ребенка, хотя дѣвочкѣ было всего три мѣсяца и отъ дома Великаго Князя до дворца было довольно далеко. Пришлось повиноваться, и потомъ, когда дѣвочку привезли обратно, Великая Княгиня узнала отъ дамъ, сопровождавшихъ ребенка, что Государыня носила его къ Государю. Великая Княгиня, нисколько не подозрѣвавшая грозы, собиравшейся надъ ея головой, была благодарна Государынѣ, считая это просто желаніемъ пріучить Государя къ внучкѣ. Она жестоко ошибалась и скоро убѣдилась въ этомъ, но виновникамъ ея несчастья удалось скрыть отъ нея часть истины и обратить ея возмущеніе противъ тѣхъ, кто наименѣе этого заслуживалъ.

Графъ Ростопчинъ и Кушелевъ находились въ сосѣдней комнатѣ

обратятся въ озера изъ смолы и клейстера. Пусть увижу я, какъ въ вѣчно безплодныхъ поляхъ произрастетъ чертополохъ и вмѣсто дождя будетъ падать съ неба уксусъ, увижу, какъ ты у меня за обѣдомъ съѣшь твоего послѣдняго лосося и умрешь отъ несваренія желудка!

съ кабинетомъ Государя, когда вдругъ въ нее вошла Государыня съ маленькой Великой Княжной на рукахъ. Она сказала имъ:

— Не правда ли, какой прелестный ребенокъ?

Они согласились съ ней и она прошла въ кабинетъ Государя, откуда она вышла черезъ четверть часа довольно скорымъ шагомъ. Кутаисовъ отъ имени Государя позвалъ Ростопчина, говоря ему по-русски:

— Боже мой, зачѣмъ эта несчастная женщина пришла разстраивать его своими злыми словами!

Ростопчинъ вошелъ къ Государю и засталъ его въ состояніи полнаго бѣшенства.

— Идите, сударь, и напишите какъ можно скорѣе приказъ о ссылкѣ Чарторижскаго въ Сибирскій полкъ. Моя жена сейчасъ вызвала у меня сомнѣнія относительно мнимаго ребенка моего сына. Толстой знаетъ это такъ же, какъ и она.

Ростопчинъ отказался повиноваться и возразилъ Его Величеству, что переданное ему было ужасной клеветой и что ссылка князя Чарторижскаго опозоритъ Великую Княгиню, бывшую такъ же невинной, какъ и добродѣтельной. Но ему не удалось поколебать рѣшенія Императора. Тогда Ростопчинъ, видя, что невозможно его разувѣрить, ограничился заявленіемъ, что никогда онъ не согласится написать подобный несправедливый приказъ и ушелъ изъ кабинета. Государь написалъ ему записку, въ которой сообщалъ всѣ обстоятельства, оправдывавшія отданное имъ приказаніе. Ростопчинъ опять отказался повиноваться и гнѣвъ Государя, наконецъ, успокоился. Графу удалось получить согласіе Его Величества на то, что Чарторижскій будетъ удаленъ безъ шума и его назначатъ посланникомъ къ королю Сардиніи [1]).

На другой же день утромъ Великій Князь Александръ узналъ отъ князя Чарторижскаго, что послѣдній получилъ приказаніе въ тотъ же день уѣхать изъ Павловска и вскорѣ отправиться въ Италію въ качествѣ посланника отъ Россіи къ королю Сардиніи, котораго

[1]) Въ своихъ *Мемуарахъ*, Парижъ 1887 г., князь Чарторижскій едва касается своихъ отношеній съ Великой Княгиней и совершенно не упоминаетъ о ней относительно назначенія своего посланникомъ къ королю Сардиніи.

революціонная смута и война вынудили покинуть свое государство и блуждать по разнымъ областямъ Италіи, гдѣ еще было спокойно.

Великій Князь былъ крайне пораженъ. Это назначеніе слишкомъ походило на ссылку, чтобы можно было ошибиться; и ни онъ, ни князь Чарторижскій нисколько не сомнѣвались по поводу этого. Великій Князь поспѣшилъ къ своей супругѣ. Онъ сообщилъ ей о своемъ горѣ, и оба терялись въ поискахъ причины, которая могла бы такъ внезапно вызвать это событіе. Ихъ Императорскія Высочества простились съ княземъ послѣ обѣда. До нихъ дошли слухи, что нѣкоторыя лица пытались объяснить это удаленіе причиной очень оскорбительной для Великой Княгини. Она была глубоко возмущена этимъ и на ея лицѣ были еще слѣды этого чувства, когда она вечеромъ вошла къ Государю.

Войдя въ комнату, гдѣ обыкновенно дожидались его Великія Княгини, онъ, не говоря ни слова, взялъ за руку Великую Княгиню Елизавету, повернулъ ее такъ, что свѣтъ падалъ на ея лицо и уставился на нее самымъ оскорбительнымъ образомъ. Начиная съ этого дня, онъ не говорилъ съ ней въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Въ тотъ же вечеръ графъ Толстой, который, казалось, искренно интересовался этимъ событіемъ, убѣдился изъ намековъ Государя, что его мнѣніе относительно чистоты поведенія Великой Княгини поколебалось. Тогда Толстой предложилъ раскрыть всю эту интригу и вотъ какъ передавалъ онъ потомъ, что будто бы онъ узналъ отъ Кутаисова.

Въ тотъ моментъ, когда Императрица принесла маленькую Великую Княжну къ Императору, въ кабинетѣ были онъ, Кутаисовъ и графъ Ростопчинъ. Императрица обратила вниманіе Императора на ту странность, что Великая Княжна была брюнеткой, тогда какъ Великій Князь Александръ и Великая Княгиня Елизавета, оба были блондины. Когда она вышла, Императоръ остался вдвоемъ съ графомъ Ростопчинымъ и послѣдній, выйдя изъ кабинета Его Величества, распорядился, чтобы приготовили приказъ объ назначеніи и отъѣздѣ князя Чарторижскаго.

Такимъ образомъ, изъ этого слѣдовало, что возбудилъ подозрѣнія Государя противъ Великой Княгини графъ Ростопчинъ. Но что могло его къ этому побудить? Между ними никогда не было вражды

и князь Чарторижскій до сего времени не могъ пожаловаться на него. Онъ поступилъ такъ, не иначе какъ по наущенію моего мужа, который давно уже питалъ непріязненное чувство къ Чарторижскому, а также могъ желать отомстить Великому Князю. Вспомнили все, что мы сдѣлали, чтобы помѣшать дружбѣ Великаго Князя съ Чарторижскимъ. Никогда я не скрывала своихъ чувствъ относительно послѣдняго. При всякомъ случаѣ я доказывала ему, что предпочитаю свои убѣжденія милости двора; но предполагали, что другіе мотивы руководили нами, и рѣшили, что мой мужъ и я принесли въ жертву репутацію Великой Княгини желанію удовлетворить чувство личной вражды и наслажденію мести [1]).

Меня очень огорчали страданія Великой Княгини и я была далека отъ мысли, что меня обвиняютъ въ нихъ. Она болѣе не сомнѣвалась, что я была причиной непріятностей, испытываемыхъ ею. Въ первой молодости самое крайнее кажется наиболѣе вѣроятнымъ. Вѣрятъ въ самыя высшія добродѣтели; но когда обстоятельства принуждаютъ увидѣть дурную сторону души человѣческой, скорѣй повѣрятъ въ самое мрачное преступленіе, чѣмъ въ артистически сплетенную интригу.

Это первое разочарованіе жизни распространялось на предметы, слишкомъ соприкасающіеся и близкіе сердцу Великой Княгини, чтобы не причинить ей сильнаго горя. Она думала, что ей повредила самымъ чувствительнымъ образомъ особа, которую она нѣжно любила и привязанность которой она считала неизмѣнной. Ея репутаціи угрожали. Поступокъ съ нею Государя обвинялъ ее публично. Ничто не могло защитить ее и всему этому причиною она считала меня. Ея сердце было изранено. Но скоро все-таки негодованіе придало ей силы; рѣшеніе не показывать вида тѣмъ, кто огорчилъ ее (кто-бы это ни былъ), что они достигли своей цѣли, возвратило ей самообладаніе въ свѣтѣ. Въ глубинѣ своей души она старалась удалить мысль о моемъ

---

[1]) Дѣйствительно на этой мысли остановилась Великая Княгиня, какъ доказываетъ ея письмо къ матери отъ 16/27 августа 1799 года, гдѣ она въ горячихъ выраженіяхъ защищаетъ себя противъ этихъ обвиненій и указываетъ на предательство графини Головиной (Великій Князь Николай Михайловичъ *Императрица Елизавета* I).

мужѣ и обо мнѣ. Съ тѣхъ поръ она стала смотрѣть на насъ, какъ на открытыхъ враговъ.

IV.

За нѣсколько дней передъ отъѣздомъ двора изъ Павловска въ Гатчину, Государыня пожелала устроить праздникъ для Государя по случаю предстоящихъ свадебъ Великихъ Княженъ Александры и Елены, уѣзжавшихъ изъ Павловска въ послѣдній разъ. Государыня выразила Великой Княгинѣ Елизаветѣ пожеланіе, чтобы она приняла участіе въ прощальной кантатѣ, которую Великія Княжны должны были спѣть передъ Государемъ. Великая Княгиня Елизавета была оскорблена подобнымъ предложеніемъ при создавшемся положеніи, попросила у Государыни объясненія по этому поводу и почтительно сказала ей, что она не находитъ возможнымъ обращаться къ Государю съ словами нѣжности и лести въ то самое время, когда онъ такъ чувствительно огорчилъ Великаго Князя, набросилъ тѣнь на ея репутацію какъ поступками такъ и словами, обращаясь съ ней съ оскорбительной небрежностью. Государыня разыграла удивленіе, когда Великая Княгиня стала говорить ей о вредѣ, нанесенномъ ея репутаціи, и увѣряла ее, что она не слыхала ничего подобнаго. Но все-таки она не могла ничего возразить, когда Великая Княгиня очень твердо заявила ей, что она не возьметъ на себя никакой роли въ подготовляемомъ праздникѣ.

Въ то время, какъ дворъ дожидался въ Гатчинѣ пріѣзда эрцгерцога Іосифа ко времени, назначенному для свадьбы Великой Княжны Александры, а также и Елены, Великая Княгиня Елизавета получила увѣдомленіе отъ Великой Княгини Анны объ ея скоромъ пріѣздѣ безъ всякаго объясненія. Наканунѣ свадьбы Великой Княжны Елены, Государь самъ привелъ Великую Княгиню Анну въ ея апартаменты, смежные съ апартаментами Великой Княгини Елизаветы. Онѣ въ присутствіи Государя выразили живую радость оттого, что имъ пришлось увидѣться, и въ эту минуту Государь, казалось, забылъ свою строгость по отношенію къ Великой Княгинѣ Елизаветѣ, сказавъ ей нѣсколько словъ.

— Вотъ и она, — сказалъ Государь, подводя къ ней Великую

Княгиню Анну.—Все-таки она вернулась къ намъ и съ довольно хорошимъ видомъ [1]).

Но на слѣдующій день онъ опять возобновилъ по отношенію къ Великой Княгинѣ Елизаветѣ свое упорное молчаніе, продолжавшееся еще шесть недѣль.

Какъ только онѣ остались однѣ, Великая Княгиня Елизавета выразила удивленіе по поводу неожиданнаго пріѣзда Великой Княгини Анны и спросила ее, что же сталось съ проектомъ, на которомъ онѣ остановились передъ ея отъѣздомъ. Она узнала отъ Великой Княгини Анны, что Государь, должно быть, освѣдомился объ ихъ проектѣ, потому что раньше, чѣмъ она могла приступить къ его исполненію, Ростопчинъ обратился къ Тутолмину, сопровождавшему ее, съ письмами въ самомъ угрожающемъ тонѣ на случай, если бы Великая Княгиня вздумала просить у Государя продолжить ея пребываніе въ Германіи; письма эти повторялись и наконецъ, въ послѣднемъ было безповоротно опредѣлено, что Великая Княгиня должна возвратиться въ Россію къ свадьбамъ Великихъ Княженъ. Она же, напуганная этими угрозами и боясь, что весь гнѣвъ Государя обрушится на лицъ, сопровождавшихъ ее, рѣшила покориться [2]).

Свадьба Великой Княжны Елены съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ была отпразднована 8-го октября; а свадьба Великой Княжны Александры съ эрцгерцогомъ Іосифомъ черезъ восемь или десять дней [3]). Государь пожелалъ, чтобы церемонія, представленія и празднества, послѣдовавшія за ними, были отпразднованы со всѣмъ приличествующимъ великолѣпіемъ и пышностью; но дворецъ въ Гатчинѣ не годился для того, онъ былъ слишкомъ, малъ чтобы вмѣстить пріѣхавшихъ изъ Петербурга, и лица, которыя по своему положенію или чину обязаны были присутствовать на церемоніяхъ, съ трудомъ нашли себѣ помѣщеніе въ очень маленькомъ городкѣ Гатчинѣ.

---

[1]) Великая Княгиня Анна вернулась 11 октября 1799 года.

[2]) Великая Княгиня Анна окончательно уѣхала изъ Россіи въ 1801 году. Формально ея разводъ съ Великимъ Княземъ Константиномъ былъ объявленъ только въ 1820 году. Она долгое время жила въ Эльфенау близъ Берна и умерла въ Буассьерѣ близъ Женевы.

[3]) Въ дѣйствительности свадьбы были: первая 12 октября, а вторая 21 октября 1799 года.

Небольшое помѣщеніе дворца, гдѣ происходили пріемы и поздравленія, почти неприличныя помѣщенія первыхъ особъ двора и петербургскаго общества, грязь и туманное осеннее небо придавали этому торжеству печальный видъ для всѣхъ, оказавшихся въ положеніи жертвъ, и казались забавными для дѣйствующихъ лицъ и зрителей, которымъ удалось лучше устроиться.

Въ положеніе жертвъ попытались поставить наслѣдника трона и его супругу, если вспомнить, что для исполненія приказа Государя, желавшаго, чтобы Великій Князь Александръ далъ у себя балъ, пришлось занять помѣщеніе и маленькой Великой Княжны, не нашедшей себѣ другого убѣжища, кромѣ спальни своей матери.

Празднества продолжались до ноября мѣсяца. Они безпрерывно возобновлялись и усилились по случаю извѣстій изъ арміи. Суворовъ получилъ титулъ князя Италійскаго; Великій Князь Константинъ, за то, что былъ свидѣтелемъ побѣдъ Суворова, получилъ титулъ Цесаревича, принадлежавшій до сего времени исключительно наслѣднику престола. Государь объявилъ, что онъ проведетъ всю зиму въ Гатчинѣ. Всѣ чувствовали, что невозможно привести въ исполненіе это рѣшеніе во время суровой погоды зимы въ такомъ мало приспособленномъ мѣстѣ для размѣщенія многочисленнаго двора; но онъ не привыкъ выслушивать возраженія. Всѣ молчали и онъ думалъ, что препятствія устранены.

Великая Княжна Александра, ставъ эрцгерцогиней уѣхала въ концѣ ноября. Государь разстался съ ней съ чрезвычайнымъ волненіемъ. Прощаніе было очень трогательнымъ. Онъ постоянно повторялъ, что не увидитъ ее больше, что ее приносятъ въ жертву, и объяснялъ нѣкоторыя эти мысли тѣмъ, что недовольный, вполнѣ справедливо, поведеніемъ Австріи относительно него, онъ думалъ, что отдаетъ свою дочь въ руки враговъ. Потомъ вспоминали это прощаніе и считали его предчувствіемъ.

V.

Я вела уединенную жизнь въ ту зиму. Мое небольшое общество состояло изъ почтеннаго и уважаемаго старика, датскаго посланника, барона Блома, его племянника и племянницы, изъ моихъ друзей, командора Мезонневъ, человѣкъ очень хорошаго общества, изъ превосходнаго кавалера д'Огардъ, изъ князя Барятинскаго, брата графини Толстой и графа Ростопчина, приходившаго каждый день и державшаго насъ въ курсѣ текущихъ событій. Я старалась разсѣяться, насколько это было возможно для меня. Посѣщенія лорда Уайтворта нарушали это однообразіе, къ которому я всегда стремилась.

Въ это время графиня Шувалова, которой Императрицей Екатериной было поручено привезти Великую Княгиню Елизавету и которая съ тѣхъ поръ постоянно находилась при ней въ должности оберъ-гофмейстерини, была удалена отъ двора. На ея мѣсто была назначена г-жа Паленъ [1]). Эту перемѣну можно было только объяснить намѣреніемъ удалить отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ всѣхъ лицъ, къ которымъ они были привязаны по привычкѣ или изъ чувства. Великій Князь Александръ и его супруга никогда не выказывали ни довѣрія, ни дружбы по отношенію графини Шуваловой, но она была замѣнена особой совершенно имъ чуждой и про которую вдобавокъ думали, что ей поручено слѣдить и передавать, что происходитъ въ ихъ домашней жизни, наконецъ, она внушала недовѣріе уже потому, что была женою военнаго губернатора, пользовавшагося полнымъ расположеніемъ Государя.

У г-жи Паленъ была холодная, строгая и не предупредительная внѣшность. Несмотря на ея новую должность, ей поручили сопровождать эрцгерцогиню въ Вѣну и она уѣхала вскорѣ послѣ своего назначенія, что избавило Великую Княгиню отъ непріятнаго чувства видѣть около себя особу, не нравившуюся ей.

Начало зимы было очень холоднымъ и въ декабрѣ мѣсяцѣ какъ въ Гатчинѣ, такъ и въ Петербургѣ появился гриппъ, болѣзнь воспа-

[1]) У. И. Шеппингъ (1751—1814) вышла замужъ за своего двоюроднаго брата Петра Паленъ, принадлежавшаго къ шведскому роду, поселившемуся въ балтійскихъ губерніяхъ. Послѣ блестящей карьеры въ арміи и дипломатическомъ корпусѣ, ея мужъ завоевалъ въ это время довѣріе Павла. Онъ получилъ титулъ графа въ 1793 году, былъ кавалерійскимъ генераломъ, генералъ-губернаторомъ Петербурга и начальникомъ полиціи, а въ 1800 году заступилъ мѣсто Ростопчина въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, сталъ кромѣ того начальникомъ почты и ингерманландскимъ генералъ-губернаторомъ. Всесильный онъ руководилъ заговоромъ, стоившимъ жизни Императору. Удаленный отъ дѣлъ Александромъ I онъ умеръ въ Митавѣ въ 1826 году.

лительнаго и эпидемическаго характера, часто опасная. Почти всѣ придворные переболѣли ею. Наконецъ, Государь также схватилъ ее и только тогда онъ увидѣлъ, что въ его апартаментахъ не было комнаты, гдѣ бы онъ могъ укрыться отъ холода. Онъ былъ принужденъ лежать въ постели и ему пришлось приказать поставить ее въ маленькой комнатѣ безъ оконъ, единственной, гдѣ держалось тепло. Его недовольное настроеніе еще больше увеличилось оттого, что никто кромѣ него самого не былъ виноватъ въ непріятномъ положеніи, въ которомъ онъ очутился.

Тотчасъ же имъ было отдано приказаніе отправиться двору въ Петербургъ и онъ самъ, какъ только выздоровѣлъ, уѣхалъ со всей семьей изъ Гатчины.

Около этого же времени наслѣдный принцъ Меклинбургъ-Шзеринскій уѣхалъ изъ Россіи вмѣстѣ съ своей супругой, а немного спустя Великій Князь Константинъ возвратился къ арміи.

Быстрый и побѣдоносный походъ нашихъ войскъ, казалось, достигъ своей цѣли и приготовилъ спасеніе Европы. Но вѣнскій кабинетъ сразу парализировалъ это славное шествіе. Австрійская армія подъ командой эрцгерцога Карла не отправилась на соединеніе съ арміей генералиссимуса князя Суворова, какъ это было условлено. Императоръ не могъ вынести этой измѣны и приказалъ нашимъ войскамъ вернуться въ Россію. Князь Суворовъ на обратномъ пути заболѣлъ и Государь подвергъ его немилости, самой несправедливой— печальное слѣдствіе его характера. Суворова привезли въ Петербургъ и было приказано помѣстить его въ самомъ отдаленномъ кварталѣ, вмѣсто помѣщенія, приготовленнаго для него при дворѣ. Гнѣвъ Императора увеличилъ его болѣзнь и подвинулъ его къ могилѣ. Онъ умеръ весною 1800 года и былъ похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ съ военными почестями. Шествіе проходило мимо моего дома. Никогда я не видѣла зрѣлища болѣе трогательнаго. У всѣхъ военныхъ было выраженіе самой глубокой скорби. По обѣ стороны улицы было много народа различныхъ классовъ и многіе становились на колѣни. Государь слѣдовалъ нѣсколько минутъ за церемоніей. Когда отпѣваніе было окончено, слѣдовало отнести гробъ въ часовню на верху; но лѣстница, которая вела туда, оказалась узкой. Старались обойти это неудобство, но гренадеры, служившіе подъ начальствомъ Суворова,

взяли гробъ, поставили его себѣ на головы и воскликнувъ, «Суворовъ вездѣ пройдетъ», отнесли его на назначенное мѣсто.

Въ январѣ мѣсяцѣ мой мужъ представилъ отчетъ по приходу почты [1]). Государь былъ очень доволенъ и пожаловалъ ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, равняющійся въ военной службѣ генералъ-аншефу. Этотъ чинъ открылъ мнѣ входъ въ Эрмитажъ. Я посѣщала почти всѣ спектакли съ единственной цѣлью, хотя бы издали увидѣть Великую Княгиню Елизавету, но видъ ея дѣлалъ меня еще болѣе несчастной. Такова слабость человѣческая: сердце теряетъ мужество, когда ему нужно вырвать чувство, питавшее его, какъ бы это чувство отравлено ни было. Самолюбіе и тщеславіе, высокомѣрныя страсти, одни могутъ угасить наше оскорбленное чувство, но они никогда мнѣ не были знакомы. Я хотѣла прибѣгнуть къ помощи разума, но онъ былъ пристрастенъ къ моей любви. Оставалось только покориться и страдать.

Великій Князь Константинъ не долго оставался въ Петербургѣ. Императоръ разгнѣвался на полкъ конногвардейцевъ, изгналъ его въ Царское Село и, чтобы довершить наказаніе, поручилъ Великому Князю Константину обучать ихъ. Онъ отправился въ Царское Село и поселился тамъ съ своей супругой, Великой Княгиней Анной, послѣдовавшей за нимъ. Жизнь, которую онъ велъ тамъ и въ которой Великая Княгиня Анна должна была принимать участіе, была совершенно лишена достоинства, приличествовавшаго его рангу. Великая Княгиня Анна, чтобы доставить удовольствіе своему супругу, во многомъ перемѣнившемуся относительно нея, присутствовала въ манежѣ на ученьѣ. Великій Князь приводилъ въ апартаменты своей супруги, безразлично во всякое время, офицеровъ ввѣреннаго ему полка. Танцовали подъ звуки клавесина и въ обществѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ царила фамильярность, не подходившая даже и не къ такому высокому рангу.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Великая Княгиня опасно захворала и ее перевезли въ Петербургъ, чтобы лучше можно было заботиться о ней, какъ этого требовала ея болѣзнь.

---

[1]) При вступленіи его въ должность тамъ было 700.000 рублей долгу. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ уплатилъ и погасилъ эти долги и представилъ Государю 300000 рублей экономіи. (*Примѣчаніе автора*).

Зима прошла безъ всякихъ событій и даже безъ увеселеній. Такъ всѣ устали послѣ празднествъ, устраивавшихся по случаю свадьбъ Великихъ Княженъ.

Государь, желая показать, что его любовь къ Лопухиной не переходила границъ чистаго чувства, продолжалъ ухаживать за нею, хотя она и считалась невѣстой князя Гагарина, котораго онъ осыпалъ своими милостями.

Государыня продолжала безпрестанно свою дѣятельность во всѣхъ отношеніяхъ, но или она вращалась въ такомъ кругу мелочей или съ такимъ небольшимъ успѣхомъ, что въ результатѣ не получалось ничего, что можно было бы отмѣтить.

Великій Князь Александръ съ добросовѣстной точностью исполнялъ свои тяжелыя служебныя обязанности, возложенныя на него отцомъ, все болѣе и болѣе пріобрѣтая любовь общества. Онъ, и какъ командующій полкомъ, и какъ генералъ-губернаторъ Петербурга, часто спасалъ несчастныхъ или по крайней мѣрѣ добивался смягченія ихъ участи. Доброта и снисходительность Великаго Князя были слишкомъ рѣзкимъ контрастомъ съ характеромъ Государя, чтобы не привлечь къ нему сердца всѣхъ и, чѣмъ болѣе увеличивались число пострадавшихъ въ царствованіе Павла, тѣмъ болѣе устремлялись надеждой къ будущему, тайно желая приблизить его.

Узнавъ на приведенныхъ мною примѣрахъ, а также изъ случая съ графомъ Строгановымъ [1]), котораго Великій Князь отличалъ между придворными, а Государь подвергалъ различнымъ униженіямъ, что его расположеніе не является рекомендаціей въ глазахъ Государя, Великій Князь рѣшилъ принимать только по надобностямъ службы. Онъ не принималъ даже своихъ придворныхъ изъ боязни скомпрометировать,

[1]) Павелъ Александровичъ Строгановъ, воспитанникъ Жильберта Ромма и горячій поклонникъ республиканскихъ идей, которыя онъ старался примирить, какъ и многіе изъ соотечественниковъ, съ принципомъ политической гегемоніи, предоставленной высшему дворянству. Находясь въ Парижѣ въ эпоху Террора, онъ носилъ фригійскій колпакъ. Возвратясь въ Россію, онъ участвовалъ вмѣстѣ съ Чарторижскимъ и Новосильцевымъ въ *Тріумвиратѣ*, исполнявшемъ нѣкоторое время роль тайнаго совѣта при Императорѣ Александрѣ I. Родился въ 1774 году, умеръ въ 1817, въ чинѣ генералъ-адъютанта. См. трудъ Великаго Князя Николая Михайловича. *Графъ П. А. Строгановъ* I.

и это поведеніе, настоящая причина котораго всѣмъ была извѣстна, только увеличивало внушаемое имъ довѣріе. Только графъ Толстой, хотя и находился постоянно около Великаго Князя, выказывая привязанность къ нему, удержался при дворѣ и пользовался расположеніемъ Государя.

Великая Княгиня Елизавета жила только для своей дочери. Огорченія, испытанныя ею недавно, заставили ее считать преимуществомъ уединеніе, въ которомъ она находилась. Она видѣла только лицъ, которыхъ оставили у Великаго Князя, и нѣкоторыхъ фрейлинъ.

VI.

Толстая все болѣе и болѣе отдавалась увлеченію. Я прекратила гулять съ ней по утрамъ, чтобы не присутствовать при встрѣчахъ съ Уайтвортомъ [1]). Я сказала ей, что не могу поощрять ея слабость; она плакала, не отвѣчала ничего и мои возраженія не приводили ни къ чему, кромѣ нервныхъ припадковъ. Въ ея домѣ жила француженка, бывшая гувернанткой умершей дочери Толстой. Это была настоящая мегера, къ которой Толстой питалъ совершенно особую нѣжность и уваженіе. Эта ужасная женщина постоянно устраивала сцены графинѣ Толстой, часто жаловавшейся на нее мужу, но послѣдній не обращалъ никакого вниманія на слова жены. Наконецъ, доведенная до крайности, она объявила ему, что она рѣшилась уѣхать изъ дому, если онъ не прогонитъ Терезы. Это происходило во время завтрака и графъ разгорячился до того, что взялъ ножъ, находившійся на столѣ, и бро-

[1]) Очень вѣроятно, что при помощи этой интриги англійскій посланникъ старался проникнуть въ общество Великаго Князя Александра. Во всякомъ случаѣ у него были занятія гораздо болѣе серьезныя, чѣмъ любовныя интриги. Онъ составлялъ заговоръ съ цѣлью лишить престола Павла I, сговариваясь для этого съ прекрасной Ольгой Александровной Жеребцовой, сестрой Зубова, съ которой у него была давнишняя связь.

(См. *Александренко* въ *Русской Старинѣ* 1898 IV 96—106 и *Историческій Вѣстникъ* декабрь 1895 года стр. 844—865).

сился за женой. Дочь, которой было тогда десять лѣтъ, бросилась на колѣни и схватила отца за ноги. Графиня растерялась, позвонила и такимъ образомъ сдѣлала камердинера свидѣтелемъ этой сцены. Она убѣжала и направилась ко мнѣ. Ея блѣдное разстроенное лицо меня страшно испугало. Она сказала мнѣ, что рѣшилась уѣхать къ своей матери въ Берлинъ, что ничто въ свѣтѣ не можетъ заставить ее жить подъ одной кровлей съ мужемъ. Я успокоила ее, насколько могла, и умоляла ее не торопиться, потому что всѣ насильственныя мѣры съ ея стороны неизмѣнно упадутъ на ея же голову. Я предлагала ей все перенести и насколько возможно скрыть, что происходило въ ея сердцѣ.

Она осталась у меня. Графъ пришелъ къ обѣду. Онъ былъ мраченъ и смущенъ. Я не подавала виду, что знаю про утреннюю сцену, и обходилась съ нимъ, какъ всегда.

Я захворала. Толстая, Тарантъ и м-ль Бломъ находились около меня. Толстая предложила читать новый романъ. Мы согласились. При первой же нѣжной сценѣ она расплакалась и ушла въ сосѣднюю комнату. М-ль Бломъ послѣдовала за ней. И такъ какъ онѣ не возвращались, я пошла посмотрѣть, что съ ними случилось. Я увидала, какъ м-ль Бломъ со сложенными руками умоляла Толстую сказать мнѣ все. Она взяла меня за руку и сказала:

— Я приду завтра рано утромъ.

Я пожала ей руку отъ всего сердца.

Дѣйствительно, въ десять часовъ утра на другой день она вошла ко мнѣ въ комнату; заперевъ дверь на ключъ, она бросилась на колѣни передо мной и, проливая потокъ слезъ, призналась мнѣ въ тяжеломъ чувствѣ, съ которымъ она не могла больше бороться, тѣмъ болѣе, что поведеніе ея мужа оправдывало ее.

— Вы осудите меня, я увѣрена въ этомъ,—прибавила она;—я заслужила ваше порицаніе, потому что я проявила недовѣріе къ вамъ и не послушалась вашихъ совѣтовъ.

Я отвѣчала ей, обнимая ее отъ всего сердца, и заклинала ее вырвать изъ своего сердца причину многихъ непріятностей и раскаянія въ будущемъ. Я указала ей на то, что какъ бы возмутительно ни было поведеніе ея мужа, оно не должно оказывать вліянія на уваженіе, которое у нея должно быть къ самой себѣ.

Она успокоилась и довольная улыбка появилась на ея красивомъ лицѣ. Никогда я не забуду этой минуты побѣды надъ ея бѣднымъ сердцемъ. Мнѣ казалось, что я не выдержу этой тихой и нѣжной радости.

Я просила ее позволить мнѣ написать Уайтворту, сказавъ ему, что она призналась мнѣ въ своихъ чувствахъ, что я считаю его крайне виновнымъ и не могу ни уважать его, ни принимать его у себя. Онъ прислалъ мнѣ такой пошлый отвѣтъ, что даже Толстая не могла удержаться отъ смѣха. Немного спустя графъ Толстой пересталъ бывать у насъ, потому что мой мужъ оставилъ придворную должность, но чтобы замаскировать низость этого поступка, онъ выставилъ меня причиною этого разрыва, повсюду разсказывая, что я поощряла увлеченіе его жены и хотѣла похитить ее у него. Толстая получила отвѣтъ отъ матери на свою просьбу о разрѣшеніи пріѣхать къ ней, та одобряла ея проектъ. Она попросила меня обратиться къ Ростопчину, чтобы онъ выхлопоталъ позволеніе Государя. Я отказалась отъ порученія, совершенно не желая вмѣшиваться въ подобнаго рода ссору. Она обратилась къ своему брату и къ племяннику барона Бломъ. Послѣдній былъ особенно хорошо знакомъ съ мадамъ Шевалье, любовницей Кутаисова, актрисой, о которой я упоминала выше. Барятинскій получилъ отъ опекуна своей матери брильянтовое кольцо, стоимостью въ 6,000 руб. и подарилъ его Шевалье, чтобы заинтересовать ее въ просьбѣ графини Толстой. Все устроилось по ея желанію къ моему очень большому сожалѣнію.

Разрѣшеніе уѣхать было ей дано и это доставило графу Толстому вѣрный поводъ обвинять меня. Мнѣ оставалось только хранить молчаніе. Слишкомъ унизительно оправдываться, тѣмъ болѣе, когда ни въ чемъ не можешь себя упрекнуть. Я не могла ничего сказать въ свое оправданіе, не выдавъ чувства графини Толстой. Это одно уже могло заставить меня молчать. Время ея отъѣзда приближалось, какъ вдругъ лордъ Уайтвортъ былъ отозванъ своимъ дворомъ. Эта новость причинила мнѣ сильное безпокойство, Я умоляла графиню отказаться отъ путешествія или, по крайней мѣрѣ, отложить его на нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ оно имѣло видъ условленной встрѣчи съ лордомъ Уайтвортомъ. Но ничто не могло поколебать ея

рѣшенія. Она, казалось, дорожила имъ больше жизни и уѣхала въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Г-жа де-Тарантъ жила у меня. Она выписала изъ Англіи графа де-Круссоль, младшаго сына ея сестры. Государь назначилъ молодого человѣка флигель-адъютантомъ и обходился съ нимъ съ добротой и мягкостью, необыкновенной въ характерѣ этого монарха. У графа де-Круссоль, въ то время, какъ онъ находился въ Гатчинѣ при Его Величествѣ, сдѣлался нарывъ въ груди. Тетка перевезла его въ городъ, чтобы лучше ухаживать за нимъ, и уступила ему свое помѣщеніе.

Великая Княгиня Елизавета иногда принимала поздно вечеромъ графиню Шувалову, болѣе изъ вниманія къ ней, чѣмъ для своего удовольствія. Но скоро она имѣла случай узнать заслуживающій уваженія характеръ госпожи Паленъ и ея преданность интересамъ Великой Княгини, на что послѣдняя и не могла не отвѣтить тѣмъ же. Послѣ того какъ она проводила эрцгерцогиню въ Вѣну, она поспѣшила возвратиться въ Петербургъ и занять при дворѣ Великой Княгини Елизаветы должность, съ обязанностями которой она едва успѣла ознакомиться.

При приближеніи весны Великому Князю Михаилу, младшему сыну Государя, привили оспу; былъ установленъ порядокъ, въ подобныхъ случаяхъ увозить изъ дворца дѣтей Императорской семьи, у кого еще не была оспа, и было предписано Великой Княгинѣ Елизаветѣ разстаться съ дочерью, которую собирались помѣстить на шесть недѣль въ Мраморный дворецъ. Великая Княгиня находила невозможнымъ подчиниться этому приказанію. Отнять у нея ребенка, значило отнять у нея все ея счастье. Она подѣлилась своимъ горемъ съ г-жей Паленъ, а та, сама мать и нѣжная мать многочисленнаго семейства, приняла въ этомъ самое живѣйшее участіе.

— А почему бы вамъ,—сказала она Великой Княгинѣ,—не отправиться вмѣстѣ съ дочерью въ Мраморный дворецъ? На Вашемъ мѣстѣ я заявила бы, что никто не можетъ разлучить меня съ моимъ ребенкомъ, и попросила бы позволенія у Государя поселиться на это время въ Мраморномъ дворцѣ.

Великая Княгиня, зная неумолимое отношеніе Государыни ко всему, что касалось этикета, и не разсчитывая особенно на ея снисходительность, не рѣшалась обратиться съ просьбой, не имѣвшей до сихъ поръ примѣра въ лѣтописяхъ двора. Но поощряемая и поддерживаемая г-жей Паленъ, она попробовала сдѣлать попытку, которую сочли экстравагантностью. Императрица, послѣ долгаго сопротивленія, уступила настоятельнымъ доводамъ г-жи Паленъ, говорившей гораздо смѣлѣе Великой Княгини, и обѣщала передать объ этомъ Государю, прибавляя, что онъ, навѣрно, откажетъ въ такой неразумной просьбѣ. Напротивъ Государь очень легко согласился. Г-жа Паленъ торжествовала и наслаждалась счастьемъ Великой Княгини, которая съ этого времени привязалась къ ней и сохранила неизгладимое воспоминаніе объ оказанной ей услугѣ.

Въ теченіе шести недѣль, проведенныхъ Великой Княгиней въ Мраморномъ дворцѣ, число лицъ, которыхъ она видѣла, ограничивалось г-жей Толстой, фрейлиной княжной Шаховской [1]) и графомъ Толстымъ, который бывалъ и при дворѣ, и у Великой Княгини, выказывая безграничную привязанность и вѣрность Ея Императорскому Высочеству. Онъ говорилъ ей о мнимомъ горѣ, которое причиняла ему жена, обвиняя меня въ томъ, что я изъ ненависти и мести, желая разлучить его съ графиней, устроила ея поѣздку въ Берлинъ. Онъ описывалъ свое семейное несчастіе такъ трогательно и правдоподобно для лица, настолько предубѣжденнаго противъ меня, какъ Великая Княгиня, что въ концѣ концовъ она стала считать меня самой коварной и вѣроломной женщиной и жалѣла о дружескихъ чувствахъ и довѣріи, которое она питала ко мнѣ долгое время.

Изъ особъ двора Великая Княгиня Елизавета видѣлась только съ Великимъ Княземъ Александромъ и Великой Княгиней Анной, и это были единственныя лица, съ которыми она и желала видѣться. Съ этого времени началась ея дружба съ княжной Шаховской. Эта молодая особа только что отказалась отъ брака, который долженъ былъ вскорѣ состояться, рѣшивъ, что онъ не будетъ счастливымъ и что она слишкомъ поспѣшно согласилась на него, поэтому она была очень рада на нѣкоторое время удалиться отъ двора, чтобы избѣжать неблагопріятнаго освѣщенія, которое бросаетъ всегда на дѣвушку подобное досадное событіе, и попросила дозволенія у Великой Княгини послѣдовать за ней въ Мраморный дворецъ. Она была очень хорошей музыкантшей; Великая Княгиня тоже любила музыку и занима-

[1]) Наталья Федоровна Шаховская, родилась 25 ноября 1779 года, умерла въ августѣ 1807 года.

лась ею; досугъ уединенія навелъ Великую Княгиню на мысль воспользоваться талантомъ княжны Шаховской; она стала почти каждый день пѣть съ ней и, такимъ образомъ, завязалась дружба, продолжавшаяся до преждевременной смерти Шаховской, ставшей впослѣдствіи княгиней Голицыной.

Каждый разъ, какъ я встрѣчалась съ Великой Княгиней, я уходила съ новой увѣренностью въ ея перемѣнѣ ко мнѣ. Однажды, весной, я гуляла въ дворцовомъ саду вмѣстѣ съ моей четырехлѣтней дочерью и графомъ Алексѣемъ Разумовскимъ [1]). Мы увидали Великую Княгиню и любовались ея походкой. Графъ сказалъ мнѣ:

— Боже! какой у нея пріятный видъ!

Онъ подошелъ къ ней, а я остановилась на почтительномъ разстояніи. Моя дѣвочка, привыкла слышать ея имя и побѣжала къ ней со всѣмъ довѣріемъ ребенка. Великая Княгиня ласково отстранила ее и поспѣшно направилась къ дожидавшейся ее каретѣ. Это движеніе причинило мнѣ чувствительную боль; мои глаза наполнились слезами, которыя я сдержала, какъ и многія другія, вызванныя ею.

Я провела это лѣто, какъ и предыдущее, на дачѣ, около Каменнаго острова. Мои сосѣди обращались со мною сообразно съ барометромъ двора. Я должна только выключить изъ ихъ числа г-жу Свѣчину [2]), дружба которой ко мнѣ была всегда одинаковой.

Дворъ, по обыкновенію, проводилъ конецъ весны, лѣто и начало осени въ Петергофѣ и Павловскѣ. Характеръ Императора Павла становился все болѣе и болѣе вспыльчивымъ, а поведеніе произвольнымъ и страннымъ. Однажды, весною (это случилось передъ отъѣздомъ на дачу), послѣ обѣда, бывшаго обыкновенно въ часъ, онъ гулялъ по Эрмитажу и остановился на одномъ изъ балконовъ, выходившихъ на набережную. Онъ услыхалъ звонъ колокола, во всякомъ случаѣ не церковнаго и, справившись, узналъ, что это былъ колоколъ баронессы Строгановой [3]), созывавшій къ обѣду. Императоръ разгнѣвался, что баронесса обѣдаетъ такъ поздно, въ три часа, и сейчасъ же послалъ

[1]) Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій (1748—1822) былъ впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія.

[2]) Софья Петровна, урожденная Соймонова жена генерала Н. С. Свѣчина, родилась въ 1782 г. и умерла въ 1857 году въ Парижѣ.

[3]) Жена барона Григорія Александровича Строганова.

къ ней полицейскаго офицера съ приказомъ впредь обѣдать въ часъ. У нея были гости, когда ей доложили о приходѣ полицейскаго. Всѣ были крайне изумлены этимъ посѣщеніемъ; но когда полицейскій исполнилъ возложенное на него порученіе съ большимъ смущеніемъ и усиліемъ, чтобы не разсмѣяться, то только общее изумленіе и страхъ, испытываемый хозяйкой дома, помѣшали присутствовавшему обществу отдаться взрыву веселости, вызванному этимъ приказомъ совершенно новаго рода.

Анекдотъ быстро распространился въ городѣ; толки вокругъ этого случая дали поводъ злонамѣреннымъ людямъ находить у Государя разстройство разсудка, и эта тиранія, распространявшаяся даже на домашнюю жизнь, раздражала всѣхъ. Распорядившись отобрать во всѣхъ книжныхъ лавкахъ произведенія Вольтера и Руссо, онъ запретилъ ввозъ какихъ бы то ни было книгъ въ Россію. Точность, съ которой исполняли этотъ приказъ, была поводомъ къ очень неудобной сценѣ, происшедшей въ Павловскѣ.

Великіе Князья, Великія Княгини и весь дворъ дожидались Ихъ Величествъ въ маленькомъ особомъ саду Государыни, чтобы оттуда отправиться на прогулку верхомъ, что было очень принято при дворѣ въ томъ году, какъ и въ предыдущемъ. Всѣ собрались у оконъ нижняго этажа апартаментовъ Ихъ Величествъ. Слышно было, какъ Императоръ прошелъ отъ себя къ Императрицѣ и вскорѣ потомъ послышался разговоръ въ повышенномъ тонѣ. Государыня говорила съ упрекомъ и плача, Государь отвѣчалъ рѣзко и, хотя нельзя было разобрать словъ, великолѣпно были слышны всѣ интонаціи.

Сцена продолжалась. Аудиторія, собравшаяся въ садикѣ, хранила самое глубокое молчаніе; смотрѣли другъ на друга со смущеннымъ видомъ, не зная, что изъ всего этого выйдетъ. Государь появился въ очень дурномъ настроеніи и сказалъ Великимъ Княгинямъ и остальному обществу:

— Отправляемся, сударыни; на лошадь!

Пришлось послѣдовать за нимъ, не смѣя дожидаться Императрицы, появившейся минуту спустя съ опухшими глазами и недовольнымъ видомъ.

На слѣдующій день узнали причину этой сцены: Государыня выписала изъ-за границы книгъ, но таможня, не получивъ приказа сдѣ-

лать для нея исключенія изъ общаго правила, задержала адресованныя ей книги. Государыня узнала объ этомъ и пожелала показаться оскорбленной. Она выбрала моментъ, когда Государь собирался выходить, и пожаловалась ему на недостатокъ уваженія, который проявили къ ней, какъ казалось, съ его разрѣшенія. Императоръ, хотя и былъ раздраженъ и доведенъ до крайности, отдалъ приказъ исправить ошибку. Всѣ справедливо удивлялись, что Государь, при своемъ вспыльчивомъ характерѣ, такъ долго выносилъ мелочность Императрицы и отсутствіе у нея чувства такта и мѣры.

Конецъ іюля и начало августа дворъ вмѣсто Павловска провелъ въ Царскомъ Селѣ. Тамъ у Великой Княгини Елизаветы умерла дочь [1]). Государь былъ огорченъ этимъ и испугался того, какъ подѣйствовало горе на Великую Княгиню: она почти не плакала и Государь очень безпокоился объ ней. Чувствительность, проявленная имъ по этому поводу, свидѣтельствовала, что онъ не вѣрилъ всецѣло подозрѣнію, возбужденному въ немъ и заставившему его такъ безцеремонно поступать съ Великой Княгиней въ прошломъ году.

Смерть маленькой Великой Княжны произвела на меня ужасное впечатлѣніе. У меня разрывалось сердце и я еще болѣе страдала отъ того, что приходилось молчать и скрывать свои чувства. Графиня Строганова [2]) навѣстила меня и застала въ ужасныхъ рыданіяхъ; она не могла придти въ себя отъ изумленія, что я была такъ огорчена, тогда какъ Великая Княгиня Елизавета совершенно удалила меня изъ своего сердца.

Тѣло ребенка было набальзамировано, перевезено въ Александро-Невскую лавру и поставлено тамъ на нѣсколько дней. Я предложила г-жѣ де-Тарантъ отправиться туда. Она согласилась. Пріѣхавъ въ монастырь, мы вошли въ заупокойную комнату, всю обтянутую чернымъ. Вокругъ маленькаго ангелочка горѣли свѣчи. Я подошла къ гробу, чтобы поцѣловать у нея руку, но едва я прикоснулась къ ней губами, рыданія стали душить меня. Моя душа была наполнена тяжелыми и

[1]) 27 іюля 1800 года.

[2]) Софья Владиміровна, урожденная Голицына (1774—1845), дочь князя Владиміра Борисовича и знаменитой Натальи Петровны; очень образованная и примѣрнаго поведенія графиня Строганова пользовалась очень большимъ расположеніемъ Императрицы Елизаветы.

нѣжными чувствами. Моя глубокая привязанность къ Великой Княгинѣ давала себя чувствовать съ такою силою, что я не помнила себя. То, что она забыла меня, бросила, несправедливо поступила со мной, всѣ эти жестокія истины овладѣвали моимъ сердцемъ, какъ вдругъ въ моей душѣ возникло новое чувство, утѣшившее меня. Я говорила себѣ: она больше не любитъ тебя, но въ эту минуту ея сердце участвуетъ съ тобой въ общей скорби. Мои мысли прояснились; утѣшеніе скорби заступило мѣсто въ моей душѣ тягостному смятенію моихъ чувствъ и впечатлѣній. Графъ Толстой, находившійся тамъ, чтобы слѣдить за траурнымъ церемоніаломъ, подошелъ съ кропиломъ окропить святой водой тѣло ребенка и взглянулъ на меня съ торжествующей улыбкой. Навѣрно онъ наслаждался мыслью, что погубилъ меня въ глазахъ моихъ молодыхъ повелителей. Признаюсь, что его видъ снова отравилъ мое сердце.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

1800—1801

I. Второе посѣщеніе шведскимъ королемъ С.-Петербурга.—Тройственный союзъ противъ Англіи.—Внезапный отъѣздъ короля.—Въ дорогѣ король рискуетъ умереть съ голоду.—Балы и праздники.—Великій Князь Александръ и Нарышкина.—Зубовъ.—Соглашеніе между соперниками въ любви. II. Михайловскій дворецъ.—Неудавшійся заговоръ.—Возрастающій фаворъ Кутаисова.—Паленъ и Ростопчинъ. III. Послѣдній заговоръ.—Проектъ отрѣшенія отъ престола Императора Павла.—Зловѣщій ужинъ. IV Смерть Императора.—Отчаяніе Великаго Князя Александра.—Скорбь Императрицы Маріи. V. Восшествіе на престолъ новаго Государя.—Смерть Великой Княгини Александры.—Погребеніе покойнаго Императора.

I.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ шведскій король вторично пріѣхалъ въ Петербургъ [1]). Цѣлью его пріѣзда было заключеніе союза съ Государемъ противъ Англіи. Данія также вступила въ этотъ тройственный союзъ. Государь принялъ короля, какъ родственника и союзника. Онъ забылъ, по крайней мѣрѣ такъ казалось, все, что произошло въ послѣдній пріѣздъ короля. Оба монарха договаривались непосредственно между собою, и политическія дѣла устраивались наилучшимъ образомъ, какъ вдругъ капризъ Императора нарушилъ это доброе согласіе.

[1]) Король въ дѣйствительности пріѣхалъ 29 ноября 1800.

Каждый вечеръ во время пребыванія короля давался спектакль въ Эрмитажѣ. Однажды давали *La Belle Arsen* [1]), и на угольщикахъ, появляющихся въ третьемъ актѣ, были надѣты красные колпаки. Король, мнѣніе котораго о французской революціи и обо всѣхъ, игравшихъ тамъ роль, было такъ же опредѣленно, какъ и мнѣніе Государя, позволилъ себѣ пошутить по этому поводу и сказалъ Государю:

— *Оказывается, что у васъ есть якобинцы.*

Государь, вѣроятно, бывшій въ этотъ день въ болѣе дурномъ настроеніи, чѣмъ обыкновенно, не понялъ шутки и отвѣтилъ сухо, что ихъ нѣтъ у него при дворѣ и что онъ не потерпитъ ихъ присутствія въ государствѣ. Съ этого времени онъ такъ дурно и невѣжливо обращался съ королемъ, что тотъ рѣшилъ сократить свое пребываніе въ Петербургѣ [2]).

Государь довелъ свое нерасположеніе до того, что послалъ приказъ вернуться придворнымъ и кухнѣ, по обыкновенію предшествовавшимъ королю до шведской границы. Густавъ IV, узнавъ объ этомъ приказѣ, добродушно смотрѣлъ на это со смѣшной стороны и забавлялся тѣмъ, что ускорилъ свое путешествіе, чтобы на нѣсколько станцій обогнать приказъ, посланный ему вслѣдъ, о лишеніи его пищи.

— Ну, поспѣшимъ,—говорилъ онъ своей свитѣ на станціяхъ, гдѣ останавливались, чтобы перемѣнить лошадей. Быть можетъ, мы еще сегодня пообѣдаемъ.

Масляница въ эту зиму была очень оживленной. Императоръ приказалъ Великому Князю Александру давать у себя балы, а въ Эрмитажѣ были маскарады, входъ на которые былъ предоставленъ по билетамъ очень немногочисленнымъ лицамъ, почему и общество, присутствовавшее тамъ, было болѣе избраннымъ, чѣмъ это бывало, на подобныхъ собраніяхъ.

[1]) Четырехъ-актная феерія въ стихахъ, слова Фаворта, музыка Монсиньи; въ первый разъ была представлена артистами французскаго короля 6 ноября 1773 года въ Фонтенебло.

[2]) Относительно пребыванія Густава IV въ Петербургѣ многіе иностранцы свидѣтельствуютъ, что поведеніе короля было столь высокомѣрнымъ и непочтительнымъ, что, казалось, было разсчитано на то, чтобы раздражить Государя.

Именно на этихъ *bals masqués* Великій Князь Александръ сталъ отличать своимъ вниманіемъ красивую Нарышкину [1]). Онъ только начиналъ интригу и считалъ свои дѣла очень хорошими, когда князь Зубовъ, очень привязанный къ Великому Князю, шутя однажды надъ его ухаживаніемъ за Нарышкиной и получивъ отъ Великаго Князя признаніе относительно надеждъ, возбуждаемыхъ въ немъ, въ свою очередь признался, что онъ очень доволенъ тѣмъ, какъ она съ нимъ обращается. Эти взаимныя признанія повели къ соглашенію въ совершенно новомъ родѣ. Великій Князь и Зубовъ обѣщали точно сообщать другъ другу объ успѣхѣ своего ухаживанія и дали честное слово, что наименѣе счастливый изъ нихъ уступитъ мѣсто другому, доставившему доказательства большаго успѣха.

Соперники съ добросовѣстной точностью держались условій договора и черезъ нѣсколько дней князь Зубовъ показалъ Великому Князю записки, полученныя имъ во время танцевъ. Великій Князь, у котораго дѣло не пошло еще дальше словъ, безъ сожалѣнія уступилъ. Онъ даже съ презрѣніемъ отозвался объ этой женщинѣ и обо всѣхъ, кто способенъ на подобный образъ дѣйствія.

II.

Михайловскій дворецъ достраивался съ большой поспѣшностью. Легко себѣ представить состояніе, въ которомъ онъ долженъ былъ находиться, если вспомнить, что первый камень этого зданія былъ положенъ въ 1797 г., а Императоръ собирался туда переѣхать со дворомъ и семьей въ февралѣ 1801 г. Казалось, онъ предчувствовалъ, что не долго будетъ пользоваться этимъ дворцомъ и спѣшилъ воспользоваться немногими днями власти, остававшимися ему.

Перваго февраля Императоръ и Императрица и лица, наиболѣе приближенныя къ нимъ, переѣхали въ Михайловскій дворецъ. Великіе

[1]) Марья Антоновна, урожденная княжна Четвертинская. См. примѣчаніе выше.

Князья Александръ и Константинъ, апартаменты которыхъ еще не были окончены, помѣстились вмѣстѣ въ одной изъ переднихъ комнатъ. Супруги ихъ должны были остаться въ Зимнемъ дворцѣ [1]). Каждый боялся послѣдствій вреднаго воздуха для себя или для своихъ близкихъ, но всѣ были далеки отъ мысли, что дворецъ этотъ станетъ могилой только одного и именно того, кто и былъ въ восхищеніи отъ него.

Императоръ былъ такъ доволенъ тѣмъ, что удалось преодолѣть почти непреодолимыя препятствія для удовлетворенія его фантазіи, что поспѣшилъ воспользоваться послѣдними днями масляницы, чтобы дать балъ въ этомъ новомъ зданіи. Передъ баломъ и послѣ, въ другіе дни, давались спектакли.

Постройка и обмеблированіе дворца много способствовали тому разстроенному положенію финансовъ, которое нашелъ Императоръ Александръ при восшествіи на престолъ. Дворецъ былъ обставленъ съ большимъ великолѣпіемъ. Императоръ Павелъ прожилъ тамъ шесть недѣль и событіе, бывшее причиною его смерти, сдѣлало этотъ дворецъ настолько противнымъ его наслѣднику, что большая часть украшеній была сорвана и даже уничтожена.

Въ теченіе послѣдняго года царствованія Павла I очень старались разрушить фаворъ Ростопчина и добиться его опалы. Онъ уже почти не ходилъ самъ съ бумагами въ кабинетъ Государя, а поручалъ это Энгелю [2]), первому члену его департамента. Графъ Паленъ и Нарышкинъ [3]) употребили все свое вліяніе, чтобы поссорить его съ Кутаисовымъ

Рибасъ [4]) вице-адмиралъ принялъ участіе въ заговорѣ, образованномъ графомъ Панинымъ. Онъ получилъ позволеніе путешество-

[1]) Какъ только апартаменты были закончены, Великія Княгини и дѣти Императора тоже переѣхали въ Михайловскій дворецъ и въ моментъ смерти Павла I вся его семья находилась тамъ. *(Примѣчаніе автора).*

[2]) Федоръ Петровичъ Энгель, умеръ въ 1837 году, членъ Государственнаго Совѣта.

[3]) Александръ Львовичъ Нарышкинъ, родился въ 1760 году умеръ въ 1826 г. въ должности оберъ-камергера

[4]) Іосифъ Михайловичъ (1750–1800) извѣстенъ своимъ коварствомъ и склонностью къ интригамъ. Женатъ на незаконной дочери Бецкаго, друга Екатерины II, и послѣ его смерти получилъ его состояніе.

вать и доѣхалъ до Неаполя въ поискахъ волшебнаго стилета, чтобы вонзить его въ грудь своего монарха. Когда онъ возвратился, адмиралъ Кушелевъ [1]) заболѣлъ и Рибасъ долженъ былъ идти вмѣсто него съ бумагами къ Государю. Заговорщики рѣшили, что они воспользуются однимъ изъ тѣхъ моментовъ, когда Рибасъ будетъ вдвоемъ съ Императоромъ, чтобы совершить преступленіе; но въ тотъ же день Рибасъ захворалъ и умеръ нѣсколько дней спустя. Въ предсмертномъ бреду онъ только и говорилъ объ этихъ ужасныхъ проектахъ и объ угрызеніяхъ совѣсти.

Милость Императора къ Кутаисову все возрастала; онъ былъ назначенъ оберъ-шталмейстеромъ, получилъ титулъ графа и ленту св. Андрея Первозваннаго [2]).

Паленъ коварно подготовлялъ гибель несчастнаго Императора. Не надѣясь удалить Ростопчина, представлявшаго серьезное препятствіе для жестокаго преступленія, задуманнаго имъ, онъ рѣшился самъ сдѣлать послѣднюю попытку, чтобы вооружить Императора противъ Ростопчина. Онъ попросилъ у Его Величества особой аудіенціи и получилъ ее.

— Ваше Величество,—сказалъ онъ Государю,—я буду говорить Вамъ, рискуя вызвать Ваше неудовольствіе, о человѣкѣ, далеко не заслуживающемъ ни Вашего довѣрія, ни Вашихъ милостей, и который стремится удалить отъ Вашей священной особы наиболѣе преданныхъ Вамъ лицъ. Графъ Панинъ самымъ несправедливымъ образовомъ оклеветанъ въ глазахъ Вашего Величества; графъ Ростопчинъ его смертельный врагъ...

— Вы все сказали?—спросилъ Императоръ.

— Да, Ваше Величество.

— Идите и чтобы я васъ больше не видалъ, вы будете арестованы по моему приказанію.

---

[1]) Графъ Григорій Григорьевичъ Кушелевъ, вице-президентъ адмиралтейской коллегіи, одинъ изъ фаворитовъ Павла I, родился въ 1754 году, умеръ въ 1833 году.

[2]) Титулъ графа полученъ имъ 5 мая 1799 года; оберъ-шталмейстеромъ былъ назначенъ 9 января 1800 года, послѣ того какъ шведскій король отказался дать ему орденъ Серафимовъ.

Дѣйствительно, распоряженіе объ арестѣ графа Палена было отдано тотчасъ же. Государь послалъ за Ростопчинымъ, передалъ ему разговоръ и приказалъ арестовать Палена и отвести его въ крѣпость. Ростопчинъ умолялъ и заклиналъ Его Величество отмѣнить этотъ строгій приговоръ. Онъ могъ добиться только смягченія кары и Паленъ былъ высланъ въ свое имѣніе.

Нѣсколько дней спустя Паленъ появился вновь. Кутаисовъ изъ ненависти къ Ростопчину добился прощенія Палена. И послѣдній, съ помощью Кутаисова, вновь принялся за свою дѣятельность, чтобы окончить начатое имъ дѣло. Онъ опять добился аудіенціи у Государя, принесъ повинную относительно Ростопчина, притворился, что согласенъ съ тѣмъ, что Панинъ былъ подозрителенъ и принималъ у себя иностранныхъ посланниковъ для тайныхъ совѣщаній. Онъ также обвинилъ виконта де-Караманъ, агента Людовика XVIII. Караманъ былъ высланъ изъ Петербурга, а Людовикъ XVIII—изъ Митавы. Паленъ торжествовалъ. Для его ярости было необходимо возстановить всѣхъ противъ Императора. Такимъ путемъ онъ скорѣе думалъ достигнуть цѣли.

Графъ Ростопчинъ самъ облегчилъ свою отставку. Въ Петербургѣ былъ одинъ итальянецъ изъ Пьемонта, котораго вполнѣ основательно заподозрѣли въ дурныхъ намѣреніяхъ противъ Императора. Объ немъ донесли Ростопчину, который старался выслать его изъ предѣловъ Россіи, но господинъ и госпожа Шевалье, пользуясь покровительствомъ Кутаисова, предупредили его. Обвиняемый имѣлъ неосторожность признаться, что эта супружеская чета была вполнѣ освѣдомлена объ его намѣреніяхъ. Боязнь скомпрометировать себя заставила тогда этихъ низкихъ интригановъ представить его настоящимъ преступникомъ. Они добились, что онъ былъ наказанъ кнутомъ, заклейменъ и сосланъ въ цѣпяхъ въ Сибирь. Онъ умеръ въ дорогѣ. Это ужасное происшествіе возмутило Ростопчина. Онъ пошелъ къ Кутаисову и упрекалъ его въ недостойной слабости и въ томъ, что онъ забылъ благодѣянія Государя. Ростопчинъ сказалъ ему также, что изъ угожденія любовницѣ онъ омрачаетъ славу своего повелителя. Кутаисовъ былъ взбѣшенъ и съ этого момента онъ еще съ бо́льшей злобой сталъ помогать Палену въ его махинаціяхъ противъ Ростопчина.

Наконецъ, они достигли цѣли [1]); но давая свое согласіе, Императоръ страдалъ отъ того, что теряетъ человѣка, котораго онъ дѣйствительно любилъ. Онъ написалъ ему записку съ объясненіемъ и далъ ему возможность оправдаться. Ростопчинъ отвѣчалъ, какъ вѣрноподданный, не чувствующій за собою вины; но его отвѣтъ не былъ переданъ Императору, которому сказали, что Ростопчинъ такъ разсердился, что не хочетъ отвѣчать.

Ростопчинъ, не зная ничего про эту послѣднюю клевету и думая, что на основаніи письма Императора онъ имѣетъ право пойти проститься съ нимъ, велѣлъ сказать оберъ-камергеру Нарышкину, чтобы его записали на листъ представляющихся Государю. Нарышкинъ, достойный сообщникъ Палена, не записалъ его. Ростопчинъ, придя во дворецъ, не могъ видѣть Императора и думалъ, что на то была его воля, а Императоръ, обманутый уже уничтоженнымъ письмомъ, полагалъ, что Ростопчинъ поступаетъ такъ изъ злобы.

III.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Паленъ преслѣдовалъ и мучилъ Великаго Князя Александра, чтобы добиться отъ него согласія на низложеніе его отца. Наконецъ, онъ сталъ угрожать Великому Князю революціей и рѣзней, увѣряя, что только отрѣшеніе отъ престола Павла I можетъ спасти государство и его. Онъ добился отъ Великаго Князя согласія навести справки, какимъ образомъ подобныя отреченія производились въ другихъ странахъ. Тогда у графа Панина начались собранія посланниковъ. Графу Толстому поручено было опросить ихъ. Паленъ, удаливъ Ростопчина, единственнаго человѣка, стоявшаго на дорогѣ его преступныхъ замысловъ, началъ приводить ихъ въ осуществленіе. Заговоръ быстро развивался. Заговорщики собирались

[1]) Авторъ не обозначаетъ настоящей причины немилости, которой подвергся Ростопчинъ. Казалось, что это была интрига, устроенная имъ противъ графа Н. П. Панина. Графъ Головинъ послѣдовалъ за своимъ начальникомъ въ отставку 20 февраля 1801 г.

у князя Зубова; но несмотря на всю таинственность, которой они облекли это дѣло, Императоръ узналъ, что злоумышляютъ противъ него. Онъ призвалъ Палена и спросилъ, почему онъ не доложилъ ему объ этомъ. Тотъ дерзко поклялся, что не было ничего серьезнаго, что нѣсколько молодыхъ безумцевъ позволили себѣ вольныя рѣчи и что онъ образумилъ ихъ, подвергнувъ аресту у генералъ-прокурора. Онъ прибавилъ, что Его Величество можетъ положиться на его вѣрность, что онъ предупредитъ Императора о малѣйшей опасности и разрушитъ зло въ самомъ его корнѣ.

Черезъ три дня онъ рѣшилъ нанести рѣшительный ударъ. Онъ пришелъ къ двери кабинета Императора и попросилъ позволенія говорить съ нимъ. Онъ вошелъ въ кабинетъ съ видомъ, полнымъ отчаянія, и, упавъ на колѣни, сказалъ:

— Я прихожу съ повинной головой, Ваше Величество; Вы были правы; я только что раскрылъ заговоръ, направленный противъ Васъ. Я приказалъ арестовать виновныхъ [1]); они находятся у генералъ-прокурора. Но какъ открыть мнѣ вамъ величайшее несчастье. Ваше чувствительное сердце отца вынесетъ ли ударъ, который я принужденъ нанести ему. Ваши оба сына стоятъ во главѣ этого преступнаго заговора; у меня всѣ доказательства въ рукахъ.

Императоръ былъ смертельно пораженъ; его сердце разрывалось; онъ повѣрилъ всему. Его несчастный характеръ не далъ ему подумать. У него были всѣ проявленія отчаянія и бѣшенства. Паленъ старался тогда успокоить его; увѣрялъ, что очень легко разрушить заговоръ; что онъ принялъ всѣ необходимыя мѣры и, чтобы устрашить виновныхъ, достаточно Его Величеству подписать бумагу, которую онъ принесъ съ собой.

Несчастный Императоръ согласился на все. Смерть была уже въ его сердцѣ. Онъ любилъ своихъ дѣтей. Обвиненіе ихъ было для него болѣе тяжелымъ, чѣмъ муки, которыя ему готовили заговорщики.

[1]) Онъ дѣйствительно арестовалъ всѣхъ офицеровъ, которые должны были участвовать въ ночь 11 марта, чтобы быть увѣреннымъ, что они не будутъ высланы. (*Примѣчаніе автора*). Это не подтверждается другими свидѣтелями. Паленъ дѣйствительно арестовалъ Андрея Семеновича Кологривова, командовавшаго гусарскимъ гвардейскимъ полкомъ, но это былъ человѣкъ преданный Императору Павлу.

Злодѣй Паленъ торжествовалъ. Онъ пошелъ къ Великому Князю Александру и показалъ ему бумагу, подписанную Императоромъ, въ которой былъ приказъ объ арестѣ Великихъ Князей Александра и Константина и заключеніи ихъ въ крѣпость. Великій Князь задрожалъ, возмутился и опустилъ голову; было рѣшено, что актъ отреченія будетъ предложенъ.

Въ вечеръ передъ этой ужасной ночью Великій Князь ужиналъ у своего отца. Онъ сидѣлъ за столомъ рядомъ съ нимъ. Можно себѣ представить ихъ невозможное положеніе. Императоръ думалъ, что его сынъ покушается на его жизнь; Великій Князь считалъ себя приговореннымъ къ заключенію своимъ отцомъ. Мнѣ передавали, что во время этого зловѣщаго ужина Великій Князь чихнулъ. Императоръ повернулся къ нему и съ печальнымъ и строгимъ видомъ сказалъ:

— Я желаю, Ваше Высочество, (Monseigneur), чтобы желанія Ваши исполнились.

Черезъ два часа его не было въ живыхъ.

IV.

Прежде чѣмъ перейти къ подробностямъ этого ужаснаго событія, я приведу нѣсколько обстоятельствъ, относившихся къ намъ. Генералъ Бенигсенъ [1]) нашъ хорошій знакомый, участвовавшій вмѣстѣ съ мужемъ въ турецкой войнѣ, часто посѣщалъ насъ. Мы съ интересомъ слушали его разсказы о персидскомъ походѣ, предпринятомъ въ царствованіе Екатерины II, объ ея планахъ завоеванія Константинополя и много другихъ подробностей, свидѣтельствовавшихъ о мудрости и величіи этой государыни. Шестого марта Бенигсенъ пришелъ утромъ къ моему мужу, чтобы переговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ. Но онъ засталъ мужа въ постели настолько больнымъ, что не нашелъ возможнымъ говорить съ нимъ о дѣлѣ, по которому пришелъ, выразилъ сожалѣніе по поводу этого очень горячо и даже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ. Если бы ни это препятствіе, болѣе чѣмъ вѣроятно, что Бенигсенъ открылъ бы моему мужу заговоръ и послѣдній выслушалъ бы его какъ честный человѣкъ и вѣрный подданный. Это признаніе имѣло бы непредвидѣнныя послѣдствія.

[1]) Бенегсенъ, впослѣдствіи графъ, принадлежалъ къ старому дворянскому роду Ганновера. Родился въ 1745 году, умеръ въ 1826 г., участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, какъ лейтенантъ, на службѣ своего отечества. Въ 1773 году поступилъ на службу къ Екатеринѣ II, сражался подъ начальствомъ Потемкина и Румянцева; въ 1793 и 1794 гг. командовалъ съ большимъ успѣхомъ въ Польшѣ, участвовалъ въ персидскомъ походѣ, но подверся немилости при Павлѣ I. При Александрѣ I участвовалъ въ походахъ противъ Наполеона.

Вечеромъ 11 марта онъ опять пришелъ къ намъ сказать, что онъ уѣзжаетъ въ ту же ночь, что его дѣла окончены и онъ спѣшитъ уѣхать изъ города. Николай Зубовъ [1]) считался уѣхавшимъ по дѣлу. Мы ничего не подозрѣвали. Мой мужъ, хотя и чувствовалъ себя лучше, находился внизу, въ своихъ комнатахъ. Г-жа де-Тарантъ спала въ комнатѣ, рядомъ съ моей. Рано утромъ да слѣдующій день я услыхала мужскіе шаги у себя въ спальнѣ. Я открыла занавѣски у кровати и увидала мужа. Я спросила, что ему нужно.

— Сперва,—отвѣтилъ онъ,—я хочу говорить съ г-жей де-Тарантъ.

Я посмотрѣла на часы и увидала, что было только шесть часовъ утра. Безпокойство овладѣло мною. Я думала, что случилось какое-нибудь несчастье, касающееся г-жи де-Тарантъ, вродѣ приказа о выѣздѣ, въ особенности, когда я услыхала, какъ она вскрикнула отъ испуга. Но мужъ вернулся въ спальню и сказалъ, что Императоръ умеръ наканунѣ въ одиннадцать часовъ вечера отъ апоплексическаго удара.

Признаюсь, что эта апоплексія показалась мнѣ удивительной и неподходящей къ тѣлосложенію Императора. Я поспѣшила одѣться. Г-жа де-Тарантъ отправлялась ко двору для принесенія присяги. Мужъ, хотя чувствовалъ себя слабымъ, отправился также туда.

Въ то время, какъ г-жа де-Тарантъ собиралась ко двору, пріѣхала моя belle-soeur Нелединская и одна изъ моихъ кузинъ Колычева. Мы терялись въ догадкахъ относительно этой апоплексіи, когда

[1]) Братъ Платона Зубова, родился въ 1763 году, умеръ въ 1805 г., былъ женатъ на дочери Суворова.

въ комнату вошелъ графъ де-Круссоль, племянникъ г-жи де-Тарантъ и адъютантъ Императора Павла. Его блѣдное и печальное лицо поразило насъ до извѣстной степени. Императоръ очень хорошо обходился съ этимъ молодымъ человѣкомъ и потому было естественно, что графъ жалѣлъ о немъ.

Тетка спросила у него о подробностяхъ смерти Императора. Графъ смутился и глаза его наполнились слезами. Г-жа де-Тарантъ сказала ему:

— Говорите же! Здѣсь никого нѣтъ лишняго.

Тогда онъ упавшимъ голосомъ сказалъ:

— Императора убили сегодня ночью.

Эти слова произвели на насъ ужасное впечатлѣніе. Мы всѣ разрыдались и наше небольшое общество представляло картину, полную раздирающей сердце скорби. Мужъ возвратился въ отчаяніи и возмущенный тѣмъ, что онъ услыхалъ.

Утромъ 11 марта, когда Кутаисовъ дожидался Императора около дворца, чтобы сопровождать его верхомъ, къ нему подошелъ крестьянинъ или человѣкъ, одѣтый въ крестьянское платье, и умолялъ его принять отъ него бумагу, въ которой заключается дѣло очень большой важности и которое въ тотъ же день необходимо довести до свѣдѣнія Императора. Кутаисовъ правой рукой держалъ за поводъ лошадь Его Величества; лѣвой онъ взялъ бумагу и положилъ ее въ карманъ. Послѣ прогулки онъ перемѣнилъ платье, чтобы идти къ Императору, вынулъ по своей привычкѣ все, что у него было въ правомъ карманѣ, и забылъ про прошеніе крестьянина, вспомнивъ о немъ только на слѣдующій день; было уже поздно: Павелъ болѣе не существовалъ, а въ бумагѣ былъ разоблаченъ весь заговоръ.

Въ ночь съ 11-го на 12-е марта привели одинъ или два батальона Преображенскаго полка, размѣстивъ на дворѣ и вокругъ дворца. Во главѣ гвардейцевъ былъ Талызинъ [1]). Солдатамъ сказали, что жизнь Императора въ опасности и они идутъ спасать его. Паленъ

[1]) Петръ Александровичъ Талызинъ (1767—1801), командиръ Преображенскаго полка, на эту должность былъ рекомендованъ Павлу I графомъ Н. П. Панинымъ, первымъ иниціаторомъ заговора.

остался съ ними. Бенигсенъ, Зубовы, Казариновъ, Скарятинъ [1]), три гвардейскихъ офицера, Уваровъ [2]) и графъ Волконскій [3]) поднялись въ апартаменты Императора, спавшаго въ тотъ моментъ, когда они хотѣли войти. Одинъ изъ гусаровъ несчастнаго Императора остановилъ ихъ. Уваровъ и Волконскій ударили его [4]). Уваровъ ударилъ его саблей по головѣ и заставилъ дать дорогу. Гусаръ закричалъ:

— Спасайтесь, Ваше Величество.

Убійцы вошли. Императоръ, разбуженный крикомъ гусара, вскочилъ съ кровати и спрятался за экранъ. Они испугались, думая, что онъ убѣжалъ. Но скоро они нашли его и Бенигсенъ заговорилъ первый, объявивъ ему, что они пришли прочесть ему актъ объ отрѣшеніи его отъ престола. Императоръ, увидѣвъ князя Зубова, [5]) сказалъ:

— И вы также здѣсь, князь?

Николай Зубовъ, пьяный и нахальный, сказалъ:

— Чего тутъ церемониться? Лучше прямо идти къ дѣлу.

Онъ бросился на Императора, который хотѣлъ бѣжать въ дверь, ведущую въ апартаменты Императрицы, но къ несчастью она оказалась запертой [6]). Онъ не могъ уйти.

Николай Зубовъ толкнулъ его; онъ упалъ, ударившись вискомъ объ уголъ стола и лишился чувствъ. Убійцы овладѣли имъ. Скаря-

[1]) Казариновъ безъ сомнѣнія описка вмѣсто Татаринова, артиллерійскаго полковника, незадолго передъ этимъ уволеннаго. Скарятинъ, офицеръ Измайловскаго полка, часто упоминается, какъ доставившій шарфъ, которымъ задушили Императора; быть можетъ, убійцы воспользовались шарфомъ Императора, висѣвшимъ на кровати.

[2]) Федоръ Петровичъ Уваровъ (1769—1824), командиръ конногвардейскаго полка.

[3]) Петръ Михайловичъ Волконскій (1776—1852).

[4]) По другимъ разсказамъ этотъ гусаръ (лакей въ гусарскомъ костюмѣ, но безъ оружія), наоборотъ открылъ заговорщикамъ дверь по приказу плацъ-адъютанта Аргамакова, ихъ соучастника. Фамилія этого гусара—Корниловъ.

[5]) Государь сравнительно незадолго передъ этимъ осыпалъ его милостями и въ особенности наканунѣ. (*Примѣчаніе автора*).

[6]) У Императора была привычка каждый вечеръ заставлять дверь, выходившую въ апартаменты Императрицы, изъ боязни, что она къ нему неожиданно войдетъ. (*Примѣчаніе автора*). Онъ могъ бы воспользоваться другой дверью и тайной лѣстницей, которая вела въ помѣщеніе фаворитки княгини Гагариной. Но заговорщики предупредили его, заперевъ этотъ выходъ.

тинъ снялъ шарфъ и задушилъ его. Потомъ положили его на постель. Бенигсенъ съ нѣкоторыми другими остались стеречь его, а другіе предупредили Палена, что все кончено.

Послѣдній послалъ извѣстить Великаго Князя Александра, что онъ объявленъ Императоромъ и ему надо показаться войскамъ. Приказали солдатамъ кричать ура ихъ новому Государю. Они всѣ спросили, гдѣ ихъ отецъ. Имъ опять приказали кричать ура; они повиновались съ отчаяніемъ, что ихъ обманули.

Императрица Марія проснулась и узнала про эту ужасную катастрофу. Она побѣжала въ апартаменты своего супруга; Бенигсенъ не пустилъ ее.

— Какъ вы смѣете меня останавливать?—говорила она.—Вы забыли, что я коронована и что это я должна царствовать?

— Вашъ сынъ, Ваше Величество, объявленъ Императоромъ и по его приказу я дѣйствую; пройдите въ помѣщеніе рядомъ; я извѣщу васъ, когда будетъ нужно.

Императрица была заперта въ комнатѣ вмѣстѣ съ г-жей Ливенъ Бенигсеномъ, гдѣ и находилась болѣе часа. Въ это время раскрашивали лицо несчастнаго Императора, чтобы скрыть нанесенныя ему раны.

Великаго Князя Александра разбудили между двѣнадцатью и часомъ ночи. Великая Княгиня Елизавета, которая и легла всего за полчаса передъ этимъ, встала вскорѣ послѣ него. Она накинула на себя капотъ, подошла къ окну и подняла стору. Апартаменты находились въ нижнемъ этажѣ и выходили окнами на площадку, отдѣленную отъ сада каналомъ, которымъ былъ окруженъ дворецъ. На этой площадкѣ при слабомъ свѣтѣ луны, закрытой облаками, она различала ряды солдатъ, выстроенные вокругъ дворца. Вскорѣ она услыхала многократно повторяемые крики ура, наполнившіе ея душу непонятнымъ для нея ужасомъ.

Она не представляла себѣ ясно, что происходило, и, упавъ на колѣни она обратилась къ Богу съ молитвой, чтобъ *что бы ни случилось, это было бы направлено къ счастью Россіи.*

Великій Князь возвратился съ самыми сильными проявленіями отчаянія и передалъ своей супругѣ извѣстіе объ ужасной кончинѣ Императора, но не былъ въ состояніи разсказать подробно.

— Я не чувствую ни себя, ни что я дѣлаю,—сказалъ онъ.—Я не могу собраться съ мыслями; мнѣ надо уйти изъ этого дворца. Пойдите къ матери и пригласите ее какъ можно скорѣе пріѣхать въ Зимній дворецъ,

Когда Императоръ Александръ вышелъ, Императрица Елизавета, охваченная невыразимымъ ужасомъ, упала на колѣни передъ стуломъ. Я думаю, что она долго оставалась въ такомъ положеніи безъ всякой опредѣленной мысли, и, какъ она говорила мнѣ, эта минута принадлежала къ числу самыхъ ужасныхъ въ ея жизни.

Императрица была выведена изъ забытья своей камеръ-фрау, которая вѣроятно испугалась, увидавъ ее въ такомъ состояніи, и спросила, не нужно ли ей чего-нибудь. Она поспѣшно одѣлась и въ сопровожденіи этой камеръ-фрау направилась къ Императрицѣ Маріи, но у входа въ ея апартаменты она увидала пикетъ и офицеръ сказалъ ей, что не можетъ пропустить ее. Послѣ долгихъ переговоръ онъ наконецъ смягчился; но прійдя къ Императрицѣ матери, она не застала ее и ей сказали, что Ея Величество только что спустилась внизъ. Императрица Елизавета сошла по другой лѣстницѣ и застала Императрицу Марію въ передней апартаментовъ новаго Императора, окруженную офицерами вмѣстѣ съ Бенигсеномъ.

Она была въ ужасномъ волненіи и хотѣла видѣть *Императора*. Ей отвѣчали:

— Императоръ Александръ въ Зимнемъ дворцѣ и желаетъ, чтобы вы тоже туда пріѣхали.

— Я не знаю никакого Императора Александра,—отвѣчала она съ ужаснымъ крикомъ.—Я хочу видѣть моего Императора.

Она помѣстилась передъ дверью, выходившей на лѣстницу и объявила, что она не сойдетъ съ этого мѣста, пока ей не обѣщаютъ показать Императора Павла. Казалось, она думала, что онъ живъ. Императрица Елизавета, Великая Княгиня Анна, г-жа Ливенъ, Бенигсенъ и всѣ, окружавшіе ее, умоляли ее уйти отсюда, по крайней мѣрѣ возвратиться во внутренніе апартаменты. Передняя безпрестанно наполнялась всякимъ людомъ, среди котораго было непріятно устраивать зрѣлище; но ее удавалось отстранить отъ этой роковой двери только на нѣсколько мгновеній...

Каждую минуту прибывали посланные, настоящіе и ложные, отъ

Императора Александра, приглашавшіе Императрицу Марію отправиться въ Зимній дворецъ; но она отвѣчала, что не уѣдетъ изъ Михайловскаго дворца, пока не увидитъ Императора Павла.

Въ эту ночь былъ такой безпорядокъ, что когда Императрица Елизавета взяла за талію свою свекровь, чтобы поддержать ее, она почувствовала, что кто-то сжалъ ей руку и крѣпко поцѣловалъ ее, говоря по-русски:

— Вы—наша мать и государыня!

Она обернулась и увидала, это былъ незнакомый ей офицеръ, слегка пьяный.

Подъ утро Императрица Марія пожелала видѣть своихъ дѣтей и ее провели къ нимъ. Все время сопровождаемая и поддерживаемая Императрицей Елизаветой, она вернулась въ свои апартаменты и пожелала говорить съ г-жей Паленъ. Во время этого разговора она заперла Императрицу Елизавету въ маленькомъ кабинетѣ, смежномъ съ комнатой, гдѣ только что совершилось преступленіе. Мертвое молчаніе, царившее въ кабинетѣ побудило Императрицу Елизавету отдаться своимъ мыслямъ, которыя никогда не дадутъ ей забыть этихъ минутъ. Она говорила мнѣ, что ей казалось, что самый воздухъ этого дворца насыщенъ преступленіями, и она ждала съ невыразимымъ нетерпѣніемъ возможности уйти изъ него; но она могла это сдѣлать только послѣ того, какъ проводила Императрицу Марію къ тѣлу ея супруга и поддерживала ее въ эту тяжелую минуту.

Императрица вмѣстѣ со всѣми дѣтьми со страшнымъ воплемъ вошла въ комнату, гдѣ онъ лежалъ на своей походной кровати, въ своемъ обыкновенномъ мундирѣ и въ шляпѣ. Наконецъ, въ седьмомъ часу Императрица Елизавета, вмѣстѣ съ своей первой камеръ-фрау г-жей Геслеръ, могла покинуть это мѣсто ужаса и отправиться въ Зимній дворецъ. Придя въ свои апартаменты, она нашла Императора у себя на диванѣ блѣднаго, измученнаго, охваченнаго припадкомъ скорби.

Графъ Паленъ, находившійся тамъ, вмѣсто того, чтобы выйти изъ комнаты, какъ это предписывало уваженіе, отошелъ къ амбразурѣ окна. Императоръ сказалъ Императрицѣ Елизаветѣ:

— Я не могу исполнять обязанностей, которыя на меня возлагаютъ. У меня не хватитъ силы царствовать съ постояннымъ воспоминаніемъ, что мой отецъ былъ убитъ. Я не могу. Я отдаю мою

власть кому угодно. Пусть тѣ, кто совершилъ преступленіе, будутъ отвѣтственны за то, что можетъ произойти.

Императрица, хотя и была тронута состояніемъ, въ которомъ находился ея супругъ, представила ему ужсныя послѣдствія подобнаго рѣшенія и смятеніе, которое должно произойти отъ этого въ государствѣ. Она умоляла его не падать духомъ, посвятить себя счастью своего народа и смотрѣть на отправленіе власти, какъ на искупленіе. Она хотѣла бы сказать ему больше, но назойливое присутствіе Палена стѣсняло ея откровенность.

V.

Между тѣмъ, въ большихъ апартаментахъ собирались для принесенія присяги, что и было совершено безъ присутствія Императора и Императрицы. Императрица мать пріѣхала въ Зимній дворецъ нѣсколько часовъ спустя послѣ своихъ дѣтей.

Черезъ восемь или десять дней послѣ смерти Императора Павла, было получено извѣщеніе о смерти эрцгерцогини (Великой Княгини Александры) во время родовъ. Казалось, что такія несчастія такъ должны были подѣйствовать на Императрицу-мать, что она забудетъ обо всемъ, кромѣ своей скорби. Но Императоръ Павелъ еще не былъ погребенъ, а она уже заботилась обо всемъ необходимомъ въ подобныхъ случаяхъ, о чемъ ея сынъ не говорилъ съ ней изъ деликатности. Она объявила, что не желаетъ, чтобы для нея составляли особый дворъ, и получила отъ Императора согласіе, чтобы чины его двора служили также и его матери.

Немного спустя послѣ восшествія на престолъ Императоръ назначилъ фрейлиной княжну Варвару Волконскую, первую въ его царствованіе. По обычаю она получила шифръ Императрицы и всѣ фрейлины Великой Княгини Елизаветы тоже получили шифръ Императрицы Елизаветы. Въ тотъ же день Императрица Марія узнавъ объ этомъ простомъ и обыкновенномъ въ такихъ случаяхъ назначеніи, потребовала отъ Императора, чтобы впредь всѣ фрейлины и придворныя дамы

носили портреты и шифръ обѣихъ Императрицъ. Этотъ случай не имѣлъ примѣра въ прошломъ, но въ то время Императрица могла получить все отъ своего сына.

Едва прошли шесть недѣль траура, она стала появляться въ публикѣ и дѣлала изъ этого большую заслугу, постоянно повторяя Императору, что ей многаго стоитъ видѣть, хотя бы издали лицъ, про которыхъ она знаетъ, что они принимали участіе въ заговорѣ противъ ея супруга, но что она приноситъ это чувство въ жертву своей любви къ сыну.

Она заставила написать съ себя портретъ въ глубокомъ траурѣ [1]) и раздавала копіи всѣмъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ она отправилась въ Павловскъ, оставленный ей, какъ и Гатчина, по завѣщанію покойнаго Императора. Тамъ она вела разсѣянный образъ жизни, болѣе блестящій, чѣмъ въ царствованіе Павла I. Она дѣлала большіе пріемы, устраивала прогулки верхомъ. Она разбивала сады, строила и вмѣшивалась, насколько возможно, въ государственныя дѣла [2]).

Эти подробности необходимо привести, чтобы дать понятіе о томъ положеніи, какое заняла вдовствующая Императрица послѣ смерти своего супруга. Возвратимся къ тѣлу несчастнаго Императора.

Оно было выставлено въ Михайловскомъ дворцѣ. Онъ былъ раскрашенъ, какъ кукла, и на него надѣли шляпу, чтобы скрыть раны и синяки на головѣ. Черезъ двѣ недѣли его похоронили въ крѣпости и Павелъ I былъ положенъ вмѣстѣ со своими предками [3]). Весь дворъ слѣдовалъ за шествіемъ пѣшкомъ, также вся Императорская фамилія, за исключеніемъ двухъ Императрицъ. Императрица Елизавета была больна. Императорскія регаліи несли на подушкахъ. Оберъ-гофмейстеру, графу Румянцеву, было поручено нести скипетръ. Онъ уронилъ его и замѣтилъ это, пройдя двадцать шаговъ. Этотъ случай далъ поводъ многимъ суевѣрнымъ предположеніямъ.

---

[1]) Нѣмецкимъ художникомъ Кюгельхеномъ.

[2]) Это совершенно противорѣчитъ свидѣтельству Саблукова, командовавшаго въ Павловскѣ гвардіей Императрицы. Онъ говоритъ, что она всецѣло была погружена въ скорбь и трауръ по своемъ супругѣ.

[3]) 23-го марта 1801 года, въ великую субботу.

Царствованіе Александра I.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1801—1802.

I. Новое царствованіе.—Излишекъ свободы.—„Теперь можно дѣлать все, что угодно“. —Общій энтузіазмъ.—Перемѣна въ политикѣ и въ составѣ высшей администраціи. II. *Тріумвиратъ*.—Торжество графа Толстого.—Немилость.—Графъ Головинъ оставляетъ службу.—Проектъ путешествія во Францію.—Признанія графини Толстой. III. Отъѣздъ.—Прощальная ауденція.—Печальное прощаніе. IV. Путешествіе.—Рига.—Кенигсбергъ.—Печальный пріютъ въ Берлинѣ.—Болѣзнь старшей дочери графини Головиной.—Чудесное излѣченіе. V. Берлинское общество.—Г-жа Крюденеръ.—Принцесса Прусская.—Княгиня Луиза Радзивиллъ. VI. Въ Саксоніи и Туринги.—Лейпцигъ.—Франкфуртъ.—Ярмарка. VII. Во Франціи.—Революціонный духъ.—Парижъ.—Сенъ-Жерменское предмѣстье.—Улица де Бабилонъ.—Отель Кассини.—Принцесса де-Тарантъ.

I.

Энтузіазмъ, внушаемый Императоромъ Александромъ, достигъ своего апогея. Всѣ его друзья возвратились въ Петербургъ или по собственному почину, или вызванные имъ. Въ столицу съѣзжались, тогда какъ въ концѣ царствованія Павла I она почти опустѣла отъ большого количества высланныхъ, а также отъ боязни этого, приводившей къ тому, что многіе уѣзжали добровольно. Анархія заступила мѣсто самаго строгаго правленія. Появились вновь всякаго рода костюмы, кареты мчались во весь опоръ. Я сама видѣла гусарскаго офи-

цера, скакавшаго верхомъ по набережной троттуара съ крикомъ: «теперь можно дѣлать все, что угодно».

Эта внезапная перемѣна пугала, но она была основана только на крайнемъ довѣріи, внушаемомъ добротою новаго Императора. Съѣзжались со всѣхъ сторонъ государства, чтобы поглядѣть на молодого Государя, любимаго внука Екатерины II, воспоминаніе о которой жило во всѣхъ сердцахъ. Достаточно было одного этого наименованія, чтобы привлечь къ нему любовь всѣхъ подданныхъ. Но все въ немъ способствовало доведенію этой любви до восторженности и вызывало самыя сладкія надежды. Восхваляли его добродѣтели; оправдывали то, что могло въ немъ не нравиться. Никогда начало царствованія не было болѣе блестящимъ.

Война съ Англіей, готовая разразиться въ концѣ царствованія Павла I, окончилась съ момента вступленія на престолъ Императора Александра. Извѣстіе объ этой перемѣнѣ не успѣло предупредить большое морское сраженіе у входа въ Зундъ между англійскимъ флотомъ подъ начальствомъ Нельсона и датскимъ флотомъ. Датчане, какъ вѣрные союзники, съ большимъ мужествомъ защищали входъ въ Балтійское море. Адмиралъ Чичаговъ [1]) былъ посланъ въ Копенгагенъ, чтобы вести переговоры о примиреніи, чего легко было достигнуть.

Беклешовъ былъ назначенъ генералъ-прокуромъ вмѣсто Обольянинова, получившаго отставку. Князь Александръ Куракинъ остался вице-канцлеромъ. Паленъ былъ высланъ въ свое имѣніе. Князь Зубовъ, участвовавшій въ преступленіи изъ низкихъ цѣлей, захотѣлъ играть роль, но это ему не удалось и онъ удалился въ свои богатыя владѣнія. Его оба брата остались, какъ и остальные участники 11 марта.

[1]) Павелъ Васильевичъ Чичаговъ. Въ 1796 году управлялъ подъ начальствомъ герцога Іоркскаго англо-русской эскадрой съ цѣлью очистить Голландію отъ французовъ. При Александрѣ I былъ морскимъ министромъ, но впалъ въ немилость въ 1814 году за то, что не отрѣзалъ французамъ переходъ черезъ Березину. Эмигрировалъ и натурализовался въ Англіи, гдѣ былъ воспитанъ, и умеръ во Франціи въ 1849 году. Оставилъ *Путешествіе по Ледовитому морю* (1793г.). *Описаніе перехода черезъ Березину* (Парижъ 1814 г.) и *Мемуары* (Берлинъ 1855 г.). E. Chasles въ 1854 г. опубликовалъ *Document sur la vie l'amiral Tchytchagov*, къ несчастью такого же апокрифическаго характера, какъ и сами *Мемуары*.

Кутаисовъ покинулъ дворъ и отправился въ Москву [1]). Его низкое поведеніе во время послѣднихъ лѣтъ царствованія Павла заслужило ему общее презрѣніе. Войско было оставлено на томъ же положеніи, только перемѣнили форму: уничтожили косы и букли.

Весной въ томъ же году наслѣдная принцесса Баденская, мать Императрицы Елизаветы пріѣхала въ Петербургъ вмѣстѣ съ двумя своими дочерьми: принцессой Амеліей и принцессой Маріей. Послѣдняя впослѣдствіи вышла замужъ за герцога Брауншвейгскаго и умерла черезъ нѣсколько лѣтъ. Дворъ жилъ въ Каменно-Островскомъ дворцѣ, а я на дачѣ напротивъ дворца. Всѣ представлялись принцессѣ Баденской, но я не имѣла этой чести. Я полагала, что всякая моя попытка, наименѣе подозрительная, можетъ обратиться въ таковую и что было лучше хранить молчаніе и оставаться въ совершенномъ уединеніи.

Въ это время всякое отношеніе между мною и Императрицей было порвано и я была въ абсолютномъ невѣдѣніи относительно всего, что ея касалось. То, что говорили въ свѣтѣ, не внушало мнѣ никакого довѣрія и я рѣшилась ждать болѣе счастливаго момента, чтобы узнать то, что было для меня дороже моего счастья. Отнынѣ я буду говорить о событіяхъ, свидѣтельницей которыхъ я была до того момента, когда приближенная къ Императрицѣ я вновь нашла въ ея довѣріи воспоминаніе о многихъ счастливыхъ минутахъ и забвеніе многихъ горестей. Тогда я разскажу то, что она пожелала мнѣ передать о событіяхъ, происшедшихъ за этотъ долгій періодъ.

II.

Домъ графини Строгановой сталъ однимъ изъ наиболѣе близкихъ графу Толстому, который близко подружился въ это время съ княземъ Чарторижскимъ и Новосильцевымъ [2]). Ихъ называли: тріум-

[1]) Онъ умеръ тамъ въ январѣ 1834 года совершенно забытый.

[2]) Николай Николаевичъ Новосильцевъ, родился въ 1761 году, умеръ въ 183[illegible] г., воспитывался вмѣстѣ съ Великими Князьями Александромъ и Константиномъ. Очень образованный человѣкъ, онъ былъ назначенъ въ

виратъ [1]). Императоръ особенно покровительствовалъ Строгановымъ и часто посѣщалъ ихъ. Графъ Толстой разсказывалъ тамъ про меня самыя оскорбительныя и дурныя вещи: я отняла у него жену; я старалась омрачить репутацію Императрицы Елизаветы... Всѣ слушали его, одни по легковѣрію, другіе изъ низости.

Признаюсь, что часто мое терпѣніе готово было истощиться, но принцесса ободряла меня, смягчая горечь моихъ страданій и раздѣляя ихъ.

Торжество графа Толстого достигло своей вершины, когда Императрица Елизавета написала его женѣ, чтобы она вернулась къ ней. Графиня отправилась по приказанію Ея Величества и извѣстила меня о своемъ возвращеніи, сообщая мнѣ, что было его причиной и что она отвѣтила. Она пріѣхала незадолго до отъѣзда принцессы Тарантъ, покинувшей Петербургъ въ августѣ мѣсяцѣ. Я написала Толстой, чтобы она пріѣзжала ко мнѣ, только послѣ того, какъ она побываетъ при дворѣ на случай, если тамъ у нея что-нибудь вырвется по поводу меня, никто не могъ бы подумать, что это продиктовано мною.

Съ крыльца моего дома былъ виденъ дворецъ и окна апартаментовъ Императрицы. Я знала, что тамъ находится Толстая, и смотрѣла туда со смѣшанными чувствами, которыя я не съумѣю объяснить.

Наконецъ графиня пріѣхала ко мнѣ. Счастье видѣть ее было отравлено тѣмъ, что она разсказала мнѣ про Императрицу.

Когда Толстая попросила позволенія оставить ее, чтобы поѣхать ко мнѣ, Ея Величество удивилась, что Толстой пришла въ голову эта мысль.

— Какъ,—сказала она,—вы отправляетесь къ графинѣ Головиной.

— Да, Ваше Величество; она осталась моей подругой; никогда я не забуду того, что она для меня сдѣлала и сколько вытерпѣла

1803 году президентомъ Академіи Наукъ, но часто Александръ пользовался имъ для дипломатическихъ порученій. Послѣ сближенія царя съ Наполеономъ, онъ жилъ заграницей, но въ 1813 г. вновь вступилъ на службу какъ сенаторъ, и потомъ былъ генералъ-губернаторомъ Варшавы. При Николаѣ I былъ назначенъ въ 1834 г. предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и комитета министровъ.

[1]) Графиня Головина ошибается: Толстой не былъ участникомъ *Тріумвирата*.

изъ-за меня. Признаюсь, я очень удивлена перемѣною Вашего Величества къ ней.

— Ну вотъ,—возразила Императрица,—развѣ вы забыли исторію съ Ростопчинымъ.

Эта исторія была для меня тогда загадкой, объяснившейся много лѣтъ спустя. Нѣтъ ничего проще не знать о томъ, чего никогда и не думалъ совершать.

Графиня Толстая употребила всѣ средства, чтобы ея мужъ опять сталъ бывать у насъ, но это ей не удалось. Онъ отвѣчалъ ей, что Императрица Елизавета ему особенно запретила это.

Однажды вечеромъ, въ девятомъ часу, я была одна у себя въ большой гостинной, дверь которой была открыта на перронъ. Я видѣла между колоннъ перрона, какъ спокойно текла рѣка. Вокругъ меня царило молчаніе, но мое сердце страдало и находило мрачный оттѣнокъ въ этомъ покоѣ, слишкомъ противорѣчившемъ моимъ чувствамъ. Мой мужъ и г-жа де-Тарантъ гуляли; дѣти собирались спать; я была въ глубокомъ одиночествѣ. Вдругъ я услыхала топотъ лошадей. Я вышла на перронъ и увидала Императрицу, ѣхавшую верхомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ. Она, замѣтивъ меня, пустила лошадь галопомъ и отвернула голову. У меня упало сердце. Я прислонилась къ колоннѣ и слѣдила за ней взоромъ пока она не скрылась изъ виду. «Тебя презираютъ, обвиняютъ, быть можетъ, ненавидятъ,—говорила я себѣ,—и все таки ты любишь по-прежнему, какъ если бы ты была любима». Я смотрѣла на небо, прося Бога сжалиться надо мной. Слезы текли у меня изъ глазъ и облегчали подавленное состояніе моего сердца.

Дворъ отправился для коронаціи въ Москву; Толстая послѣдовала за нимъ. Согласно желанію своей матери, г-жа де-Тарантъ обратилась за разрѣшеніемъ съѣздить въ Парижъ, чтобы повидаться съ матерью, и получила его.

Разставаясь съ г-жей де-Тарантъ, я живѣе, чѣмъ обыкновенно, чувствовала всю величину моихъ страданій. Она уѣхала 5-го сентября, взявъ съ моего мужа торжественное обѣщаніе, что онъ привезетъ меня во Францію. Онъ согласился безъ труда. Его здоровье требовало особеннаго лѣченія и воды ему были необходимы. Я тоже страдала отъ особыхъ болей, постоянно возобновляющихся. Нервные припадки

моей бѣдной матери окончательно разстроили мое здоровье. Это путешествіе было необходимо. Но мысль разстаться съ матерью была слишкомъ тяжелой для меня и не позволяла мнѣ думать объ отъѣздѣ. Мужъ, къ которому она питала материнскую любовь и который заслужилъ это своей заботой о ней и преданностью, преодолѣлъ всѣ эти препятствія, убѣдивъ ее поѣхать вмѣстѣ съ нами. Она согласилась, и было рѣшено, что въ началѣ лѣта 1802 года мы уѣдемъ изъ Россіи. Увѣренность въ этомъ возвратила мнѣ мужество. Я чувствовала необходимость покинуть мѣста моихъ страданій.

Я вернулась въ городъ. Отсутствіе г-жи де-Тарантъ вызывало у меня чувство ужасной пустоты. Дворъ возвратился и также Толстая. Однажды вечеромъ она явилась ко мнѣ, какъ снѣгъ на голову; я была очень удивлена и въ то же время довольна видѣть ее. Поведеніе ея мужа нарушило наши обычныя отношенія. Она уже не бывала у меня каждый день. Онъ пожелалъ, чтобы она дѣлала пріемы и устраивала балы. Онъ предложилъ ей пригласить меня, но Толстая, зная меня хорошо, отвѣтила, что я не соглашусь.

Она на нѣкоторое время отдалась свѣтской жизни. Но такое положеніе вещей не могло продолжаться долго, ея прекрасная душа чувствовала потребность въ занятіи болѣе достойномъ ея. Однажды вечеромъ она пришла ко мнѣ и сказала, что хочетъ поговорить со мной и желаетъ быть увѣренной, что намъ не помѣшаютъ. Мы условились, что на слѣдующій день послѣ обѣда я закрою свою дверь для всѣхъ. Она пришла. Мы уединились въ моемъ кабинетѣ и тамъ она сдѣлала мнѣ самое искреннее признаніе о состояніи своего сердца, объ его мукахъ и минувшихъ ошибкахъ. Она прибавила:

— Вы знаете, что ваша нѣжная заботливость обо мнѣ и искренняя дружба не могла развязать цѣпей, которыми опутала меня страсть. Но Богъ сжалился надо мной. Когда я достигла вершины ослѣпленія, тотъ, кто былъ его предметомъ, самъ разрушилъ его. Извѣстіе объ его бракѣ [1]) открыло передо мною пропасть, въ которую я собиралась бросаться. Я была въ отчаяніи и обратилась за помощью къ духовному отцу: онъ очистилъ мое сердце и я испытывала только лю-

[1]) Лордъ Уайтвортъ женился въ Лондонѣ 7-го апрѣля 1801 года на вдовѣ герцога Дорсета Арабеллѣ-Діанѣ Копъ.

Принцесса Луиза Баденская,
впоследствии Императрица Елизавета, супруга Императора Александра I.

бовь и благодарность къ нему за то, что онъ для меня сдѣлалъ. Я прошу у васъ прощенія, что обманула васъ. Я сказала, разставаясь съ вами, что я излѣчилась отъ своей страсти, на самомъ же дѣлѣ я только и думала чтобы удалиться отъ васъ и послѣдовать за тѣмъ, кого я не имѣла права любить. Пусть это признаніе возвратитъ мнѣ ваше довѣріе и наша дружба будетъ основана только на религіи; она будетъ чистой и вѣчной и Богъ самъ благословитъ ее.

Легко понять, что я была глубоко тронута. Торжество добродѣтели даетъ испытывать истинное успокоеніе счастья. Восторженность и мечтаніе могутъ создать только химерическое положеніе. Одно является образомъ нетлѣнной истины, другое же представляетъ изъ себя тревожный сонъ, смущающій нашъ покой. Побѣда надъ собою есть самая прекрасная изо-всѣхъ побѣдъ; она уничтожаетъ въ нашей душѣ лживыя стремленія, которыя мы стремимся осуществить, заполняя прошлое опасными воспоминаніями, опьяняющими насъ и заглушающими разсудокъ. Мы должны ихъ вызывать въ себѣ только съ цѣлью упрека, вмѣсто того, чтобы лелѣять ихъ. Нельзя считать себя вылѣченнымъ пока воспоминаніе объ ошибкѣ не доставляетъ муки. Мысли, какъ растенія, посаженныя въ различныя времена года: съ постоянной заботой надо слѣдить за ихъ ростомъ и удалять сорныя травы.

Мой мужъ, разсчитывая уѣхать на семь лѣтъ, просилъ Государя купить наше имѣніе противъ Каменнаго Острова. Государь очень милостиво согласился на это и имѣніе было продано. Если бы у меня былъ рѣшающій голосъ въ семейныхъ дѣлахъ, мы не продали бы его. Но мужъ былъ такъ несчастенъ, такъ возмущенъ всѣмъ происшедшимъ, что онъ готовъ былъ развязаться со всѣмъ своимъ имуществомъ.

Я аккуратно получала извѣстія отъ г-жи де-Тарантъ. Она писала ежедневно, въ то время, какъ мѣняли лошадей, и не переставала заниматься мной. Съ тѣхъ поръ, какъ Толстая призналась мнѣ во всемъ, я чувствовала себя легче съ нею, и она возвратила мнѣ свою прежнюю любовь. Я была также счастлива отъ мысли, что вновь нашла свою старинную подругу.

III.

Наконецъ, наступилъ май мѣсяцъ. Мы должны были уѣхать въ началѣ іюня. За двѣ недѣли передъ нашимъ отъѣздомъ у португальскаго посланника былъ балъ. Тамъ долженъ былъ присутствовать дворъ. Мужъ сказалъ Толстой, тоже приглашенной туда, чтобы, если представится благопріятный случай, она попросила для него у Государя особой аудіенціи, чтобы проститься съ нимъ и поблагодарить его за всѣ милости.

Толстая съ готовностью взялась за это порученіе. Танцуя полонезъ съ Государемъ, она сказала ему:

— Ваше Величество, я обращаюсь къ вамъ съ просьбой о милости; графъ Головинъ желалъ бы представиться Вамъ въ особой аудіенціи, чтобы поблагодарить Васъ и проститься съ Вами. Разрѣшитъ ли это Ваше Величество?

— Пусть приходитъ,—отвѣчалъ Государь,— съ удовольствіемъ; пусть приходитъ завтра въ двѣнадцать часовъ дня ко мнѣ въ кабинетъ.

Толстая съ радостью сообщила намъ этотъ отвѣтъ. Мужъ отправился къ Государю въ назначенное время. У нихъ было объясненіе такъ же интересное, какъ и трогательное. Мужъ просилъ прощенія у него, что такъ рѣзко покинулъ дворъ, просилъ судить о немъ не по словамъ его, а по поступкамъ и особенно не считать дурными причины его дѣйствій въ различныхъ случаяхъ. Государь обвинялъ себя въ томъ, что онъ тоже былъ неправъ. И все кончилось между ними наилучшимъ образомъ.

Выйдя изъ кабинета Государя, мужъ встрѣтился съ Толстымъ, который ничего не зналъ о происшедшемъ и былъ крайне удивленъ. Онъ спросилъ у Государя, по какому случаю былъ у него графъ Головинъ. Государь, не желая вовлечь графиню Толстую въ какую-нибудь исторію, отвѣтилъ, что онъ встрѣтилъ мужа на прогулкѣ и предложилъ ему зайти. Въ тотъ же вечеръ Государь разсказалъ объ этомъ Толстой, но она отвѣтила, что предосторожность Его Величества была

безполезной, что она не скрываетъ отъ мужа чувствъ, которыя она сохранила къ своимъ друзьямъ и что, если графъ Толстой былъ неблагодаренъ и несправедливъ, то это не причина, чтобы и она была такой же.

Я поручила тоже Толстой заявить о моемъ прощальномъ представленіи ко двору. Императрица Елизавета выразила желаніе принять меня вмѣстѣ со всѣми, но графиня Толстая сказала ей, что было бы справедливымъ принять меня въ особой аудіенціи. Ея Величество согласилась подъ условіемъ, что Толстая также пріѣдетъ со мной.

Я отправилась въ кабинетъ Ея Величества въ семь часовъ вечера. Я была взволнована до глубины души. Нѣтъ ничего ужаснѣй, какъ носить маску, когда совсѣмъ не заслужилъ этого. Рядомъ съ Государыней была ея сестра принцесса Амелія, которую принцесса мать оставила въ Петербургѣ. Разговоръ былъ незначительнымъ и носилъ оттѣнокъ стѣсненія. Эта сцена, очень тяжелая для меня, продолжалась около получаса. Я сказала Толстой, что довольно было злоупотреблять позволеніемъ Императрицы и что мнѣ пора уходить. Ея Величество сказала мнѣ нѣсколько словъ относительно моихъ проектовъ путешествія. Я простилась съ ней и ушла, чувствуя себя болѣе несчастной, чѣмъ когда я пришла. Если бы она могла прочесть въ моей душѣ, она пожалѣла бы о совершенной ею несправедливости.

Но оставимъ это тяжелое время, которое я должна вспоминать съ благодарностью. Оно показало мнѣ всю величину моей привязанности къ Императрицѣ и я узнала, какъ много можетъ вынести преданное сердце. Было бы трудно мнѣ перемѣниться. Я слишкомъ хорошо узнала Императрицу, чтобы разлюбить ее. Я лучше согласилась бы вдвойнѣ страдать, чѣмъ потерять чувство, которое я къ ней питала. Оно было необходимо моему сердцу. Ее обманули, всѣ обстоятельства, казалось, содѣйствовали тому, чтобы приписать мнѣ самую ужасную вину. Государыню окружили мои враги и мое добровольное и одновременно вынужденное молчаніе предоставляло свободное поле дѣйствія моимъ недоброжелателямъ.

Надо было отправиться въ Павловскъ, чтобы проститься съ Императрицей-матерью. Я обѣдала тамъ, какъ это было принято. Во время пріема Императрица Елизавета подошла ко мнѣ съ холоднымъ видомъ и сказала мнѣ:

— Мнѣ кажется, что графиня чувствуетъ себя хорошо сегодня. Ея видъ оскорбилъ меня.

— Дѣйствительно,—отвѣчала я,—я чувствую себя гораздо лучше съ того момента, какъ у меня явилась увѣренность въ томъ, что я уѣду осюда.

Такъ мы простились.

Наканунѣ моего отъѣзда графиня Строганова заѣхала проститься со мной.

Я проводила ее послѣ визита и мы остановились у окна. Улица была наполнена всякаго рода экипажами. Направлялись въ театръ, находившійся противъ моего дома. Въ то же время слѣдовало похоронное шествіе, среди четырехъ рядовъ каретъ, спѣшившихъ и старавшихся разъѣхаться. Это была поразительная картина: нетерпѣливое стремленіе наслаждаться и неизбѣжный конецъ.

Въ то время, какъ мы наблюдали этотъ контрастъ, до насъ долетѣли звуки священныхъ пѣснопѣній изъ домовой церкви моей матери, гдѣ служили напутственный молебенъ.

Все это могло навести на размышленія и расположило графиню Строганову сообщить мнѣ свои мысли и горячо увѣрять меня въ томъ, что она жалѣетъ объ моемъ отъѣздѣ и будетъ вспоминать меня.

— Я буду говорить съ вами,—отвѣтила я,—съ откровенностью умирающей. Разлука во многомъ походитъ на смерть. Можно ли знать напередъ, удастся ли увидаться? У себя въ домѣ вы позволяли моимъ врагамъ разсказывать несправедливыя вещи про меня. Вы не можете этого отрицать.

— Но я ничего не говорила про васъ.

— Вы терпѣли эти оскорбительныя для меня рѣчи и никогда не защищали меня, тогда какъ вы вполнѣ увѣрены, что я ихъ не заслуживаю. Я не питала къ вамъ злого чувства за это и не платила тѣмъ же. Визиты Государя къ вамъ доставили поводъ многимъ разговорамъ. Я защищала васъ и заставляла молчать всѣхъ, кто мнѣ говорилъ объ этомъ.

IV.

Мы уѣхали изъ Петербурга восьмого іюня 1802 г. послѣ обѣдни. Всѣ наши люди плакали. Я старалась, насколько возможно скрыть это отъ матери. Толстая провожала насъ до Ропши, Императорскаго имѣнія, гдѣ мы провели цѣлыя сутки. На слѣдующій день, рано, мы отправились въ путь, нѣжно простившись съ Толстой. Я ѣхала въ каретѣ вмѣстѣ съ матерью, съ моей младшей дочерью шести лѣтъ и сестрой, ея гувернантки, Генріеттой, которую моя мать очень любила. Въ другой каретѣ былъ мой мужъ со старшей дочерью, гувернанткой и хирургомъ. Потомъ ѣхали двѣ горничныхъ и двое слугъ.

Я не буду говорить объ Эстоніи, ни объ ея дикихъ жителяхъ, говорящихъ на непонятномъ языкѣ и не имѣющихъ облика человѣческаго. Мы провели тридцать шесть часовъ въ Нарвѣ, чтобы дать отдохнуть моей матери. Всѣ мои заботы были отданы ей и я очень боялась, какъ бы ея нервные припадки не повторились въ дорогѣ. Иногда мы продолжали наше путешествіе и ночью, останавливаясь только въ большихъ городахъ. Я вспоминаю, что проѣзжая черезъ маленькій городокъ Ливоніи, я услыхала похоронный звонъ. Я увидала готическую церковь, въ видѣ башни, вырисовывавшуюся въ туманномъ небѣ. Вѣтеръ громоздилъ облака; все въ природѣ говорило о смерти. Немного далѣе я увидала печальную процессію, медленно шествовавшую съ гробомъ къ кладбищу, чтобы положить покойника въ его послѣднее жилище. Я старалась скрыть это печальное зрѣлище отъ моей матери и успокоилась только тогда, когда мы выѣхали на большую дорогу.

Мы остались на два дня въ Ригѣ, погода была великолѣпной и я осматривала городъ вмѣстѣ съ г-жей Больвилье, дочерью г-жи Убриль, старой знакомой моей матери, которая съ удовольствіемъ увидѣлась съ ней. Г-жа Убриль занимала мать во время моего отсутствія. Я выстояла обѣдню для матери, потомъ срисовала великолѣпный видъ съ моста и, увидѣвъ, на обратномъ пути въ гостиницу католическую церковь, я спросила у моей спутницы, можно ли туда войти сейчасъ

— Всегда,—отвѣтила она;—ее никогда не запираютъ.

Я была поражена бѣдной простотой этой церкви. Священникъ стоялъ на колѣняхъ, погруженный въ умственную молитву. Невольно я тоже опустилась на колѣни, устремивъ взоръ на большой крестъ, стоявшій на алтарѣ. Тишина и спокойствіе, окружавшіе меня, наполнили мою душу небеснымъ чувствомъ. Съ сожалѣніемъ я встала, чтобы уходить. Священникъ также всталъ. Я спросила у него, нельзя ли получить маленькихъ образковъ. Онъ принесъ мнѣ ихъ. Я предложила ему деньги, отъ которыхъ онъ отказался, и я опустила ихъ въ церковную кружку. Я возвратилась домой съ внутреннимъ спокойствіемъ, котораго я давно не испытывала.

Я никогда не забуду этой церкви.

Въ Кенигсбергѣ мы остановились въ гостиницѣ Золотого Орла. Я увидала слугъ, одѣтыхъ въ трауръ, и узнала, что португальскій посланникъ де-Низа, уѣхавшій изъ Петербурга на нѣсколько дней раньше насъ, остановившись въ этой гостиницѣ, заболѣлъ оспой и умеръ. Возвращались съ его похоронъ. Мы ночевали въ комнатѣ, находящейся рядомъ съ помѣщеніемъ, которое онъ занималъ. Къ счастью, никто изъ насъ не боялся ни оспы, ни привидѣній.

Я спала въ кабинетѣ вмѣстѣ съ младшей дочерью рядомъ съ комнатой моей матери. На стѣнахъ нашей комнаты было два большихъ портрета во весь ростъ и въ натуральную величину: Фридриха II и его отца. Моя крошка не могла заснуть, безпрестанно повторяя:

— Мама, я не могу закрыть глазъ; у этихъ двухъ королей такіе большіе глаза и они все смотрятъ на меня.

Желѣзная доска, въ которую въ Кенигсбергѣ ударяютъ для обозначеніе часовъ, совершенно лишила меня сна; но моя мать спала и этого было достаточно для меня, чтобы быть покойной. На слѣдующій день мы уѣхали послѣ обѣда и среди великолѣпной ночи мы проѣзжали черезъ прекрасныя лѣса Пруссіи. Луна чудно свѣтила и на этотъ разъ мнѣ не такъ докучала медленность прусскихъ почтарей. Прислонясь къ окну кареты, я дышала чистымъ воздухомъ и смотрѣла на длинныя тѣни деревъ и любовалась мягкимъ свѣтомъ луны, отражавшимся въ чащѣ дубовъ. Дорога была песчаной и почтари шли пѣшкомъ; по временамъ они трубили въ рогъ и звуки вызывали

далекое протяжное эхо; вокругъ меня все спало и я бодроствовала наединѣ съ моимъ сердцемъ.

Какъ ни чувствуешь себя несчастнымъ въ своей странѣ, нельзя равнодушно покинуть ее. Оттуда вырываешь себя, а не уѣзжаешь, и всегда чего-то не хватаетъ счастью, которымъ наслаждаешься внѣ ея: родныхъ могилъ, родины и отечества, такъ близкаго сердцу.

За два дня до пріѣзда въ Берлинъ, моя старшая дочь захворала. Прибывъ туда, мы ее уложили въ постель. Горячка проявлялась въ тоскѣ: все предвѣщало тяжелую болѣзнь. Пригласили доктора Гуффеланда [1]); его лѣченіе и наши заботы помогли больной и она, казалось, стала поправляться. Но все таки невозможно было оставаться въ гостинницѣ, гдѣ постоянный шумъ табльдота, пріѣзжавшихъ и уѣзжавшихъ, а также пѣніе, продолжавшееся до поздней ночи, совершенно не давали намъ покоя. Мы искали помѣщенія и нашли его въ частномъ домѣ на Липовой Аллеѣ. Мою дочь пришлось перенести туда на носилкахъ и, такъ какъ она чувствовала себя лучше, то эта переправа очень забавляла ее. Но черезъ два или три дня она захворала еще сильнѣе. У нея открылась нервная горячка самаго остраго характера. Мое безпокойство достигло крайней степени; мужъ былъ въ отчаяніи и я старалась насколько возможно скрыть опасность, которую я такъ ясно видѣла. Понимая въ пульсѣ, я отдавала точный отчетъ Гуффеланду въ перемѣнахъ болѣзни. Пульсъ сталъ перемежающимся; безпокойный бредъ возобновлялся каждый вечеръ. Я проводила ночи около дочери и душа моя страдала больше, чѣмъ мое бѣдное тѣло. Нравственная боль заглушаетъ физическую, но что меня особенно утомляло, это дыханіе моей дочери. Я дышала такъ же какъ она, не будучи въ состояніи воспрепятствовать этому.

Я просила доктора признаться мнѣ, насколько велика опасность. Онъ сказалъ, что она была очень сильно больна и что онъ видитъ только одно средство: ванну. Если она вынесетъ ее безъ конвульсій, то есть надежда; но при малѣйшихъ нервныхъ судоргахъ все будетъ кончено.

Я скрыла это печальное и тягостное опасеніе отъ матери и мужа,

1) Знаменитый докторъ, родился въ 1762 г., умеръ въ 1836 г.

и мы условились съ Гуффеландомъ, что ванна будетъ приготовлена безъ промедленія.

— Я отправляюсь сейчасъ къ королевѣ,—сказалъ онъ;—отъ нея я пріѣду прямо къ вамъ.

Я предложила матери прогуляться съ моей младшей дочерью и Генріеттой. Я сѣла у письменнаго стола передъ постелью моей дочери, въ то время какъ гувернантка и обѣ горничныя готовили ванну. Я подперла лицо руками, не имѣя мужества повернуть голову въ сторону дочери. Мой взглядъ упалъ на *День Христіанина*, книгу, которую учитель моихъ дѣтей, аббатъ Шанкло, подарилъ мнѣ на память при отъѣздѣ. Я открыла ее и увидала слѣдующія строки:

«Боже, я хочу того, что Вы хотите, потому что Вы этого хотите и такъ же, какъ Вы этого хотите».

Эти слова были для меня божественнымъ свѣтомъ и приказаніемъ покорности. Я повторяла эту молитву нѣсколько разъ, все съ возростающей горячностью, и достигла такой силы въ принесеніи Богу этой внутренней жертвы, что упала на колѣни. Холодный потъ выступилъ у меня на лбу.

Когда принесли ванну, я встала и бросилась въ другую комнату: рыданія душили меня. Дрожа я закрыла дверь и приложила глазъ къ замочной скважинѣ. Я видѣла, какъ опускали мою дочь въ ванну: ея спутанные волосы и открытый ротъ еще болѣе увеличивали ея худобу. Внутри меня все упало.

Едва она сѣла въ воду, какъ я услыхала ея слова:

— Боже, какъ хорошо я себя чувствую. Можно мнѣ остаться въ водѣ?

Эти слова произвели на меня невыразимое дѣйствіе. Я была внѣ себя и выбѣжала на встрѣчу подходившему Гуффеланду. У него вырвалось радостное восклицаніе, когда онъ услыхалъ меня.

— Это чудо!—сказалъ онъ.

Въ это тяжелое для меня время я каждый вечеръ садилась у окна, чтобы дышать тихимъ и чистымъ воздухомъ ночи. Въ темнотѣ я слышала шаги гуляющихъ и звуки шарманки, сопровождаемые чистымъ звучнымъ голосомъ. Скорбь сердца такъ безусловна, что все, не относящееся къ ней, дѣлаетъ ее еще болѣе острой и мучительной.

Наконецъ, моя дочь совершенно выздоровѣла и радость заступила мѣсто самой жестокой тоски.

V.

Я отправилась на чай къ баронессѣ Крюденеръ, [1]) женѣ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, доброй и превосходной женщинѣ, засвидѣтельствовавшей мнѣ трогательное участіе. При второмъ моемъ визитѣ къ ней я застала у нея гостей: пожилую особу добрую и любезную баронессу Лефортъ, мать г-жи де-Серторисъ, камеръ-фрау княгини Луизы Радзивиллъ [2]), графиню де-Неаль съ дочерью, первая была дама свиты принцессы Прусской, супруги Фердинанда Прусскаго, вторая дама свиты княгини Луизы. Онѣ всѣ были очень предупредительны со мной. Баронесса Крюденеръ была подругой княгини Барятинской, матери графини Толстой. Она подошла ко мнѣ и много говорила со мной о семействѣ моей подруги, объ ея исторіи съ мужемъ и о письмѣ, которое ей написала Императрица, приглашая вернуться въ Россію. Она пыталась заставить меня разговориться, стараясь узнать, дѣйствительно ли я была причиной разлада семейства Толстыхъ и въ полной ли я немилости у Императрицы. Я не удовлетворила ея любопытства ни въ чемъ. Я слушала ее, но съ такимъ видомъ, чтобы дать понять ей, что я не дарю своего довѣрія первому встрѣчному въ городахъ, черезъ которые я проѣзжаю.

Графиня де-Неаль заѣхала ко мнѣ пригласить меня прогуляться въ Бельвю, имѣніе и замокъ, въ которомъ жила принцесса Прусская

[1]) Барбъ-Жюли урожденная Фитингофъ, родилась въ Ригѣ въ 1764 г., умерла въ Крыму 25 декабря 1824 года. Была замужемъ за барономъ Бурхардомъ-Алексѣемъ-Константиномъ Крюденеромъ, бывшимъ послѣдовательно посланникомъ въ Венеціи (1784 г.), въ Копенгагенѣ (1786 г.) въ Мадридѣ (1796 г.) и наконецъ въ Берлинѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1802 году. Баронесса была авторомъ *Валеріи*, героини всемірно извѣстнаго романа и вообще одной изъ самыхъ замѣчательныхъ людей начала девятнадцатаго вѣка.

[2]) Дочь принца Фердинанда Прусскаго, младшаго брата короля Фридриха II; въ 1796 г. Вышла замужъ за князя Антона Радзивилла.

съ дочерью и дворомъ. Я приняла это предложеніе и поѣхала туда къ ней. Мы гуляли въ довольно красивомъ саду, но въ которомъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ цвѣтовъ, которые разводитъ сама принцесса. Когда проходили мимо дворца, на балконѣ я увидала принцессу; она сошла внизъ и очень любезно пригласила меня зайти къ ней. Я познакомилась съ княгиней Луизой, милой, умной женщиной полной прелести. Я видѣла также ея брата принца Луи. Принцесса провела меня въ апартаменты ея сына; онъ съ замѣчательнымъ талантомъ игралъ на клавесинѣ. Черезъ нѣкоторое время я простилась съ Ихъ Высочествами. Я ничего не говорю про самого принца Фердинанда, чтобы избѣжать смѣшныхъ и глупыхъ подробностей. У его младшаго сына довольно красивое лицо, но онъ непріятенъ и пошлъ.

Княгиня Луиза сама зашла ко мнѣ на другой день, чтобы спросить меня про здоровье дочери и пригласить къ себѣ на вечеръ слѣдующаго дня. Когда я пришла къ ней, она сидѣла одна въ очень маленькомъ кабинетѣ и вышивала на пяльцахъ. Мы много и очень пріятно разговаривали. Разговоръ, не основанный ни на довѣріи, ни на особомъ интересѣ, долженъ носить отпечатокъ естественности и извѣстной непринужденности. Княгиня Луиза располагаетъ этими качествами. Она ведетъ разговоръ съ деликатностью и тактомъ, придающими ему пріятность и прелесть: милые пустяки, составляющіе достояніе хорошаго общества.

Во время нашего разговора, я замѣтила, что княгиня иногда тревожно прислушивалась къ какому-то шуму, который былъ слышенъ по временамъ. Я узнала потомъ, что ея мать постоянно находилась на сторожѣ. Эта принцесса была очень требовательна и ревновала къ знакамъ уваженія, которое оказывали ея дочери. Княгиня Луиза боялась, чтобы она не пришла насъ прервать. Ея дѣти прелестны, въ особенности, маленькая дѣвочка по имени Лулу, впослѣдствіи умершая.

Выздоровленіе моей дочери шло долго. Мы пробыли около двухъ мѣсяцевъ въ Берлинѣ. Я часто видѣлась съ княгиней Луизой за это время, а у ея матери была только передъ отъѣздомъ чтобы проститься. Я не хотѣла представляться ко двору, не чувствуя склонности къ туалету и къ стѣсненіямъ.

VI.

Сезонъ водъ уже прошелъ и мы рѣшили прямо отправиться въ Парижъ. Мы провели три дня въ Лейпцигѣ во время ярмарки. У насъ было прелестно помѣщеніе, гдѣ моя мать чувствовала себя хорошо. Къ моей дочери замѣтно возвращались силы. Я осматривала гулянья и лавки вмѣстѣ съ мужемъ и младшей дочерью, приберегая на слѣдующее утро прогулку, особенно интересную для меня. На другой день я встала рано утромъ; взяла съ собой альбомъ для эскизовъ и отправилась вмѣстѣ съ Генріеттой и слугой, бывшимъ при квартирѣ, на розыски дома, гдѣ умерла г-жа де-Шенбургъ. Наканунѣ своей смерти она приказала отнести себя на террасу, покрытую цвѣтами, которые она велѣла собрать для своей матери.

Я видѣла эту террасу и цвѣты: это были уже другіе, но быть можетъ они расцвѣли на тѣхъ же стеблях[illegible]. Они привлекли мое особое вниманіе и я не могла оторвать отъ нихъ глазъ. Я чувствовала, что моя душа совершенно переполнена. Смерть можетъ похитить у насъ кого мы любимъ, но выраженіе чувства угаснетъ только вмѣстѣ съ нами.

Я съ трудомъ оторвалась отъ этой террасы и пошла срисовать видъ съ моста, перекинутаго черезъ ровъ, которымъ окруженъ городъ. Зубчатая стѣна была великолѣпна освѣщена. Облокотясь на перила, я пыталась срисовать ее, когда незнакомый голосъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Сударыня знаетъ по-французски?

Я обернулась и увидѣла человѣка, повторившаго тотъ же вопросъ. Я отвѣтила утвердительно.

— Позвольте васъ предупредить,—продолжалъ онъ,—что часовой и солдатъ, которые стоятъ тамъ, принимаютъ васъ за французскаго шпіона и постараются ознакомиться съ планомъ, который вы снимаете.

Я поблагодарила незнакомца, увѣряя его, что я ничего не боюсь. Я спокойно продолжала свою работу, изъ предосторожности только подошла

къ часовому, чтобы онъ могъ удостовѣриться, что мнѣ нечего было скрывать. Дѣйствительно, по моему спокойному виду, онъ убѣдился, что я не дѣлаю ничего подозрительнаго, и меня больше не безпокоили.

Мы проѣзжали по верхней Саксоніи въ прекрасную погоду. Эта страна великолѣпна. Пройдя цѣлую ночь, почтари остановились около красиваго домика, помѣщавшагося на краю большого лѣса. Мы вошли въ этотъ домъ, состоявшій изъ трехъ или четырехъ комнатъ и владѣльцемъ котораго былъ одинъ крестьянинъ. Гостиная была украшена нѣсколькими портретами, такъ странно нарисованными, что они вызывали удивленіе. Каждое лицо было изображено только съ однимъ глазомъ: господинъ смотрѣлъ въ зрительную трубу; дама держала передъ собою попугая такъ, что онъ заслонялъ ей глазъ; у другой то же самое производила вѣтка розы; наконецъ третья закрывала глазъ лимономъ. Это была семья кривыхъ.

Мебель была обита ковровой матеріей, на которой былъ изображенъ бракъ Товія. Наружняя стѣна дома была покрыта шпалерами персиковъ и винограда. Я пошла прогуляться въ лѣсъ съ мужемъ и младшей дочерью; желая пройти часть пути пѣшкомъ, мы приказали, чтобы экипажи нагнали насъ, когда они будутъ готовы. Едва мы прошли сто шаговъ, намъ попался огромный дубъ съ необычайно толстымъ стволомъ. Вокругъ него была устроена скамья, предназначенная вѣроятно для отдыха путешественниковъ. Надъ скамьей кора дуба была покрыта надписями на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Сколько именъ и различныхъ мыслей начертано тамъ; какія различныя намѣренія внушили здѣсь оставить воспоминаніе лицамъ, которыя никогда не видѣли другъ друга и вѣроятно никогда не увидятся. Этотъ лѣсъ привелъ меня въ восхищеніе. Я видѣла, какъ солнце поднималось изъза горъ, и его блестящіе лучи обливали ихъ всѣми цвѣтами опала.

Красоты природы имѣютъ огромную власть надъ нами; надо быть лишеннымъ ихъ, чтобы оцѣнить, какое онѣ для насъ имѣютъ значеніе. Восхищаясь чудесами творенія, трудно забыть о Творцѣ и все, что можетъ привести насъ къ Нему, есть главное изъ благъ.

Тюрингія—красивая страна, хорошо обработанная. Проѣхавъ черезъ нее, мы отправились въ Фрункфуртъ, куда и пріѣхали вечеромъ. Мы остановились въ большомъ павильонѣ, окруженномъ садами. Ярмарка только что началась и насъ предупредили, что мы не полу-

чимъ лошадей ранѣе, какъ черезъ три дня, въ виду большого стеченія народа, наполнявшаго въ это время городъ. Старый графъ Нессельроде [1]) тотчасъ же сдѣлалъ намъ визитъ, разсказалъ намъ массу новостей, предложилъ мнѣ свои услуги и вызвался сводить меня на ярмарку. Мы всѣ отправились туда на слѣдующій день.

Лавки устроены внизу квадратной площади, окруженной многоэтажными домами. Туда входятъ черезъ особую калитку. Магазины прекрасны и въ изобиліи снабжены парижскими товарами. Я купила книгъ и альбомъ оригинальныхъ рисунковъ въ магазинѣ Артаріа. Я не буду подробно говорить ни о Дармштадтѣ, ни о прекрасномъ мѣстоположеніи Гейдельберга, ни о другихъ городахъ, которые я лучше видѣла на обратномъ пути, и между ними Раштадтъ. Уѣзжая изъ послѣдняго, я съ живѣйшимъ интересомъ посмотрѣла на дорогу, ведущую въ Карлсруэ, постоянную резиденцію вдовствующей принцессы Баденской. Я избѣгала ее изъ чистой скромности, боясь, что, если я буду представлена ей, это повлечетъ за собой различныя предположенія. Я также не хотѣла, чтобы Императрица Елизавета могла подумать, что я желала объясниться съ ея матерью.

Также вечеромъ мы пріѣхали въ Страсбуръ. Въѣхавъ во дворъ отеля Духа, гдѣ мы должны были остановиться, я увидѣла, какъ какая-то дама поспѣшно подошла къ моей каретѣ и открыла дверцу. Каково же было мое увивленіе, когда я узнала г-жу Кушелеву [2]), интересную особу, которую я нѣжно любила. Я стремительно бросилась въ ея объятія въ восхищеніи, что вижу ее. Всегда испытываешь удовольствіе, встрѣчая соотечественниковъ за границей.

Мы провели вмѣстѣ четыре дня. Наши помѣщенія были раздѣлены только запертой дверью и мы открыли ее съ общаго согласія. Вмѣстѣ съ г-жей Кушелевой былъ ея сынъ. Тогда онъ былъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ служилъ мнѣ, какъ чичероне, и по-

[1]) Вильгельмъ Нессельроде, посланникъ въ Португаліи и въ Пруссіи при Екатеринѣ II, отецъ знаменитаго канцлера графа Карла Нессельроде. Родъ Нессельроде происходитъ изъ Саксоніи.

[2]) Любовь Ильинишна, урожденная Безбородко (1783—1809) жена адмирала Григорія Григорьевича Кушелева (1754—1833), командовавшаго гатчинской флотиліей. Ихъ сынъ Александръ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь былъ основателемъ рода Кушелевыхъ-Безбородко.

казалъ мнѣ городъ, соборъ, памятникъ маршалу Саксонскому и рыцаря вмѣстѣ съ его дамой въ гробахъ, наполненныхъ виннымъ спиртомъ. Къ несчастью, съ тѣхъ поръ молодой Кушелевъ очень перемѣнился. Онъ ускорилъ смерть своей матери безчисленными огорченіями.

Рядомъ съ нашимъ помѣщеніемъ, съ другой стороны, жила герцогиня д'Эсклиньякъ, побочная дочь принца Ксавье и сестра шевалье де-Саксъ, убитаго на дуэли княземъ Щербатовымъ. Я слышала, какъ она спорила со своей горничной тономъ маркизы изъ комедіи, а та отвѣчала ей, какъ настоящая субретка:

— Mademoiselle, вы неправы!

— Герцогиня ошибается и т. д...

Я разсталась съ г-жей Кушелевой, надѣясь съ ней увидѣться въ Парижѣ. Мы въ теченіе часа поднимались на прекрасную Савернскую гору, очень разнообразную въ отношеніи природы. Видъ, открывающійся съ ея вершины, очень богатъ.

VII.

Какъ только я въѣхала во Францію, желаніе видѣть г-жу де-Тарантъ стало чувствоваться живѣе. Мы ѣхали теперь гораздо скорѣе. Ѣзда на почтовыхъ во Франціи превосходна, почтари услужливы и аккуратны. Я находила гостинницы превосходными: хорошіе обѣды, хорошія вина, проворные слуги, добрые и веселые люди. Только въ Нанси или въ Мо я замѣтила проявленіе революціоннаго духа. Прогуливаясь въ одномъ изъ этихъ городовъ, пока мѣняли лошадей, я встрѣтила двухъ или трехъ молодыхъ людей, которые закричали мнѣ.

— Ай, ай, теперь больше не носятъ шлейфовъ, потому что больше не существуетъ пажей, чтобы носить ихъ!

— Вы ошибаетесь, господа, я не француженка, я—русская; мы не проливали кровь своихъ монарховъ.

Они замолчали и поспѣшили удалиться.

Мы подъѣхали къ заставѣ Парижа въ два часа ночи. Въ то время, какъ осматривали нашъ паспортъ, я услыхала прелестную музыку: на лужайкѣ танцовали контрдансъ. Я попросила у моей матери

позволенія пересѣсть въ карету мужа, а на мое мѣсто посадить старшую дочь. Мою душу осаждала толпа различныхъ чувствъ. Сердце радостно билось при мысли, что я увижу г-жу де-Тарантъ, и отъ волненія передъ этимъ великимъ городомъ.

Проѣхавъ ворота Сенъ-Мартенъ, много мыслей и воспоминаній возникло въ моей душѣ. Я вспомнила все то, что слышала отъ моего дяди, который провелъ столько лѣтъ въ этомъ огромномъ городѣ. Идея революціи, шумъ, крики, грохотъ телѣгъ, бубенчики лошадей, бродячіе музыканты, эта масса народа, который не идетъ, а бѣжитъ стремится, крики разносчиковъ и совокупность тысячи вещей, очень незначительныхъ въ отдѣльности, произвели на меня совершенно особенное впечатлѣніе.

Только тамъ, дѣйствительно, видишь суету и волненіе міра. Мы проѣхали черезъ мостъ Рояль въ Сенъ-Жерменское предмѣстье, особый кварталъ, гдѣ находятся старинные дома дворянскихъ семействъ. выѣхали на улицу дю-Бакъ, не зная куда направиться. Какая то добрая женщина указала намъ домъ Кассини на улицѣ де-Бабилонъ. Мы постучались въ большія ворота подъ домомъ, они открылись и мы увидали красивый квадратный дворъ, украшенный шпалерами винограда. Мы увидѣли освѣщенное помѣщеніе. Камердинеръ и два лакея вышли намъ навстрѣчу съ фонарями. Мужъ съ дѣтьми и съ моей матерью направились въ домъ. Я осталась на дворѣ, ожидая г-жу де-Тарантъ, находившуюся въ двухъ шагахъ у г-жи де-Люксембургъ. Ее пошли извѣстить.

Это было 3-го октября. Была темная и теплая ночь. Ворота открылись, г-жа де-Тарантъ поспѣшно вошла и мы бросились въ объятія другъ друга.

— Что вы дѣлаете здѣсь?—спросила она.

— Дожидаюсь васъ,—отвѣчала я,—чтобы вы сами показали мнѣ, какъ позаботилась о насъ ваша дружба. Я буду наслаждаться вдвойнѣ.

Ужинъ былъ сервированъ съ изящной простотой. Помѣщеніе матери было въ нижнемъ этажѣ и она казалась довольной. Мое помѣщеніе, а также мужа и дѣтей было на антресоляхъ, очень красиво устроенное. Мы были очень довольны, что всѣмъ обязаны нашему превосходному другу. Только она одна не находила все достаточно удобнымъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

1802.

I. Сенъ-Жерменское предмѣстье.—Дамы прошлаго режима.—*Бонапартъ.*—Дворъ перваго Консула.—Графиня Головина отказывается отъ представленія въ Тюльери. II. *Ливрея короля.*—„Вотъ возвращаются хорошія времена.“—Новая дружба Помена де-Беарнъ.—Поѣздка по магазинамъ.—Сенъ-Сюльписъ.—Герои и героиня эшафота.—Герцогъ и герцогиня де-Муши. III. Опера и комедія.—Бонапартъ на спектаклѣ.—Особое зеркало.—Ужины въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи.—Г-жа Тальенъ.—Салонъ г-жи де-Монтисонъ. IV. Кладбище Пикпусъ.—Салонъ г-жи „Дивовой“.—„Новая Франція“.—Бертье и г-ж Висконти. V. Парижскіе бѣдняки.—М-ль Меранъ.—Два Террора союзника.—Г-нъ де-Сегюри.—Герцогъ и герцогиня де-Люнь.—Таллейранъ.—Трогательныя воспоминанія.—Балъ въ Австрійскомъ посольствѣ.—„Прежняя и новая Франція.“

I.

На другой день я увидала нашъ красивый маленькій садъ. Потомъ г-жа де-Тарантъ поспѣшила познакомить меня съ своими родными. Герцогиня д'Юзесъ, ея сестра [1]), была въ Парижѣ вмѣстѣ со своимъ мужемъ котораго я видѣла еще въ Петербургѣ, когда онъ пріѣзжалъ туда, провожая г-жу де-Тарантъ изъ Лондона. Герцогиня де-Шатильонъ [2]) находилась въ замкѣ Видевиль въ восьми лье отъ

[1]) Амальбъ-Эмилія де-Шатильонъ.

[2]) Андріенна-Эмилія-Фелиситэ де-Лабомъ Лебланкъ.

Парижа. Она пріѣхала черезъ день вмѣстѣ со своей внучкой, м-ль д'Юзесъ. Я поѣхала ей навстрѣчу до Версаля. Она дружески приняла меня и подарила мнѣ букетъ цвѣтовъ изъ ея сада.

Черезъ два дня графъ де-Караманъ [1]), другъ моего дяди, сдѣлалъ намъ визитъ и привелъ съ собой трехъ дочерей: виконтессу де-Суршъ, виконтессу де-Водрейль, графиню де-Барши и свою внучку м-ль де-ла Фарра. Мы быстро познакомились и черезъ часъ мы чувствовали себя такъ же легко, какъ если бы мы были знакомы всю жизнь. Г-жа де-Суршъ обратила на это мое вниманіе.

— Очень просто,—отвѣчала я,—мнѣ недоставало только соприкосновенія съ вами.

Г-жа де-Тарантъ привела меня въ отель де-Шаро. Въ это время тамъ жили только графиня де-Сентъ-Альдегондъ и графиня де-Беарнъ. Маркиза де-Турцель, ихъ мать и ихъ сестра, герцогиня де-Шаро находились въ деревнѣ [2]). Г-жа де-Сентъ-Альдегондъ приняла меня съ простотой и естественностью, быстро разрушающей чувство неловкости при первомъ знакомствѣ. Но г-жа де-Беарнъ во все время визита сохранила холодную вѣжливость съ оттѣнкомъ наблюдательности. Я рѣдко встрѣчала лицъ, болѣе интересныхъ и добродѣтельныхъ [3]).

Г-жа де Шатильонъ и г-жа де-Тарантъ отвезли меня къ г-жѣ де-Клермонъ, къ принцессѣ де-Тэнгри и къ графинѣ де-Люксембургъ, жившей въ одномъ домѣ съ своей сестрой, графиней де-Монморанси

[1]) Викторъ-Морицъ де-Риксъ, графъ де-Караманъ, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1727 г. и умеръ въ 1808 г.

[2]) Луи-Франсуа Буше де-Суршъ, маркизъ де-Турцель, былъ женатъ на Луизѣ-Елизаветѣ-Круа-д'Авре, дочери Ферданда-Жозефа де-Круа, герцога д'Авре; у маркиза де-Турцель было много дѣтей: Генріетта, герцогиня де-Шаро; Анна, графиня де-Сентъ-Альдегондъ; Шарль, маркизъ де-Турцель; Жозефина, графиня де-Сентъ-Альдегондъ; Полина, графиня де-Беарнъ—авторъ *Souvenirs de quarante ans*; Эммануэль-Луи-Жозефъ. Овдовѣвъ въ 1787 г., г-жа де Турцель была назначена гувернанткой королевскихъ дѣтей на слѣдующій день по взятіи Бастиліи.

[3]) Полина де-Беарнъ была заключена въ тюрьмѣ де-ла-Форсъ вмѣстѣ съ принцессой де-Тарантъ и съ тѣхъ поръ постоянно съ похвалой отзывалась о мужествѣ и преданности послѣдней. (Duchesse de Tourzel *Mémoires* 1883 II 279).

Танкарвиль. Мы были также у герцогини де-Жевръ, послѣдней изъ рода Дюгесклэнъ; у герцогини де-Бетюнъ, тетки по отцу г-жи де-Тарантъ, тамъ жила ея внучка Евгенія де-Монморанси.

Герцогиня де-Бетюнъ приняла меня въ своей малиновой спальнѣ. Она сидѣла въ большомъ креслѣ. Рядомъ съ ней была шифоньерка, а на колѣняхъ у нея мопсъ.

Я познакомилась также съ графиней де-Шуазель и съ графиней де-Серанъ, ея сестрой. Число моихъ знакомыхъ съ каждымъ днемъ увеличивалось. Вездѣ съ интересомъ принимали подругу г-жи де-Тарантъ. Г-жа де-Турцель возвратилась изъ имѣнія съ остальнымъ семействомъ. Герцогиня де-Шаро тотчасъ же пріѣхала ко мнѣ и очень предупредительно пригласила меня къ ней въ пятницу, день, въ который принимала ея мать.

Эта интересная и почтенная семья собралась въ одномъ домѣ. Я была тамъ съ г-жей де-Тарантъ и видѣла много дамъ прошлаго режима, между прочими герцогиню де-Дюрасъ, принцессу де-Шимэ, ея подругу въ теченіе сорока лѣтъ и принцессу де-Леонъ, belle-soeur г-жи де-Танкарвиль.

Въ это время Бонапартъ былъ первымъ консуломъ и у него былъ дворъ въ Тюльери. Общество, въ которомъ я вращалась было яркимъ контрастомъ съ тѣмъ, которое можно было встрѣтить за мостами. Это была квинтъ-эссенція стариннаго дворянства, сохранившаго свои убѣжденія и пострадавшаго отъ революціи. Душа и сердце отдыхали среди этого рѣдкаго общества; умъ наслаждался тѣмъ, что его окружало; тонъ, прелесть и, въ особенности, принципы привлекали, очаровывали и заставляли испытывать наслажденіе вѣрности, вмѣстѣ съ самой естественной любезностью.

Со мной обращались, какъ съ сестрой, въ отелѣ де-Шаро и у де-Караманъ. Друзья той и другой семьи осыпали меня любезностями. Мое самолюбіе могло бы быть польщено, если бы у меня было время объ этомъ подумать. Но моя душа была слишкомъ глубоко тронута, чтобы я могла думать о себѣ.

Графъ Марковъ [1]), нашъ посланникъ въ Парижѣ, заявился ко

[1]) Графъ Аркадій Ивановичъ Марковъ (1747—1827) былъ въ немилости у Павла изъ за расположенія, которымъ пользовался у Зубова; при восшествіи на престолъ Александра I былъ назначенъ посланникомъ въ Парижъ.

мнѣ, чтобы спросить, какого *шестнадцатаго* [1]) я желаю представиться первому консулу.

— Вы меня удивляете,—отвѣчала я.—Неужели вы думаете, что я отправлюсь ко двору этого короля Пето. Я пріѣхала сюда вовсе не для того, чтобы унижаться.

— Да, но если вы не будете представлены, это будетъ очень замѣтно. Всѣ ваши соотечественники были представлены; англичане, поляки, нѣмцы, - всѣ представляются при пріѣздѣ.

— Хотя бы и китайцы были въ ихъ числѣ, я все равно не буду представляться.

— Вы нанесете вредъ г-жѣ де-Тарантъ; подумаютъ, что это она совѣтуетъ вамъ такъ поступать, и у васъ будетъ столько непріятности, что вамъ придется уѣхать изъ Парижа.

— Я уѣду съ удовольствіемъ, если это понадобится для того, чтобы доказать мои убѣжденія; что же касается г-жи де-Тарантъ, то съ ней ничего не можетъ случиться, кромѣ того, что, можетъ быть, придется уѣхать изъ Франціи, что она и сдѣлаетъ безъ большого огорченія.

Графъ Марковъ, видя, что онъ не добьется ничего, смолкъ, безпокоясь, что его будутъ спрашивать обо мнѣ и, быть можетъ, выйдутъ непріятности.

II.

Мой экипажъ былъ законченъ. Это была красивая двумѣстная карета, съ англійской упряжью. Ливрея моихъ лакеевъ была трехъ цвѣтовъ: голубого, краснаго и чернаго, ушитая галунами; шляпы были передѣланы по-французски, съ плюмажемъ цвѣта моего герба. Случилось, что эта ливрея оказалась похожа на ливрею лакеевъ французскаго короля. Она производила впечатлѣніе на людей, оставшихся

[1]) Бонапартъ принималъ желающихъ представиться ему 16-го каждаго мѣсяца. *(Примѣчаніе автора).*

вѣрными королю. Тогда кареты рѣдко попадались на улицахъ; ливрей совершенно не существовало; боялись сенсаціи, какую онѣ могли произвести на улицахъ. Но я рѣшилась всѣмъ бравировать.

Я сѣла въ карету и, въ сопровожденіи двухъ высокихъ лакеевъ, отправилась дѣлать визиты моимъ соотечественникамъ. Проѣзжая черезъ улицу дю-Бакъ, я видѣла проявленіе радостныхъ чувствъ народа; женщины взбирались на первое попавшееся около дома возвышеніе, крестились и кричали:

— Вотъ хорошее время возвращается!

Я проѣхала черезъ мостъ Рояль, пересѣкла площадь Людовика XV и остановилась въ Елисейскихъ Поляхъ у двери г-жи Дивовой [1]).

Она видѣла, какъ я подъѣхала, и была изумлена, что у меня хватило мужества въ приличномъ выѣздѣ показаться на улицахъ Парижа.

— Боже мой! неужели васъ никто не оскорбилъ?—спросила она.

— Наоборотъ, я вызывала восторгъ.

— Андрюша, мой другъ,—сказала она мужу,—закажи завтра ливреи для выѣзда.

Марковъ тоже послѣдовалъ моему примѣру. Я принимала много визитовъ у моей матери, къ которой относились съ крайнимъ вниманіемъ и любезностью. Ея помѣщеніе ей очень нравилось. Ей достаточно было открыть дверь, чтобы очутиться въ саду. Терраса была покрыта розами. Здоровье матери безконечно улучшилось. Нервные припадки совершенно покинули ее со времени нашего путешествія.

Я почти каждое утро ѣздила къ моимъ новымъ друзьямъ и, въ

[1]) Урожденная Бутурлина, Елизавета Петровна (1762—1813), была замужемъ за Андріаномъ Ивановичемъ Дивовымъ, бывшимъ директоромъ французской труппы Эрмитажа и впослѣдствіи сенаторомъ. Это была очень подвижная особа, легкаго поведенія. Незадолго передъ этимъ въ Петербургѣ она фигурировала въ первомъ ряду дамъ, оспаривавшихъ девизы, раздаваемые итальянцемъ Мандини, пѣвцомъ оперы буффъ. Ея девизомъ было: *Sempre pazza* (Всегда безумная). См. *Архивы Воронцова* VIII, 140. Она жила въ Парижѣ въ отелѣ де ла Рейньеръ и согласно полицейскимъ рапортамъ, она получила отъ Бонапарта, при посредствѣ Ремюза, позволеніе держать игорный домъ, подъ условіемъ платы за это 30.000 франковъ въ мѣсяцъ. Она оставила до сихъ поръ неизданный дневникъ, хранящійся въ С.-Петербургской Императорской библіотекѣ. См. Pingaud. Les Russes à Paris, стр. 13.

особенности, въ отель Шаро вмѣстѣ съ г-жей де-Тарантъ. Обыкновенно я завтракала тамъ. Полина де-Беарнъ, наконецъ, нарушила свою холодность; можно сказать, что ея сердце сдерживалось только для того, чтобы сильнѣе броситься навстрѣчу моему. Я любила ее больше, чѣмъ ея сестеръ, хотя онѣ всѣ были превосходны и очень любезны. Но трогательный, ласковый видъ Полины, ея тактъ, все, что съ ней случилось во время революціи, увеличивали очарованіе, внушаемое ею. У нея было трое дѣтей: двѣ прелестныхъ дѣвочки, изъ которыхъ старшая умерла послѣ моего отъѣзда изъ Франціи, и младшая—моя любимица. Дѣти г-жи де-Сентъ-Альдегондъ были гораздо старше и подружились съ моими дѣтьми.

Я сдѣлала прогулку по магазинамъ, представляющимъ въ своемъ родѣ единственное разнообразіе и богатство. Достаточно только пожелать и открыть кошелекъ, чтобы найти все, что только можно потребовать. Г-жа де-Шатильонъ предложила мнѣ однажды отправиться къ нѣкоему Закку, державшему постоянно англійскіе товары. Почти слѣдомъ за нами туда вошла высокая дама, съ красивой фигурой. Я спросила ея имя и узнала, что это была г-жа де-Медави. Тотчасъ же я перемѣнилась въ лицѣ и почувствовала себя взволнованной. Я вспомнила, что Императрица Елизавета говорила мнѣ про г-жу де-Медави, которую она часто видѣла у принцессы, своей матери, вмѣстѣ съ другими эмигрантами. Императрица Елизавета съ особой прелестью, свойственной только ей, часто забавлялась, подражая реверансамъ г-жи де-Медави. Было вполнѣ естественно, что видъ этой особы произвелъ на меня впечатлѣніе и возвратилъ меня къ прошлому. Магазинъ, товары, все исчезло въ моихъ глазахъ. Я видѣла только Великую Княгиню Елизавету. Какъ немного нужно, чтобы воскресить тяжелыя воспоминанія.

Я проводила прелестные вечера съ моими новыми знакомыми. Я видѣлась съ ними ежедневно и это стало для меня необходимой привычкой. Воскресенье было для меня особенно священнымъ. Утромъ я отправлялась въ Сенъ-Сюльписъ, одну изъ лучшихъ церквей Парижа. Многочисленное духовенство служило тамъ мессу, при пѣніи прекрасныхъ голосовъ и подъ аккомпаниментъ органа. Аккорды и фуга обладаютъ особой гармоніей, и кажется, что она воспѣваетъ славу Божію.

Я не могла наслушаться и налюбоваться на молитвенное настроеніе, царившее вокругъ меня.

Однажды, когда я была тамъ какъ обыкновенно, я увидала двухъ дамъ, закрытыхъ вуалями и стоявшихъ на колѣняхъ. У нихъ были самыя красивыя фигуры въ мірѣ, но ихъ лица были закрыты и онѣ были погружены въ молитву. Онѣ обѣ причастились, потомъ вернулись на свое мѣсто и я такъ и не могла ихъ разглядѣть. Послѣ мессы я остановилась на церковномъ крыльцѣ, около моей знакомой старой женщины, торговавшей книгами, и сѣдого старика, продававшаго распятія изъ слоновой кости. Почти каждый разъ я забирала у нихъ часть ихъ товаровъ и они съ радостью видѣли меня. Закупивъ и на этотъ разъ, я собиралась садиться въ карету, какъ вдругъ я почувствовала, что меня кто-то останавливаетъ сзади: это были тѣ дамы и, наконецъ, я узнала г-жу де-Водрейль и де-Барши, ея сестру. Я завезла ихъ домой и отправилась на мой воскресный завтракъ къ г-жѣ де-Люксембургъ, у которой собиралось ея семейство и семья де-Турцель.

Я была представлена герцогинѣ де-Дюрасъ и принцессѣ де-Шимэ. Обѣ были придворными дамами королевы. Душа г-жи де-Дюрасъ соединяетъ все, что сила и благородство характера, поддерживаемыя религіей, могутъ представить наиболѣе поучительнаго и достойнаго уваженія. Она обладаетъ всей непринужденностью женщины хорошаго тона; она высокаго роста и у нея величественный видъ. На г-жѣ де-Шимэ лежитъ отпечатокъ ангельской доброты и покорности. Она худа и слаба. Контрастъ этихъ двухъ характеровъ дѣлаетъ еще болѣе прочной дружбу между ними. Это какъ бы два вяза, выросшіе изъ одного корня; вершины ихъ поднимаются къ небу, а вѣтви переплетаются между собой.

Онѣ обращались со мной съ особой добротой. и я получила отъ нихъ трогательныя проявленія участія, которое мое сердце никогда не забудетъ. Г-жа де-Дюрасъ шутила надъ худобой своей подруги:

— Когда я ее обнимаю,—говорила она мнѣ,—она всегда боится, какъ бы я ее не переломила.

Г-жа де-Дюрасъ была дочерью маршала де-Муши, погибшаго на эшафотѣ вмѣстѣ съ своей женой, проявивъ столько мужества. Когда онъ шелъ на смерть, онъ сказалъ своимъ плачущимъ друзьямъ:

— Не огорчайтесь, семнадцати лѣтъ я шелъ въ аттаку за короля; шестидесяти восьми лѣтъ я иду на эшафотъ за Господа Бога.

Когда его арестовали, жена его явилась сама, чтобы быть заключенной вмѣстѣ съ нимъ. Г-жѣ де-Муши отвѣчали, что относительно ея не было получено никакого приказанія.

— Я жена маршала де-Муши,—снова сказала она и, повторяя одни и тѣ же слова, добилась того, что ее осудили.

III.

Я отправилась въ Большую Оперу вмѣстѣ съ моими друзьями и была поражена какъ разнообразіемъ и элегантностью общества, такъ и великолѣпіемъ спектакля и ансамблемъ оркестра. Въ комедіи я была въ ложѣ г-жи де-Шаро и г-жи де-Люксембургъ. Это была ложа, закрытая рѣшеткой, находившаяся противъ ложи Бонапарта. Онъ усиленно лорнировалъ меня въ антрактахъ; я оказывала ему ту же честь и, если бы мои глаза были кинжалами, міръ давно освободился бы отъ этого чудовища. Въ Оперѣ у него въ ложѣ было устроено вращающееся зеркало, поворачивая которое онъ могъ видѣть все, что происходило въ партерѣ.

Подъѣзжая къ Оперѣ, можно было заранѣе знать, будетъ ли онъ присутствовать на спектаклѣ: рядъ солдатъ находился у входа, гдѣ онъ долженъ былъ пройти, и маленькія окошечки, открывающіяся изъ ложъ въ коридоры, всѣ были закрыты. Онъ остерегался всего, только не боялся совершать преступленія.

Послѣ оперы я отправлялась ужинать въ отель де-Шаро. Трудно быть болѣе любезной и прелестной, чѣмъ г-жа Огюстинъ де-Турцель, съ ея солиднымъ характеромъ. У нея природный умъ. Онъ ничего не заимствуетъ и похожъ на ручей, увлекающій въ своемъ теченіи цвѣты, представляя много пріятнаго.

Два лакея приносили круглый столъ, ставили вокругъ четыре servantes [1]) и уходили. Небольшой изысканный ужинъ безъ прислуги

[1]) Нѣчто вродѣ маленькихъ буфетовъ съ приборами и тарелками (*Примѣчаніе автора*).

увеличивалъ веселое настроеніе нашего общества. На этихъ ужинахъ царила самая милая болтовня. Тамъ не было этихъ нескромныхъ свидѣтелей, которые, уставясь на насъ, казалось, завидуютъ каждому куску, отправляемому нами въ ротъ.

Непринужденность необходима для пріятности общества; довѣріе придаетъ ему невыразимую прелесть; слова, встрѣчаясь, соединяются, но не сталкиваются. Это красивый аккордъ, пріятно варьируемый.

Иногда вмѣстѣ съ г-жой де-Тарантъ я ужинала въ отелѣ Караманъ. Я проводила тамъ прелестные вечера. У г-жи де-Суршъ очень оригинальный умъ. Изысканный разговоръ г-жи де-Водрейль отличается прелестью и добротой. Г-жа де-Барши думаетъ только о небѣ. Однажды она просила своего отца нарисовать рай, какъ онъ его себѣ представляетъ. Онъ нарисовалъ веселое поле, населенное пастушками съ посохами и пастухами, играющими на свирѣляхъ, съ барашками, съ ручейками, съ бутонами розъ, а на облакѣ г-жу де-Барши въ парадномъ платьѣ съ треномъ, играющей на гитарѣ.

Не зная правилъ рисованія, г-нъ де-Караманъ обладалъ искусствомъ изображать все, что онъ хотѣлъ выразить. Въ его жизни страннымъ образомъ соединились счастье и несчастье. Я никогда не видала старика болѣе веселаго и заслуживающаго уваженія. До восьмидесяти четырехъ лѣтъ онъ сохранилъ всѣ свои способности. Бракъ его младшаго сына [1]) свелъ его въ могилу. Онъ не могъ помириться, что тотъ женился на г-жѣ Тальенъ [2]), женщинѣ извѣстной красоты и позорной репутаціи.

Г-жа Кушелева, пріѣхавъ въ Парижъ, сняла помѣщеніе въ домѣ Карамана, съ которымъ познакомилась еще въ свое первое путешествіе во Францію. Она предложила мнѣ сдѣлать визитъ г-жѣ де-Монтессонъ, принимавшей два раза въ недѣлю. Мы отправились къ ней въ среду. Г-жа де-Монтессонъ [3]) принимала въ овальной гостиной, об-

[1]) Франсуа-Жозефъ-Филиппъ виконтъ де-Караманъ, впослѣдствіи принцъ де-Шимэ. Бракъ былъ заключенъ въ 1803 г.

[2]) Извѣстная Тереза Кабаррусъ, гражданка Тальенъ и принцесса Караманъ де-Шимэ. См. о ней Joseph Turquan *Citoyenne Tallien* и Г. Флейшманъ и Артуръ Леви *Наполеонъ и двѣ императрицы*. 1911 „Сфинксъ", I кн. глава 5, Мадонна термидора и герой вандемера.

[3]) Шарлотта-Жанна Беро де-Лагэ де-Ріу, маркиза де-Монтессонъ, родилась въ 1737 году, овдовѣла въ 1769 и въ 1773 году тайно вышла замужъ

ставленной съ замѣчательнымъ вкусомъ, и полной народа. Она сидѣла за партіей реверси. Противъ нея сидѣла княгиня Долгорукова, вся въ брилліантахъ, а также г-жа Замойская [1]), молодая и красивая женщина, сестра князя Чарторижскаго. Обѣ только что пріѣхали съ обѣда въ Сенъ-Клу.

Онѣ тотчасъ же встали, чтобы уходить. Г-жа де-Монтессонъ хотѣла ихъ проводить, но я остановила ее.

— Позвольте мнѣ, — сказала я, — оказать честь моимъ соотечественницамъ и избавить васъ отъ безпокойства.

Г-жа де-Монтессонъ воскликнула:

— Княгиня! Княгиня! Вотъ графиня Головина не желаетъ, чтобы я васъ провожала. Сердитесь за это на нее.

У княгини былъ смущенный видъ, а я кусала себѣ губы, чтобы не разсмѣяться: со времени моего путешествія въ Бессарабію, княгиня не разговаривала и не кланялась со мной [2]).

Когда мы собирались уходить, г-жа де-Клермонъ оттолкнула игорный столикъ и подбѣжала къ намъ.

— Не правда ли, графиня, что вы не забудете мою пятницу; я считаю большой честью принять васъ. Но, Боже мой! этотъ день княгиня Долгорукова назначила для своего бала. Вы, навѣрно, тамъ будете...

— Я съ удовольствіемъ пожертвую имъ для васъ и, пожалуйста, не благодарите меня, я васъ умоляю.

Г-жа де-Клермонъ разсыпалась въ комплиментахъ, я протестовала. Эта комическая сцена очень забавляла г-жу Кушелеву.

Г-жа де-Монтессонъ состояла въ тайномъ бракѣ съ герцогомъ Орлеанскимъ, отцомъ *Эгалите,* безъ согласія на это короля. У нея было состояніе, оставленное ей герцогомъ. Бонапартъ предложилъ ей дѣлать пріемы и приглашать на нихъ прежнюю аристократію и но-

за герцога Орлеанскаго, внука регента. Ея дружба съ Жозефиной доставила ей выдающееся положеніе въ эпоху Консульства и имперіи. Она умерла въ 1806 году.

[1]) Софья Чарторижская (1778—1837) замужемъ за Станиславомъ Костой Замойскимъ.

[2]) Княгиня Долгорукова послѣ восшествія Павла поселилась въ Парижѣ, гдѣ въ ея гостиной собиралось блестящее общество. Лагарпъ, аббатъ Делиль, графъ де-Сегюръ, г-жа Виже-Лебренъ, г-жа Рекамье были ея друзьями.

вую; но ей долго не удавалось соединить ихъ. Она умерла послѣ моего отъѣзда.

IV.

Госпожа де-Суршъ сказала мнѣ однажды утромъ, когда я была у нея, что она только что пріѣхала отъ г-жи Монталю и что послѣдняя очень занята устройствомъ заупокойной мессы на кладбищѣ Пикпусъ [1]), гдѣ похоронены многіе изъ ея родственниковъ. Я спросила у г-жи де-Суршъ, не будетъ ли нескромностью съ моей стороны просить о разрѣшеніи присутствовать на мессѣ. Она взяла на себя поговорить объ этомъ и на другой же день я получила трогательное и любезное приглашеніе отъ г-жи де-Монтагю.

Я отправилась туда съ младшей изъ Турцелей и г-жею де-Жевръ. Первая ѣхала молиться объ своемъ отцѣ, вторая—о мужѣ. Мы проѣхали черезъ весь Парижъ и остановились у воротъ ограды Пикпуса. На лицѣ г-жи де-Турцель былъ отпечатокъ скорби. Войдя въ церковь, я была такъ глубоко взволнована, что, казалось, не вынесу этого. Всѣ мои обыкновенныя мысли были подавлены. Я видѣла только смерть и утѣшающую религію. Мои глаза съ жадностью вглядывались въ эти лица, съ выраженіемъ самой нѣжной покорности. Обѣдня началась, встали на колѣни; передъ мною стояла герцогиня де-Дюрасъ, потерявшая во время террора отца, мать, невѣстку и племянницу. Иногда рыданія прерывали по временамъ печальную заупокойную службу.

[1]) Кладбище Пикпусъ находится у Тронной заставы. Двѣнадцать тысячъ жертвъ тамъ были лишены жизни. Когда эпоха Террора прошла принцесса де Сальмъ, потерявшая своего брата (принцъ Сальмъ-Кирбургъ, обезглавленъ въ 1794 году) пожелала купить землю подъ кладбищемъ и устроила сборъ между лицами, заинтересованными, такъ же какъ и она въ томъ, чтобы сохранить кладбище неприкосновеннымъ. Осквернённая церковь была снова освящена и каждый годъ тамъ служили торжественную заупокойную мессу по жертвамъ революціи, каждый жертвовалъ, что могъ для продолженія этого религіознаго обычая.

(*Примѣчаніе автора*).

Посреди церкви стоялъ катафалкъ. Къ концу службы г-жа де-Монтагю пошла со сборомъ. Она была блѣдной и слабой, слезы покрывали ея лицо, не измѣняя ангельскаго выраженія. Ея черные, живые глаза казались потухшими. Одинъ изъ ея кузеновъ велъ ее подъ руку. Я съ трудомъ удержалась, чтобы не встать передъ ней на колѣни, когда она подошла ко мнѣ. Я положила бывшіе со мной луидоры съ волненіемъ и дрожью въ ея кошелекъ.

Какъ могущественно зрѣлище добродѣтели. И какъ я жалѣю тѣхъ, кто не способенъ къ состраданію. Это единственное оправданіе счастливыхъ. Развѣ можно наслаждаться или оставаться равнодушнымъ, видя страданіе другихъ?

На слѣдующій день г-жа де-Монтагю пріѣхала поблагодарить меня. Это обстоятельство привело насъ къ дружбѣ. Я просила г-жу де-Суршъ отправиться вмѣстѣ со мной къ г-жѣ де-Монтагю. Мы поѣхали въ предмѣстье Сентъ-Оноре, на площадь Бово. Г-жа де-Монтагю велѣла передать мнѣ, что она сейчасъ окружена дѣльцами и не смѣетъ просить меня подняться къ ней, но что она сойдетъ ко мнѣ въ карету, чтобы повидаться со мной. Она сказала мнѣ, что находится сейчасъ въ очень большомъ затрудненіи: не хватаетъ трехъ тысячъ франковъ для уплаты за землю Пикпусъ, и что не видитъ, какимъ образомъ можно достать эту сумму, потому что всѣ заинтересованныя лица уже пожертвовали, что могли. Я сказала ей:

— Завтра одинъ изъ молодыхъ людей при посольствѣ ѣдетъ въ Петербургъ. Хотите, чтобы я написа своей подругѣ объ устройствѣ сбора для этой цѣли. Можно заинтересовать Императрицу Елизавету, доброта которой неисчерпаема. Вы будете молиться за нее и мое сердце будетъ переполнено радостью.

Г-жа де-Монтагю обняла меня, плача.

— Какъ только я увидѣла васъ,—сказала она мнѣ,—я сейчасъ же почувствовала, что вы будете нашимъ ангеломъ утѣшителемъ.

Я попросила ее написать графинѣ Толстой и присоединить къ письму описаніе Пикпуса де-Лалли-Толландалемъ. Все было исполнено въ точности. Срокъ платежа истекалъ въ октябрѣ, а эта исторія была въ маѣ, слѣдовательно, оставалось довольно времени. Толстая съ участіемъ отнеслась къ этому порученію и требуемая сумма была прислана къ назначенному сроку. Земля была куплена и сердце г-жи

де-Монтагю было переполнено радостью; установили молитву за Императрицу: это была самая пріятная минута въ моей жизни. Я благодарила Бога, что находилась въ Парижѣ въ это время. Безъ помощи, которой я имѣла честь способствовать, земля осталась бы за правительствомъ, церковь была бы покинута и кладбище уничтожено. Теперь же оно орошается слезами благочестивой нѣжности. Молитвы, полныя покорной чувствительности, возносятся къ Милосердому Отцу. Молятся за погибшихъ жертвъ и за гонителей. Какое торжество религіи! Какой вѣрный залогъ для души, которая приходитъ положить свои чувства къ подножію креста!

Съ этого времени г-жа де-Монтагю пріѣзжала ко мнѣ два раза въ недѣлю и проводила вечеръ со мною и г-жею де-Тарантъ. Въ эти дни дверь моего дома была закрыта для всѣхъ. Вотъ эпизодъ, который она мнѣ разсказала по поводу кладбища Пикпуса.

Между жертвами, похороненными тамъ, былъ нѣкто по имени Парисъ, служившій у герцога де-Кастри. Онъ оставилъ въ нищетѣ жену и дочь. Какъ только заботы и благоговѣйная память достигли того, что эта долина слезъ была освящена, м-ль Парисъ, въ какую бы то ни было погоду, аккуратно являлась два раза въ недѣлю на кладбищѣ Пикпусъ, несмотря на то, что она жила въ двухъ лье отъ этого окровавленнаго мѣста, которое она орошала своими слезами. Ея проникновенный и несчастный видъ обратилъ вниманіе сторожа; онъ сказалъ объ ней г-жѣ де-Монтагю, та тотчасъ же отправилась на розыски м-ль Парисъ и послѣ долгихъ безплодныхъ попытокъ нашла ее вмѣстѣ съ матерью на пятомъ этажѣ, гдѣ онѣ занимались починкой старыхъ кружевъ—ихъ единственное средство къ существованію. М-ль Парисъ, отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ, скопила пятьдесятъ франковъ на покупку земли подъ кладбищемъ. Разговоръ, бывшій у нея съ г-жей Монтагю, вполнѣ оправдалъ то участіе, которое м-ль Парисъ вызвала у нея.

Я обѣдала постоянно дома въ комнатахъ матери. Обыкновенно бывали гости. Изъ мужчинъ чаще всего посѣщали насъ гг. де-Монморанси, де-Турцель (мужъ Огюстины де-Беарнъ), мужъ Полины, Оливье де-Веракъ, де-Конфланъ и де-Круа. Шевалье де-Монморанси обладалъ недурнымъ талантомъ къ музыкѣ. Родственники г-жи де-Тарантъ, герцогини де-Дюрасъ и де-Жевръ, принцессы де-Шимэ и де-Тэнгри

также пріѣзжали къ намъ обѣдать. Принцесса де-Тэнгри была свекровью г-жи де-Люксембургъ.

Я уѣзжала изъ дома на нѣсколько часовъ утромъ и поздно вечеромъ. Остальное время я посвящала матери и моимъ занятіямъ. Въ мое отсутствіе у матери былъ лѣкарь, жившій у насъ только для нея. Дѣти все свободное отъ занятій время проводили у нея и ея компаньонка г-жа де-Мерси никогда не покидала ея. Я не могла бы ничѣмъ наслаждаться, не будучи увѣрена въ томъ, что ей хорошо.

Г-жа Дивова заявилась ко мнѣ въ одинъ прекрасный день звать меня къ себѣ обѣдать вмѣстѣ съ Кушелевой, увѣряя меня, что мы будемъ почти однѣ и никого изъ общества новой Франціи у нея не будетъ. Я не хотѣла давать отвѣта раньше согласія Кушелевой и мы отправились вмѣстѣ на обѣдъ. Первой неожиданностью была герцогиня Санта-Кроче, которую мы застали тамъ, старая кокетка шестидесяти лѣтъ, итальянка изъ Рима, въ рыжемъ парикѣ и съ античной прической. Эта древняя фигура привела меня въ изумленіе. Дивова потащила меня знакомить съ ней, говоря, что я племянница Шувалова и что герцогиня де-Санта-Кроче была знакома съ нимъ въ бытность его въ Римѣ.

Едва было произнесено имя моего дяди, какъ эта ужасная особа бросилась меня обнимать съ криками дикой радости, повторяя:

— О! какъ я была счастлива съ нимъ!

Никогда я не видала сцены болѣе необычайной. Я вырвалась изъ ея объятій и убѣжала къ Кушелевой, которая едва могла сдерживать смѣхъ. Мы обѣ много смѣялись. Но наше удивленіе увеличилось, когда мы увидали, что въ комнату вошла г-жа Висконти, удивительная красавица шестидесяти лѣтъ, сохранившая лицо непоблекшимъ и безъ морщинъ, любовница Бертье. Итальянка открыла ей свои объятія и та бросилась въ нихъ со всѣмъ забвеньемъ нѣжнаго чувства.

Мы усѣлись, моя подруга и я, чтобы любоваться этимъ зрѣлищемъ. Онѣ помѣстились въ углу, напротивъ насъ. Шептались и жестикулировали. Г-жа Висконти принимала то нѣжный видъ, то веселый. Все обѣщало намъ развязку, достойную этихъ чувствительныхъ приготовленій. Вошелъ Бертье; г-жа Висконти приняла видъ жертвы; хозяйка дома и герцогиня, обѣ говорили ему что то на ухо съ безподобной горячностью. Бертье постепенно приближался. Его красавица

смотрѣла на него съ томнымъ видомъ. Мы сидѣли въ первыхъ мѣстахъ любуясь этимъ забавнымъ спектаклемъ.

Устраивали примиреніе, которое было очень нетрудно произвести.

Мы съ нетерпѣніемъ ждали обѣда, въ надеждѣ, что онъ сильна внесетъ какое-нибудь разнообразіе въ эти любовныя упражненія, но намъ предстояло ничего не упустить.

За обѣдомъ мы были вмѣстѣ, я и Кушелева, а наши мужья противъ насъ и мы упорно смотрѣли другъ на друга. Мы краснорѣчиво молчали; примирившіеся пожимали другъ другу руки, такъ сильно, что на лицѣ дамы по временамъ проскальзывала гримаса. Герцогиня и г-жа Дивова были преисполнены радости, что удалось произвести это трогательное единеніе.

Послѣ обѣда поставили кофе на маленькій столикъ. Бертье взялся разливать его. Но я не пила кофе и выскользнула въ дверь. Г-жа Кушелева поспѣшила за мнои. Мы вмѣстѣ сѣли въ мою карету.

— Поѣдемте,—сказала она мнѣ,—къ вамъ или ко мнѣ. Я задыхаюсь! Гдѣ мы были?

— Въ зараженномъ мѣстѣ,—отвѣчала я.—Намъ нужно будетъ надушиться, когда мы вернемся.

Мы дали себѣ обѣщаніе не принимать больше приглашенія на тонкій обѣдъ.

V.

Нигдѣ я не видала такой бѣдности, какъ въ Парижѣ. Ничто не можетъ сравниться съ нищетой этихъ несчастныхъ. Г-жа де-Барши, однажды, пообѣдавъ у меня, предложила мнѣ навѣстить больную женщину, жившую на пятомъ этажѣ, въ домѣ, недалеко отъ меня. Я съ удовольствіемъ согласилась. Мы поднялись очень высоко, подошли къ двери въ концѣ длиннаго коридора и, открывъ ее, мы увидѣли бѣдную м-ль Легранъ, когда-то знаменитую бѣлошвейку, а теперь шестидесятилѣтнюю старуху, у которой съ одной стороны рука и нога чрезмѣрно распухли, другая же сторона вся высохла. Она сидѣла

передъ большимъ холоднымъ каминомъ, смотрѣла на пустой горшокъ и громко молилась Богу.

Мы остановились, чтобы послушать ее. Она не видѣла насъ и продолжала:

— Боже, долгое ли время я останусь безъ помощи? Нѣтъ, Господи, это невозможно. Моя нищета и смиреніе извѣстны Тебѣ. Ты не дашь мнѣ погибнуть и спасешь меня отъ голода и жажды, которые меня мучатъ.

Я подошла къ ней и положила нѣсколько луидоровъ ей на колѣни.

— Вотъ награда за вѣру и смиреніе,—сказала я.

Она смотрѣла на меня, не будучи въ состояніи говорить. Ея потухшіе глаза наполнились слезами. Она пожала мою руку, собравъ небольшія силы, остававшіяся у нея.

Видъ нищеты пробуждаетъ душу. Онъ научаетъ познавать муки дѣйствительныхъ лишеній. Испытывая преходящую непріятность, нездоровье, я вспоминаю м-ль Легранъ и многихъ другихъ, единственный кровъ которыхъ — небо, а жилище — жалкіе обломки. Я никогда не забуду этихъ женщинъ, покрытыхъ лохмотьями, съ полумертвымъ ребенкомъ въ рукахъ; въ ихъ пристальныхъ взглядахъ, казалось, мелькало опасеніе, что больше не блеснетъ для нихъ лучъ надежды. Я часто останавливалась на улицѣ, подавая имъ милостыню. У меня были двѣ причины: первая — утолить страданіе, и вторая, состояла въ словахъ, которыми я сопровождала милостыню: «Молитесь за Елизавету». Я чувствовала необходимость присоединять эту мысль ко всему, что я испытывала въ области чистаго и теплаго религіознаго чувства Это было единственной местью преданнаго сердца.

Отправившись за г-жой де-Тарантъ, находившейся у г-жи де-Бомонъ, я дожидалась ее въ каретѣ у воротъ. Какая-то женщина, съ видомъ самой ужасной нищеты, подошла ко мнѣ и сказала умирающимъ голосомъ:

— Подайте мнѣ, добрая госпожа, ради Бога и Св. Дѣвы!—И она показала мнѣ свои изуродованныя руки.

Я вынула шесть франковъ и дала ей. Она вскрикнула и лишилась чувствъ. Мои слуги принесли ей воды и привели ее въ сознаніе. Я спросила у нея, что было причиной ея обморока.

— Много лѣтъ я не видала въ своихъ рукахъ столько денегъ,—

отвѣчала она. — Я не ѣла два дня. Я побѣгу къ матери, которая умираетъ съ голоду.

Однажды послѣ обѣда мнѣ доложили о приходѣ графа де-Сегюръ, о которомъ я упоминала выше. Я приняла его довольно холодно. Онъ старался не растеряться и говорилъ мнѣ о своемъ житьѣ въ Петербургѣ, какъ о самомъ счастливомъ времени его жизни.

— Произошло много тяжелыхъ событій съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ. Я очень страдалъ, но у васъ также была своя эпоха террора.

— О какой эпохѣ террора говорите вы?—спросила я.

— Царствованіе Павла...

— Ваше сравненіе такъ же неумѣстно, какъ и неприлично. Можно ли сравнивать законнаго монарха, благороднаго и великодушнаго, съ преступнымъ деспотомъ Робеспьеромъ, атаманомъ разбойниковъ?

— Но послѣ такого славнаго счастливаго царствованія, какимъ было царствованіе Екатерины II, вы должны были страдать изъ простого сравненія.

— Мнѣ не надо защищать свои чувства благодарности и восхищенія къ покойной Императрицѣ, но я должна отдать справедливость доблести ея сына и не могу сравнивать его со злодѣями, которымъ повинуются нѣкоторые изъ французовъ. Мнѣ очень пріятно видѣть, что вы отдаете должное памати покойной Императрицы. Вы были бы тѣмъ больше неблагодарны и виновны, если бы вы забыли милости, оказанныя ею вамъ.

Де-Сегюръ измѣнился въ лицѣ. Онъ былъ посланъ Директоріей въ Вѣну и тамъ написалъ памфлетъ противъ Императрицы. Онъ могъ предполагать, что я знакома съ этимъ произведеніемъ, по крайней мѣрѣ, по слухамъ. Послѣднія слова сократили его визитъ и онъ долгое время не пытался возобновить свои посѣщенія. Онъ боялся также встрѣтиться съ г-жой де-Тарантъ, какъ преступленіе страшится совѣсти. У меня было доказательство. Я поѣхала однажды утромъ съ г-жой де-Тарантъ къ одной ея знакомой англичанкѣ. Она просила меня подождать въ каретѣ. Сегюръ, проходя мимо, узналъ меня и подошелъ поговорить. Черезъ минуту онъ спросилъ меня, кого я дожидаюсь.

— Г-жу де-Тарантъ,—отвѣчала я.—Она сейчасъ выйдетъ.

— Прощайте, графиня!

И онъ побѣжалъ дальше.

Г-жа де-Тарантъ познакомила меня съ герцогиней де-Леонъ, дѣлавшей пріемы, отличавшіеся избраннымъ обществомъ, посѣщавшимъ ихъ, несмотря на то, что мужъ ея былъ сенаторомъ и эта должность вводила его въ кругъ лицъ новой знати. Въ ихъ прекрасныхъ салонахъ собиралось только старинное дворянство. Но Талейранъ бывалъ тамъ. Онъ игралъ съ банкирами въ красное и черное.

Я съ удовольствіемъ разсматривала его и мы долгое время смотрѣли другъ на друга, какъ фарфоровыя собачки. Его взглядъ, подозрительный и хитрый, отличается плутовскимъ и испытывающимъ выраженіемъ; его синеватыя трясущіяся руки внушаютъ отвращеніе; въ общемъ, у него преступный видъ. Я вспоминаю, какъ великолѣпно отвѣтила ему г-жа де-Режкуръ, о чемъ мнѣ разсказала г-жа де-Руръ въ отелѣ Караманъ.

Г-жа де-Режкуръ была въ свитѣ Елизаветы, сестры Людовика XVI, и получила отъ этой принцессы состояніе и положеніе. По одному важному дѣлу ей надо было обратиться къ Талейрану, который назначилъ ей день и часъ аудіенціи.

Она немного опоздала.

— Я недоволенъ, что вы опоздали, — сказалъ ей Талейранъ;— я не могу долго разговаривать съ вами. Но гдѣ же вы были?

— У обѣдни.

— Сегодня? У обѣдни?

Былъ будничный день. Г-жа де-Режкуръ съ почтительнымъ видомъ поклонилась и сказала:

— Да, монсеньёръ [1]).

Не надо забывать, что Талейранъ раньше былъ епископомъ. Онъ понялъ тонкій намекъ и поторопился покончить дѣло, чтобы не выслушать еще чего-нибудь подобнаго.

Г-жа де-Режкуръ обладала большимъ остроуміемъ. Принцесса Елизавета подарила ей однажды кольцо изъ своихъ волосъ съ своими иниціалами: *H. P. E.*

[1]) Обращеніе означающее одновременно: Ваше Преосвященство и Ваше Высочество.

— Вы знаете, что это означаетъ?—спросила она.

— Да, принцесса: *Heureuse par edle.* (Счастлива ею).

Въ характерѣ принцессы Елизаветы съ самой ранней юности были задатки всѣхъ добродѣтелей. Къ самой трогательной добротѣ у ней присоединялась энергія, которая должна была со временемъ окрѣпнуть. Король, ея братъ, всегда на Новый годъ дарилъ ей разныя драгоцѣнности. Она поручила г-жѣ де-Полиньякъ попросить Его Величество вмѣсто драгоцѣнностей дарить ей ихъ стоимость деньгами. Сама она не могла рѣшиться обратиться съ этой просьбой, находя этотъ вопросъ слишкомъ щекотливымъ. Король согласился на ея желаніе. Принцесса скопила порядочную сумму и употребила ее на устройство г-жи де-Режкуръ.

Въ другомъ случаѣ г-жа д'Омаль, также изъ свиты принцессы, попала въ немилость и была отослана отъ двора. Принцесса Елизавета, такая робкая, когда дѣло касалось ея самой, на этотъ разъ отправилась къ Королю и просила его позволить ей по прежнему видѣться съ г-жею д'Омаль, утверждая, что она не знаетъ за ней вины и что, несмотря на уваженіе, съ которымъ она должна относиться къ приказамъ Его Величества, она не находитъ справедливымъ лишать своего довѣрія и милости особу, отъ которой она ничего не видѣла кромѣ знаковъ преданности. Король нашелъ ея доводы вполнѣ правильными и разрѣшилъ ей поступать, какъ она хочетъ. Принцессѣ Елизаветѣ было тогда только пятнадцать лѣтъ.

Тѣло этой принцессы, съ такимъ ангельскимъ характеромъ, погребено въ саду Муссо (Монсо), принадлежавшемъ во время моего пребыванія въ Парижѣ Камбасересу.

VI.

Однажды въ отелѣ Шаро я встрѣтила графа Кобенцль австрійскаго посланника. Онъ пріѣхалъ приглашать на большой балъ въ посольствѣ,—я также была приглашена,—и предупредилъ насъ, что тамъ будетъ присутствовать какъ новая, такъ и старинная аристократія. Мы

согласились, но потомъ, когда онъ уѣхалъ, мы разсчитали что балъ будетъ какъ разъ двадцатаго января въ годовщину смерти Людовика XVI. Это стало извѣстнымъ всему Сенъ-Жерменскому предмѣстью и посланникъ получилъ извинительныя письма, объяснявшія причины отказа. Графъ Кобенцль былъ такъ тронутъ этимъ единодушнымъ движеніемъ, что отложилъ балъ на четыре дня, хотя приглашенія всему начальству уже были разосланы. Этотъ поступокъ заставилъ насъ принять его приглашеніе.

Я отправилась на балъ вмѣстѣ съ своими друзьями. Выйдя изъ каретъ, мы были встрѣчены всѣми чинами посольства. Каждый изъ, этихъ господъ предложилъ одной изъ насъ руку и процессіей провели насъ въ гостиную посольства. Тамъ кавалеры оставили насъ, сдѣлавъ глубокій поклонъ, на что мы отвѣчали тѣмъ же. Посланникъ завладѣлъ нами и ввелъ насъ въ бальный залъ. Посрединѣ стояла скамья, оставляя свободный проходъ вокругъ нея. Довольно много мѣста было для танцевъ и музыка была расположена амфитеатромъ у одной изъ стѣнъ зала. Знаменитый скрипачъ, негръ Жюльенъ, управлялъ оркестромъ. Тамбуринъ и флейта аккомпанировали ему. На нѣкоторомъ разстояніи человѣкъ сверткомъ отбивалъ тактъ и кричалъ фигуры кадрили.

Мы сѣли на скамью и балъ начался. Г-жа Моро, красивая, скромная и граціозная вызывала всеобщее одобреніе. Ея мужъ, одѣтый простымъ гражданиномъ, пожиралъ ее глазами. Ансамбль и точность танца доведены въ Парижѣ до смѣшного совершенства. Зрѣлище меня очень забавляло въ особенности оттого, что я находилась въ кругу своихъ друзей.

Разговаривая съ Жюстиной де-Турцель я вдругъ почувствовала, что ко мнѣ прислонилось что-то очень мягкое. Я обернулась и увидала женщину въ лѣтахъ, причесанную и одѣтую съ претензіей на моду. На ней было черное бархатное платье и большое количество брилліантовъ. Она толкала меня своимъ животомъ, точно стулъ, и кричала:

— Ахъ, г-жа президентша! г-жа сенаторша тамъ въ углу! Какъ она прекрасна! Вчера я была у нея. Какъ она благовоспитана! Ну, поглядите же, какъ она на меня пріятно смотритъ!

И она кланялась, сложивъ губы сердечкомъ и выпучивъ глаза. Я

спросила у одного знакомаго этихъ дамъ господина, который зналъ всѣхъ присутствующихъ, кто была эта странная особа.

— Это г-жа Николь,—отвѣтилъ онъ.—Два года тому назадъ она держала гостиницу, а теперь ея мужъ назначенъ президентомъ.

— А эта молодая женщина, которая довольно недурно танцуетъ?

— Это г-жа Мишель, ея мужъ былъ знаменитымъ убійцей во время террора. Теперь онъ сталъ сенаторомъ по протекціи Камбасереса.

Между необычайными лицами особенно выдѣлялась г-жа Люкчезина, жена прусскаго посланника. Она была высокого роста, брюнетка, съ простымъ видомъ. У нея грубыя черты лица и манеры пошлыя и рѣзкія. Ея рѣсницы накрашены чернымъ, жилки на вискахъ подведены голубой краской, на щеки положенъ румянецъ и все лицо наштукатуренно, какъ у статуи. Хотя г-жа Люкчезина была на возрастѣ, она танцовала безъ удержу. По мѣрѣ того, какъ ей становилось жарко, краски на ея лицѣ расплывались и къ концу вечера она была похожа на размазанную палитру. Она обожала семью Бонапарта и слезы, которыя текли изъ ея глазъ, когда она смотрѣла на кого-нибудь изъ нихъ, растворяли черную краску ея рѣсницъ и предавали взгляду испуганное выраженіе, а расплывшіяся отъ жара брови накладывали на ея лицо отпечатокъ мрачной скорби.

Я успѣла вдосталь налюбоваться на нее послѣ ужина. Она танцовала гопсеръ съ Ланскимъ [1]), моимъ соотечественникомъ, который для потѣхи постарался растрясти ее какъ слѣдуетъ. Она дышала, какъ лошадь послѣ крутого подъема, и сдерживала дыханіе изъ непостижимаго уваженія къ г-жѣ Мюратъ, сестрѣ перваго консула. По той же причинѣ она сидѣла не иначе, какъ на краюшкѣ стула. Это стѣсненіе, во всей ея фигурѣ, придавало ей шутовской видъ принцессы изъ пародіи. Холодное выраженіе свѣжаго лица г-жи Мюратъ еще болѣе усиливало впечатлѣніе отъ этой странной маски.

Приглашать къ ужину явились расшитые золотомъ метръ-д'отели, каждый съ длинной палкой, на концѣ которой былъ транспарантъ съ нумеромъ. Было столько транспарантовъ, сколько сервировано столовъ. На каждомъ транспарантѣ стояло крупными буквами: *Ужинъ поданъ*. Мы были приглашены къ столу нумеръ первый, предназначен-

[1]) Родственникъ извѣстнаго фаворита Екатерины II.

ный для аристократіи прежней Франціи. Залъ былъ очень обширенъ; нашъ столъ находился посрединѣ, окруженный другими и мы какъ бы царили надъ остальнымъ обществомъ. Генералы, сенаторы, всѣ власти прохаживались вокругъ насъ.

Я оставалась на балу до семи часовъ утра. Я не могла вдостоль налюбоваться на яркую демаркаціонную линію между прошлымъ и новымъ обществомъ, а также на то, какъ дамы новаго правительства старались подражать манерамъ старинной аристократіи, тогда какъ послѣднія, казалось, совсѣмъ не замѣчали ихъ существованія.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

1802—1803.

. Болѣзнь.—Докторъ Порталь.—Послѣдствія революціи.—Новые нравы. II. Артистическій Парижъ.—Робертъ.—Прелесть парижской весны.—Странный случай летаргіи. III. Печальныя воспоминанія.—Послѣдніе дни Маріи Антуанетты.—Месса въ тюрьмѣ Консьержери. IV. Трогательная кончина.—Г-жа де-Растиньякъ. V. Разрывъ Бонапарта съ Англіей.—Первый консулъ и Людовикъ XVIII.—На дачѣ.—Пасси.—Деревня Шантильи.—Литературныя сосѣдства.—Г-жа де-Жанлисъ.—Деревенскіе вечера. VI. Версаль.—Сельская жизнь во Франціи.—Сборъ винограда.

I.

Немного спустя послѣ этого бала я захворала. Болѣзнь, подготовлявшаяся во мнѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, проявилась отъ перемѣны климата. Семьи Турцелей и Карамановъ не покидали меня. Они раздѣлили между собою время, чтобы ухаживать за мной, однѣ утромъ, другія—вечеромъ. Г-жа де-Турцель-мать заставила меня послать за Порталемъ [1]) и дать ему себя выслушать. Онъ нашелъ у меня засореніе печени и железъ. У меня очень болѣла голова, пульсъ былъ перемежающимся и дыханіе стѣснено. Мнѣ прописали искус-

[1]) Баронъ Антуанъ Порталь (1742—1832), знаменитый медикъ, авторъ многочисленныхъ трудовъ по анатоміи и терапевтикѣ.

ственныя воды Виши и, какъ доктора, назначили Галлея, очень любезнаго господина и не безъ способностей. Въ теченіе послѣднихъ дней я чувствовала себя очень плохо. Первая моя мысль была о Богѣ, вторая объ Императрицѣ Елизаветѣ. Я написала ей и запечатала письмо, предполагая отдать его г-жѣ де-Тарантъ, чтобы она послала ей послѣ моей смерти. Но лѣкарства оказали свое дѣйствіе: къ концу мѣсяца мнѣ стало легче и я перешла къ своему обыкновенному образу жизни.

Одна изъ религіозныхъ церемоній, которой я наиболѣе была поражена въ Парижѣ, это—поклоненіе кресту въ великую пятницу. Г-жа де-Тарантъ свела меня въ нѣсколько церквей. Служба происходитъ въ подземныхъ придѣлахъ. Освѣщенъ только крестъ. Священникъ читаетъ тихимъ голосомъ. Всѣ присутствующіе погружены въ самую глубокую мысленную молитву. Религіозная тишина сильно трогаетъ душу. И крестъ, такой таинственный, единственный предметъ поклоненія, страхъ однихъ и утѣшеніе другихъ, символъ спасенія и надежды, возвышающій скорбь среди униженій, разрушающій кумировъ сердца и разсѣивающій мракъ, заключаетъ въ себѣ совокупность истинъ, которыя даютъ почувствовать намъ тщету жизни.

Я люблю все, что возвышаетъ и пробуждаетъ душу. Парижъ можетъ многое предложить для удовлетворенія этой склонности и умъ не чувствуетъ тамъ недостатка въ пищѣ. Достаточно прогуляться по улицамъ, чтобы прослѣдить цѣлый курсъ морали: церкви обращены въ театры; старинные родовые особняки—въ магазины модъ; почтенные люди, потомки знаменитыхъ родовъ—принуждены идти пѣшкомъ по грязи; масса несуразностей, результатъ всеобщаго переворота, поражаютъ безъ конца. Переходишь отъ удивленія къ удивленію и мысль не поспѣваетъ слѣдить за всѣмъ, что встрѣчается на пути.

Г-жа де-Матиньонъ, дочь барона де-Бретейль, бывшаго посланника въ Россіи въ царствованіе Екатерины II, шла однажды пѣшкомъ. Это была просто ея фантазія, потому что у нея есть карета. Между улицей дю-Бакъ и улицей де-ла-Планшъ стояли торговка овощами и торговецъ табакомъ. Случилось, что пошелъ проливной дождь, когда г-жа де-Матиньонъ проходила мимо нихъ, а въ это время тамъ проѣзжалъ въ каретѣ герцогъ де-Праленъ. Увидѣвъ г-жу де-Матиньонъ, онъ приказалъ остановиться и предложилъ ей занять

мѣсто въ его экипажѣ. Но говоря съ ней, онъ не былъ настолько вѣжливъ, чтобы снять шляпу. Торговка овощами была возмущена этимъ и закричала своему сосѣду:

— Посмотрите-ка, кумъ, это, вѣрно, изъ *новыхъ*, вишь, важничаетъ. Взгляните на него: можно подумать, что шляпа у него гвоздями приколочена къ головѣ. Это не изъ тѣхъ прежнихъ господъ, которые были такъ вѣжливы и любезны съ дамами.

Эта уличная сцена доказываетъ, насколько даже народъ былъ пораженъ манерами новаго режима. Герцогъ де-Праленъ очень дурно велъ себя во время революціи и пріобрѣлъ дурныя привычки.

Я встрѣтила однажды г-жу де-Турцель-мать пѣшкомъ въ ужасную погоду. Она спокойно шла съ зонтикомъ. Мнѣ стало стыдно за свое удобство и что я могу обрызгать ее грязью, проѣзжая мимо. Я дернула за шнурокъ и попросила ее войти въ карету.

— Я принимаю ваше любезное предложеніе,—сказала она,—только изъ-за удовольствія быть съ вами. Вы думаете, мнѣ тяжело идти по грязи? Нѣтъ, увѣряю васъ. Я могла бы избавить себя отъ этого, но, признаюсь вамъ, я нахожу наслажденіе въ лишеніяхъ, когда подумаю, что нашъ несчастный король живетъ милостынею равныхъ ему государей.

Я отвезла ее домой и осталась въ этой семьѣ, которую я съ каждымъ днемъ видѣла все съ большимъ удовольствіемъ.

II.

Я много занималась живописью. Легкость доставить себѣ все, что имѣетъ отношеніе къ искусству, возбуждаетъ и поощряетъ склонность. Каждый четвергъ Робертъ [1]) обѣдалъ у меня и оставлялъ мнѣ всегда эскизъ, начатый въ 2 часа, а въ четыре уже висѣвшій на стѣнѣ моей гостиной. Частью моихъ познаній я обязана Роберту. Нельзя лучше научиться, какъ наблюдая за работой большого артиста. Онъ

[1]) Губертъ Робертъ (1733—1808), знаменитый художникъ.

разсказалъ мнѣ свое приключеніе въ катакомбахъ, такъ удачно помѣщенное аббатомъ Делиль въ свою поэму *Imagination*. Съ большимъ интересомъ слушаешь героя исторіи: каждый по своему воспринимаетъ впечатлѣнія и судитъ о нихъ сообразно своему характеру и страстямъ.

Нѣтъ ничего прелестнѣе весны въ Парижѣ. Съ февраля мѣсяца начинаешь наслаждаться ея постепеннымъ наступленіемъ. Воздухъ насыщенъ ароматами, кусты покрываются цвѣтами. Мой домъ былъ окруженъ съ четырехъ сторонъ садами: садъ иностранной миссіи, садъ Верака, садъ Монако и садъ г-жи де-Шатильонъ. Первые три сада окружали мой домъ и были отдѣлены отъ него только каменной стѣной; чтобы попасть въ четвертый, мнѣ надо было пройти черезъ дворъ и пересѣчь улицу де-Бабилонъ, очень узкую. Тамъ я бывала окружена сиренью и жасминомъ, любовалась на цвѣтники изъ розъ и лилій, а въ концѣ этого прекраснаго сада я видѣла домъ, гдѣ жила г-жа де-Тарантъ со своей матерью.

Я любила присутствовать при туалетѣ г-жи де-Шатильонъ, кабинетъ которой носилъ характеръ добраго стариннаго устройства настоящей Франціи. Онъ былъ наполненъ маленькими картинами и сувенирами всякаго рода. Я разсматривала ихъ въ то время, какъ Леонора, горничная, причесывала ее. Все было чисто и изящно, все отзывалось хорошимъ обществомъ и въ мелкихъ вещахъ я узнавала отпечатокъ склонностей и характера той, кому онѣ принадлежали.

Вечера во Франціи почти всегда теплѣе дня. Часто я оставалась до поздняго часа въ бесѣдкѣ моей матери при лунномъ свѣтѣ или въ полнѣйшей темнотѣ. Я внимала различному шуму этого огромнаго города. Ничто не располагаетъ такъ къ мечтѣ, какъ далекій смутный гулъ, который то увеличивается, то уменьшается, и слухъ невольно слѣдитъ за нимъ.

Однажды, вечеромъ, я увидала въ сумеркахъ двухъ женщинъ. Онѣ вошли черезъ калитку, соединявшую мой садъ съ садомъ Верака, и подходили ко мнѣ. Я напрасно напрягала зрѣніе, чтобы разглядѣть ихъ. Спустя минуту я услыхала голосъ г-жи де-Лакостъ [1]) и пошла навстрѣчу ей.

[1]) Жюли де-Веракъ; ея мужъ маркизъ Ипполитъ Грасье де-Лакостъ былъ въ 1789 году резидентомъ Франціи при герцогѣ де-Деновъ. Избранный депутатомъ отъ дворянства Шароле, онъ увлекся либеральными идеями,

— Вотъ я вамъ привожу г-жу де-Дамасъ,—сказала она.—Она давно желаетъ быть представленной вамъ.

Мы сказали другъ другу все, что полагается въ подобныхъ случаяхъ. Г-жа де-Дамасъ выразила мнѣ самымъ любезнымъ образомъ, насколько она благодарна мнѣ за участіе, которое я приняла въ ея сынѣ. У нея пріятный голосъ, а также пріятная манера говорить. Я думала: «вотъ прелестная молодая женщина, но я не знаю, какое у нея лицо». Эта манера знакомиться показалась мнѣ довольно остроумной и я умышленно замедлила ввести г-жу де-Дамасъ въ домъ.

Но, наконецъ, пришлось это сдѣлать и, войдя въ мою круглую гостиную, освѣщенную лампами, мы съ г-жей де-Дамасъ такъ усердно вглядывались другъ въ друга, что обѣ разсмѣялись. Лицо г-жи де-Дамасъ мнѣ показалось красивымъ. Г-жа де-Лакостъ настолько же некрасива, насколько умна и несчастна. У нея необычайная болѣзнь: она иногда впадаетъ въ летаргическое оцѣпененіе, продолжающееся больше десяти дней. Ее кладутъ тогда на постель и она остается тамъ безъ движенія, не принимая пищи и безъ питья. Ее можно бы было счесть мертвой, если бы не бился пульсъ. Ея братъ, Оливье де-Веракъ разсказывалъ, что однажды, когда летаргія продолжалась долѣе, чѣмъ обыкновенно, онъ упалъ на колѣни говоря:

— Боже, неужели это состояніе будетъ продолжаться?

Вдругъ, не открывая глазъ, она сдѣлала ему знакъ подойти и движеніемъ показала, что она хочетъ писать. Онъ далъ ей бумагу и карандашъ, и она, съ закрытыми же глазами, написала: «Будьте покойны, это скоро окончится. Пришлите ко мнѣ завтра (она написала имя) и пусть никто другой не приходитъ».

Сдѣлали такъ, какъ она хотѣла. Г-жа де-Конфланъ, очень дружная съ г-жей де-Лакостъ, пожелала находиться во время таинственнаго разговора въ комнатѣ рядомъ съ той, гдѣ лежала больная. На слѣдующій день, когда братъ вошелъ къ больной, она опять сдѣлала знакъ, что хочетъ писать, и спросила на запискѣ, почему впустили

но не замедлилъ раскаяться и долженъ былъ даже эмигрировать. Возвратясь въ 1795 г., онъ былъ главнымъ образомъ извѣстенъ безпорядочностью своей частной жизни. Онъ развелся съ Жюли де-Веракъ и женился на актрисѣ оперы Буффъ Лебалетти. Умеръ въ 1808 году въ должности префекта Имперіи.

г-жу де-Конфланъ въ ея комнату, несмотря на запрещеніе, данное ею. На третій же день она встала, ничего не помня изъ того, что происходило.

Принцесса де-Тальмонтъ, невѣстка г-жи де-Тарантъ, видѣла г-жу де-Лакостъ во время этихъ припадковъ и говорила мнѣ, что ничѣмъ нельзя объяснить этихъ случаевъ сомнамбулизма и никто изъ докторовъ не могъ понять ихъ. Ея неслыханныя несчастія, быть можетъ, были причиною ея болѣзни; мужъ ея былъ отъявленнымъ революціонеромъ; онъ отнялъ у нея единственнаго сына и воспиталъ его дикаремъ, разрушивъ въ немъ религіозные принципы и чувство любви къ матери. Онъ женился на танцовщицѣ, отъ которой у него было шесть человѣкъ дѣтей. Г-жа де-Лакостъ осталась бы совершенно безъ всякихъ средствъ къ жизни, если бы не ея братъ Оливье, трогательно заботившійся о ней.

Терраса въ моемъ саду возвышалась надъ садомъ Иностранныхъ Миссій и я видѣла отъ себя процессію тѣла Господня. Алтари были поставлены въ различныхъ мѣстахъ сада. Многочисленное духовенство въ богатыхъ одеждахъ окружало священника, который шелъ подъ балдахиномъ со Св. Дарами. Діаконы предшествовали съ кадильницами, и дѣти, одѣтыя въ бѣлое съ голубыми поясами, несли корзины цвѣтовъ, разбрасывая цвѣты по дорогѣ. По временамъ останавливались и слышались звуки серпента, сопровождавшіе пѣніе. Народъ падалъ ницъ и торжественность этого зрѣлища еще болѣе выигрывала отъ прекрасной погоды.

Молитвы на открытомъ воздухѣ кажутся болѣе величественными и религіозными. Выраженіе благочестія не можетъ найти пространства слишкомъ обширнаго для своего распространенія.

III.

Однажды утромъ я была съ г-жей де-Тарантъ у принцессы де-Шимэ, которая попросила ее пріѣхать къ ней на слѣдующій день, желая ей передать нѣчто очень интересное. На слѣдующій день вечеромъ г-жа де-Тарантъ пріѣхала ко мнѣ. Она была такъ блѣдна и взволнована, что я испугалась. Когда мы остались однѣ, я спросила у нея:

— Скажите мнѣ, что съ вами: вашъ видъ вызываетъ у меня безпокойство.

Г-жа де-Тарантъ отвѣтила:

— Вчера, при васъ, г-жа де-Шимэ назначила мнѣ свиданіе. Я пріѣхала къ ней. Она мнѣ сказала, что знаетъ особу, благочестіе которой и любовь къ ближнему открыли ей двери всѣхъ тюремъ, гдѣ страдали жертвы Робеспьера, обреченныя имъ на эшафотъ. Когда этотъ тигръ, превысивъ мѣру своихъ злодѣяній, извлекъ королеву изъ Тампля и заключилъ ее въ Консьержери, эта тюрьма стала предметомъ заботъ м-ль Х... У нея хватило ловкости, мужества и силы проникнуть въ ужасную камеру, гдѣ была заключена королева Франціи. Она презирала опасности, сопровождавшія это трогательное дѣло милосердія, и старалась приблизиться не къ королевѣ, а къ страдающему существу и облегчить его положеніе.

Надо,—продолжала принцесса де-Шимэ,—чтобы вы повидались съ м-ль Х., она знаетъ объ вашемъ существованіи, но боится, что ея имя станетъ извѣстнымъ, и потому отказывалась васъ видѣть. Но такъ какъ можетъ случиться, что вы увидите герцогиню Ангулемскую въ Митавѣ [1]), то можетъ быть вы возьметесь передать герцогинѣ нѣкоторыя вещи покойной королевы. Я сказала ей, что приведу съ собой одну изъ моихъ подругъ, которая увидитъ дочь короля, и она согласилась. Хотите вы поѣхать со мной?

Слова принцессы глубоко взволновали меня и вызвали во мнѣ сильнѣйшее желаніе видѣть и слышать человѣка, облегчавшаго нечеловѣческія страданія и скорбь. Мы поднялись по жалкой лѣстницѣ въ третій этажъ и вошли въ жилище добродѣтели. Я увидала старую женщину, невысокаго роста, полную, съ ногами такими же толстыми, какъ туловище, съ трудомъ передвигавшуюся для себя, но дѣятельную и проворную для блага другихъ. Г-жа де-Шимэ сказала ей, показывая на меня:

— Вотъ моя подруга, объ которой я говорила.

Она хорошо приняла меня изъ вѣжливости къ принцессѣ, которая старалась навести разговоръ на воспоминанія, наполнявшія мое сердце. Она отказывалась, говоря:

[1]) Въ это время г-жа де-Тарантъ собиралась со мной возвратиться въ Россію *(Примѣчаніе автора)*.

— Вы знаете, я не могу говорить объ королевѣ...

И слезы покрывали ея лицо.

Принцесса настаивала.

— Вы знаете, принцесса, что когда я говорю объ королевѣ, я дѣлаюсь совершенно больна; я лишаюсь апетита и сна; мнѣ нельзя этого; человѣкъ, которому я вполнѣ довѣряю, запретилъ мнѣ это [1]).

Уступая настояніямъ принцессы, м-ль Х... передала намъ ужасныя подробности о печальномъ положеніи, въ которомъ она видѣла королеву въ тюрьмѣ, объ ея неслыханныхъ страданіяхъ и еще болѣе удивительномъ терпѣніи. Королева была лишена всякой помощи и ея положеніе требовало большихъ заботъ. Ея одежда была изъ грубаго холста; у нея не хватало бѣлья и чулки были совершенно въ дырахъ. Вмѣсто постели у нея былъ настоящій одръ и пища была такъ груба и дурна, что воткнутая вилка оставалась стоять.

Въ тюрьмѣ было сыро. Два человѣка изъ стражи, запертые день и ночь съ ней, были отдѣлены только рваными ширмами. Нѣкоторые изъ стражи, менѣе жестокіе, чѣмъ другіе, выказывали ей участіе и, казалось, сожалѣли, что принуждены стѣснять ее, и тѣмъ еще больше увеличивали ея муки. М-ль Х... проникла въ эту ужасную темницу. Королева долгое время отталкивала ее, не вѣря, что состраданіе и жалость могутъ встрѣтиться въ этомъ ужасномъ мѣстѣ, и принимая ее за одну изъ тѣхъ отвратительныхъ женщинъ, которыя дружатся съ заключенными, чтобы предать ихъ. М-ль Х... не отступила передъ этимъ; она продолжала свои посѣщенія и, наконецъ, внушила довѣріе королевѣ и могла оказать ей помощь.

Она стала опорою той, кто, находясь на тронѣ, сдѣлалъ столько добра, отплаченнаго неблагодарностью. Въ теченіе многихъ недѣль королева была предметомъ ея заботъ. У м-ль Х... не было недостатка

[1]) Этотъ человѣкъ былъ священникъ, которому удалось избѣжать преслѣдованія. Онъ былъ на свободѣ въ Парижѣ во время Террора. Онъ самъ бы напутствовалъ королеву въ Консьержери, если бы не лежалъ въ это время при смерти. Но онъ сказалъ г-жѣ де-Тарантъ, что онъ оказалъ эту важную услугу принцессѣ Елизаветѣ въ тѣ двадцать четыре часа, которые она провела въ Консьержери. Онъ помогъ ей принести въ жертву свою жизнь, посвященную на всемъ ея короткомъ протяженіи любви къ Богу, который и вознаградитъ ее въ вѣчности. Этого священника звали Г. Шарлемъ. *(Примѣчаніе автора)*.

въ деньгахъ, онѣ открыли передъ нею дверь тюрьмы и Богъ вознаградитъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье доставить ей ихъ. Много разъ м-ль Х... удавалось провести къ королевѣ священника, переодѣтаго въ костюмъ національной гвардіи, и она присутствовала при томъ, какъ королева со слезами исповѣдывалась въ четырехъ шагахъ отъ нея. Удалось даже отслужить мессу въ камерѣ королевы и ничто не помѣшало ея совершенію.

М-ль Х... сказала мнѣ еще:

— Королева часто говорила мнѣ про одну изъ своихъ дамъ, которую она особенно любила и судьба которой безпокоила ее. Она часто въ разговорѣ упоминала эту даму, говоря, что она любила ее и была любима ею и что эта дама должна быть очень огорчена...

М-ль Х... сначала не могла вспомнить имя, которое королева часто упоминала; она произносила Та... и потомъ останавливалась. Но я угадала. Я была въ высшей степени взволнована; сердце говорило мнѣ, что это воспоминаніе, сохраненное среди ужасныхъ несчастій, было воспоминаніемъ обо мнѣ. Не раздумывая, я бросилась на шею м-ль Х... и смѣшала свои слезы съ ея слезами.

Этотъ порывъ выдалъ меня м-ль Х... и она сказала:

— Это вы безъ сомнѣнія та дама, о которой говорила королева. Я вижу это по вашимъ чувствамъ. Это вы г-жа де-Та...

Я сказала ей мое имя и она тотчасъ же вспомнила его, сожалѣя, что раньше не исполнила желанія г-жи де-Монтагю повидаться со мною [1]).

Г-жа де-Тарантъ разсказала мнѣ все это съ горячностью, связанной у нея съ воспоминаніемъ о королевѣ, которую она нѣжно любила и къ которой ея сердце сохранило такую вѣрную привязанность. Потомъ она неоднократно видѣлась съ м-ль Х... Она удостовѣрилась при помощи нѣкоторыхъ преднамѣренныхъ вопросовъ въ довѣріи, которымъ м-ль Х... пользовалась у королевы, и въ правдивости тѣхъ необычайныхъ сношеній, которыя у нея были съ королевой въ тюрьмѣ. М-ль Х... разсказала ей обо всѣхъ придворныхъ дамахъ, пользовавшихся особыми милостями королевы. Она знала, что въ каждой изъ нихъ были причиной этой любви, обстоятельства, словомъ все...

[1]) Разсказъ г-жи де-Тарантъ нѣкоторыми подробностями производитъ впечатлѣніе, что на этотъ разъ она оказалась жертвою своей довѣрчивости. Доказано, что фактъ служенія мессы въ камерѣ королевы совершенно вымышленъ. Въ письмѣ къ графинѣ Головиной г-жа де-Тарантъ приводитъ имя этой особы. Ее звали Фуше. См. Pingaud *Les Russes a Paris*. Стр. 21.

— Королева выразила желаніе въ тюрьмѣ раздать двадцать пять луидоровъ бѣднымъ, — сказала м-ль Х... — Она не могла осуществить этого и я тоже. Богъ предоставляетъ вамъ это утѣшеніе.

Герцогиня Ангулемская пожелала исполнить это обязательство черезъ посредство г-жи де-Тарантъ.

М-ль Х... разсказывала также, что у королевы не было чашки, и она принесла ей чашку, которой Ея Величество пользовалась до послѣдней минуты, и поручила м-ль Х... передать эту чашку ея дочери, герцогинѣ Ангулемской, если будетъ возможно. Г-жа де-Тарантъ исполнила это порученіе, проѣзжая черезъ Митаву. Герцогиня удостовѣрила полученіе этой вещи запиской.

М-ль Х... подарила г-жѣ де-Тарантъ картину, которую она заказала по просьбѣ королевы. Это были анютины глазки, въ срединѣ цвѣтка находился черепъ. Четыре желтыхъ лепестка изображали контурами профили короля, дофина, принцессы Елизаветы и королевы. Стебель выходилъ изъ сердца. Внизу была подпись: *Цвѣтокъ смерти (Мысль о смерти)* [1]).

М-ль Х... отдала бы все, что у нея было, г-жѣ де-Тарантъ, такъ согласно были настроены ихъ сердца. Г-жа де-Тарантъ взяла меня съ собой въ одно изъ своихъ посѣщеній и я могла собственными глазами убѣдиться въ томъ, что она мнѣ разсказывала про это интересное единеніе благочестія и любви къ ближнему. Мы отправились туда пѣшкомъ подъ проливнымъ дождемъ. Мнѣ пріятно было дорогою дать себѣ урокъ терпѣнія, покорности и самозабвенія.

М-ль Х... приняла меня со вниманіемъ, которымъ я была обязана вмѣшательству г-жи де-Монтагю. Я предложила ей нѣсколько луидоровъ для раздачи бѣднымъ; она попросила меня отдать ихъ г. Шарлю. Я осталась съ этимъ достойнымъ священникомъ, чтобы предоставить ей свободно поговорить съ г-жею де-Тарантъ.

[1]) Pensée значитъ *мысль* и также растеніе *анютины глазки*.

Лицо г. Шарля вполнѣ гармонируетъ съ его рѣчью. Я глубоко была разстрогана тѣмъ, что онъ мнѣ сказалъ, и сохраняю воспоминаніе объ его словахъ, часто пробуждающееся въ моей душѣ.

Многіе спорили съ г-жею де-Тарантъ относительно достовѣрности фактовъ, разсказанныхъ ей м-ль Х... и также относительно мессы въ тюрьмѣ. Но какъ не повѣрить словамъ добродѣтельнаго человѣка, который не ищетъ одобренія свѣта, презираетъ богатство и почести и имѣетъ только въ виду религію и благо ближняго, скрывая свои благодѣянія со всею строгостью человѣколюбія. Къ тому же священникъ подтвердилъ всѣ эти обстоятельства въ тотъ моментъ, когда онъ направлялся къ алтарю. Способны ли на подобное клятвопреступленіе и въ такую минуту уста, предназначеніе которыхъ утѣшать несчастныхъ?

Мы знаемъ положительно: королева причащалась въ тюрьмѣ и ея стража вмѣстѣ съ нею.

Г-жа де-Тарантъ простилась съ м-ль Х... наканунѣ своего отъѣзда, отстоявъ въ ея молельнѣ обѣдню, отслуженную г. Шарлемъ. Она сохранила самое пріятное воспоминаніе о пяти или шести визитахъ, сдѣланныхъ въ это освященное мѣсто. М-ль Х... была извѣстна Робеспьеру, съ которымъ она однажды говорила удивительно свободно. Онъ зналъ, какому занятію посвящаетъ она свои дни и никогда не препятствовалъ ей.

IV.

Мнѣ разсказали про одну очень трогательную смерть, случившуюся незадолго до моего пріѣзда въ Парижъ. Она очень замѣчательна и я приведу ее здѣсь. У герцогини де-Дудовиль, такъ же красивой, какъ и добродѣтельной, были сынъ и дочь, которыхъ она очень любила. Она выдала дочь замужъ за г-на де-Растиньякъ. Эта молодая женщина была счастлива и съ наслажденіемъ отдалась тихимъ удовольствіямъ. Она съ дѣтства была дружна съ г-жей д'Эстурнель, которая умерла вслѣдствіе одного ужаснаго случая. Она была беременна вторымъ ребенкомъ и, находясь однажды утромъ въ постели, позвала своего двухлѣтняго сына, чтобы онъ игралъ около нея. Тотъ, желая достать звонокъ, находившійся въ глубинѣ кровати, упалъ на животъ матери и вдавилъ его. Несчастная молодая женщина вскрикнула, лишилась чувствъ и вскорѣ послѣ этого умерла. На ребенка, бывшаго невольной причиной несчастья, смерть матери произвела впечатлѣніе и онъ вскорѣ послѣдовалъ за нею въ могилу. Г-жа де-Растиньякъ была глубоко огорчена смертью своей подруги. Она пошла къ скульптору, снимавшему маску съ лица покойной, долго смотрѣла на нее и сказала артисту уходя:

— Скоро вы будете снимать маску съ меня.

Немного спустя ея здоровье замѣтно измѣнилось. Болѣзнь быстро прогрессировала. Ея отецъ, всѣ ея родственники были въ крайнемъ безпокойствѣ. Любовь, которую больная питала къ своей матери, становилась болѣе горячей, по мѣрѣ того, какъ уходили ея физическія силы. Она не хотѣла терять ее ни на одну минуту изъ виду и, какъ только г-жи де-Дудовиль не было съ нею, она говорила:

— Позовите мнѣ моего ангела, мнѣ надо научиться у нея покорности.

Созвали консультацію изъ первыхъ медиковъ. Въ это время г-жа де-Дудовиль находилась съ дочерью и ея мужъ долженъ былъ передать ей, на что можно было надѣяться. Г-жа де-Дудовиль ожидала его возвращенія съ крайней тревогой. Видя, что онъ не идетъ, она пошла въ церковь, находившуюся рядомъ съ ихъ домомъ, чтобы обратиться къ Богу за помощью. Первое, что она тамъ увидала, это былъ г. де-Дудовиль. Онъ сидѣлъ на ступенькахъ алтаря, закрывъ лицо руками.

Его поза и молчаніе слишкомъ ясно сказали ей жестокую истину. Она сѣла рядомъ съ нимъ и оба погрузились въ печальное размышленіе. Потомъ они вышли изъ церкви, не разговаривая. Мать испытала болѣзненное волненіе, увидя вновь свою дочь, но она скрыла горькое чувство, пожиравшее ее,

На слѣдующій день г-жа де-Растиньякъ попросила послать за духовникомъ (аббатъ Левисъ, уважаемый священникъ, котораго я очень хорошо знаю); она долго исповѣдывалась и аббатъ Левисъ ушелъ,

проливая слезы, и обѣщалъ ей вернуться послѣ мессы, которую онъ направлялся служить за ея выздоровленіе. Онъ, дѣйствительно, вернулся и сказалъ:

— Богъ приказываетъ сказать вамъ, что Онъ васъ ожидаетъ.

Молодая женщина сложила руки.

— Думаю, что я готова,—отвѣтила она,—причастите меня.

Онъ причастилъ ее и, такъ какъ она была слишкомъ слаба, чтобы принять цѣлую гостію, ея отецъ и мать получили то, что осталось. Это трогательное соединеніе свершилось съ полнымъ благочестіемъ. Г-жа де-Растиньякъ попросила позвать аббата, наставника ея брата, ему она продиктовала свои послѣднія мысли и свою волю. Онъ едва могъ записывать ея слова, настолько онъ былъ взволнованъ. Аббата Левиса опять призвали къ больной. Началась самая тихая, ангельская агонія. Мать упала на колѣни у постели умирающей и, устремивъ на нее взоръ, какъ бы впитывала ея послѣднія движенія. Священникъ вложилъ крестъ въ руки г-жи де-Растиньякъ; таинство смерти свершилось, а г-жа де-Дудовиль оставалась въ прежнемъ положеніи и, казалось, не дышала.

Тогда аббатъ Левисъ, видя, что слезы не могутъ найти выхода и прервать отчаяніе скорби, взялъ крестъ изъ рукъ умершей и, вложивъ его въ руки матери, сказалъ:

— Во имя Бога страдающихъ, выйдете отсюда. Онъ приказываетъ вамъ это.

Она поднялась и вышла съ совершенно покорнымъ видомъ, который не покидалъ ея съ тѣхъ поръ.

Аббатъ, писавшій подъ диктовку г-жи де-Растиньякъ, составилъ описаніе ея болѣзни и смерти, Тамъ же приложенъ портретъ г-жи де-Дудовиль и ея дочери. Г-жа де-Монтагю получила для меня позволеніе прочесть эту трогательную рукопись, изъ которой я привожу здѣсь нѣсколько отрывковъ:

«Провидѣніе приготовило ей вѣнецъ, чтобы избавить ее отъ борьбы...»

« У нея было желаніе нравиться, которое распространяетъ вокругъ себя столько прелести, когда оно не является ни слѣдствіемъ, ни пособникомъ тщеславія...»

«У нея всегда былъ такой видъ, точно она угадываетъ или вспоминаетъ, а не узнаетъ. Можно сказать, что она не думала о добрыхъ дѣлахъ, совершаемыхъ ею, это, вѣроятно, потому, что она знала, что она не можетъ ни поступать иначе, ни измѣниться.»

«Какъ описать это довѣріе, которое сдѣлало ея мать повѣренной всѣхъ ея мыслей, всѣхъ ея чувствъ? Слишкомъ мало сказать, что она открыла ей свое сердце: нѣтъ, казалось, что съ перваго момента, какъ она себя почувствовала, она отдала ей его навсегда.

«Ея счастье не было счастьемъ души, безразличной ко всему, Вовсе не такъ религія дѣлаетъ человѣка счастливымъ. Это счастье покорности. Видя смиреніе жертвы, ощущаютъ въ себѣ силу подчиниться ей и заранѣе испытываютъ счастье побѣды.»

«Послѣднія слова г-жи де-Растиньякъ были: «Боже, я отдаю въ Твои руки духъ мой и мою жизнь. Я всецѣло жертвую Твоей любви всѣми моими желаніями. Дѣлай со мною все, что Ты хочешь. Ты мой Богъ и отецъ. Я соединяю свои страданія и смерть съ страданьемъ и смертью Іисуса Христа и на Него Единаго надѣюсь». Безъ сомнѣнія, само небо одобритъ это геройское мужество, съ любовью жертвующее всѣми привязанностями Богу, который разрываетъ ихъ, и этому умиляющему благочестію, которое успокаивается у подножія креста, на лонѣ Провидѣнія.»

V.

Бонапартъ поссорился съ Англіей. Чтобы успокоить націю, недовольную войною, онъ старался развлечь ее зрѣлищемъ приготовленій къ высадкѣ. Онъ ходилъ отъ одной верфи къ другой и слѣдилъ за работами. Зѣваки сбѣгались туда, но никто не былъ одураченъ и стѣны покрывались плакатами.

Мегэ [1]), якобинецъ, преданный Бонапарту, жилъ въ Лондонѣ уже нѣсколько лѣтъ и нашелъ средство проникнуть въ кружокъ вѣрно-

[1]) Жанъ-Клодъ-Ипполитъ Мегэ, извѣстный писатель. Послѣ 18-го блюмера онъ долженъ былъ уѣхать въ Англію.

подданныхъ короля Людовика XVIII. Онъ увѣрилъ ихъ, что недовольство французовъ достигло апогея и что скоро наступитъ благопріятный моментъ, когда можетъ восторжествовать правое дѣло. Онъ сообщилъ первому консулу обо всѣхъ своихъ поступкахъ и тотъ, въ свою очередь, работалъ надъ успѣхомъ интриги, послѣдствія которой вскорѣ будутъ видны.

Чтобы придать законную внѣшность своимъ честолюбивымъ проектамъ, Бонапартъ предложилъ Людовику XVIII отказаться отъ короны своихъ предковъ. Извѣстенъ отвѣтъ короля Франціи на это оскорбительное предложеніе. Бонапартъ былъ взбѣшенъ и подъ угрозою смерти запретилъ распространеніе этого письма. Опасались тогда, чтобы народъ не совершилъ бы какого нибудь насильственнаго акта. Боялись даже за иностранцевъ. Я никогда не раздѣляла этого опасенія и слышала отъ многихъ лицъ изъ низшаго класса, что они бросятся всѣ къ домамъ, занятымъ русскими, чтобы спасать ихъ, что они считаютъ себя слишкомъ много обязанными русскимъ, чтобы не предохранить ихъ отъ всякой опасности. Англичане были подвергнуты строгому аресту и отведены въ Верденъ.

Эти событія случились весной (1803 года). А лѣто въ этомъ году мы провели на дачѣ въ Пасси, въ пятнадцати минутахъ ѣзды отъ Парижа. Дача была прелестно расположена. Садъ террасами спускался прямо къ берегу Сены. Отъ одной террасы къ другой вели каменныя лѣстницы съ желѣзными перилами, увитыми виноградомъ. Верхняя терраса, очень тѣнистая, служила намъ гостиной. На другихъ было много фруктовыхъ деревьевъ. Мать занимала бель-этажъ, мои комнаты были наверху. Изъ моихъ оконъ налѣво былъ виденъ, какъ на ладони, Парижъ, направо — долина Гренеля. Дальше возвышались дворцы и дачи и между ними Медонъ, принадлежавшій теткѣ Людовика XVI.

Мать часто оставалась за полночь на террасѣ, чтобы посмотрѣть фейерверки, пускаемые въ разныхъ мѣстахъ: въ Шантильи. въ Елисейскихъ Поляхъ, въ Тиволи, у Фраскати. Мнѣ было трудно уходить съ террасы. Я оставалась одна по цѣлымъ часамъ. Луна освѣщала красивый пейзажъ, простиравшійся передъ моими глазами; теплая, спокойная ночь заставляла меня цѣнить всю прелесть прекраснаго климата. Парижъ, такой шумный даже вдали, давалъ рѣзкій контраст съ чистымъ и яснымъ небомъ. Противорѣчія наводятъ насъ на невольныя размышленія; они проясняютъ наши чувства и вызываютъ удивленіе, а все, что трогаетъ душу, возвышаетъ ее.

Нашъ домъ находился на Нижней улицѣ и дорога поднималась прямо къ Булонскому лѣсу. Я часто ходила туда по воскресеньямъ съ моими друзьями, семействомъ Караманъ. Мы тамъ гуляли, ѣли мороженое на чистомъ воздухѣ, иногда заходили въ павильонъ, чтобы посмотрѣть на балъ. Тамъ бывало много народа въ красивыхъ костюмахъ, съ пріятными манерами. Отсутствіе церемоніи и этикета придаетъ болѣе свободы удовольствію. Тамъ не подчиняются никакимъ обязанностямъ; приходятъ и уходятъ когда вздумается и никто не чувствуетъ себя обязаннымъ никому какимъ-нибудь особеннымъ отношеніемъ.

Я совершила съ г-жей де-Тарантъ одну прогулку, доставившую мнѣ слишкомъ много удовольствія, чтобы я могла забыть ее. Мы возвращались изъ Парижа около одиннадцати часовъ вечера и пересѣкали Елисейскія Поля. Направо я увидала освѣщенный садъ и г-жа де-Тарантъ сказала мнѣ, что здѣсь, въ Шантильи, дается два раза въ недѣлю балъ съ платой за входъ по тридцати су. Она предложила мнѣ пойти туда и я охотно согласилась. Мы заплатили у входа, получили билеты и вошли въ садъ. Деревня Шантильи принадлежала раньше принцу де-Кондэ. Я увидала прелестный садъ, красиво освѣщенный фейрверкъ, а во дворцѣ былъ очень оживленный балъ.

Въ разныхъ углахъ сада были устроены игры. За наши тридцать су намъ дали еще по маленькому стаканчику мороженаго. Мы не были разодѣты и на насъ не обращали вниманія; мы могли свободно наслаждаться забавнымъ зрѣлищемъ и возвратились въ Пасси въ восхищеніи отъ полученнаго удовольствія.

У меня было въ Пасси трое довольно замѣчательныхъ сосѣдей. Г-жа де-Жанлисъ, которую я никогда не хотѣла ни видѣть, ни встрѣчать, и предпочитала лучше читать ея произведенія, чѣмъ слушать ее; аббатъ Жераръ [1]), авторъ трехъ почтенныхъ трудовъ: *Les leçons de l'histoire, la Théorie du bonheur* и *le Comte de Valmont* [2]), и г-жа

[1]) Аббатъ Луи Филиппъ, (1737—1813).

[2]) *Уроки исторіи, Теорія счастья* и *Графъ де-Вальмонтъ*.

д'Арблей [1]), урожденная миссъ Берней, извѣстная своими прелестными романами.

Бываютъ странные случаи, оставляющіе нѣчто въ родѣ воспоминанія о лицахъ совершенно безразличныхъ. Гуляя однажды вечеромъ, я увидала красивую собаку, которая стала ласкаться ко мнѣ и давала мнѣ понять, что хочетъ войти въ домъ, мимо котораго я шла. Я открыла ей дверь и она бросилась туда. Спросивъ, кому принадлежитъ эта собака, я узнала, что хозяйкой ея была г-жа д'Арблей. Я никогда не думала, читая ея произведенія, что когда-нибудь ея собака будетъ ласкаться ко мнѣ и я впущу ее въ домъ.

Гуляя однажды поздно вечеромъ съ Генріеттой по Верхней улицѣ, я увидѣла около двери одного дома добродушную старую поселянку въ чепцѣ, а рядомъ ея старика мужа въ бумажномъ колпакѣ съ кисточкой. Они были окружены молодыми дѣвушками и парнями. Старуха что-то говорила, жестикулировала, а слушатели были поглощены разсказомъ. Я тоже остановилась, она замѣтила меня и сказала:

— Вы тоже хотите слушать, добрая госпожа?

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчала я.

Одинъ изъ молодыхъ людей предложилъ мнѣ скамейку, но я отказалась, предпочитая стоять. Женщина продолжала прерванный разсказъ. Въ немъ было все: и привидѣнія, и звуки цѣпей. Молодыя дѣвушки прижимались въ страхѣ другъ къ другу. Въ ту же минуту изъ большого дома напротивъ я услыхала звуки концерта Моцарта, исполняемаго на скрипкѣ съ большой точностью и тонкимъ вкусомъ. Я осталась неподвижной на своемъ мѣстѣ и не видѣла больше деревенской картины, бывшей передо мной. Воспоминанія толпою вставали въ моемъ сердцѣ. Мой взоръ былъ устремленъ въ глубь моей души и видѣлъ вещи, не имѣвшія никакого отношенія къ деревенскому вечеру.

Внезапно невольная мысль пришла мнѣ въ голову. Я нахожусь на улицѣ въ Пасси; сейчасъ десять часовъ вечера и все, что находится передо мною, я вѣроятно никогда больше не увижу; но музыка

[1]) Франциска Берней, англійская писательница, замужемъ за французскимъ офицеромъ, жила въ Парижѣ съ 1802 по 1812.

погружаетъ меня въ прошлое и чувство заставляетъ меня видѣть то, чего нѣтъ передо мною. Что же такое сердце? Какая его сила?

Я молчаливо вернулась домой, слишкомъ поглощенная своими мыслями, чтобы говорить.

Г-жа де-Тарантъ проводила время между мной и своей матерью. Я воспользовалась пребываніемъ въ Пасси, чтобы дѣлать съ ней прогулки пѣшкомъ; пріятно гулять съ подругой или совсѣмъ одной; когда рядомъ идетъ человѣкъ совершенно безразличный, вся прелесть прогулки пропадаетъ; ни объ чемъ не думаешь, ничемъ не наслаждаешься и только общеніе располагаетъ къ наслажденію.

Однажды вечеромъ мы прошлись въ Отейль. Стояла хорошая погода, заставившая насъ позабыть про время. Мы шли все впередъ, пока надвигавшіяся сумерки не напомнили намъ о возвращеніи домой. Думая сократить дорогу, мы пересѣкли поля, находившіяся на опушкѣ Булонскаго лѣса, но сбились съ дороги и темнота застала насъ около этого лѣса, бывшаго далеко не безопаснымъ. Но мое крайнее довѣріе къ г-жѣ де-Тарантъ успокаивало меня. Часто забываешь объ опасности, находясь съ человѣкомъ, на котораго привыкъ полагаться, и спокойствіе сердца гонитъ мысли.

Но темнота все увеличивалась, мы шли съ трудомъ по сжатому полю, коловшему намъ ноги, и положеніе наше становилось непріятнымъ. Наконецъ, сквозь сумракъ неба я увидала фигуру женщины, шедшей на недалекомъ разстояніи. Мы ускорили шагъ и, наконецъ, догнали. Это была старая женщина съ корзиной на спинѣ, что не позволяло ей скоро идти. Я попросила ее провести насъ въ Пасси. Она охотно согласилась и сказала:

— Идите за мной. Мы сейчасъ выйдемъ къ стѣнѣ, огибающей Верхнюю улицу.

Дѣйствительно, мы скоро оказались близъ дома. Я хотѣла поблагодарить добрую женщину и заплатить за услугу, которую она намъ оказала. Но мнѣ съ трудомъ удалось уговорить ее взять монету въ шесть франковъ. Французскій народъ услужливъ безкорыстно. Я много разъ могла убѣдиться въ этомъ.

VI.

Г-жа де-Тарантъ предложила мнѣ отправиться подробнѣе осмотрѣть Версаль. Я видѣла его только мелькомъ, когда выѣзжала встрѣчать г-жу де-Шатильонъ. Все въ этомъ интересномъ мѣстѣ носитъ отпечатокъ величія. Кажется, что вновь видишь вѣкъ благородной красоты, воспоминаніе о которомъ будетъ всегда вызывать чувство любви къ Франціи. Жестокая революція коснулась и Версальскаго дворца; барельефы съ лиліями разрушены, но видны еще нѣкоторые остатки ихъ и они утѣшаютъ сердца вѣрныхъ.

Я была въ Тріанонѣ, проходила по заламъ Людовика XVI и думала: *Все кончается*, это истина, резюмирующая наши размышленія. Прекрасныя дѣла эхомъ отдаются по временамъ по всему пространству вселенной. Величіе стирается; блескъ исчезаетъ; только добродѣтель остается и коса времени не можетъ ее уничтожить; она чувствуется всегда, ею наслаждаются и восхищаются. Она даетъ утѣшеніе и пищу прекрасной душѣ. Я жадно вглядывалась въ величественный паркъ Тріанона. Сидя на перронѣ колоннады, соединяющей два крыла зданія, я оглядывалась назадъ на мраморный паркетъ, гдѣ ходилъ великій король, окруженный такими рѣдкими людьми, въ которыхъ природа, казалось, соединила столько заслугъ, оставивъ міру только сожалѣніе и доказательство ихъ исчезновенія. У меня не хватало мыслей, чтобы отвѣчать на полученныя впечатлѣнія. Вдвойнѣ бываешь пораженъ, когда видишь мѣста, описаніе которыхъ много разъ читалъ.

Мой мужъ отправился на два дня съ г-жей де-Тарантъ въ замокъ Ронси, къ герцогинѣ де-Шаро. Я осталась съ матерью до его возвращенія. Потомъ я совершила ту же поѣздку съ г-жей де-Тарантъ и графиней де-Люксембургъ, приглашенной мною, чтобы сдѣлать пріятный сюрпризъ герцогинѣ, съ которой она особенно была дружна. Мы отправились за ней въ Парижъ и оттуда въ полночь выѣхали по Реймской дорогѣ, чтобы на слѣдующее утро достигнуть цѣли нашего путешествія. Мы проѣзжали черезъ Вильеръ Котере, знаменитое имѣніе герцога Орлеанскаго. Къ замку примыкаетъ огромный лѣсъ удивительной красоты, пересѣкаемый почтовой дорогой. По временамъ на извѣстномъ разстояніи видны площадки, гдѣ сходится много аллей. Проѣзжая, я вспомнила массу особенностей, которыя я слышала про этотъ лѣсъ, и съ восхищеніемъ любовалась его прекрасной растительностью.

Мы пріѣхали въ Ронси къ полудню. Замокъ съ четырьмя башенками по угламъ построенъ на пригоркѣ. Передъ нимъ находится красивый мощеный дворъ. Гг. де-Шаро, де-Беарнъ, де-Турцель и дѣти выбѣжали навстрѣчу. Радость ихъ увеличилась при видѣ г-жи Люксембургъ. Въ гостиной мы увидали г-жу де-Турцель мать, принявшую насъ съ открытыми объятіями. Гостиная занимала большую квадратную комнату, съ широкимъ окномъ на каждой стѣнѣ. У одного окна находился письменный столъ и вблизи клавесинъ съ нотами. На каминѣ лежали газеты и брошюры, вокругъ стояла удобная мебель. Посрединѣ гостиной стоялъ большой столъ, предназначенный для работы, и еще столъ для другихъ надобностей. У маленькихъ дѣтей былъ свой уголъ для игрушекъ.

Вставали всѣ въ восемь часовъ и послѣ туалета дѣлали другъ другу визиты. Я отправилась къ Полинѣ, помѣщавшейся около меня и общество которой я особенно любила. Въ гостиной собирались къ завтраку, весело завтракали и отправлялись на сборъ винограда, что представляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ удовольствій. У каждаго есть ножницы и бумага. Снимаютъ прекрасныя кисти, народъ поетъ и дѣти въ восхищеніи.

Возвратившись на нѣкоторое время въ свои комнаты для туалета и другихъ занятій, всѣ собираются опять въ гостиной, каждый занимаясь, чѣмъ ему угодно. Пріятная свобода царила въ нашемъ обществѣ. Тихій разговоръ прерывалъ по временамъ работу. Не было ничего искусственнаго, все проистекало изъ удобства и удовольствія общества. Обѣдъ былъ великолѣпенъ и послѣ маленькаго отдыха, слѣдовавшаго за нимъ, отправлялись на прогулку.

Вечеръ, казалось, еще болѣе усиливалъ взаимное довѣріе. Г-жа де-Турцель была близко дружна по склонности и по убѣжденіямъ съ г-жей де-Тарантъ; онѣ часто разговаривали отдѣльно. Г-жа де-Турцель очень разсѣяна. Однажды, когда г-жа де-Тарнатъ сидѣла около ея ногъ на скамейкѣ, она сказала ей:

— Зажгите свѣчу и посвѣтите, мнѣ надо пройти въ свою комнату.

Г-жа де-Тарантъ поспѣшно повиновалась. Когда она вернулась въ гостиную, г-жа де-Шаро и г-жа де-Беарнъ бросились передъ ней, говоря:

— Вы обезцѣниваете себя, дорогая Тарантъ, наша мать злоупотребляетъ вами!

Г-жа де-Турцель вернулась во время этой сцены и была крайне удивлена своей разсѣянностью, заставившей ея дочерей извиняться.

Г-жа Огюстинъ де-Турцель въ высшей степени умѣетъ соединять пріятное съ полезнымъ. Я вошла однажды въ ея комнату передъ завтракомъ. Ея маленькая полутора-лѣтняя Леонія сидѣла у нея на колѣняхъ. Старшая дочь, четырехъ или пяти лѣтъ, рядомъ съ ней учила катехизисъ. Г-жа де-Турцель давала ей объясненіе время отъ времени, а въ промежуткахъ учила роль маркизы, которую она должна была играть въ замкѣ д'Отевиль.

— Я удивляюсь на васъ,—сказала я ей.—Какъ это вы можете дѣлать столько дѣлъ сразу?

— My dear,—отвѣчала она,—все зависитъ отъ желанія; я думаю объ одномъ и слѣжу за другимъ.

Пребываніе въ Ронси дало мнѣ настоящее понятіе о жизни въ замкѣ. Я нашла ее гораздо пріятнѣе, чѣмъ все, что я читала и слышала про нее. Черезъ три дня я разсталась съ моими друзьями, чтобы вернуться къ матери и своимъ дѣтямъ. Я проѣзжала ночью черезъ лѣсъ Вильеръ-Котере и онъ представился мнѣ совершенно въ другомъ видѣ. Громадные костры сверкали въ разныхъ мѣстахъ. Ихъ зажгли крестьяне, черныя фигуры которыхъ вырисовывались на фонѣ пламени. Деревья были освѣщены луной и огнемъ и представляли зловѣщую и величественную картину. Я вспомнила, какъ герцогъ Орлеанскій вызывалъ въ этомъ лѣсу духовъ, утверждая, что онъ имѣетъ власть надъ ними, что онъ и доказалъ при дворѣ. Я дала волю воображенію и волшебному очарованію мечты, но не увидала ни привидѣній, ни духовъ. Я видѣла только богатую и пышную природу и жалѣла несчастнаго герцога, который не умѣлъ ею наслаждаться.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

1803—1804.

I. Возвращеніе въ Парижъ.—Бонапартъ ищетъ ссоры съ Россіей.—Новости изъ С.-Петербурга.—Соперникъ Боссюэта.—Аббатъ де-Булонь.—Благотворительность въ Парижѣ. II. Сенъ-Жерменъ,—„Да здравствуетъ король",—Графиня Протасова.—Голгофа.—Кладбище де-ла-Маделенъ. III. Смерть герцога Энгіенскаго.—Пишегрю.—Жоржъ Кадудаль.—Два брата Полиньякъ.—Бонапартъ Императоръ.—Графинѣ Головиной угрожаютъ. IV. Дюгазонъ.—*Сертріусъ* въ Французской Комедіи.—Гнѣвъ Императора.—Новыя „принцессы крови".—Листъ эмигрантовъ.—Моро и графъ де-Шуазель-Гуффье.—Какъ достаютъ паспортъ.—Процессъ Полиньяковъ и Кадудаль.—Г-жа де-Полиньякъ и Жозефина.—Дорого купленное помилованіе. V. Послѣднія минуты въ Парижѣ.—Казнь Кадудаля и его сообщниковъ.

I.

Мы возвратились въ Парижъ къ концу октября. Я съ удовольствіемъ увидалась съ моими хорошими знакомыми. Около того же времени графъ Марковъ возвратился съ минеральныхъ водъ. Бонапартъ пригласилъ его къ обѣду и напалъ на него по поводу одного эмигранта, котораго онъ считалъ подозрительнымъ, а Россія приняла его. Эта выходка была только предлогомъ для разрыва съ нами. Война была необходима для его проектовъ. Графъ Марковъ отвѣчалъ съ благородствомъ и съ достоинствомъ поддержалъ этотъ поводъ къ

ссорѣ. Онъ извѣстилъ объ этомъ нашъ дворъ и Императоръ вмѣсто отвѣта прислалъ ему ленту Андрея Первозваннаго.

Марковъ, недовольный первымъ консуломъ, старался сблизиться съ роялистами. Наконецъ онъ одобрилъ мое поведеніе въ Парижѣ. Я съ сожалѣніемъ видѣла, что мнѣ придется уѣхать изъ Франціи гораздо скорѣе, чѣмъ я это думала сдѣлать, и мнѣ было тягостно отказаться отъ существованія счастливаго и отвѣчающаго моимъ убѣжденіямъ. Мои наслажденія были дѣйствительны и въ нихъ не было ничего призрачнаго. Послѣ всѣхъ мучительныхъ огорченій, изранившихъ мое сердце, спокойствіе, которое я вновь обрѣла, было мнѣ еще дороже.

Я часто получала извѣстія отъ графини Толстой, которая иногда сообщала мнѣ объ Императрицѣ Елизаветѣ. Вдали сильнѣе чувствуешь любовь къ родинѣ. Я съ жадностью узнавала, что происходило у насъ. Министерство перемѣнилось въ Петербургѣ. Должность генералъ-прокурора, соединявшая въ себѣ всѣ части управленія гражданскаго и внутренняго, была раздѣлена между многими департаментами, на подобіе Франціи. Каждый департаментъ имѣлъ отдѣльнаго министра. Графъ Александръ Воронцовъ былъ назначенъ канцлеромъ; князь Адамъ Чарторижскій первымъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Эти новшества огорчили хорошихъ русскихъ людей. Они были опасны. Надо сохранять неприкосновеннымъ характеръ правленія, когда онъ упроченъ опытомъ и привычкой.

Въ мое отсутствіе у г-жи Толстой родился сынъ и здоровье ея очень разстроилось.

Вторая зима, проведенная мною въ Парижѣ, была еще пріятнѣе, чѣмъ первая. Мои избранныя знакомства превратились въ настоящія дружескія связи. Мои убѣжденія и образъ жизни пріобрѣли мнѣ довѣріе тѣхъ, кого я наиболѣе уважала. Я по правдѣ могу сказать, что въ Парижѣ была обезпокоена только двумя сильными ураганами, которые снесли много трубъ и причинили нѣсколько несчастныхъ случаевъ.

На слѣдующій день послѣ одного изъ этихъ урагановъ ко мнѣ пріѣхали провести вечеръ г-жа де-Люксембургъ, а также три сестры Караманъ и ихъ старшій братъ. Говорили, что небо прогнѣвалось и

что, можетъ-быть, это было предвѣстникомъ кончины свѣта. Г-жа де-Люксембургъ съ живостью воскликнула:

— Надѣюсь, что нѣтъ; мои вещи еще не уложены!

Караманъ отвѣтилъ:

— Ну, наши недолго уложить; наше семейство—походная труппа.

Мы много смѣялись надъ его признаніемъ; ураганы были забыты и вечеръ прошелъ самымъ веселымъ образомъ.

Я была въ Сентъ-Рошъ, чтобы послушать проповѣдь аббата де-Булонь. Онъ говорилъ объ истинѣ. Внимая ему, мнѣ казалось, что я слушаю энергичное краснорѣчіе Боссюэта. Ораторское искусство аббата Булонь достигаетъ большой степени совершенства. Онъ умѣетъ внушать страхъ и въ то же время растрогать. У него прекрасный голосъ, звучный и густой, вѣрная интонація и благородное лицо. Вниманіе аудиторіи было замѣчательнымъ, а церковь была полна народа. Нѣсколько франтиковъ, явившихся въ церковь съ нахальствомъ фрондеровъ, въ теченіе проповѣди оставались неподвижными на своихъ мѣстахъ и ушли по окончаніи съ смущеннымъ видомъ. Выходя изъ церкви я встрѣтила троихъ изъ нихъ.

— Надо сознаться,—сказалъ одинъ,—что урокъ силенъ, но хорошъ. Надо будетъ придти послушать еще.

Я слышала также два похвальныхъ слова, произнесенныхъ аббатомъ де-Булонь. Первое, святому Августину очень красиво, но я была болѣе растрогана вторымъ святому Винценту де-Полю, учредителю ордена сестеръ милосердія. Я отправилась слушать его въ Аббей-о-Буа вмѣстѣ съ семьею Турцель. Мы помѣстились на хорахъ, такъ что особенно хорошо могли видѣть оратора. Всѣ сестры сидѣли противъ каѳедры. Ихъ однообразный костюмъ, черное платье, косынка и бѣлый чепецъ, выдѣляли ихъ изо всѣхъ слушателей. Ихъ головы были опущены, слезы признательности и чувствительности текли по ихъ лицу. Слушатели были въ сильномъ умиленіи.

Нельзя противиться очевидности. Эти уважаемыя монахини, преданныя человѣчеству, съ совершеннымъ самозабвеніемъ подтверждали правдивыя слова краснорѣчивой проповѣди оратора. Это зрѣлище должно было устранить сомнѣнія въ самомъ извращенномъ умѣ. Какъ прекрасенъ этотъ институтъ милосердія! Революція только на нѣкоторое время разсѣяла его членовъ. Когда я уѣзжала изъ Парижа,

около десяти тысячъ сестеръ уже собрались опять. Религіи мы обязаны этими чудесами. Достаточно вѣрить въ истину, чтобы забыть самого себя.

Второй сынъ г-жи де-Караманъ устроилъ небольшой пріютъ для бѣдныхъ дѣтей. Онъ предложилъ мнѣ пойти осмотрѣть его. Я увидала домъ изъ четырехъ комнатъ. Въ одной комнатѣ маленькіе мальчики учились читать, писать и катехизису, и уроками руководила пожилая монахиня. Въ другой комнатѣ маленькія дѣвочки учились тому же, ихъ учила молодая, восемнадцатилѣтняя монахиня, прекрасная, какъ ангелъ. Ея лицо и молодость поразили насъ.

— Какъ могли вы съ такимъ мужествомъ пожертвовать собою въ такихъ молодыхъ лѣтахъ?—спросила я.—Быть можетъ какое-нибудь горе или непредвидѣнныя обстоятельства подвинули васъ на эту жертву?

— Простите, сударыня,—отвѣчала она.—Я рѣшилась на это только по своему желанію. Я принадлежу къ богатой семьѣ изъ Лангедока и всегда стремилась посвятить себя служенію людямъ. Насъ четыре сестры; мать не нуждается въ моихъ заботахъ, она согласилась на мою просьбу и я не раскаиваюсь въ этомъ.

Она сказала намъ эти слова съ трогательнымъ видомъ и въ ея прекрасныхъ глазахъ появилось ласковое выраженіе, когда она замѣтила съ какимъ участіемъ мы слушали ее. Ея красивые черные волосы едва были видны изъ-подъ головного убора, бѣлизна котораго не уступила бы никакому блеску. Ея щеки разрумянились во время разговора и добродѣтель, казалось, еще болѣе увеличивала ея красоту. Время разрушитъ свѣжесть молодости, но чистота души по-прежнему будетъ отражаться въ чертахъ лица, оживлять выраженіе и дѣлать его привлекательнѣе, чѣмъ красота.

II.

Весной мои прогулки возобновились. Я отправилась въ Сенъ-Жерменъ съ семьей Турцель. Г. де-Беарнъ озаботился устройствомъ обѣда и распорядился поставить столъ на прелестной лужайкѣ. До обѣда мы гуляли въ знаменитомъ лѣсу. Мы видѣли дворецъ и площадь, возвышающуюся надъ Парижемъ и его окрестностями. Я вспоминала Людовика XIII, такого слабаго и прекраснаго, и его слишкомъ извѣстнаго министра. Въ лѣсу я была удивлена, увидѣвъ на многихъ деревьяхъ вырѣзанную надпись: «*Да здравствуетъ король*». Это проявленіе вѣрности, написанное крупными буквами, глубоко насъ заинтересовало. Ураганы пощадили эти простыя документы, много лучшіе, чѣмъ тщеславныя изъявленія гордости. Надписи вырѣзаны на букахъ очень высоко. Чтобы сдѣлать ихъ, надо было карабкаться, очень рискуя. Когда поступками руководитъ глубокое чувство души, они пріобрѣтаютъ сверхчеловѣческую силу, опасность теряется изъ виду. Потребность выразить свое чувство такъ же необходима, какъ дыханіе.

Мы остались до вечера въ Сенъ-Жерменѣ и вернулись по прелестной дорогѣ Сенъ-Клу. Я предпочитаю лѣсъ всѣмъ садамъ и паркамъ. На его нетронутости лежитъ печать природы и отсутствіе руки человѣческой. Таинственное спокойствіе лѣса является прибѣжищемъ мысли.

Свободнѣе мечтается въ его густой тѣни и тропинки, намѣченныя необходимостью, напоминаютъ намъ о тернистомъ пути нашей жизни.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ Парижа мы остановились въ деревнѣ, чтобы выпить сидру. Мы возвратились въ Парижъ черезъ Елисейскія поля. Приближеніе къ этому огромному городу всегда производитъ впечатлѣніе. Достаточно покинуть его на мгновеніе, чтобы вновь быть пораженнымъ его шумомъ и волненіемъ.

Графиня Протасова пріѣхала въ Парижъ въ надеждѣ удивить жителей и доказать имъ, что у себя на родинѣ она занимаетъ выдающееся положеніе. Я сдѣлала ей визитъ; она великолѣпно приняла меня, и ея расположеніе ко мнѣ еще болѣе увеличилось, когда она узнала мой образъ жизни и общество, въ которомъ я вращаюсь. Она пріѣхала къ намъ и встрѣтила нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ дамъ и между ними г-жу Огюстину де-Турцель, которая поразила ее своей прелестью и любезностью. На слѣдующій день я отправилась съ г-жей де-Шаро за покупками. Выходя отъ Верпюи, торговца матеріями, на улицѣ де-Ришелье, мы увидѣли на нѣкоторомъ разстояніи въ каретѣ г-жу Протасову. Герцогиня де-Шаро попросила распорядиться подъѣхать къ ея каретѣ, чтобы посмотрѣть на нее, пока я буду разговаривать. Я сдѣ-

лала, какъ она хотѣла. и Протасова замѣтила, что кто-то сидитъ рядомъ со мной. Она спросила у меня по-русски, кто это такой. Высунувъ голову въ окошко кареты я шепотомъ назвала ей герцогиню де-Шаро.

— Представьте меня,—сказала графиня.

Я повернулась къ моей спутницѣ и сказала ей какъ можно серьезнѣе:

— Разрѣшите, герцогиня, представить вамъ графиню Протасову, статсъ-даму Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Графиня разсыпалась въ комплиментахъ. Г-жа де-Шаро отвѣчала съ крайней предупредительностью и сдѣлала ей нѣсколько вопросовъ относительно пріѣзда графини въ Парижъ, что привело Протасову въ восхищеніе и вызвало потокъ вѣжливостей и словъ, который долго бы продолжался, если бы я не оборвала ихъ, попросивъ позволенія ѣхать.

— Надо сознаться,—сказала потомъ г-жа де-Шаро,—что очень забавно представляться статсъ-дамѣ посреди улицы.

Г-жа де-Беарнъ предложила мнѣ посѣтить гору Голгофу. Мы были тамъ вмѣстѣ съ ея мужемъ и г-жей де-Тарантъ. Это мѣсто было особенно почитаемымъ до Революціи. Благочестивые люди часто совершали паломничество въ монастырь, расположенный на верху горы. По дорогѣ встрѣчались алтари и большіе кресты, напоминающіе о страданіи Господа. Все было разрушено каннибалами. Было гоненіе на монаховъ и тѣ изъ нихъ, кто не могъ скрыться, были замучены. Несмотря на это, пять монаховъ, переодѣтыхъ крестьянами, при помощи мужества и почти чудесной настойчивости, сумѣли остаться въ своемъ святомъ убѣжищѣ.

Когда терроръ прошелъ, одинъ изъ начальниковъ-кровопіецъ купилъ это мѣсто. Тогда пять отшельниковъ получили отъ него позволеніе развести огородъ на склонѣ горы, обѣщаясь платить ему за это шестьсотъ франковъ въ годъ. Жадность заставила его быть снисходительнымъ къ этимъ монахамъ, которые при помощи усерднаго труда уплачивали ему условленную сумму и, такимъ образомъ, посвящали себя своему назидательному призванію, сохраняя надежду умереть въ этомъ мѣстѣ, которое они дали клятву не покидать.

Монастырь окруженъ красивымъ лѣсомъ, пересѣкаемымъ тропинками, которыя ведутъ къ церквамъ. Отецъ Гіацинтъ провелъ меня

въ монастырь. Мы прошли по длинному коридору, обѣ стѣны котораго покрыты фресками, изображающими страданія Іисуса Христа. Тусклый свѣтъ, падавшій изъ окна въ концѣ коридора, освѣщалъ намъ путь. Однообразный звукъ шаговъ монаха отдавался подъ сводомъ и нарушалъ глубокую тишину монастыря.

Направо, внутри зданія, я увидала квадратный дворъ, стѣны котораго были покрыты надписями.

— Это могилы нашихъ братьевъ,—сказалъ мнѣ отецъ Гіацинтъ.— Подъ среднимъ камнемъ покоятся священные останки святого основателя монастыря.

Онъ разсказалъ мнѣ потомъ, съ глубокимъ волненіемъ, жизнь этого основателя и далъ мнѣ его гравированный портретъ.

Я видѣла церковь простую и тщательно убранную. Монахи проводятъ время въ молитвѣ и въ работѣ на огородахъ. Стояла теплая пасмурная погода, безъ всякаго вѣтра. Съ интересомъ я любовалась разнообразіемъ вида, разстилавшагося у моихъ ногъ. Спокойствіе монастыря и его вѣрныхъ обитателей навело меня на глубокія мысли о ничтожествѣ міра съ его безполезной суетой. Гора способствуетъ возвышеннымъ мыслямъ, какъ намъ доказала это древность: на горѣ предавались размышленіямъ, тамъ искали религіозныхъ мыслей и тамъ молились святые. На горѣ же свершилось чудо искупленія. Человѣкъ чувствуетъ потребность подняться надъ землею. Это стремленіе означаетъ не гордость, движущую міръ, но благородство души, которое такъ часто тѣснится и борется въ насъ.

Надвинулась туча и разразилась гроза, теплый дождь лилъ потокомъ. Несмотря на это, мы спокойно спускались съ горы. Воздухъ былъ такъ чистъ и напоенъ ароматами растеній, что не хотѣлось уходить. Я нѣсколько разъ обертывалась, чтобы взглянуть на гору, которая точно выростала, по мѣрѣ того, какъ мы удалялись. Во время самаго сильнаго ливня, мы вошли въ хижину и потомъ направились къ каретѣ, дожидавшейся насъ у подножія горы.

Робертъ разсказалъ мнѣ про кладбище де-ла-Маделенъ, гдѣ погребенно тѣло Людовика XVI, а десять мѣсяцевъ спустя, послѣ него, тѣло королевы. Одинъ горожанинъ, жившій въ домѣ, изъ котораго видно было кладбище, видѣлъ, какъ положили тѣла и закидали

ихъ известью. Когда эпоха Террора прошла, онъ купилъ эту землю, оградилъ ее стѣной, заботясь о людяхъ, убѣжденія которыхъ ему были извѣстны. Кровопійцы, чтобы довершить свою жестокость, положили головы мучениковъ у нихъ между ногъ. Случайно оказалось, что всѣ лица, погибшія во время свадьбы Людовика XVI, погребены у него въ ногахъ, также, какъ и тѣлохранители, убитые въ Версалѣ. Въ противоположномъ углу, гдѣ бросаютъ нечистоты, покоится тѣло герцога Орлеанскаго (Эгалите).

Робертъ былъ знакомъ съ собственникомъ земли. Онъ предложилъ мнѣ спросить у него разрѣшеніе осмотрѣть кладбище. Онъ согласился и мы были тамъ съ г-жей де-Тарантъ и Полиною де-Беарнъ. Мы вошли на небольшой дворъ передъ домомъ; дочь этого вѣрноподданнаго вышла встрѣтить насъ, такъ какъ ея отца не было дома. Она провела насъ къ оградѣ и отперла дверь ключомъ, бывшимъ при ней. Посрединѣ находится виноградникъ; въ тщательно убранномъ углу устроенъ довольно обширный газонъ, въ формѣ гроба, окруженный плакучими ивами, кипарисами, лиліями и розами. Г-жа де-Тарантъ и Полина стояли, прижавшись другъ къ другу; блѣдность и выраженіе ихъ лицъ отражали чувство болѣе сильное, чѣмъ скорбь. Я встала на колѣни на этотъ священный газонъ и собирала цвѣты, выросшіе сами-по-себѣ. Казалось, что эти цвѣты говорили; мои глаза какъ бы стремились проникнуть вглубь земли, мои колѣни прижимались къ ней.

Бываютъ трудно опредѣлимыя чувства, вызываемыя обстоятельствами. Но что тогда представлялось мнѣ, было способно тронуть мою душу. Я видѣла королеву, полную прелестей и добродѣтелей, оклеветанную, изгнанную и замученную. Быстрота мысли соединяетъ въ одной точкѣ все теченіе жизни; воображеніе осматриваетъ его и представляетъ душѣ; душа волнуется и глубоко проникается имъ. Я успокоилась на мысли о мученическомъ вѣнцѣ.

Я наполнила свой носовой платокъ анютиными глазками и иммортелями; мои спутницы были какъ бы пригвождены къ своимъ мѣстамъ. Я послала купить нѣсколько маленькихъ медальоновъ, чтобы положить туда цвѣты, и дала одинъ г-жѣ де-Тарантъ, другой Полинѣ и одинъ оставила себѣ съ простымъ газономъ.

III.

Бонапартъ замышлялъ новое преступленіе. Онъ отправился въ совѣтъ (въ мартѣ 1804 г.), чтобы предложить арестъ герцога Энгіенскаго и представилъ его подозрительнымъ. Совѣтъ отклонилъ это предложеніе. Бонапартъ замолчалъ, вышелъ и послалъ тотчасъ же подлаго Колэнкура въ Эттенгеймъ (въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, на правомъ берегу Рейна, гдѣ находился герцогъ, съ согласія перваго консула), чтобы привезти его въ Парижъ. Несмотря на насиліе этого требованія, герцогъ не подумалъ, что его везутъ на смерть. Его продержали въ Парижѣ только нѣсколько часовъ и отвезли въ замокъ де-Винценъ, принадлежавшій его отцу. Быстрота путешествія утомила его; онъ бросился на кровать въ приготовленной ему комнатѣ и крѣпко заснулъ.

Въ полночь его разбудили.

— Что вамъ нужно?—спросилъ онъ.

— Вамъ надо явиться для допроса.

— Объ чемъ?

Ему не отвѣчали. Онъ спокойно послѣдовалъ за посланными. Когда онъ пришелъ къ своимъ судьямъ, или, вѣрнѣе, палачамъ, они спросили его имя, титулъ, фамилію и присудили къ смерти. Онъ попросилъ священника. Ему было отказано.

— Нужно только нѣсколько мгновеній искренней молитвы, чтобы получить милосердіе Бога,—сказалъ онъ.

Потомъ онъ упалъ на колѣни и горячо молился нѣсколько минутъ. Окончивъ, онъ всталъ, говоря:

— Пусть скорѣе это кончается!

Его провели къ одному изъ рвовъ замка. Ночь была темная. Герцогу привязали фонарь на грудь, около сердца, чтобы не промахнуться и хотѣли завязать глаза.

— Это лишнее,—сказалъ онъ,—Бурбоны умѣютъ умирать.

— Встаньте на колѣни,—приказали ему.

— Я становлюсь на колѣни только передъ Богомъ.

Девять ружей выстрѣлили сразу. онъ упалъ въ ровъ и его засыпали землей.

Я узнала объ его пріѣздѣ въ тотъ же вечеръ. Зная, что первый консулъ старается арестовать всѣхъ, оставшихся вѣрными королю, которыхъ предательство Мегея собрало въ Парижѣ, мы испытывали справедливое безпокойство. Пишегрю былъ открытъ однимъ изъ первыхъ. Онъ находился въ Парижѣ около трехъ мѣсяцевъ. Его заключили въ тюрьму и задушили тамъ, причемъ хотѣли увѣрить, что онъ кончилъ самоубійствомъ.

На слѣдующій день послѣ пріѣзда герцога Энгіенскаго и его убійства, г-жа де-Тарантъ пришла ко мнѣ блѣдная и едва державшаяся на ногахъ. Она сказала тономъ, полнымъ отчаянія:

— Герцога Энгіенскаго убили сегодня ночью. Дюрасъ только-что сообщилъ мнѣ это.

Я остолбенѣла и была глубоко возмущена этимъ извѣстіемъ. Это жестокое злодѣяніе возмутило общество и народъ. Даже кровожадный Тюрьо [1]) сказалъ, что это было сдѣлано изъ простого желанія выпить стаканъ человѣческой крови [2]). Стѣны покрылись пасквилями; полиція срывала ихъ; они появлялись вновь на слѣдующій день. Имена Колэнкура и Савари произносились съ ужасомъ. Первый привелъ жертву, второй руководилъ казнью.

Полиція повсюду искала братьевъ Полиньякъ [3]) и добродѣтельнаго Жоржа. Всѣ добрые люди безпокоились за нихъ и старались ихъ спасти.

Совершивъ всѣ эти преступленія, Бонапартъ объявилъ себя Императоромъ. Сдѣлали всенародный опросъ, чтобы подписать этотъ новый актъ гордости, но не собрали подписей и на одну страницу.

Изъ города нельзя было уѣхать безъ билета. Г-жѣ де-Шаро онъ былъ нуженъ, чтобы отправиться въ свой замокъ, и для этого ей самой пришлось ѣхать въ префектуру. Она видѣла, какъ съ улицъ насильно сгоняли туда народъ для подписи. Старый угольщикъ, бывшій тамъ вмѣстѣ съ другими, спросилъ:

— Вы хотите, чтобы я подписалъ? А если я не подпишу, мнѣ можно будетъ по-прежнему продавать уголь?

Ему отвѣтили утвердительно:

— Ну такъ я не подпишу.

Г-жа де-Шаро едва удержалась отъ смѣха.

Г-жа Идали де-Полиньякъ, жена старшаго брата, не знавшая, что ея мужъ былъ въ Парижѣ, предложила мнѣ заняться у меня вечеромъ музыкой подъ условіемъ, что я никого не приму и что будетъ только Ривьеръ для аккомпанимента, а г-жа де-Тарантъ, какъ слушательница. Ривьеръ пришелъ въ десять часовъ, но Идали еще не пріѣхала. Мы терялись въ предположеніяхъ; она такъ и не пріѣхала. На слѣдующій день я съ прискорбнымъ удивленіемъ узнала, что гг. де-Полиньякъ и де-Водрейль-Караманъ были арестованы.

Я отправилась къ г-жѣ де-Суршъ, но она не принимала; мое безпокойство еще болѣе усилилось. Я поѣхала навести справки о двухъ новыхъ жертвахъ и, возвратясь домой, нашла записку отъ г-жи де-Суршъ, въ которой она писала, что не приняла меня только изъ осторожности, что меня подозрѣваютъ и что на допросѣ, которому подверглась ея сестра, было упомянуто мое имя. Ей сказали, что наша дружба съ ней была извѣстна и что навѣрно она старалась получить пенсію отъ Россіи.

Г-жа де-Водрейль отвѣчала, что дѣйствительно она была дружна со мною, что я слѣлала для нея все, на что способно великодушіе дружбы, что она убѣдилась въ томъ, что я всегда иду навстрѣчу страдающимъ, и что ея привязанность и благодарность ко мнѣ будутъ вѣчными, но что ей и въ голову никогда не приходило просить черезъ меня пенсію отъ Россіи.

— Мы вскорѣ познакомимся съ этой иностранной подругой, — сказали эти господа.—Мы навѣстимъ ее, чтобы посмотрѣть, какъ она насъ приметъ.

Эта угроза была причиной того, что г-жа де-Суршъ не приняла меня, боясь мнѣ повредить, но въ то же время это удвоило мое желаніе повидаться съ нею.

---

[1]) Жанъ-Александръ Тюрьо де-ла-Розьеръ, одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ революціонеровъ.

[2]) Фуше сказалъ: «Это хуже, чѣмъ преступленіе; это ошибка», жестокія, но характерныя слова. *Примѣчаніе автора.*

[3]) Арманъ и Жюль сыновья герцога Жюля де-Полиньякъ и Іоланты де-Поластронъ, гувернантки королевскихъ дѣтей и извѣстной любимицы Маріи Антуанеты; умерла въ Вѣнѣ въ 1793 году.

Я опять поѣхала къ г-жѣ де-Суршъ и насильно проникла къ ней. Она была очень тронута и удивлена моимъ пріѣздомъ.

— Не бойтесь ничего,—сказала я ей.—Я горжусь тѣмъ, что замѣшана въ процессъ г. де-Водрейль, и спокойно дожидаюсь этихъ господъ. Пусть они только придутъ! Я прикажу ихъ выбросить въ окно.

Они, дѣйствительно, пришли на слѣдующій день, но видъ нашего помѣщенія показался имъ слишкомъ внушительнымъ, чтобы осмѣлиться оскорбить меня, и они ушли съ позоромъ, не посмѣвъ вызвать меня.

Г-жа де-Полиньякъ была заключена въ Консьержери и состояніе ея здоровья внушало ужасное безпокойство ея мужу и деверю. Г-жа де-Бранкасъ, ея кузина, тотчасъ же обратилась за разрѣшеніемъ быть заключенной вмѣстѣ съ нею; потомъ г-жа де-Бранкасъ при помощи настойчивыхъ представленій и поддержанная лѣкаремъ, подтвердившимъ опасное положеніе г-жи де-Полиньякъ, добилась того, что ей разрѣшили перевезти больную къ себѣ подъ условіемъ, что она будетъ находиться у г-жи де-Бранкасъ, какъ бы, подъ арестомъ и что никто не будетъ видѣться съ нею.

Г-жа де-Бранкасъ описала мнѣ всѣ эти подробности и послала мнѣ ихъ съ горничной своей кузины, женщиной умной и преданной. Я рѣшилась навѣстить ихъ на слѣдующій же день. Я прошла своимъ садомъ, потомъ черезъ садъ Верака и черезъ нижній этажъ его дома вышла на улицу де-Вареннь. Первый разъ въ своей жизни я была одна вечеромъ на улицѣ. Я пробиралась по стѣнѣ, чтобы не быть раздавленной. Проходя мимо воротъ подъ домомъ герцогини де-Ж..., я увидѣла женщину, сидѣвшую съ корзиной увядшихъ цвѣтовъ. Она попросила меня купить ихъ.

— Они ужасны, добрая женщина,—сказала я ей.

Она подошла ко мнѣ и печально сказала:

— Я бѣдная нищенка, переодѣтая цвѣточницей. Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ Императоръ, бѣдныхъ арестуютъ на улицахъ и отправляютъ въ Сальпетріеръ, гдѣ съ ними обращаются, какъ съ собаками. Онъ хочетъ, чтобы думали, что нѣтъ больше нищеты, тогда какъ она повсюду.

Я дала ей шесть франковъ и быстро направилась дальше. На улицѣ дю-Бакъ, черезъ которую мнѣ надо было перейти, чтобы попасть на улицу де-ла-Планшъ, я остановилась передъ ручьемъ посрединѣ улицы; было очень грязно и я боялась неудачно прыгнуть. Я переминалась съ ноги на ногу, стоя на краю этого непріятнаго ручья, немного испуганная движеніемъ экипажей, телѣгъ и криками разносчиковъ, проходившихъ мимо меня, какъ вдругъ два любезныхъ незнакомца предложили мнѣ съ самымъ почтительнымъ видомъ помочь мнѣ въ моемъ затрудненіи. Я воспользовалась ихъ предупредительностью, очень поблагодарила ихъ и вышла въ улицу де-ла-Планшъ, гдѣ находился особнякъ Бранкасъ.

Довольно долго я стучалась у воротъ, оглядываясь по сторонамъ, чтобы убѣдиться, что меня никто не видитъ: я боялась скомпрометировать Идали и въ то же время хотѣла доказать ей мое участіе. Добрый поступокъ придаетъ мужества и рѣшимость придаетъ силы. Наконецъ привратникъ открылъ мнѣ и я проскользнула на дворъ и поспѣшила къ двери флигеля, гдѣ находилась бѣдная Идали.

Я застала ее въ ужасномъ нервномъ состояніи, что меня сильно взволновало. Г-жа де-Бранкасъ приняла меня съ распростертыми объятіями и я долго разговаривала съ ней объ огорченіяхъ и несчастіяхъ, угрожающихъ ея кузинѣ. Я ушла отъ нихъ, когда стемнѣло. Дойдя до ручья, я набралась смѣлости, въ виду надвигавшейся ночи, сдѣлала великолѣпный прыжокъ и вернулась домой съ сердцемъ, полнымъ тревоги и муки.

Жоржъ [1]) проѣзжалъ по улицѣ въ кабріолетѣ въ тотъ моментъ, когда его арестовали. Онъ находился въ Парижѣ уже шесть мѣсяцевъ. Два брата Полиньякъ, Маркизъ де-Ривьеръ, Костеръ Сентъ-Викторъ, пажъ Людовика XVI, и много другихъ вѣрныхъ подданныхъ были заключены въ Тампль. Подготовляли ихъ процессъ. Былъ заподозрѣнъ Моро и присоединенъ къ нимъ. Общественное негодованіе достигло апогея. Извергъ дрожалъ, не спалъ подъ рядъ двухъ ночей на одномъ и томъ же мѣстѣ и проводилъ большую часть дня на бельведерѣ въ Сенъ-Клу съ зрительной трубой, смотря на дорогу въ Парижъ и каждую минуту ожидая курьера съ извѣстіемъ о возстаніи.

Г-жа де-Ларошфуко, которую я часто встрѣчала у Огюстины де-Турцель, разсказывала ей, что ей часто приходилось оставаться

[1]) Жоржъ Кадудаль.

втроемъ съ первымъ консуломъ и его женой; что Бонапартъ не говорилъ ни слова и забавлялся тѣмъ, что рѣзалъ мебель перочиннымъ ножомъ, который всегда былъ съ нимъ, и что о бѣшенствѣ, которое владѣло имъ, можно было судить только по движенію руки. Какое счастливое положеніе! Ядъ былъ въ его сердцѣ, а демонъ гордости вселился въ его большую голову.

IV.

Г-жа Дюгазонъ, старинная и знаменитая актриса комической оперы, собиралась покинуть сцену. Ей дали прощальный бенефисъ. Актеры французской комедіи единодушно выбрали для этого спектакля трагедію *Серторіусъ*, изъ-за сцены, въ которой Помпея сжигаетъ листъ заговорщиковъ, не читая его. Они хотѣли воспользоваться этимъ, чтобы высказать свое мнѣніе извергу. Онъ пріѣхалъ въ театръ, и во время сцены, о которой я говорила, онъ поблѣднѣлъ и, казалось, что его ротъ сводитъ судорога. Я сказала тремъ сестрамъ Турцель, сидѣвшимъ около меня: «Онъ задохнется отъ бѣшенства!» Но онъ шумно всталъ и уѣхалъ изъ театра. Этотъ отъѣздъ доставилъ зрѣлище замѣшательствомъ въ партерѣ. Бонапартъ въ бѣшенствѣ вернулся къ себѣ.

Бонапартъ занялся возвышеніемъ своихъ родственниковъ и далъ имъ титулы. Его сестры и его невѣстки обратились въ принцессъ крови. Глашатаи провозгласили это на улицахъ. Нѣкоторыя изъ рыночныхъ торговокъ, услыхавъ это, тоже объявляли себя принцессами: *принцессой Спаржа*, *принцессой Шпинатъ* и т. п. Ихъ отвели въ полицію, но они сказали тѣмъ, кто арестовалъ ихъ:

— Вы можете дѣлать, что хотите, мы все равно останемся принцессами.

Когда принцессы крови въ первый разъ появились въ театрѣ, послышались крики:

— Вотъ принцессы крови!

Нѣсколько голосовъ выдѣлились въ партерѣ и всѣ услыхали: *въ крови герцога Энгіенскаго*. Составили стихи на конецъ Республики:

L'indivisible citoyenne
Qui ne devait jamais périr
N'a pu supporter sans mourir
L'opération césarienne.
Grands parents de la République
Grands raisonneurs en politique,
Dont je partage la douleur
Venez assister en famille
Au grand convoi de votre fille
Morte en couches d'un Empereur [1]).

Я съ большой радостью узнала, что по герцогѣ Энгіенскомъ носили трауръ при русскомъ дворѣ. Это произвело большое впечатлѣніе на благомыслящихъ людей въ Парижѣ. Марковъ собирался уѣзжать. Я съ огорченіемъ видѣла, что мнѣ необходимо разстаться съ страной, гдѣ я обрѣла душевный миръ и счастье.

Г-жа де-Шатильонъ попросила меня однажды зайти къ ней утромъ и, послѣ нѣкотораго колебанія, сказала:

— Я васъ прошу, увезите мою дочь съ собой.

Эти слова произвели на меня невыразимое впечатлѣніе. У меня не хватило мужества предаться радости за счетъ нѣжной скорби матери. Я не сказала ни слова и только наклонила голову въ знакъ согласія; но, видя, что она на меня внимательно смотритъ, какъ бы ожидая отвѣта, я сказала:

— Я уѣду, самое раннее, черезъ шесть недѣль.

Потомъ я перемѣнила разговоръ.

Мое затрудненіе было велико. Я не знала, какъ достать паспортъ

[1]) Недѣлимая гражданка,
Которая никогда не должна была погибнуть,
Не вынесла операціи кесарева сѣченія.
Основатели Республики,
Любители поговорить о политикѣ,
Скорбь которыхъ я раздѣляю,
Собирайтесь на похороны вашей дочери,
Которая умерла, родивъ Императора.

г-жѣ де-Тарантъ. Она не захотѣла вычеркнуть себя изъ числа эмигрантовъ, и я боялась привлечь на нее вниманіе, тѣмъ болѣе что стали преслѣдовать и женщинъ. Всѣ, съ кѣмъ я говорила объ этомъ, не могли мнѣ дать никакого совѣта. Въ то время, какъ я находилась въ этомъ затрудненіи, ко мнѣ заявился камердинеръ г. де-Шуазель-Гуфье и передалъ мнѣ записку и огромный министерскій портфель, запертый на ключъ. Де-Шуазель просилъ меня, заклиналъ и умолялъ извинить его поступокъ, который былъ слѣдствіемъ, по его словамъ, его глубокаго уваженія ко мнѣ и довѣрія.

Его подозрѣвали въ сношеніяхъ съ Моро и могли съ минуты-на-минуту арестовать. Онъ просилъ меня сохранить бумаги, которыя могли быть слишкомъ яркимъ доказательствомъ его убѣжденій. Письмо заканчивалось массою комплиментовъ моему поведенію. Я сдѣлала видъ, что повѣрила всему, что онъ мнѣ сообщилъ, но я отлично поняла, что его поступокъ былъ просто молчаливымъ предложеніемъ мнѣ сообщить о чистотѣ его убѣжденій въ Россіи. Но трудно было не заподозрить ихъ. Его дружба съ Талейраномъ и все, что онъ получилъ по его милости, говорило противъ него: большая часть имѣній де-Шуазеля были ему возвращены и такъ же всѣ античныя древности, которыя онъ собралъ во время своихъ путешествій; его дворъ былъ полонъ капителіями и сломанными колоннами удивительной красоты. Задаромъ не получаютъ милости отъ Бонапарта.

Герцогиня де-Жевръ попросила позволенія привезти ко мнѣ г-жу де-Шуазель-Гуфье, почтенную и интересную женщину, качества которой гораздо выше достоинства ея мужа. Я приняла ее съ горячимъ интересомъ и черезъ два дня отдала ей визитъ. Де-Шуазель съ безпокойствомъ смотрѣлъ на меня. Онъ не видалъ меня съ тѣхъ поръ, какъ послалъ портфель, и боялся, чтобы я не заговорила про это при его женѣ. Ему было стыдно признаться ей въ этой комедіи. Я не помянула объ этомъ ни однимъ словомъ, хотя испытывала большое искушеніе сыграть надъ нимъ шутку. Я сказала ему объ своемъ отъѣздѣ и объ томъ затрудненіи, въ которомъ я нахожусь съ паспортомъ г-жи де-Тарантъ. Мы условились насчетъ часа, когда онъ мнѣ пошлетъ своего необычайнаго человѣка [1]). Я попросила принцессу де-

[1]) Г-жа Головина въ первый разъ упоминаетъ объ этой личности, полагая навѣрно, что упоминала объ ней раньше.

Тарантъ придти помочь мнѣ, потому что я ничего не знала про то, какъ это дѣлается во Франціи. Она была у меня, когда мнѣ доложили о приходѣ таинственной личности.

Одно ея появленіе способно было вызвать удивленіе. Представьте себѣ пожилого человѣка, длиннаго, худого, съ безобразнымъ лицомъ оливковаго цвѣта, съ черными, пронизывающими глазами, съ длиннымъ, заостреннымъ носомъ, съ синеватыми, тонкими губами, ртомъ до ушей и огромными зубами; вся его фигура производила впечатлѣніе скелета. На немъ былъ надѣтъ свѣтлосѣрый фракъ, длинная полосатая жилетка, панталоны, сѣрые чулки и башмаки съ маленькими круглыми пряжками. Волосы были причесаны по старинной модѣ, съ буклей надъ ухомъ и косой на прусскій образецъ, спускавшейся половины спины.

Никогда я не видала такой мрачной фигуры. Я молчала нѣсколько минутъ; этотъ страшный человѣкъ не внушалъ мнѣ никакого довѣрія. Наконецъ, я спросила у него, можетъ ли онъ достать паспортъ для особы, занесенной въ списокъ эмигрантовъ, но паспортъ совершенно правильный, чтобы ѣхать на воды въ Германію. Онъ отвѣтилъ мнѣ замогильнымъ голосомъ:

— Отчего же нѣтъ?

— Но что же нужно для этого сдѣлать?

— Я приду сообщить вамъ это завтра вечеромъ. Тогда вы мнѣ откроете имя особы, хотя мнѣ это уже извѣстно?

— Кто же это такое?—спросила я.

— Принцесса де-Тарантъ.

Я дала ему въ этотъ первый его приходъ луидоръ; онъ поклонился мнѣ съ такой преувеличенной улыбкой, что я не могла удержаться отъ гримасы отвращенія. На слѣдующій день онъ принесъ мнѣ необходимыя бумаги и сказалъ мнѣ, что г-жа де-Тарантъ должна была пойти съ нимъ къ нѣсколькимъ ремесленникамъ въ ея кварталѣ, чтобы пригласить ихъ свидѣтелями. У нея была свобода выбора. Пришлось подчиниться этой формальности и я дала ему въ этотъ второй визитъ два луидора.

Черезъ нѣсколько дней онъ принесъ мнѣ паспортъ и попросилъ г-жу де-Тарантъ отправиться съ нимъ въ префектуру. Хотя все это

было законно, мы не могли не испытывать нѣкотораго страха. Г-жа де-Беарнъ предложила мнѣ пойти подождать г-жу де-Тарантъ на набережной передъ префектурой. Мы стояли тамъ около часу, чувствуя настоящую тревогу. Наконецъ, она появилась, къ нашему большому удовольствію, и паспортъ былъ выданъ по всѣмъ правиламъ, съ подписями властей и, между ними, подпись Талейрана. Я щедро оплатила эту важную услугу.

V.

Братья Полиньякъ были арестованы. Идали была освобождена и получила разрѣшеніе посѣщать каждый день въ тюрьмѣ своего мужа. Ея кузина, г-жа де-Бранкасъ, провожала ее. Дворъ въ Тамплѣ бывалъ полонъ народу, выказывавшаго самое горячее участіе жертвамъ. Ихъ перевели въ Консьержери; у воротъ тюрьмы стало еще болѣе собираться публики. Идали и ея кузина передавали мнѣ, что каждый разъ, какъ они пріѣзжали, народъ бросался къ нимъ съ распросами, нѣтъ ли какой надежды, и выражали имъ самое трогательное участіе.

За нѣсколько дней до суда заключенныхъ собирали въ теченіе дня въ одной камерѣ; стража была съ ними и стояла у двери. Однажды, вечеромъ, г-жа де-Полиньякъ, ея кузина и г-жа Моро были у заключенныхъ; младшій изъ братьевъ, Жюль де-Полиньякъ, ходилъ по камерѣ и вдругъ сказалъ, показывая на стражу:

— Эти господа плохо обращались съ нами, когда мы были въ Тамплѣ; съ тѣхъ поръ же, какъ они лучше насъ узнали, они смягчились; я держу пари, что если бы они остались съ нами два или три мѣсяца, я могъ бы приказывать имъ.

При этихъ словахъ чины стражи сняли шляпы.

Жюлю тогда было двадвать два года и онъ обладалъ самымъ красивымъ лицомъ въ мірѣ [1]).

Начался процессъ. Засѣданія суда продолжались съ семи часовъ утра до четырехъ или четырехъ съ половиной вечера. Отвѣты заключенныхъ были великолѣпны. Они высказывали свою вѣрность законному монарху съ тѣмъ благороднымъ мужествомъ, которое заставляетъ дрожать преступленіе и лишаетъ его всякаго оружія. И судьи потеряли голову. Зала была наполнена стражей, чтобы поддерживать порядокъ. Аудиторія была сильно тронута мужественною вѣрностью жертвъ и возмущена коварными и вѣроломными вопросами судей, которые, несмотря на всѣ свои ухищренія, всегда были побиваемы. Сочувствіе стражи было такъ живо, что ее пришлось перемѣнить три или четыре раза въ теченіе процесса. Жоржъ, въ особенности, вызывалъ трудно скрываемое восхищеніе. Мой жужъ, присутствовавшій на всѣхъ засѣданіяхъ, часто возвращался домой въ слезахъ. Онъ сказалъ мнѣ однажды, что когда допрашивали Жоржа, его спокойный видъ и простыя, прекрасныя слова настолько привлекли мужа, что, сидя на верху, въ ложѣ, онъ не могъ отвести глазъ отъ Жоржа Жоржъ замѣтилъ его, пробѣгая взоромъ по аудиторіи, и растроганное лицо мужа настолько поразило обвиняемаго, что онъ слегка поклонился ему. Мужъ очень гордился этимъ знакомъ вниманія и не могъ хладнокровно говорить объ этомъ случаѣ.

Всѣ задрожали отъ негодованія, когда услыхали на послѣднемъ засѣданіи смертный приговоръ Жоржу, Костеру Сентъ-Виктору, Пико,

---

[1]) Арманъ, графъ, потомъ герцогъ де-Полиньякъ, родился въ 1771 г., умеръ въ 1847 г.; въ моментъ Революціи былъ гусарскимъ офицеромъ, эмигрировалъ, служилъ въ арміи Кондэ, переѣхалъ вмѣстѣ съ своей женой, богатой голландкой изъ Батавіи, въ Россію, получилъ отъ Екатерины II помѣстье въ Украйнѣ, тайно возвратился въ Парижъ въ 1804 году и принималъ участіе въ заговорѣ Пишегрю. Арестованный вмѣстѣ со своимъ братомъ Жюлемъ, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но наказаніе было замѣнено пожизненнымъ заключеніемъ; онъ бѣжалъ въ 1813 и возвратился вмѣстѣ въ графомъ Д'Артуа въ 1814 г. Онъ былъ однимъ изъ перовъ, отказавшихся принести присягу королю въ 1830 году. Товарищъ по заключенію и бѣгству его братъ Жюль былъ во время Реставраціи посланникомъ въ Лондонѣ, потомъ въ 1830 г. первымъ министромъ и авторомъ знаменитыхъ постановленій.

слугѣ Жоржа, маркизу де-Ривьеръ, Арману де-Полиньякъ и двадцати другимъ. Пико подвергали различнымъ пыткамъ, прикладывали раскаленное желѣзо къ подошвамъ, ломали пальцы на рукахъ, чтобы заставить открыть его, гдѣ живетъ его хозяинъ. Онъ не предалъ его. Мѣшки золота, которые ему предлагали, онъ отвергъ съ презрѣніемъ. Онъ раздѣлилъ тюремное заключеніе съ Жоржемъ, такъ же былъ судимъ и разсказалъ судьямъ, въ присутствіи публики, обо всѣхъ жестокостяхъ, которыя были произведены надъ нимъ.

Жюль де-Полиньякъ былъ приговоренъ къ десяти годамъ тюрьмы, но когда онъ услыхалъ, къ чему присудили его брата, онъ пожелалъ умереть за него или, по крайней мѣрѣ, умереть вмѣстѣ съ нимъ. Арманъ противился этому проявленію братской преданности. Между ними произошелъ такой трогательный споръ, что вся аудиторія плакала. Они стояли, сжимая другъ друга въ объятіяхъ. Жюль рѣшилъ умереть, но неумолимые судьи ничего не измѣнили въ своемъ приговорѣ.

Бѣдная Идали была ошеломлена. Мой мужъ вернулся съ послѣдняго засѣданія полный отчаянія. Онъ вошелъ въ гостиную съ такимъ печальнымъ выраженіемъ лица, что насъ поразило это, и сквозь слезы онъ разсказалъ намъ про зрѣлище, на которомъ онъ только что присутствовалъ. У меня была семья Турцелей. Г-жа де-Сентъ-Альдегондъ, обладающая очень открытымъ характеромъ, бросилась къ нему на шею, говоря:

— Какой вы достойный человѣкъ!

Г-жа де-Полиньякъ была вынуждена обратиться къ г-жѣ Бонапартъ. Она просила ее доставить ей возможность обратиться къ первому консулу съ просьбой о правосудіи для ея мужа. Она рано утромъ поѣхала въ Сенъ-Клу. Войдя къ г-жѣ Бонапартъ, она лишилась чувствъ. Та отнеслась къ ней со всей добротой. Она помѣстила ее въ залѣ, гдѣ долженъ былъ проходить первый консулъ, предложила ей и даже умоляла ее упасть на колѣли передъ нимъ и обратиться къ нему съ титуломъ, которымъ онъ облекъ себя.

Идали согласилась на все, чтобы спасти два дорогихъ для нея существа. Когда показался первый консулъ, она упала передъ нимъ на колѣни и сказала съ выраженіемъ глубочайшей печали:

— Государь, я прошу правосудія для моего мужа.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и, не поднимая ее, отвѣтилъ:

— Какъ можете вы просить помилованія: онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, кого послали убить меня.

При этихъ словахъ она съ силой поднялась.

— Вы не знаетъ нашихъ принцевъ,—воскликнула она,—они не могутъ замышлять убійство.

Этотъ смѣлый отвѣтъ смутилъ Бонапарта.

— Кто мнѣ поручится за вашего мужа?—спросилъ онъ.

— Семь лѣтъ брака и семь лѣтъ счастья.

— Я возвращаю вамъ ваше счастье, сударыня.

Приговоръ былъ кассированъ и оба брата приговорены къ четыремъ годамъ тюремнаго заключенія. Съ тѣхъ поръ прошло уже девять лѣтъ и вмѣсто обѣщанной свободы ихъ перевели въ тюрьму еще болѣе ужасную, чѣмъ первоначальное мѣсто ихъ заключенія [1]).

Маркизъ де-Ривьеръ былъ спасенъ отъ смерти просьбами сестры. Онъ провелъ четыре года вмѣстѣ съ Полиньяками въ замкѣ де-Гамъ, потомъ его перевели въ менѣе строгую тюрьму въ Страсбургѣ. Теперь онъ считается заключеннымъ на слово въ этомъ городѣ и пользуется довольно большой свободой.

Г-жа де-Полиньякъ отдалась надеждѣ. Она поспѣшила извѣстить своего мужа и деверя и послала ко мнѣ горничную сказать мнѣ, что они спасены. Мы выходили изъ-за стола. Всѣ, кто присутствовалъ у меня, были крайне рады. Я отправилась къ Идали, чтобы поздравить ее. Ея маленькая комната была полна народу. Я бросилась къ ней на шею. Г-жа де-Бранкасъ нѣжно обняла меня и бросила потомъ меня въ объятія ея старой свекрови и ея мужа. Потомъ всѣ закричали:

— Поцѣлуйте этого достойнаго человѣка.

И толкали меня къ человѣку въ очкахъ.

— Это адвокатъ, который такъ хорошо защищалъ наше дѣло.

Я была такъ оглушена всѣми этими изліяніями, что у меня голова пошла кругомъ и я стала смѣяться, какъ ребенокъ.

---

[1]) Они были освобождены только въ 1814 году во время паденія Бонапарта и реставраціи Бурбоновъ. (*Примѣчаніе автора*). См. предыдущее примѣчаніе.

VI.

Я съ сожалѣніемъ видѣла, что моментъ моего отъѣзда приближается. Я не могла хладнокровно порвать дружескія связи, закрѣпленныя дѣйствительнымъ и нѣжнымъ чувствомъ. Я пользовалась оставшимся у меня временемъ для поѣздокъ по окрестностямъ Парижа. Ихъ разнообразіе было для меня постоянно новымъ. Я отправилась съ г-жей де-Тарантъ, г-жей де-Беарнъ и принцессой де-Тальмонъ въ Пре Сенъ-Жерве. Этотъ лугъ занимаетъ довольно обширное пространство земли, покрытое исключительно сиренью. Зрѣніе и обоняніе пріятно поражены. Сладкій запахъ сирени пріятенъ и напоминаетъ свѣжесть юности.

Мы отправились потомъ въ лѣсъ Ромэнвилье, принадлежащій г-жѣ де-Монтессонъ. Мы сѣли на скамью напротивъ группы крестьянокъ. Упрямая старуха бранила молодую дѣвушку, печальный и смущенный видъ которой забавлялъ мальчика, сидѣвшаго рядомъ, съ хитрымъ выраженіемъ лица. Другой ребенокъ, стоя на колѣняхъ на столѣ, ѣлъ фрукты изъ корзинки. Все это вмѣстѣ составляло деревенскую картину, которую я и зарисовала въ памятную книгу.

Четыре штриха съ натуры болѣе цѣнны и производятъ большее впечатлѣніе, чѣмъ заботливо сдѣланный рисунокъ, извлеченный изъ воображенія. Совершенно справедливо говорятъ: «Только правдивое прекрасно и пріятно». Св. Тереза говорила, что «воображеніе, это—безумная въ семьѣ нашихъ чувствъ». Это совершенно вѣрно, если предоставить ему свободу блуждать безъ узды, но если имъ руководитъ истина, оно становится полезнымъ и безъ утомленія переноситъ насъ въ прошлое и грядущее. Оно помогаетъ мысли, прикрашиваетъ ее и придаетъ выразительность картинамъ. Богъ далъ намъ всѣ возможности дѣйствовать морально и физически; надо только внести порядокъ въ эти драгоцѣнные дары и, собирая механизмъ нашихъ дѣйствій, точно и вѣрно расположить все, что его составляетъ.

Участіе, которое я принимала въ Идали, глубоко растрогало ее и она старалась дать мнѣ всѣ доказательства ея чувствительности.

Моментъ моего отъѣзда приближался. Мои хорошіе друзья насколько возможно не разставались со мной. Марковъ уѣхалъ. У меня оставалось до отъѣзда двѣ или три недѣли. Когда я однажды утромъ гуляла съ Полиною де-Беарнъ, она сказала мнѣ:

— Дорогой другъ, съ тѣхъ поръ, какъ я увѣрена въ вашемъ отъѣздѣ, мое сердце страдаетъ невыразимо и безконечная разлука съ вами наполняетъ меня безпокойствомъ, которое я не могу подавить. Мнѣ кажется, что вы пріѣхали, чтобы по крайней мѣрѣ приблизить насъ къ счастью и что съ вашимъ отъѣздомъ несчастья одолѣютъ насъ.

Увы! Это предчувствіе оказалось слишкомъ правдивымъ. У нея было тяжелое горе, подробности котораго слишкомъ долго разсказывать и которое продолжалось всю ея жизнь. *Прелесть, добродѣтели и несчастье,*—вотъ ея девизъ.

Жертвы были отведены на эшафотъ на Гревской площади. Жоржъ, Костеръ-Сентъ-Викторъ, Пико и семнадцать другихъ умерли съ возгласомъ: «Да здравствуетъ король!» Стража окружала эшафотъ, чтобы помѣшать народу слышать ихъ и дѣйствовать.

Моро, боясь смерти, написалъ Наполеону письмо въ тонѣ извиненія. Это проявленіе слабости будетъ неизгладимымъ пятномъ въ исторіи его жизни. Они пришли къ соглашенію и результатомъ его было удаленіе Моро въ Америку. Бонапартъ для своего спокойствія чувствовалъ необходимость, чтобы единственный человѣкъ, который могъ замѣстить его въ Парижѣ, былъ удаленъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

1804—1805.

I. Отъѣздъ.—Обратная дорога. Мецъ, Гейдельбергъ, Франкфуртъ, Марбургъ и Дрезденъ.—Саксонская Швейцарія.—Болѣзнь княгини Голицыной, матери автора *Мемуаровъ*. III. Ея смерть. IV. Поѣздка въ Богемію. — Теплицъ.—Прага.—Католическіе монастыри.—Кармелиты.—Берега Эльбы. V. Митава.—Герцогиня Ангулемская.—Людовикъ XVIII и его дворъ. — Аббатъ Эджвортсъ.—Графиня де-Провансъ.

I.

Я уѣхала изъ Парижа 26 іюня, на слѣдующій день послѣ казни жертвъ, въ четыре часа пополудни. Мои подруги пріѣхали проститься со мной. Мое сердце было переполнено страданіемъ отъ разлуки съ тѣми, которыя такъ сильно меня любили, и отъ печали, которую испытывала г-жа де-Тарантъ, разставаясь со своей матерью.

Здоровье моей матери начинало измѣняться. На слѣдующій день послѣ отъѣзда съ ней случился ея обычный припадокъ нервнаго паралича. Мое безпокойство достигло апогея. Было ужасно видѣть ее въ такомъ положеніи въ гостиницѣ, гдѣ не было никакой возможности доставить ей покой. Наконецъ, Богъ сжалился надо мной: она почувствовала себя лучше и мы перенесли ее въ карету. Движеніе и воздухъ окончательно поправили ее.

Мы пріѣхали въ Метцъ и заночевали тамъ, чтобы отдохнуть. На слѣдующее утро я осматривала городъ съ г-жей де-Тарантъ и моими дѣтьми. Мы вошли въ очень красивую церковь и я сѣла у подножія одной изъ колоннъ, чтобы зарисовать ея внутренній видъ. Едва я начала рисовать, какъ бѣдная женщина, вся въ лохмотьяхъ, подошла къ алтарю въ нижнемъ придѣлѣ церкви и стала горячо молиться, проливая потоки слезъ. Мы смотрѣли на нее съ теплымъ состраданіемъ и съ уваженіемъ къ ея трогательной молитвѣ. Когда она кончила, мои дѣти побѣжали къ ней дать ей милостыню. Она вскрикнула и упала на колѣни, чтобы горячо возблагодарить Бога. Вѣра, горячій порывъ, довѣріе этой женщины и ея благодарность къ Божественному милосердію, пришедшему ей на помощь, подтверждаютъ истину, которая постоянно должна бы занимать наши мысли: *Вѣрьте, молитесь и вы получите просимое.*

Проѣзжая черезъ Эльзасъ, я съ удовольствіемъ опять увидѣла красивую цѣпь Савернскихъ горъ. Въ Гейдельбергѣ я отправилась посмотрѣть готическій замокъ. Я поднялась вмѣстѣ съ г-жей де-Тарантъ и моимъ мужемъ по извилистой тропинкѣ, ведущей къ нему. Я съ интересомъ осмотрѣла большой дворъ, окруженный аркадами, стѣны которыхъ покрыты только щитами. Эти украшенія рыцарски благородны.

Въ Раштадтѣ мы пошли на кладбище, гдѣ погребены убитые французскіе комиссары [1]). Недалеко оттуда находится аллея, ведущая въ Карлсруэ. Я шла по ней нѣсколько времени; моя мысль тяжело внимала чувствамъ, наполнявшимъ мое сердце. Бываютъ въ жизни минуты, когда хотѣлось бы не имѣть ни воспоминаній, ни любви. Хотѣлось бы стать нѣмой, какъ могила, чтобы возродиться потомъ.

Мы остались на два дня во Франкфуртѣ. Я встрѣтила тамъ г-жу

[1]) Робержо, Жанъ де-Бри и Х... (Бонье) въ 1798 г., въ тотъ моментъ, когда они уѣзжали съ Раштадтскаго конгресса. Это преступленіе было совершено убійцами въ гусарскихъ костюмахъ, но никто не сомнѣвался, что это были посланные французской Директоріи. (*Примѣчаніе автора*). 28 апрѣля 1799 года, Сабре вмѣстѣ со своими товарищемъ де-Бри удалось избѣжать смерти. Послѣднее слово объ этомъ убійствѣ, вызывавшемъ горячія противорѣчія, кажется сказано Hüffer'омъ въ *Der Raetatter Gesandtemord*, Боннъ 1896 г., и непричастность Директоріи, кажется, совершенно доказана.

Тутолмину, которую была очень рада видѣть. Я осматривала городъ, хотя частью онъ былъ мнѣ уже извѣстенъ. Меня поразила печальная музыка, исполнявшаяся студентами передъ какимъ-то домомъ. Музыка сопровождалась похороннымъ звономъ на приходской колокольнѣ. Я съ любопытствомъ спросила, что это означало, и узнала, что это былъ особый странный обычай сопровождать агонію умирающаго.

Въ Марбургѣ, въ соборѣ находится мавзолей, воздвигнутый въ честь Елизаветы, принцессы Венгерской, бывшей замужемъ за ландграфомъ Людовикомъ Тюрингскимъ. Въ церкви много различныхъ барельефовъ, представляющихъ сцены изъ жизни этой принцессы. Мавзолей, въ видѣ саркофага, замѣчателенъ своею работою и украшающими его драгоцѣнностями. Въ особенности обращаетъ вниманіе рѣдкой величины брилліантъ желтой воды. Ночью онъ свѣтится, какъ свѣчка. Тѣло этой принцессы погребено въ этой церкви, но неизвѣстно, въ какомъ мѣстѣ. Эта тайна существуетъ по желанію ландграфа [1]). Онъ довѣрилъ ее духовенству, унесшему съ собою ее въ могилу. Этотъ памятникъ воздвигнутъ въ 1235 году.

Я осматривала Кассельскій музей. Тамъ есть довольно рѣдкіе камни, плохія статуи и много картинъ фламандской школы, великолѣпно исполненныхъ. Тамъ есть произведенія Рембрандта, Берггема и Поля Потера—того же самаго, который находится теперь въ галлереѣ Эрмитажа послѣ пріобрѣтенія Императоромъ Александромъ собранія картинъ Мальмезона,—онъ особенно привлекъ мое вниманіе. Мы видѣли потомъ фигуры изъ воска всѣхъ курфюрстовъ. Они сдѣланы въ натуральную величину и въ парадномъ костюмѣ. Потомъ намъ показали католическую капеллу выдающейся архитектуры. Она построена ландграфомъ Карломъ.

Въ Готѣ покойный герцогъ, согласно выраженной имъ волѣ, погребенъ въ саду безъ гроба въ рубашкѣ. Его могила окружена газо-

[1]) Св. Елизавета Тюрингская пережила на нѣсколько лѣтъ своего супруга, умершаго въ 1227 или 1228 году въ Палестинѣ. Она умерла 19-го ноября 1231 г. и была канонизована папою Григоріемъ IX 27-го мая 1235 г. Неизвѣстно мѣсто ея погребенія, потому что ея останки многократно, по разнымъ причинамъ, переносились и послѣдній разъ послѣ реформаціи. Памятникъ считаютъ поставленнымъ позднѣе эпохи ея канонизаціи.
(*Примѣчаніе автора*)

номъ и онъ лежитъ подъ обручами, чтобы помѣшать землѣ прикасаться къ нему. Его гробъ находится въ церкви недалеко отъ могилы. Странность сердца, крайнее безуміе оригинальности, тщеславіе, порицающее истину, создаютъ представленіе о фокусникѣ, которому не удался трюкъ его ложной магіи: предметъ, который онъ хотѣлъ скрыть, открывается глазамъ публики. Мнѣ досадно за герцога: несмотря на это онъ все-таки умеръ и съѣденъ червями; вѣчность все-таки существуетъ для него; его небрежный костюмъ не помѣшаетъ ему войти въ вѣчную жизнь. Я съ удовольствіемъ купила альманахъ въ мѣстѣ его зарожденія.

Веймарскій садъ прелестенъ. Великой Княгини Маріи не было въ Веймарѣ въ то время, когда я проѣзжала черезъ этотъ городъ [1]).

Каѳедральный соборъ въ Наумбургѣ, изъ католическаго превращенный въ лютеранскій, принадлежитъ къ самымъ красивымъ зданіямъ. Эта перемѣна доказываетъ, что первая религія древнѣе второй.

Я съ удовольствіемъ опять увидѣла красивыя мѣста Лейпцига. Съ самымъ нѣжнымъ чувствомъ смотрѣла на террасу съ цвѣтами, о которой упоминала выше.

Въ Мейсенѣ я поднималась на башню, откуда виденъ Дрезденъ. Я пріѣхала въ этотъ городъ съ сжатымъ сердцемъ отъ воспоминанія о г-жѣ де-Шенбургъ. Я въ первый разъ должна была увидать ея мать княгиню Путятину. Столько волненія и безпокойства за здоровье моей матери отразились очень плохо на мнѣ. Къ несчастью я попала въ руки медика, который завалилъ меня лѣкарствами.

Я старалась владѣть собою насколько возможно, чтобы скрыть мою тревогу отъ матери. Я смотрѣла всѣ мѣста, которыя мнѣ г-жа де-Шенбургъ столько разъ описывала въ письмахъ. Я часто видѣлась съ княгиней Путятиной, интересъ которой ко мнѣ, казалось, смѣшивался съ ея сожалѣніемъ о дочери.

Однажды она попросила меня придти одну послѣ обѣда. Я отправилась на ея приглашеніе. Она провела меня въ свою спальню, гдѣ находился очень похожій портретъ во весь ростъ г-жи Шенбургъ,

[1]) Она еще не пріѣзжала туда тогда, потому что, какъ разъ въ это время, въ іюлѣ 1804 года, былъ совершенъ ея бракъ въ С.-Петербургѣ.
(*Примѣчаніе автора*).

Видъ его очень взволновалъ меня. Княгиня просила меня подождать минуту и сказала, что она кое-что мнѣ сейчасъ принесетъ. Я осталась передъ портретомъ, смотря на него съ тяжелымъ и сладкимъ чувствомъ.

Вдругъ княгиня возвратилась и закрыла мнѣ лицо платьемъ, которое было на ея дочери въ день нашей разлуки. Мнѣ казалось, что я вижу и чувствую ее. Воротникъ платья еще сохранилъ запахъ ея шиньона, надушеннаго туберозой. Этотъ запахъ, образъ ея фигуры, такъ хорошо намѣчаемой платьемъ, произвели на меня сильное впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что я вижу г-жу Шенбургъ и слышу ея раздирающія сердце рыданія, когда она прощалась со мной навсегда. Все содрогнулось во мнѣ; я молчала; все, что было передо мною и во мнѣ, исчезло для меня.

Пробужденіе было ужаснымъ. Я нашла только мысль о смерти и о могилѣ вѣчной дружбы. Я слишкомъ страдала и была слишкомъ огорчена, чтобы подумать о представленіи ко двору курфюрста. Я осматривала эту такъ прославленную галлерею, гдѣ я нашла нѣсколько шедевровъ, испорченныхъ вслѣдствіе отсутствія присмотра. *Успеніе св. Дѣвы* Рафаэля выше всякой похвалы. *Ночь* Корреджіо мнѣ не понравилась; я была оскорблена этимъ сплетеніемъ ногъ и рукъ ангеловъ. Чрезмѣрныя похвалы всегда наносятъ ущербъ достоинству; преувеличенія экзальтируютъ и располагаютъ къ восхищенію, прежде чѣмъ увидишь хвалимый предметъ. Тогда чувствомъ сравненія и критики, вполнѣ естественнымъ, разрушается волшебство идеала. Ложныя репутаціи и ложныя представленія исчезаютъ, какъ мчащіяся облака, гдѣ видишь всякаго рода фигуры.

II.

Медикъ прописалъ мнѣ больше движенія. Мужъ предложилъ мнѣ проѣхаться въ Саксонскую Швейцарію. Я поѣхала съ нимъ, съ г-жей де-Тарантъ и нѣкоторыми другими лицами. Мы начали съ *Liebe-Thal*, прелестное мѣсто, гдѣ мы ѣли сливки на превосходной мельницѣ, въ ве-

селой мѣстности съ разнообразными видами. Когда мы отправились далѣе, передъ нашими глазами предстала самая дикая и строгая природа. Огромныя скалы, узкія долины, сжатыя между высокими горами, покрытыми лѣсомъ; остроги, громоздившіеся перекрещиваясь; крутыя, каменистыя тропинки, проложенныя по необходимости, источники, низвергавшіеся въ глубокія долины, все это представляло суровый пейзажъ, отъ котораго я была въ восхищеніи.

Погода была чудесной и спокойной; мы ходили въ теченіе семи часовъ съ проводникомъ впереди. Мы вскарабкались на колѣняхъ на двѣ утесистыхъ горы (большой и малый Виртембергъ); мы цѣплялись за корни и вѣтви, чтобы не упасть; моя одышка почти совершенно лишала меня силъ. Г-жа де-Тарантъ протащила меня до вершины одной изъ горъ, гдѣ находится нѣчто въ родѣ павильона. Мы остановились тамъ, чтобы отдохнуть и полюбоваться видомъ, простиравшимся вдоль Эльбы. Потомъ мы спустились съ горы черезъ густой и дикій лѣсъ по тропинкѣ, покрытой камнями и терніями. Въ дорогѣ насъ застала ночь. Въ природѣ было все тихо. Сквозь верхушки старыхъ деревъ виднѣлись серебряныя лучи луны, бросавшіе смутный свѣтъ. Удары топоромъ дровосѣка повторялись эхомъ. Я испытывала необычайное наслажденіе, которое можетъ быть вызвано только красотами природы. Это дѣйствительное здоровье, которое никогда не истощится; оно существовало во всѣ вѣка и во всѣ времена.

Опираясь на руку г-жи де-Тарантъ, я отдавалась всѣмъ воспринимаемымъ мною впечатлѣніямъ, пока мы не дошли до конца лѣса. Мы увидали у нашихъ ногъ кровли селенія, расположеннаго на берегу Эльбы. Этотъ новый пейзажъ былъ облитъ свѣтомъ, еще болѣе яркимъ оттого, что онъ былъ оттѣненъ съ двухъ сторонъ темнымъ лѣсомъ. Мы казались висѣвшими въ воздухѣ, тогда какъ прошли почти три четверти спуска. Совершенно внизу мы нашли лодку, которая перевезла насъ въ Пирну, гдѣ провели ночь, прежде чѣмъ возвратиться въ Дрезденъ.

Долина Тарандтъ очень живописна. Развалины замка представляютъ хорошій наблюдательный пунктъ, возвышаясь надъ частью горъ и надъ долинами, усѣянными деревнями.

Наши поѣздки иногда прерывались изъ изъ-за тревоги, испытываемой мной. Блѣдность лица моей матери наполняла меня холодомъ

и, хотя по временамъ я надѣялась привезти ее на родину, я мало успокаивалась и еще болѣе страдала потомъ.

Я съ удовольствіемъ увидѣлась съ принцессой Луизой Прусской; она часто заѣзжала ко мнѣ и обѣдала у меня съ своимъ братомъ принцемъ Луи, который погибъ нѣсколько лѣтъ спустя на войнѣ съ Франціей. Онъ почти всегда былъ жертвою обстоятельствъ и, если совершилъ нѣкоторые проступки, то только потому, что былъ не на своемъ мѣстѣ. У этого принца была возвышенная душа, но будучи стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ сбился съ дороги и живость характера увлекла его. Горячность и желаніе отличиться были причиною его смерти.

III.

Я приближаюсь къ печальной эпохѣ моей жизни, къ ужасному моменту, когда я потеряла мать.

Мнѣ болѣе нездоровилось, чѣмъ обыкновенно. Довольно сильная лихорадка не позволяла мнѣ выходить изъ комнаты. Мать провела почти весь день около меня. Она была удивительно блѣдна и по временамъ впадала въ глубокую задумчивость. Я не могла оторвать своихъ мыслей отъ нея и мое сердце содрогалось. Она оставила меня только, чтобы пойти пообѣдать, и вернулась вечеромъ. Когда пробило половина одиннадцатаго, она встала, чтобы проститься со мною, какъ всегда нѣжно поцѣловала меня, благословила и удалилась. Въ одиннадцать часовъ я послала горничную, обыкновенно укладывавшую ее спать и услуги которой нравились ей. Я съ нетерпѣніемъ ждала горничную, чтобы узнать, успокоилась ли мать. Дѣти всѣ спали; г-жа де-Тарантъ молилась передъ сномъ въ сосѣдней комнатѣ. Я совсѣмъ уже легла.

Вдругъ прибѣгаетъ горничная съ разстроеннымъ видомъ и говоритъ мнѣ измѣнившимся голосомъ:

— Барыня, ваша мать проситъ васъ придти къ ней какъ можно скорѣе.

При этихъ словахъ я задрожала. Я подумала: «Мать умираетъ и зоветъ меня». Я соскочила съ кровати, накинула на себя ватный шлафрокъ и побѣжала къ ней. Какая картина представилась тогда моимъ глазамъ. Мать со всѣми ужасными признаками паралича сидѣла на постели. У нея были голыя ноги, сѣдая голова была открыта и глаза измѣнились. Хотя и умирающая она протянула ко мнѣ руки; я обняла ее и голова упала ко мнѣ на грудь; она благословила меня очень трогательно, нѣжно и торжественно. Богъ далъ ей на это силы несмотря на апоплексическій ударъ.

Я не берусь передать, что происходило во мнѣ. Я чувствовала, что силы меня покидаютъ и мы падали, обнимая другъ друга, когда меня вырвали изъ ея объятій. Мужъ отвелъ меня въ мою комнату. Я упала на колѣни передъ крестомъ и долго молилалась вслухъ. Г-жа де-Тарантъ говорила мнѣ потомъ, какъ она была тронута словами молитвы, естественно проистекавшими у меня изъ души. Мой мужъ былъ такъ растроганъ, что сталъ на колѣни рядомъ со мной.

О, смерть! Сколько чувствъ возбуждаешь ты въ насъ, какія истины открываешь ты намъ! Ты конецъ и начало, ты разрушаешь для того, чтобы возродить. Каждая капля крови во мнѣ была проникнута ея ледянымъ дыханіемъ.

Мать умерла черезъ полчаса послѣ того, какъ я ушла отъ нея. Немного раньше она потеряла способность говорить, но у нея осталось еще силы взять руку моего мужа и поднести къ своимъ холодѣющимъ губамъ. Онъ принялъ ея послѣдній вздохъ. Это право принадлежало ему, какъ самому вѣрному другу, любящему сыну и опорѣ ея старости.

Мать часто выражала желаніе, чтобы ее похоронили въ одномъ изъ ея имѣній Калужской губерніи, гдѣ она родилась. То же самое желаніе было выражено въ найденной послѣ ея смерти запискѣ, написанной ея рукой и адресованной моему мужу. Мужъ обратился съ просьбой къ Императору о разрѣшеніи исполнить послѣднюю волю моей матери. Государь очень милостиво согласился и приказалъ, чтобы заупокойныя службы были совершены во всѣхъ церквахъ, мимо которыхъ будетъ проходить тѣло покойной.

Устройство всего этого заняло много времени. Пока же гробъ съ тѣломъ покойной поставили въ часовню, предназначенную для

этого, около католической церкви и кладбища иностранцевъ. Позаботились, чтобы я не знала, когда эти дорогіе для меня останки будутъ увезены.

Мужъ былъ въ этомъ случаѣ для меня, какъ и во многихъ другихъ, ангеломъ-хранителемъ. Онъ взялъ на себя всѣ расходы, хотя они должны были лечь на моего брата, получавшаго послѣ матери наслѣдство и жившаго недалеко въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Но мужъ считалъ для себя дѣйствительнымъ удовольствіемъ позаботиться о моей матери послѣ ея смерти, какъ онъ заботился объ ней при ея жизни.

Г-жа де-Тарантъ не покидала меня ни днемъ, ни ночью; ея нѣжная заботливость обо мнѣ была торжествомъ дружбы. Печаль лишила меня сна. Каждый вечеръ въ одиннадцать часовъ я испытывала волненіе и страданія, которыя могутъ быть поняты только сыновней любовью. Это продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Г-жа де-Тарантъ садилась съ книгой около моей кровати и уходила отъ меня только въ четыре часа утра, когда я, совершенно истощенная, впадала въ отупѣніе. Она рано вставала, чтобы отправиться молиться за мою мать; такая чувствительная и настоящая заботливость смягчала горечь моего сердца.

Въ это время случилось одно событіе, котораго я никогда не забуду. Я сидѣла одна утромъ у себя на диванѣ, погруженная въ печальную задумчивость. Мужъ вошелъ въ комнату и сѣлъ рядомъ со мной. Мы нѣкоторое время молчали; его глаза наполнились слезами и онъ рыдая бросился ко мнѣ, говоря: «Мы оба осиротѣли, будемъ же утѣшать другъ друга».

Зима печально прошла для меня; настоящая законная скорбь никогда не истощается. Религія смягчаетъ ея остроту, но не уничтожаетъ ея совершенно и она прекращается только со смертью. Съ соизволенія Божьяго время только укрѣпляетъ насъ, чтобы могли переносить ее въ теченіе дальнѣйшей жизни.

IV.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ г-жа де-Тарантъ отправилась на нѣсколько недѣль въ Вѣну и мы условились выѣхать ей навстрѣчу въ Прагу. Я спускалась съ прекрасной горы Гейерсбергъ пѣшкомъ или въ креслѣ, которое несли крестьяне. Эти носильщики живутъ на вершинѣ и привыкли совершать это путешествіе, требующее много силы. По временамъ они отдыхали; я пользовалась этимъ временемъ, чтобы собирать ползучія растенія, которыя произрастали въ тѣни прекрасныхъ деревъ. Я думала объ дѣйствіи времени, при помощи котораго нѣжнымъ растеніямъ удается укорениться въ самой твердой скалѣ. Я видѣла также борозды, промытыя дождемъ въ скалахъ, и мнѣ приходила въ голову масса сравненій между міромъ физическимъ и духовнымъ. Образы и цвѣта привлекали мой взоръ, побуждая меня взяться за палитру. Но гдѣ я возьму кисть, чтобы передать природу! Самое удачное подражаніе все-таки только мечта, которая поражаетъ насъ вначалѣ, но потомъ, когда вглядишься, иллюзія пропадаетъ.

Я провела два дня въ Теплицѣ. Я отправилась гулять вечеромъ съ дѣтьми. Подходя къ одному изъ питейныхъ домовъ, я услыхала звуки прелестной музыки, раздавшейся по долинѣ. Я остановилась, чтобы послушать. Играли совершенно незнакомые мнѣ вальсы, но они пробудили во мнѣ воспоминанія. Таково дѣйствіе музыки; всегда она гармонируетъ съ чувствительностью, подобно туго натянутой струнѣ, звучащей при малѣйшей вибраціи. Въ природѣ все звукъ; достаточно ударить, чтобы убѣдиться въ этомъ; но ничто не сравнимо съ голосомъ: онъ вводитъ слова къ намъ въ сердце и, если въ отсутствіи дорогого лица голосъ напомнитъ его, все исчезаетъ передъ глазами и мы переносимся на крыльяхъ мысли къ нему, заставляющему все исчезать, оставляя намъ только счастье чувствовать его.

На слѣдующій день послѣ нашего пріѣзда въ Прагу къ намъ присоединилась г-жа де-Тарантъ. Прага живописный городъ съ отпечаткомъ старины. Я люблю старинные города, они внушаютъ уваженіе. Время, въ которое мы находились въ Прагѣ, было самымъ инте-

реснымъ въ году. Праздновали день св. Іоанна Непомуцена, покровителя города, гдѣ онъ родился и претерпѣлъ мученичество. Праздникъ продолжался недѣлю. Много народа съѣзжается изъ окрестностей; въ каѳедральномъ соборѣ, гдѣ находится массивная серебряная рака съ тѣломъ святого, была пышная служба. Мы слушали мессу съ хоръ; говорили проповѣдь на чешскомъ языкѣ, очень похожемъ на русскій. Мнѣ было невыразимо пріятно, что я поняла всю проповѣдь. Мы осмотрѣли весь городъ. На красивомъ мосту черезъ Молдаву была поставлена закрытая часовня, посвященная св. Іоанну, и передъ ней постоянно стоялъ на колѣняхъ народъ. Прохожіе съ уваженіемъ снимали шляпы. Въ общемъ чехи набожны и добродушны.

Мы провели въ Прагѣ два дня, въ теченіе которыхъ осмотрѣли много монастырей. Въ первый разъ въ жизни была я въ католическомъ монастырѣ. Тѣ, которые я видѣла въ Парижѣ, были уничтожены. Тамъ были только собранія. Г-жа де-Турцель показала мнѣ одно изъ нихъ, собраніе монахинь-кармелитокъ. Онѣ жили въ зданіи бывшаго монастыря кармелитовъ. Большое число монаховъ было убито тамъ 2 и 3 сентября 1792 года. Коридоры окрашены кровью. Послѣ эпохи Террора г-жа Жокуръ, бывшая воспитанница кармелитскаго монастыря, купила это зданіе и созвала сестеръ, поспѣшившихъ отправиться туда. Но правительство косо смотрѣло на нихъ и онѣ не имѣли права носить монашескаго платья. Онѣ выбрали для себя однообразный костюмъ цвѣта... [1]) съ головными уборами и косынками изъ бѣлаго полотна. Я была за вечерней въ этой общинѣ и, такъ какъ я была очень нездорова, то были такъ внимательны, попросили помолиться за меня почтеннаго старика, духовника монахинь.

Но я возвращаюсь къ Прагѣ. Секретарь мѣстнаго архіепископа взялся быть нашимъ чичероне. Проходя по улицѣ вмѣстѣ съ нимъ, мы встрѣтили его знакомаго стараго кармелита; послѣдній былъ саксонскимъ офицеромъ лютераниномъ и сталъ католическимъ монахомъ. Онъ былъ духовникомъ въ монастырѣ кармелитовъ. Нашъ спутникъ попросилъ его провести насъ въ церковь этого монастыря и показать намъ сквозь рѣшетчатое окно одну изъ монахинь кармелитокъ, умершую сто тридцать лѣтъ тому назадъ. Онъ согласился. Когда мы были

[1]) Неразборчивое слово.

въ церкви онъ подошелъ къ окну, сдѣланному на высотѣ груди и сказалъ шопотомъ нѣсколько словъ. Сію же минуту изнутри отдернулась зеленая занавѣска и мы увидали въ маленькой квадратной комнатѣ мертвую монахиню, сидѣвшую въ креслѣ. На ея лицѣ не было никакихъ слѣдовъ разложенія, кромѣ нѣсколькихъ пятенъ. Глаза были спокойно закрыты, носъ и ротъ великолѣпно сохранились. Руки были худыя, но не похожи на руки трупа. Монахини поочереди дежурятъ около нея.

Монахиня, отдернувшая занавѣску, держала ее еще. Мнѣ видѣнъ былъ ея профиль, она была закрыта чернымъ крепомъ, спускавшимся до колѣнъ. Она взяла руки покойницы и подняла ихъ безъ усилія; они сохранили всю свою гибкость. Потомъ монахиня встала опять на свое мѣсто и я сказала бывшей со мной дочери:

— Та, которая держитъ занавѣску, такъ же умерла для міра, какъ и другая.

Едва я сказала эти слова, какъ я услыхала шуршаніе платья. Монахиня, обреченная на молчаніе, исчезла какъ тѣнь. Этотъ орденъ одинъ изъ самыхъ строгихъ. Онѣ говорятъ только разъ въ день и не должны слышать постороннихъ голосовъ.

Покидая Прагу, мы отправились водою по Эльбѣ до Раудница, а оттуда въ Дрезденъ. Это была одна изъ самыхъ красивыхъ поѣздокъ, совершенныхъ мною. У насъ было три судна: одно для экипажей, другое—кухня и третье для насъ, съ прелестными каютами. Берега Эльбы восхитительны. Тамъ попадаются виды, любуясь которыми, сожалѣешь объ томъ, что скоро удаляешься отъ нихъ. У меня была маленькая комната вмѣстѣ съ г-жей де-Тарантъ. Мы вмѣстѣ наслаждались очарованіемъ красивой природы и новаго образа жизни. Въ часъ обѣда судно съ кухней приближалось къ намъ.

Я испытала тяжелое чувство, пріѣхавъ въ Дрезденъ, вновь поднимавшій во мнѣ такое жестокое воспоминаніе, и по той же причинѣ я чувствовала сожалѣніе, когда черезъ мѣсяцъ пришлось разстаться навсегда съ этимъ городомъ. Я возвращалась на родину безъ всякаго удовольствія: я не привезу туда мать. Мое сердце было полно печали.

V.

Доѣхавъ до Митавы по той же дорогѣ, по которой мы уже ѣхали туда, мы остановились тамъ въ довольно плохой гостиницѣ, но другой не было. Мы застали тамъ лѣкаря герцогини Ангулемской, дожидавшагося г-жу де-Тарантъ, чтобы сказать ей отъ имени Ея Королевскаго Высочества, что она должна сейчасъ же отправиться къ ней. Онъ сказалъ намъ, что герцогиня сейчасъ на прогулкѣ и что мы увидимъ скоро, какъ она поѣдетъ обратно.

Г-жа де-Тарантъ сѣла со мной рядомъ на подъѣздѣ, чтобы подождать ее. Мы видѣли, какъ она искала взглядомъ по окнамъ г-жу де-Тарантъ и какъ она откинула назадъ свой черный вуаль, увидя насъ (она была въ траурѣ по графинѣ д'Артуа). Въ поклонѣ, которымъ она отвѣтила г-жѣ де-Тарантъ, было что-то особенное. Ея лицо приняло самое нѣжное выраженіе. У г-жи де-Тарантъ подгибались колѣни; она опиралась на мою руку, возвращаясь къ себѣ въ комнату, и, придя туда, упала на постель; казалось, что ее душили рыданія.

Вскорѣ за этимъ герцогиня послала за ней и вотъ что она разсказала мнѣ по своемъ возвращеніи. Какъ только она пріѣхала во дворецъ, ее провели въ кабинетъ герцогини. Дверь открылась и г-жа де-Тарантъ увидѣла герцогиню, которая стояла посреди комнаты и протягивалъ ей руки. Г-жа де-Тарантъ упала на колѣни прежде чѣмъ герцогиня успѣла ей помѣшать. Обѣ плакали, не имѣя силъ говорить. Но что значатъ слова для выраженія того, что испытываешь въ подобные моменты. Въ душѣ встаютъ воспоминанія, соединяя прошлое съ настоящимъ.

Между ними произошло объясненіе, сильно растрогавшее г-жу де-Тарантъ. Дѣло было въ томъ, что г-жа де-Тарантъ написала герцогинѣ письмо, когда ея королевское высочество была въ Вѣнѣ, и получила холодный отвѣтъ. Герцогиня сказала ей, что она была вынуждена отвѣчать въ такомъ тонѣ, что она не могла тогда распоряжаться своими поступками и что, если г-жа де-Тарантъ была огорчена этимъ письмомъ, то и ее это также огорчало.

Король, королева и герцогиня Ангулемская очень тепло приняли г-жу де-Тарантъ. Ихъ Величества пожелали, чтобы я обѣдала у нихъ на слѣдующій день вмѣстѣ съ моимъ мужемъ. Вечеромъ у насъ были съ визитомъ лица свиты короля и принцессъ: герцогъ д'Аврэ, почтенный старикъ, братъ г-жи де-Турцель; аббатъ Эджвортсъ, одного имени котораго достаточно, чтобы внушить самое глубокое уваженіе. Никогда лицо не отражало такъ красоту души, какъ у аббата. Онъ былъ высокаго роста и имѣлъ благородный видъ; милосердіе и апостольское достоинство отражались во всей его фигурѣ. Я смотрѣла на него и слушала съ умиленіемъ.

Когда всѣ уѣхали я осталась одна съ г-жей де-Тарантъ поговорить обо всемъ, что она испытала. Никогда не чувствуешь лучше цѣну дружбы, какъ въ тѣ минуты, когда съ сердцемъ, полнымъ глубокаго волненія, обращаешься къ человѣку, вполнѣ раздѣляющему его, умиляешься и отдыхаешь.

На слѣдующій день я явилась къ королю во дворецъ, гдѣ дворъ уже собрался. Герцогъ д'Аварей ввелъ меня. Его Величество поспѣшно подошелъ ко мнѣ и милостиво выразилъ мнѣ, какъ онъ былъ тронутъ моей дружбой съ г-жей де-Тарантъ. Король представилъ меня потомъ королевѣ и герцогинѣ Ангулемской, которыя приняли меня очень хорошо. Разговоръ шелъ до обѣда. Король первый направился къ столу, а за нимъ слѣдовала его семья. Онъ сѣлъ между королевой и герцогиней. Послѣдняя съ большимъ достоинствомъ и очень вѣжливо посадила меня рядомъ съ собой. Мы говорили о Франціи и о лицахъ, интересовавшихъ герцогиню. Послѣ обѣда король завладѣлъ мною. Мы много шутили. Онъ замѣчательно любезенъ и говоритъ дѣйствительно, какъ король.

На королевѣ былъ надѣтъ забавный костюмъ безъ всякаго вкуса и у нея непріятное лицо, но она очаровывала своимъ умомъ.

На слѣдующій день я была съ поздравленіемъ у герцогини по случаю дня рожденія герцога. Я взяла туда своихъ дѣтей. Герцогъ Ангулемскій принялъ насъ и попросилъ подождать герцогиню, которая была за туалетомъ. Онъ пріятно разговаривалъ съ нами. Г-жа де-Тарантъ сказала ему съ волненіемъ:

— Какъ я вамъ благодарна, Ваше Высочество, что вы сдѣлали герцогиню такою счастливою!

— Скажите лучше, принцесса,—отвѣтилъ онъ,—что я сдѣлалъ, что заслужилъ такое сокровище.

Потомъ появилась герцогиня; она была очень весела и любезна.

Два дня спустя я уѣхала съ своимъ семействомъ въ Петербургъ. Г-жа де-Тарантъ осталась еще на мѣсяцъ въ Митавѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

1805—1811.

I. Возвращеніе въ С.-Петербургъ.—Появленіе при дворѣ.—Первая встрѣча съ Императрицей Елизаветой.—Перемѣны въ обществѣ и администраціи.—Подражаніе Бонапарту.—Война съ нимъ.—Отъ Аустерлица до Тильзита.—Статсъ-дама французскаго двора на берегахъ Волги.—II. Сельскія радости.—Въ Нижегородской губерніи.—Христіане и магометане.—Макарьевская ярмарка.—III. Рожденіе дочери у Александра I.—Смерть ея.—IV. Послѣдствія Тильзитскаго мира.—Эрфуртъ.—Одиночество Императрицы Елизаветы.—Графиня де-Мервельдтъ.—Вступленіе въ свѣтъ старшей дочери графини Головиной.—Шифръ.—Графъ Ростопчинъ и князь Чарторижскій.—V. Болѣзнь графини Толстой.—Графиня Головина забываетъ прошлое и ухаживаетъ за ней.—Встрѣча съ Императрицей Елизаветой.—Примиреніе.—Императрица проситъ графиню Головину написать свои мемуары.

I.

Возвратясь въ Петербургъ, я съ печальнымъ чувствомъ вошла въ свой домъ, ставшій такимъ обширнымъ для меня послѣ смерти матери. Мое помѣщеніе было совершенно испорчено. Во время нашего отсутствія оно было снято принцемъ Людовикомъ Виртембергскимъ. Моя спальня, въ особенности, носила слѣды неряшливости принца. Императоръ осматривалъ помѣщеніе за нѣсколько дней до нашего

пріѣзда. Онъ былъ пораженъ, хотѣлъ взять на себя расходы по отдѣлкѣ и крайне удивился, когда управляющій не захотѣлъ принять болѣе двухъ тысячъ рублей. Обои въ гостиной были обрызганы мыльной водой. Казалось, что принцу было угодно умываться во всѣхъ комнатахъ.

Наступилъ моментъ моего представленія ко двору, находившемуся тогда въ Таврическомъ дворцѣ. Я была взволнована различными чувствами и воспоминаніями, но старалась, насколько возможно, владѣть собой. Графиня Протасова вошла со мной въ гостиную Императрицы. Черезъ четверть часа появилась Ея Величество. Я была еще въ траурѣ по матери; мой костюмъ гармонировалъ съ настроеніемъ моей души. Императрица подошла ко мнѣ со смущеніемъ. Поцѣловавъ меня, она сказала:

— Вы были очень счастливы во Франціи?

— Да, Ваше Величество, я нашла тамъ утѣшеніе, возможное для огорченнаго сердца

— Я очень сочувствовала вамъ въ вашемъ горѣ, которое вы испытали въ Дрезденѣ.

Я молча поклонилась. Нашъ разговоръ на этомъ и остановился. Толстой, прислонясь къ стѣнѣ, слушалъ насъ и, можетъ быть, надѣялся что-нибудь подмѣтить.

Я не видѣла Государя: женщины ему никогда не представляются. Я сдѣлала нѣсколько визитовъ друзьямъ и постороннимъ. Первые приняли меня хорошо, вторые—видѣли во мнѣ особу, бывшую на плохомъ счету при дворѣ, но поведеніе которой во Франціи внушало уваженіе. Я нашла много перемѣнъ въ обществѣ и въ администраціи. Департаментъ генералъ-прокурора, существовавшій долгое время, былъ раздѣленъ между многими министерствами. Это подражаніе режиму Бонапарта огорчило старинныхъ слугъ, потому что оно неизбѣжно повело за собою новыя злоупотребленія и грабежъ. Въ царствованіе Екатерины II у генералъ-прокурора были помощниками четыре секретаря; теперь у каждаго министра ихъ было много и всѣ эти люди, получая небольшіе оклады, спекулировали на своихъ должностяхъ.

Возвращаясь въ Петербургъ, мы встрѣтили русскія войска, выступавшія противъ Бонапарта. Гордый, воинственный видъ солдатъ и прекрасная выправка внушали довѣріе и надежду. Но время отличиться, какъ это было впослѣдствіи, еще не пришло. Всѣмъ извѣстны событія, случившіяся въ этомъ году и въ слѣдующихъ: битва при Аустерлицѣ: битва при Эйлау и Фридландѣ и Тильзитскій миръ послѣ встрѣчи на Нѣманѣ. Я буду говорить объ этомъ дальше, но пока надо возвратиться къ нашей внутренней жизни.

Г-жа де-Тарантъ пріѣхала къ намъ черезъ мѣсяцъ. Мое счастье было невыразимо и вся семья раздѣляла его. Мы возвратились къ нашему спокойному и однообразному образу жизни; дни тихо слѣдовали одинъ за другимъ; суета этого мира не трогала и не смущала насъ. Въ маѣ мѣсяцѣ мы всѣ поѣхали въ имѣніе моего мужа въ Нижегородской губерніи. Мы остановились на двѣ недѣли въ Москвѣ и я съ дѣйствительнымъ удовольствіемъ, увидалась съ моей belle-soeur княгиней Голицыной. Впрочемъ, Москва была моей родиной и я должна была относиться къ ней съ интересомъ.

Изъ Москвы мы заѣхали на нѣсколько дней въ имѣніе графа Ростопчина. Онъ жилъ тамъ во дворцѣ, прославившемся впослѣдствіи [1]).

Я съ нетерпѣніемъ дожидалась момента, когда я пріѣду въ свое имѣніе въ Калужской губерніи. Я хотѣла увидать мѣсто, гдѣ прошло мое дѣтство и гдѣ погребены останки моей дорогой матери. Подходя къ старому саду, я увидала между деревьевъ церковь и памятникъ изъ бѣлыхъ камней. Онъ помѣщался напротивъ алтаря и былъ окруженъ вишневыми деревьями. Я побѣжала туда съ дѣтьми; мы упали на колѣни и то, что я испытала, невыразимо. Богъ былъ въ моей душѣ и мои чувства всѣ были проникнуты мыслью о матери; представленіе объ этомъ часто встаетъ въ моемъ воспоминаніи. Сыновняя любовь соединяетъ много чувствъ.

Мы проѣхали потомъ черезъ Владимірскую губернію; прелестная и плодородная мѣстность. Оттуда до Нижняго-Новгорода дорога великолѣпна. Я осматривала этотъ городъ съ г-жей де-Тарантъ, жадно стремившейся все узнать, и я думала о странностяхъ судьбы, заставившей статсъ-даму французскаго двора путешествовать по берегамъ Волги. Наконецъ, мы пріѣхали въ имѣніе моего мужа [2]).

[1]) Имѣніе Вороново, сожженное Ростопчинымъ послѣ занятія Москвы французами, чтобы они не могли тамъ остановиться.

[2]) Прекрасное имѣніе Воротынецъ въ Нижегородской губерніи.

II.

Мы ѣхали по дорогѣ, проходившей черезъ хлѣбныя поля; все дышало довольствомъ и отраженіе золотистыхъ сноповъ представляло веселую картину. Крестьяне при нашемъ появленіи выражали трогательную радость. Они были богаты и счастливы. Г-жа де-Тарантъ радовалась за хозяина при видѣ счастья его слугъ. Мы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вели тихую и спокойную жизнь. Г-жа де-Тарантъ проходила полный курсъ земледѣлія, осматривала вмѣстѣ съ мужемъ имѣніе и писала обо всемъ матери. Мы ѣздили на знаменитую Макарьевскую ярмарку, бывавшую каждый годъ въ семи верстахъ отъ одной изъ нашихъ деревень.

Мы ночевали въ деревнѣ, расположенной на берегу Волги, въ мѣстности, покрытой лѣсомъ и очень живописной. Мы остановились въ красивомъ домѣ одного изъ нашихъ крестьянъ, и вечеромъ я видѣла на рѣкѣ много барокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, особенной длины, принадлежали сибирякамъ. Они бросили якорь подъ нашими окнами и я была свидѣтельницей сцены, совершенно новой для меня. На баркахъ находились и христіане, и магометане; ихъ раздѣляла бѣлая занавѣска. На одномъ концѣ каждой барки былъ флагъ, съ изображеніемъ креста, а на другомъ флагъ, съ изображеніемъ полумѣсяца. Христіане молились молча; магометане кричали Алла! и кривлялись.

Мы отплыли на слѣдующій день на нашей лодкѣ; гребцами были двѣнадцать изъ нашихъ крестьянъ. На нихъ были красныя рубашки, что придавало намъ праздничный видъ. Ярмарка расположилась на правомъ берегу Волги въ песчаной равнинѣ. Это мѣсто можно было принять за морской портъ: вся рѣка была покрыта кораблями, украшенными флагами. Впослѣдствіи тамъ многое перемѣнилось, но тогда всѣ лавки помѣщались въ палаткахъ, раздѣленныхъ на много отдѣленій и все было украшено зеленью. Одна изъ палатокъ, болѣе просторная, чѣмъ другія, представляла салонъ, убранный зеркалами. Это были магазины модъ, торговавшіе товарами, забракованными въ большихъ городахъ. Провинціальныя дамы просто жили тамъ, примѣряя платья и шляпы на глазахъ у прохожихъ.

Большое число торговцевъ, пріѣхавшихъ изъ различныхъ губерній, каждый въ мѣстномъ костюмѣ, были разбросаны тамъ и здѣсь; ихъ правильныя черты лица напоминали древнюю Грецію, представляя прекрасную модель для артиста. Особенно много было азіатовъ съ богатыми товарами, выставленными въ изобиліи; шали, драгоцѣнные камни, жемчугъ придавали пышный видъ ихъ страннымъ палаткамъ. Палатки, выстроенныя параллельно, были покрыты сверху цвѣтнымъ холстомъ, такъ, что получались длинные коридоры.

На слѣдующій день послѣ нашего пріѣзда въ Макарьевъ, къ намъ присоединилась г-жа Свѣчина. Она добра и умна, и мы считали ее своимъ другомъ. Она пріѣхала со своимъ мужемъ и его сестрой; она помѣстилась въ томъ же домѣ, гдѣ и мы, и мы прожили тамъ десять дней. Потомъ мы вернулись въ свое имѣніе и г-жа Свѣчина очень пріятно провела тамъ три недѣли. Она совершила небольшое путешествіе въ Казань вмѣстѣ съ г-жей де-Тарантъ, бывшей отъ нея въ восхищеніи. Дорогой онѣ проѣзжали черезъ дубовый лѣсъ, тянувшійся на сорокъ верстъ.

Возвращаясь въ Петербургъ, мы опять сдѣлали остановку въ Москвѣ. Наше путешествіе кончилось въ октябрѣ мѣсяцѣ. Нашъ домъ былъ совершенно исправленъ; несмотря на всю быстроту, съ которой это было сдѣлано, его не могли меблировать раньше нашего возвращенія. Пока же мы помѣстились въ первомъ этажѣ и у меня было общее помѣщеніе съ г-жей де-Тарантъ.

III.

Я приближаюсь къ интересной эпохѣ въ моей жизни. Императрица Елизавета была въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности. Я молилась Богу за ея счастливое разрѣшеніе отъ бремени, не позволяя себѣ желать ничего большаго; но публика ждала съ нетерпѣніемъ родовъ и желала наслѣдника. Второго ноября мы крѣпко спали, когда насъ

разбудилъ пушечный выстрѣлъ. У насъ вырвались радостныя восклицанія и г-жа де-Тарантъ прибѣжала ко мнѣ, чтобы обнять меня и смѣшать свои слезы съ моими.

Несмотря на наше волненіе, мы считали количество выстрѣловъ и думали, что Императрица родила сына, но мы ошиблись. Все-таки я была рада: у нея былъ ребенокъ. Въ первый разъ я пожалѣла, что мой мужъ не былъ при дворѣ и не могъ ничего узнать про нее.

Мы провели съ г-жей де-Тарантъ остальную часть утра въ разговорахъ объ этомъ счастливомъ событіи. Она такъ полно раздѣляла мои чувства, что я вдвойнѣ чувствовала ихъ цѣну.

Дочь [1]) Императрицы стала предметомъ ея страстной любви и постояннымъ занятіемъ. Ея уединенная жизнь стала счастьемъ для нея. Какъ только она вставала, она шла къ своему ребенку и почти не разставалась съ нимъ по цѣлымъ днямъ. Если ей случалось не быть дома вечеромъ, никогда она не забывала, возвращаясь, зайти поцѣловать ребенка. Но счастье продолжалось только восемнадцать мѣсяцевъ. У княжны очень трудно рѣзались зубы. Франкъ, докторъ Его Величества, не умѣлъ лѣчить ее. Онъ сталъ давать ей укрѣпляющія средства, что только увеличивало раздраженіе. Съ ней сдѣлались судороги. Былъ созванъ весь факультетъ, но никакія средства не могли ее спасти.

Несчастная мать не отходила отъ кровати, вздрагивая при малѣйшемъ движеніи. Минута успокоенія возвратила ей надежду. Императорская семья собралась въ той же комнатѣ. Стоя на колѣняхъ передъ кроватью и видя, что ея ребенокъ успокоился, Императрица взяла его на руки. Глубокое молчаніе царило въ комнатѣ. Императрица дотронулась своимъ лицомъ до личика ребенка и почувствовала холодъ смерти.

Она попросила Государя оставить ее одну съ тѣломъ дочери. Государь, зная ея мужество, не поколебался предоставить ее скорби матери. Мнѣ передавали, что, пробывъ долгое время одна у постели умершей дѣвочки, она удалилась къ принцессѣ Амеліи. Послѣдняя вмѣстѣ съ Императрицей ухаживала за ребенкомъ и раздѣляла ея

[1]) Великая Княгиня Елизавета Александровна, родилась 3-го ноября 1806 г., умерла 30-го апрѣля 1808 года.

скорбь; но столько волненій разстроили здоровье Государыни и доктора прописали немедленное кровопусканіе. Она согласилась на все, чтобы не разставаться со своей сестрой.

Утромъ этого печальнаго дня (30 апрѣля 1808 года) было получено извѣстіе о смерти младшей сестры Императрицы, принцессы Брауншвейгской [1]).

Императоръ справедливо разсуждалъ, что лучше было сейчасъ же передать это извѣстіе супругѣ и что это новое несчастье, какъ бы чувствительно оно ни было, немногимъ увеличитъ ея острое горе матери.

Принцесса Амелія [2]) разсказывала мнѣ, что въ первое время она хотѣла проводить ночи около Императрицы, но, замѣтивъ, что Ея Величество сдерживаетъ изъ-за нея рыданія, она рѣшила оставить ее одну.

Ужасно подавлять изліянія скорби, когда отчаяніе и ропотъ не сопровождаютъ ихъ.

Императрица оставила у себя тѣло ребенка въ теченіе четырехъ дней, ухаживая за нимъ какъ всегда. Потомъ его перенесли въ Александро-Невскую лавру и выставили на катафалкѣ. По обычаю всѣ могли входить и цѣловать руку у маленькой княжны. Командоръ де-Мезонневъ, бывшій тогда церемоніймейстеромъ, передавалъ мнѣ, что каждый день бывало отъ девяти до десяти тысячъ народа; что всѣ были огорчены и что большая часть посѣтителей падала ницъ, заливаясь слезами и говоря, что это былъ ангелъ.

Шествіе прошло мимо моихъ оконъ; гробъ везли въ каретѣ, гдѣ находилась статсъ-дама графиня Литта и гофмейстеръ двора Тарсуковъ. Народъ плакалъ, проявляя всѣ признаки печали. Я не могу передать, что происходило во мнѣ и какъ это горе раздирало мнѣ сердце. Г-жа де-Тарантъ была тогда въ Митавѣ и я замѣтно чувствовала отсутствіе ея утѣшенія.

[1]) Вильгельмина.

[2]) Сестра Императрицы. Она жила въ Россіи съ 1801 по 1814 годъ; была въ связи съ Петромъ Львовичемъ Давыдовымъ и совсѣмъ не вышла замужъ.

IV.

Битва при Аустерлицѣ привела Россію къ пріостановкѣ военныхъ дѣйствій. Австрія одна въ январѣ 1806 года заключила позорный Пресбургскій миръ. Россія поддерживала свои предложенія вооруженной силой; Пруссія присоединилась къ намъ и въ октябрѣ несчастная битва при Іенѣ и Ауерштадтѣ, уничтоживъ прусскую монархію, отбросила остатки ея арміи на границу Россіи. Императоръ благородно поддерживалъ своего союзника, но успѣхъ не содѣйствовалъ его планамъ; Фридландское сраженіе (въ іюнѣ 1807 года) открывало Россію нашествію Бонапарта, въ такой моментъ, когда страна далеко не была подготовлена вести войну на своей территоріи. Государь почелъ за должное избѣжать этой опасности, онъ согласился на свиданіе съ Бонапартомъ на Нѣманѣ и подписалъ Тильзитскій миръ.

Эпоха этого мира замѣчательна, какъ съ точки зрѣнія политики, изъяснить которую возьмутъ на себя трудъ историки, такъ и въ виду новыхъ отношеній и положеній, вызванныхъ этимъ событіемъ при Петербургскомъ дворѣ. Узурпація Бонапарта становилась день ото дня все болѣе деспотической; казалось, что она парализовала власть законныхъ монарховъ. Бонапартъ потребовалъ, чтобы всѣ государи собрались въ Эрфуртѣ. Графъ Румянцевъ, бывшій въ то время всесильнымъ канцлеромъ, держался того мнѣнія, что союзъ съ Бонапартомъ былъ необходимъ для поддержанія трона и мира. Онъ повліялъ на Государя, котораго цѣлый рядъ быстрыхъ и неожиданныхъ событій привелъ къ неувѣренности и нѣкоторому упадку духа. Было рѣшено, что Его Величество также отправится въ Эрфуртъ.

Это путешествіе вызвало всеобщее горе. Императрицы сдѣлали все возможное, чтобы отклонить Государя отъ этого. Нарышкина, пользовавшаяся тогда очень большимъ вліяніемъ, ничего не могла добиться. Онъ уѣхалъ и эта минута посѣяла смущеніе во всѣхъ умахъ; но Императоръ среди напастей и трудностей видѣлъ новую дорогу предначертанную ему, и послѣдующее показало, какъ небо вознаградило его осторожность, доставивъ ему славу, которую и потомство признаетъ съ восхищеніямъ.

Я оставляю историкамъ подробности столькихъ интересныхъ событій. Во время отсутствія Императора Императрица Елизавета занимала апартаменты Эрмитажа [1]) и, когда Императрица мать уѣхала въ Гатчину, она осталась одна въ этомъ обширномъ дворцѣ. Это новое помѣщеніе ей нравилось; она была среди шедевровъ искусства и прекрасной библіотеки. Хотя Императрица Елизавета была очень свѣдущей во всемъ, что касалось исторіи Россіи, она опять приступила къ изученію ея по коллекціи монетъ и медалей.

Она часто гуляла въ маленькомъ саду, находившемся въ центрѣ Эрмитажа. Вслѣдствіе недостатка внимательности, тамъ оставили два небольшихъ могильныхъ памятника, которые, казалось, были тамъ для того, чтобы напоминать Императрицѣ объ ея дѣтяхъ. Въ день праздника св. Елизаветы, бывшій днемъ именинъ Императрицы и ея умершей дочери, Ея Величество по своему обыкновенію отправилась въ Александро-Невскую лавру. Графиня Толстая пожелала навѣстить ее послѣ этой печальной поѣздки. Она увидѣла, какъ Императрица медленно шла одна по саду, погруженная въ тяжелыя думы. Проходя мимо одного изъ памятниковъ, о которыхъ я говорила выше, Императрица увидала пучекъ Анютиныхъ глазокъ, росшихъ рядомъ. Она нагнулась, сорвала одинъ цвѣтокъ, положила на памятникъ и молча пошла дальше. Этотъ поступокъ былъ выразительнѣе всякихъ словъ.

За этотъ періодъ со мной не случилось ничего замѣчательнаго. Моя однообразная и спокойная жизнь могла быть нарушена только участіемъ, которое я принимала въ горѣ другихъ, и особенно несчастіями той, кому было такъ предано мое сердце.

Я не должна забыть упомянуть объ моемъ знакомствѣ съ графиней де-Мервельдтъ, женой австрійскаго посланника. Г-жа де-Тарантъ подружила насъ и, когда она уѣхала въ Митаву, г-жа де-Мервельдтъ ухаживала за мной, какъ сестра. Это превосходная и милая особа

[1]) Мѣняли всю обстановку въ апартаментахъ Государя и Государыни и, такъ какъ погода не позволяла долѣе оставаться на дачѣ, то Государыня на время отсутствія Государя переѣхала въ Эрмитажъ.
(Примѣчаніе автора).

была особенно привязана къ Императрицѣ Елизаветѣ и искренно оплакивала со мной смерть ея ребенка.

Моей старшей дочери было около тринадцати лѣтъ въ это время и она начала выѣзжать въ свѣтъ. Она была принята съ доброжелательностью, которую можетъ внушить молодая дѣвушка спокойная и разсудительная. Ея нѣжная и чувствительная привязанность ко мнѣ предохраняла ее отъ увлеченій, такъ свойственныхъ молодости. У нея нѣтъ никакой внѣшности; она ни красива, ни миловидна и не можетъ внушить никакихъ опасныхъ чувствъ. Твердыя убѣжденія предохранили ее отъ всего, что могло ей повредить. Поэтому я была совершенно спокойна и не находила нужнымъ предостерегать ее, что почти всегда является необходимымъ для юности.

У моей belle soeur, княгини Голицыной, было много дѣтей и мало состоянія. Она хотѣла, чтобы ея старшая дочь получила шифръ, потому что съ этимъ отличіемъ связывалось приданое въ двѣнадцать тысячъ рублей. По моей просьбѣ Толстая просила Императрицу ходатайствовать передъ Императоромъ за мою племянницу. Нѣкоторое время спустя Толстая сказала мнѣ по секрету, что Государь отказалъ въ этой милости, которую у него просили отъ имени матери, пять сыновей которой служатъ въ арміи, и что Его Величество указалъ, какъ на доводъ, что и другія матери имѣютъ такое же право обратиться съ подобной просьбой, но что онъ собирается дать шифръ моей дочери, чтобы показать моему мужу, что его милостивое отношеніе къ нему не измѣнилось.

Мнѣ была пріятна память Государя, но я не желала для дочери шифръ, который пересталъ носить характеръ отличія. Я такъ хорошо хранила тайну Толстой, что совершенно забыла объ этомъ. Мой мужъ уѣхалъ въ имѣніе: это была обыкновенная поѣздка, которую онъ совершалъ каждый годъ.

Въ день новаго года 1810 г. я отправилась по своей привычкѣ поздравить г-жу Перекусихину, камеръ-фрау Императрицы Екатерины, интересную своимъ умомъ и привязанностью, сохранившейся въ ней къ Государынѣ, чьимъ другомъ она была въ теченіе тридцати лѣтъ. Тарсуковъ, ея племянникъ, о которомъ я говорила выше, возвратился изъ дворца во время моего визита. Онъ сказалъ мнѣ, входя:

— Я собирался къ вамъ, чтобы поздравить васъ съ милостью Государя. Шифръ...

— Моя племянница получила шифръ!—воскликнула я радостно.

— Какая племянница?—возразилъ Тарсуковъ,—ваша дочь получила шифръ.

Я думала только о моей belle-soeur и, забывъ про находившихся въ комнатѣ, воскликнула:

— Боже, какъ это досадно!

Въ комнатѣ былъ Балашовъ [1]), министръ и военный губернаторъ, бывшій тогда въ большой милости; онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленнымъ видомъ. Тарсуковъ, испуганный моей откровенностью, старался возвысить въ моихъ глазахъ значеніе милости Государя.

Я почувствовала это и заговорила о своей благодарности. Потомъ я быстро поѣхала за г-жей де-Тарантъ, дожидавшейся меня у г-жи Тамары [2]).

Я была готова расплакаться, объявляя имъ эту новость. Дома уже знали про это и мои люди были въ восторгѣ. Швейцаръ назвалъ мнѣ цѣлый рядъ лицъ, побывавшихъ у меня съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ поздравленіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мой мужъ покинулъ дворъ, это было первымъ знакомъ вниманія Государя по отношенію къ нему и это событіе, въ соединеніи съ прошлымъ, становилось источникомъ безпокойства для нѣкоторыхъ людей.

Моя дочь была огорчена, какъ и я, и по той же причинѣ; но наконецъ, пришлось покориться и я отправилась благодарить Императрицъ. Три дня спустя, катаясь въ каретѣ по набережной съ г-жей де-Тарантъ и дѣтьми, мы встрѣтили Государя, идущаго пѣшкомъ. Карета остановилась и Государь соизволилъ подойти къ намъ. Я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы выразить ему мою благодарность за его милость.

— Я хотѣлъ,—сказалъ мнѣ Государь,—доказать графу Головину, что моя прежняя дружба къ нему осталась той же. Я также

---

[1]) Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, родился въ 1770 году, умеръ въ 1837 году; въ это время былъ министромъ юстиціи и пользовался довѣріемъ Александра I.

[2]) Жена русскаго посланника въ Константинополѣ.

хотѣлъ, чтобы ваша дочь получила шифръ сегодня одна, чтобы показать вамъ, что я не желаю ее смѣшивать съ другими.

Графъ Ростопчинъ пріѣхалъ изъ Москвы и помѣстился въ нашемъ домѣ. Вскорѣ же за этимъ вернулся и мужъ. Милость, дарованная дочери, доставила ему большое удовольствіе, въ особенности, когда онъ узналъ слова Государя по этому поводу. Графъ Ростопчинъ, бывшій въ Петербургѣ въ первый разъ послѣ смерти Императора Павла, хотѣлъ объясниться съ княземъ Чарторижскимъ по поводу всего, что произошло между ними. Князя старались увѣрить, что Ростопчинъ устроилъ его удаленіе. Я говорила уже объ этомъ обстоятельствѣ. Графъ попросилъ моего мужа пригласить къ обѣду князя Чарторижскаго и его друга Новосильцева.

Посѣщеніе княземъ моего дома не было для меня безразличнымъ. Его появленіе напомнило мнѣ цѣлый рядъ событій необычайныхъ и его замѣшательство, которое онъ не могъ преодолѣть, проглядывало сквозь его томный видъ. Графъ Ростопчинъ показалъ ему записку Императора Павла, ясно доказывавшую, что только Императрица-мать и графъ Толстой были причиной немилости, которой подвергся князь Чарторижскій; но я не могу привести этой записки, слишкомъ оскорбительной для Императрицы Елизаветы. Я прочла ее изъ интереса къ оправданію графа Ростопчина, вполнѣ доказавшаго Чарторижскому, насколько графъ былъ оклеветанъ. Но я была далека отъ мысли, что эта записка окажетъ мнѣ также большую услугу.

V.

Немного спустя Императоръ поѣхалъ въ Тверь повидаться съ своей сестрой, принцессой Ольденбургской [1]). Графъ Толстой сопро-

[1]) Великая Княгиня Екатерина Павловна (родилась въ 1788 году, умерла 1819 г.) тогда только что вышла замужъ за принца Георгія Ольденбургскаго, назначеннаго Тверскимъ генералъ-губернаторомъ. Овдовѣвъ, Великая Княгиня вышла вторично замужъ въ 1815 году за короля Виртембергскаго Вильгельма.

вождалъ Его Величество. Въ это время графиня Толстая заболѣла желчной лихорадкой. Я не ѣздила къ ней послѣ нашего разрыва съ ея мужемъ и видѣлась съ ней только у меня; но, когда она написала мнѣ настоятельное письмо, въ которомъ заклинала меня пріѣхать, говоря, что она страдаетъ и нуждается во мнѣ, я не колебалась ни одной минуты: дружба изгладила во мнѣ воспоминаніе обо всемъ другомъ и я поѣхала къ Толстой. Г-жа де-Тарантъ была въ восторгѣ отъ этого примиренія и поѣхала со мной, также и дѣти. Съ этого времени я ѣздила туда каждый день. Однажды, я сидѣла у постели больной, когда въ комнату вошла Императрица; съ большимъ участіемъ подошла къ больной и попросила меня сѣсть. Мы поговорили съ минуту о болѣзни и докторѣ; потомъ Катишь [1]), дочь графини Толстой, вошла и сказала Ея Величеству, что моя младшая дочь находилась въ сосѣдней комнатѣ и страстно хотѣла видѣть Государыню. Императрица встала и сказала съ видомъ любезной шутки, что она будетъ сейчасъ ухаживать за ней.

Lise была совершено сконфужена. Государыня подошла къ ней и ласково сказала:

— Я васъ знаю, Lise, уже давно, когда вы были еще въ утробѣ матери. Вы родились 22 ноября; я не забыла этого.

Сказавъ это, Государыня быстро собралась и уѣхала. Она опять пріѣхала нѣсколько дней спустя. Я выходила изъ комнаты Толстой, собираясь уѣзжать, и встрѣтилась съ ней въ гостиной. Государыня подошла ко мнѣ и сказала, что, увидѣвъ въ пріемной мужскую шляпу и пальто, она подумала, что эти вещи принадлежатъ мнѣ для переодѣванія.

— Я не имѣю въ этомъ надобности, Ваше Величество,—отвѣчала я,—тѣмъ болѣе, въ этомъ домѣ.

— Вы такъ спѣшите уѣхать?

— Я должна возвратиться домой; сейчасъ время моего обѣда.

Толстая, чувствуя себя много лучше, оставила постель. Ея мужъ возвратился и сдѣлалъ видъ, что онъ въ восхищеніи видѣть меня. Я сдѣлала видъ, что повѣрила ему, и продолжала бывать. Я видѣлась

[1]) Екатерина Толстая была замужемъ за княземъ Константиномъ Любомирскимъ, полякомъ, служившимъ въ русской арміи въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

еще съ Императрицей нѣсколько времини спустя, когда Толстая совсѣмъ уже выздоравливала. Ея Величество пріѣхала съ герцогиней Виртембергской [1]). Мои дѣти и г-жа де-Тарантъ удалились въ уборную. Я осталась около Императрицы, которая была любезна со мной. Разговоръ былъ очень оживленъ и продолжался до трехъ часовъ. Тогда я встала, чтобы уѣзжать, и зашла за г-жей де-Тарантъ въ ея уединеніе. Она забыла шляпу въ комнатѣ, гдѣ была Императрица и мы послали за ней Катишь. Императрица, увидѣвъ ее, завладѣла шляпой и сама принесла ее г-жѣ де-Тарантъ съ такимъ видомъ, точно ей было пріятно увидѣть меня еще разъ. Я подчеркиваю эти, кажущіяся незначительными, детали, потому что онѣ подготовляли развязку, которая не замедлила послѣдовать.

Когда Толстая совершенно поправилась, мои встрѣчи съ Императрицей прекратились и въ теченіе нѣкотораго времени не случилось ничего замѣчательнаго. Однажды, утромъ, Толстая написала мнѣ, приглашая меня пріѣхать къ ней къ шести часамъ. Она приняла меня въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, ярко освѣщенномъ, надушенномъ и имѣвшемъ праздничный видъ. Я услыхала, какъ подъѣхала карета. Толстая сказала мнѣ: «Это Императрица»; и не знаю почему, я почувствовала себя смущенной.

Императрица вошла въ комнату тоже немного взволнованная. Она поспѣшно подошла ко мнѣ, спросила меня про здоровье мужа и велѣла намъ сѣсть. Ея взгляды, полные милостиваго отношенія ко мнѣ, рождали тысячи воспоминаній. Разговоръ носилъ теплый характеръ, но черезъ полчаса я встала и уѣхала. Графиня говорила мнѣ, что послѣ моего отъѣзда Императрица осталась погруженной въ задумчивость и сказала ей:

— Боже мой, что же такое, наконецъ, первое чувство?

На Рождествѣ Толстая устроила угощеніе для дѣтей пансіона іезуитовъ, глѣ воспитывались ея оба сына. Императрица пожелала тамъ присутствовать, такъ же, какъ и герцогиня Виртембергская. Въ шесть часовъ вечера мы отправились къ Толстой и вскорѣ пріѣхала Ея Величество. Поговоривъ съ хозяйкой дома, г-жей де-Тарантъ и

[1]) Антуанетта, жена герцога Александра Виртембергскаго, служившаго въ русской арміи.

графиней Витгенштейнъ, Императрица сѣла и попросила меня сѣсть рядомъ съ ней. Я сѣла на нѣкоторомъ разстояніи, но она тономъ приказа повторила:

— Ближе ко мнѣ.

Я повиновалась; тогда она сказала съ волненіемъ:

— Какъ я счастлива видѣть васъ около себя!

Я была какъ бы оглушена этой перемѣной и не понимала, что было ея причиной. Продолженіе вечера еще болѣе увеличило мое удивленіе. Но черезъ нѣсколько времени я узнала, что у Императрицы въ рукцхъ побывала записка Императора Павла, о которой я упоминала выше. Графъ Ростопчинъ уѣхалъ въ Москву, а князь Чарторижскій разсказалъ про то, что онъ узналъ, графинѣ Строгановой, та— Императрицѣ и Ея Величество изъявила желаніе прочесть записку. Написали графу Ростопчину; тотъ безъ всякаго колебанія прислалъ ее.

Возмущенная содержаніемъ этой записки, Императрица бросила ее въ огонь. Наконецъ-то она узнала, кто были настоящіе виновники причиненнаго ей зла и какъ несправедливо считала она меня виновной. Съ этой минуты она старалась приблизить меня къ себѣ и вполнѣ естественно, что я была удивлена этимъ, не зная причинъ. Могла ли я догадаться о такихъ обвиненіяхъ, я, полагавшая, что мною вполнѣ доказана моя нерушимая привязанность и вѣрность!

У моей дочери заболѣли глаза. У нея опухли рѣсницы и ей пришлось вынести довольно тяжелую операцію. Императрица соизволила принять въ ней участіе и послала ей розу черезъ Толстую. Когда моя дочь выздоровѣла, мы отправились къ Толстой и Императрица также пріѣхала туда. Она опять милостиво говорила о томъ, что должна была вынести моя дочь; потомъ я подарила ей кольцо съ луннымъ камнемъ, который, какъ говорятъ, приноситъ счастье. Она надѣла его и сказала Толстой:

— Вы сдѣлали какія-то перемѣны въ вашихъ комнатахъ. Оставайтесь здѣсь, я пойду посмотрю ихъ.

Она посмотрѣла на меня такъ, что я поняла, что должна послѣдовать за ней. Наконецъ, я оказалась наединѣ съ нею въ маленькомъ будуарѣ Толстой. Какъ долго этого не случалось со мной! Мы говорили на спѣхъ и были очень взволнованы. Императрица подѣлилась со мной своей тревогой за здоровье Толстой. Я прибавила, что

для меня еще ужаснѣе видѣть ее въ такомъ положеніи, потому что только черезъ нее я могу получать извѣстія отъ Ея Величества. Императрица смутилась и сказала:

— Я никогда не смогу выразить, до какой степени я тронута тѣмъ постояннымъ сочувствіемъ, которое вы проявляете ко мнѣ. Ваша преданность наполняетъ меня благодарностью.

Она продолжала говорить съ чувствительной добротой и я тысячу разъ цѣловала ея руки, омывая ихъ слезами.

Послѣ этого объясненія я часто видѣлась съ ней то у ея сестры принцессы Амеліи, то у г-жи Толстой. То утромъ, то вечеромъ она приказывала мнѣ пріѣхать съ г-жей де-Тарантъ къ принцессѣ. Мы разговаривали всѣ вмѣстѣ нѣкоторое время и потомъ она уводила меня въ другую комнату, чтобы поговорить свободно. Это было все, что она могла сдѣлать для меня: я не имѣла права входа къ Ея Величеству и съ благодарностью наслаждалась тѣмъ, что предоставляла мнѣ ея доброта.

Было бы невозможно привести всѣ наши разговоры; но новыя идеи, прелесть выраженія и кроткій характеръ Императрицы дѣлали ихъ очень пріятными. Лѣтомъ я видѣлась съ ней два раза въ недѣлю на дачѣ у графини Толстой, куда она пріѣзжала провести съ нами вечеръ. Возвращаясь въ городъ, мы опять отправлялись къ принцессѣ Амеліи.

Однажды Императрица сказала мнѣ:

— Я непремѣнно хочу, чтобы вы согласились на то, что я буду у васъ просить. Напишите свои мемуары. Никто такъ не способенъ къ этому, какъ вы, и я обѣщаюсь помочь вамъ и доставить матерьялы.

Я указала на нѣкоторыя затрудненія, которыя были устранены, и мнѣ пришлось согласиться. Я приступила къ работѣ, къ которой не чувствовала себя способной, и на слѣдующій день принялась за дѣло. Нѣсколько дней спустя я отнесла начало Императрицѣ; она осталась довольна и приказала мнѣ продолжать.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

1812—1814.

I. Возвращеніе графа Головина на службу. — 1812 годъ. — Отъѣздъ Императора въ армію.—Мужество Императрицы. — Излишняя откровенность графа Головина.—Популярность Императрицы.—II. Шествіе союзниковъ къ Парижу.—Желанія мести въ Россіи. — Прокламація Людовика XVIII. — Грустная радость г-жи де-Тарантъ.—Появленіе г-жи де-Тарантъ при русскомъ дворѣ.—Ея болѣзнь и смерть. — III. Печаль. — Отправленіе тѣла г-жи де-Тарантъ во Францію.

I.

На слѣдующій годъ мой мужъ опять поступилъ на службу: онъ былъ назначенъ оберъ-шенкомъ. Императоръ сдѣлалъ это назначеніе крайне милостиво и лестно отозвался о мужѣ въ разговорѣ съ Императрицей, которая передала мнѣ эти слова съ участіемъ, растрогавшимъ меня. Нѣсколько дней спустя я встрѣтилась съ Императоромъ на прогулкѣ. Онъ дружески говорилъ мнѣ о мужѣ, о томъ удовольствіи, которое онъ испытывалъ отъ этого сближенія и вспоминалъ прежнее. Но эта перемѣна не привела ни къ чему для меня и мнѣ не легче было отъ этого видѣться съ Императрицей. Г-жа де-Тарантъ была очень этимъ огорчена, но мнѣ въ нѣкоторомъ родѣ было пріятно доказать Императрицѣ, на сколько моя привязанность къ ней была лишена личныхъ чувствъ и самолюбія.

Императоръ уѣхалъ въ армію. Французы быстро подвигались и ихъ первые успѣхи вызывали довольно справедливое безпокойство. Въ этомъ замѣчательномъ случаѣ Императрица проявила мужество и довѣріе, достойныя восхищенія, и ея благородный примѣръ оживилъ многихъ, впавшихъ въ унынie. Стали надѣяться такъ же, какъ и она, на славу, которая послѣдуетъ за этой минутой смущенія.

Я не буду входить въ подробности этой войны, бывшей такъ недавно и извѣстной всѣмъ, и буду продолжать говорить о томъ, что особенно близко касалось насъ. Первое путешествіе Императора не было долгимъ; но въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года онъ опять уѣхалъ, чтобы принять славное участіе въ успѣхахъ своей арміи.

Императрица провела лѣто слѣдующаго года въ Царскомъ Селѣ. До того времени наши свиданія происходили или у Толстой, или у принцессы Амеліи; но въ это время ея резиденція стала слишкомъ отдаленной, чтобы мы могли видѣться. Она оказала мнѣ честь, неоднократно присылая письма [1]).Мой мужъ получилъ особое порученіе отъ Императора отправиться въ Москву для раздачи пособій, въ которыхъ жители этого города очень нуждались. Когда онъ прощался съ Императрицей, въ разговорѣ его усердіе завлекло его, кажется, слишкомъ далеко. Онъ позволилъ себѣ сказать больше, чѣмъ слѣдовало бы, и они разстались довольно холодно. Онъ написалъ мнѣ по этому поводу письмо, полное сожалѣнія. Императрица тоже соизволила говорить мнѣ объ этомъ, и ея снисходительная доброта позволила ей забыть то, что могло ее оскорбить.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ Императрица получила письмо отъ Императора, приглашавшаго ее навѣстить свою мать, маркграфиню Баденскую. Наканунѣ своего отъѣзда Императрица пожелала проститься съ нами у графини Толстой. Мы разговаривали съ ней въ теченіе часа и я осмѣлилась говорить съ своей обычной откровенностью. Мы проводили ее до кареты и на слѣдующій день поѣхали въ Казанскій соборъ, гдѣ она отстояла напутственный молебенъ. Стеченіе народа было чрезвычайное; горячее участіе, которое она внушала всѣмъ, отражалось на всѣхъ лицахъ. Народъ толпился вокругъ нея и, когда она

[1]) Часть этихъ писемъ будутъ приведены въ продолженіи. (*Примѣчаніе автора*). Мы не нашли ихъ въ тетрадкѣ, гдѣ осталось много пустыхъ страницъ.

сѣла въ карету, нѣкоторые, по обычаю, предложили ей хлѣбъ и соль.

Она уѣхала 19 декабря 1813 года. Стояла суровая стужа. Отсутствіе Императора и Императрицы опечалило городъ; но пока мы страдали отъ одиночества и нѣкоторые безпокойные умы даже осмѣлились жаловаться, Императоръ, руководимый Богомъ, подготовлялъ спасеніе Европы. Среди союзниковъ только у него были чистыя намѣренія и и въ исполненіи ихъ онъ сохранилъ твердость, достойную его [1]).

Возвращаюсь къ тому, что касалось лично меня. У мужа сдѣлался сильный повторный припадокъ желтухи, и ему пришлось выдержать долгое и тягостное лѣченіе. Мы проводили нашу жизнь дома и счастливыя новости, приходившія безпрерывно, вносили разнообразіе въ печальную однотонность нашего существованія. Вѣрное сердце г-жи де-Тарантъ дышало надеждой. Было извѣстно, что Людовикъ XVIII уѣхалъ изъ Англіи и направлялся во Францію, что Императоръ Александръ побѣдоносно приближался къ стѣнамъ Парижа и что узурпаторъ убѣжалъ въ Фонтенебло съ своими приверженцами.

Я приближаюсь къ ужасному моменту, повліявшему на всю мою остальную жизнь.

II.

Интересы Бурбоновъ были всегда мнѣ дороги, отчасти по моимъ убѣжденіямъ, отчасти въ силу дружбы, связывавшей меня съ г-жей де-Тарантъ. Наши души, смѣшиваясь, не могли испытывать разныхъ чувствъ. Моментъ, такъ горячо ожидаемый ею, наступалъ. Скоро долженъ былъ раздаться крикъ: «*Да здравствуетъ Король*», восклицаніе такъ глубоко запечатлѣвшееся въ сердцѣ моего несравненнаго друга. Было извѣстно, что Императоръ Александръ находился въ одномъ переходѣ отъ Парижа. Месть, чувство, къ несчастью, такъ свойственное людямъ, заполняла всѣ сердца. Разореніе Москвы возбудило всѣ

[1]) Все это объясняетъ письмо Императрицы отъ 14/26 іюля. (*Примѣчаніе автора*). См. далѣе.

страсти. Находили вполнѣ естественнымъ сжечь Парижъ, завладѣть сокровищами, приготовить къ возвращенію короля только кучу пепла. Разсуждавшіе такъ забыли милосердіе Бога и великодушіе Александра.

Мнѣ часто приходилось страдать отъ подобныхъ разсужденій. И мнѣ вдвойнѣ приходилось страдать, когда нѣкоторые неделикатные люди высказывали это въ присутствіи г-жи де-Тарантъ, которая не могла надѣяться вполнѣ, обезпокоенная опасеніемъ.

Она предложила однажды утромъ моей младшей дочери проѣхаться въ нашу деревню, находившуюся въ восьми льё отъ города. Это мѣстечко отчасти было ея созданіемъ; она любила жить тамъ вмѣстѣ съ нами; въ мартѣ мѣсяцѣ она выхаживала у себя на окошкѣ растенія и пересаживала ихъ на свой островъ, предоставленный мною въ ея полную собственность. Во время ея отсутствія мужа извѣстили, что русскія войска вступили въ Монмартръ, что Парижъ сдался и что мы вошли туда, какъ друзья. Людовикъ XVIII былъ объявленъ королемъ.

Эта новость распространила непередаваемую радость въ гостиной моего мужа. У насъ было много народа и каждый послѣ первой минуты счастливаго изумленія думалъ о той радости, которую испытаетъ г-жа де-Тарантъ. Я не могу передать, что происходило во мнѣ. Я сѣла у окна, чтобы видѣть, какъ подъѣдетъ г-жа де-Тарантъ; сердце такъ сильно билось у меня, что я почти задыхалась. Мужъ послалъ старшую дочь въ помѣщеніе нашего друга, подождать тамъ г-жу де-Тарантъ и осторожно приготовить ее къ этому счастливому извѣстію.

Когда ея карета остановилась у воротъ, она увидѣла на подъѣздѣ нашего управляющаго; онъ махалъ платкомъ въ воздухѣ и былъ окруженъ толпою слугъ, съ нетерпѣніемъ дожидавшихся, чтобы поздравить ее. Lise говорила мнѣ потомъ, что когда г-жа де-Тарантъ увидала эти изъявленія радости, она воскликнула, взялась за голову, поблѣднѣла и сказала измѣнившимся голосомъ:

— Это какая-нибудь очень счастливая новость...

Она смолкла, не будучи въ силахъ больше говорить. Дочь провела ее въ гостиную мужа; я бросилась къ ней на шею, мужъ тоже, и всѣ, кто былъ въ комнатѣ, съ волненіемъ окружили ее. Она вся дрожала и ослабѣла. Мы посадили ее; она едва переводила дыханіе. Съ этого дня она была всегда блѣдной, ея благородное лицо приняло выраженіе меланхолической радости. Я не могла разстаться съ ней

ни на минуту. Ужасныя предчувствія наполняли мое сердце. Я была въ неопредѣленномъ волненіи.

Мы любили другъ друга болѣе, чѣмъ когда-либо, и болѣе, чѣмъ когда мы чувствовали потребность жить другъ для друга. Преданное сердце г-жи де-Тарантъ съ благородствомъ и мужествомъ вынесло ужасныя несчастія, но не могло вынести радости. Всѣ ея физическія силы упали подъ вліяніемъ движенія души, слишкомъ новаго для нея.

Немного спустя мы получили извѣстія отъ французскихъ друзей. Король и герцогиня Ангулемская желали, чтобы г-жа де-Тарантъ пріѣхала въ Парижъ. Г-жа де-Тарантъ, дорожившая своими обязанностями больше жизни, собиралась отправиться осенью, желая передъ отъѣздомъ видѣть Императора и поблагодарить его за гостепріимство. Однажды утромъ, когда мы были въ моей уборной комнатѣ, гдѣ мы завтракали обыкновенно, она сказала мнѣ, выйдя изъ глубокой задумчивости:

— Счастье создано не для меня. Богъ исполнилъ желаніе сердца моего; король взошелъ на тронъ своихъ предковъ; я должна покинуть вѣрное для невѣрнаго; покинуть васъ и вашъ гостепріимный домъ, гдѣ, благодаря вамъ, я наслаждалась жизнью спокойной и чистой,— для меня равносильно смерти. У себя на родинѣ у меня будутъ тысячи поводовъ къ безпокойству. Не всѣ такъ безкорыстны въ своихъ чувствахъ къ монарху, какъ я. Мнѣ придется бороться съ тысячами препятствій и исполнять тяжелыя обязанности.

Я молча смотрѣла на нее; каждое ея слово, какъ мечъ, вонзалось въ мое сердце: глаза были у меня полны слезъ и я боялась взглядомъ встрѣтиться съ ней.

Въ это время она получила очень ласковое письмо отъ Императрицы Елизаветы, относительно перемѣнъ, происшедшихъ во Франціи. Я также получила отъ нея письмо изъ Брухзаля.

Мы заранѣе плакали, мои дѣти и я, отъ предстоящей разлуки съ г-жой де-Тарантъ. Эта мысль отравляла ея жизнь и мою, и мы искали подкрѣпленія другъ у друга. Императрица-мать, которая всегда искренно принимала участіе въ интересахъ короля, написала г-жѣ де-Тарантъ записку, полную вниманія, приглашая ее пріѣхать на слѣдующее утро. Она отправилась туда. Императрица приняла ее особенно милостиво и пригласила ее къ обѣду.

Появленіе г-жи де-Тарантъ при дворѣ произвело особую сенсацію; она не бывала тамъ послѣ нашего союза съ узурпаторомъ, предпочитая лучше потерять всѣ милости и даже пенсію, чѣмъ хотя бы на минуту измѣнить своимъ убѣжденіямъ. Она удалилась, ничего не сказавъ, но ея молчаніе было понято. Увидя ее при дворѣ, всѣ, казалось, свободно вздохнули; она становилась сильнымъ орудіемъ, разрушавшимъ мнѣнія, принятыя по неоходимости.

Она была принята въ свѣтѣ съ уваженіемъ и вниманіемъ, внушаемымъ ея добродѣтелями; она вернулась домой взволнованная и признательная; черезъ нѣсколько дней она опять отправилась ко двору, а третій разъ мы были вмѣстѣ. Я наслаждалась въ глубинѣ души почтеніемъ, которое ей оказывали, но блѣдность ея лица продолжала меня безпокоить. За обѣдомъ она не спускала съ меня глазъ и посылала то, что ей казалось лучшимъ.

Вдругъ она заболѣла глазами, что ее удержало на нѣкоторое время дома. Въ день Вознесенія, седьмого мая, она была въ церкви, но почувствовала себя такъ плохо, что возвратясь домой, легла въ постель. Я была поражена ея плохимъ видомъ, но она разувѣрила меня говоря, что это пустяки и пройдетъ. Она, какъ всегда, вышла къ обѣду и сѣла за столъ, но не могла ничего ѣсть.

Я дѣлала видъ, что не замѣчаю этого, потому что видѣла, что она желала скрыть это отъ меня, брала себѣ разныя кушанья и потомъ осторожно отставляла тарелку. Послѣ ужина она пришла ко мнѣ въ уборную, со старшей дочерью; я заплела ей косы, какъ всегда и собиралась ложиться въ постель. Уходя, она поцѣловала меня. У нея былъ очень нездоровый видъ. Потомъ она сказала моей старшей дочери, что она почувствовала себя очень плохо сегодня за обѣдней и прибавила, что день и мѣсто навели ее на мысль, что это было предупрежденіе.

Въ продолженіе нѣкотораго времени она продолжала бывать вмѣстѣ съ нами въ помѣщеніи моего мужа. Семнадцатаго, въ Троицынъ день, она почувствовала себя хуже; но вмѣсто того, чтобы лечь въ постель, она пожелала отправиться на обѣдъ ко двору, чтобы отвезти Lise на прогулку въ саду. Она кашляла по временамъ и чувствовала себя плохо, но съ такою силою боролась съ болѣзнью, что, несмотря на нашу тревогу, по временамъ ей удавалось успокоить насъ.

Ея блѣдность и слабость замѣтно увеличивались; мое сердце тосковало; я не смѣла думать о будущемъ и смертельно страдала. Какъ только она входила къ мужу, она опускалась въ большое кресло, не имѣя силъ больше двигаться.

Двадцать седьмого мая, когда она сидѣла посреди насъ, холодный потъ выступилъ у нея на лбу; она оперлась головою на руки, почти не имѣя силъ больше сдерживаться. Въ комнатѣ изъ постороннихъ была г-жа Тамара, очень преданная ей, и м-ль де-Бюисси, превосходная особа, изъ свиты герцогини Виртембергской. Я умоляла г-жу де-Тарантъ лечь въ постель; она согласилась на это, не будучи въ состояніи сидѣть. Послали за докторомъ, который на слѣдующій же день убѣдился, насколько велика опасность. Мы больше не отходили отъ нея.

Такъ какъ всѣ почти были увѣрены, что у нея мѣстная болѣзнь—она часто страдала покалываньемъ въ боку,—то рѣшили поставить ей на это мѣсто мушку. Когда же проявились другіе симптомы болѣзни, то другую поставили между плечъ. Дрожащими руками мѣняла я препараты; мнѣ крайне нездоровилось, но я никогда не позволила бы, чтобы другая рука, кромѣ моей, коснулась ея. Я сама умывала ее, натирала ей бокъ мазью съ меркуріемъ. Ея нѣжный взоръ, устремленный на меня, проникалъ до глубины моей души.

Безпримѣрное осложненіе болѣзни развивалось съ каждымъ днемъ. Ея страданія были выше всего, что только можно себѣ представить; но ея удивительное терпѣніе, казалось, удваивалось, и когда я говорила ей:—Боже мой, какъ вы должны страдать!

Она отвѣчала:

— Когда за человѣкомъ такъ ухаживаютъ, какъ за мной, то онъ не имѣетъ права жаловаться.

Описаніе, сдѣланное моей дочерью послѣ смерти г-жи де-Тарантъ и которое я расчитываю прибавить къ своимъ *Воспоминаніямъ*, содержитъ детали этой христіанской и достойной восхищенія смерти. Я буду говорить только о томъ, что я испытала во время этого ужаснаго несчастья, доказавшаго мнѣ, что въ глубинѣ насъ находятся невѣдомыя силы, въ обыкновенное время заглушаемыя нашей слабостью. Постоянная боязнь потерять то, что намъ дорого, не позволяетъ намъ видѣть нашу силу. Желаютъ увѣрить себя, что спо-

собны на самые прекрасные поступки, но мысль: «Я переживу того, кого я люблю» не входитъ въ разсчеты сердца и ума, пока Богъ не поразитъ смертью дорогого намъ человѣка, явитъ намъ силу нашей души, наполняя ее Собой.

Г-жа де-Тарантъ не прекращала умственную молитву, и когда призывала духовника. чтобы онъ помогъ ей лучше молиться, всѣ, кто находился въ комнатѣ, падали на колѣни и присоединялись къ ней. Несмотря на боли, она видимо, бывала тронута этимъ единеніемъ. Дружба до послѣдней минуты обитала въ ея сердцѣ, а ея душа вся принадлежала Богу.

Когда ее перенесли наверхъ, въ полночь я приказала моей старшей дочери уйти и осталась съ г-жей де-Тарантъ до того момента, пока горничная не пришла смѣнить меня въ два или три часа ночи. Сидя на табуретѣ, въ ногахъ кровати, я была окружена тишиной, прерываемой тяжелымъ и труднымъ дыханіемъ моей подруги. Ночникъ, поставленный за ширмами, освѣщалъ это святилище религіи и страданій. Я пристально смотрѣла на г-жу де-Тарантъ и была не въ силахъ оторвать глазъ; я была увѣрена, что на слѣдующій день ея не будетъ въ живыхъ, и ни слезы, ни рыданія, готовыя разразиться не осмѣлились вырваться у меня. Ея святая покорность, несравнимое благочестіе дѣлали меня ничтожной въ своихъ глазахъ. Я была несчастна и не осмѣлилась просить одной минуты облегченія для моей скорби. Ея душа привлекала мою къ цѣли, къ которой она стремилась.

Мой мужъ, еще очень страдавшій отъ желтухи, проводилъ время въ гостиной, гдѣ наши общіе друзья ежедневно собирались, оплакивая г-жу де-Тарантъ и высказывая намъ сочувствіе. По временамъ я отходила отъ моего несравненнаго друга, чтобы ободрить мужа, печаль котораго раздирала мнѣ сердце. Герцогиня Виртембергская въ этомъ ужасномъ случаѣ была для меня ангеломъ-утѣшителемъ; она бывала почти каждый день и находилась у насъ за часъ до смерти г-жи де-Тарантъ. Никогда я не забуду ни ея слезъ, ни того, что она мнѣ сказала. Она пріѣзжала по утрамъ, и я принимала ее въ моемъ ателье, отдѣленномъ одной комнатой отъ комнаты больной. При каждомъ судорожномъ крикѣ г-жи де-Тарантъ я бросалась къ ней.

Въ послѣднее утро ея жизни, когда герцогиня была у насъ, я

услыхала, какъ больная ужасно вскрикнула. Я подбѣжала къ ней; она схватила мою руку; ея холодѣющая рука была покрыта потомъ. Она сжимала мнѣ руку судорожно, какъ бы собравъ силы, остававшіяся у нея; ея агонія лишала меня послѣднихъ силъ: я боролась съ собою, какъ жертва кораблекрушенія среди волнъ. Я старалась освободить мою руку; я готова была разрыдаться и въ то же время предпочла бы скорѣе умереть, чѣмъ смутить больную безпокойствомъ обо мнѣ. Богъ приказывалъ мнѣ всецѣло забыть себя; мнѣ казалось, что я больше не существую; эта смерть, это зрѣлище истины исторгало меня изъ самой себя. Г-жа де-Тарантъ молилась за меня и ей я обязана тѣмъ, что вынесла все и пережила ее.

Наконецъ, ужасное 22 іюня настало. Во время обѣда я согласилась оторваться отъ нея, чтобы успокоить моего мужа, ежеминутно спрашившаго меня; но прежде, чѣмъ уйти изъ комнаты, я опять подошла къ ней. Она была въ предсмертной тоскѣ; я пощупала у нея пульсъ, который почти не бился. Она взяла меня за руку съ необычайной живостью и сказала:

— Скажите мнѣ, что вы чувствуете себя хорошо и что вы не страдаете!

— Я хорошо себя чувствую,—отвѣчала я;—дай Богъ вамъ быть такъ здоровой, какъ я.

— Чудакъ еще живъ,—сказала она,—но это не долго продлится.

Докторъ Крэйтонъ увѣрилъ моего мужа, не знаю къ чему, что она будетъ жива и что ей надо давать куриный бульонъ. Когда человѣкъ несчастенъ, онъ хватается за малѣйшую надежду. Мужъ не входилъ въ комнату больной и онъ не видалъ ея агоніи. Я съ отчаяніемъ сѣла за столъ. Горничная пришла за моей дочерью. Я собиралась послѣдовать за ней, но мужъ просилъ меня остаться, повторяя мнѣ то, что сказалъ ему Крэйтонъ. Это было для меня пыткой, но покорность приказывала мнѣ повиноваться. Наконецъ, чувствуя себя не въ силахъ противиться такой мучительной тоскѣ, я убѣжала. Ея уже больше не существовало.

Отецъ Розавенъ [1]) закрылъ передо мною дверь ея комнаты, прося

[1]) Отецъ Луи, знаменитый іезуитъ, родился въ Авиньонѣ, авторъ *la Verite defendue et prouvée par les faits*, Авиньонъ 1825 г., произведенія напи-

меня не входить туда. Меня провели въ помѣщеніе моихъ дѣтей. Рыданія душили меня. Мнѣ принесли три креста: одинъ всегда находился при ней, другой былъ при ней во время причастія и третій былъ подаренъ герцогомъ Ангулемскимъ. Она положила этотъ крестъ около себя наканунѣ своей смерти и моя дочь приложила его къ губамъ умирающей, когда она испустила свое послѣднее дыханіе. Видъ этихъ трехъ крестовъ остановилъ мои слезы. Я съ жадностью смотрѣла на нихъ. Все окружающее исчезло передо мною. Богъ всецѣло заполнилъ мою душу. Любящая душа молилась за меня. Я осмѣлюсь сказать, что почти испытывала святую радость.

III.

Каждый изъ насъ, казалось, потерялъ силы; мы обрѣтали ихъ въ нашемъ общемъ чувствѣ скорби. Постоянная мысль о больномъ человѣкѣ, дорогомъ для насъ, стараніе облегчить его страданія, приводятъ къ дѣятельности, которая поддерживаетъ насъ; но когда предметъ столькихъ заботъ исчезаетъ, мы остаемся уничтоженными. Дружба облагораживаетъ все; мы оказываемъ для нея услуги, наиболѣе внушающія отвращеніе; она нуждается въ насъ каждую минуту. Я вспоминаю, что за пять дней до смерти г-жи де-Тарантъ, я сидѣла одна у ея кровати. Вошелъ Крэйтонъ; онъ пріѣхалъ изъ Павловска и сказалъ г-жѣ де-Тарантъ, выслушавъ ея пульсъ, что Императрица мать поручила ему передать больной все ея сочувствіе и что она сказала ему спросить у г-жи де-Тарантъ, не желаетъ ли она фруктовъ.

— Поблагодарите Ея Величество,—отвѣтила она,—мнѣ ничего не нужно.

Потомъ, приподнявшись съ особой силой на своихъ слабѣющихъ рукахъ, она прибавила:

— Но скажите Императрицѣ, что у нея никогда не было такихъ друзей, какъ у меня.

саннаго въ защиту ордена, къ которому онъ принадлежалъ. Онъ былъ при Александрѣ I, главою пропаганды, которую велъ въ Россіи этотъ орденъ.

Каждое ея слово останется навсегда запечатлѣннымъ въ моемъ сердцѣ.

Герцогиня де-Шатильонъ, ея мать, умершая на два года раньше ея, выразила желаніе, чтобы ея любимая дочь была погребена рядомъ съ ней, въ капеллѣ, въ ея замкѣ Видевиль, въ восьми лье отъ Парижа. Гробница герцогини де-Лавальеръ, бабушки г-жи де-Тарантъ, была перенесена туда же по ея приказанію. Моимъ первымъ желаніемъ, послѣ этого печальнаго событія, было перенести тѣло моей уважаемой подруги въ эту усыпальницу. Я исполняла желаніе матери, соединяя эти дорогіе останки съ прахомъ ея семьи. Пришлось вскрыть тѣло и набальзамировать его. Въ рукописи моей дочери находится подробное описаніе всѣхъ болѣзней, которыми она страдала уже давно и которыя подготовили ея смерть.

Когда ужасная операція окончилась, около гроба поставили жертвенникъ, чтобы служить панихиды. Я не присутствовала на первыхъ двухъ, замѣтивъ, что всѣ боятся, какъ на меня это подѣйствуетъ; но потомъ увидали, что моя покорность заслуживаетъ этой награды. То, что происходило въ моей душѣ тогда, было сильнѣе меня. Вечеромъ я вернулась въ эту комнату съ моими дѣтьми, Катишь и м-ль де-Бюисси. Я остановила свой взоръ на той, кого не было больше въ живыхъ, удивленная, что я живу сама и пережила ее.

Черезъ недѣлю тѣло было перенесено въ церковный склепъ. Это было въ полночь; весь домъ участвовалъ въ шествіи. Послѣ того, какъ отецъ Розавенъ совершилъ обычныя молитвы, наши слуги понесли гробъ. Я шла пѣшкомъ съ мужемъ, дѣтьми и нашими друзьями. Всѣ заливались слезами; дорога показалась мнѣ очень короткой; я отдала бы мою жизнь за возможность проводить ее до мѣста послѣдняго успокоенія. Черезъ день послѣ этого, въ церкви съ пышностью былъ свершенъ обрядъ погребенія и, недѣлю спустя, тѣло было перевезено въ Кронштадтъ, для того, чтобы быть отправленнымъ на кораблѣ [1]).

[1]) Гробница г-жи де-Тарантъ находится и сейчасъ въ капеллѣ замка Видевиль, рядомъ съ ея матерью. Странно, что графиня Головина не говоритъ въ воспоминаніяхъ о своемъ пребываніи въ замкѣ Видевиль, гдѣ ей оказывали сердечный пріемъ, какъ свидѣтельствуетъ надпись, вырѣзанная на каменной скамьѣ въ паркѣ: „Радость по случаю пріѣзда графини Варва-

Я провела лѣто на Каменномъ Островѣ, не имѣя мужества переѣхать въ имѣніе, гдѣ мы были такъ счастливы вмѣстѣ.

Я хочу прибавить еще, что на другой день послѣ этого ужаснаго несчастья—смерти г-жи де-Тарантъ, утромъ, собираясь уйти съ дивана, на коротомъ я провела ночь, я сѣла, желая собраться съ мыслями и думами. «Боже, я молилась за нее, когда она была жива, я молилась во время ея страданій, какъ же мнѣ молиться теперь?»

Моя младшая дочь въ это время просматривала молитвенникъ г-жи де-Тарантъ и вдругъ сказала, точно отвѣчая на мою мысль:

— Maman, вотъ превосходня молитва для васъ въ этомъ случаѣ.

Я была поражена этимъ страннымъ совпаденіемъ и укрѣпилась въ утѣшительной мысли, что душа моей подруги была съ нами.

ры Головиной, 20 іюля 1803 г.“ На сосѣдней скамьѣ аналогичная надпись съ именемъ г-жи де-Тарантъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

1814—1817.

I. Печальное лѣто.—Домъ на Каменномъ Островѣ.—Возвращеніе Императора.—Представленіе ко двору младшей дочери Головиной.—Письмо Императрицы Елизаветы.—Перемѣна въ образѣ жизни.—Незаполнимая пустота. II. Вѣнскій конгрессъ.—Красивая роль Императора Александра.—Празднества въ С.-Петербургѣ.—Неожиданная холодность Императора и Императрицы по отношенію къ графинѣ Головиной.—Французскіе друзья.—Баронесса де-Бомонъ.—Великодушіе Императрицы.—Таинственная причина ея поведенія по отношенію Головиной.—Она интересуется *Воспоминаніями* графини. III. Высылка іезуитовъ.—Жертвы революціи: княгиня Любомірская и ея дочь.—Болѣзнь и отставка графа Толстого.—„Проблескъ сближенія“ съ Императрицей.—Графъ Головинъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. IV. Новыя встрѣчи съ Императрицей.—Упорная загадка.

I.

Домъ, занимаемый мною на Каменномъ Островѣ, находился у дороги, по которой постоянно ходили прохожіе, и окна были такъ малы и низки, что, вовсе не желая этого, я ни на одну минуту не теряла изъ виду этого волшебнаго фонаря. Подобное развлеченіе слишкомъ противорѣчило моимъ страданіямъ и удручало меня различнымъ образомъ. Видъ изъ оконъ и съ балкона былъ прекрасенъ. Вечеромъ я слышала вдали звуки роговъ. Хотя эта музыка не имѣла никакого отношенія къ моимъ воспоминаніямъ, она печально настраивала меня.

Сладостная гармонія оживляетъ въ насъ, я не знаю, что-то такое чувствительное, переносящее насъ къ тому, что трогаетъ и волнуетъ насъ.

Я много принимала утомительныхъ визитовъ. Мужъ потребовалъ отъ меня, чтобы я представила ко двору мою младшую дочь. Императоръ возвратился на нѣкоторое время, предстоялъ петергофскій праздникъ: надо было везти туда дочь; это было ровно черезъ мѣсяцъ послѣ смерти г-жи де-Тарантъ. Я повиновалась, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, и поѣхала ко двору съ растерзаннымъ сердцемъ.

Императрица мать была особенно милостива ко мнѣ; она проявила ко мнѣ большое участіе во время моего горя и посылала каждый день справляться обо мнѣ. Я не замѣчала окружавшей меня толпы. Когда бываешь погруженъ въ большую скорбь, то только внутренніе взоры могутъ видѣть. Императоръ обратился ко мнѣ съ обычными выраженіями сожалѣнія. Всѣ, кого я встрѣчала первый разъ послѣ смерти моей подруги, старались обращаться съ общими мѣстами, такъ мало способными утѣшить. То, что я потеряла, непоправимо и я буду считать себя счастливой, если мнѣ удастся встрѣтить нѣкоторое сходство съ тѣмъ, чего безпрерывно ищетъ мое сердце.

Герцогиня Виртембергская жила также на Каменномъ-Островѣ. Я часто видѣлась съ ней и это было мое единственной утѣшеніе въ это печальное время. Каждое утро я около часу гуляла въ рощѣ, погруженная въ печальную задумчивость, почва, казалось, исчезала изъ-подъ моихъ ногъ и мои прогулки сопровождались рыданіями.

Въ это время я получила письмо отъ Императрицы Елизаветы:

Брухзаль, сего 14|26 іюля 1814 года.

«Отчего я не могу придать моимъ словамъ всю силу моихъ чувствъ, бѣдная подруга! Вы найдете здѣсь участіе самое глубокое, которое кто-либо можетъ принять въ вашей скорби. Только сегодня узнала я о незамѣнимой потерѣ вашей и всѣхъ, кто признаетъ и умѣетъ цѣнить достоинство. Что касается меня, какимъ сожалѣніемъ обязана я ей за тѣ чувства, которыя она питала ко мнѣ! Я прилагаю здѣсь кольцо, которое я выбрала для нея и дожидалась случая, чтобы послать ей: вы будете носить его въ этомъ смыслѣ; обѣщайте мнѣ это. Какъ вы должны были страдать! Какую пустоту теперь вы должны испытывать! Мнѣ очень мучительно находиться вдали отъ васъ въ это время и, если бы я позволила бы себѣ сдѣлать замѣчаніе по поводу воли Божьей, я жаловалась бы на то, что Онъ посылаетъ дорогимъ для меня людямъ самыя тяжелыя скорби какъ разъ въ то время, когда я нахожусь вдали отъ нихъ и не могу объ нихъ позаботиться. Мнѣ кажется, что Богъ давно находилъ ее достойной приблизить къ Себѣ, но Онъ предоставилъ ей въ мірѣ вкусить наибольшее счастье, единственное, которымъ она могла насладиться. Она счастлива; она окончила свою тяжелую урочную работу. И вотъ, быть можетъ, она соединилась съ тѣми, кого она оплакивала здѣсь; но вы, вы, бѣдная подруга, какъ вы нуждаетесь въ сожалѣніи! Берегите ваше здоровье. Мнѣ не надо говорить вамъ это: вы никогда не забудете, какія обязанности прикрѣпляютъ васъ къ этой жизни. Одинъ Богъ знаетъ, когда и какъ я съ вами увижусь. Три недѣли тому назадъ я думала быть въ Петербургѣ въ будущемъ мѣсяцѣ; но Императоръ, пріѣхавъ сюда, рѣшилъ иначе. Онъ нашелъ лучшимъ, чтобы я подождала его здѣсь, чтобы черезъ шесть недѣль пріѣхать къ нему въ Вѣну и пробыть тамъ съ нимъ время конгресса. Это соображеніе и его желаніе должны были повліять на мое рѣшеніе, но это опечалило меня. Я испытываю безпокойство и невыразимое нетерпѣніе возвратиться въ Россію. Богъ дѣлаетъ иногда изъ положенія наиболѣе привлекательнаго самое тяжелое испытаніе. Ахъ! Я болѣе, чѣмъ когда-либо убѣждена, что нѣтъ ни счастья, ни покоя, какъ только въ будущей жизни! Я говорю вамъ о себѣ и не извиняюсь за это: я слишкомъ увѣрена въ вашей дружбѣ, чтобы не думать, что даже среди вашей печали вы интересуетесь тѣмъ, что меня касается. Нѣтъ такихъ друзей, какъ вы, и пріятно полагаться на такое сердце. Я знаю какъ болѣлъ вашъ мужъ, я знаю, что дѣлала Паша. Пусть Богъ сохранитъ вамъ эти дорогія существа и вы опять будете счастливы въ этой жизни. Передайте имъ все, что я чувствую за нихъ и за васъ. Пишите мнѣ, надѣюсь, это не будетъ нескромностью просить васъ объ этомъ. Излейте всю свою печаль въ мое сердце, которое сумѣетъ оцѣнить ее. Пишите мнѣ о той, кого вы только что потеряли; раз-

скажите мнѣ всѣ подробности ея послѣднихъ минутъ. Я чувствую потребность знать это. Прощайте, бѣдный, бѣдный другъ; да поддержитъ васъ Богъ».

Это письмо наполнило меня чувствительной благодарностью. Моя глубокая привязанность къ Императрицѣ была единственнымъ, что могло облегчить тяжесть моего сердца.

Мое существованіе перемѣнило свой характеръ. Преданнаго и вѣрнаго друга не существовало болѣе. Приходилось всецѣло посвящать себя другимъ и у меня не было больше дружбы, безпрерывно поддерживавшей меня. Чувствительныя привязанности, оставшіяся у меня, требовали полнаго самопожертвованія, и я безропотно подчинилась этому. Когда Богъ отнимаетъ у насъ предметъ чувствительной любви, Онъ привлекаетъ насъ къ Себѣ еще съ большей силой.

Нѣкоторые разсчетливые люди говорили: «Когда имѣютъ такихъ дѣтей, какъ ваши, то можно утѣшиться». Но дѣти, которыхъ я нѣжно люблю, были у меня и при жизни подруги. У меня было какъ бы ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней, составлявшее основаніе моего счастья; самый красивый камень потерялся и не можетъ быть замѣненъ; ожерелье разрознено. Надо понимать, чтобы судить, и не прилагать свою манеру относиться къ чувствамъ другихъ.

Каждый по своему принимаетъ удары судьбы.

Возвратясь въ свой городской домъ, я испытала массу ощущеній, которыя мнѣ было бы трудно передать.

Комната, гдѣ умерла г-жа де-Тарантъ, была для меня дороже всякихъ сокровищъ. Я спала въ комнатѣ рядомъ и мнѣ часто казалось, что я слышу ея стоны. Мои друзья навѣщали меня. Герцогиня продолжала съ участіемъ относиться ко мнѣ и привязала меня къ себѣ на всю жизнь.

Приблизительно около этого же времени въ Петербургъ пріѣхала Аглая Давыдова, урожденная Грамонъ [1]). Г-жа де-Тарантъ питала къ этой молодой женщинѣ настоящую привязанность. Ея несчастія, ея молодость, опасности, окружавшія ея, требовали поддержки. Моя уважаемая подруга взяла на себя эту роль. Благодарность и привязанность Аглаи къ ней возбудили мое участіе. Довѣріе, проявленное ею, заставило меня постараться быть ей полезной. Я смѣю думать, что имѣла счастье предохранить ее отъ нѣкоторыхъ опасностей. Но пустота, которую я чувствовала и чувствую теперь, всегда остается той же.

[1]) Аглая-Анжелика-Габріэль(1787—1847), дочь графа де-Грамонъ, товарища по изгнанію, Людовика XVIII въ Россіи,вышла замужъ за полковника кавалегвардовъ Александра Львовича Давыдова. Въ 1835 году вторично вышла замужъ за маршала графа Себастьяни.

II.

Политическія событія, значительныя и важныя, интересовали меня только на половину. Все потеряло цѣну въ моихъ глазахъ съ того времени, какъ у меня не было, съ кѣмъ бы я могла подѣлиться. Я была счастлива только, когда, оставаясь наединѣ съ Богомъ, вызывала душу г-жи де-Тарантъ, прося ее помолиться за меня.

Вѣнскій конгрессъ, вмѣсто назначенныхъ шести недѣль, продолжался девять мѣсяцевъ. Продолжительность политическихъ операцій приводила въ унынie общество и прекрасная слава Императора теряла свой блескъ въ глазахъ нѣкоторыхъ людей. Міровое зрѣлище, двигаемое великими событіями, можетъ быть сравнено съ ходомъ театральной пьесы. Если поразительныя мѣста пьесы не слажены такъ, чтобы повести за собой благородную и ясную развязку, пьеса кажется неудачной. Напряженіе умовъ, жадныхъ до предсказаній, въ концѣ-концовъ вводитъ ихъ въ заблужденіе и таинственная пріостановка въ политикѣ всегда возбуждаетъ подозрѣнія.

Императрица была въ Вѣнѣ во время празднествъ, потомъ она вернулась къ принцессѣ своей матери.

Появленіе Бонапарта во Франціи окончательно повергло въ унынie общество.Опять показалась эта мятежная шайка,которую обстоятельства сковали на мгновеніе. Но Императоръ Александръ, предназначенный Провидѣніемъ защищать законное дѣло, на этотъ разъ при помощи Англіи, восторжествовалъ надъ этой попыткой и второй разъ обезпечилъ вступленіе французскому королю во владѣніе своимъ государствомъ.

Людовикъ XVIII не былъ принятъ съ энтузіазмомъ; его королев-

ская корона болѣе, чѣмъ когда-либо, стала терновымъ вѣнцомъ; союзники предлагали раздѣлить его государство. Но Императоръ Александръ опять выступилъ защитникомъ справедливаго дѣла.

Приближался моментъ возвращенія Императора и Императрицы. Они пріѣхали въ декабрѣ мѣсяцѣ, и дворъ сталъ блестящимъ. Принцъ Оранскій пріѣхалъ въ Петербургъ немного спустя послѣ Ихъ Величествъ, и свадьбы двухъ Великихъ Княженъ повели за собой большое число празднествъ. Согласно письму, полученному мною отъ Императрицы и приведенному выше, мнѣ дозволено было питать нѣкоторыя надежды. Я видѣла Императрицу въ свѣтѣ, во дворцѣ; ея стѣсненіе со мной и холодный видъ Императора очень разочаровали меня, доказывая, что мнѣ предназначены новыя испытанія.

Я покорилась съ большимъ мужествомъ, чѣмъ когда еще со мной не случилось несчастья. Глубокая скорбь способна разрушить иллюзію. Мои неизмѣнныя чувства къ Императрицѣ торжествовали надо всѣмъ. Мое сердце страдало, но самолюбіе не было оскорблено.

Я часто получала письма отъ моихъ парижскихъ подругъ. Ихъ любовь увеличилась ко мнѣ послѣ смерти г-жи де-Тарантъ. Баронесса де-Бомонъ, ея старинная подруга, бѣдная и добродѣтельная жила въ это время только на пенсію, которую ей выдавала г-жа де-Тарантъ, но такимъ образомъ, что баронесса думала, что получала помощь отъ Императрицы. Деликатное чувство, старавшееся скрыть свои благодѣянія, заставляло г-жу де-Тарантъ прибѣгнуть къ этому замаскированію еще и потому, что безъ помощи Императрицы она едва ли бы могла помогать своей подругѣ. Она тайно получала отъ Ея Величества пенсію въ 5000 рублей. Когда г-жа де-Тарантъ умерла, я рѣшилась испросить для баронессы продолженіе пенсіи. Я осмѣлилась говорить объ этомъ Императрицѣ и, лишенная возможности видѣться съ ней наединѣ, я обратилась къ ней съ этой просьбой на балу у Императрицы матери. Я думала, что не надо заботиться о себѣ, когда дѣло идетъ объ оказаніи услуги другимъ и что не надо падать духомъ передъ препятствіями, которыя можно преодолѣть усердіемъ и стараніемъ. Я также много разсчитывала на желаніе Императрицы дѣлать добро и на воспоминаніе, которое она хранила о г-жѣ де-Тарантъ. Моя попытка удалась; она приказала мнѣ прислать съ мужемъ записку по этому поводу. Я повиновалась безъ промедленія и на слѣдующій же день получила деньги и записку слѣдующаго содержанія:

«Я посылаю графу Головину пенсію за годъ и я съ удовольствіемъ буду продолжать ее уплачивать г-жѣ де-Бомонъ. Я посылаю эту сумму ему, потому что въ то же время мнѣ надо ему послать и еще другую сумму. Мнѣ очень досадно, что я не имѣю возможности поговорить съ вами; я сдѣлала бы вамъ тысячу вопросовъ; но *въ данное время* это невозможно. Надо подождать. Сколько перемѣнъ приводитъ съ собой время! Могу ли я пока справиться у васъ объ вашей исторической работѣ. Послѣ несчастья, испытаннаго вами, я думаю, что вы ею не занимались, но я также увѣрена, что вы не забыли про нее и очень желала бы, если это возможно, увидѣть ее. Въ моемъ уединеніи всѣ роды умственныхъ занятій спасительны для меня, а эта работа была бы отдохновеніемъ. Какъ-нибудь, когда вы можете сдѣлать это безъ особаго труда, соберите всѣ бумаги и пошлите мнѣ, *если это возможно,* если же это невозможно, скажите мнѣ, я безъ огорченія откажусь отъ этого».

Вотъ мой отвѣтъ на письмо Ея Величества:

«Благодѣяніе, которое Ваше Императорское Величество оказали г-жѣ де-Бомонъ, наполняетъ меня благодарностью. Все, что имѣетъ отношеніе къ памяти г-жи де-Тарантъ обладаетъ особой властью надъ моей душой. Вы смягчите скорбь очень страдающаго существа; Вы возвратите жизнь той, которая совсѣмъ потеряла надежду жить. Это благодѣяніе такъ же пріятно мнѣ, какъ и г-жѣ де-Бомонъ, въ особенности потому, что Вамъ, Ваше Величество, мы имѣемъ счастье быть за него обязаннымъ. Что касается *историческихъ Воспоминаній*, то я не могу послать мое маранье Вашему Величеству. Рукопись необходимо переписать; я слишкомъ плохо вижу, чтобы сдѣлать это; я потеряла зрѣніе почти на три четверти послѣ этого ужаснаго несчастья; я пишу днемъ съ очками, а вечеромъ и они не даютъ мнѣ никакого облегченія. Если вы довѣряете моей дочери, за которую я отвѣчаю, какъ за себя, то я поручу ей это. Г-жа де-Тарантъ переписала наши рукописи по смерть Императора Павла. Именно тамъ Вы остановились. Я продолжала съ этого времени писать все, что касалось меня лично, прибавивъ, что не находясь вмѣстѣ съ Ея Величествомъ, моя исторія не можетъ слѣдовать за ней, и что я буду

продолжать разсказъ до того момента, когда, возвратившись изъ путешествія, я была приближена Ея Величествомъ и могла узнать точную правду. Я описывала мои путешествія и остановилась на смерти моей матери во время пребыванія въ Дрезденѣ. Я не продолжала съ тѣхъ поръ: болѣзнь, страданія моей уважаемой подруги заполнили меня всю. Осмѣлюсь признаться Вашему Величеству, что эта потеря, эта смерть и эта печаль такъ же живо чувствуются мною сейчасъ, какъ и въ первую минуту. Я возьмусь за эту работу, если Ваше Величество желаетъ ею заняться. Ваше Величество увидитъ изъ того, что я имѣла честь сказать, съ какого момента надо начать. Если Ваше Величество приказываетъ, я пришлю съ мужемъ отрывки, которые Ваше Величество соизволили мнѣ довѣрить.

Повѣрьте, Ваше Величество, что я всегда съ уваженіемъ подчинюсь обстоятельствамъ, имѣющимъ отношеніе къ Вашему Величеству. Моя судьба не быть признанной; моя совѣсть слишкомъ чиста, чтобы оправдываться. Повѣрьте, что что бы ни случилось, моя почтительная преданность и вѣрность останутся тѣми же. Я радуюсь и благодарю Бога, что привязана къ вамъ только изъ-за Васъ, а не какъ любятъ въ этомъ жалкомъ мірѣ.

Примите милостиво мое наиболѣе почтительное уваженіе».

Послѣ этого письма я увидѣлась съ Императрицей на одномъ балу. Она сказала мнѣ оставить рукопись въ такомъ видѣ, въ какомъ она была, но я продолжала ее для себя.

III.

Немного времени послѣ возвращенія Ихъ Величествъ въ С.-Петербургъ были высланы іезуиты. Этотъ суровый актъ былъ вызванъ опасеніемъ совращенія православныхъ въ католическую вѣру. Подозрѣвали, что они старались обратить многихъ, особенно дамъ изъ общества, и Императоръ былъ принужденъ принять соотвѣтственныя мѣры. Это событіе привело къ тягостнымъ послѣдствіямъ для многихъ семействъ, и той же причинѣ я должна приписать очень замѣтную холодность, проявленную Императоромъ по отношенію ко мнѣ. То нѣкоторое вниманіе, которое онъ соизволилъ оказать моимъ дѣтямъ

и мнѣ, я могу отнести только насчетъ его милостиваго отношенія къ моему мужу. Весною Катишь Любомирская извѣстила меня о пріѣздѣ графини Ржевусской, нѣмецкой кузины ея мужа. Я слыхала объ ней уже давно и относилась къ ней съ особымъ уваженіемъ. Заря ея жизни прошла въ тюрьмѣ; она родилась во Франціи и осталась тамъ съ матерью, которая была одной изъ жертвъ революціоннаго варварства; она была лишена жизни послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія [1]). Ея дочь семи лѣтъ осталась одна на попеченіи тюремщика. Онъ плохо обращался съ нею и отказывалъ ей даже въ черномъ хлѣбѣ, составлявшемъ ея единственную пищу. Князь Любомирскій, отецъ Розаліи (имя графини), былъ на французской службѣ, но въ это время не находился во Франціи и не зналъ о судьбѣ, постигшей его дочь. Наконецъ онъ узналъ объ ней и потребовалъ ее. Лицо, взявшее на себя это порученіе, пріѣхало всего за три дня, какъ Розалію должны были помѣстить въ воспитательный домъ. Тамъ бы она была потеряна навсегда.

Такое необычное начало, казалось, только подготовило ея добродѣтели. Ея умъ является цвѣткомъ ея души. Я познакомилась съ г-жей Ржевусской. Катишь привезла ее ко мнѣ 15 мая (1810 года), два дня спустя послѣ ея пріѣзда въ Петербургъ. Моя дружба съ г-жей де-Тарантъ интересовала ее уже давно; исторія ея смерти поразила графиню необычайною близостью ея души съ душою принцессы де-Тарантъ и сходствомъ между ихъ характерами и убѣжденіями. Это сходство поразило меня; оно отвлекло мое сердце отъ печали, въ которую оно погружалось такъ часто. Знакомство съ нею повліяло на мою жизнь и, говоря о себѣ, я должна говорить и о ней.

Императоръ не взялъ съ собою графа Толстого, здоровье котораго ухудшилось; у него не было силъ выносить быстроту поѣздокъ Его Величества. Главнымъ образомъ этимъ путешествіямъ и волненіямъ, связаннымъ съ его должностью, надо приписать его болѣзнь.

---

[1]) Розалія Ходкевичъ, была за мужемъ за княземъ Александромъ Любомирскимъ, Кастеляномъ Кіева, была захлючена въ тюрьму по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ Маріей Антуанеттой и эмигрантами и казнена въ 1793 году. Ея единственная дочь вышла замужъ за Вячеслава Ржевусскаго, извѣстнаго своими путешествіями по Востоку. Она оставила мемуары, до сихъ поръ неизданные и принадлежащіе герцогу де-Сермонета въ Римѣ.

Она была долгой и тяжелой, съ короткими минутами покоя и улучше нія. Онъ былъ очень огорченъ своей разлукой съ Императоромъ и, разставшись съ своей ролью приближеннаго, онъ увидѣлъ, какъ удалилось отъ него большое количество случайныхъ друзей. Но, сближаясь съ нами, онъ увидалъ, что у него еще были друзья.

Нѣтъ ничего сладостнѣе для сердца, какъ забыть сдѣланное намъ зло. Надо отдать справедливость графу Толстому, что онъ искренно былъ привязанъ къ Императору, но у него не было чувства мѣры въ культѣ, до котораго онъ доходилъ, и онъ безчестилъ благородную роль вѣрноподданнаго низостью слуги. Это значило наносить вредъ и своему господину, и себѣ.

Возвращеніе Императора не принесло никакой перемѣны въ его положеніи: онъ былъ слишкомъ боленъ, чтобы возвратиться къ своей службѣ. Государь навѣстилъ его и всячески старался утѣшить. Созвали весь факультетъ; они только увеличили опасность и страданія больного.

Я провела день въ моей деревнѣ, на петергофской дорогѣ. Я аккуратно, разъ въ недѣлю, ѣздила на Каменный Островъ къ графу Толстому. Я уѣзжала рано съ моими дѣтьми; мы останавливались у г-жи Ржевусской, которая отправлялась потомъ съ нами. Я всегда избѣгала встрѣчаться съ Ихъ Величествами, которыя почти каждый день навѣщали графа Толстого. Я особенно находила неудобнымъ встрѣтить Императрицу, какъ-будто я принуждала ее видѣться со мной.

Катишь жила вмѣстѣ со своимъ братомъ. Въ августѣ мѣсяцѣ съ ней случилось несчастье: у нея умерла дочь, прелестный ребенокъ. Это печальное событіе заставило меня остаться у нея дольше, чѣмъ обыкновенно. Вечеромъ, когда я стояла на балконѣ, вмѣстѣ съ г-жой Ржевусской, съ княгиней Барятинской, невѣсткой графа, и моей дочерью, доложили о пріѣздѣ Императрицы. Мы остались на своихъ мѣстахъ. Ея Величество прямо прошла въ комнату графа и тамъ видѣлась съ Катишь. Передъ уходомъ она велѣла позвать меня въ комнату, сосѣднюю съ балкономъ. Несчастье Катишь сильно взволновало ее. Она много говорила мнѣ объ этомъ. Кто же могъ лучше, чѣмъ она, раздѣлить скорбь матери. Потомъ она сказала мнѣ, что, проходя, она замѣтила меня въ окно, но не хотѣла выйти на балконъ съ красными и заплаканными глазами. Взявъ меня за руки, она говорила

мнѣ о вечерахъ, которые мы проводили въ этомъ домѣ, о тяжелой утратѣ, понесенной мною съ тѣхъ поръ, и о томъ огорченіи, которое она испытываетъ отъ того, что ничего не сдѣлала для меня.

Этотъ проблескъ единенія принесъ мнѣ больше дурного, чѣмъ хорошаго. Мое неопредѣленное и неясное положеніе въ отношеніяхъ съ Императрицей, было слишкомъ тяжелымъ противорѣчіемъ съ той дѣйствительной привязанностью, которую я испытывала къ ней. На нѣкоторое время я потеряла ее изъ виду. Жизнь въ деревнѣ давала мнѣ много мучительныхъ воспоминаній. На каждомъ шагу мнѣ попадались предметы, напоминавшіе о г-жѣ де-Тарантъ. Ея островъ, кусты, посаженные ею, возбуждали во мнѣ печальныя и мрачныя мысли о томъ, что я пережила ее.

Г-жа Ржевусская неоднократно пріѣзжала на нѣсколько дней къ намъ; ея присутствіе и очарованіе ея общества доставляли мнѣ много удовольствія. Она часто ѣздила со мною въ Павловскъ. Императрица-мать всегда милостиво принимала меня.

На маскированномъ балу, въ Петергофѣ, Государь оказалъ мнѣ честь протанцовать со мною полонезъ. Онъ много говорилъ мнѣ о мужѣ, который отсутствовалъ тогда, и выражалъ желаніе, чтобы онъ возвратился, или же хотѣлъ съ нимъ встрѣтиться въ Москвѣ, куда Государь безпрестанно ѣздилъ. Я должна прибавить здѣсь, что когда мой мужъ прощался съ Государемъ, у нихъ былъ разговоръ и Государь взялъ съ мужа честное слово, что онъ согласится на ту просьбу, съ которой обратится къ нему Его Величество. Государь пожелалъ тогда, чтобы, вернувшись, мужъ вступилъ на дѣйствительную службу.

— Клянусь вамъ,—прибавилъ онъ,—что я никогда не мѣнялся по отношенію васъ; я говорю это передъ Богомъ и передъ людьми, довѣріе, которое я питаю къ вамъ, равняется уваженію, котораго вы вполнѣ заслуживаете. Повѣрьте также, что я умѣю цѣнить все, что касается васъ.

Дѣйствительно, нѣсколько мѣсяцевъ спустя по возвращеніи моего мужа, Императоръ напомнилъ ему объ обѣщанномъ и назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта, давъ ему возможность быть дѣйствительно полезнымъ. Императоръ совершилъ путешествіе по Россіи и въ Польшу и возвратился въ началѣ октября.

Графъ Толстой расхварывался все больше и доктора объявили.

что ему надо ѣхать за границу. Онъ уѣхалъ со своей дочерью и сыномъ въ августѣ мѣсяцѣ. Они совершили тяжелое путешествіе и, предпринятое слишкомъ поздно, оно оказалось безполезнымъ для больного. Они завтракали у насъ, проѣздомъ, и я простилась съ нимъ, какъ съ умирающимъ: у него, дѣйствительно, былъ такой видъ. Онъ умеръ въ Дрезденѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ.

IV.

Зима не привела никакихъ особыхъ перемѣнъ для меня. Передъ январемъ (1817 года) я осмѣлилась напомнить Императрицѣ относительно пенсіи, назначенной ею г-жѣ де-Бомонъ. Я просила графиню Строганову, которая имѣла честь бывать въ тѣсномъ кругу Императрицы, взять на себя это порученіе; но черезъ нѣсколько дней, видя, что я не получаю никакого отвѣта, я рѣшилась говорить сама и сдѣлала это на балу. Вскорѣ, послѣ этого, я получила деньги и нѣсколько очень любезныхъ словъ.

Герцогиня Виртембергская находилась въ Витебскѣ уже полтора года. Я имѣла честь быть въ перепискѣ съ ней и часто выражала желаніе, чтобы она вернулась, какъ для Императрицы, такъ и для себя. Она пріѣхала къ новому году и я увидѣлась съ ней съ искренней радостью: ея милостивое отношеніе ко мнѣ, привязало меня къ ней на всю жизнь. Я имѣла честь неоднократно бывать у нея и черезъ это могла имѣть нѣкоторыя сношенія съ Императрицей.

Я осмѣлилась просить Ея Величество прислать мнѣ Христа изъ бронзы, котораго она соизволила принять отъ меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Она согласилась и эта посылка сопровождалась очень любезнымъ письмомъ. Я заказала копію съ Христа и возвратила его Ея Величеству. Нѣсколько дней спустя, герцогиня Виртембергская позвала меня къ себѣ, и черезъ четверть часа, къ моему большому удивленію, вошла Императрица. Она сказала мнѣ, что узнавъ, что я была у герцогини, она пожелала сама передать мнѣ письмо Толстой.

Мы сѣли. Я принесла герцогинѣ нѣсколько мыслей и воспоми

наній, записанныхъ мною. Императрица пожелала прочесть ихъ и по этому поводу разговоръ перешелъ на прошлое. Она сказала мнѣ, что сохраняетъ мою маленькую записку, гдѣ я совѣтовывала ей быть снисходительной къ другимъ и строгой самой къ себѣ; она прибавила, что часто пыталась осуществить этотъ совѣтъ на практикѣ.

Послѣ цѣлаго часа разговора, Императрица простилась со мною, пожавъ мнѣ руку. Я же поцѣловала у нея руку отъ всего сердца. Я встрѣтила ее и во второй разъ. Ея Величество была огорчена преждевременной смертью молодой женщины, нашей знакомой. Нашъ разговоръ былъ печаленъ; я находила въ немъ нѣкоторые проблески прошлаго, имѣющаго такую власть надо мною, когда предметъ, наиболѣе украшавшій его, вновь встаетъ передъ моими глазами. Когда воспоминаніе возбуждено неодушевленными предметами, оно ищетъ того, кто сдѣлалъ его чувствительнымъ, и отвлекаетъ насъ отъ всего окружающаго. Но, если оно его находитъ, волшебство чувства заставитъ насъ все почувствовать, даже воздухъ, которымъ мы дышали.

Я отправилась однажды утромъ къ герцогинѣ. Черезъ минуту дверь гостиной тихо открылась и появилась Императрица; она сказала мнѣ, входя:

— Мое сердце угадало, что я найду васъ здѣсь, и я поспѣшила прійти.

Она сѣла, говорила со мной о моемъ здоровьѣ и о необходимости для меня поѣхать на воды. Мы шутили надъ новой системой докторовъ, утверждавшихъ, что сердце находится на правой сторонѣ. Потомъ были упомянуты мои *Воспоминанія* и тонъ разговора перемѣнился. Императрица соизволила мнѣ сказать, что она очень довольна, что побудила меня предпринять эту работу. Мы говорили о томъ, что въ нихъ заключается, и послѣ нѣкоторой задумчивости она милостиво сказала:

— Боже мой, когда же мнѣ можно будетъ видѣться съ вами свободно! Надѣюсь, что скоро.

При этомъ вопросѣ я замолчала; почтительное молчаніе было единственнымъ возможнымъ для меня отвѣтомъ.

Переговоривъ о нашихъ рукописяхъ, Ея Величество ушла раньше, чѣмъ, казалось, желала этого, изъ-за туалета къ парадному обѣду. Герцогиня выразила мнѣ удовольствіе, которое она испытываетъ, видя

участіе, принимаемое Императрицей во мнѣ. Я осмѣлилась попросить у Ея Величества альбомъ съ рисунками, нарисованными для нея четыре года тому назадъ. Она прислала мнѣ его вмѣстѣ съ очень милостивой запиской, на которую я имѣла честь отвѣтить, отсылая альбомъ, послѣ того, какъ я прибавила туда кое-что новое.

Въ день Пасхи Императоръ пожаловалъ шифръ моей младшей дочери.

Я говорила здѣсь о массѣ мелкихъ событій, которыя не могутъ интересовать всѣхъ; но не надо забывать, что я пишу не *Мемуары*, а *Воспоминанія* и тѣ, которыя относятся къ Императрицѣ, очень цѣнны для меня.

Никогда съ безразличіемъ не вступаютъ вновь на тропинки, по которымъ проходили въ молодости. У сердца есть также свои тропинки, по которымъ оно любитъ слѣдовать. Чистыя и справедливыя чувства являются ихъ образомъ, а ихъ граница—наша смерть.

40780

Изданія „Сфинкса".

К. Валишевскій.

Полное собраніе сочиненій.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ:

ВОКРУГЪ ТРОНА.

(2-е изданіе).

Екатерина Великая.—Ея друзья.—Фавориты.—Интимная жизнь.

Единств. въ Россіи полн. перев. съ франц. **А. Гретманъ.**

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ: **Часть I.** Государственные люди.—Военные.—Любимые сотрудники: Орловъ, Потемкинъ, Зубовъ.—**Часть II. СѢВЕРНАЯ СЕМИРАМИДА.** Глава I. Умственная жизнь при дворѣ Екатерины.—Глава II. Писатели, ученые, артисты.—Глава III. Иностранные придворные.—Глава IV. Искатели и искательницы приключеній.—**Княжна Тараканова.—Часть III. ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ.**—Глава I. Внѣшній декорумъ.—Измѣна.—Ревность.—Драма въ зимнемъ дворцѣ.—Глава II. Интимная корреспонденція.—Глава III. Роскошь и нищета.—Утонченность и испорченность нравовъ.—Любимыя удовольствія Екатерины и т. д.

ТОМЪ ВТОРОЙ:

ЦАРСТВО ЖЕНЩИНЪ.

Екатерина I.—Анна.—Елизавета.

(ИХЪ ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ).

Единств. въ Россіи полн. перев. съ франц. **А. Гретманъ.**

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ: **Часть I. ЖЕНА и ВНУКЪ.** Глава I. Рядъ государственныхъ переворотовъ.—Глава II. Фаворитизмъ.—Меньщиковъ.—Глава III. Борьба прялокъ.—Морицъ Саксонскій.—Глава IV. Императоръ забавляется.—Петръ II.—Глава V. Олигархія и анархія.—Высшіе сановники.—Глава VI. Императорская трагедія.—Екатерина Долгорукая,—**Часть II. АННА I.** Глава VII. Попытки конституціоннаго строя.—Глава VIII. Императрица и временьщикъ.—Бирономъ.—Глава IX. Внутренняя политика.—Глава X. Воспитанники и преемники Петра Великаго.—Глава XI. Дворъ и общество.—Смерть Анны.—**Часть III. ДВА РЕГЕНТСТВА.** Глава XII. Паденіе Бирона.—Глава XIII. Анна Леопольдовна.—Глава XIV. **Елизавета.**

Роскошно изд-ан. томъ больш. формата, украш. многочисл. **портрет.**

(Томъ III—печатается).

Цѣна каждому тому 3 рубля.

ПОЛЬ АДАНЪ. Полное собраніе сочиненій. Переводъ подъ редакц. Зин. Венгеровой.

Томъ I. **Красныя мантіи.** Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Томъ II. **Декорація жизни.** Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Томъ III. **Самоотверженныя сердца.** Ром. Ц. 1 р.
Томъ IV. **Хитрость.** Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ отзывовъ печати:

...По роману **„Красныя мантіи“** Поль Аданъ рисуется, какъ своеобразный, интересный и сильный писатель, съ острой парадоксальной, иногда чуть анархически настроенной мыслью, съ смѣлыми порываніями въ область мистическаго и заповѣднаго... Русскимъ читателямъ будетъ интересенъ Поль Аданъ, это „великолѣпное зрѣлище“, по выраженію Реми-де-Гурмона. *Викторъ Гофманъ „Рѣчь“, 30 авг. 1910 г.*

Поль Аданъ—одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ французскихъ беллетристовъ. Въ его романахъ затронуты самые разнообразные вопросы, изображены люди разныхъ эпохъ и разныхъ психологій, мѣтко изображены нравы французской буржуазіи, міръ дѣльцовъ, разсказаны исторіи финансовыхъ предпріятій и краховъ, представлены театральные нравы, изображены женщины парящія въ парижскомъ свѣтѣ, а въ особенности женщины полусвѣта и т. д., и т. д. Романъ **„Красныя мантіи“** написанъ въ эпоху наиболѣе сильнаго развитія таланта Адана и представляетъ по своему содер-жанію особенный интересъ для русскихъ читателей... *„Литературныя Извѣстія“, сентябрь.*

...Какъ это ни странно, но Поль Аданъ, работающій въ литературѣ уже давно и написавшій великое множество книгъ, для насъ является новымъ писателемъ. Въ Россіи его почти не знаютъ. Между тѣмъ это—одна изъ наиболѣе интересныхъ натуръ во французской литературѣ... *„Столичная Молва“. 6-го сентября 1910 г.*

...Въ романѣ **„Декорація жизни“**, одномъ изъ лучшихъ Поля Адана по своимъ художественнымъ достоинствамъ, по сжатости психологическихъ формулъ, авторъ выдвигаетъ на первый планъ противорѣчіе между холоднымъ разумомъ, которымъ живутъ средніе люди, и горячимъ чувствомъ, которое рвется изъ рамокъ. *Зин. Венгерова.*

Висенте Бласко Ибаньесъ. Полное собраніе сочиненій. Перев. съ испанск. А. Вольтера.

Т. I. **Нагая наложница.** Ром. Ц. 1 р. 50 к.
Т. II. **Кровь и песокъ.** Ром. Ц. 1 р. 50 к.
Т. III. **Новеллы.** Содержніе: Осужденная—Заяцъ.—Двойной выстрѣлъ.—Печальная весна.—Въ морѣ.—Человѣкъ за бортомъ.—Свистъ.—Морскіе волки.—Чиновникъ.—Чудовище.—Покинутый баркасъ.—Манекенъ.—Банкетъ Розера.—У хлѣбной печи.—Чудо св. Антонія.—Мавританская месть.—Стѣна. Цѣна 1 руб.
Т. IV. **Среди апельсиновъ.** Ром. Ц. 1 р. 25 к.
Т. V. **Отцы-іезуиты.** Ром. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VI. **Отбросы жизни.** Ром. Ц. 1 р. 50 к.
Т. VII. **Соборъ.** Ром. Цѣна 1 р. 25 к.
Т. VIII. **Куртизанка Сонника.** Ром. Ц. 1 р.
Т. IX. **Тростникъ и Грязь** Романъ Ц. 1 р. 25 к.

Изъ отзыва Діонео.

Вопросы о жизни и смерти и о препятствіяхъ, мѣшающихъ человѣку создать себѣ красивое, интересное, полное смысла существованіе, занимаютъ Бласко Ибаньеса съ тѣхъ поръ, какъ онъ выступилъ на литературное поприще...

...Въ каждомъ романѣ Бласко Ибаньесъ поднимаетъ рядъ въ высшей степени важныхъ соціальныхъ и философскихъ вопросовъ; но каждое новое произведеніе даетъ также драгоцѣнный матеріалъ для изученія современной Испаніи.

Изъ отзыва проф. Л. Шепелевича.

... Не задумываясь, мы признаемъ за литературной дѣятельностью Ибаньеса большое общественное и художественное значеніе и отводимъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ испанскихъ беллетристовъ...

Отзывъ проф. Конст. Маковскаго.

...Вотъ интересный романъ, который я прочелъ съ сугубымъ вниманіемъ. Авторъ—Б. Ибаньесъ, а названіе **„Нагая наложница“**. Этотъ Ибаньесъ хорошо знакомъ съ нашей жизнью, „жизнью художниковъ“... Драма героя въ томъ, что жена его, обладающая дивнымъ тѣломъ, отказывается ему позировать во имя какихъ-то сословныхъ и религіозныхъ предразсудковъ. Вотъ ужъ отказываюсь понимать. Что можетъ быть прекраснѣе задачи—вдохновлять близкаго человѣка—мужа, вдохновлять собою, гармоніей своихъ линій и прелестью колорита, Я понимаю муки этого Реновалеса. Я самъ переживалъ бы ихъ...

Изъ отзывовъ печати.

Въ своихъ романахъ Ибаньесъ затрогиваетъ важные соціальные и философскіе вопросы и въ то же время со свойственнымъ ему реализмомъ рисуетъ разныя стороны быта современной Испаніи. Среду художниковъ изображаетъ Ибаньесъ въ романѣ „**Нагая наложница**“. Знаменитый художникъ Реновалесъ стремится освободить испанское искусство отъ религіознаго гнета, въ теченіе многихъ вѣковъ придававшаго ему мрачный колоритъ. Реновалесъ срываетъ покровы съ женскаго тѣла и обнажаетъ его красоту. *„Утро Россіи“, 28 августа 1910 г.*

...Мы не избалованы беллетристикой изъ міра художниковъ. Повѣсть Гоголя, нѣсколько вещей Кукольника, Ясинскаго и, пожалуй, обчелся. Московское книгоиздательство „Сфинксъ“ выпустило на-дняхъ объемистый томъ Бласко Ибаньеса **„Нагая наложница“**. Ибаньесъ, видимо, хорошо знакомъ съ бытомъ художниковъ своей родины. Въ его романѣ мы узнаемъ такія историческія подробрости, которыхъ не встрѣгимъ ни въ одной исторіи искусствъ. *„Биржевыя Вѣдомости, № 11892.*

Испанскій романистъ Бласко Ибаньесъ несомнѣнно крупный писатель. Произведенія его выгодно отличаются отъ множества переводныхъ романовъ, которыми запруженъ нашъ книжный рынокъ. Ибаньесъ—реалистъ и затрагиваетъ въ своихъ произведеніяхъ глубоко-сердечныя проблемы нашего врсмени. Манерѣ письма его свойственна какая-то особенно-нѣжная созерцательность. Романъ **„Нагая наложница“** читается съ захватывающимъ интересомъ. *„Московская Газета“, 30 августа 1910 г.*

Романъ **„Кровь и песокъ“** читается съ захватывающимъ интересомъ. Никто еще не описывалъ съ такимъ широкимъ захватомъ рыцарей plazza de toros, блестящихъ матадоровъ съ ихъ гастролями, побѣдами надъ быками и женщинами, ихъ своеобразной психологіей и, наконецъ, ихъ трагической гибелью. Печальный финалъ, которымъ всегда почти пересѣкается праздничная, положительно сказочная жизнь этихъ кумировъ испанской толпы... *„Биржевыя Вѣдомости“, 26-го октября, 1910 г.*

Исторія постепеннаго подчиненія милліонера вліянію отцовъ іезуитовъ мастерски изображена Б. Ибаньесомъ въ романѣ **„Отцы-Іезуиты“**. Во главѣ всѣхъ консервативныхъ элементовъ испанскаго общества стоитъ „могущественный властный орденъ іезуитовъ, всегда готовый подняться, не желающій терять своего“. Іезуиты находятъ себѣ поддержку въ тѣхъ „вѣрованіяхъ четырехсотлѣтней давности“, которыя все еще живутъ въ Испаніи. Іезуиты захватили въ свои руки высшее образованіе; они извлекаютъ выгоду изъ некультурности страны, изъ рабства женщины, „закрѣпощенной за ними своимъ невѣжествомъ и чувствительностью“. Имъ удается втереться во всѣ богатые дома... *„Утро Россіи“ 18 декабря 1910 г.*

Э. и Ж. Гонкуры.

ПОЛНОЕ РОСКОШНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I.

Проститутка Элиза.

РОМАНЪ.

Переводъ М. Бредниковой. Вступительная статья Виктора Гофмана.

„Проститутка Элиза“ — романъ, поражающій обиліемъ фактическаго матеріала, безпощадный и точный, какъ больничный скорбный листъ. При своемъ появленіи романъ вызвалъ цѣлый скандалъ: его находили грязнымъ. Описывать съ такою подробностью разнообразныя ощущенія проститутки, исторію ея паденій и жизнь въ публичныхъ домахъ, изучать эти публичные дома и ихъ завсегдатаевъ—все это казалось слишкомъ и небывало смѣлымъ. Роману грозило запрещеніе и лишь почти случайно удалось его спасти.

Въ книгѣ этой Эдмондъ Гонкуръ, по собственнымъ словамъ, говоритъ мѣстами „какъ врачъ, какъ ученый, какъ историкъ“. Дѣйствительно, сколько интимныхъ психологическихъ и даже физіологическихъ подробностей, сколько детальнаго сложенія заключено въ этой исторіи проститутки! Сильнѣйшее впечатленіе производятъ послѣднія страницы романа—описаніе тюремной жизни во всѣхъ ужасахъ ея гнетущаго распорядка, характеристика жестокой Обернской системы исправленія путемъ молчанія, доводящей Элизу до помѣщательства и идіотизма. *Викторъ Гофманъ.*

Томъ II.

Жермини Ласерте.

(Исторія служанки) .Романъ. Перев. С. Венгеровой.

„Жермини Ласерте“ — романъ, пользующійся, пожалуй, наибольшей популярностью изъ всѣхъ произведеній Гонкуровъ. Бальмонтъ назвалъ его однажды „самой трогательной изъ книгъ“. Зола говоритъ, что это было одно изъ наиболѣе жестокихъ и ужасныхъ произведеній—„нистоящая лекція по анатоміи души и тѣла“. Но это еще и одна изъ болѣе смѣлыхъ книгъ. И опять дѣйствительный фактъ изъ собственной жизни писателей послужилъ основою и канвой этого романа. Жермини списана съ ихъ служанки Розы, много лѣтъ прожившей въ ихъ домѣ и умершей на ихъ рукахъ. Лишь послѣ ея смерти совсѣмъ неожиданно стала извѣстной имъ исторія ея интимной жизни, унизительная исторія страстной женщины, изнывавшей подъ бременемъ своего тѣла, толкавшаго ее въ грязь, въ развратъ, доведшаго и до мошенничества и преступленій. *Викторъ Гофманъ.*

Цѣна каждому тому 1 р. 50 к.

Античная Библіотека „Сфинкса“.

Т. I. **Жанъ Ломбаръ. АГОНІЯ.** Романъ изъ эпохи паденія Римской Имперіи (Цезарь Элагабалъ). Роскошно-изданный томъ. Предисловіе О. Мирбо. Полн. перев. съ франц. подъ редакціей А. Воротникова. (Наложенъ арестъ). Цѣна 3 рубля.

Т. II. **Жанъ Ломбаръ. ВИЗАНТІЯ.** Перев. А. Воротникова (печатается).

Т. III. **Э. Шюрэ. ЖРИЦА ИЗИДЫ.** Перев. З. Жихаревой. Цѣна 1 р. 25 к.

ИЗЪ
БИ-
БЛІОТЕКИ
В. Г.
Ф.
РИХТЕРЪ
№ 270.
II/46-220.